

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

ФАТА МОРГАНА 7

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ДЕТЕКТИВ

DATA MORFANA

ФАНТАСТИКА

•

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

•

ДЕТЕКТИВ

АВРАМ ДЭВИДСОН

ГОРДОН ДИКСОН

ДИН МАКЛАФЛИН

ФИЛИП ХАЙ

ГАРРИ ГАРРИСОН

ПОЛ АНДЕРСОН

РЭЙ БРЭДБЕРИ

КАРЛ ДЖЕКОБИ

ДЭН МОРГАН

ГАНС КНАЙФЕЛЬ

РЕНЕ МОРРИС

ДЖАННИ МОНТАНАРИ

ДЖОН СТЕЙНБЕК

ЖОЗЕФИНА САКСТОН

ДЖИН ВУЛЬФ

ДЖУЛИАН КЭРИ

ЭДВИН ТАББ

МАРК КЛИФТОН

РОБЕРТ ПРЕССЛИ

ХАРЛАН ЭЛЛИСОН

РОН УЭББ

ФАТА МОРГАНА 7

Фантастические
рассказы
и повести

НИЖНИЙ
НОВГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ФЛОКС»
1993

ББК 84.0 США
Ф 27

Художник В. Ан

На обложке использована
работа художника Б. Вальехо

**Фата-Моргана 7: Фантастические рассказы и повести / Пер. с
Ф. 27 англ., нем. и итал. — Нижний Новгород: Флокс, 1993. — 480 с.: ил.**

ISBN 5-87198-040-6

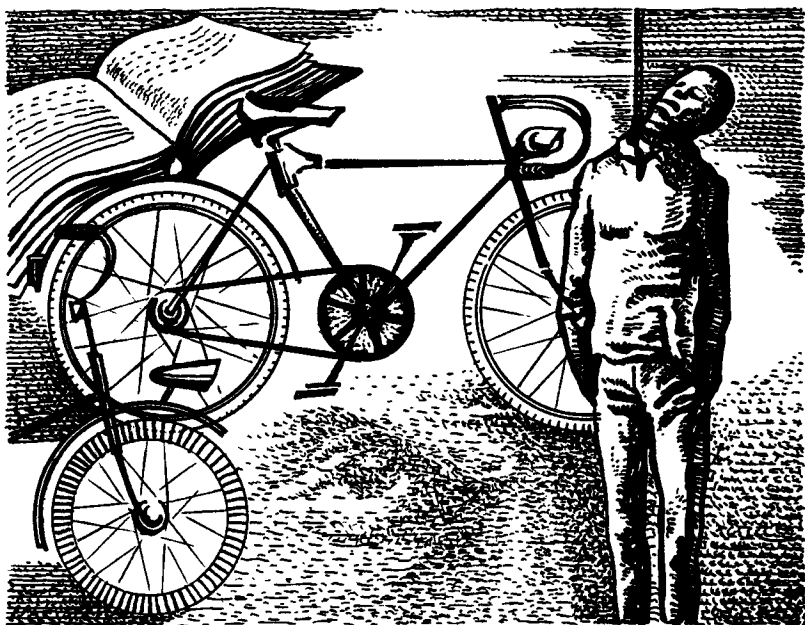
Серия «Фата-Моргана 7» представляет читателю новый сборник повестей и рассказов современных западноевропейских и американских фантастов. Все произведения публикуются на русском языке впервые.

Ф 4703040100-010
Д40(03)-93 без объявл.

ББК 84. 0 США

ISBN 5-87198-040-6

© Перевод, оформление. Издательство «Флокс», 1993

Аврам Дэвидсон

МОРЯ, ПОЛНЫЕ УСТРИЦ

— Привет, — сердечно поздоровался Оскар, когда посетитель зашел в велосипедный магазин «О и Ф». Повнимательнее приглядевшись к мужчине в очках и деловом костюме, он потер лоб и принялся щелкать толстыми пальцами.

— Однако я вас знаю, — пробормотал он, — Мистер... э-э... вернется на кончике языка.

Оскар был крупным мужчиной с огненно-рыжей шевелюрой.

— Конечно, знаете, — ответил посетитель. На лацкане у него блестел значок клуба «Лайонз». — Помните, вы продали мне детский велосипед с переключателем скоростей? Для моей дочери. Мы еще с вами говорили о том красном французском гоночном велосипеде, над которым работал ваш партнер...

Оскар шлепнул своей огромной ладонью по кассовому аппарату, поднял голову и закатил глаза.

— Мистер Уотни! — Мистер Уотни просиял. — Конечно, я вас

помню! Еще бы! Господи, как я мог забыть! И как у вас идут дела, мистер Уотни? Думаю, что велосипед — по-моему, это была английская модель, не так ли? Надеюсь, он пришелся по душе вашей дочурке, иначе вы принесли бы его обратно, а?

Мистер Уотни заверил, что велосипед прекрасный, просто прекрасный. Затем сказал:

— Как я понимаю, у вас тут кое-какие перемены? Теперь работаете один? Ваш напарник...

Оскар посмотрел в пол, оттопырил нижнюю губу и кивнул.

— Слышали, да? Такие вот дела. Так что теперь я один. Уже три месяца.

Их партнерство пришло к концу три месяца назад, хотя первые трещины появились уже давно. Фред любил книги, долгоиграющие пластинки и заумные разговоры. Оскар отдавал предпочтение пиву, кегельбану и женщинам. Каким угодно. Когда угодно.

Магазин стоял недалеко от парка, и от проката велосипедов они имели немалую выгоду. Если женщина была достаточно взрослой, чтобы ее уже называли *женщиной*, или не настолько старой, чтобы ее называли *старой* женщиной, или если она находилась где-то посредине и если она была одна, Оскар обычно спрашивал:

— Как вам этот велосипед? Подходит?

— Ну, думаю, да.

Беря другой велосипед, Оскар говорил:

— Тогда я немного с вами проеду, чтобы убедиться в этом. Фред, я сейчас вернусь. — Фред всегда мрачно кивал. Он знал, что Оскар вернется не скоро. Возвратившись, Оскар обычно говорил: — Надеюсь, дела магазина шли так же хорошо, как и у меня в парке.

— Вечно мне одному приходится торчать в этом магазине, — ворчал Фред.

Лицо Оскара озарялось.

— Хорошо, в следующий раз езжай *ты*, а я останусь тут. Развлекись немного. — Он, конечно, знал, что Фред — худой, долговязый, пучеглазый Фред, — ни за что на свете не поедет с женщиной в парк.

— Это пойдет тебе на пользу, — говорил Оскар, хлопая его по плечу. — Покажи им, что у тебя есть волосы на груди.

Фред бормотал, что это не его дело, есть у него волосы на груди или нет. Он тайком смотрел на свои руки — до локтей они были покрыты густыми черными волосами, а от локтей до плеч кожа была белой и безволосой. В старших классах все смеялись над ним и называли «Мохнатым Фредом». Они знали, что это ему не нравится, но все же продолжали дразнить. Как это можно, удивлялся он тогда, чтобы люди делали больно тому, кто не делал им ничего плохого? Как это можно?

Фреда волновали другие вещи. Все время.

— Эти коммунисты... — Он качал головой, читая газету. Оскар давал ему совет из трех слов, как надо поступать с коммунистами.

Еще Фреда волновала смертная казнь. — Боже, как это ужасно, а вдруг казнят невинного человека? — стонал он. Оскар замечал, что каждого может постигнуть неудача, и тут же просил гаечный ключ.

Еще Фреда волновали проблемы других людей. Как, например, тогда, когда супружеская пара приехала на тандеме с корзинкой для ребенка. Решили, видимо, подышать свежим воздухом. Когда женщина хотела поменять малышу пеленку, одна булавка сломалась.

— Почему ни у кого никогда нет булавок? — ворчала женщина, роясь в сумочке. — Никогда нет булавок.

Фред сочувственно вздыхал, даже пошел посмотреть в подсобку, хотя знал, что их там сроду не было. Ничего он там не нашел. Так они и уехали, завязав конец пеленки узлом.

За ленчем Фред посетовал, мол, как жаль, что у них не оказалось булавок. Оскар впился зубами в сэндвич, откусил половину, прожевал и проглотил. Фреду нравились необычные сэндвичи — больше всего он любил сэндвичи с плавленым сыром, оливками, анчоусом и авокадо, приправленные майонезом, — в то время, как Оскар отдавал предпочтение колбасному фаршу.

— Ребенку, наверно, было неудобно. — Фред слегка надкусил сэндвич.

— Господи, — ответил Оскар, — да ведь аптеки на каждом шагу. Даже если ты неграмотный, все равно видно, что это аптека.

— Аптеки? А, ты имеешь в виду, что там можно купить булавки?

— Ну да, булавки.

— Но... знаешь, действительно, когда вдруг понадобятся булавки, их всегда нет под рукой.

Открыв банку с пивом, Оскар сделал изрядный глоток.

— Ага! Зато полно металлических плечиков от одежды. Выбрасываю их каждый месяц, а их в шкафу так и не убавляется. Когда тебе будет нечего делать, придумай какую-нибудь штуковину, чтобы превращать плечики для одежды в булавки.

Фред отвлеченно кивнул.

— Но все свободное время я работаю над французским гоночным велосипедом.

Это была великолепная машина, легкая, быстрая, сияющая красным лаком. На ней любой мог почувствовать себя птицей. Но Фред знал, что он может вообще довести его до совершенства. Он демонстрировал велосипед каждому посетителю, пока тому не надоедали его объяснения.

Последним его увлечением стала природа, вернее, чтение книг о природе. Однажды дети наловили в парке саламандр и лягушек, посадили их в консервные банки и с гордостью показали Фреду. С этого момента работа над французским гоночным велосипедом замедлилась, и он с головой зарылся в книгах о природе.

— Мимикрия, — убеждал он Оскара, — это такая замечательная вещь.

Оскар отрывался от газеты с результатами соревнований по кеглям.

— Да, я недавно видел по телеку, как Эдди Адамс пародирует Мэрилин Монро. Вот это мимика!

Фред раздраженно качал головой.

— Мимикрия — это совсем другое. Я хочу сказать, что некоторые насекомые и пауки прикидываются листьями, сучками и так далее, чтобы их не съели птицы или другие насекомые.

На мясистом лице Оскара появилось недоверчивое выражение.

— Ты имеешь в виду, что они меняют свою форму? Так?

— Вот именно. Иногда мимикрия служит и для нападения. Например, одна южноафриканская черепаха прикидывается камнем и хватает проплывающую мимо рыбу. А на Суматре живет один паук. Когда он ложится на спину, то становится похожим на птичий помет. Так он ловит бабочек.

Оскар рассмеялся, выражая этим kloкочущим звуком свои сомнения. Он снова уткнулся в газету, и смех угас. Одной рукой он почесал рыжие заросли на животе, а затем принялся хлопать по карманам.

— Где тут карандаш? — пробормотал он и направился в подсобку, где принялся открывать ящики стола. Услышав его громкий возглас «Эй!», Фред зашел в комнатушку.

— В чем дело? — спросил Фред.

Оскар указал ему на ящик.

— Помнишь, тогда ты сказал, что здесь нет булавок? Посмотри — тут их полный ящик.

Фред посмотрел, почесал в затылке и пробормотал, что наверняка заглядывал в этот ящик.

Мелодичный женский голос донесся из зала:

— Есть здесь кто-нибудь?

Стол с его содержимым сразу же вылетел из головы Оскара, он крикнул «Иду!» и опрометью помчался в зал. Фред поплелся за ним.

В магазине стояла молодая женщина довольно плотного сложения, с хорошо развитыми икрами и роскошной грудью. Она показала Оскару на сиденье своего велосипеда. Оскар пробормотал «Угу» и смотрел больше на нее, чем на что-либо другое.

— Оно немного высокогато («Угу»), как вы сами видите. Мне нужен всего лишь гаечный ключ («Угу»). А я, дура, не взяла с собой инструменты.

Оскар автоматически произнес еще раз «Угу», затем опомнился.

— Я все сделаю за секунду, — сказал он, и, несмотря на то, что она все хотела сделать сама, стал подкручивать седло. Конечно, ему понадобилось гораздо больше времени, ведь он старался затянуть разговор с женщиной. От денег он отказался.

— Вот спасибо вам, — сказала молодая женщина. — Ну, я поеду.

— Как вам этот велосипед?

— Спасибо, все прекрасно.

— Знаете что, я, пожалуй, проседу немного с вами. Просто...

Женщина мелодично рассмеялась, и ее грудь качнулась.

— Ну, не думаю, что вы сможете меня догнать. У меня ведь гоночный велосипед.

Когда Оскар скосил глаза в угол, Фред сразу же понял, что у него на уме. Он сделал шаг вперед. Его робкое «Нет» потонуло в громком «Ну что ж, на этом велосипеде мы будем с вами на равных».

Молодая женщина хохотнула, сказала: «Ну, посмотрим» и уехала. Оскар, не обращая внимания на простертые руки Фреда, вскочил на французский гоночный велосипед и был таков. Фред, стоя в дверях, смотрел, как две фигуры, нажимая на педали, скрылись в зарослях парка. Он медленно вернулся в магазин.

Оскар приехал только поздно вечером. Он выглядел усталым, но улыбался. Широко улыбался.

— Ну и девчонка! — воскликнул он. Он покачал головой, присвистнул, махая руками, с шумом выдыхая воздух. — Да, приятель, ну и денек!

— Давай сюда велосипед, — сдавленным голосом сказал Фред.

Оскар сказал: «Да, конечно», вручил ему велосипед и пошел мыться. Фред посмотрел на свое детище. Красный лак скрылся под слоем пыли и грязи. Между спиц торчали пучки сухой травы. Велосипед выглядел неряшливым и униженным. А ведь он летал, как птица...

Оскар вышел с мокрыми волосами и сияющим лицом. Вскрикнув, он направился к Фреду.

— Не подходи, — сказал Фред, у него в руке блестел нож. Он снова принялся резать шины и седло.

— Ты что, спятил? — заорал Оскар. — Совсем рехнулся, Фред? Ну не надо, Фред!

Фред вырвал спицы, согнул их и бросил в угол. Схватив самый большой молоток, он принялся крушить велосипед, превращая его в бесформенную грудку железа. Он наносил удары, пока не выбился из сил.

— Ты не только псих, — с горечью сказал Оскар, — ты еще и ревновец. Катись-ка ты к черту! — И он выскочил из магазина.

Фред, чувствуя себя больным и опустошенным, закрыл магазин и медленно побрел домой. Читать ему не хотелось, и, выключив свет, он плюхнулся на кровать, где долгое время лежал без сна, прислушиваясь к ночным звукам и отгоняя прочь навязчивые мысли.

После этого он несколько дней не разговаривал, разве что по делу. Изуродованный гоночный велосипед валялся за магазином. Недели две никто из них не выходил на задний двор, чтобы не видеть его.

Однажды, когда Фред пришел на работу, партнер приветствовал его в дверях, протягивая руку. Оскар принялся восхищенно качать головой еще до того, как стал говорить.

— Как это у тебя получилось, Фред? Как ты умудрился это сде-

лать? Надо же, высший класс — вот тебе моя рука — забудем про обиды, Фред, а?

— Конечно, конечно. Но я не понимаю, о чем это ты?

Оскар повел его на задний двор. Новехонький французский гоночный велосипед стоял у стены, сияя красным лаком. На нем не было ни царапины.

У Фреда отвисла челюсть. Присев на корточки, он внимательно осмотрел машину. Это был его велосипед. Все усовершенствования, которые он сделал, были на месте.

Он медленно выпрямился.

— Регенерация...

— А? Что ты сказал? — спросил Оскар. — Слушай, парень, да ты белый, как полотно. Ты что, не выспался сегодня? Пойди присядь. И все же я до сих пор не понимаю, как тебе это удалось?

Войдя в магазин, Фред опустился на стул. Облизнув губы, он сказал:

— Оскар, послушай...

— Ну?

— Оскар, ты знаешь, что такое регенерация? Нет? Тогда слушай. Некоторые ящерицы теряют хвост, когда за него хватаются, а потом он снова у них вырастает. Если краб теряет клешню, он регенерирует себе новую. Есть еще некоторые черви, которых режут на куски, и у каждого куска вырастает неподвижная часть. То же самое у гидр и морских звезд. Саламандры и лягушки могут отращивать себе оторванные лапы.

— Да, Фред, природа — это так интересно. Но вернемся к велосипеду — как тебе удалось так ловко отремонтировать его?

— Я не притрагивался к нему. Он регенерировал, как тритон. Или краб.

Оскар обдумал услышанное. Наклонив голову, он исподлобья посмотрел на Фреда.

— Скажи тогда, Фред, почему же этого не происходит с другими поломанными велосипедами?

— Это необычный велосипед. Я хочу сказать, не настоящий. — Перехватив взгляд Оскара, он закричал: — Это правда!

Этот крик окончательно сбил Оскара с толку. Он встал.

— Ладно, не будем спорить. Пусть все эти рассказы про жуков и пауков чистая правда. Но они живые существа. А велосипед — нет. — Он торжественно посмотрел на Фреда.

Фред глядел в пол, покачивая ногой.

— Стекло тоже неживое, но при определенных условиях может регенерировать. Оскар, посмотри, булавки все еще в ящике. Пожалуйста, Оскар.

Он слышал, как Оскар бормочет, шаря в столе. Затем раздался грохот задвигаемых ящиков, и Оскар вышел из подсобки.

— Ничего нет, — сказал он, — все пропало. Как сказала та леди и

как сказал ты, никогда нет булавок, когда они вдруг понадобятся. Они исчезли... Фред, ты куда?

Фред рывком распахнул дверцы шкафа и отпрыгнул назад, когда там зазвенели плечики для одежды.

— И как сказал ты, — губы Фреда скривились, — зато всегда полно плечиков для одежды. Ведь раньше их тут не было.

Оскар пожал плечами.

— Может, кто-нибудь вошел, забрал булавки и повесил плечики. Может, я... Хотя, нет, я этого не делал... — Оскар нахмурился. — Может, ты во сне пришел сюда? Фред, тебе стоит показаться доктору. Господи, ты выглядишь ужасно.

Сев на стул, Фред закрыл лицо руками.

— Я чувствую себя ужасно. Знаешь, чего я боюсь? — Он шумно выдохнул воздух. — Я тебе скажу. Я уже рассказывал, как некоторые существа в джунглях могут прикидываться другими. Сучками, листьями... Жабы, которые похожи на камни. Представь себе, что есть... вещи, которые живут среди людей. В городах. В домах. Эти вещи могут притворяться... ну, теми вещами, которые есть у людей.

— Живут среди людей? Ты с ума сошел!

— Может, это другая форма жизни. Может, они питаются воздухом, Оскар, а что, если это не булавки, а куколки? Потом они превращаются в личинки, которые выглядят как плечики для одежды? Ты думаешь, что это плечики, а на самом деле это нечто другое. Совсем другое.

Фред зарыдал. Оскар посмотрел на него, качая головой.

Через минуту Фред успокоился. Он шмыгнул носом.

— Все эти велосипеды, которые находят полицейские и которые они отдают в стол находок. Владельцы не приходят за ними. Потому что владельцев нет. Или когда мальчишки, которые пытаются продать нам велосипеды, которые они якобы нашли... Это действительно так, потому что эти велосипеды не сошли с заводского конвейера. Они выросли. Да, они растут. Ты их ломаешь и выкидываешь, а они регенерируют.

Оскар покачал головой и посмотрел в сторону.

— Ну и дела, — сказал он. — Фред, ты что, хочешь сказать, что если сегодня это булавки, то завтра они превращаются в плечики для одежды?

— Сегодня это коконы, — сказал Фред, — а завтра мотылек. Сегодня это яйцо, а завтра цыпленок. Но все это происходит не днем, когда ты можешь это видеть. Однако ночью, Оскар, — ночью слышно, как все это происходит. Все эти звуки по ночам...

— Почему же наш магазин не завален до потолка велосипедами? Если бы вместо каждого плечика был велосипед...

Фред тоже задумался над этим.

— Если бы каждый малек трески, — сказал он, — или каждая икринка устрицы достигали бы зрелости, можно было бы ходить по

мору, наступая им на спины. Но одни умирают, других поедают хищники. Поэтому природа производит максимум устриц, чтобы необходимый минимум мог достигнуть зрелости.

Тогда Оскар спросил, а кто, гм, тогда, гм, поедает, гм, плечики для одежды?

Фред смотрел куда-то далеко перед собой.

— Ты должен понять, о чем идет речь. Я называю их «ложными друзьями». Когда в школе мы учили французский, учитель говорил, что некоторые французские слова похожи на английские, но означают совсем другое. Он говорил, что такие слова называются *faux amis*. Ложные друзья. Псевдо-булавки, псевдо-плечики. Кто их поедает? Трудно сказать. Может, псевдо-пылесосы?

Его партнер застонал и хлопнул себя по коленям.

— Фред, — сказал он, — ради Бога... Знаешь, в чем твоя ошибка? Ты слишком оторван от жизни. Забрось свои французские книжки про жуков. Выйди на улицу, проветришься. Пообщайся с людьми. Знаешь что? Когда в следующий раз Норма — это имя той подруги с велосипедом — придет сюда, ты сядешь на красный гоночный велосипед и поедешь с ней в парк. Я не буду возражать. Думаю, она тоже не будет. А если и будет, то не особенно.

Но Фред отказался.

— Я никогда больше не притронусь к этому велосипеду. Я его боюсь.

Услышав это, Оскар поднял своего партнера и поволок его к гоночному велосипеду.

— Это единственный способ преодолеть страх!

Фред, с бледным лицом, залез на велосипед, но уже через секунду лежал на полу, стеноя.

— Он меня сбросил! — вопил Фред. — Он хотел меня убить! Смотри — кровь!

Оскар сказал, что это он сам свалился от страха. Кровь? Сломанная спица поцарапала щеку. И он снова хотел заставить Фреда сесть в седло.

Но с Фредом случилась истерика. Он кричал, что никто теперь не может чувствовать себя в безопасности, что надо предупредить человечество. Оскару пришлось потратить немало времени, чтобы успокоить его, отвезти домой и уложить в постель.

Конечно, Оскар не стал рассказывать об этом мистеру Уотни. Он просто сказал, что его партнеру опротивели велосипеды.

— Я никогда не стараюсь переделать мир, — сказал Оскар. — Я принимаю его таким, какой он есть.

Мистер Уотни сказал, что у него точно такая философия. Потом он спросил, как идут дела в магазине.

— Ну... не так уж и плохо. Вы знаете, я женился. Жену зовут Норма, и она без ума от велосипедов. Так что дела идут неплохо. Работы, конечно, прибавилось, зато я могу все делать по-своему.

Мистер Уотни кивнул и оглядел магазин.

— Я смотрю, дамские велосипеды выпускают до сих пор, хотя многие женщины ездят в брюках. Зачем они нужны?

— Не знаю, — ответил Оскар. — Мне все равно. Вы никогда не думали, что велосипеды похожи на людей? Я имею в виду, что из всех машин в мире только велосипеды бывают мужскими и дамскими.

Мистер Уотни хохотнул, сказал: «Точно» и добавил, что никогда не задумывался над этим. Тут Оскар спросил: может, мистер Уотни хочет что-нибудь купить?

— Да, я хотел посмотреть, что у вас есть. Скоро у моего сына день рождения.

Оскар одобрительно кивнул.

— Вот отличная вещь, — сказал он, — нигде такой не найдете. Фирменная штучка. Сочетает в себе лучшие черты французского гоночного велосипеда и стандартной американской модели. Мы делаем его здесь. Трех размеров — детский, средний и взрослый. Красота, правда?

Мистер Уотни осмотрел велосипед и сказал, что это именно то, что ему нужно.

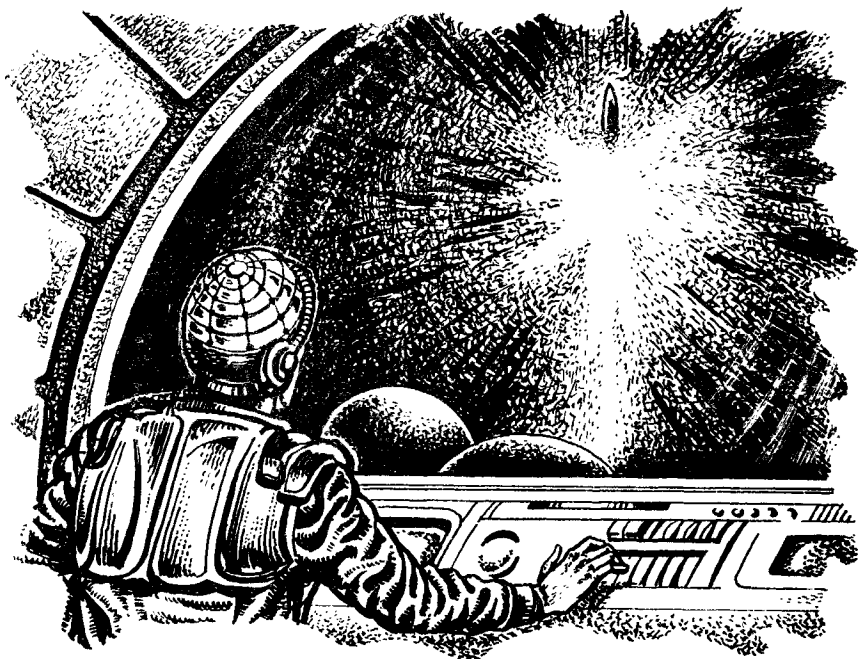
— Кстати, — спросил он, — а где тот красный французский велосипед, который раньше стоял у вас?

Оскар нахмурился, но затем его лицо разгладилось.

— А, тот старый французский велосипед! Он у меня вроде производителя, как на конном заводе.

И они оба расхохотались. Затем Оскар рассказал еще пару забавных историй, мистер Уотни купил велосипед, они выпили по этому поводу пару бутылок пива. Они снова смеялись, потом сказали: надо же, какой ужас, бедный Фред, как же это случилось, что его нашли в собственном шкафу с толстой проволокой от плечиков, которая плотно обвивала его шею.

Гордон Диксон

СТАЛЬНОЙ БРАТ

— ...Человек, рожденный женою, кратковремен и пресыщен печалью, как цветок; он выходит и опадает, убегает, как тень, и не останавливается...*

Голос капеллана, нараспев читающего слова заупокойной службы у временного аналоя, установленного прямо внутри прозрачной стены под куполом места посадки, был пронзителен и отчетлив в разреженном воздухе. Через двойные поверхности купола и пластмассового покрытия похоронной ракеты, одетый в черную форму личный состав мог видеть тело погибшего Теда Вашкевица, удобно лежащего на спине под углом 45 градусов, покоящегося в смерти, совершенно воскового от бальзамирования и неподвижного. Глаза его были закрыты, резкие тяжелые черты лица все еще хранили выражение беспечности, как будто смерть была незначительным происшествием, от которого

* Кн. Иова, 14, 1-2.

было можно легко избавиться; военная звезда была единственным ярким пятном на черной форме.

— Аминь.

Ответом был глубокий гул голосов людей, похожий на звук органа. В первом ряду кадетов с трудом двигались губы кадета Томаса Джордана, его голос механически присоединялся к их хору. Это был момент его триумфа, но, несмотря на это, вернулся старый, старый страх, давнее чувство одиночества, потери и ужаса от собственной неполноценности.

Он стоял в напряженном внимании, глядя прямо перед собой, стараясь погрузиться в единодушные своих товарищей, заглушить голос капеллана и воспоминания, которые он будил, о враждебном рейде на незащищенный город, о доме, о погибших родителях. Он вспомнил заупокойную службу над руинами города. Его подобрало правительственное агентство — его, десятилетнего мальчика, — и заботилось о нем, учило его до нынешнего дня, но не могло дать ему того, чем владели остальные вокруг него по естественному праву — мужества тех, кто воспитывался в безопасности.

С того дня он был одинок и мучился от страха. Не тронутый бомбой или миной, он был покалечен в душе. Он сам видел врага и с криком бежал от этой космической банды. И что после этого могло вернуть Томасу Джордану его душу?

Но он стоял, полный внимания, как и положено часовому, он был солдатом, и это был его дом.

Голос капеллана прервался. Он закрыл молитвенник на аналое. Его место занял капитан тренировочного корабля.

— В соответствии с обычаями Пограничных сил, — твердо заявил он, — я предаю ныне останки коменданта первого класса Теодора Вашкевича покою во времени и космосе.

Он нажал на кнопку в аналое. За куполом из хвоста похоронной ракеты расцвело белое пламя, нагревая на некоторое время каменный астероид до белизны. На мгновение ракета зависла, извергая пламя. Она поднималась, сначала медленно, потом быстро, рисуя огненную дорожку до тех пор, пока очень немногие люди могли разглядеть ее, и исчезла в неожиданно бесшумном взрыве ослепительного света.

Первые ряды вокруг Джордана расслабились. Не каким-то физическим движением, но с видимым ослаблением нервного напряжения они перешли к более прозаическому завершению церемонии. Расслабление дошло даже до капитана, поскольку он повернулся с ослабленной выправкой и сказал, обращаясь к рядам кадетов:

— Кадет Томас Джордан. Вперед и в центр.

Команда ударила Джордана ледяной дрожью. Пока шла заупокойная служба, среди своих товарищей он имел защиту анонимности. Теперь голос капитана был ножом, который отрезал его, окончательно

но и безвозвратно, от единственной защиты, которую он знал, оставил его нагим и уязвимым. Его охватило бесчувствие отчаяния. Рефлексы взяли вверх, он двигался, как робот. Один шаг вперед, глядя прямо перед собой, к концу ряда молчаливых людей, налево, три шага вперед. Остановился. Салют.

— Докладывает кадет Томас Джордан, сэр.

— Кадет Томас Джордан, сим назначаю вас комендантом этого пограничного поста. Вы будете управлять им, пока вас не освободят. Ни при каких условиях вы не вступите в контакт с врагами и не позволите никакому существу или кораблю пройти через ваш сектор пространства с наружной стороны.

— Да, сэр.

— Принимая во внимание обязанности и ответственность, налагаемые управлением постом, вы получаете звание коменданта третьего класса.

— Благодарю, сэр.

Капитан поднял с аналога шлем с серебряной проволочной сеткой и надел ему на голову. Она соединилась со специальными электродами, уже вживленными в его череп, хваткой, от которой через череп прошел звон. В течение секунды пелена света мерцала перед его глазами, и ему казалось, что он чувствует вес банков памяти, уже давящих на его сознание. Потом мерцание и давление исчезли, чтобы показать ему капитана, протягивающего руку.

— Поздравляю, комендант.

— Благодарю, сэр.

Они обменялись рукопожатиями, рукопожатие капитана было быстрым, нервным и поверхностным. Он сделал резкий шаг назад и перенес свое внимание на второго по команде офицера.

— Лейтенант! Распустите строй!

Все было кончено. Новое служебное положение замкнулось вокруг Джордана, запечатывая страх и одиночество внутри него. Не слушая крикливые команды, которые больше не имели к нему отношения, он повернулся на каблуках и стремительно зашагал, чтобы занять свой пост у выдвинутого порта тренировочного корабля. Он стоял официально в позе «смирно», ощущая бремя своей новой власти как тяжелый плащ на слабых плечах. В один миг он стал старшим из присутствующих офицеров. Офицеры — даже капитаны — номинально находились под его властью до тех пор, пока их корабль оставался на поверхности его поста. Так он неподвижно стоял по стойке «смирно», и даже самая слабая дрожь его внутреннего трепета не появилась, чтобы предательски сотрясти его тело.

Они подходили к нему свободной, темной массой, которая превращалась в отдельные ряды на дистанции салюта. По одиночке они проходили мимо и поднимались по лестнице в порт, и каждый отдавал ему салют. Он отвечал им салютом резко, механически, отгоро-

дья от тех, кто были его товарищами на протяжении шести лет, барьером своего нового положения. Это был момент, когда улыбка или непринужденное рукопожатие могло бы многое значить. Но протокол отобрал у него право на фамильярность. Мимо него теперь медленно проходили ряды незнакомцев в черной форме. Его положение было уже определено, а их еще нет. Между ними не было теперь ничего общего.

Последний человек поднялся по лестнице мимо него и исчез из виду в черном отверстии выступающего порта. Тяжелый стальной люк медленно задвинулся позади него. Он повернулся и направился к непривычной, но хорошо известной контрольной панели в главном контрольном зале Поста. На экране связи накалился красный огонек. Он повернул рубильник и заговорил в микрофон на панели.

— Пост кораблю. Даю старт.

Сверху ответил громкоговоритель.

— Корабль Посту. Готовы к старту.

Его пальцы быстро забегали по клавишам. Снаружи была убрана атмосфера, и купол отодвинулся в сторону. Автоматический тягач исчез в шахте с помощью дистанционного управления, на корабле зафиксировались огромные магнитные кулаки, развернули его на пусковую позицию, потом исчезли.

Джордан вновь заговорил в микрофон.

— Пост очищен. Даю старт.

— Спасибо, Пост. — Он узнал голос капитана. — Удачи.

Снаружи корабль поднялся на столбе пламени, сначала медленно, потом быстрее, теряясь во мраке космоса. Автоматически он задвинул купол и накачал воздух.

Он отвернулся от контрольной панели, обхватил себя руками в то мгновение, когда ощутил свою полную изоляцию, и тут в неожиданном, резком ошеломлении он вспомнил, что на поле был еще другой, меньший корабль.

Какое-то время он смотрел на корабль тупо и недоуменно. Потом память вернулась, и он понял, что корабль был маленьким курьерским судном разведки, которое было скрыто огромным тренировочным кораблем. Его офицер, должно быть, по-прежнему внизу, разрезал магнитофонные ленты последних воспоминаний бывшего часового для досье командования. Память моментально вытащила его из болота эмоций, призывая быть внимательным и обязательным. Он отвернулся от панели и пошел вниз.

Когда он пришел в бронированное основание станции, человек из разведки наполовину зарылся в банк памяти, отрезая часть стальной оболочки вокруг банка так, чтобы соединить свой магнитофон непосредственно с ячейками. Вид тяжелой горы стали с неровным разрезом сбоку, усевшейся, как раненый монстр, неприятно поразил Джордана, но он убрал с лица эмоции и решительно подошел к банку. Его

шаги зазвенели по металлическому полу, и человек из разведки, услышав их, быстро высунул голову.

— Привет! — коротко бросил он и вернулся к работе. Его голос шел из внутренности банка с дружелюбным, глухим звуком. — Поздравляю, комендант.

— Спасибо, — резко ответил Джордан. Он стоял, испытывая неловкость, неуверенный в том, что его ожидало. Пока он колебался, голос из банка продолжал.

— Как ощущение в шлеме?

Руки Джордана инстинктивно поднялись к голове и ячейкам из серебряной проволоки. Они неподатливо толкнулись под его пальцами, твердо удерживаемые электродами.

— Туго, — сообщил он.

Офицер вылез из банка, магнитофон в одной руке, а толстый глянцевый хомут ленты в другой.

— Первое время всегда так, — сказал он, засовывая один конец ленты в пружинную наматывающую катушку. — Через пару дней вы даже не будете чувствовать, есть ли там что-нибудь.

— Наверное.

Офицер с любопытством посмотрел на него.

— Ничего не мешает тут, нет? — спросил он. — Вы выглядите несколько напряженно.

— Разве подобное не происходило с другими, когда они начинали?

— Иногда, — уклончиво ответил тот. — А иногда нет. Не слышите ничего вроде ударов молотком, а?

— Нет.

— Чувствуете какое-нибудь давление внутри головы?

— Нет.

— Теперь глаза. Видите какие-нибудь пятна или вспышки?

— Нет! — выпалил Джордан.

— Полегче, — сказал офицер разведки. — Это моя работа.

— Прошу прощения.

— Все в порядке. Просто, если что-нибудь неладно с вами или с банком памяти, я хочу знать об этом.

Он поднялся от перематывающей катушки, на которую теперь была ловко собрана свободная лента. Отсоединив паяльник от своего пояса, он стал заделывать отверстие.

— Просто бывает, что свежеиспеченные офицеры слышали слишком много сказок о банке памяти в тренировочной школе и сильно нервничали.

— Сказок? — переспросил Джордан.

— Разве вы не слышали? — отвечал офицер. — Сказки о власти памяти — часовые сходят с ума от воспоминаний людей, что были на посту до них. О тех, кто впадает в кататонию, когда их сознание

теряется в прошлых историях банка, или о делах с замещением памяти, когда часовой идентифицирует себя с воспоминаниями и личностью человека, который предшествовал ему.

— А, это, — протянул Джордан. — Я слышал. — Он помолчал, а когда собеседник не продолжил разговор, спросил: — И как? Это правда?

Офицер отвернулся от наполовину заделанного отверстия и прямо взглянул в него, держа паяльник в руке.

— Кое-что, — резко ответил он. — Таких случаев совсем немного. Хотя их вообще не должно быть. Никто не старается приукрашивать факты. Банки памяти не что иное, как склад, связанный с вами с помощью вашего серебряного шлема, — приспособление, позволяющее дать вам не только способность помнить все, что вы когда-либо делали на посту, но и все, что делал там кто-либо другой.

Но было несколько впечатлительных часовых, которые позволили себе вообразить, что банк памяти — что-то вроде гроба с живущим внутри покойником. Когда это случается — беда.

Он отвернулся от Джордана и вернулся к работе.

— И поэтому вы решили, что у меня проблема, — произнес Джордан ему в спину.

Офицер хмыкнул, это был на редкость человеческий звук.

— На границе, приятель, — сказал он, — мы проверяем все возможности.

Он закончил работу и развернулся.

— Никаких неприятных впечатлений? — спросил он.

Джордан покачал головой.

— Конечно, нет.

— Тогда я пошел.

Он наклонился и подобрал катушку с аккуратно намотанной лентой, выпрямился и пошел по склону, который вел от основания к стартовому полю. Джордан шагал рядом.

— Вам больше нечего здесь делать? — спросил он.

— Только отчет. Но я могу написать его по пути домой.

Они прошли по пандусу через шлюз на поле.

— Неплохую провели работу, исправляя разрушения после сражения, — молвил он, оглядывая Пост.

— Наверное, — ответил Джордан. Оба спокойно зашагали к выступающему порту корабля разведки. — Ладно, пока.

— Пока, — ответил офицер разведки, приводя в действие механизм порта. Внешний затвор открылся, и он в несколько прыжков запрыгнул в отверстие, не дожидаясь, пока спустится маленькая лестница. — Увидимся через шесть месяцев.

Он повернулся к Джордану и отдал ему небрежный салют, держа в руке катушку. Джордан вернул салют с четкостью курсанта. Порт закрылся.

Он вернулся в главный контрольный зал и по ритуалу наблюдал за стартом корабля. Он еще долго стоял после того, как корабль исчез, потом отвернулся со вздохом, потому что почувствовал себя, наконец, в полном одиночестве.

Он ознакомился с Постом. На следующие шесть месяцев это будет его дом. Потом на следующие шесть месяцев он будет свободен и сможет уехать, в то время как Пост будет перемещен с линии для регулярного ремонта и усовершенствования.

Если он проживет так долго.

Страх, который был немного отодвинут его беседой с офицером разведки, вернулся.

Если он проживет так долго. Он стоял, терзаемый озабоченностью.

В глубине его сознания с четкостью воспоминаний пришли чужие слова из банка памяти. Кататония — случаи замещения памяти. Доминирование воспоминаний. Было ли так же и у других, могли ли они лучше переносить страх и ожидание?

И вместе с этой мыслью явилась догадка, свернувшаяся в его сознании, как змея. Что, если оно нахлынет, враждебное нашествие, а Томаса Джордана не будет здесь, чтоб его встретить? Что, если останется оболочка человека, находившегося в кататонии? Что, если они придут, и человек будет здесь, но этот человек называет и знает себя только как...

В а ш к е в и ц !

— Нет! — Крик непроизвольно сорвался с его губ.

Он очнулся с искаженным лицом и руками, наполовину вытянутыми вперед в позе человека, заклинающего призрак. Он потряс головой, чтобы выкинуть из мозга отвратительное предположение, и попятился, тяжело дыша, от контрольной панели.

Не это. Только не это. Он удивился самому себе, слабости, которая заставила его испытать дурноту от ужаса. Победить или проиграть; жить или умереть. Но как Джордан, а не кто-то другой.

Дрожащими пальцами он зажег сигарету. Итак все прошло, и он в порядке. Он вовремя догадался. Он был предупрежден. Незаметно для него — все это время — семена главенства чужих воспоминаний, должно быть, ждала внутри. Но теперь он знал, что они были тут, он знал, какие меры принять. Опасность лежала в памяти Вашкевица. Он должен отключить свое сознание от нее. Будет сражаться на посту без преимущества их опыта. Первый часовой на границе действовал без помощи банка памяти, значит, и он сможет.

Так.

Он принял решение. Включил просмотрный экран и встал перед ним, очень напряженный и точный, в центре Поста, глядя на точки,

которые были его сорока пятью механическими собаками, разбросанными на страже на протяжении миллиона километров в космосе, на управление, которое позволяло бы ему бросать их жесткие, страшные механические тела в битву с врагом, смотрел и ждал, ждал мужества, которое приходит при встрече с трудностями лицом к лицу, ждал, чтобы оно поднялось в нем и овладело им, положив конец всем страхам и сомнениям.

И таким образом он ждал долго, но мужество не пришло.

Быстро уходили недели; так и должно быть. Ему говорили, чего ждать, во время учебы, и неминуюмо, что эти первые месяцы должны быть напряженными, чтобы часть его сознания все время была начеку и ожидала колокола тревоги, который бы означал, что «собачки» дают сигнал о появлении врага. И неминуюмо, что он неожиданно будет замирать посреди обеда, с вилкой, не донесенной до рта, ежесекундно ожидая вызова, что он будет неожиданно просыпаться в полночь и лежать неподвижно и напряженно, глаза устремлены в темный потолок, и прислушиваться. Позднее, как говорили ему во время учебы, когда вы освоитесь на Посту, это постоянное напряжение ослабится, и вы станете спокойнее, и только один тихий уголок вашего сознания будет незаметно все время в тревоге. Это придет со временем, убеждали его.

И вот он ждал, ждал, когда в его душе высвободится свернутая пружина, когда он почувствует, что Пост станет уютным и дружеским к нему. Когда он впервые был оставлен в одиночестве, он сказал себе, что, конечно, в его случае ожидание будет вопросом дней; потом, когда дни прошли, а он все еще был с состоянием спускового крючка, он дал себе мысленно пару недель, потом месяц.

Но теперь без всякого расслабления прошел месяц и даже больше. Напряжение стало сказываться в нервозности его рук, появились темные круги под глазами. Он обнаружил, что не может спокойно сидеть, чтобы почитать или послушать музыку, которая имелаась в библиотеке. Он без устали ходил, бесконечно проверял и перепроверял пустое пространство космоса, которое открывали ему обзоры «собачек».

И воспоминания о том, как Вашкевиц лежал в погребальной ракете, не выходили у него из головы. И это было не так, как положено.

Он мог отказаться от воспоминаний Вашкевица, которых никогда не испытывал сам, и сделал это. Но его личные воспоминания, проникшие в сознание, когда он ничего не подозревал, было нелегко контролировать. Все, что можно было сделать, чтобы успокоить призрак, он сделал. Он старательно прочесывал Пост в поисках малейшего ремонта и поиска удобств, которые делает в своем доме одинокий человек и переставляет их даже тогда, когда перестановка означала потерю личного комфорта. Он надежно замкнул свое сознание перед кладовой банка памяти, стараясь держаться изолировано

от воспоминаний других, пока близкое знакомство не приведет его к той точке, когда он инстинктивно не почувствует, что Пост его, а не их. А так как мысли Вашкевица приходили, несмотря на все предосторожности, он сурово вытеснял их, говоря себе, что его предшественник не стоит того, чтобы считаться с ним.

Но оставался другой призрак, неосязаемый и неуязвимый, как если бы он был заключен в металл каждой стены, пола и потолка Поста. Он возникал, чтобы преследовать его воспоминания о разговорах в тренировочной школе и зловещих словах офицера разведки. В такие минуты, когда призрак настигал его, он стоял в параличе, уставившись в гипнотическом очаровании на экраны с их молчаливыми механическими стражами либо на холодную сталь банка памяти, припадающего к полу, как высиживающий яйцо монстр, он боялся быть поглощенным его мыслями, пока неожиданно — дергающий рывок воли, и он вырывался из-под власти гипноза и яростно кидался в обязанности часового, проверяя и перепроверя аппаратуру и пространство, которое она наблюдала, делая все, что возможно, чтобы утопить свои дикие эмоции в необходимости внимания к рутине.

И в итоге он обнаружил, что почти желает, чтоб начался набег, для испытания, которое проверит его и так или иначе успокоит призрак раз и навсегда.

Набег пришел, так как он знал, что придет, во время одного из редких моментов, когда он забывал о нависшей угрозе. Он пробудился на своей койке в начале произвольного десятичасового дня и лежал тут лениво и удобно; его мысли были неясными и бесформенными, как тени в глубине ленивого водоворота, которые медленно поворачиваются и не имеют определенного места.

Потом — тревога!

Оглушительный звон сверху ворвался в его жизнь, срывая его с кровати. Металлический лязг изливался в воздух, исходя из громкоговорителей в каждом помещении по всему Посту, скрежеща в неотложности, грозя бедой. Он ревел, вибрировал, грохотал, пока сами стены не стали отбрасывать этот лязг, который, кажется, в точности повторялся, так что стены приобрели собственный голос, помещение зазвенело, а потом и весь Пост загремел, как огромный колокол, зовущий его на битву.

Он вскочил на ноги и помчался в главную контрольную комнату. Сигнальное устройство высоко на стене над обзорными экранами, красный свет от «собачки» номер тридцать восемь устрашающе вспыхивали. Он бросился в операторское кресло перед экранами, сильно стукнув ладонью по выключателю, чтобы убрать сигнал тревоги.

Пост вошел в соприкосновение с врагом.

Неожиданная тишина навалилась на него, и у него перехватило дыхание. Он с трудом дышал и тряс головой, как человек, которому неожиданно плеснули в лицо стакан холодной воды, потом опустил пальцы на клавиши на приборной панели перед креслом — «Включение лучей». Включение детекторных экранов, установленных теперь на расстоянии сорока тысяч километров. Включение связи со штабом сектора.

Замурлыкал транзистор. Сверху замигал белый свет, в то время как начал пульсировать автоматический сигнал.

— Тревога! Тревога! Далее следуют данные. Передаю.

Штаб уведомляется Постом.

Активизирован обзорный экран «собачки» номер тридцать восемь.

Он смотрел на действующий экран, в широкое пространство, на которое было настроено механическое зрение «собачки». Далеко-далеко при самом большом увеличении были видны пять маленьких точек, быстро идущих по курсу десятью пунктами ниже под углом в тридцать два градуса к Посту.

Он легонько стукнул по клавише, переводя тридцать восьмой на ближний огневой контроль, и отправил аппарат вглубь, к точкам. Он просмотрел карту района Поста для нахождения местоположения других механизмов. Не хватало тридцать девятого — он был на на территории Поста для ремонта. Остальные находились в его распоряжении. Он проверил номер сорок через номер сорок пять, а тридцать седьмой через номер тридцать, чтобы свести к курсу столкновения с врагом в семидесяти пяти тысячах километров. И номера от двадцатого к тридцатому, чтобы встретить врага в пятидесяти тысячах километрах.

Началась ранняя стадия обороны.

Он обратился к экрану. Номер тридцать восемь, приносимый в жертву в интересах добычи информации, пустился по направлению к кораблям на самом большом ускорении, с перегрузкой, которую не смог бы вынести ни один живой организм. Но размеры и тип кораблей-захватчиков по-прежнему были скрыты расстоянием. На панели связи резко вспыхнула белая лампа, сообщая, что штаб сектора находится в состоянии боевой тревоги и готов говорить. Джордан включил звук.

— Контакт. Говорит Пост J-49C3. Пять кораблей, — передал он. — За пределами сферы идентификации. Двигаются через тридцать восьмой в десяти пунктах от тридцать второго.

— Приняли. — Голос из штаба был ровным, точным, лишенным эмоций. — Пять кораблей — тридцать восемь — девять — тридцать два. Патруль номер двадцать проходит вашу зону на расстоянии четырех часов, он информируется, сразу проследует на ваш пост и прибдет через четыре часа плюс-минус двадцать минут. Следует помощь. Остаемся здесь до вашего следующего послания.

Белый свет исчез, и он отвернулся от приборов связи. На экране пять кораблей по-прежнему не выросли до пропорций, при которых их можно было бы идентифицировать, но по всем практическим показателям начальная стадия была завершена. У него было пятнадцать минут, в течение которых все, что можно было сделать, было уже сделано.

Предварительная подготовка к обороне была завершена.

Он отвернулся от приборов и пошел в спальню, где медленно, тщательно оделся в черную форму. Он расправил мундир, посмотрел в зеркало и долго пристально вглядывался в себя. Потом, поколебавшись, почти против воли, он дотянулся рукой до маленького серого ящика на полке под зеркалом, открыл его и вытащил серебряную военную звезду, которую через несколько часов он получит право носить.

Она лежала в его ладони, мягко мерцая перед ним в отражении комнатного освещения, а также от легкого движения его руки. Маленькая гроздь бриллиантов в центре искрилась и переливалась всеми цветами радуги. Несколько минут он стоял, разглядывая звезду, потом медленно и небрежно положил ее в ящик и вышел, возвращаясь в комнату контроля.

Корабли на экране были теперь достаточно большими, чтобы быть опознанными. Это были суда среднего размера, отметил Джордан, тип, используемый чаще всего большинством разновидностей налетчиков, — и принадлежал той же расе, что сделала его сиротой. Не могло быть никаких сомнений в их намерениях, как было иногда, когда какие-нибудь странные незнакомцы случайно пересекали границу, чтобы быть с сожалением уничтоженными людьми, чьи обязанности заключались в том, чтобы исключить любую возможность вторжения. Нет, эти были в р а г а м и, чужой, губительной формой жизни, что наносила маленькой человеческой империи тысячи атак ежегодно и сама уничтожала себя, попадая в окружение, и тратила сотни кораблей, когда удавалось прорваться через охранные посты, с тем чтобы опуститься в каком-нибудь незащищенном городе во внутреннем круге планет и ограбить его оборудование и механизмы, которые враг либо не хотел, либо не мог сделать самостоятельно — невообразимая, непонятная, дикая раса. Эти пять кораблей не предпримут попыток вести переговоры.

Но теперь «собачка» номер тридцать восемь была обнаружена, и белые выхлопы управляемых ракет устремились к обзорному экрану. Несколько секунд маленькая машина дергалась из стороны в сторону, увертываясь, вела оборонительный огонь, расстреливала приближающиеся ракеты. Но при таком перевесе сил это была безнадежная борьба, и неожиданно одна из полос расширилась, чтобы заполнить экран ослепительным светом.

Экран опустел. Тридцать восьмой был уничтожен.

Неожиданно осознав, что он обязан был бы подстраховаться с помощью наблюдения с одной из более удаленных «собачек», Джордан вскочил, чтобы заполнить экран. Он оглядел все механизмы с сорокового до первого, с отсутствующим тридцать восьмым, и заполнил два боковых экрана видом с тридцать седьмого с левой стороны и с двадцать первого с правого. Они показывали, что его первая линия обороны уже собралась на расстоянии семидесяти пяти тысяч километров, а в пятидесяти тысячах километров еще формируется.

Налетчики теперь уменьшали скорость, и на стене датчик для определения врага вспыхнул неожиданно глубоким и яростно пурпурным цветом, в то время как их невидимые лучи расходились и встречали помехи детекторных заслонов, которые он установил на расстоянии в сорок тысяч километров перед своим Постом. Они продолжали замедлять ход, но блокирование их детекторных лучей позволило им определить приблизительное местоположение его Поста и, разворачиваясь, они поправили курс, пока ошибка стала не больше двух пунктов и десяти градусов. Джордан — его нервные пальцы легко трепетали на клавишах — выдвинул тридцать седьмого через тридцатого во внешнюю глубину пространства и отправил сороковой через сорок пятый вперед на расстояние в пять градусов, чтобы попытаться установить круговое движение. Пять темных кораблей налетчиков, распознав его намерения, разошлись из своей единой связи прохождения вблизи друг друга, чтобы рассредоточиться и принять ступенчатый порядок следования. Они уже стреляли в приближающихся «собачек», и тонкие линии света прорезали черноту пространства от номера сорокового до сорок пятого.

Джордан сделал глубокий и нервный вздох и откинулся на спинку кресла. В этот момент его пальцам было нечего делать на контрольных клавишах. Его третий десяток «собачек» должен был ждать, пока к ним не подойдет враг, поскольку при современных автоматических орудиях тело в покое имело преимущество над телом в движении. И должно быть, осталось несколько минут перед тем, как «собачки» из четвертого десятка окажутся на позиции атакуемых. Он нащупал сигарету, не отрывая глаз от экрана, вспоминая предупреждения учебного справочника относительно расслабления при соприкосновении с врагом.

Однако после неистовой, звенящей команды тревоги до настоящего момента он действовал автоматически, с совершенством и точно, как научили его тренажеры, как отпечатались в нем учебники. Появился враг. Он принял меры защиты. Все, что можно было сделать, было сделано. Он знал, что сделал это правильно. И враг делал все то, что, как ему говорили, он будет делать.

Неожиданно он был поражен глубоким, вызывающим дрожь осознанием всей правды из предсказаний учебника. Все так и было. Эти

враждебные чужаки, эти страшные силы точно так же подчинялись законам физики. Они, как и он, могли двигаться только по законам времени и пространства. Они были лишены загадочности и сведены до его уровня. Они могли быть чуждыми и ужасными, но их способности были ограничены так же, как и его, и в сражении вроде этого, принимавшего сейчас определенную форму, не учитывалось то обстоятельство, что они были негуманоидами. В неизвестной реальности вселенной они взвешивались беспристрастно и абсолютно одинаково.

И, когда он осознал это, впервые старый, впечатанный в память страх начал исчезать, как выброшенная одежда. По телу прошла дрожь, и он ощутил воодушевление перед битвой, как до него воодушевлялись его предки в дни, когда человечество было молодо, а в промозглом, сыром рассвете джунглей слышалось рычание тигра. В нем проснулся инстинкт крови, что-то от свирепой, мстительной радости, с которой преследуемый зверь в конце концов бросается на своего преследователя. Он победит. Конечно, он победит. И в победе он одним ударом оплатит долг крови и страха, которые поддерживали в нем враги пятнадцать лет.

Думая об этом, он прислонился к спинке кресла, и в нем поднялась старая память об уничтоженном городе и о себе, бегущем прочь. Но в этот раз она не была прелюдией к ужасу, а стала топливом, который разжег гнев. «Вот мой страх, — подумал он, вглядываясь в экран на пять кораблей, — и я уничтожу его».

Призраки его памяти рассеялись, как дым. Он бросил сигарету в передающую выемку в подлокотнике кресла и наклонился вперед, чтобы тщательно определить положение врага.

Они вытянулись, чтобы загнать его четвертый десяток в широкий круг, и «собачки» были теперь разбросаны; целы, но не эффективны и ожидали дальнейших приказов. То, что было у врага построением в виде лестницы, теперь стало неровной, широко рассеянной линией со слишком большим пространством между кораблями, чтобы можно было прикрыть друг друга.

На мгновение Джордан был озадачен, легкая волна страха от необъяснимого прокатилась рябью через спокойную поверхность его сознания. Потом лоб его разгладился. Не нужно было впадать в панику. Чужеземное маневрирование не было загадочным, частично он ожидал подобного, но то, что предстало, было достаточно очевидным и до определенной степени бестолковым движением в целях скрыться от наступления с флангов, которое он предпринимал с помощью своего четвертого десятка «собачек». Движение было глупым, потому что тупые чужаки сейчас поставили себя в уязвимое положение и будут рассеяны его третьим десятком.

Новость была скорее хорошей, чем плохой, и он ощутил новый душевный подъем.

Он стал игнорировать неудачливый четвертый десяток, автоматически идущий по кругу на безопасном удалении прямо перед эффективной прицельной линией корабля, и занялся третьим десятком «собачек», рывком посылая их в пустую зону между кораблями так, как вы могли бы сплести пальцы одной руки с другой. Между любыми двумя кораблями могли быть мертвые пространства — позиция, где в механизмы нельзя было стрелять с кораблей без того, чтобы не задеть своих справа или слева. Если две или три «собачки» смогли бы целыми пробраться в эти места, они могли бы повернуть и взять открытый проход под свой контроль, их запалы воспламенены, запас бомб активирован. Все они — неистовые псы разрушения.

По меньшей мере одна треть должна пройти через оборонительный огонь кораблей и преследовать свою увертывающуюся жертву до яркой атомной вспышки в безжалостной дуэли.

Уверенно улыбаясь, Джордан смотрел, как его механизмы подходили к кораблю. Враг ничего не мог сделать. Теперь они не могли сомкнуть свое построение без того, чтобы не сделать себя еще более привлекательной мишенью, и, чтобы распылить их, нужно было на будущее убрать всякую возможность возвращения подобного порядка.

Осторожно его пальцы играли по клавишам, так выстраивая механизмы в линию, чтобы они могли подойти как можно ближе и одновременно ударить по их уязвимым точкам. Корабли приближались.

Налетчики подходили все ближе и ближе. А потом, за несколько секунд до контакта с линией приближающихся «собачек», белое пламя из их камер одновременно жадно рванулось, неожиданно превращая каждый корабль в черный комок в центре цветущего пламени. Одновременно они сделали рывок, внезапный и неожиданный, перенесли свои уязвимые точки за линии идущих «собачек» и оставляя их позади.

На секунду застигнутый тупым удивлением, Джордан сидел безмолвно и неподвижно, уставившись на экран. Потом он вспылil, проклиная свои механизмы за ужасную, вызывающую дрожь остановку, и его пальцы забежали по клавишам, злоупотребляя металлическими мускулами «собак» для быстрого и самого резкого поворота и возвращения. На это раз он захватил их сзади. Теперь, следуя тем же курсом, что и корабли, механизмы станут неотвратимы для захватчиков. Разве смогут живые существа выдержать то же напряжение, что и холодный металл?

Но второй попытки со стороны третьего десятка не последовало, поскольку, когда «собаки» остановились при развороте, кормовые орудия кораблей дали залп, и каждый гибнущий механизм, так решительно бросившийся вперед, вспыхнул и угас, как тусклая свеча во мраке.

Оцепеневший, в ледящем осознании неудачи, Джордан сидел тихо — неподвижная фигура, уставившаяся на изображения на дне экрана, которые так красноречиво говорили о его катастрофе, — и один пустой экран, где должен был быть обзор тридцать седьмого и который вообще ни о чем не говорил. Как во сне, он протянул правую руку и включил последнего часового, сторожевого пса, механизм, который вращался ближе всего к Посту. В одно краткое мгновение первая сильная линия его обороны была уничтожена, а враг надвигался, и силы его не уменьшались, по направлению к его последней линии из второго десятка в пятнадцать тысячах километров, с защитной завесой менее чем в десяти тысячах километров позади них.

Его подготовка была основательной. Без колебаний его руки побежали по клавишам, и «собачки» второго десятка рванулись вперед, стараясь войти в соприкосновение с врагом в зоне, как можно более отдаленной от завесы. Но так как они двигались на врага, находящегося в относительном покое, их действия были в большей степени предсказуемы для вычислительных машин врага и они явно были в худшем положении. Так что через десять минут три чужих корабля вошли целые и невредимые в зону, где были уничтожены другие два корабля, а также третий и четвертый десяток «собачек».

В этот момент корабли были в пятнадцати тысячах километров от детекторного экрана.

Джордан взглянул на дело рук своих. Ситуация была очевидной, альтернатива ясна. Он сохранил еще двадцать «собак», но у него нет ни времени, чтобы выдвинуть их перед завесой, ни пространства, чтобы маневрировать ими перед экраном. Единственным решением мог быть перенос экрана назад. Но перенос, по признакам сжатия и направления, мог бы указать местонахождение Поста, да еще достаточно точно, чтобы его могли найти вражеские ракеты, а если Пост будет выведен из строя, «собачки» останутся без управления, совсем бесполезные.

Да, но если он ничего не сделает, через несколько минут корабли коснутся и вклинятся в детекторный экран и его Пост, тот нервный узел, который искали враги, будет лежать нагим и открытым их детекторам.

Он проиграл. Компьютер показывал тот же ответ — поражение. Невнимательность, сигаретный дым, первая слепая волна самоуверенности и безумная остановка его обойденных «собак» позволили компьютерам кораблей найти неподвижные механизмы в предсказуемой зоне, поэтому он и проиграл. В самонадеянной гордости он растратил первоначальное преимущество. Он проиграл. Мягко говоря, его недостатками были молодость и неопытность. Он потерпел поражение.

А на случай поражения действия, предписанные справочником, были суровы и ясны. Памятка из инструкции прозвучала в его памяти как неизменный похоронный колокол.

«Когда в каком-либо конфликте силы врага приобретают позиционное преимущество, при котором становится невозможным далее сохранять в неизвестности местоположение Поста, командующий Постом должен выполнить последний долг. Зная, что Пост вскоре будет разрушен и что это оставит сохранившиеся механизмы в целости для сил врага, часовой должен отказаться от управления этими механизмами и поместить их с воспламененными взрывателями на ближайшем пункте управления, чтобы даже без Поста они были в состоянии автоматически преследовать и предпринимать попытки к уничтожению сил врага, которые входят внутрь критической сферы досягаемости их огня».

Джордан посмотрел на экран. За пределами сорока тысяч километров начал слабо светиться детекторный экран, потому что анализаторы кораблей исследовали его на более коротком расстоянии. Чтобы сделать ручное управление эффективным, нужно было бы оттянуть экран по меньшей мере на половину дистанции, но тогда, хотя он по-прежнему будет прятать Пост, экран позволит врагу определить его примерное местонахождение. Потом они начнут палить вслепую, но при определенном умении и увеличивающемся представлении о его положении лишь вопрос времени, когда они попадут в него. И тогда останутся лишь слепые «собачки», дрожащие, увертывающиеся, трясущиеся через пункты звездного компаса в своей безумной жажде преследования. Одна или две из них могут отомстить врагу, если корабли постараются проскользнуть мимо и перейти Границу, но Джордана уже не будет, чтобы узнать об этом.

Но другого выхода не было — раз уж долг оставлял ему всего лишь один ход. Как чужие, руки оторвались от панели и простерлись над клавишами, которые могли бы освободить «собачек». Его пальцы опустились и встали на место — легкое касание ровной, отполированной, холодноватой поверхности.

Но он не мог нажать клавишу.

Он сидел с протянутыми руками, как будто в мольбе, как один из его примитивных предков перед древним алтарем смерти. Поскольку его воля сдалась, ничто не отрицало теперь его вины и неудачи. Поворот в сражении произошел за несколько мгновений его невнимательности, а его недооценка врага соблазнила его бездумно остановить свой третий десяток. Он знал это, и с помощью банка памяти, если он сохранится, об этом будут знать вооруженные силы. В его небрежности, в его отказе воспользоваться опытом предшественников была его вина.

И все же он не мог нажать на клавиши. Он не мог достойно уме-

реть — при исполнении долга — холодная и точная фраза из официальных донесений. В его теле билась неистовая, бунтующая кровь, инстинктивное отрицание конца, который неоспоримо смотрел ему в лицо. Через жилы, мускулы и нервы шла эта дрожь, выступая наперекор и блокируя требования обучения, логичные распоряжения его мозга. Слишком рано и несправедливо: ему не дали возможности набраться опыта. Всего-то ему был нужен еще один удобный случай, еще один, чтобы исправиться.

Но мятеж кончился и оставил его дрожащим и ослабевшим. Он не отрицал реальности. И теперь на него давил новый стыд: ведь он думал о трех прорвавшихся вражеских кораблях, о другом городе с объятymi пламенем развалинами и о другом ребенке, который будет с криком бежать от преследователей. Эти мысли росли в нем, и он внутренне скорчился, разрываясь от собственной нерешительности. Почему он ничего не мог сделать? Для него действия уже не играли никакой роли. Что будет значить для него справедливость и исправление ошибок после того, как он умрет?

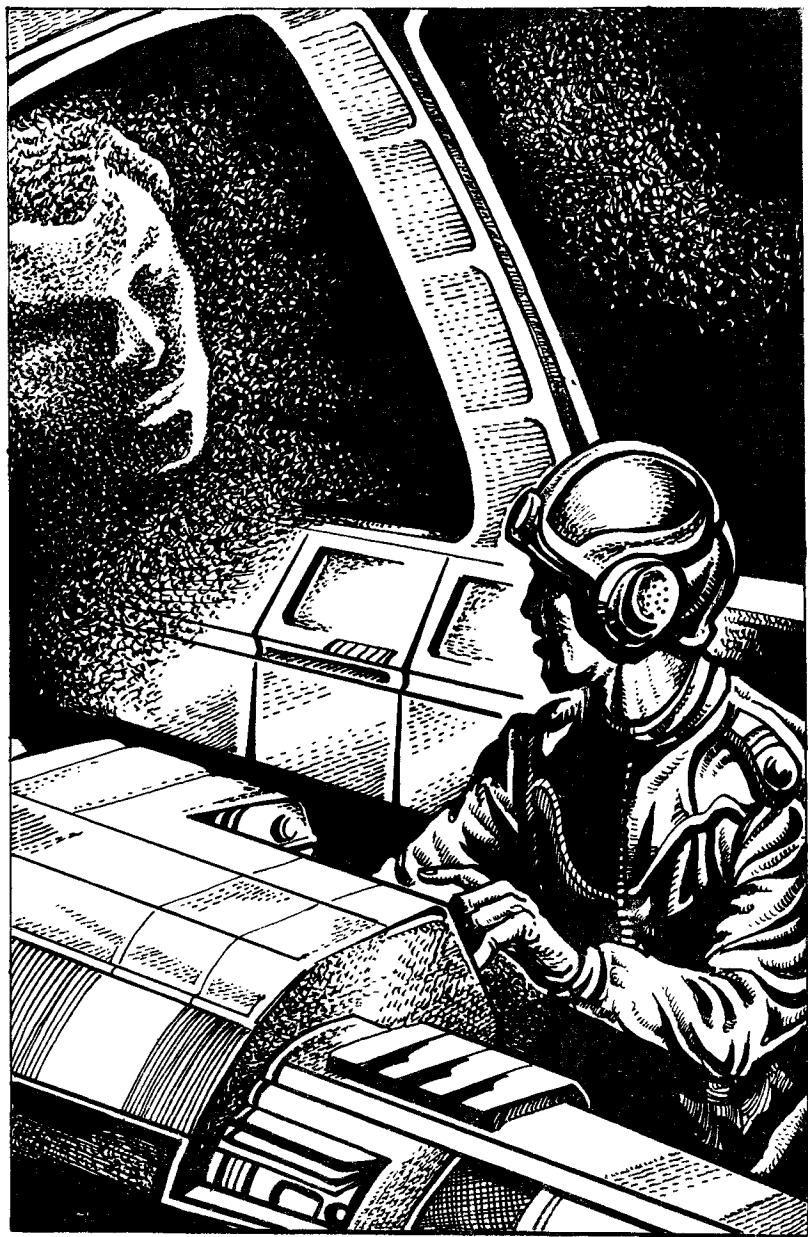
Он тихонько застонал, держа вытянутые руки над клавишами, и не мог нажать на них.

Потом пришла надежда. Неожиданно, из обрывков его воспоминаний всплыли слова офицера разведки и его собственные поиски признаков помешательства. Он, Джордан, не мог открыть самого себя врагу, даже если этот метод означал возможность защиты Внутреннего Мира. Но человек, который охранял Пост до него, который умер, так же как умрет и он, должно быть, встретился с той же необходимостью принести себя в жертву. И в банке памяти должны находиться последние воспоминания о его решении, ждущие воскрешения в сознании Джордана.

В этом была последняя надежда. Он должен вспомнить, должен использовать безумие, от которого отказывался. Он должен будет вспомнить и быть Вашкевицем, а не Джорданом. Он будет Вашкевицем и не будет бояться, хотя действовать подобным образом было стыдно. Если бы было воспоминание, личность, среди всех живущих людей, чей образ он мог бы пробудить, чтобы заменить им вид трех темных кораблей, он попытался бы сделать все сам. Но со дня нападения на город у него не было ни одного близкого существа.

Его сознание углубилось в банк памяти, достигало последних воспоминаний Вашкевица. Он вспомнил.

Из десяти атакующих кораблей шесть были выведены из строя. Их пепел рассеялся на большом расстоянии, но оставшиеся четыре налетчика осторожно продвигались на большом расстоянии друг от друга, уверенные в победе, хотя и опасались этого осиногo гнезда, которое еще могло сохранить неожиданные жала, но детекторный экран находился за минимальным необходимым расстоянием, чтобы

можно было успешно скрывать Пост, и лишь пять «псов» сохранили за ним устойчивость, напоминая затупленные стрелы. Он — Вашкевиц — сгорбившись сидел перед контрольной панелью, его толстые, волосатые руки лежали на ближайших клавишах.

— Идите, — говорил он, обращаясь к кораблям, осторожно приближавшимся к экрану. — Идите, ну же. Идите!

В усмешке он цапнул зубами по губам, хотя и не собирался смеяться. Это была автоматическая гримаса, рефлекс напряженного ожидания. Перед тем как убрать экран, он будет завлекать их до последнего момента, доведет их как можно ближе до механизма преследования оставшихся «псов».

— Идите сюда, — повторил он.

Они шли. За экраном он нацелил своих «псов», указывая каждому из четырех на корабль, а пятому на всех них. Корабли все приближались.

Касание.

Его пальцы ударили по клавишам. Экран сжался и теперь скрывал поджидающих «псов» из последних сил. И те зашевелились, перейдя на ближайшее управление, их механизм преследования заработал вслепую, основательно вооруженный, готовый бессмысленно в любом направлении атаковать каждого, кто подойдет достаточно близко.

А первые выстрелы приближающихся кораблей стали зондировать зону астероида Поста.

Вашкевиц вздохнул, отодвинулся от управления и встал, отворачиваясь от экранов. Все. Сделано. Какое-то мгновение он стоял в нерешительности. Потом, подойдя к раздаточному устройству на стене, набрал шифр «кофе» и получил его — горячий кофе в пустую чашку. Он закурил сигарету и в ожидании стоял, куря и потягивая кофе.

Неожиданно Пост качнулся от скользящего удара по астероиду. Он пошатнулся, пролил кофе на ботинки, но удержался на ногах. Он сделал еще один глоток, еще одну затяжку. Пост вновь качнулся, свет потускнел. Он смял чашку и бросил ее в проводниковую канаву. Бросил сигарету на стальной пол и наступил на нее ботинком, вернулся к экрану и наклонился, чтобы бросить последний взгляд.

Свет погас. Воспоминания оборвались.

Настоящее вернулось к Джордану, и он безумно уставился перед собой. Потом почувствовал что-то жесткое под пальцами и заставил себя посмотреть вниз.

Клавиши были нажаты, экран был убран. «Собачки» были поблизости. Он смотрел на руку, как будто никогда раньше не видел ее, ошеломленный ее худобой и отсутствием мягкости на тыльной стороне. Потом, медленно преодолевая сопротивление мускулов шеи, он заставил себя поднять голову и взглянуть на экран.

Корабли были здесь, но они уходили прочь.

Он уставился на них, не веря своим глазам и с трудом вообще веря чему-либо. Так как нападающие развернулись, пламя из их хвостов с очевидностью доказывало, что они уходили во внешнее пространство на максимально возможном ускорении, оставляя его одного, целого и невредимого. Он затряс головой, чтобы отогнать обманчивое видение на экране перед собой, но оно оставалось, отрицая свою нереальность. Чудо, в которое его инстинкт не давал ему верить, пришло — в тот самый момент, когда он занимал силы, чтобы его отвергнуть.

Его глаза в изумлении впились в экран. И тогда в нижнем углу экрана «сторожевого пса», так далеко, что они выглядели просто как зернышки на большом пространстве, он увидел причину своего чуда. Из внутреннего мира на максимально возможной скорости шли шесть светящихся кораблей, напоминающих рыб, перед которыми его «собачки» казались мальками. Это были военные корабли Двадцатого патруля. И он понял, с расцветающим удивлением от передышки, что поединок, казавшийся ему таким мимолетным, пока он сражался, на самом деле длился необходимые четыре часа, которые позволили патрулю прийти ему на помощь.

Осознание того, что он цел, залило его, как волной, и он ощущал, как внутри растет благодарность. Она росла и ширилась, выталкивая страх и одиночество последних минут, заполняя его облегчением, таким всеобъемлющим и глубоким, что в нем не оставалось гнева и ненависти — даже по отношению к врагу. Он как будто вновь родился.

Над ним на панели связи замигала белая лампочка передачи. Твердой рукой он включил одно из устройств, и бесстрастный, официальный голос патрульного прозвучал у него над головой.

— Двадцатый патруль Посту. Двадцатый Посту. Следуем к вам. У вас все в порядке?

Джордан нажал кнопку передачи.

— Пост Двадцатому. Пост Двадцатому. Никаких повреждений. Пост не поврежден.

— Рады слышать. Мы не будем преследовать врага. Сбавляем скорость, и через полчаса все корабли встанут у вашего причала. Передачу заканчиваем.

— Спасибо, Двадцатый. Поле будет свободно и подготовлено для вас. Удачной посадки. Передачу кончаю.

Его рука поднялась от клавиш, и белый свет потух. В неосознанной имитации памяти Вэшкевича он отодвинулся от панели управления, встал и пошел к раздатку у стены, где заказал и получил чашку кофе. Он закурил сигарету и стоял, как стояли другие, куря и потягивая кофе. Он победил.

Но тут его настигла истина, и он вздрогнул.

Он взглянул на свои руки и увидел чашку кофе. Он затаился сигаретой и почувствовал в глубине легких равномерный жар. И ужас охватил его, сдавливая горло.

Он победил? Он ничего не сделал. Вражеские корабли бежали не от него, но от патруля, и это Вашкевиц, В а ш к е в и ц в критический момент принял управление из его рук, Это Вашкевиц всех спас, а не он. Это сделал банк памяти. Банк памяти и Вашкевиц.

Комната закружилась перед ним. Его предали. Ничто не было выиграно. Ничто не было завоевано. Не было друга, который в конце концов пробился через раковину одиночества, чтобы спасти его, но была только младенческая иллюзия доминирующего рассудка. Банк памяти Вашкевица взял его под свою власть.

Он отбросил от себя контейнер с кофе и заставил себя выпрямиться. Он бросил сигарету и растоптал ее подошвой. Дикий гнев, раскаленный добела, поскольку поднимался из глубины его существа, съедал его. «М а р и о н е т к а, — издевательски нашептывал ему в уши голос рассудка. — М а р и о н е т к а!»

«П ля ш и, м а р и о н е т к а! П ля ш и н а н и т о ч к а х!»

— Нет! — крикнул он. И перенесся ужасный прилив гнева, гнева все истребляющего, который выжиг последние следы страха в его сердце, как окалину в расплавленной стали, он повернулся, чтобы встретиться со своим мучителем, бросить свое сознание назад, в жизнь Вашкевица, заключенного в банк памяти.

Проходя через кружащийся прилив воспоминаний, охотясь за тонкой нитью контакта, он ждал только момента, чтобы вступить в схватку со своим предшественником, встать лицом к лицу с Вашкевицем. Конечно, за все эти годы на Посту этот человек должен был передать какие-то мысли тому, кто придет за ним. Джордану только надо найти эту точку, где влияние будет самым сильным, и решить проблему, к здравому рассудку или безумию, к гордости или стыду, раз и навсегда.

— Привет, Брат.

Дружелюбные слова были брызгами холодной воды на яркое пламя его гнева. Он...Вашкевиц... стоял перед зеркалом в спальне, и его лицо смотрело на человека, который был он сам и который также был Джорданом.

— Привет, Брат! — сказал он. — Кто бы ты ни был и когда бы ты ни был, привет!

Джордан смотрел глазами Вашкевица, в отраженное лицо Вашкевица, это было дружелюбное лицо, лицо человека такого же, как и он сам.

— Об этом тебе не говорили, — произнес Вашкевиц. — Этому не учили в школе — что рано или поздно каждый часовой оставляет послание тому, кто придет за ним.

Это кредо Поста. Т ы н е о д и н о к. Не важно, что происходит, т ы н е о д и н о к. На окраине империи, встречая неизвестные расы и бесконечную глубину вселенной. Это сохранит тебя от всех бед. И так

долго, как ты будешь помнить, ничто не сможет повредить тебе, ни нападение, ни поражение, ни смерть. Включи экран самого удаленного «пса» и сделай самое большое увеличение. И за пределами своего зрения ты сможешь увидеть «пса» другого Поста, принадлежащего человеку, который охраняет Границу рядом с тобой. По всей Границе расположены посты, создающие стальную цепь, чтобы защитить Внутренний Мир и его людей. У них свои жизни, а у тебя своя; и твоя жизнь нужна для того, чтобы стоять на страже.

Это нелегко, ни один человек не может столкнуться со вселенной в одиночестве, но... **Ты не одинок!** Все те, кто сейчас охраняют Границу, — с тобой; и все, кто когда-либо охраняли Границу, — тоже. В этом наше бессмертие, нас, охраняющих Границу, в том, что нас не останавливают наши смерти, но мы живем на Посту, где служим. Мы в экранах, в управлении, в банках памяти, в каждой кости и жиле их стальных тел. Мы — **это Пост**, твой стальной брат, что сражается, живет и умирает вместе с тобой и приветствует тебя наконец в нашем духовном сотрудничестве, когда для тебя лично свет угаснет навеки и когда то, что было тобой, станет ни чем иным, как холодным прахом, уносящимся в вечность космоса. Мы с тобой, и ты не одинок. Я, который был раньше Вашкевицем, а теперь являюсь частью Поста, оставляю тебе это послание, как оно было оставлено мне человеком, служившим до меня, и которое ты оставишь в свою очередь человеку, который придет за тобой, и так далее, на протяжении столетий, пока мы не станем зрелой расой, которой будет не нужен щит из разума и стали.

Привет, Брат! Ты не одинок!

Итак, когда шесть кораблей Двадцатого патруля опустили у Поста, человек, ждавший их, чтобы поприветствовать, получил больше, чем звезду ветерана за сражение на грудь. У него было нечто большее, чем победа в битве. Он нашел свою душу.

Дин Маклафлин

ЯСТРЕБ СРЕДИ ВОРОБЬЕВ

На экране местонахождения самолета, расположенного слева на приборной доске перехватчика «Пика-Дон», не было видно ни одного аэродрома. А Ховарду Фармену аэродром был нужен позарез. Он снова бросил взгляд на стрелку расходомера. Никаких шансов дотянуть до границы Западной Германии, не говоря уже о Франкфурте-на-Майне. Далеко внизу, насколько хватало глаз, тянулся плотный слой облаков.

Их здесь быть не могло. Четыре часа назад, когда он поднялся с палубы «Орла», Фармен изучал последние фотографии погоды, переданные со спутника по телеканалу. Небо над южной Францией было практически чистым — лишь кое-где виднелись пятнышки облаков. Такая плотная облачность просто не могла появиться за столь короткое время. В десятый раз пробежал глазами данные метеосводки. Нет, ничто не могло вызвать подобное изменение погоды.

Но самое странное было не в этом. Он поднялся в воздух утром. Взрыв французской бомбы, за которой он наблюдал, ослепил его на

какое-то время — он не знал на сколько, — и «Пика-Дон» потерял управление. Сработала защитная система, и управление восстановилось. Когда зрение вновь вернулось к нему — а слепота не могла продолжаться долго, — солнце было уже на западе.

Это было просто невозможно. У «Пика-Дона» не было столько горючего, чтобы находиться так долго в полете.

И все-таки самолет был в воздухе, а баки были наполовину полными. Когда он не смог обнаружить «Орла» возле Гибралтара, он подумал, что сможет долететь до американской авиабазы во Франкфурте. Но куда мог деться «Орел»? Что случилось с его радиомаяком? Может, от взрыва французской бомбы вышло из строя приемное устройство «Пика-Дона»? Все остальное, казалось, работало нормально. Но он проверил все визуально. Не мог же авианосец взять и раствориться?

На экране местонахождения под мигающей точкой, обозначающей положение самолета, появилась долина Роны,двигающаяся в южном направлении. Это полностью совпадало с показаниями индикатора радара, расположенного с правой стороны приборной доски. До Франкфурта было более четырехсот миль. Горючего оставалось только на половину этого расстояния.

Оставаясь за облаками, вряд ли он мог обнаружить аэропорт. Он выдвинул закрылки, и самолет устремился вниз. Ближе к земле расход топлива значительно увеличивался, но со скоростью в 1,5 числа М он успеет осматреть местность, прежде чем баки опустеют.

Дело было не в том, что ему обязательно надо было отыскать аэродром. «Пика-Дон» мог сесть где угодно, если это потребуется. Но на аэродроме легче заправиться горючим. К тому же, проблем будет значительно меньше от того, что он сел на территории чужой страны, хотя она и считается союзником США.

Снижение было долгим. Он смотрел, как стрелка показателя высоты стремительно вращалась против часовой стрелки, как индикатор температуры поверхности самолета указывал перегрев, когда «Пика-Дон» вошел в плотный слой атмосферы. С высоты восьмидесяти тысяч футов видимость была превосходной, но на высоте двенадцати тысяч футов самолет вошел в облака, и его поглотила мутная пелена. Фармен напряженно следил за показателями радара. Облака могли тянуться до самой земли, и если он врежется со скоростью, в полтора раза превышающей скорость звука, то от него останется одно пятно. «Пика-Дон» был хрупким самолетом. К тому же он сам сидел внутри.

На высоте четырех тысяч футов облака исчезли. Справа лежал небольшой городок. Он повернул в ту сторону. Бофор, так он значился на карте. Рядом должен быть небольшой аэродром. Он снова выдвинул закрылки. Скорость упала до 1,25 числа М.

Он пролетел над городком, осматривая местность. Никаких признаков аэродрома. Сделав разворот, он еще раз облетел городок, стараясь держаться подальше от центра. То, что он находился в небе

Франции, и так вызовет немало проблем — нарушение воздушного пространства самолетом с ядерным оружием. К тому же половина городка начнет вопить, что у них повывлетали стекла, потрескалась штукатурка, а куры перестали нестись. Американскому послу в Париже в этот раз придется честно отработать свою зарплату.

И снова никакого аэродрома. Он сделал еще один круг. Внизу проплывали деревушки. Он взял план полета, документы с приказами, данные метеосводок и изорвал их на мелкие клочки. Не хватало, чтобы французы увидели это. У него был запасной план полета, который ему дали на случай, если он приземлится во Франции или дружественной Франции стране.

Он уже зашел на третий круг, а стрелка расходомера приблизилась к красной отметке, когда он заметил аэродром. Он был совсем маленький — несколько старых самолетов, три ветхих домика, над одним из которых болтался ветровой конус. Приблизившись, Фармен приготовился к вертикальной посадке. Скорость резко упала, и он завис в воздухе в четырех милях от аэродрома. При помощи дефлекторов он преодолел это расстояние, теряя высоту по мере приближения. Приземлившись возле ангаров, он развернул «Пика-Дон» по ветру и остановился.

Двигатели остановились, израсходовано все топливо, еще до того как он выключил их.

Прошло немало времени, прежде чем он освободился от костюма, связывающего его с системами управления самолетом. Некоторые системы было отключать довольно неудобно. Он поднял фонарь, вылез из кабины и прыгнул на землю. Там его поджидали два солдата. В руках у них были винтовки.

Тот, что был ростом повыше, с пышными усами, что-то угрожающе сказал. Фармен не знал французского языка, но их жесты и винтовки были красноречивее любых слов. Он поднял руки вверх.

— Я американец, — сказал он. — У меня закончилось горючее.

Фармен надеялся, что они не являются приверженцами «великого Шарля». Вид у них был малопривлекательный.

Французы переглянулись.

— *Americaine*?* — спросил тот, что пониже ростом. Он был чисто выбрит. В его голосе не чувствовалось враждебности.

Фармен энергично закивал.

— Да. Американец.

Он показал на звездно-полосатый флаг на рукаве комбинезона. Они радостно заулыбались и опустили винтовки. Невысокий француз — он чем-то напоминал Фармеру терьера — указал на строение за ангаром.

— Пойдем.

Фармер пошел за ними. Перед ангарами поле было заасфальтировано неровным слоем. Там стояло полдюжины допотопных самолетов.

* Американец? (фр.)

Там, где кончался асфальт, начиналась грязь. Фармер шел осторожно, выискивая сухие места; утром он до блеска надраил свои летные ботинки. Солдатам же было все равно. Они весело шлепали по лужам, вытирая затем башмаки об траву.

Все самолеты были одного типа — бипланы с открытой кабиной, двухлопастными деревянными пропеллерами и поршневыми двигателями радикального типа. Фармер подумал, что таким самолетам уже давно бы пора на покой. Но, судя по всему, они были еще в рабочем состоянии. На двигателях были масляные пятна, чувствовался запах бензина, на обшивке фюзеляжа и крыльях виднелись свежие заплатки. Сельскохозяйственная авиация? Есть ли у французов сельскохозяйственная авиация? Внезапно он понял, что приспособления, крепившиеся возле кабины, были пулеметами. Пулеметами с воздушным охлаждением. И это хвостовое оперение странной овальной формы...

Музей, что ли?

— Станный у тебя аэроплан, — сказал усатый солдат. У него был ужасный акцент. — Никогда таких не видел.

Фармен и не подозревал, что кто-то их них говорит по-английски.

— Мне надо позвонить, — сказал он, думая про посла в Париже.

Они прошли мимо самолета, с которым возился техник. Стоя на деревянном ящике, он копался с двигателем.

Кино тут что ли снимают? Но почему не видно камер?

Подрулил еще один «ньюпор», такой же, как и остальные. Его двигатель трещал, как травокосилка. Он катился, подпрыгивая на кочках. Кочек тут хватало. Выехав на асфальт, самолет остановился. Когда пропеллер спазматически дернулся, Фармен заметил, что двигатель тоже вращался. Что за идиот придумал такой самолет?

Пилот «ньюпора» вылез из кабины и спрыгнул на землю.

— Опять пулемет заело! — неистово заорал он и швырнул себе под ноги небольшой молоток.

Из ангара вышли несколько человек, неся в руках деревянные ящики. Установив их возле самолета, они взобрались на них и принялись осматривать вооружение. Пилот снял шарф и бросил его в кабину. Повернувшись к механикам, он что-то сказал им по-французски. Затем развернулся и пошел прочь.

— Мсье Блэйк! — позвал его один из солдат. Но пилот не слышал его, и солдат подбежал к нему. Он положил ему руку на плечо. — Мсье Блэйк. Ваш земляк. — Солдат, стоящий рядом с Фарменом, указал на нашивку с американским флагом на комбинезоне Фармена.

Блэйк направился к нему, засовывая шлем от очков в карман шинели. Он протянул руку.

— Это тот, что учит меня английскому, — сказал высокий солдат, улыбаясь. — Хороший, да?

Но Фармен не слушал его. Все его внимание было приковано к американцу.

— Гарри Блэйк, — представился тот. — Боюсь, что некоторое время я буду вас плохо слышать. — Он указал взглядом на мотор самолета и поднес руки к ушам, показывая, что оглох. Он был молод — года двадцать два — но держался с уверенностью зрелого мужчины.

— Я летаю на этой штуковине. Прибыл из Спрингфилда, штат Иллинойс. А вы?

Фармен молча пожал протянутую руку. Теперь его последние сомнения улетучились. Но ведь это невозможно. Такое не может случиться!

— Все нормально, — ответил Фармен, но он сам был не уверен в этом.

— Пошли, — сказал Блэйк. Он повел Фармена в проход между двумя ангарами. — У нас тут есть то, что тебе сейчас надо.

Солдаты пошли за ними.

— Мсье Блэйк. Этот человек только что прибыл. Он еще никому не доложил о своем прибытии.

Блэйк отмахнулся от них.

— Я тоже. Потом доложим. Не видите, что он надышался касторки?

Солдаты ушли. Блэйк повел Фармена вперед. Под ногами Блэйка хлопала грязь.

За ангарами дорожки расходились. Одна вела к уборной, дверь которой раскачивалась на ветру. Вторая — к приземистому строению, прикнувшемуся к задней стенке ангара. Трудно было определить, какая дорожка использовалась чаще. Блэйк остановился на распутье.

— Выдержишь?

— Все в порядке, — неуверенно сказал Фармен. Сделать несколько глубоких вдохов и потерять глаза кулаками оказалось недостаточно, чтобы преодолеть расстояние в шестьдесят лет. В детстве он читал книги о воздушных битвах двух мировых войн, он прочитал и несколько романов Азимова и Хайнлайна. Если бы не это, он бы и не знал, что ему думать. Это было как удар в солнечное сплетение.

— Все будет хорошо, — пробормотал он.

— Уверен? Дышать касторкой по несколько часов в день пользы организму не приносит. Тут нечего стесняться.

Иногда Фармен слышал упоминание о касторовом масле, чаще всего в шутках, но понятия не имел, какое воздействие оно оказывает на человеческий организм. Теперь он вспомнил, что его раньше использовали в самолетных двигателях. Внезапно он все понял.

— Это единственное, от чего я не страдаю.

— Все мы от этого страдаем, — рассмеялся Блэйк. Он распахнул дверь. Фармен вошел внутрь. — Анри! — позвал Блэйк. — Два двойных бренди.

Кругленький лысоватый француз налил им два бокала какой-то темной жидкости. Бокалы были наполнены почти до краев. Блэйк взял по бокалу в каждую руку.

— Тебе сколько?

Жидкость выглядела малопривлекательно.

— Один, — сказал Фармен. — Для начала. — Или этот молодой человек выпендривался перед ним, или действительно был убийственно серьезным. — Естественно, двойной.

Блэйк подошел к угловому столику возле окна. Это был обычный деревянный стол весь в царапинах и винных пятнах. Фармен поставил свой бокал, уселся на стул и лишь потом отпил глоток. Ему обожило горло. Он посмотрел на бокал, как будто там находился змеиный яд.

— Что это?

Пока Блэйк нес стаканы, он уже отпил из каждого понемногу, чтобы не расплескать, а теперь его бокал был наполовину пуст.

— Ежевичный бренди, — сказал он, усмехнувшись. — Единственное лекарство, которое у нас есть. — Так что — болен ты или нет?

Фармен осторожно отодвинул свой бокал в сторону.

— На моем самолете не используется касторка.

Блэйк тут же заинтересовался.

— Что-то новенькое? Я слышал, что они уже испробовали все, что только можно.

— У меня совсем другой тип двигателя, — сказал Фармен. Он не знал, куда девать свои руки. Он отпил еще глоток и тут же пожалел об этом.

— Давно летаешь? — спросил Блэйк.

— Двенадцать лет.

Блэйк как раз собирался допить свой бокал. Он поставил его на стол нетронутым и посмотрел прямо в глаза Фармена. Затем на его лице расплылась улыбка.

— Ладно. Шутку понял. Будешь летать с нами?

— Не знаю. Может быть, — ответил Фармен, крепко держа бокал обеими руками. Он чувствовал, как внутри его кричал загнанный в ловушку человек: «Что со мной произошло? Что случилось?»

Задание было сложным, но сколько подобных заданий он выполнил за свою жизнь. По официальной версии он должен был совершать испытательный полет над северо-западным побережьем Африки. На борту его сверхзвукового самолета находилось оборудование, которое с помощью следящих компьютерных систем на авианосце могло перехватывать баллистические ракеты на выходе в верхние слои атмосферы. Он поднялся с палубы авианосца «Орел», находившегося в западной части Средиземного моря. Через полчаса он достиг «десятки» — высоты в сто тысяч футов — и находился над Канарскими островами, когда получил сигнал выполнять поставленную задачу.

Как передали ему с авианосца, что-то произошло с системой наведения головки ракеты, и вместо того, чтобы рухнуть в воды Атлантики, она упала где-то в Сахаре. Ракета был учебная, и вместо термоядерной начинки там располагался цементный куб. А так как дипломатические отношения с Францией, у которой на территории Сахары еще остались военные базы, были напряженными, Фармен

должен был сделать попытку перехватить ракету. Это с его стороны должно было выглядеть как демонстрация доброй воли.

Основной компьютер, задействованный в операции «Скитшут», выбрал из имеющихся самолетов «Пика-Дон», на котором летал Фармен. Он находился как раз недалеко, на нужной высоте, и имел необходимый запас горючего. И Фармен направил самолет в нужном направлении.

Как и было запланировано раньше.

На самом деле с системой наведения все было в порядке. Это был всего лишь предлог. Вашингтон знал, что французы собирались испытывать новую модель атомной бомбы. Она должна была быть взорвана в верхних слоях атмосферы, в радиационном поясе. Ракета-носитель должна была стартовать с небольшой базы Регган, расположенной в Сахаре. Момент старта должен был совпасть с началом протонового шторма с Солнца. Тогда ядерные частицы шторма смешаются с продуктами распада бомбы, и другим странам будет трудно следить за испытанием.

Протоновый шторм уже надвигался, когда Фармен покидал палубу «Орла». Его обнаружили не только американцы, но и французские станции. Связь по кодовому каналу между Регганом и Новой Каледонией не прекращалась. Шторм должен был начаться через пять секунд.

Фармена не интересовало, зачем Вашингтону надо было совать свой нос в военные секреты Франции, которая все еще продолжала быть союзницей, несмотря на трения между Парижем и Вашингтоном. Фармен не любил задавать лишние вопросы, его работа заключалась в том, чтобы пилотировать самолет. Но перед вылетом его все равно кратко проинформировали, зачем это надо. Кому-то в Вашингтоне понадобились последние данные о ядерном потенциале Франции. Эти данные якобы требовались для того, чтобы знать, насколько Франция будет зависеть от США в современной войне. Фармену это объяснение мало чего дало, его не интересовала международная политика.

Но запуск ядерной ракеты в атмосферу за завесой протонового шторма — это он мог понять. И когда огненный шар мощностью в несколько мегатонн, взорвавшийся в сотне миль, оказался совсем рядом, сияя ярче Солнца — это он мог понять. И когда он летел со скоростью в 4 числа М, наблюдая за приборами и держа палец на кнопке запуска ракет «Ланс», это он тоже мог понять. Это была его работа.

Сама по себе задача была несложной. Все, что от него требовалось, что барражировать в небе в районе Реггана, когда запустят ракету с французской атомной бомбой. Все остальное «Пика-Дон» должен был сделать автоматически.

Все самолеты, задействованные в операции «Скитшут», имели такое же оборудование, как и «Пика-Дон». На всех самолетах были установлены записывающие устройства, и так как все самолеты предназначались для перехвата ракет с ядерным вооружением, то эти устройства могли обрабатывать всю информацию о ядерном взрыве.

Они могли замерять даже еще совсем малоизученное магнитогидродинамическое распространение внутри ядерного взрыва. Кстати, как было известно из предыдущих испытаний, магнитные поля французских атомных бомб были не совсем обычными.

Если «Пика-Дон» будет вынужден приземлиться на территории Франции или дружественной страны, то он ничем не рисковал. На борту «Пика-Дона» стояло стандартное оборудование, хорошо известное французам. Как бы французы ни старались, доказать, что он следил за испытаниями их атомной бомбы, они бы не смогли. К тому же вряд ли он должен был приземляться на их территории. Взрыв должен произойти в верхних слоях атмосферы, ударной волны не будет, и уровень радиации не превысит общего фона.

Кроме того, по «горячей линии» между Вашингтоном и Парижем тут же начнут объяснять, каким образом американский самолет оказался в воздушном пространстве, контролируемом Францией. Все было предусмотрено.

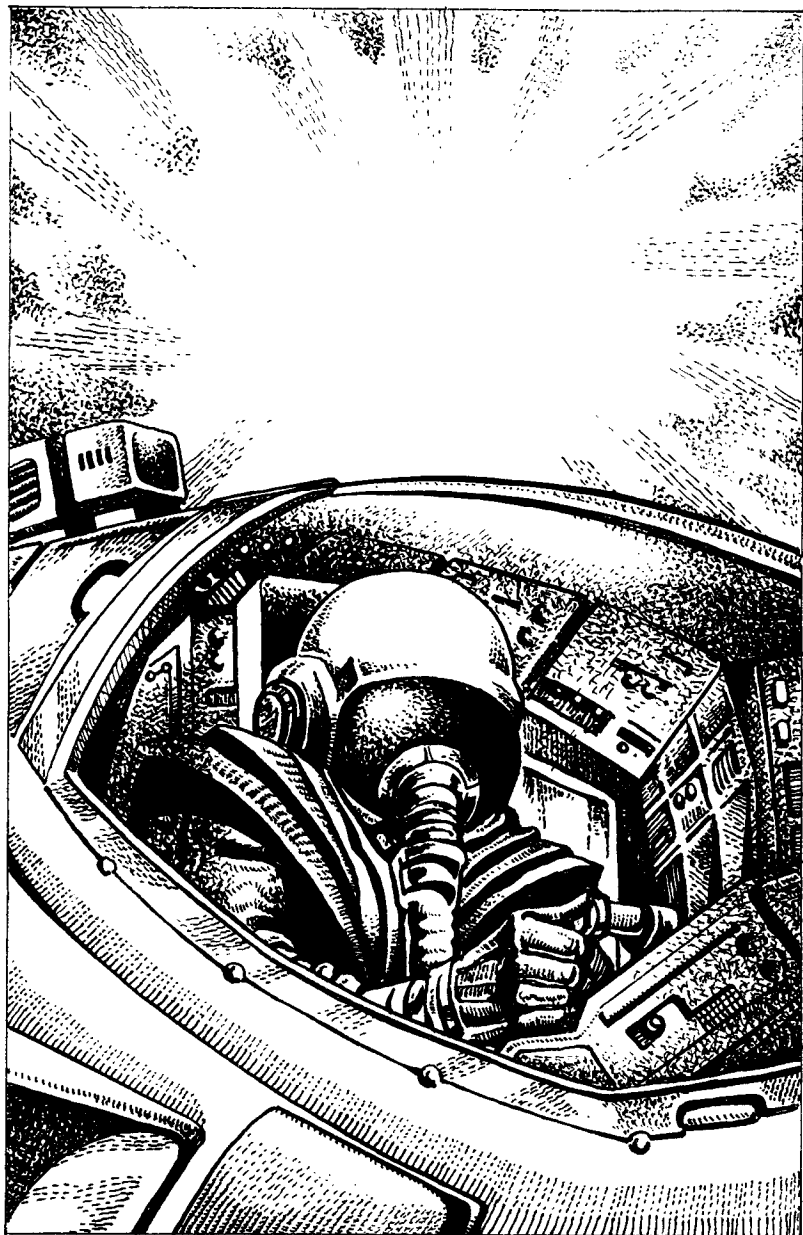
Фармен следил за приборами и показателями радара. Самолет летел уже на высоте сто тридцать тысяч футов. Взрыв должен был произойти на пять тысяч выше в двухстах милях отсюда. На экране местонахождения появился Регган. Ожидаемая траектория ракеты была нанесена красным цветом на соседнем экране.

Что-то вспыхнуло рядом с Регганом. Оно поднималось все выше и выше, сверкая на экране радара, как драгоценный камень. Французская ракета. Фармен затаил дыхание. Началось. Испытание началось.

Ракета достигла его уровня и продолжала подниматься выше. Она внезапно исчезла с экрана локатора, и вдруг вся кабина озарилась невыносимо белым светом. Небо вспыхнуло так ярко, что Фармен не осмеливался открыть глаза. «Пика-Дон» завертелся, как волчок, — темнота сменялась ярким светом. Снова темнота, затем свет. Это чередование становилось все быстрее и быстрее, пока в мозгу у Фармена не помутилось. Он пытался выровнять самолет, но это было сделать невозможно.

Наконец вращение замедлилось, а затем прекратилось. Перед Фарменом снова был солнечный свет, а «Пика-Дон» управлялся автопилотом. Самолет летел прямо на север, если верить компасу, а солнце было уже на западе, хотя Фармен не мог понять, как могло пройти столько времени.

Экран местонахождения подтверждал показания компаса. Радар тоже. Все системы действовали нормально. Он продолжал лететь на север и достиг средиземноморского побережья возле Орана. Там он повернулся на запад и полетел к тому месту, где должен был ждать его «Орел». Фармен ждал, когда он услышит позывные радиомаяка «Орла». Но позывных не было. Он пытался вызвать авианосец по радио. Безрезультатно. Может, какая-нибудь поломка радиооборудования?

Он спустился на пятьдесят тысяч футов и принялся наблюдать за морем визуально. «Орла» нигде не было. Там были только несколько старых военных судов. Он и не знал, что такое старье до сих пор используется.

Приказ гласил, что если он не сможет обнаружить авианосец, то должен следовать во Франкфурт. Там он приземлится на базе ВВС США. Он развернул «Пика-Дон» на северо-запад. Появилось французское побережье. Затем все закрыли облака, которых не должно было там быть. Горючего становилось все меньше и меньше. До Франкфурта не дотянуть. У него не оставалось другого выбора, как приземлиться на французской территории.

— Послушай, — сказал Блэйк. — Либо у тебя есть приказ летать с нами, либо у тебя его нет. Где твоё начальство?

Это были секретные сведения, но Фармену было все равно.

— Думаю, в ЦРУ.

С таким же успехом он мог сказать, что его начальник — генерал Кастер из седьмого кавалерийского полка.*

— А где твоё база? — спросил Блэйк.

Фармен отпил еще немного бренди. Ему это было необходимо. Хотя и не по той причине, как думал Блэйк. В этот раз напиток показался ему не таким уж и плохим. Он стал думать, как лучше объяснить то, что с ним произошло.

— Ты когда-нибудь читал «Машину времени»? — спросил он.

— Что это? Книга о часах?

— Это роман Герберта Уэллса.

— А кто такой Герберт Уэллс?

Не стоило пускаться в подробные объяснения.

— Это книга про человека, который построил такую машину, которая двигалась через время, как самолет по воздуху.

— Если ты пытаешься надо мной подшутить, то это у тебя здорово получается, — сказал Блэйк.

Фармен попытался объяснить по другому.

— Представь себе дом. Многоэтажный дом с лифтом. И представь себе, что ты не знаешь ничего о лифтах. Даже не представляешь себе, как они работают. Представь, что ты на первом этаже, и представь, что я говорю тебе, что я с двадцатого этажа.

— Сколько всего представлять, — сказал Блэйк.

— Но ты понял мою мысль.

— Может, понял. А может, нет.

— Ладно. Представь, что первый этаж — это настоящее время. Сегодня. А подвал — это вчерашний день. Второй этаж — это завтра, третий — послезавтра и так далее.

— Ну ты даешь, — сказал Блэйк.

* Американский генерал XIX века, погибший в войне с индейцами.

— Послушай дальше. Представь, что ты на первом этаже, а кто-то спустился с двадцатого.

— То есть из будущей недели, — сказал Блэйк.

— Именно, — обрадовался Фармен. Он выпил еще бренди. Ему это было просто необходимо. — А что если я тебе скажу, что я только что свалился с этажа, который на шестьдесят лет выше первого?

Блэйк задумался и принялся за второй бокал бренди. Затем он усмехнулся и прищелкнул языком.

— Я бы сказал, что надо быть слегка сумасшедшим, чтобы быть летчиком на этой войне, но если ты не хочешь сражаться с фрицами, то ты попал именно туда, куда надо.

Он не поверил. Впрочем, этого и следовало ожидать.

— Я родился в 1946 году, — начал рассказывать Фармен. — Мне тридцать два года. Мой отец родился в 1920 году. А сейчас тысяча девятьсот... семнадцатый?

— Тысяча девятьсот восемнадцатый, — ответил Блэйк. — Девятое июня. Выпей еще бренди.

Фармен обнаружил, что его бокал пуст. Он и не понял, как осушил его. Он встал, пошатываясь.

— Думаю, мне стоит поговорить с твоим командиром.

Блэйк жестом указал на стул.

— У тебя хватит времени, чтобы выпить. Он еще не прилетел. Просто у меня заклинило пулемет, и я прилетел раньше. Он вернется, когда у него закончится топливо или боеприпасы.

Фармен сидел спиной к двери. Услышав, как хлопнула дверь, он обернулся. Невысокий человек с ниточкой усов бросил свою шинель на стул и взял из рук бармена стакан с бренди, который тот налил не дожидаясь, когда его попросят.

— Сегодня, мсье Блэйк, нам обоим не повезло. — Он говорил по-английски со слабым акцентом. — Я вернулся с одним патроном в обойме.

— Ну и как охота?

Француз слегка пожал плечами.

— У этого человека живучесть, как у кошки, шкура, как у старого слона, и ловкость, как у фокусника.

— Кайзерлинг? — спросил Блэйк.

Француз сел за стол.

— А кто же еще? Я держал его на мушке. Выстрелил, а он ушел. Просто стыдно побить такого человека — он настоящий мастер, — но с каким бы удовольствием я бы это сделал. — Улыбнувшись, он отпил немного бренди.

— Это наш командир, — сказал Блэйк. — Филипп Деверо. На его счету официально числится тридцать три сбитых самолета. Единственный, кто сбил больше, — это Кайзерлинг. — Он повернулся к Фармену. — Я так и не расслышал твое имя.

Фармен представился.

— Он только что из Штатов, — пояснил Блэйк. — Рассказал мне тут такую историю.

Фармен не стал спорить, на месте Блэйка, он тоже воспринял бы все скептически.

— Кайзерлинг, — сказал он. — Вы имеете в виду Бруно Кайзерлинга?

Он читал про Кайзерлинга. Наряду с Рихтгофеном, Бруно Кайзерлинг был самым ненавистным и уважаемым асом немецкой авиации.

— Кого же еще, — сказал Блэйк. — Кто бы из нас не хотел взять его на мушку. — Он стукнул пустым стаканом по столу. — Но мы никак не можем этого сделать. Он летает лучше нас. Рано или поздно, он всех нас перестреляет.

Деверо потягивал бренди. Затем он поставил бокал.

— Мы поговорим об этом позже, мсье Блэйк, — твердо сказал он. — Вы ждали меня? — обратился он к Фармену.

— Да, я... — Фармен не знал, что сказать.

— Только не рассказывай ему своих историй, — предупредил его Блэйк. — Говори по делу.

— Вы пилот, мсье Фармен? — спросил Деверо.

Фармен кивнул.

— И мой самолет летает выше и быстрее любого вашего. Я хочу сбить этого Кайзерлинга.

— Можете попробовать. Но хочу предупредить вас, мсье... Фармен, вы сказали?

— Ховард Фармен.

— Хочу предупредить вас, что этот человек — гений. Он проделявает невозможные вещи с аэропланом. Он сбил сорок шесть, а может, и больше, самолетов. Однажды он сбил три самолета в день. Говорят, что он появился ниоткуда, что он один из богов земли Нибелунгов, который сражается за свою родину. Он...

— Можете сказать, что я тоже появился ниоткуда, — заявил Фармен. — Вместе со своим самолетом.

Когда Деверо допил свое бренди, а Блэйк прикончил четвертый бокал, они отправились к ангарам. Фармен хотел показать им «Пика-Дон». Его самолет опережал любой другой на шестьдесят лет.

Шасси глубоко вошли в мягкую землю. Блэйк и Деверо осмотрели самолет. Они ходили вокруг, меся башмаками грязь.

— Только ничего не трогайте, — предупредил их Фармен. — Даже царапина может ему повредить. — Он не стал говорить, что ракеты, подвешенные под самолетом, могут превратить в пар все живое и неживое в радиусе сотни ярдов.

«Пика-Дон» был 89 футов длиной. Размах его острых, как акульки плавники, крыльев был 25 футов. Самолет больше напоминал стрелу. Спереди фюзеляж был изогнут наподобие капюшона кобры.

По бокам черными дырами казались воздухозаборники. Блэйк присел на корточки, чтобы рассмотреть шасси. Фармен подошел поближе, чтобы вмешаться, если тот начнет трогать ракеты. Но Блэйк заметил сопла вертикального взлета и лег на землю, чтобы лучше рассмотреть их. Деверо засунул голову в хвостовое сопло. Оно было таким широким, что при желании можно было туда залезть. Блэйк вылез из-под самолета и выпрямился.

— Ну что, теперь поверили? — спросил Фармен.

— Мистер, — сказал Блэйк, глядя ему прямо в глаза. — Я не знаю, что это за штука и как вы ее сюда притащили. Но только не надо говорить, что она летает.

— А откуда же она тут появилась? — спросил Фармен. — Я вам покажу. Я... — Он замолчал. Он совсем забыл, что у него закончилось горючее. — Спросите у механиков. Они видели, как я приземлился.

Поставив руки в боки, Блэйк покачал головой.

— Уж я-то разбираюсь в аэропланах. А эта штука летать не может.

К ним подошел Деверо.

— Впервые вижу дирижабль такой странной конструкции, мсье Фармен. Но этот цеппелин очень маленький и, судя по всему, очень тяжелый. Вряд ли он нам поможет...

— Я вам говорю, что это самолет. И он летает быстрее ваших.

— Но у него же нет крыльев, мсье. И нет пропеллера. И колес нет. Как же он разбегается?

От отчаяния Фармен потерял дар речи. Неужели они не видели? Разве не понятно, что это самолет?

— И почему от него так пахнет парафиновым маслом? — спросил Деверо.

Над ангаром прохужжал «нюпор». Развернувшись, он приземлился на поле и покатил к ним.

— Это Мермье, — сказал Блэйк. — Он сбил одного.

Появились еще два аэроплана. Подпрыгивая на кочках, они катились к ангарам. У одного из них не было верхней части крыла, и куски ткани развеивались по ветру.

Блэйк и Деверо все еще смотрели в небо над ангарами, но самолетов больше не было. Блэйк положил руку на плечо Деверо.

— Может, они приземлились в другом месте.

Деверо пожал плечами.

— Может, их уже нет в живых. Сейчас мы все узнаем.

Они прошли в другой конец поля, где аэропланы выравнялись в линию на заасфальтированном куске аэродрома. Мермье и два других летчика вылезли из кабин. Деверо поспешно подошел к ним. Они быстро заговорили по-французски, отчаянно жестикулируя. Некото-

рые жесты Фармену были знакомы — они обозначали фигуры воздушного боя, — а некоторые были совсем непонятными. Внезапно Деверо повернулся, на его лице была гримаса боли.

— Они не вернутся, — тихо сказал Фармену Блэйк. — Летчики видели, как их подбили. Они сгорели. — Блэйк ударил кулаком по стене ангара. — Кайзерлинг сбил Мишо. Он был единственным из нас, кто мог бы подбить этого фрица.

К ним подошел Деверо.

— Мсье Фармен, — сказал он. — Я вынужден просить, что бы вы показали, на что способна ваша машина.

— Мне нужно пятьсот галлонов керосина. — сказал Фармен. Этого будет достаточно для взлета, преодоления звукового барьера и посадки. Десять минут в воздухе, если он не превысит скорость в 1,4 числа М. Этого будет вполне достаточно, чтобы показать, на что способен «Пика-Дон».

Деверо нахмурился и подергал себя за ус.

— Ке... Керосин?

— Парафиновое масло, — сказал Блэйк. — Масло для ламп. — Он повернулся к Фармену. — Здесь керосин называют парафиновым маслом. Но пятьсот галлонов — вы с ума сошли, мистер. Зачем аэроплану столько смазки. Да вся эскадрилья не истратит этого количества за неделю. К тому же как смазка он никуда не годится, иначе мы бы сами использовали его.

— Это не смазка, — пояснил Фармен. — Это горючее для моего самолета. И он его быстро сжигает.

— Но... Пятьсот галлонов!

— Мне это нужно только для показательного полета. — Посмотрев в недоверчивые глаза Блэйка, он решил не говорить, что для полной заправки «Пика-Дону» требуется пятьдесят тысяч галлонов.

Деверо пригладил ус.

— Сколько это будет в литрах?

— Вы что, собираетесь позволить ему?..

— Мсье Блэйк, вы не верите этому человеку?

Блэйк не решился ответить на такой вызов.

— Я думаю, что он нас разыгрывает. Сначала сказал, что у его аэроплан, а показывает нам эту штуковину. Когда мы хотим посмотреть, как она летает, он говорит, что нет горючего. И вдобавок требует керосин. Керосин! Причем столько, что в нем можно утонуть. Даже если это горючее, ни одному аэроплану не нужно такое количество. Вообще, слышал кто-нибудь, чтобы аэроплан летал на ламповом масле?

Схватив Блэйка за руку, Фармен развернул его к себе.

— Я знаю, — сказал он. — В это трудно поверить. На твоём месте я бы тоже сомневался. Дай мне возможность показать способность моего самолета. Я так же, как и ты хочу сражаться с немцами. — Он уже представлял себе, как одним пуском ракеты уничтожит целую

эскадрилью «Альбатросов». Они и не увидят его, а если и увидят, то вряд ли что смогут сделать. Они будут для него легкой добычей.

— Мистер, — сказал Блэйк. — Не знаю, для чего вам нужен этот керосин, но уверен, не для того, чтобы летать. К тому же, я могу спорить, что эта штука никогда не взлетит.

— Мсье Блэйк, — сказал Деверо, вклинившись между ними, — этот человек может ошибаться, но я уверен, что он не лжец. Он отвечает за свои слова. Нам нужны такие люди. Если он не использует это парафиновое масло, мы отдадим его на кухню. Тут мы ничего не теряем. Но мы должны дать ему шанс показать свои возможности. И если хотя бы часть того, что он утверждает, правда, возможно, перед нами человек с машиной, который покончит с Бруно Кайзерлингом.

Блэйк недовольно отошел в сторону.

— Но если ты решил подшутить над нами, тогда не обижайся.

— Вот увидишь, — сказал ему Фармен и повернувшись к Деверо добавил: — Керосин должен быть высокого качества. Самый лучший, который вы только сможете достать. — Двигатели самолета могут при необходимости сжигать керосин, но керосин для горючего, это все равно, что древесный спирт для приготовления martin. Просто лучше керосина он вряд ли что мог достать в 1918 году. — Затем нам придется отфильтровать его.

— Мсье, — сказал Деверо. — У нас только один сорт парафинового масла. Либо это керосин, либо нет.

Два дня спустя, когда они еще ждали, когда привезут керосин, Блэйк провез его на двухместном самолете, чтобы показать окрестности. Видимость была хорошая, лишь возле линии фронта виднелась небольшая дымка. Фармену это было не очень-то и нужно, простым глазом он увидел гораздо меньше, чем на экране «Пика-Дона». Но на экране не заметишь вырытых окопов и немецких аэродромов. Так что полезно посмотреть на них с воздуха. Фармену одолжили летную форму, и они полетели.

Самолет был похож на неуклюжего деревянного змея — доисторическая модель Р-38. Два тарахтящих мотора были установлены между верхними и нижними крыльями по обе стороны gondolas. Хвостовое оперение крепилось при помощи деревянного каркаса. Самолет выглядел довольно хрупкой конструкцией. Однако все крепко держалось на своих местах, когда он понесся по полю, как детская коляска, пущенная с горки. После нескольких прыжков по земле он наконец взлетел, хотя трудно было поверить, что такой скорости было достаточно, чтобы оторваться от земли. Порыв ветра ударил Фармену в лицо. Он поспешно нацепил очки. Им понадобилась целая вечность, чтобы подняться на высоту шесть тысяч футов. Набрав высоту, Блэйк перестал двигаться по спирали и направил аэроплан на восток. Воздух, казалось, был полон горок и ям, по которым трясся

аэроплан. Он то и дело срывался в воздушные ямы. В животе у Фармена образовался комок.

Его тошнит? Этого просто не могло быть. Все что угодно, но только не это. Он был опытным летчиком и налетал более десяти тысяч часов. Его не могло тошнить. Он сглотнул слюну и крепко уцепился руками за сиденье.

Блэйк, сидящий в передней кабине, что-то кричал ему, указывая рукой вниз. Фармен повернул голову. Поток воздуха чуть не сорвал с него очки. Далеко внизу, как на диораме, виднелась сеть вырытых окопов, кривыми линиями тянувшаяся по голой земле. Все пространство между ними было усеяно воронками и напоминало лунный ландшафт.

Аэроплан летел вдоль реки. Окопы тянулись с холмов на юге, пересекали реку и продолжались на другой стороне до самых гор. Впереди над немецкими окопами появились черные дымки — это спазматически стреляла противовоздушная артиллерия. Блэйк развернул самолет в южном направлении, что-то кричал через плечо про швейцарскую границу. Немцы прекратили стрельбу.

Он без труда узнает линию фронта, решил Фармен. Он попытался сказать об этом Блэйку, но ветер уносил слова прочь. Он наклонился, чтобы похлопать его по плечу. Что-то ударило его по рукаву.

Он посмотрел на него. В плотном материале зияла дыра, но откуда она могла взяться? И непонятно почему, Блэйк стал пикировать. Горизонт опрокинулся.

— Стреляй! — заорал Блэйк.

Позади кабины Фармена крепился пулемет, но в тот момент Фармен никак не мог сообразить, чего от него хочет Блэйк. Затем над ними скользнула тень самолета. Он пролетел так низко над его головой, что шум его двигателей был сильнее, чем шум моторов их аэроплана. Фармен увидел, как на него смотрит немецкий летчик. Его глаза были скрыты очками, а губы плотно сжаты. Блэйк так резко развернул аэроплан, что Фармена вдавило в сидение. Он потерял из виду немецкий самолет. Затем он увидел его снова — тот шел прямо на них.

Самолет был фиолетового цвета с белыми полосками на крыльях и хвостовом оперении. Рядом с носом немецкого самолета заблестели огоньки, и Фармен услышал, как что-то похожее на капли дождя забарабанило по верхнему крылу рядом с ним.

— Стреляй! — снова заорал Блэйк. Теперь он резко бросил самолет вверх. Они выровнялись и развернулись в обратную сторону. Немецкий самолет летел над ними. — Стреляй же!

В него чуть не попали. Невообразимо! Это просто не могло случиться. Но Фармену некогда было размышлять над этим. Развернувшись, он взялся за ручки пулемета неизвестной конструкции. В жизни он не стрелял из подобного оружия. Интуитивно он нащупал спусковой крючок. Пулемет застрочил и вырвался у него из рук. Он поискал в небе фиолетовый аэроплан. Его нигде не было видно. Блэйк

совершил еще один головокружительный маневр, и тут он заметил, что за ними следуют три самолета. Впереди летел аэроплан с белыми полосами.

Фармен развернул пулемет и направил его на первый самолет. Затем нажал на гашетку. Трассирующая очередь прошла под немцами, далеко от самолета.

Фармена никогда не учили стрелять из пулеметов во время воздушного боя. В сражении участвовали системы наведения, компьютеры, ракеты с головками самонаведения, а не допотопные хлопушки калибра 0,30. Он поднял ствол повыше и дал еще одну очередь. Все равно слишком низко. Немец приближался. У пулемета не было никакого прицела, не говоря уже о системе захвата цели. Фармен боролся с неудобным оружием, стараясь направить ствол прямо на немецкий самолет. Это должно было быть легко, но у него почему-то ничего не получалось. Немец был уже совсем рядом. Фармен израсходовал все патроны, так ни разу и не задев вражеский аэроплан. Ему понадобилась целая вечность, чтобы установить новую ленту. Блэйк в это время выписывал невероятные акробатические фигуры, стараясь уйти от огня противника.

Пулей оторвало кусок обшивки прямо под локтем Фармена. Пулемет снова был готов к стрельбе, и Фармен выпустил очередь по немцу, когда тот пролетел над правым рулем их аэроплана. Руль разлетелся в щепки. Немец ушел вправо, набрал несколько футов высоты, развернулся и вновь пошел на них. Его пулемет строчил, не переставая. Оглядевшись, он увидел, что немец исчез. Обрывки руля болтались на ветру.

— Где? — спросил он. Он хотел спросить, где находится немец, но не мог задать такой сложный вопрос.

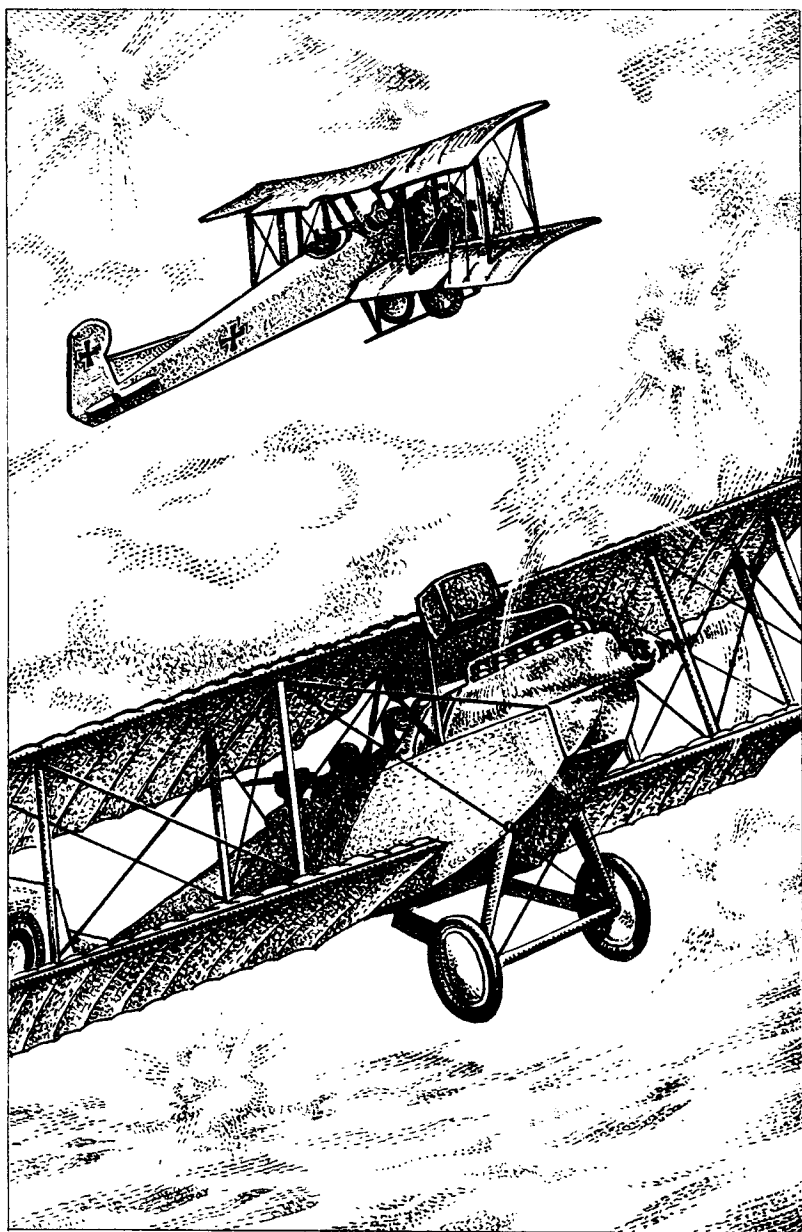
— Смысл, — заорал в ответ Блэйк. — Появились друзья. Смотри.

Фармен посмотрел туда, куда указывал рукой Блэйк. В пятистах футах над ними ровным строем летели пять «нюпоров». Затем их ведущий помахал крыльями, и самолеты повернули на восток. Фармен увидел, что они летят над полем боя ровно и спокойно, лишь слегка покачиваясь на воздушных потоках.

— Ты в порядке? — спросил Блэйк.

— Думаю, да, — ответил Фармен. Но когда их аэроплан подхватил нисходящий поток воздуха, ему внезапно стало плохо. В животе у него образовался ком, и ему едва хватило времени перегнуться через борт, когда его вырвало. Он все еще был в таком положении, держась за борт обеими руками, когда Блэйк сделал круг над аэродромом и посадил аэроплан на три колеса. Все, о чем сейчас мог думать Фармен, так это когда в последний раз в мире летчики сажали самолет на три точки.

Он не хотел признаваться — даже самому себе — что у него была воздушная болезнь. Но понемногу он отошел, и земля перестала качаться у него под ногами. Внезапно он почувствовал страшный голод.

Блэйк вернулся из столовой, неся в руках кусок черного хлеба и открытую консервную банку с паштетом. Они пошли в домик за ангаром. Анри дал Блэйку бутылку домашнего вина и два стакана. Поставив все это на стол, они принялись намазывать хлеб паштетом.

— Он хотел убить нас, — сказал Фармен. Эта мысль только сейчас пришла ему в голову. — Он хотел убить нас.

Блэйк отрезал себе еще кусок хлеба.

— Конечно. Я бы тоже его убил, если бы мне предоставилась такая возможность. Тут нет ничего личного. Хотя, вынужден признать, я не ждал, что он сегодня появится. Они не часто летают в этом районе. Но... — Его лицо исказила гримаса. — Трудно предугадать его действия.

— Его?

Блэйк перестал жевать и нахмурился.

— Ты же знаешь, кто это был, не так ли?

Мысль о том, что после такой короткой встречи можно узнать противника, показалась Фрэнку довольно странной. Он шевелил губами, но не мог произнести ни слова.

— Это был Бруно Кайзерлинг, — сказал Блэйк. — Только у него аэроплан такого цвета.

— Я доберусь до него, — прошептал Фармен.

— Легко сказать, — ответил Блэйк. На его лице появилась кривая усмешка. — К тому же тебе не мешало бы потренироваться в стрельбе из пулемета.

— Я доберусь до него, — повторил Фармен, сжав кулаки так, что костяшки пальцев побелели.

На следующий день пошел дождь. Огромные темные облака висели низко над землей, обрушивая на нее потоки воды. Все полеты были отменены, и летчики сидели в домике за ангаром, попивая вино и слушая, как капли дождя барабанят по крыше. Проснувшись утром и услышав шум дождя, Фармен надел плащ и пошел проверить «Пика-Дон». Он стоял укрытый брезентом, и дождь не мог причинить ему вреда.

Кроме Деверо, Блэйк был единственным человеком, с которым Фармен мог разговаривать. Другие пилоты знали по-английски несколько слов. После скудного обеда вместо питейного заведения Блэйк отвел его в один из ангаров. Там в углу стояли деревянные ящики с патронами и пулсметными лентами. Блэйк научил Фармена, как заряжать ленты и осматривать патроны. Он вручил Фармену приспособление, в которое мог войти только хороший патрон без брака, и следующие несколько часов они только и занимались тем, что проверяли патроны и снаряжение пулеметных лент. Работа была скучной и монотонной. Все патроны были похожи друг на друга. Бракованные встречались очень редко.

— Ты всегда занимаешься этим сам? — спросил Фармен, осмат-

ривая свои черные от работы руки. Он не привык к такого рода работе.

— Если у меня есть такая возможность, — ответил Блэйк. — И так пулемет часто заедает. Когда Кайзерлинг выписывает над тобой круги, ты можешь рассчитывать на пулемет, мотор и крылья. И если что-нибудь из этого откажет — то ты пропал. А до земли далеко.

Фармен промолчал. Дождь стучал по крыше. В другом конце ангара работали механики.

— Как ты попал сюда? — наконец спросил он. — Зачем это тебе?

Блэйк отложил пулеметную ленту. Он посмотрел на Фармена.

— Повтори еще раз. Только помедленнее.

— Это французская эскадрилья. А ты американец. Что ты здесь делаешь?

Блэйк хмыкнул.

— Как что? Сражаюсь с немцами.

Фармен не мог понять, шутит ли Блэйк или же говорит серьезно.

— Это понятно. Но почему с французами?

Блэйк проверил патрон и заправил его в ленту. Потом взял другой.

— Я не захотел, чтобы меня перевели в американскую эскадрилью, когда они стали прибывать сюда. Им давали самолеты, на которых не хотели летать ни французы, ни англичане. А я привык уже к своему самолету. — Он засунул патрон в ленту.

— Я не это имел в виду, — сказал Фармен. — Ты приехал сюда еще до того, как Америка вступила в войну, так?

— Да, в шестнадцатом году.

— Это я и хотел сказать. Почему ты помогаешь Франции? — Фармен не понимал, зачем американцу понадобилось сражаться за королевство «великого Шарля». — Тебя ведь это не касается. Зачем ты здесь?

Блэйк продолжал проверять патроны.

— Мне кажется, что меня это касается. Как и всех остальных. Немцы развязали эту войну. Если мы покажем, что против войны выступает весь мир, то больше войн никогда не будет. Я этого хочу. Это будет последняя война в истории человечества.

Фармен снова принялся проверять патроны.

— Слишком не надейся. — Что он еще мог сказать Блэйку. Дождь продолжал барабанить по крыше, а казалось, что это играет воснный марш.

Двумя днями позже три грузовика с шумом подъехали к ангарам. Они привезли горючее для эскадрильи и двадцать столитровых бочек с керосином, который сначала по ошибке выгрузили возле кухни.

Фармен сконструировал примитивный фильтр грубой очистки. В керосине было полно сора. Для этого он сложил в несколько раз кусок парашютного шелка и заставил механиков выскоблить до чистоты пустые бочки из-под бензина. Он испробовал свой фильтр, очистив

ведро керосина. Процедура продолжалась мучительно долго, и отфильтрованный керосин ни по виду, ни по запаху не отличался от исходного продукта. Залив керосин в бак, он запустил двигатель, и тот заработал на малых оборотах. И снова, как он потом проверил, ни один инжектор не засорился.

Он принялся фильтровать керосин и занимался этим два дня. Ему помогал механик, но Фармен не слишком доверял ему, потому что тот вряд ли мог понять, насколько качество топлива важно для работы двигателей. Да и откуда он мог это знать в то время. Один раз подошел Деверо, проверил исходный материал и отфильтрованный керосин и ушел, не сказав ни слова.

Между полетами приходил Блэйк. Фармен показал ему, сколько грязи осталось на фильтре. Блэйк хмыкнул.

— Все равно это керосин, — сказал он. — Ты не можешь летать на нем. Это все равно, что засыпать в баки зерно для птиц. Не знаю, для чего он тебе нужен, но я в жизни не поверю, что это необходимо для полета.

Фармен пожал плечами.

— Завтра я подниму «Пика-Дон» в воздух. Завтра и скажешь, что ты об этом думаешь. Справедливо?

— Возможно, — ответил Блэйк.

— Ты думаешь, что я «пшикальщик»?

— А кто это такой?

Блэйк не слышал эту шутку. Возможно, ее придумали гораздо позже. Фармен объяснил ему, что, когда один адмирал потребовал у своего подчиненного ответа, чем тот занимался по службе, тот сказал, что ему нужен целый корабль с новейшим техническим оборудованием. Ему дали этот корабль, и после сложнейшего перехода в Антарктиду подчиненный бросил на лед кусок раскаленного железа, которое сделало «пшик».

Блэйк отстал от него.

— Но я вот что тебе скажу. Если ты собираешься подшутить, то у тебя железные нервы.

С утра на небе появились облака. Но они были высоко и не могли помешать показательному полету. Фармен подождал, пока Блэйк не поднимется в воздух на своем аэроплане. Теперь он кружил над полем на высоте десяти тысяч футов.

— Я полагаю, что все готово, — сказал Деверо, приглаживая усы.

Фармен подошел к самолету.

— Лучше будет, если люди отойдут подальше, — сказал он. Вой турбин ударит из по незащищенным ушам. Он встал на деревянный ящик и, подтянувшись, залез в кабину «Пика-Дона». Посмотрев вниз, он заметил, что зрители отошли от самолета футов на двадцать.

Посмотреть на полет пришло немало народу. Фармен усмехнулся. Когда он включит двигатели, они отбегут дальше.

Он опустил фонарь кабины. Он проверил замки — все в порядке. Он принялся за предполетные проверки, и самолет завибрировал. Приборы ожили. Двигатель номер один запустился нормально. Стрелка тахометра завертелась на циферблате. Второй и третий двигатели тоже работали нормально.

Все шло, как надо. Он не хотел зря тратить горючее и провел только самые необходимые проверки, установил ручку управления двигателем на максимальный режим для вертикального взлета. «Пика-Дон» поднялся в воздух. Зависнув над землей, самолет стрелой взметнулся в небо. Фюзеляж не позволял пилоту взглянуть на землю, но это не важно. Они все наблюдали за ним, закрыв уши. Он ухмыльнулся, глядя на приборную доску. Хорошо бы увидеть, как они стоят там с выпученными глазами и отвислыми челюстями. Ведь они никогда не видели таких самолетов в воздухе.

Он поднял «Пика-Дон» на высоту десяти тысяч футов. Прищурив глаза, он попытался отыскать отметку от «нюпор» Блэйка на экране радара. Но там ничего не было. Сначала у Фармена мелькнула мысль, что с Блэйком что-то случилось и он пошел на посадку. Затем он увидел, как «нюпор» пролетел слева от него и попытался обойти спереди, на несколько футов выше. Он видел лицо Блэйка в летных очках.

Но и теперь на экране радара не было никакой отметки. Фармен выругался. Что-то случилось с оборудованием.

Но ему некогда было искать причину неисправности. «Пика-Дон» поглощал керосин с невероятной быстротой. Он положил самолет на бок, передвинул ручку управления тремя двигателями впереди. Его вжало в кресло. На какую-то секунду перед ним мелькнул аэроплан Блэйка, летевший прямо на него. Он же предупреждал его не заходить в переднюю полусферу. Но «Пика-Дон» начал резко терять высоту. На скорости в 0,5 числа М у него было скольжение, как у снежного кома, шара из кегельбана. Он пролетел в ста футах под «нюпором». Стрелка высоты вращалась в обратную сторону. На экране появился горизонт. Он взглянул на указатель скорости. Еще немного, и он преодолел звуковой барьер. Фармен чувствовал, как мощно ревел двигатель. Он развернул нос «Пика-Дона» вверх и преодолел звуковой барьер под углом в сорок пять градусов. «Ньюпор» Блэйка пропал из его поля зрения.

На сорока тысячах он уменьшил тягу, выровнял самолет и начал снижаться. Ему пришлось потрудиться, прежде чем он обнаружил аэродром. Он представлял собой всего лишь зеленое поле в стране зеленых полей. На пяти тысячах он перешел на вертикальное снижение. Приборы показывали, что топлива осталось на тридцать секунд полета. Зависнув на высоте двухсот футов, он выбрал место для посадки.

Он спрыгнул из кабины на землю, не ожидая, когда ему подставят

деревянный ящик. Фармен недоуменно оглянулся. Вокруг не было ни одного человека. Не видно было и самолетов. Наконец он замстил на высоте маленькие точки в небе. Ничего не понимая, он направился к ангарам. Неужели из них так подействовал его полет? Он схватил за руку первого попавшегося человека, им оказался механик.

— Что случилось?

Механик заулыбался и зажестиковал, что-то рассказывая по-французски. Встряхнув его, Фармен снова повторил вопрос на ломаном французском языке, показывая рукой в сторону линии фронта.

— Я знаю, что они туда улетели, — пробурчал Фармен и отпустил механика. Он прошел в домик за ангарами и попросил у Анри виски. Он выпил и через пять минут попросил еще один бокал. Когда летчики вернулись, он уже допивал четвертый.

Они с шумом зашли в дверь, и Анри выставил на стойке шеренгу бокалов и принялся наливать их. Как только стакан наполнялся, за ним тут же протягивалась рука. Блэйк подошел к столику Фармена, держа в руках наполненный до краев бокал.

— Ховард, — сказал он, — не знаю, как там работает твоя штука и можно ли вообще назвать ее аэропланом. Но вынужден признать, что, когда ты взлетел, ты двигался быстрее пули. Если ты мне объяснишь...

— Все, что ты захочешь, — самодовольно сказал Фармен.

— Как ты можешь летать, если не чувствуешь ветер на лице?

Фармен хотел было рассмеяться, но на лице у Блэйка не было и тени улыбки. Он был серьезен. Для него это не было шуткой.

С трудом Фармен подавил смех.

— Мне не нужен ветер. Наоборот, если стекло разобьется, я могу погибнуть. Всю информацию я получаю от приборов.

Он видел, как на лице Блэйка появилось недоверчивое выражение. Фармен поднялся, слегка качаясь от выпитого.

— Пойдем, я покажу тебе кабину.

Блэйк жестом указал ему на стул.

— Я видел твою кабину. У тебя там столько всего, что у тебя и времени не будет, чтобы глядеть по сторонам. Можно ли вообще назвать это полетом. С таким же успехом ты мог бы сидеть за письменным столом.

Фармену и самому иногда приходили в голову подобные мысли. Но все эти приборы были необходимы, чтобы управлять таким самолетом, как «Пика-Дон». Он не знал, стал бы он учиться на летчика, если бы ему сразу сказали, как это все будет на самом деле. — Ты еще назови его подводной лодкой, — сказал он без особого сарказма. — Ты скажи, летал я или нет?

В ответ Блэйк лишь пожал плечами.

— Сначала ты завис, как воздушный шар. Если бы я не видел это собственными глазами, я бы никогда не поверил. Внезапно ты полетел на меня, как пушка. Признаться, ты напугал меня. Никогда я не видел еще ничего, что двигается с такой скоростью. Не успел я развернуться, как тебя и след простыл. Если бы мы вели с тобой воздушный бой, ты мог бы прошить меня очередью, а у меня не было бы времени ни на один выстрел.

На стол упала тень. Они подняли головы.

— Действительно, мсье, — сказал Деверо, — ваша машина может без риска атаковать любую цель. Мне трудно понять, как она может летать с такими маленькими крыльями или как она может подниматься вертикально в воздух, но я видел все это своими глазами. И этого достаточно. Я хочу извиниться, что нас не было здесь в момент приземления.

Итак, он все таки произвел на них впечатление.

— А куда вы все улетели? Я полагал, что патрулирование начнется только со второй половины дня.

Подвинув стул, Деверо сел рядом с Блэйком. Он осторожно поставил стакан с вином на стол.

— Действительно, мсье. Но мы услышали пушечную стрельбу на фронте. А в этих случаях наш долг подняться в воздух и помогать своим войскам.

— А я не слышал никаких пушек, — сказал Фармен. — Когда я вернулся, тут было так тихо, как на бар-мицве* в Каире.

И тут же по их лицам он понял, что шутка не дошла до них. Да, они много о чем еще не слышали.

— Что самое странное, — сказал Деверо, — когда мы подлетали к линии фронта, пушки уже смолкли, а в небе не было ни одного самолета, кроме вашего. Мы пролетели километров пятьдесят вдоль линии фронта, но никаких признаков боевых действий не заметили. Когда мы вернулись, я связался с командирами, и они подтвердили, что все было тихо. И пушки не стреляли, ни наши, ни немецкие. Довольно странно, тем более, что некоторые утверждают, как слышали пушечную канонаду в нашем секторе. Но как видите... — Он указал на ясное небо. — Грома не могло быть.

Он произнес все это с наивным непониманием маленького мальчика, еще не познавшего тайн природы. Фармен внезапно рассмеялся, и Деверо заморгал от удивления.

— Извините, — сказал Фармен. — До меня только что дошло. Это вы не канонаду слышали, а меня.

— Вас, мсье? Не понял шутки.

— Никакая это не шутка. Вы слышали мой самолет. Когда он

* Бар-мицва — еврейский праздник совершеннолетия у мальчиков. Естественно, в Египте его не справляют.

преодолевают звуковой барьер, то слышится нечто наподобие взрыва. — Он смотрел на их лица. — Вы мне не верите?

Стакан Деверо был пуст. Блэйк встал, держа в руке свой пустой бокал. Он потянулся за стаканом Деверо, но тот убрал его руку. Блэйк пошел к бару только со своим бокалом.

— Я не думаю, что смогу понять принцип действия самолета, — сказал Деверо. — Но теперь, когда вы показали, на что он способен...

— Это всего лишь небольшая часть, — ответил Фармен.

— Да. Но того, что мы увидели, достаточно, чтобы покончить с Бруно Кайзерлингом.

— Мой самолет способен на это, — сказал Фармен.

— Будем надеяться, — сказал Деверо, позволив себе небольшую улыбку. — В любом случае, надо попробовать. Если вы скажете, куда можно прикрепить пулемет...

— Мне не нужны пулеметы, — заявил Фармен.

— Но, мсье, на аэроплане должно быть оружие. Аэроплан без пулемета, все равно, что тигр без зубов и когтей.

От мысли, что на носу «Пика-Дона» могут укрепить пулемет, ему стало не по себе.

— У меня есть свое вооружение, — сказал Фармен. Вернулся Блэйк и поставил свой стакан на стол, слегка расплескав бренди. — Пулеметы снижают аэродинамические качества самолета. Он, возможно, и летать с ними не сможет.

— Аэро... что? — спросил Блэйк. — О чем это ты говоришь?

Фармен наклонился вперед.

— Послушайте. Вы видели мой самолет, ладно. Видели там возле шасси балки?

— Я видел, — сказал Деверо.

— На каждой из них крепится ракета. Одной из них достаточно, чтобы уничтожить целую эскадрилью.

— Да? И сколько там таких ракет? Восемь?

— Шесть, — ответил Фармен. — Сколько эскадрилий у немцев в этом секторе?

— Две, — сказал Деверо. — Но, мсье, люди, которые оснащали ваш самолет, вряд ли понимали что-нибудь в воздушном бое. Надо обладать особой меткостью, чтобы даже шестью ракетами сбить один самолет. Надо помнить, что аэропланы движутся, а не висят неподвижно, как воздушные шары. Часто я тратил сотни патронов, так ни разу и не попав в противника. И то, что вы собираетесь вступить в бой, имея возможность выстрелить в неприятеля всего шесть раз... Это сумасшествие. Вряд ли это увенчается успехом.

— Я не просто выпущу их, — ответил Фармен. Как он мог все объяснить? — Мой самолет настолько скоростной, что оружейные системы не могут полагаться на человеческие чувства. Мои ракеты сами находят свою цель. Они...

По их лицам он понял, что они не верят ему.

— Послушайте, — сказал он. — Я показал вам, что мой самолет делает то, о чем я вам рассказывал. Он быстрее любого вашего аэроплана. И поднимается гораздо выше. А теперь дайте мне достаточно топлива, чтобы вступить в бой с Кайзерлингом, и я покажу, на что способны мои ракеты. Они сотрут его в порошок в мгновение ока.

— Бруно Кайзерлинг опытный пилот, — сказал Деверо. — Это человек, которого невозможно убить. Мы пытались это сделать. Все пытались. Сколько он сбил наших пилотов и сколько еще собьет, пока не окончится война. Так что не рассчитывайте особенно на свое оружие.

— Дайте мне только керосина на один полет, — сказал Фармен. — Только на один полет. Об остальном я сам позабочусь. — Волноваться ему было не о чем. Воздушный бой между аэропланом времен первой мировой войны и истребителем середины двадцатого века похож на схватку человека и гориллы.

— Но, мсье, у вас же есть керосин, — слегка удивился Деверо. — Мы вам дали почти две тысячи литров.

Фармен покачал головой.

— Я его сжег. Керосина, который остался в баках, хватит разве что на то, чтобы наполнить ваш стакан.

Деверо посмотрел на свой пустой стакан.

— Мсье вы шутите.

— Это не шутка, — сказал Фармен. — «Пика-Дон» летает со скоростью ракеты, но ведь это не просто так. Может быть, вы знаете, что такое закон сохранения энергии. Это просто ненасытная машина.

Воцарилась тишина. Молчали не только за их столиком, но и за остальными тоже. Фармен подумал, что эти летчики, возможно, понимали по-английски лучше, чем он думал. Блэйк отпил изрядный глоток бренди.

— И сколько керосина понадобится?

— Десять тысяч галлонов на час-полтора.

Снова воцарилась тишина.

— Мсье, — наконец сказал Деверо. — И простое топливо достать не так уж просто. Сейчас я попытаюсь взвесить возможное уничтожение Бруно Кайзерлинга — что является нашим всеобщим желанием — и объяснение, для чего мне понадобится такое количество парафинового масла для кухни. К тому же у меня до сих пор есть сомнения в успехе вашей миссии. Мне придется взять с вас слово, что это парафиновое масло необходимо вам для полета.

— Могу поклясться на Библии.

— Ладно, — криво улыбнулся Блэйк. — Но как вы обоснуете необходимость получения сорока тысяч литров керосина?

Деверо склонил голову, как бы слушая голос, который шептал ему на ухо.

— Думаю, придется сказать часть правды. Что мы испытываем новое оружие, для которого требуется парафиновое масло.

— И какое оружие это может быть? — спросил Блэйк.

— Если им понадобятся детали, — наклонился вперед Фармен, — скажите, что вы заполняете им старые бутылки из-под вина и засовываете внутрь тряпку. Прежде чем бросить бутылку в немцев, вы поджигаете конец тряпки, торчащей из бутылки. При ударе бутылка разбивается, поливая все горящим керосином.

Блэйк и Деверо переглянулись. На их лицах расцвела улыбка.

— Думаю, это пойдет, — сказал Блэйк, потирая рукой подбородок. — Как это раньше никто не додумался до этого?

Впервые он воспринял что-то с энтузиазмом. По крайней мере, это было оружие, которое он понимал.

— Бутылки лучше заправлять бензином, — сказал Фармен. — Это называется коктейль Молотова.

— Мсье Фармен, — сказал Деверо, — мы обязательно испробуем это. — Он встал, держа в руке пустой стакан. — Анри! Еще вина.

Через два дня стали привозить керосин. Партии были неравномерными. То привозили несколько бочек, то целыми грузовиками. Керосин не был стратегическим продуктом, это была всего лишь жидкость, используемая для кухонных нужд. Его нельзя было заказать на ближайшем складе, как в эпоху сверхзвуковой авиации. Это все равно, что армии Чингис-хана понадобилось бы несколько тысяч фунтов пороха.

Июнь перешел в июль. Пригревало летнее солнце. День за днем Фармен фильтровал керосин своими самодельными приспособлениями. От запаха керосина болели легкие и раскалывалась голова. Иногда его тошнило до такой степени, что он не мог есть.

Один день сменял другой. Свободного времени у Фармена почти не было. Изредка он поднимал голову, когда слышал шум возвращающихся аэропланов. Он видел самолеты, крылья которых были изорваны в клочья. Он видел, как однажды, не долетев до земли, самолет развалился в воздухе и пилот погиб. Он видел, как однажды пилот посадил свой самолет, вырулил его на стоянку и умер от потери крови, когда пропеллер еще продолжал крутиться. А сколько раз он вместе с другими смотрел в небо, ища там самолеты, которые уже никогда не вернуться.

Несколько дней керосин не привозили. Он использовал это время, чтобы побольше узнать про немцев — их тактику, возможности самолетов. Большинство фактов, которые он узнал, ему были не нужны. По сравнению с «Пика-Доном» немецкие самолеты были почти неподвижными целями. Но имея в баках всего десять тысяч галлонов керосина, ему неплохо было бы знать, в каких районах чаще всего появляются немецкие аэропланы и в каком составе. У него будет время только на то, чтобы подняться в воздух, прицелиться,

выпустить ракету и вернуться на базу. Надо было распланировать все по минутам.

— Они обычно держатся возле своей линии, — сказал он Деверо. — Вот и хорошо. Когда я поднимусь, надо, чтобы вы убрали все свои аэропланы. Я должен быть уверен, что самолеты, которые я обнаружу — немецкие. У меня не будет возможности разглядывать их.

— Это просто невозможно. Более того, неразумно, — сказал Деверо. Его шарф развевался на ветру. — Наши самолеты должны постоянно находится во всех секторах, чтобы прикрывать аэропланы, ведущие разведку. Если там не будет наших патрулей, противник нападет на эти аэропланы. Возможно, мы и уберем на час самолеты из того сектора, где в то время не будет наших разведчиков. Это будет достаточно?

— Не совсем, — ответил Фармен. — Вы патрулируете фронт между швейцарской границей и Богезами, так?

— Этим занимаются несколько эскадрилий.

— Ясно, значит их тоже надо предупредить. На сколько миль тянется линия фронта? Пятьдесят? Семьдесят пять?

— На пятьдесят один километр, — ответил Деверо.

— Отлично. Я буду летать в 2 числа М. Таким образом, я пролечу это расстояние за три минуты. Только на разворот мне потребуется двадцать миль. Я сам буду патрулировать весь фронт.

— Так быстро? Вы не преувеличиваете, мсье?

— На высоте в шестьдесят тысяч футов я могу летать в два раза быстрее. Но я буду на высоте в сорок тысяч. Плотность воздуха там гораздо больше.

— Понятно, мсье.

Фармен не был уверен, поверил ли ему француз.

— Боюсь, мсье, вы все же не учли всех факторов. Даже если вы будете патрулировать вдоль всего фронта, то это будет лишь до тех пор, пока вы не встретите немецкий аэроплан. Тогда вам придется атаковать его, и вуаля, завяжется воздушный бой. А немцы не летают по одному, обычно вылетают четыре или пять самолетов. Кто же будет прикрывать наших разведчиков в это время?

— Я хочу, чтобы во время моего полета в воздухе не было даже разведчиков, — твердо сказал Фармен. — Я уничтожу всех, кто будет в тот момент находиться в небе. Так что разведчиков придется убирать. В любом случае, мне понадобится не более пяти минут с момента обнаружения самолетов противника до пуска ракет. Затем я возобновлю патрулирование.

В это время послышался шум приближающихся аэропланов. Деверо пристально вглядывался в небо.

— А вы не подумали, мсье, что немцы будут спокойно смотреть, как вы стреляете по ним ракетами? Все они опытные мастера воздушного боя. И даже если каждая ракета попадет в цель, то вы можете сбить только шесть аэропланов.

— Они и не заметят меня, — сказал Фармен. — Они и удивиться не успеют. К тому же одной ракеты хватит... — Он сделал красноречивый жест рукой. — Единственное, о чем я вас прошу — уберите на пару часов все свои самолеты. С десятью тысячами галлонов я все равно не продержусь в воздухе больше полутора часов. Разве я много прошу? Всего два часа.

В небе были видны приближающиеся аэропланы. Два шли впереди, а третий следовал за ними, постоянно теряя высоту и набирая ее снова. Фармен не знал, сколько самолетов ушли на патрулирование в этот раз, но обычно это было не менее четырех самолетов. Опять сегодня в столовой будут пустовать стулья.

Первый самолет пошел на посадку. Его нижнее крыло было изорвано в клочья, трепыхавшиеся по ветру, как флаги. Переднее колесо вихлялось из стороны в сторону. Когда аэроплан сел, шасси отвалилось. Крыло задело землю, и через секунду аэроплан превратился в бесформенную грудку обломков, из которой торчало хвостовое оперение. Люди побежали по полю. К небу стал подниматься столб густого черного дыма. Через мгновение это был вздымающийся ад. Никто не мог приблизиться к горящему аэроплану. Пилота уже не было видно. Второй аэроплан приземлился невредимым.

Деверо посмотрел на Фармена.

— Нет, мсье, — сказал он. — Вы просите совсем немного. Это мы слишком много требуем от людей.

Фармен поднял «Пика-Дона» с аэродрома, когда только занималась заря. Истребитель неуклюже взлетел. Что ж, та бурда, которой он его поил, отличалась от обычного меню истребителя. Он набрал высоту 8 000 футов, прежде чем перейти в горизонтальный полет. На трех тысячах он преодолел звуковой барьер. Указатель числа М показывал 1,25.

Солнце взошло, когда «Пика-Дон» летел на высоте 20 000 футов. Воздух был кристально чист. Где-то внизу две армии стояли друг напротив друга. Это длилось более четырех лет. Фармен поднял самолет до 40 000 футов и принялся за патрулирование, делая «восьмерки» от швейцарской границы до вершины Вогезов. Он непрерывно наблюдал за индикатором кругового обзора, ожидая, когда там появится отметка от немецкого самолета.

В хорошие для полета дни немцы обычно вылетали на патрулирование, чтобы перехватить разведывательные аэропланы, которые французы тоже поднимали в такие ясные дни. Наверняка во главе патруля будет Бруно Кайзерлинг. Фармен внимательно наблюдал за зоной, где находился немецкий аэроплан. Когда немецкие аэропланы взлетят, их немедленно обнаружат радары «Пика-Дона». Глядя на экран, он продолжал выписывать «восьмерки», ожидая появления на экране отметки от цели. Он уже два раза пролетел над линией фронта, но самолетов противника не было видно. Вообще на экране не

было никаких самолетов, хотя французская эскадрилья вылетела раньше его, чтобы наблюдать за обещанным боем. Горючего оставалось всего на шесть или семь «восьмерок», а затем он будет вынужден вернуться на свой аэродром.

И опять неделями фильтровать керосин? Он еще два раза пролетел вдоль линии фронта. Ничего. Что ж, он сам их найдет. Поиск на экране немецкий аэродром, он стал снижаться. У него шесть ракет. Достаточно будет одной, чтобы полностью разрушить их взлетную полосу.

Он опустил до высоты 20 000 футов, когда заметил немецкие аэропланы. Ровным строем они летели на север. Фармен бросил взгляд на экран — никаких отметок от самолетов.

К черту взлетную полосу! Теперь у него есть противник. Фармен круто развернулся, чтобы оказаться позади строя немецких аэропланов. В результате маневра он уже не наблюдал их визуально, но радар покажет ему, где они находятся. Теперь можно было не спешить.

Но на экране радара было пусто. Тогда он попытался обнаружить их при помощи радара захвата цели. Опять ничего нет.

Но он знал, что аэропланы где-то рядом, и в следующий момент увидел их перед собой. Они были похожи на маленьких черных мух, только мухи не летели строем. Достаточно, чтобы рядом с ними взорвалась одна ракета, и...

Но на радаре захвата цели не было никаких отметок. Придется стрелять визуально. Фармен подал питание к взрывателям ракет номер один и шесть. Немецкие аэропланы, казалось, неподвижно висели в воздухе.

Он произвел пуск с четырех миль. Фармен определил расстояние на глаз. Немецкие аэропланы казались точками, но это было неважно. Ракеты с тепловыми головками могли найти цель на расстоянии в десять раз больше этого. Фармен почувствовал, как тряхнуло самолет, когда ракеты сошли с направляющей. Он резко развернулся, стрелой пошел вверх и через несколько секунд был уже на высоте 45 000 футов. Ракеты прочертили свой путь на экране и ушли за край.

Это означало, что они ушли далеко за Вогезские горы. Фармен ничего не мог понять. Он направил ракеты прямо на строй, взрыватели были питаны, боеголовки взведены. Ракеты должны были разнести в щепки все немецкие аэропланы. Но этого не произошло.

Фармен развернул самолет. На приборе он нашел то место, где раньше находились аэропланы. Их до сих пор не было видно на экране радара. Но они все еще были в воздухе, и у него оставались четыре ракеты. Ракеты один и шесть самоликвидировались, когда у них вышло топливо. Фармен направил истребитель. Уж в этот раз он не промахнется.

Немецкие аэропланы были в десяти милях. Фармен вдвое сократил это расстояние и запустил ракеты два и пять. Через две секунды

он выпустил ракеты три и четыре. Взяв ручку на себя, он резко ушел вверх. Противоперегрузочный костюм стальными пальцами сдавил его тело, и отпустил, когда Фармен выравнивал самолет. Он посмотрел на экран, чтобы сориентироваться. На экране были видны четыре ярких следа от ракет.

«Взрывайтесь! — мысленно приказал он. — Взрывайтесь!»

Но этого не произошло. Ракеты снова улетели за горы, где механизм самоликвидации взорвал их в установленное время. А немецкий патруль, как ни в чем не бывало, продолжал свой полет. Экран радара по прежнему был пуст. От отчаяния Фармен выругался. Как же он раньше об этом не подумал. Для радара эти аэропланы были невидимыми. Металла в них не хватило бы и на изготовление консервной банки, вот почему радар не замечал их. По этой же причине не сработали тепловые головки. Ракеты могли пройти сквозь строй — так оно, скорее всего, и было, — а взрыватели не среагировали на аэропланы. Для ракет они были все равно, что воздух. С таким же успехом он мог стрелять по луне.

Фармен повернул на запад, возвращаясь на базу. На экране он увидел аэроплан и начал снижение. В баках оставалось еще достаточно горючего. В голову ему пришла мысль о динозаврах — их тела превосходно служили им в свою эпоху, но настали новые времена, и гиганты не смогли приспособиться к изменившейся обстановке. Поэтому динозавры и вымерли.

«Пика-Дон» был летающим тираннозаврусом рекс в мире, где он мог питаться только мухами.

— Да, мы все видели, — сказал Блэйк. Он сидел, прислонившись к стене ангара, держа в руках бутылку с вином. Ярко светило солнце, зеленела трава, дул ветерок.

Эскадрилья вернулась через полчаса после приземления Фармена. Нехотя Фармен подошел к Деверо.

Француз повел себя тактично.

— Видите, мсье, ваши ракеты оказались неподходящим оружием для воздушного боя. Но если вы покажите нашим механикам, где установить пулеметы, то...

— «Пика-Дон» летает быстрее пули, — перебил его Фармен. Он принялся выдалбливать кусок грязи, застрявшей между колес. Грязь затвердела, и это удалось ему только с третьего удара. — Я слышал про одного парня, который подстрелил себя собственными пулями. А его самолет был не такой быстрый, как мой. — Он покачал головой, глядя на свой истребитель. Хотя «Пика-Дон» и выглядел угрожающе, он был абсолютно беспомощным.

Часов в одиннадцать Блэйк принес бутылку вина от Анри. Это было простое крестьянское вино, но оно было кстати. Сидя в тени, они пили, передавая бутылку друг другу.

— Тебе надо подойти к ним поближе, прежде чем открывать

стрельбу, — сказал Блэйк. — Не знаю, где ты учился воздушному бою, но видно, что учился неважно. Стреляя с расстояния в несколько миль, ты никогда не попадешь в противника.

— Я думаю, что попаду, — ответил Фармен. — У меня такие ракеты, что лучше находиться на пару миль от того места, где они взорвутся.

— Опять шутишь? — Блэйк выпрямился и посмотрел Фармену в глаза. — Шрапнель не разлетается так далеко.

Фармен отпил вина из бутылки.

— Мои ракеты смогли бы причинить больше разрушений, чем обычная шрапнель. Если бы они сработали.

— Но какой смысл стрелять, если противник далеко? — опять сказал Блэйк.

Бесполезно было снова пытаться объяснить ему принцип самонаведения ракет. К тому же они не сработали. Теперь то он понимал, почему так произошло. Их головки захвата могли обнаружить тепловое излучение от реактивных двигателей. А все немецкие аэропланы были оснащены поршневыми моторами. Того мизерного количества тепла, которое от них исходило, было недостаточно для ракет. Если он что-то и сможет сделать на этой войне, ему надо забыть о «Пика-Доне».

— Гарри, я хочу, чтобы ты научил меня летать на твоем самолете.

— Что?

— Мой самолет теперь бесполезен. У него не осталось зубов. Вести воздушный бой я теперь смогу только на таком самолете, как у тебя. Я, конечно, налетал больше, чем все вы вместе взятые, но я не знаю приборов, установленных в твоём... — Он чуть не сказал «воздушном змее». — Покажи мне, как на нем летать.

Блэйк пожал плечами.

— В принципе все самолеты одинаковы. Ко всем им надо приспособиться. На «ньюпорах» нельзя пикировать — с крыльев тут же срывает брезент. А вообще ты можешь научиться управлять им, только когда сам полетишь на нем.

Они подошли к «ньюпору» Блэйка. Он выглядел таким же надежным, как модель «форд-Т». Фармен никак не мог залезть в кабину, пока Блэйк не показал ему, за что надо хвататься. Он плюхнулся на жесткое сидение. Встав на деревянный ящик, Блэйк перегнулся через край.

Фармен положил руку на ручку управления. Это была простая палка между колес. Он попытался пошевелить ей, но это было все равно, что двигать ложкой в застывшем желе.

— Это всегда так? — спросил он.

— Со временем привыкаешь, — ответил Блэйк. — Хотя в полете двигается гораздо плавнее.

Фармен посмотрел на приборы. Перед ним располагались несколько циферблатов. Лишь один из них был крупнее остальных и располагался в центре. На приборах были надписи на французском.

— Это давление масла, — сказал Блэйк, постучав по центральному прибору. — Это обороты, это — топливная смесь.

— Давление масла? Разве это так важно?

Блэйк подозрительно покосился на него.

— Сколько, ты говоришь, налетал? И не знаешь, зачем надо давление масла?

— Я никогда не летал на самолете с таким двигателем, — сказал Фармен. — У «Пика-Дона» совсем другой принцип работы. А это очень важно?

— Без этого мотор не будет нормально работать.

— А это — топливная смесь, да? — Фармен показал на другой прибор. Он уже не стал спрашивать, важно этот или нет. На какой смеси работал мотор, тоже было непонятно.

— Ага, — ответил Блэйк. — А это твой компас. Хотя не стоит слишком доверять ему. Это — высотомер.

Эти приборы, по крайней мере, были Фармену знакомы.

— А выше ты летать не можешь? — нахмурился Фармен, посмотрев на максимальное показание высотомера.

— Это не футы, а метры, — объяснил Блэйк. — Я могу забираться на любую высоту, было бы чем дышать. Шестнадцать... восемнадцать тысяч футов. — Он снова указал на приборную доску. — Вот зажигание, вот управление мотором, а это — регулятор топливной смеси.

Фармен потрогал ручки, стараясь привыкнуть к ним. Его рука наткнулась на маленькую свинцовую болванку, висящую на шнурке.

— Станный у тебя амулет.

— Да уж, — рассмеялся Блэйк. — Без него я не знал бы, лечу я нормально или вверх ногами.

— А... — сказал Фармен, чувствуя себя идиотом.

— Этим рычагом, — продолжал объяснять Блэйк, — управляешь тягами. Натягиваешь или ослабеваешь проволоку в зависимости от того летишь ты или идешь на посадку.

— Зачем это нужно?

— В противном случае ты рискуешь развалиться на куски в совершенно не подходящий момент.

— А... — Летать на «ньюпоре» оказалось не таким простым делом, как ему казалось раньше. Это было все равно, что сесть на лошадь после того, как всю жизнь проездил на машине. — В моем самолете таких проволок нет.

— А чем тогда скрепляется твой самолет? — спросил Блэйк.

Фармен не стал ничего отвечать. Он вспомнил, что может водить машину, и уверенность вновь вернулась к нему. Этот «ньюпор» был совершенно не похож на «Пика-Дон», но его двигатель почти не отличался от мотора его «шевроле» 1972 года. Может, он был примитивнее, но работал на том же принципе. Так что с бензиновым мотором он справится.

— Как запустить эту штуку? — спросил он.

Через полминуты он уже смотрел на вращающийся пропеллер.

Струя воздуха ударила ему в лицо, а от выхлопа его чуть не стошнило. Стрелка на указателе давления масла дрогнула. Фармену вдруг пришло в голову, что его «шевроле» был раза в три мощнее этого самолета.

Блэйк протянул ему шлем и очки.

— Рули, пока не почувствуешь момент, — прокричал ему Блэйк.

Фармен кивнул, и Блэйк выбил колодки из-под колес. Не успел Фармен опомниться, как «ньюпор» понесся вперед.

У самолета не было тормозов, и, когда Фармен прибавил газу, самолет с бешеной скоростью запрыгал на ухабах. Стрелка спидометра резко пошла вправо. Если не принимать во внимание тряску и отвратительный запах, все это было похоже на ведение машины.

Хвост пошел вверх. Это испугало Фармена, и он инстинктивно потянул на себя ручку управления. Тряска прекратилась, и самолет оказался в воздухе. Он прибавил газу и попытался выровнять аэроплан. Фармен не мог поверить, что он смог лететь на такой скорости. На своем «шевроле» он разгонялся гораздо быстрее.

Поле закончилось, и теперь впереди виднелся холм. Фармен хотел свернуть, но «ньюпор» сопротивлялся. Тогда он чуть сбавил скорость. Фармену удалось преодолеть холм, едва не зацепив его колесами. Но скорость упала. Стрелка спидометра двигалась к нулю. Фармен попытался выровнять самолет, но без индикатора авиагоризонта сделать это было крайне сложно. Настоящий горизонт плясал у него перед глазами. Фармен двинул ручку в сторону. Аэроплан сразу же подчинился команде, но одновременно резко пошел вниз. Обливаясь потом, Фармен рывком поставил ручку на место. Трудно было понять, как человек мог управлять такой телегой.

Земля неслась ему навстречу. Шум мотора изменился. Пропеллер замедлил вращение. Лихорадочно Фармен пытался выбрать место для посадки, но кроме сада ничего не видел. Его выворачивало наизнанку, к тому же в нос била вонь от выхлопных газов. Долгое время — хотя на самом деле это заняло несколько секунд — единственное, что он слышал, так это свист ветра в ушах. Затем «ньюпор» рухнул на деревья. Затрещали ветки и ломающиеся крылья. Аэроплан завис на кронах, не долетев до земли. Ветер раскачивал деревья, и «ньюпор» качался вместе с ними. Фармен выключил зажигание, чтобы избежать пожара, и стал думать, как теперь ему спуститься вниз.

Он увидел Блэйка, с которым было еще человек шесть, когда выходил из сада. Они подошли к «ньюпору». Блэйк зло выругался и пошел прочь.

Фармен сначала бросился за ним, но потом передумал. Хрустнула ветка, и аэроплан еще на метр приблизился к земле. Бросив послед-

ний раз взгляд на изуродованный самолет, Фармен пошел вслед за Блэйком. Путь домой показался ему необычно долгим.

Блэйку дали другой «ньюпор». В эскадрилье было несколько запасных аэропланов. Их прислали из другой эскадрильи, которая теперь летала на «Спэйдах». Но на этом участке фронта, где боевые действия были не такими активными, «ньюпоры» были в самый раз. Два дня Блэйк вместе с механиками возился с новым самолетом.

А Фармен слонялся вокруг «Пика-Дона», пытаясь найти способ, чтобы тот приносил хоть какую-нибудь пользу. Можно, конечно, было укрепить пулемет, если снять систему инфракрасных датчиков. Но куда девать пулеметную ленту. Каждый квадратный дюйм «Пика-Дона» был до отказа заполнен жизненно важным оборудованием. К тому же при скорости в два числа М отверстия в несколько сантиметров достаточно, чтобы самолет развалился на куски.

Конечно при помощи радара он мог бы буквально изжарить человека. Но ведь Бруно Кайзерлинг не будет стоять неподвижно час или два под смертоносным излучением. Что можно еще придумать?

Наконец он сдался. «Пика-Дон» был бесполезен. Придется проглотить свою гордость и попросить Деверо, чтобы его зачислили в летную школу. Если он хочет сбить Бруно Кайзерлинга, ему надо как следует научиться летать на «ньюпорах».

Когда эскадрилья вернулась с патрулирования, Фармен отправился поговорить с Деверо. Француз шел к нему навстречу.

— Я очень сожалею, мсье, — глухо сказал он. Деверо положил руку на плечо Фармену. — Ваш друг... Ваш земляк...

Французский патруль встретился с немецкими «Альбатросами», во главе которых летел Бруно Кайзерлинг. Никто не видел, как упал самолет Блэйка, но несколько аэропланов были подбиты. Когда воздушный бой закончился, они не досчитались Блэйка.

Фармен окаменел. Может быть, он не так тяжело воспринял бы эту трагедию, но Блэйк был человеком, которого он знал, с которым разговаривал. Все остальные, включая Деверо, были для него чужими.

— Может, кто-нибудь заметил, как он спустился на парашюте?

— Мсье, — сказал Деверо, — мы не пользуемся парашютами. Они задевают за проволоку. Может, для тех, кто летает на воздушных шарах, они еще могут чем быть полезны. Но если сбивают аэроплан, летчик погибает.

— Зачем тогда использовать столько много проволоки?

Француз пожал плечами.

— Иначе аэроплан развалится в воздухе.

— Немецкие аэропланы имеют такую же конструкцию? — внезапно спросил Фармен совсем другим голосом.

— Конечно, мсье.

— Достаньте мне еще керосина.

— Парафинового масла. Хорошо, мсье. И если вы покажете механикам, где укрепить пулемет...

— Мне он не понадобится, — покачал головой Фармен. — Мне нужен только керосин. Все остальное сделаю я сам. Я покончу с ними.

— Конечно, мсье, — без всякой иронии сказал Деверо.

Даже если бы француз не поверил, Фармену было бы все равно. В этот раз он знал, что ему нужно делать.

В середине августа баки «Пика-Дона» были заправлены вновь. Был ясный день, когда истребитель поднялся в небо. Разведывательные самолеты вылетят обязательно, а значит, появятся и немецкие аэропланы. Славный бой будет сегодня, ожесточенно подумал Фармен.

В этот раз он не стал подниматься высоко. На малой высоте расход топлива был больше, но Фармен не думал, что для выполнения задачи ему понадобится много времени. Немецкий аэродром лежал в тридцати милях. Найдя его на экране, он направился туда, переведя рукоятку управления двигателей на максимальный режим. Через несколько секунд он преодолел звуковой барьер.

Расчет был точным. Увидев перед собой летное поле, Фармен начал снижаться и пролетел над ним, едва не задев верхушки деревьев. Он посмотрел на приборную доску. Индикатор скорости показывал, что он летел со скоростью 2,5 М. Развернув «Пика-Дона», он еще раз пролетел над аэродромом, в этот раз прямо над ангарами. Он снова развернулся, но на этот раз поднялся вверх. Он смотрел на аэродром с торжеством мальчишки, разрушившего муравейник. Аэродром был завален обломками самолетов. Ему не надо было использовать оружие. Достаточно было одного «Пика-Дона».

Взяв курс на юг, он полетел к швейцарской границе. На земле он видел только несколько аэропланов, значит, все остальные были в воздухе. Он без труда нашел линию фронта, тянувшуюся по земле бескровной раной. Фармен летел над немецкой территорией, внимательно вглядываясь в небо.

Скорость пришлось снизить до минимума. Тут уж ничего поделать было нельзя. Ведь полагаясь только на свои глаза, он мог пролететь в милю от немецких аэропланов, не заметив их. На малой скорости его шансы на обнаружение увеличивались.

Возле гор он развернулся и увидел немецкие аэропланы.

Они летели впереди и были похожи на птиц. Разве что птицы не летают так высоко. Они висели в воздухе, и если бы не форма строя, Фармен не смог бы определить, в какую сторону они направляются. Они летели на юг, патрулируя линию фронта.

Они были близко, слишком близко. Если он полетит в их сторону, то черной кошкой пересечет их путь, предупредив об опасности. Мысленно запечатлев их местонахождение на экранс, Фармен резко отвернул в сторону.

Поднявшись до 30 000 футов, он выбрал наилучший угол атаки и

направил «Пика-Дон» вниз, включив максимальный режим работы двигателей. Указатель числа М показывал 2,0 затем 2,5. Скоро дрожащая стрелка подошла к отметке 3,0. Самолет, наверняка, перегрелся, но Фармен знал, что ему понадобится мало времени. Истребитель стрелой несся на аэропланы, которые увеличивались в размерах по мере приближения.

В последний момент он слегка отклонил ручку управления, чтобы избежать прямого столкновения. Он прошел так близко, что видел пилотов. Ведущий «Альбатрос» был фиолетового цвета.

Фармен уменьшил скорость и плавно пошел вверх. Развернувшись, он снова вернулся на прежнее место.

Ему показалось, что кто-то опорожнил тут ведро с мусором. По небу летали куски самолетов. Фармен заметил обломки фюзеляжа, покрашенного в фиолетовый цвет. Он сбил Кайзерлинга!

В небе не осталось ни одного целого самолета. Они не могли выдержать ударную волну такой силы, так же как и ангарты, которые разлетелись на куски, когда он пролетел над ними.

Фармен развернулся. Почувствовав вкус крови, он рвался в новый бой, с новым противником. Внезапно самолет тряхнуло. Приборная доска сияла разноцветными лампочками, сигнализируя об опасности. Что-то попало в турбину. Что? Кусок аэрплана? Человек? Огоньки мигали, как на рождественской елке. Горизонт наклонился. Самолет потерял управление.

Фармен четко знал, что делать. Надо было немедленно покинуть самолет. При такой скорости он врежется в землю через тридцать секунд. Он ткнул в кнопку катапульты, и его швырнуло в воздух. Он был в небе один, вне самолета стоимостью в несколько миллионов долларов. С резким хлопком раскрылся купол парашюта. Он оглядывался, пытаясь увидеть «Пика-Дон», но самолета не было видно.

Управляя стропами парашюта, Фармен летел в сторону французских позиций. Ветер помогал ему. Внезапно он увидел несколько аэрпланов. Они были похожи на стаю акул, спешащую к незащищенной жертве. Вдруг он заметил на крыльях французские опознавательные знаки. Это были «ньюпоры». Летящий впереди аэрплан покачал крыльями. Развернувшись, аэрпланы сопровождали его до самой земли.

Приземлившись, он упал на колени, борясь с парашютом. Рядом просвистела немецкая пуля. Прижимаясь к земле, он освободился от строп и ползком направился к французским окопам.

Все обнимали его. Каждому хотелось поздравить человека, сбившего Бруно Кайзерлинга. Кто-то дал ему кружку с вином, и Фармен выпил с благодарностью.

Потом он уселся на дно окопа, глядя на земляную стену перед его глазами. Сжимая пустую кружку, он понял, что «Пика-Дон» пропал навсегда. Теперь он такой же, как и все. Он даже не может летать.

Внезапно на его лице появилась улыбка. Он встал. Нет, все же он не такой, как все.

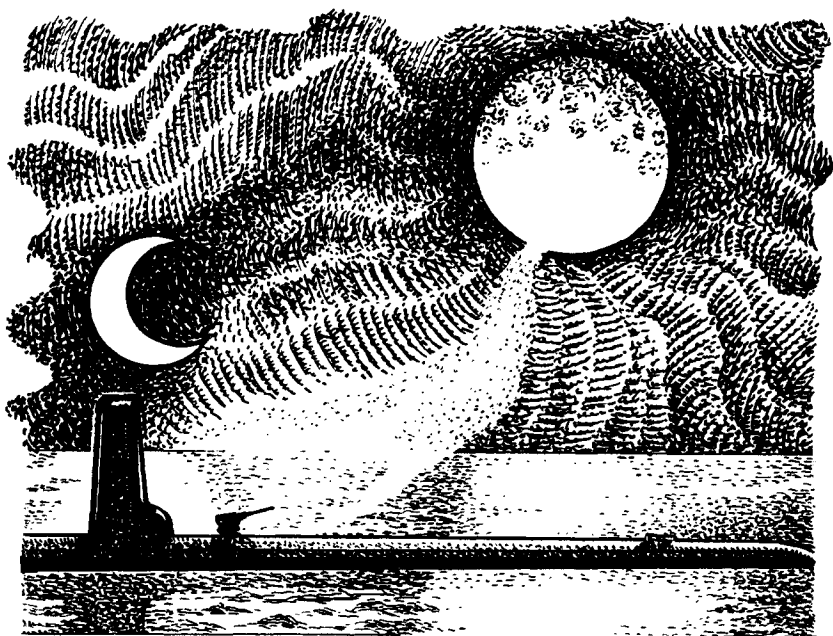
Война закончится через несколько месяцев. Возможно, он не знает, что именно надо сделать, но...

Солдат, который угостил его вином, сидел неподалеку. Фармен подумал, что тот вряд ли понимает по-английски.

— Как мне попасть в Америку? — спросил он, ухмыльнувшись, когда тот непонимающе посмотрел на него.

Должен же человек из будущего иметь хоть какое-нибудь преимущество.

Филип Хай

УЧЕБНЫЙ ПОХОД

Лэксленд подался вперед и поправил черную папку перед собой. Читать досье он не собирался, суть дела ему рассказали. Черная папка была одним из атрибутов его должности, частью единого целого, такой же, как белые стены кабинета, кресла с высокими спинками и большой стол темного дерева.

Лэксленд был высок и лыс, его бледно-голубые глаза могли по мере надобности становиться беспощадными.

Он нажал потайную кнопку:

— Приведите капитана Харви.

Привычным движением он достал очки — толстые стекла в массивной оправе, они были своего рода профессиональной маской и придавали ему вид человека флегматичного, доброго и мудрого. На самом деле и спокойствие и доброта были ему чужды. Следователю-психиатру нужна личина, чтобы держать подсудимых в заблуждении. Сколько их прошло перед ним — шпионов, диверсантов,

потенциальных изменников — почти все клевали на его обманчивую внешность и раскалывались.

Лэксленд подождал, когда моряки-конвоиры выйдут из кабинета.

— Садитесь, Харви. — Он толкнул через стол пачку сигарет. — Угощайтесь.

Харви опасливо сел; на его тонком загорелом лице явственно читались усталость и безразличие.

Лэксленд подождал, пока Харви закурит.

— Как вы себя чувствуете, Харви? — Он сложил ладони шалашиком и доброжелательно глянул поверх них.

Харви посмотрел на следователя, темные глаза нисколько не ожидали вспыхнули.

— А как я, по-вашему, должен себя чувствовать, сэр?

Лэксленд сморщил губы, словно обдумывал вопрос, потом ответил:

— Я не враг вам, капитан. Будьте со мной откровенны, и я постараюсь вам помочь.

— Естественно, сэр, — усмехнулся Харви.

«Разозлился, — удовлетворенно подумал Лэксленд. — Ребята из предпросной команды не даром сдят свой хлеб. После такой обработки поневоле разозишься и забудешь осторожность».

— Успокойтесь капитан. Я знаю, вас долго держали в предварительном заключении, и хочу объяснить, зачем это делалось. Поймите, вам дали шанс, ведь могли бы просто расстрелять или направить на стирание памяти. Я надеюсь услышать от вас правду.

— Я все время говорил только правду, — Харви показал досье. — Там все записано, и я...

— Там голые факты, капитан, а вовсе не правда, — перебил его Лэксленд и, подавшись вперед, положил руки на стол. — Посмотрите на все это с нашей точки зрения, с точки зрения Флота. В обычном учебном походе два человека при странных обстоятельствах пропали без вести, судно вернулось на базу с огромным некомплектом. — Он перелистнул досье. — Недостает боеприпасов, снаряжения, двух торпед и, — он сделал многозначительную паузу, — двух ракет типа «Гончий Пес» с ядерными боеголовками.

Лэксленд откинулся в кресле, заговорил негромко, словно увещевая:

— Подумайте сами, капитан, кто, как не вы, старший офицер, должны объяснить все это?

— Черт побери, сэр, ведь я уже объяснял! — Харви вскочил на ноги.

— Частично, — спокойно возразил Лэксленд.

Харви упал в кресло.

— Частично или полностью, какая разница? Все равно — расстрел или сумасшедший дом.

— А вот об этом позвольте судить мне.

— Поймите, сэр, ведь вы не сможете мне поверить. А если сможете, то рискуете разделить мою участь.

Лэксленд сосредоточенно изучал свои ногти.

— Капитан Харви, я — ваша последняя инстанция и последний шанс. Когда вы покинете этот кабинет, мои рекомендации поступят в трибунал и в значительной степени определяют приговор. — Он взглянул на капитана, щелкнул пальцами. — Я готов сделать для вас все, что в моих силах, если вы будете откровенны со мной. Обещаю не придирается к словам и не перебивать. Давайте выкладывайте все начистоту.

Харви смотрел на него, нервно вертя сигарету.

— А как вы узнаете, все ли я расскажу? И как вы отличите правду от вымысла?

— Отличу. — В голосе Лэксленда появились зловещие нотки. — Я не первый день на этой работе. — Он полистал досье. — Я помогу вам начать...

Лэксленд был доволен, — подследственного, похоже, удалось разговаривать. Обвинение, запугивание, допрос, возможность оправдаться — все как в учебнике, обычная последовательность. Как правило, после этого начинают говорить или давать письменные показания. И на все это уходит не больше недели. Вот и Харви вполне созрел для откровенного разговора. Трибуналу не нужны показания, ему нужна истина.

«Что же случилось на самом деле, — подумал Лэксленд. — Мас-совая галлюцинация или...»

Дело было необычное, и кто-то должен был докопаться до правды.

Подавшись вперед, Лэксленд перевернул страницу.

— Вы отправились в обычный учебный поход на ядерной подводной лодке «Таурус». Какое у вас было задание, капитан?

Харви замялся, словно простой вопрос удивил его.

— Обычная рутина, сэр. Возня с надводными целями и так далее.

— То есть атака из надводного положения?

— Да, сэр, и, что самое главное, тренировка экипажа. Чтобы места по боевому расписанию занимались как можно быстрее.

Лэксленд с трудом скрывал удовлетворение: Харви разговорился и готов был выложить все даже без наводящих вопросов.

— В программу наверняка входили имитационные пуски ракет «Гончий Пес»?

— Почти каждый день, сэр.

— Ясно. И во время одного из них, насколько я понял, случилась авария электросистем?

— Да, сэр. Сам я не был при этом, но вахтенный...

— Понятно, капитан. — Голос Лэксленда стал совсем бархатным.

— Этот вахтенный погиб. Если сигареты вам понравились, берите, не стесняйтесь... — Он щелкнул по пачке и продолжал, откинувшись в кресле: — Что же случилось после аварии?

Внезапно Харви побледнел и уставился на пол. Наконец заговорил глухо и напряженно:

— Мы почувствовали удар.

Капитан явно нуждался в наводящих вопросах.

— Удар? Что за удар?

— Это трудно описать, сэр. Казалось, неподалеку взорвалась глубинная бомба — нас всех чуть не вывернуло наизнанку. — Он слабо усмехнулся. — Словами не передашь.

— Ну ладно. А что вы сделали потом?

— Я немедленно скомандовал всплытие, сэр. Было похоже, что мы наварались на затонувший корабль.

— А потом?

— Ну, я вышел на палубу, осмотрелся. На первый взгляд не было никаких повреждений...

— Миндел!

— Да, сэр. — Первый помощник выбрался на палубу и замер по стойке «смирно».

Несколько минут Харви молчал.

— Вы ничего не замечаете?

— Жарко. — Миндал снял берет и вытер лицо. — Очень жарко. — Он принюхался. — Что за вонь? Разит какой-то гнилью. Как из помойки. Однажды когда я был в Перу...

Он умолк, глядя в небо.

— Сэр, п о л н а я л у н а!

— Да, — ответил Харви ровным голосом, осмотрев горизонт. — Об этом, Миндел, не стоит распространяться. Случилось что-то необычное. Придет время — я сам скажу об этом экипажу, а до тех пор лучше помалкивать. Люди и без того встревожены.

— Да сэр. — Миндел был само внимание.

Харви небрежно оперся на релинг.

— Посмотри, что показывает радар, и послушай эфир. Докладывать будете лично мне.

Миндел исчез в люке. Усилием воли Харви подался вперед, подавив мерзкую дрожь в ногах. Перед ним темнела громада боевой рубки — пушка и зенитные пулеметы усиливали впечатление спокойной мощи. Мурлыканье моторов, тихий плеск воды — звуки были знакомы и привычны, но все-таки...

И море было обычным — вода фосфоресцировала и отливала масляными пятнами. Вокруг, словно белесые призраки, реяли клочья тумана.

— Девять фатомов*, сэр. — одним духом выпалил Миндел. — Мы несколько раз проверили. Черт возьми, судя по приборам, мы сели на мель. — Он вытер лицо. — Радио молчит, слышны только какие-то высокочастотные помехи.

Он перевел дух и закончил доклад:

— Надводный локатор показывает сушу в девяти милях прямо по курсу.

— Ближайшая суша — в ста девяти милях от нас. — Харви с трудом совладал со своим голосом.

— Знаю, сэр. И вдобавок все компасы крутятся как бешеные.

Харви достал трубку, крепко сжал чубук — это его успокоило. Не зажигая табак, он несколько раз протянул сквозь него воздух.

— На нос и корму поставьте наблюдателей с приборами ночного видения. Расчехлите орудия, и пусть расчеты будут наготове.

— Есть, сэр. — Миндел нажал кнопку переговорного устройства и отдал нужные распоряжения.

Они постояли молча, и каждый понимал, чего стоит другому казаться спокойным.

— Вы что-то сказали? — сказал Харви.

— Да... то есть нет, сэр, просто вырвалось. Мне показалось, будто на фоне Луны что-то пролетело. Почудилось, наверное.

— Как выглядело это «что-то»? Похоже на самолет?

— Нет, сэр, скорее на летучую мышь, только большую и с длинной шеей. Скорее всего — облако.

— Да, пожалуй. И все-таки — продолжайте наблюдать.

Матросы выскочили из люков и побежали к орудиям.

«Все в порядке, — вяло подумал Харви. — У них выработался рефлекс — недаром их гоняли каждый день. Не пройдет и минуты, как они доложат о готовности».

И тут его резанула мысль, что на этот раз все — в с е р ь е з.

Люди заняли места по боевому расписанию. Донесся обрывок разговора: «И это — Северная Атлантика! Только не говорите мне, что здесь всегда так».

Харви вздохнул. Рано или поздно экипаж узнает обо всем. Он нажал на кнопку:

— Слушать на мостике, говорит капитан.

— Трайс на связи, сэр. Нас ложирует чей-то радар. Мы ловим импульс каждые семнадцать секунд, потом он исчезает.

— Исчезает?

— Да, сэр, но он словно ищет нас, амплитуда уменьшается.

— Хорошо, Трайс, продолжайте слушать.

Он открыл водонепроницаемую коробку, закрепленную на релинге, и достал микрофон.

* 16,5 метра. Фатом (морская сажень) — 6 футов.

— Внимание всем, говорит капитан. Это настоящая тревога, повторяю: настоящая. — Он облизнул губы, дивясь, как спокойно звучит его голос. — Обстоятельства сложились так, что мы должны быть готовы и к обороне, и к нападению. Мы обнаружили чужой радар: чей — неизвестно. Как капитан я обязан предполагать врага, пока не получу доказательств обратного. У меня нет выбора: подчиняясь обстоятельствам, я обязан объявить общую тревогу.

Он помолчал.

— Зарядить торпедные аппараты и быть наготове. Я кончил.

Он положил микрофон на место, поморщился. «Подчиняясь обстоятельствам». Не ахти как убедительно, но что, черт возьми, он еще мог сделать? Ясно лишь, что погрузились они в новолуние, а когда всплыли — луна была полной. И еще две чертовщины: температура повысилась градусов на шестьдесят*, а суша приблизилась на сто миль.

— Импульс через каждые шесть секунд, сэр.

Харви нажал светящуюся кнопку:

— Полный вперед,

— Есть полный вперед, сэр.

Он так резко повернул штурвал, что вода впереди вскипела. Можно было и полегче.

— Трайс, доложите.

Лодка мелко задрожала, по бортам заплескались волны.

— Шестнадцать... семнадцать... шестнадцать... Они крепкоцепились, сэр. Пятнадцать...

— Довольно, Трайс. Продолжайте следить.

— Судно прямо по курсу! — крикнул наблюдатель с носа. Харви стиснул штурвал.

— Миндел, вы видите что-нибудь?

Тот, держась за релинг, вгляделся в инфракрасный экран.

— Только общие очертания, сэр. Огней нет. Похоже на подводную лодку.

— Протелеграфируйте им запрос.

Он пристально следил, как сигнальный прожектор посылает в темноту серию вспышек: «К т о в ы? Н а з о в и т е с ь!»

Краем глаза он увидел, что все орудия наведены и готовы к бою.

— Свет!

— Да. Похоже на топовый фонарь, сэр... — Миндел изучал экран.

— Но уж больно высоко, как у...

— Прожектора, черт бы вас побрал! — рявкнул Харви.

— Виноват, сэр.

Столбы света уперлись в темноту.

— Всем стволам — огонь!

* Имеется в виду шкала Фаренгейта.

Казалось, зенитный пулемет застрочил еще до конца команды. Красные метеоры трассиров прочертили ночь огненным пунктиром.

В ответ раздался резкий вопль, похожий на корабельную сирену. Послышался чудовищный всплеск, бульканье, и все стихло. Пулеметы смолкли, и прожектора осветили пустоту.

— Погасить!

Позади него Миндел со стоном перевел дух.

— Что вы думаете об этой чертовщине, сэр? Что это было?

— Не знаю и, честно говоря, не хочу знать.

— Я, пожалуй, тоже. У него одна голова больше нашей рубки. — Он умолк. В полумраке его молодое лицо казалось резким и напряженным. — У вас есть какая-нибудь версия, сэр?

— Когда мы следили за воздухом, — он выпрямился и криво улыбнулся, — у меня мелькнула мысль насчет путешествия во времени.

Миндел кивнул.

— У меня тоже, сэр, но я не посмел сказать. А вы ведь тоже не поверили, что это чужая подводная лодка? Кроме того, замыкание, потом — удар... — Он глянул на Харви и быстро отвел глаза. — Эту штуку, что мелькнула на фоне луны, я видел в одной книге. У нее какое-то странное название. Короче говоря — летающий яшер.

— Птеродактиль, — рассеянно буркнул Харви. Прошлые — разве может такое случиться? Сама идея парадоксальна. Ему вспомнился пример с человеком, который попадает в прошлое и убивает там своего деда.

Он напрягся, сжал кулаки в карманах.

— Это хорошая гипотеза, но некоторые факты в нее не лезут.

— Какие, сэр?

— Некоторые... Что у вас, Уоллес?

Матрос вытянулся.

— С носа пропал наблюдатель, сэр... — Матрос весь дрожал. — Я понес ему термос с какао, сэр... На палубе было пусто и скользко, словно...

— Ну-ну, дальше...

— Я нашел там вот это, сэр.

Харви взял у матроса сплюснутый прибор ночного видения, словно побывавший под гидравлическим прессом. Никто не слышал ни удара, ни крика. Но ведь что-то вылезло из воды и утащило наблюдателя...

— Хорошо, Уоллес, ступайте. Отнесите термос назад и скажитесь больным. Передайте доктору, что я прислал вас успокоиться.

Когда матрос ушел, Харви повернулся к Минделу:

— Откройте шкаф с автоматами. Пусть каждого наблюдателя сопровождает автоматчик.

Засветился вызов.

— Пятнадцать фатомов, сэр. Импульсы — каждые три секунды.

— Понятно, Трайс.

— Глубина растёт, сэр. Дно понижается. Двадцать два фатома, двадцать три...

— Слава Богу! — вздохнул Харви. — Хорошо, Трайс, продолжайте. Доложите, когда будет сотня.

— Скоро, сэр. Похоже, дно впереди круто обрывается.

— Если так — нырнем. Очистить палубу! Задрать люки и приготовить к погружению.

Он хотел дождаться безопасной глубины и только тогда командовать погружение, но обстоятельства распорядились иначе.

Как только последний матрос исчез в люке, по ушам ударил взрыв, и в ста фунтах справа вздыбился столб огня, воды и пара. Харви не успел еще сообразить, в чем дело, как такой же столб вырос слева.

«Вилка!» — подумал он, прыгая в люк.

— Погружение!!

Экипаж был наготове, и как только захлопнулся люк, появился дифферент на нос.

«Слава Богу, что у нас стоит новая аварийная автоматика. Раньше пришлось бы возиться с герметизацией», — подумал капитан.

Послышались еще четыре ужасных взрыва, но лодка уже скользила вниз, уходя из опасной зоны. Когда лодка легла на грунт, Харви велел застопорить машину и стал ждать.

— Что случилось, сэр? — тихо спросил Миндел.

— Не обстреляли. Взяли в «вилку» первыми же выстрелами.

— Артиллерия, сэр?

— Не знаю, — замялся Харви. — Мне показалось, будто само море вскинулось.

Миндел открыл рот, но Харви прижал палец к губам и прислушался.

Как большинство морских офицеров, Харви выглядел моложе своих лет. В сорок три года у него почти не было морщин, в темных волосах — ни малейшего признака седины, хотя он прослужил в подводном флоте всю Вторую Мировую. Он хорошо понимал, что означают звуки, доносившиеся с поверхности, — их кто-то искал.

Спустя несколько секунд он окончательно уверился в этом — что-то явственно двигалось наверху, примерно в миле от лодки. Богатый боевой опыт безошибочно подсказал — это «что-то» приближается к ним со скоростью пятнадцать узлов. Охота началась.

Все это, конечно, слышал и Миндел, но он лишь нахмурился и старался дышать потише.

«Мальчик хорошо держится, — подумал Харви, — даже в такой дикий ситуации».

Он снова прислушался, и ему показалось, будто все это происхо-

дит во сне. Он ожидал услышать шум винтов, характерное шипение кильватерной струи, а вместо этого доносилось бульканье и скрежет, словно с поверхности, смешно сказать, стартует реактивный самолет.

Вот источник шума прошел прямо над ними, и Харви еле подавил приступ тошноты — обычный рефлекс подводника в предчувствии серии глубинных бомб.

Немного погодя он с облегчением понял, что бомб не будет, хотя охота продолжалась по всем правилам. Преследователи, изредка меняя курс, утюжили море над ними, прочесывали зону вдоль и поперек, потом, словно испытывая нервы подводников, еще и по диагонали. Только через три часа звуки стали ослабевать, удаляться и наконец исчезли совсем.

Харви подождал еще два часа, потом скомандовал продуть цистерны и приготовиться к всплытию.

— За такой аттракцион стоило бы заплатить, сэр.

Харви улыбнулся. После всех передрыг Миндел держался молодцом, даже шутил, только немного побледнел.

— Стоило бы, но не придется, — ответил он, улыбаясь еще шире. — Наши друзья наверху развлекали нас даром, — он поморщился. — Я имею в виду противника.

Возвращаясь к делам службы, Харви скомандовал:

— Под перископ!

Он взялся за рукоятки перископа, приник к окулярам и с удивлением обнаружил, что наступил день. Видимость, однако, была паршивая, не более двух миль, мешал туман. Море было спокойным, если не считать легкой зыби. Над самой водой носились клочья тумана.

«Как в кастрюле», — подумал Харви.

Еще раз осмотрев море, он скомандовал:

— Всплытие! Малый вперед! Торпедистам быть на чеку. Боцман!

— Да, сэр?

От одного взгляда на красную широкую физиономию боцмана на душе становилось спокойно.

— Раздайте наблюдателям автоматы и выделите в помощь артиллеристам двух надежных людей.

— Будет сделано, сэр. Я сам проверю автоматы.

Стоило Харви открыть люк, как его обволокла душная и влажная жара. Форма сразу набрякла и обвисла, и по всему телу ручьями заструился пот. Высоко в небе сиял необычным белым светом размытый туманом солнечный диск.

— Боже мой, сэр! — раздался голос Миндела. — Здесь почище, чем в паровом котле. И воняет, как от падали.

По его лицу тоже струился пот.

— Гораздо хуже. — Харви передохнул, отер лицо и достал микрофон. — Вниманис всей палубной команды, говорит капитан. Всем следить за морем. Если заметите что-либо подозрительное — немедленно стреляйте. Наблюдателям и артиллеристам следить за воздухом. — Он снова перевел дух. — Если кому-то станет дурно — пусть отправляется вниз, не дожидаясь теплового удара. Если кто-либо потеряет сознание и свалится за борт, мы не сможем помочь. Все.

Он подался вперед, нажал светящуюся кнопку.

— Тройс, что у вас?

— Ничего, сэр. Экраны чистые.

— А глубина?

— Верные пятьсот восемьдесят, сэр.

— Хорошо.

Пот струился по лицу, заливая глаза, но он нашел силы одобряюще улыбнуться Минделу.

— Ну как, нюхнули жизни? «Поступай во флот и увидишь весь свет».*

— Который свет — этот или тот? Ей-богу, я не шучу. Может быть...

Его прервал крик наблюдателя:

— Самолет справа, сэр! Высота около семи с половиной тысяч футов, сэр! Снижается по спирали со скоростью около тысячи двухсот узлов!

Харви ни секунды не колебался:

— Очистить палубу! Срочное погружение!

Сам он покинул палубу последним, но со всей возможной быстротой.

— Вниз! Вниз! Вниз!

Лодка взяла дифферент на нос, и он схватился за скобу. Слава Богу, экипаж работал чертовски слаженно. Вот что значит — тревога. Настоящая тревога.

У Харви даже мысли не было, что самолет (если это самолет) атаковал их. Просто на глубине он чувствовал себя спокойнее. Не стоило и пытаться сбить его из эрликонов. Только самоубийца вступает в бой с целью, делающей свыше тысячи миль в час.

Харви вспомнил, как он поступал в таких случаях на войне — пытался взглянуть на ситуацию глазами противника. Если бы он, например, командовал вражеским миноносцем... Но то, что творилось сейчас, лишь в общих чертах напоминало бывшие схватки. Интересно, заметили они лодку или просто проводят утреннюю рекогносцировку? Будущее покажет.

Через семь минут послышался знакомый шум.

* Фраза из агитационного плаката ВМФ США.

Харви ждал. Источник шума непрерывно двигался. Вот он отдался на милю, затих, снова приблизился, снова затих.

«Ищет, — подумалось ему. — Ходит по спирали и ищет, не спеша и тщательно. Но если они так педантичны, значит — не заметили лодку и скоро отвяжутся».

Решение пришло внезапно.

— Продуть цистерны!

Харви удивился, как вдруг обострились все чувства. Осторожно, фут за футом, он начал поднимать лодку. Где-то на потолке конденсировалась влага, капли, падая на руки, вызвали почти болезненное ощущение. Дыхание стоявшего рядом Миндела отдавалось громом у ушах.

— Под перископ! — Собственный голос вернул его к реальности.

Он нагнулся к окулярам, почувствовал приятную прохладу губчатой резины. Свет ударил ему по глазам. На воде играли солнечные блики. Вдали темнела маслянистая громада.

Потом Харви так и не смог вспомнить, вслух он выругался или про себя. Кажется, он даже пошатнулся от удивления.

Эта штука была черного цвета, а формой напоминала каплю, но огромную, футов ста тридцати в длину. На ней не было ни люков, ни иллюминаторов. Рядом с узким концом вода вздымалась столбом и опадала. Не было ни огня, ни дыма, но чувствовалось, что острие «капли» источает чудовищный жар.

«Космический корабль, — подумал Харви. — Ракета. И к тому же плавучая».

Корабль делал узлов восемь и шел под острым углом к курсу подлодки. Потом он развернулся и пошел обратным курсом. Он явно что-то искал — не обломки ли субмарины?

Харви едва не растерялся, но тут откуда-то послышался характерный свист. Миндел затаил дыхание, а Харви почувствовал, как судорога сводит лицо. Оба они хорошо понимали, что это за свист. Сонар — единственный способ локации под водой.

Харви не стал паниковать — выручила тренированная воля. «Придумай что-нибудь», — приказал он себе, И, словно чудом, к нему вернулась кристальная ясность мысли.

Три таких корабля охотились за ним ночью. Они знали, что он здесь, но не могли найти, а теперь, с сонаром, рано или поздно, отыщут лодку. Надо было поторопиться.

— Приготовить носовые торпедные аппараты к атаке!

Голос его был тих и спокоен, но на душе муторно.

Восемь узлов осадка футов двенадцать-пятнадцать; атаковать лучше в надводном положении. Он четко отдал нужные команды и стиснул рукоятки перископа.

Чужой корабль медленно вошел в визир прицела.

— Пошла первая!

Лодка чуть накренилась, послышалось знакомое шипение выпускаемой торпеды, а потом — снова свист.

— Пошла вторая!

Харви мысленно сосчитал до четырех и скомандовал погружение. Не стоило дожидаться результата на перископной глубине: если торпеды пройдут мимо цели, противник запросто засечет лодку по их следу. Для себя он решил, что техника чужаков, кем бы они ни были, обогнала земную столетий на пятнадцать, если не больше.

Не успели они погрузиться, как лодку настиг гидравлический удар.

«Есть одна, — довольно улыбнулся Харви. — Мы тоже умеем охотиться...»

И тут ударило снова, много сильнее, и Харви вдруг обнаружил, что лежит поперек Миндела. Зазвенело стекло, свет погас, на железный пол с грохотом посыпались вещи из шкафа и с полок. Харви поднялся на ноги.

— Здорово досталось?

— Вроде бы цел, сэр, — ответил Миндел сдавленным голосом. — Что это было? Неужели мы угодили им в котел или что там у них вместо него?

Харви утвердительно кивнул и начал опрос отсеков. Люди отделились легко, повреждений почти не было, люди не пострадали.

А еще через минуту матросы заменили лампы в плафонах.

— Выплываем. — Он прислушался к шуму волн.

— Вы полагаете, что-нибудь уцелело, сэр? — нарочито безразличным голосом спросил Миндел.

— Нет, — ответил Харви и внимательно посмотрел Минделу в глаза.

Старший помощник был ему симпатичен, но сейчас просто не находилось нужного слова, чтобы его ободрить. Одно из двух: или человек приспосабливается к необычным обстоятельствам, или ломается. Миндел был близок ко второму исходу: развитое воображение мешало ему охватить ситуацию целиком. Он был на высоте лицом к лицу с обычным противником и при обычных обстоятельствах, но в создавшемся положении ему следовало помочь, вывести из стресса.

— Вам нужно взбодриться, — мягко сказал Харви. — Возьмите в аптечке препарат Б-7 и примите две таблетки.

— Две? Зачем, сэр?

— Это приказ, Миндел.

— Есть, сэр. Будет сделано.

Харви удовлетворенно кивнул. Б-7 снимал нервное напряжение, помогал собраться с мыслями. Все это понадобится Минделу, и очень скоро.

— Под перископ!

В поле зрения прибора вода была грязной, по ней плыли масляные клочья, иена. Сверкая животом, проплыла мертвая рыба.

Вдали билось что-то огромное, кожистое, потом затихло, погрузилось в воду.

— Всплытие и — малый вперед.

Ему очень не хотелось выходить наружу, но он знал, что от этого никуда не деться. Это был долг — выйти и посмотреть, нельзя ли спасти что-нибудь.

Был мертвый штиль, воняло невыносимо, а жара усилилась чуть не вдвое.

Что он искал? Что могло уцелеть после такого взрыва?

Он тупо смотрел на воду. К борту прибило мертвых рыб и клубки водорослей.

Вдруг он встрепнулся. Футах в десяти плавало тело в облегающей черно-голубой форме. Ткань отливала металлом. Как оно уцелело? Наверное, его отбросила взрывная волна.

Это был безнадежно мертвый человек. Мужчина. Молодой, лет двадцати, рыжеволосый и круглолицый. Остекленевшие голубые глаза смотрели в небо. Сердце капитана сжалось: он представлял экипаж черного корабля если не чудовищами, то во всяком случае не людьми. Ему думалось, что это будут твари с голубой кожей, совиными глазами без век, со щупальцами вместо рук. А тут — человек, мертвый мальчишка, чем-то похожий на Миндела.

Харви медленно сошел в лодку. Он увидел все, что хотел. Чужим голосом скомандовал погружение под перископ, попытался собраться с мыслями. В лодке все было привычно и не составляло труда представить, что наверху — студёные волны Северной Атлантики, а не теплая вода древнего океана. Он ничуть не удивился бы, узнав, что на суше еще царят динозавры. А может, они еще не появились?

— Нашли что-нибудь, сэр? — Миндел уже овладел собой, но говорить ему о мертвце капитану все же не хотелось.

Он нагнулся к перископу.

— Вы чего-то опасаетесь, сэр?

Харви пожал плечами.

— Если бы пропал наш корабль, мы бы начали искать его. — Он оглядел туманный горизонт и криво усмехнулся. — Не думаю, что их реакция сильно отличается от нашей. Лучше давайте надеяться, что они слишком далеко, чтобы искать нас.

Он выпрямился.

— Полный вперед!

— Идти на перископной, сэр?

— Да. Я хочу знать, что творится наверху. А то выскочим сослепу прямо им в зубы и даже не узнаем об этом.

Минут пять он вглядывался в окуляры, крутил ручки, словно пы-

таясь сфокусировать оптику на чем-то определенном. Кризис миновал, и он снова был спокойным и рассудительным.

Вдруг Харви выпрямился.

— Они не заставили себя ждать. Взгляните-ка вы, Миндел. Может, мне мерещится?

— Есть, сэр. — Он нагнулся. Но через минуту выпрямился с бледным и удивленным лицом. — Что за чертовщина, сэр? Там — вторая Луна!

Харви пожал плечами и снова приткнулся к перископу.

— Похоже. — Предмет на взгляд был не меньше мили в диаметре. Осматривать весь горизонт уже не было времени. Скорее всего, это их базовый корабль.

— Не понимаю, сэр, — вытаращился Миндел.

— Объясню потом. — Харви оторвался от окуляров. — Ракеты к бою.

Он снова вспомнил свой военный опыт.

«Думай за противника, поставь себя на его место».

И опять Харви удивился, до чего ясна голова.

Если он думает за чужаков, то они, в свою очередь, могут думать за него. Скорее всего, эти пришельцы — из другой звездной системы, ищут подходящую для колонизации планету. Если они обнаружат цивилизацию, пусть даже примитивную по их меркам, они наверняка предоставят ей спокойно развиваться, а сами будут искать другую планету. У них, конечно, мелькнет мысль о других пришельцах, но они ее отбросят, слишком уж маловероятно такое совпадение. Несомненно, чужаки оценят вооружение лодки и по нему будут судить о технологическом уровне ее создателей. Им, конечно, не придет в голову, как она здесь оказалась. Д у м а й з а п р о т и в н и к а. Вскоре чужаки узнают о таинственном судне, которое может являть для них опасность. Очевидно, это судно неспособно оторваться от воды и вести бой в воздухе, поэтому будет легко разрушить его, повредить и захватить. Но у него есть снаряды, бьющие из-под воды. Ими, наверное, и сбили корабль-разведчик. Командир чужаков не знает, что лишь по чистой случайности удалось поразить жизненно важные механизмы разведчика.

Харви кивнул сам себе. Сможет ли командир чужаков заключить — а это было допустимо, — что таинственное судно может покинуть воду или что не все его орудия специализированы для этой стихии? Догадывается ли он, что у этой штуки там, внизу, есть козырь в руках? Они, конечно, узнают, что разведчик был уничтожен не ядерным оружием. А чего стоит обычное оружие против космического корабля? Харви всей душой надеялся, что чужак подумает именно так.

— Ракеты — к пуску!

Ему вдруг подумалось, что он не имеет права проиграть этот бой.

В конце концов, у него боевой корабль, и он должен сражаться, вот и все. Одно дело — разумная осторожность, и совсем другое — бегство от боя в безопасную гавань. Да и бежать-то некуда — гавань эта появится через миллионы лет.

— Ракеты готовы, сэр.

Он кивнул. Миндел говорил так, словно докладывал: «Койки убраны».

— Обратный отчет!

Он почувствовал неуверенность. Ракеты типа «Гончий пес» предназначались для поражения наземных целей — портов, гаваней и тому подобного. Кто знает, сработают ли они как перехватчики?

Он снова посмотрел в перископ. Промахнуться нельзя, корабль висел почти над ними, не более чем в пяти тысячах футов.

— Ноль. Ракета пошла, сэр.

— Вторую к бою! Быстро!

Он хотел выпустить две ракеты, а потом погрузиться и уйти. Слава Богу, из-за грязи и водорослей на поверхности разглядеть лодку невозможно. Но у чужаков, конечно, есть чуткие приборы невизуального обнаружения.

— Готово, сэр.

— Отсчет!

Как только послышалось «Ракета пошла!», Харви командовал погружение. Ощущая во рту гнусный металлический привкус, он ждал, когда наполнятся цистерны.

— Выровняться! Полный вперед!

Видит Бог, он не убежал. Но не слишком ли торопился?

Он начал считать про себя секунды и к концу второй сотни успокоился. Нельзя обольщаться: ракеты, конечно, отпугнут чужаков, но не помешают им вернуться. Даже в случае прямого попадания они пробьют в корабле самое большее тридцатифутовую дыру. А для такой громадины этого мало. Во время войны ему довелось видеть суда с развороченными в клочья надстройками, с корпусами, расстрелянными в решето, — и они держались на плаву.

Субмарина делала тридцать один узел, максимальный ход под водой, и теперь он считал не секунды, а минуты. На исходе седьмой сквозь шум винтов пробился глухой скрежет, и лодка тяжело вздрогнула.

Тогда Харви приказал застопорить машины и приготовиться к всплытию.

Снова донеслись знакомые звуки: скрежет снимаемого металла, треск ломающихся переборок. Такое он слышал не однажды. Машины и орудия срывались с креплений, сокрушая переборки кренящегося судна. Однажды он видел тяжелую герметическую дверь, начисто вывернутую давлением воздуха, сжатого напором воды.

— Что скажешь об этих звуках, боцман?

Тот нахмурился.

— Похоже, тонет корабль. И чертовски большой. Быстро тонет. Рушатся механизмы, слышите, сэр? Вроде работают помпы. Неужто это мы его сбили, сэр?

— Кажется, мы. — Внезапно Харви ощутил странную слабость и дрожь в ногах. Он победил эту штуку, а ведь она была побольше его родного городка.

На мгновение вспыхнула истерическая радость, но он быстро подавил ее. Не так уж ловко они сбили корабль, не в куски разнесли. Просто одна ракета, а может, и обе повредили его ровно настолько, что он уже не мог держаться в воздухе. С тысячефутовой высоты он не упал камнем — понадобилось семь минут.

Но почему он так быстро тонет? Вдруг он понял, что космический корабль строился на диаметрально противоположном принципе. Неужели подводный? Корпус «Тауруса» рассчитывался на давление и з в н е, а у космического корабля снаружи — вакуум, а внутри — давление воздуха. Его переборки, аварийные и спасательные люки, несомненно, должны были удерживать воздух и не выдержали, когда в корабль ворвалась вода.

Слабые звуки, проникавшие в лодку, говорили, что большинство машин корабля еще работают с полной отдачей. Когда до них доберется вода, они замолкнут.

Харви ощутил странное покалывание в ладонях и ступнях, потом — удар в поясницу. Ему показалось, что субмарина сделала двойное сальто, откуда-то выхлестнуло голубое пламя, послышался вопль. Кажется, он потерял сознание, но, очнувшись, обнаружил, что стоит на том же месте, ошеломленный и дрожащий.

Стояла поразительная тишина, скрежет и грохот совершенно прекратились.

Харви глубоко вздохнул, пытаясь побороть тошноту, и огляделся.

— В чем дело, боцман?

— Погиб Уилкинс, сэр. Он проверял бортовую электросеть, и его ни с того ни с сего ударило током.

— Ни с того ни с сего?

— Уилкинс знал свое дело, сэр. Разряд был внезапный, вроде взрыва.

— Ясно. Положите его пока в торпедный отсек, а я приду туда попозже, сейчас — всплытие!

Несколькими минутами позже он заглянул в перископ. И с удивлением и облегчением он увидел вокруг стальные волны Северной Атлантики.

— Ну вот и все. — Лэксленд давно уже расхаживал по кабинету. Он снял очки, и лицо его сделалось старше и жестче. — Мы предполагали что-то в этом роде.

— Так вы верите мне, сэр? — В голосе Харви удивление мешалось с подозрительностью. — Вы не смеетесь надо мной?

— Напротив. Дело в том, что на корпусе вашей лодки нашли ископаемые водоросли. — Он коротко улыбнулся. — Так считают специалисты, хотя, конечно, мы не рассказывали им, в чем дело. Собственно, лишь четыре высших офицера военной разведки знают правду. Всем прочим придется довольствоваться более-менее правдоподобной версией. Ваши люди видели лишь фрагменты целого и будут помалкивать. Расскажи кто-нибудь из них о морском чудовище, например, и каждый назовет его трепачом.

— Но есть еще Миндел, сэр, мой старпом.

— Лейтенант Миндел болен, у него лихорадка, к счастью, в легкой форме. Когда он придет в себя, мы убедим его, что все это — горячечный бред. Похоже, из него выйдет первоклассный офицер.

— Но к чему все это, если вы мне верите? — озабоченно спросил Харви.

— Разве не ясно? — Лэксленд открыл досье. — Вы сделали вывод о скачке во времени, основываясь лишь на изменении климата. «Будучи атакован летательным аппаратом, как он его называет, он тем не менее не может детально описать его, идентифицировать его, что дает повод сомневаться в его здоровье». — он мягко улыбнулся. — Даже в разведке есть люди с фантазией. Если они заподозрят, что все это не было массовым психозом, то захотят узнать всю правду.

Лэксленд закрыл досье и положил его на стол.

— Хотя вы не физик, капитан Харви, вы, надо полагать, вывели для себя какую-то теорию о вашем... скачке во времени.

— Да, сэр. Я думаю, причина не в «Таурусе», а в них.

— Продолжайте.

Харви насупился, подыскивая слова.

— Я думал, что странствующий среди звезд корабль должен преодолевать не только пространство, но и время. Может, они искривляют время относительно пространства, чтобы путешествие не длилось целую вечность. Я так думаю, потому что мой радист ловил какую-то передачу, но толком настроиться на нее так и не смог. Наверное, мы попали в зону действия их машин, когда они манипулировали временем, и нас забросило в прошлое.

— А когда морская вода добралась до этих машин, процесс раскрутился в обратную сторону?

— Именно, сэр.

— Ваша теория логична, хотя я тоже не физик. — Он помолчал. — Капитан Харви, сейчас самое время сказать вам, что даже под действием наркотиков ваши люди восхищались вами. Что бы вы ни

чувствовали, вы оставались спокойны, отдавали четкие и своевременные команды. — Лэксленд снова улыбнулся, — Жаль, что мы не можем дать орден, но скорейшее производство в следующий чин я вам обещаю.

— Благодарю вас, сэр! — поклонился Харви.

Лэксленд быстро глянул ему в глаза.

— Вас беспокоит что-то еще?

Харви достал из пачки последнюю сигарету.

— Да, сэр. Я чувствую вину перед ними. Множество людей высококоразвитой расы оказались в диком мире. Я вот думаю, может, они сумели выжить?

Лэксленд нахмурился.

— Да, может быть, но почему это вас беспокоит?

Харви, казалось, не слышал его.

— Корабль был чертовски большой. Их спаслось, наверное, тысячи четыре, если не больше.

— Я не понимаю...

Харви посмотрел ему в прямо в глаза.

— Я сбил корабль, и те, кто спаслись, оказались отрезанными от своего мира. Я не удивлюсь, если мы окажемся их потомками.

Гарри Гаррисон

ЭСКАДРИЛЬЯ ВАМПИРОВ

«Главное преимущество человека перед компьютером в том, что человек бывает нелогичным, но разумным там, где компьютер бывает лишь логичным. Но вот что странно, человек бывает не только нелогичным, но и неразумным».

Г. Гаррисон

— Посмотри-ка на них, док, — сказал патрульный Чарли Ванден, с негодованием сплюнув в сторону огромного серого фургона, что приткнулся у обочины. — Расселись и ждут свою долю падали, как шакалы... Стервятники, да и только...

— За это им и платит Национальный Фонд Трансплантации. Такая уж у них работа, — ответил доктор, держа пальцы на сонной артерии девушки. — Что вам ответили в «Скорой помощи»?

— Приедут не раньше чем через десять минут: наш вызов застал их на другом конце города. — Вандеет снова взглянул на девушку. Совсем молоденькая и почти красивая. На голове — марлевая чалма, дешевенькое хлопчатобумажное платье пропиталось кровью.

Чарли резко повернулся — серая громадная фургона НФТ маячила на том же месте.

— НФТ, — со злостью повторил он. — А вы знаете, док, как их называют в народе?

— Национальный...

— Не-е-е-т, док, вы прекрасно поняли, что я имел в виду. «Эскадрилья вампиров», вот как. Знаете почему?

— Знаю... И еще я знаю, что, находясь при исполнении служебных обязанностей, так говорить не стоит. А ты, Чарли, прекрасно знаешь, что эти парни делают очень важную работу...

Доктор внезапно замолк, пульс девушки резко упал.

— Похоже, что девочка уже не выкарабкается, и никакая «Скорая» ей не поможет. Крови потеряла не так уж много, но ей снесло половину черепа...

— Но хоть что-нибудь вы можете сделать?

— Нет, это не тот случай... — Хойланд растегнул платье и осмотрел тело девушки. — Нужно записать в отчет, что на ней нет ни ожерелья, ни медалиона.

— Вы уверены? Может, он оборвался? — озадаченно спросил полицейский, доставая блокнот.

— Вероятно, нет. Цепочки делают достаточно прочными. Хочешь посмотреть сам?

Несмотря на свои тридцать лет, Чарли покраснел.

— Не подначивайте, док. Вы же знаете, это нужно для протокола. Мы должны все точно указать.

Доктор Хойланд тяжело поднялся и махнул рукой серому фургону; он тут же покатился к ним.

— Зачем это, док?

— У нее нет пульса, ни дыхания — она так же мертва, как и те двое. — Доктор кивнул в сторону сгоревшего пикапа. — Фактически, она мертва с того момента, как машина врезалась в дерево, хотя агония может продлиться еще несколько минут. Нет ни малейшего шанса, Чарли.

Взвизгнули тормоза, серый фургон остановился позади них, со скрипом откинулась задняя дверца. Из кабины выпрыгнул человек, одетый в аккуратную серую форму, на кармане виднелся значок «НФТ». Он из кобу выдвинул антенну «уоки-токи» армейского образца.

— Восьмое апреля 19... федеральный номер тридцать четыре, в семнадцати милях западнее Логанпорта, штат Джорджия. Автоката-

строфа. Жертва — женщина, кавказский тип, возраст — м-м-м... немногим больше двадцати лет, причина смерти... — Он посмотрел на доктора.

— Тяжелая черепно-мозговая травма. Левая часть черепа почти полностью отсутствует.

Пока шофер обходил фургон и открывал дверки, человек в форме повернулся к полицейскому:

— Сержант, все остальное касается только медицины. Спасибо за помощь, полиция здесь больше не нужна.

— Хотите избавиться от меня? — резко спросил Чарли.

Доктор Хойланд отвел его в сторону.

— Ты же знаешь: у тебя больше нет никаких интересов на этом театре военных действий, а у этих ребят такая работенка, которую нужно проворачивать как можно быстрее.

Как только Чарли услышал сирену, к нему вернулось самообладание. Он повернулся к дороге, чтобы показать машине «Скорой помощи», где свернуть с шоссе.

Пока он стоял спиной к жертве, с нее сорвали остатки одежды, уложили на носилки, покрыли стерильным изопластиком, втокнули в машину, приподняв штору, что скрывала заднюю дверь фургона. Когда Чарли обернулся, двери фургона уже закрылись, а у его ног остались лежать только ключки платья и одеяло из патрульной машины. Из выхлопной трубы вылетело плотное кольцо копоти.

— Что они там делают, док?

— Я знаю не больше, чем ты, — буркнул уставший доктор. Поспать этой ночью ему не пришлось, и любой пустяк его раздражал. — НФТ делают тяжелую, но жизненно важную работу. А иначе считают только дураки.

— Вампиры, — тихо пробормотал Чарли, подошел к патрульной машине и связался с полицейским участком.

Рождество 19... года запомнится надолго. На горизонте маячил новый век, а отмена налогов по всей стране — подарок президента Гринстайна — добавила поводов и денег любителям хмельного. Рождество пришлось на понедельник, 26 декабря стало официальным праздником — следовательно, уик-энд получался четырехдневный и очень веселый. Кто-то сказал, что спиртное, выпитое за эти дни в одном только графстве, могло удержать на плаву военный корабль средних размеров.

«Похоже на правду, — подумал шериф, — если взять не слишком большой корабль».

Неутомимый, в отличие от своих помощников, шериф Чарли Вандеен не жил дома с 23 декабря. В его квартире случился пожар, но

этот прискорбный случай мало его взволновал: позади служебного кабинета у него была маленькая комнатка с походной кроватью, где он отдыхал не хуже, чем в своей холостяцкой квартире. Его помощники всегда знали, где найти шерифа, и заходили туда по любому вопросу и в любое время.

Ничего, кроме обычной рутины — пожара, драки и пары слишком шумных вечеринок, — в этот уик-энд не произошло, и он хорошо выспался.

Приняв душ, побрившись и надев чистую отутюженную форму, он постоял перед окном, вглядываясь в рассвет нового дня. 26 декабря! Хоть бы этот чертов праздник поскорее закончился! Для него самого появление на свет Спасителя Мира не было каким-то особым событием. Что же касается людей, которые этот день празднуют, то у некоторых из них были более чем странные представления о том, как это надо делать.

Зевнув и отхлебнув кофе из большой чашки, Чарли поудобнее устроился в кресле, и тут снаружи донесся мощный гул. Он взглянул на часы, кивнул удовлетворенно — утренний хOVERлайнер шел точно по расписанию.

Чарли откинулся в кресле и погрузился в обычную утреннюю полудрему; перед мысленным взором всплыла давнишняя мечта: отправиться в фешенебельный центр отдыха, в Маком, что висит в воздухе над рекой Окмальджи. Перво-наперво он бросит сумку, потом заберется на верхнюю палубу хOVERлайнера «Тойсад Бар», размером и видом похожую на арену цирка. Пытаясь представить себе, как выглядит, когда под тобой несется земля, Чарли пересмотрел кучу снимков, сделанных с борта лайнера. Стаканчиком виски он отметит отправление, а предстоящий отдых — стаканчиком пунша из ямайского рома. Он будет сидеть, всем довольный, глядеть на мелькающие сосновые рощи и болота и ощущать, как все существо наполняется покоем. Потом будет пляж, синий океан, острова золотого песка, роскошный отель и девочки. Конечно же, в мечтах он был моложе, и с бронзовым загаром, и без седых волос, да и талия была дюймов на пятнадцать тоньше... в общем, девушкам на загляденье.

Сквозь полудрему он вдруг осознал, что шум хOVERа прекратился, что небо и ключья тумана загорелись ярко-розовым.

— О, господи, — простонал он и резко поднялся. Кресло упало, чашка полетела на пол и разбилась вдребезги — он даже не заметил. — С этой штукой что-то случилось!

Реклама утверждала, что хOVERлайнеры абсолютно надежны, что на воздушной подушке они одинаково легко проносятся над сушей и морем. Правда, предполагалось, что, если моторы откажут по какой-то совсем немислимой причине, хOVERлайнер мягко опустится вниз. Предполагалось...

Однако и с ними приключались аварии. Невозможно исключить

случайности, когда коробка величиной с атомный ледокол несется над землей со скоростью сто пятьдесят миль в час.

Все это выглядело так, будто рулетка вероятности выдала наконец «зеро».

Чарли потянулся к телефону. Пока помощники организовывали пожарников и «скорую помощь», он успел узнать, что хOVER упал в его зоне и не отвечает на вызов. Доложив о катастрофе по команде, он бросил трубку. Особых иллюзий он уже не питал, но еще надеялся, что произошла какая-то ошибка.

Чарли нахлобучил шляпу, натянул сапоги и рванулся к двери, путаясь в ремнях кобуры и рукавах пальто. Эд Холмер клевал носом за баранкой патрульной машины номер три, припарковавшись у обочины. Взрыва он не слышал и встревоженно вскрикнул, когда шериф полез в машину. Как только они тронулись, Чарли передал всем службам сигнал тревоги. Никто толком не знал, что они найдут.

— Шеф, как вы думаете, хOVER шлепнулся в болото? — спросил окончательно проснувшийся Эд, утапливая акселератор. Турбина взревела, и машина стрелой понеслась по автостраде.

— Нет. Насколько я слышал, он шел на запад. В болото упасть он не мог, скорее, где-то в районе Канала.

— Тогда поеду по Джоусон-Роуд, а там по проселку вдоль Канала.

— Хорошо, — буркнул Чарли, проверяя оружие.

Начинался серый и мокрый день, но Эд не стал включать фары: над дорогой все еще висели ключья тумана. Чуть притормозив, они свернули на проселок, включили сирену — выезжающий на автостраду молоковоз шарахнулся в сторону. Дальше дорога пошла через трассы хOVERлайнеров прямо к Каналу. Здесь не выращивали зерновых: воздушные струи воздуха выдували семена из пашни. Трава там, однако, росла. Канал представлял из себя длинную низину, лишь в самом конце переходящую в болото.

ХOVERлайнер упал рядом с фермерским проселком, и там в небо поднимался, клубясь, черный столб дыма.

Когда они подъехали ближе, Эд Холмер выпучил глаза и механически убрал ногу с акселератора. При падении громадная черная развалина пропахала безобразную борозду длиной не менее пяти сотен ярдов.

Они медленно приближались к хOVERу, объезжая огромные обгоревшие куски обшивки. Из-под обломков, помогая друг другу, толпами выбирались пассажиры, многие уже лежали на траве, пытаясь прийти в себя. Когда смолкла турбина и машина остановилась, стали слышны стоны и крики раненых.

— Вызывай всех и объясни, где мы находимся, — приказал шериф, выбираясь из машины. — Пусть поднимут на ноги все медицинские службы, да побыстрее. Потом поможешь этим несчастным. — Это он произнес уже на бегу.

Подбежав к рухнувшему лайнеру, он увидел, что подтвердились самые худшие опасения: многие страшно обгорели, многие истекали кровью, некоторые были живы, но находились в тяжелом шоке, были и мертвые.

Два пилота несли третьего, ноги у него свисали под немыслимым углом, а повязка, стягивающая бедра, сильно врезалась в тело. Раненый глухо стонал, когда его клали на землю, но его товарищи уже бросились обратно, чтоб помочь оставшимся в живых пассажирам выбраться из этого ада. Чарли оставался возле раненого пилота. Несмотря на пятна сажи и кровоподтеки, тот был мертвенно-бледен. Вскоре он очнулся.

— Может что-нибудь загореться или взорваться? — спросил шериф.

— Вряд ли... — пилот не сразу справился со слабостью, но ответил достаточно внятно. — Как только моторы загорелись, автоматы сработали. Это предусмотрено программой. Скорее всего, дал течь бак с горючим. Скажите им, чтобы не курили и ничего не зажигали...

— Держитесь, «скорая» на подходе, а за остальным я сам прослежу.

— Люди... внутри остались люди...

— Им помогут.

Шериф направился было к лайнеру, но остановился, увидев, как организованно работает команда лайнера вместе с легко пострадавшими пассажирами. Некоторые взяли носилки. Решив не вмешиваться до подхода помощи, он вернулся к машине, подключил к усилителю микрофон, повернул регулятор на полную громкость.

— Прошу внимания! — Все повернули головы в его сторону. — Медицинская помощь вызвана и уже в пути, — он немного помолчал. — В баках осталось горючее, и, вероятно, есть течь. Поэтому, хотя пожар почти погас, будет лучше, если вы воздержитесь от курения и не будете разжигать огонь.

Над его головой раздался сильный рев. Он поднял голову. Большой многовинтовой вертолет — прибыли медики. Вертолет снижался, вздымая клубы пыли, и Чарли отвернулся. Когда машина приземлилась и перестали вращаться лопасти, Чарли почувствовал что-то неладное и пригляделся...

Вертолет был серый. Весь!

В нем поднялась волна гнева, не ослабевшего за все эти годы. На непослушных ногах Чарли рванулся к открывавшейся дверце. Люди, появившиеся в дверях, в недоумении уставились на него.

— Кто вы такой? — спросил один из них: у него даже волосы под цвет формы.

— Вы что, не умеете читать? — Он рукой провел по тому месту, где на золотистом фоне черными буквами было написано его звание: — Я шериф, — но тотчас же отдернул руку, так как на привычном

месте ничего не было. Одев чистую форму, он в суматохе забыл приколоть звезду. — Вы слышали, что я сказал? — рявкнул он, воспользовавшись замешательством человека, уже обогнувшего его. — В услугах «эскадрильи вампиров» здесь не нуждаются! Во всяком случае, не в моем графстве.

— Так это вы и есть тот самый шериф? — холодно произнес тот, что выглядел постарше. — Как же, слышаны о вас! Но мы врачи и займемся ранеными, поскольку других медиков пока нет. А если вы решитесь в нас стрелять, — он бросил взгляд на руку шерифа, лежащую на кобуре, — то вам придется стрелять нам в спину! — Он кивнул своему напарнику, и они, не оглядываясь, двинулись к лайнеру.

Шериф медленно застегнул кобуру. Что ж, они действительно только врачи, так пусть хоть раз поработают по-настоящему. Его это вполне устраивало. Из-за деревьев показались новые вертолеты, и над Каналом разнеслись завывания сирен.

Шериф хотел было помочь Эду Холмеру — тот выносил из разбитого лайнера раненую женщину — но раздумал, решив, что будет полезнее, если он займется другим делом, например, организацией людей, которых вскоре будет здесь слишком много.

Над лайнером закружил ярко раскрашенный вертолет пожарной службы, проверяя, нет ли огня.

Постепенно возобладала деловитость и организованность. Пассажиров, способных двигаться самостоятельно, выводили из зоны аварии. Ранеными занимались медики всех рангов, даже два местных врача, услышав аварийный вызов по радио, явились на место аварии. Один из них, старый доктор Хойланд, давно был на пенсии, но, несмотря на свои семьдесят лет, всякий раз мчался на место происшествия, как только слышал вызов. Но сегодня он был действительно нужен.

В сторону увеличивающегося ряда тел под накидками и одеялами шериф взглянул только один раз, ибо в этот момент его внимание привлекли двое в сером; они несли носилки в сторону ненавистного вертолета. Разъяренный шериф в мгновение ока оказался у них на пути.

— Разве этот парень мертв? — завопил он, заметив вздрагивающие губы и блестящие неподвижные глаза лежащего на носилках.

— Вы что, смеетесь? — Тот, что шел первым, посмотрел на Чарли почти с улыбкой. — Мы таких только и берем. Прочь с дороги!

— Верните его к остальным раненым. — Шериф решительно взялся за револьвер. — Это приказ!

Человек, стоявший перед ним, переступил с ноги на ногу, не зная, как поступить, но тут вмешался второй.

— Опускай.

Поставив носилки, второй «вампир» выкинул из кармана

«уоки-токи» и начал что-то говорить, но разъяренный Чарли не вслушивался в его слова.

— Я не шучу! — прорычал он, по-прежнему угрожая револьвером.

К ним торопливо подошел еще один в форме НФТ, тот, что недавно говорил с шерифом, в сопровождении двух десантников из гарнизона штата. Их Чарли давно знал, но не дал им и рта раскрыть.

— Док, будет лучше, если вы погрузите своих вампиров в вертолет и побыстрее уберетесь отсюда. Я не позволю вам охотиться в моих угодьях.

— Мы ничего такого здесь предпринимать и не пытаемся, — почти печально покачал головой доктор. — Я говорил уже, что мы о вас наслышаны, шериф, и всегда держали своих людей подальше от греха, то есть от подвластной вам территории. Мы не любим склок, но сейчас наступил момент поставить все точки над «и». Как и все другие организации, НФТ охраняется федеральным законом. Никакие местные власти не имеют права вмешиваться в его деятельность. Никакие, вы слышите? Не будем создавать прецедент. Прошу вас отойти в сторону и не мешать моим людям.

— Нет! — прорычал шериф, наливаясь багровым румянцем. — Не в моем графстве! — Он отступил в сторону, но револьвер не убрал. К нему вплотную подошли десантники.

— Мистер Вандеен, доктор прав, — кивнул шерифу старший. — Закон на его стороне. Не причиняйте самому себе неприятностей.

— Назад! — закричал шериф.

Внезапно в его ушах что-то лопнуло, и десантники схватили его под руки. Не обращая внимания на боль в груди, Чарли начал вырываться. Когда прибежал доктор Хойланд, шерифа уже опустили на землю. Над ним склонился врач в форме НФТ.

— Что случилось? — спросил Хойланд, вытаскивая стетоскоп.

Выслушав объяснения, доктор расстегнул шерифу воротник и начал его выслушивать; потом достал шприц-тюбик и быстро сделал укол.

— Этого давно следовало ожидать, — сказал доктор, пытаясь подняться на ноги. Десантник помог ему. Лицо доктора, все в морщинах, было похоже на морду старой охотничьей собаки, да и выражение глаз такое же задумчивое. — Не надо было его волновать. Уже много лет он страдал от грудной жабы. Я много раз просил его не нервничать, но вы сами видите, как он выполнял мои рекомендации.

Начал накрапывать мелкий дождик. Доктор спрятал подбородок в воротник пальто и сделался похожим на древнюю черепаху.

Шерифа осторожно уложили на носилки, сняв с них тело парня, и отнесли в вертолет. За носилками последовали оба доктора. Внутри вертолета между отсеками, изолированными упругим стерильным

пластиком, проходил узкий коридор. Шериф пришел в себя, хотя дышал тяжело и хрипло.

— Я уже пять лет уговариваю его сделать пересадку сердца, — взволнованно говорил Хойланд, поглаживая шерифа по голове, как младенца. — Его собственное сердце не переносит даже слабого коктейля с содовой.

— И он, конечно, отказывался? — спросил врач из НФТ.

— Да. По поводу НФТ и пересадок у Чарли был пунктик.

— Я заметил, — сухо произнес доктор.

— А вы знаете почему?

Голоса доносились до Чарли как бы издалека, но видел он хорошо, поэтому заметил, как внесли носилки с телом, втолкнули в один из отсеков, а пластиковая стена, как большой алчный рот, приоткрылась и проглотила их.

В маленьком отсеке, куда попало тело, стены были сделаны из такого же пластика. Человек в белом, с лицом в маске, ожидал тело, стоя в позе боксера-победителя на ринге. В доли секунды тело обнажили, и человек в маске обрызгал его каким-то составом из шланга, что шел от стенного резервуара. Мокрое тело въехало в большой внутренний отсек, где его ждали «вампиры». Чарли хотел закрыть глаза, чтобы ничего не видеть, но не смог.

Операционный стол. Один единственный взмах руки с ланцетом, отшлифованный практикой — и тело вскрыто от подбородка до паха. И началось расчленение. Из кровавой раны что-то быстро вынимали и опускали в контейнер. Чарли застонал: из-за страшной вони у него начались спазмы в желудке.

— Конечно, мне известно, почему Чарли так настроен против НФТ, это ни для кого не секрет, хотя все помалкивают. Это произошло с его маленькой сестренкой, когда он только-только поступил в полицию. Насколько я помню, ей было шестнадцать лет. Она шла домой со школьной вечеринки. Сами понимаете, школьники-сопляки, старый автомобиль, луна, мокрое шоссе и... авария. Вы знаете, как это бывает...

— Да, да, разумеется, — печально качнул головой его коллега. — А где был медальон?

— Дома. В тот вечер она надела свое первое бальное платье с глубоким вырезом... Медальон к нему не подходил...

Глаза шерифа затягивала плотная красная пелена, но и сквозь нее он еще видел, как из тела вынули что-то трепещущее и тоже отправили в контейнер. Не в силах сдерживаться, Вандеен снова застонал.

— Ему становится хуже, — произнес доктор Хойланд. — У вас есть эти новые переносные реанимационные аппараты?

— Есть, конечно. — Врач НФТ сделал знак ассистенту, и тот тут же вышел. — Сейчас приготовят. Ну а по поводу его ненависти к нам,

я могу сказать, что мы не вправе винить его, хотя это и глупо. В семидесятых годах, когда были сломлены общественные предрассудки, почти не было готовых к замене органов, а нуждающихся в срочной пересадке оказалось предостаточно. Таким образом, возникла необходимость в создании таких запасов. Тогда же в конгрессе прошел закон о легализации НФТ. Те, кто не желал расставаться со своими потрохами, чтобы спасти другого, носили медальоны, удостоверяющие это нежелание, и таких не трогали. Отсутствие медальона означало согласие на то, чтобы у него взяли все нужное для другого человека, нуждающегося в пересадке. Это был вполне справедливый закон.

— И тем не менее это очень коварный закон, — ухмыльнулся доктор Хойланд. — Люди нередко теряли медальоны или забывали их одеть...

— И все-таки, закон этот — справедливый и честный. Ну, вот и прибор. А закон никто не обходит. Большинство религий и атеисты едины во мнении, что после смерти тело представляет собой просто набор веществ. А уж если эти биологические соединения и вещества могут послужить ч е л о в е ч е с т в у еще раз, то тут и спорить не о чем. Мы, то есть наша служба, забираем лишь тех, у кого нет медальона, и удаляем органы, жизненно необходимые другим. Их замораживают и отправляют во все хранилища страны. Может быть, вы считаете, что было бы лучше, если б этот здоровенный пилот кормил червей, вместо того чтобы продлить жизнь какому-нибудь бедняге?

— Нет не считаю. Я сказал просто, что думает об этом Чарли. Мне же всегда казалось, что любой человек имеет полное право жить и умереть, как ему хочется.

Старый доктор, пытаясь от напряжения, склонился над аппаратом искусственного дыхания — нужно было поддерживать слабые легкие умирающего шерифа.

— Н-е-е-т, — выдохнул Чарли. — Уберите эту...

— Чарли, она нужна, чтобы вас спасти, — мягко сказал Хойланд. — Эта штука будет вашими легкими до госпиталя, а там вам поставят новые. Через две недели вы будете на ногах и со здоровым сердцем впридачу.

— Нет, — простонал шериф, хотя голос его был тверд. — Это не для меня. Я жил с тем, что мне дал бог, и с этим умру. Разве я смогу жить, зная, что у меня внутри чужие легкие? — Слезы бессилия потекли по его щекам. — Может, вы пересадите мне сердце моей маленькой сестры?

— Нет, Чарли, нет. Ведь прошло столько лет. Но я вас отлично понимаю. — Хойланд сделал жест ассистенту, что принес аппарат. — Мне очень хочется вам помочь!

— Лучше... не надо, док. Вы очень хороший человек, добрый друг... только у вас много глупых идей.

Шерифу стало хуже. Правый угол рта приподнялся в неестественной улыбке, правый глаз закрылся.

— Вы не можете так просто отказаться от попытки спасти человека... этого человека, — доктор из НФТ был настойчив.

— У меня не было права выбора, — ответил Хойланд, тщательно прослушав грудь шерифа, и сложил стетоскоп. — К тому же, это уже не в нашей власти. Чарли умер.

— Это ничего не меняет. — Врач из НФТ торопливо подтолкнул к телу шерифа аппарат для реанимации. — Если работать быстро, можно избежать необратимых изменений в мозгу.

— Мне кажется, с этим мы тоже опоздали. Чарли много лет болел, но его сердце — это еще не все. Поглядите на его губы и глаза. Разве вы не видите симптомы паралича?

— Я, конечно, видел эти слабые признаки, но отнес их на счет побочных симптомов грудной жабы. Но мы обязаны спасти жизнь человеку, если есть хоть один, хоть маленький шанс.

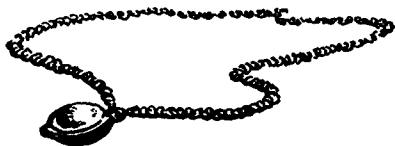
— Не тот случай, — возразил Хойланд и встал между телом и аппаратом реанимации. — Как его лечащий врач свидетельствую — о н е м е р т в ! Сердечная недостаточность и кровоизлияние в мозг. У него есть медальон, следовательно, вам его тело не нужно. Кроме того, его органы в очень плачевном состоянии. А на реанимацию Чарли никогда бы не согласился.

Постояв в нерешительности некоторое время, доктор из НФТ вздохнул:

— Что ж, поступайте, как сочтете нужным, но вся ответственность ляжет на вас. Так будет указано в заключении.

— Очень хорошо, меня никто не побеспокоит. Мир меняется чрезвычайно быстро, но вы должны понять, что некоторые люди не могут к нему приспособиться и шагать в ногу со временем. Единственное, что для них можно сделать, — это дать возможность спокойно умереть.

Но его уже никто не слушал. Доктор из НФТ ушел. Хойланд склонился над телом своего друга и закрыл одеялом застывшее лицо.

Пол Андерсон

ОТСТАВАНИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Элва возвращалась домой. С холма, на который она поднялась, сидя верхом на шестиногом хайлу, уже был виден ее дом. Она вспомнила свое девятнадцатидневное нелегкое путешествие по дремучим лесам, куда с трудом пробирался солнечный свет, по высокогорным пастбищам, где на теплых весенних склонах мягко шелестели травы и качались огромные бутоны ярко-красных цветов. Она спала ночами под открытым небом и изредка в заброшенных хижинах какого-нибудь лесника, а один раз ей пришлось остановиться на ночлег в племени Алфавала, и аборигены взирали на нее с любопытством и страхом. Вспоминала Элва и то, как неохотно она покидала своего мужа, отправляясь в путь, оставляя его с двухлетним сыном, и печально оглядывалась на свой дом с дымящейся трубой и слабо светящимися в предрассветных сумерках окнами.

В обязанности ее мужа, свободного фригольдера-землевладельца,

входил ежегодный объезд владений, и он обычно совершал его сам, отправляясь вверх, в горы, и путь его лежал через леса и долины от Лэйкленда до самого Тролла, а затем мимо реки Свифтсмоук обратно на юг. По этому маршруту предки Карлави, мужа Элвы, путешествовали около двух столетий. И осенью и летом, даже снежной зимой фригольдер всегда совершал объезд своих владений, и жители отдаленных ферм, охотники и трапперы, лесники и лесорубы всегда обращались к нему со спорными вопросами, словно к третейскому судье, и если случалась беда, то фригольдер созывал всех людей, живущих на его землях, чтобы справиться с ней сообща. Даже полудикое кочующее племя Алфавала иногда поджидало его на лесных тропах, и, неумело подражая человеческой речи, кто-то из дикарей обращался к фригольдеру с просьбой о помощи.

Однако в этот год Карлави и его помощники были очень заняты сооружением новой плотины на реке Улу, ибо старая рухнула прошлой весной из-за чрезвычайно сильного паводка и двадцать тысяч гектаров плодородных земель оказалось затоплено. Инженеры в Юваскуле, единственном крупном городе планеты Вэйнамо, разработали новую конструкцию, и Карлави собирался ее испытать.

— Пропади все пропадом! — сказал Карлави. — Мне потребуются все имеющиеся в поселке специалисты, включая меня лично. Работа должна быть закончена прежде, чем почва высохнет от летней жары, чтобы ферропластовые опоры плотины лучше связывать с землей.

— А кто будет совершать объезд? — спросила тогда Элва.

— Меня самого это озадачивает, — ответил муж, проводя ладонью по своим прямым темно-русые волосы, и его скуластое лицо, с большими, чуть раскосыми глазами, озарилось неожиданной улыбкой. Он всегда одевался просто — рабочий комбинезон, состоящий из кожаных брюк и короткой куртки из плотного материала с широким поясом, и во внешности его не было ничего романтического, однако на душе у Элвы всегда становилось очень тепло и радостно, когда муж вот так улыбался, даже спустя два года их совместной жизни.

Карлави достал из кармана трубку и не спеша набил ее табаком.

— Кто-то должен поехать, — сказал он. — Кто-то достаточно образованный, разбирающийся в медицине и технике и способный разобраться в непростых человеческих проблемах. И у него должен быть авторитет, ведь мы всегда придерживаемся традиций и законов, дорогая. Население наших земель не станет подчиняться кому попало. Как может слуга или простолюдин играть роль судьи? Это должен быть я, или мой помощник, или... — Он замолчал, и Элва тотчас поняла его намек, воскликнула:

— Нет, я не могу!

— Ты моя жена, — медленно произнес Карлави. — Одно это дает тебе право, согласно обычаю, выполнить мою работу. К тому же ты дочь известного магната из Ройялка. Это почти уравнивает тебя со

мной по престижу, несмотря на то, что ты родом с другого конца материка. Я сомневаюсь, чтобы ты знала, какими ужасными снобами являются фермеры в нашем Тервале.

— Но как же наш сын Хаук? Я не могу его оставить.

— Хаука за время твоего отсутствия избалуют обожающие его сиделки и добрая сотня местных нянек. Все будет в порядке.

Карлави помрачнел и договорил:

— А вот я буду одинок, и это просто ужасно.

— О, дорогой, — вымолвила Элва, сразу подобрев.

И через два дня она выехала.

Элве хотелось получше запомнить все впечатления, полученные во время путешествия — легкое покачивание шестиногого хайлу, бесконечные километры пути, когда тело начинает ныть от усталости, а в душе просыпается древняя тяга к странствиям вместе со странным возбуждением, которого она никогда ранее не испытывала, тишину среди горных кряжей, на вершинах сверкание льда и снега, пение птиц в чащобах и журчание ласковых речных струй, грубоватое, но искреннее гостеприимство трапперов и охотников, таинственное племя аборигенов, так мало похожих на разумных существ. Элва радовалась всему пережитому и увиденному и надеялась испытать все это еще раз.

Объезд был мероприятием сравнительно безопасным, ведь последняя война отгремела уже больше века назад, а что касается стихийных бедствий и хищников, то Элва всегда могла надеяться на помощь верного Хива, аборигена из племени Алфавал, который в свое время предпочел прозябание в лесных буреломах верной службе человеку. Несмотря на то, что Хив мог произнести лишь несколько десятков слов и пользовался только простейшими приспособлениями, вроде дубинки, в пути он был незаменим — эдакое страшилище с длинными ушами и широченным плоским носом, с длинными антеннообразными усиками и коротким сильным телом, покрытым короткой зеленоватой шерстью. Хив больше походил на зверя, нежели на разумное существо, но это была его планета, и природное чутье в сочетании с быстрой реакцией защищали Хива и его спутницу более чем надежно. И все таки Элва переживала отсутствие мужа и сына с каждым днем все сильнее, и, когда наконец внизу показался поселок Тервол и со склонов Хорнбэк-Фэл можно было разглядеть ее дом, Элвой овладело странное, безрассудное чувство, побуждавшее к немедленным действиям. Хива, сидевший рядом на своем хайлу, указал пушистым хвостом вниз и пробормотал:

— Дом. Сегодня будет много еды. Мягкая постель. Много еды.

— Да, — жестко ответила Элва, с трудом сдерживая слезы радости, и подумала: «Не к лицу дочери магната и жене фригольдера, кандидату наук и лучшему стрелку долины проявлять свои эмоции. Я не буду скулить».

— Нам надо спешить, — сказала Элва, пришпорив хайлу, и пус-

тилась галопом вниз по склону. Ее длинные золотистые волосы, завязанные шелковой лентой, растрепались и развевались сзади подобно гриве. Копыта хайлу стучали по камням, а впереди раскинулись вспаханные поля, еще не просохшие после зимы, с молодыми, ярко-зелеными всходами, и сверкало жидкой ртутью огромное озеро Раваниэми у подножия вершины Хай-Миккела, упиравшейся в безоблачное небо. На берегу озера располагался поселок, состоящий из десятков чистеньких домиков с красными двускатными крышами. Поселок рассекала надвое широкая, мощеная валунами дорога, усаженная по краям пышными деревьями. Она вела прямо к поместью фригольдера, мимо угловатого здания обогатительной фабрики.

Окна родного дома манили Элву издалека своим ласковым, привычным светом. Она преодолела почти половину пути, когда послышался испуганный вопль Хива. Тренированным движением Элва выхватила лазерный пистолет и напряглась, ожидая нападения. Хив, сжевший в седле, указывал в небо.

Поначалу Элве казалось, что все происходящее ей снится — на землю опускался звездный корабль, и она сразу же обратила внимание на его форму и колоссальные размеры. Он опускался быстро и на удивление тихо, похожий на серебряную сигару. Элва спрятала пистолет и достала бинокль. Теперь ей были видны надстройки и люки, орудийные палубы и раскаленные дюзы. В носовой части четко выделялась эмблема — рука в бронированной перчатке, охватывающая орбиту у маленькой планеты. Откуда-то доносились отчаянные вопли аборигенов.

«Космический корабль. Откуда он здесь? — думала Элва в смятении. — Когда-то давно на подобных монстрах сюда прилетели мои предки».

— Хив, ты видел когда-нибудь такое? — И она снова помчалась галопом по обочине дороги.

Звездолет опустился прямо за поселком, и его опоры глубоко вошли в рыхлую пашню. Он открыл огромный люк, и из него выехал ракетоплан и застыл, словно выжидая. Затем распахнулось множество других люков, из которых выехало с десятков бронемашин, вооруженных массивными пушками.

Элве повезло. Она еще не успела добраться до Тервола, когда пришельцы открыли огонь.

Не было видно ни вражеских звездолетов, ни орбитальной крепости, и капитан Корс Голиев, командующий военной эскадрой, стоя на обзорной площадке флагманского крейсера «Аскол», молча наблюдал за победным шествием своих кораблей, которые сверкали в лучах желтой звезды сотнями серебристых чудовищ. За ними виднелась

безграничная темнота, проколота местами крохотными огнями звезд.

Капитан вспомнил, как перед стартом с родной планеты Черткой он провел по радиосвязи небольшое совещание, и все экипажи, предвкушая добычу, радостно его приветствовали. Взгляд Корса устремился в сторону Sedel Regis, которое имело вид перевернутой буквы «Г». Он вспомнил, что старые астронавты рассказывали, будто где-то там находится Древнее Солнце, но никто на Черткое не был в этом уверен.

— Ускорение, необходимое для движения в агорическом поле, набрано, — доложил старший пилот «Аскола», появившись на минуту в поле зрения капитана. Голиев посмотрел на удаляющуюся планету Вэйнамо, укутанную облачным одеянием, сквозь которое иногда просматривались очертания материков. Вся планета имела приятную голубовато-зеленую окраску, и капитану вспомнилась его планета Черткой — желто-коричневая, местами серая, с прокопченной атмосферой, и он с сожалением отвернулся, заметив напоследок блеск двух маленьких лун, похожих на капли расплавленного золота.

Взгляд Корса привычно устремился на приборный щиток, сверяясь с показаниями приборов.

— Очень хорошо, — сказал он. — Корабли могут перейти в агорическое пространство немедленно.

Тотчас послышался мощный гул и металлический скрежет — вступил в работу агоратрон. Появилось неприятное ощущение падения, словно в кошмарном сне, и звезды, изменяя свою окраску, стали пропадать из поля зрения.

— Все в порядке, капитан, — вновь доложил пилот. — Старший техник проверил работу двигателей.

— Очень хорошо, — повторил Корс, зевая и потирая глаза. — Сегодня я не выспался. Пришлось дать туземцам настоящий бой. Я буду у себя в каюте, позовите меня, если что-нибудь случится...

— Слушаюсь, сэр, — пилот понимающе улыбнулся.

Голиев направился прямо по узкому коридору, спустился на нижний ярус, к своей каюте, встретив по пути несколько членов экипажа, которые почтительно приветствовали его, впрочем, без излишних церемоний, ведь им, солдатам, служащим на кораблях военной межзвездной корпорации, было чуждо подхалимство и раболепие. Каждый из них был опытным, прошедшим огонь и воду бойцом и космонавтом, и они с гордостью носили военную форму, отдыхая от нелегкой службы за азартными играми и выпивкой. Все они привыкли обращаться со своими старшими офицерами, словно с добрыми друзьями, и Корс Голиев не разрушал этих взаимоотношений, считая их весьма полезными, даже необходимыми. Он не спеша прогуливался по кораблю, с удовлетворением отмечая, что крейсер в полном

порядке и всегда готов к бою. Чего еще можно желать командующему эскадрой?

Правояц, ординарец капитана Корса, стоял у двери его каюты. На щеке Правояца багровело три параллельных царапины, а под глазом растекался фиолетовый синяк.

— Что-то случилось? — удивленно спросил капитан.

— Не то слово, капитан.

— Ты не обидел ее? — нахмурился Корс.

— Нет, сэр. Я отлично понял ваш приказ и даже в гневе пальцем не тронул эту девушку. Зато она в этом преуспела. Пришлось угостить ее солидной порцией усыпляющего газа, иначе она могла разнести всю каюту. Сейчас она, вероятно, очнулась, и я не хотел бы еще раз туда входить.

Голиев рассмеялся, глядя с высоты своего богатырского роста на ординарца. Корс был сильным мужчиной, со смуглой кожей, суровым испещренным шрамами лицом, поросшем седеющей бородкой. Он принадлежал к правящему классу планеты Черткой, но одевался весьма скромно — свободная куртка, защитного цвета брюки, заправленные в короткие сапоги армейского образца. На поясе кобура с лазерным пистолетом. Единственным знаком отличия служила малиновая звезда на груди.

— Теперь я займусь с ней сам, — важно сказал Корс.

— Да, сэр, — сказал помощник, и в голосе его сквозила зависть. — Капитан, может вам принести электрический разрядник с накопчиком?

— Нет, — ответил Корс.

— Но с ней не оберешься хлопот, а ток не оставляет следов на теле. — В глазах Правояца появилось выражение досады.

— Я знаю, — ответил Голиев. — Идите, займитесь делом.

И, открыв дверь, он вошел в каюту.

Девушка, сидевшая на кровати, рывком поднялась.

«...Она красива, поразительно красива», — подумал Корс, глядя на ее стройную, высокую фигуру, на смуглое, удлиненное лицо с огромными голубыми глазами, на приоткрытые чувственные губы, на распавшиеся по плечам золотистые пряди волос.

Остаточное действие усыпляющего газа ослабило ее настолько, что она прижалась спиной к переборке отсека и, дрожа всем телом, молча смотрела на вошедшего. Ее несчастный вид слегка растрогал Голиева, несмотря на то, что за годы службы ему приходилось повиждать всякого, особенно во время захвата планет Ифман и Новагалл, да и на самом Черткое, где слабый человек, не способный себя защитить, немедленно становится рабом сильного.

Корс остановился у стола в углу отсека и улыбнулся, слегка кивая.

— Как тебя зовут, красавица?

Она с трудом вздохнула и прошептала:

— Я не ожидала, что вы понимаете язык моей планеты.

— Мы смогли быстро его освоить. Ты слышала о гипнопедии? Это такой метод ускоренного обучения с помощью компьютера и нервных стимуляторов. Он состоит в воздействии непосредственно на мозговой центр человека, ведающий речью и восприятием звуковых сочетаний. Компьютер разрабатывает программу обучения, учитывая особенности того или иного языка, его грамматику, семантику и вообще...

Она облизала пересохшие от волнения губы и ответила:

— Я что-то об этом слышала, у нас были похожие разработки, однако нам не удалось продвинуться так далеко. И потом, на Вэйнамо единый язык.

— И на Черткое тоже. Но нам удалось завоевать две соседние планеты, на одной из которых существует сто лингвистических групп.

Корс открыл шкаф и достал из него бутылку и два бокала.

— Хочешь немного бренди? — спросил капитан, разливая напиток. — Меня зовут Корс Голиев. Я командир эскадры межзвездных военных кораблей, — сказал он. — А тебя как зовут?

Она не ответила. Корс протянул ей стакан.

— Почему ты не желаешь отвечать? Я неплохой парень, выпей за наше знакомство.

Девушка рывком выбила стакан из его руки.

— Ты убийца! — закричала она. — Ты и твои люди убили моего мужа! О, Господи! — Она шатаясь добралась до кресла и, рухнув в него, разрыдалась. Бренди растекался по ковру.

Голиев внутренне застонал и подумал:

«Почему я такой невезучий? Что у меня за дурацкий характер? Все мои приятели во время завоевания планеты Имфан только и делали, что лапали местных шлюх, и те были только рады. Неужели придется отправить эту женщину к остальным пленникам? Нет, она станет моей, не сейчас, так позже».

Он опустился в другое кресло и закурил, подняв стакан и разглядывая на счет его содержимое.

— Мне очень жаль, — тихо сказал он. — Что сделано, того не вернуть. Если бы жители вашего поселка сдались без боя, жертв могло и вовсе не быть. Они поступили неразумно. Кстати, мне доложил командир отряда, что тебя захватили, когда ты возвращалась из леса. Почему ты не спряталась?

— Там был мой муж, — зло ответила женщина, поднимая помертвевшее лицо. — И мой ребенок.

— Возможно, мы его подобрали, — с готовностью ответил Корс. — Ты можешь посмотреть...

— Нет, — оборвала она. — Я забрала Хаука и отдала его своему слуге Хиву, пообещав вернуться, если смогу. Мой муж сражался с вами и погиб за несколько секунд до моего приезда. О, Карлави!

Она словно бы обессилела после своих слов и рыданий, теперь сидела, глядя в одну точку.

— Что ж, — промолвил Голиев с некоторой неловкостью. — Мы предупреждали все население вашей планеты, призывая его к повиновению, и даже пытались сотрудничать, передав обращение к правительству по всем каналам телевидения. Однако получили решительный отказ, и тогда нам пришлось высадить десант в Юва-скула, захватить город и взять в плен членов правительства. Но и тогда сопротивление не прекратилось. Тогда мы перешли к более решительным действиям — объявили, что в отместку за гибель наших солдат нападём на ваш поселок и уничтожим его. Я считаю, что мы поступили гуманно, ведь мы не стали обстреливать города ядерными ракетами, пытаясь уменьшить число возможных жертв.

Элве казалось, что голос Корса звучит из бездонного колодца, настолько он был зловещим. Капитан расстегнул тесноватый воротничок, затянулся сигаретным дымом и вновь наполнил свой бокал.

— Конечно, я не думал, что ты примешь нашу точку зрения, — продолжал он. — Но вы в течение столетий жили изолированно, и ни один космический корабль не коснулся поверхности Вэйнамо со времени колонизации. Вы даже не пользовались имеющимися двумя межпланетными кораблями, ведь у вас есть все необходимое. Поэтому людям на Вэйнамо неведомы все превратности и негативные моменты космических перелетов, ведь, проведя в полете менее года, вы по возвращении встречаетесь со своими состарившимися сверстниками и друзьями, а вашу молодость охраняет эффект временного сжатия. Поверь мне, астронавты — очень одинокие люди. — Капитан отпил немного, наслаждаясь приятным жжением, когда напиток разливался по стенкам желудка, и сказал с грустью: — Неудивительно, что люди летят в космос так неохотно, а все колонизированные ими планеты буквально изолированы друг от друга. Для вас, жителей Вэйнамо, моя планета Черткой всего лишь абстрактное, ничего не значащее название — строчка в звездном атласе, а ведь она находится отсюда на расстоянии всего пятнадцати световых лет, и в любую ясную ночь вы можете увидеть на небе маленькую красноватую звезду — наше солнце. Ваши ученые называют его Гамма Габарчи. Каких-нибудь пятнадцать световых лет — а между нашими цивилизациями не было никаких контактов в течение нескольких сотен лет.

Корс помолчал немного, словно желая подчеркнуть всю значимость сказанного, и неожиданно резко продолжал:

— И вот теперь мы решили установить этот контакт. Почему? Все дело в том, что Черткой далеко не дружелюбная планета, в отличие от Вэйнамо. Наши предки прошли нелегкий путь и за все вынуждены были бороться. А сейчас население Черткой достигло численности в четыре миллиарда, хотя это были данные переписи на момент нашего старта. А когда мы вернемся, эта цифра, вероятно, достигнет пяти

миллиардов. Нашей цивилизации нужны ресурсы, нужно новое жизненное пространство. Поначалу мы высадились на трех планетах нашей системы и использовали их, по возможности, конечно. Затем мы устремились к близлежащим звездам, и нам удалось захватить уже две планеты, ну а ваша будет третьей. На Вэйнамо население составляет всего десять миллионов — на целой планете такое мизерное количество людей. Это просто расточительство, ведь один только ваш континент имеет больше природных ресурсов, чем весь Черткой, и вы остановили рост населения. Разве вы не хотите развиваться?

Голиев нервно постучал по столу ладонью.

— Неужели вы считаете, что жалкие десять миллионов грязных землепашцев имеют право на владение такой огромной территорией? Черткой вам этого не позволит, — неприязненно заявил он.

Элва оживилась, взгляд ее загорелся злостью:

— Вэйнамо — наша планета, — сухо ответила она. — И мы делаем на ней все, что нам нравится. Если вы на Черткое плодитесь словно червяки, то должны отвечать за последствия сами.

Остатки симпатии к этой женщине испарились из души Корса, уступив место гневу. Он погасил сигарету в хрустальной пепельнице и, допив остатки брэнди, сказал:

— Не читай мне морали. Я не нуждаюсь в ней.

Он встал и, обойдя стол, подошел к ней.

538 год. Anno Coloniae Conditae*.

Элва, стоя на балконе высотного здания, смотрела на панораму города Дирз, столицы планеты Черткой. Город выглядел внушительно, почти великолепно, если бы не унылое однообразие его громадных серых зданий, скрывающих горизонт, над которыми то тут, то там возвышались башни из стекла и бетона. На востоке, насколько хватало глаз, громоздились уродливые, почерневшие постройки шахт, тесно зажатые между котлованами и заводскими трубами, однако все это унылое великолепие не могло скрыть собой первозданную пустыню с красноватым, потрескавшимся грунтом. Внизу разветвлялась транспортная магистраль, по которой мчались беспилотные вагонетки, а рядом по тесным тротуарам сновали простолюдины, одетые, все как один, в грязно-серую униформу. Представители здешней элиты предпочитали воздушный транспорт, их аэрокары, раскрашенные в кричащие сочетания желтого и красного цветов, стремительно пересекали пурпурно-черное небо, где едва заметно светились редкие звезды и в дымном мареве плавала багровая луна. Даже в самый ясный день Элва не могла рассмотреть нижние уровни Дирза, скрытые завесой смога, и могла только гадать о

* От Основания Колонии (лат.).

том, что скрывается под землей, где рабочие самого низкого ранга влачили свое существование в душных тоннелях, обслуживая машины и поддерживая себя и свои семьи слабой надеждой на то, что когда-либо им удастся продвинуться по служебной лестнице вверх, к солнечному свету.

На Черткое ночи всегда были холодными, и Элва зябко куталась в накидку из натурального меха, подаренную Корсом, который никогда ни в чем ей не отказывал. Иногда Голиев приглашал ее на различные собрания и банкеты, где ей все любовались и завидовали ему. Первое время она отказывалась покидать квартиру, но Корс не делал из этого проблемы, он ждал, и Элва все-таки сдалась и теперь с нетерпением ожидала таких моментов, ведь благодаря им она могла покинуть свою не слишком просторную квартиру. Однако в последнее время празднеств стало гораздо меньше — Корс слишком много работал.

Красноватый диск луны в зените отливал светлой медью, и Элве всегда казалось, что впадина на поверхности спутника образует злобный рисунок, напоминающий человеческий череп с провалами пустых глазниц и ужасным оскалом. Это было отголоском страха, который Элва испытывала ко всему на Черткое, и она никак не могла избавиться от этого наваждения. Всякий раз, глядя в ночное небо, она испытывала боль, когда находила ту самую заветную звезду, вокруг которой кружится ее планета Вэйнамо.

Стоя на маленьком балкончике, она с отвращением вдыхала спертый городской воздух, пахнувший серой и химикатами, и вспоминала верховые поездки вдоль озера Раваниэми вместе с Карлави, при свете двух маленьких лун, которые отражались в хрустальной воде серебристой дорожкой, и сквозь шелест вековых деревьев слабо пробивались трели птиц, порхающих в густых кронах, отбрасывающих резкие, густые тени в лунном свете. Она восхищалась тогда красотой пейзажа и очень жалела, что у нее на родине, в Ройялке, нет такого озера. Карлави усмехнулся в ответ на ее восторженное восклицание и сказал, что это не птичье пение, так кричат странные зверьки янно, живущие вместе с племенем Алфавала в бескрайних лесах.

— Что это за существа? — спросила она.

— Янно приносит нам много вреда, поедая злаки и клубни на полях, — объяснил Карлави. — Было время, когда мы собирались их уничтожить, но наши ученые-генетики в институте Пааска создали своеобразный ген-мутант, который вызывает отвращение к витамину С, содержащемуся в наших полевых культурах. Мы стали вводить мутант в культуру, и с каждым сезоном янно вредили посевам все меньше и меньше. Через пару лет таких вредителей совсем не останется — мы отучим их питаться земными растениями.

— Янно так красиво поют, — промолвила Элла.

— Верно. Да и аборигены очень любят этих зверьков. Они их почти боготворят, и если уж мы живем с ними в мире на Вэйнамо, то должны уважать интересы друг друга.

Как-то Элва попыталась довести эту мысль до Корса, однако тот сказал коротко и ясно:

— Если аборигены мешают, почему бы их не перестрелять всех до одного. Это была бы хорошая охота!

Элва вздрогнула, словно от озноба, и решила вернуться в квартиру.

Когда она вошла в гостиную, автоматически включилось освещение, которое ничем не отличалось от того, что было на Вайнамо, ведь жизнь под разными солнцами практически не повлияла на зрение человека, но мировоззрение жителей разных колоний порой имело большие различия...

Квартира состояла из трех тесных комнат, хотя даже это на Черткое было невиданной роскошью, ведь население этой мрачной и воинственной планеты составляло пять миллиардов человек и стремительно возрастало.

Даже самые богатые на Черткое люди не могли себе позволить такую роскошь, как чистый воздух и свежая пища. Мало кто из них имел свой собственный дом, меж тем на Вэйнамо этими благами пользовался каждый простолюдин.

В дверь тихонько постучала служанка, и Элва удивилась: «Спит ли она когда-нибудь вообще?»

— Госпожа, вам что-нибудь нужно? — осведомилась служанка.

— Нет, — ответила Элва и села на диван. — «Как долго я здесь живу? — спросила она себя. — Наверное, год, если не больше».

Элва давно уже не следила за ходом времени, тем более что на Черткое использовали совершенно другой календарь. Она понемногу привыкла к здешней силе тяжести, которая была на десять процентов больше, чем на Вэйнамо. Впрочем, это почти не ощущалось.

Элва откинулась на спинку дивана и устало протерла глаза. Едкий уличный смог вызывал у нее слезы.

Служанка, видимо не удовлетворившись отказом Элвы, вошла в комнату и спросила:

— Может быть, чашечку тонизирующего напитка?

— Нет! — закричала Элва. — Убирайся прочь!

— Простите меня, я всего лишь рабыня и пользуюсь щедростью вашей души, — испуганно забормотала служанка и почти на коленях выползла из комнаты.

Элва раздраженно покосилась на дверь и зажгла сигарету. На Вэйнамо она не курила, но, попав в руки Голиева, стала заядлой курильщицей, как большинство женщин Черткоя. Положение плебе-ев, по-собачьи прислуживающих господам, больше ее не шокирова-

ло, и постепенно она стала думать о них как о людях второго сорта. Элва немного успокоилась и взяла в руки дискету с видеозаписью эстрадного шоу, собираясь занять чем-нибудь длинный вечер.

Дверь неожиданно распахнулась, и в комнату вошел Корс Голиев. Элва в душе была рада, что он пришел один и можно спокойно с ним побеседовать. Капитан вошел усталой походкой, швырнув шляпу в угол. Служанка Беглая суетливо подбежала и подняла брошенное на пол пальто.

Когда Корс сел в кресло, Элва уже ожидала его с бокалом вина и сигаретой. Она ждала, прекрасно зная тяжелый характер Голиева. Когда с его лица исчезло выражение суровости, она улыбнулась ему и улеглась на диване, опираясь на локоть.

— Корс, ты слишком много работаешь. Это вредно, — пожурела его Элва.

— Да, — вздохнул он, соглашаясь. — Но скоро мы закончим эту проклятую бумажную возню. Осталось потрудиться еще неделю.

— Ты в этом уверен? Ведь кто-нибудь из ваших черткойских бюрократов придумает еще десяток новых форм, которые нужно будет заполнить в пяти экземплярах.

— Возможно, — буркнул капитан, отпивая из бокала.

— У нас на Вэйнамо никогда не было такой волокиты с документами. Правительство планеты осуществляло лишь координаторские функции, и его полномочия имели строгие рамки. Почему ваши люди не могут организовать что-нибудь в этом роде?

— Ты прекрасно знаешь причины. А на Вэйнамо всегда есть место для того, чтобы почувствовать себя свободным. — Голиев протянул руку со стаканом, и служанка налила ему еще.

— Я не откажусь остаться на Вэйнамо, как только мы захватим ее, — задумчиво сказал капитан.

Элва удивленно вскинула брови и с готовностью подтвердила:

— Это прекрасная мысль.

— Но ты же прекрасно знаешь, Элва, что это невозможно. Кроме того, мне будет трудно привыкнуть к жизни землешаща.

Элва раскурила от окурка вторую сигарету. Она затягивалась настолько сильно, что у нее запали щеки, напряженно раздумывая над словами Голиева:

«Следующая экспедиция на Вэйнамо будет преследовать определенную цель — пятьдесят военных крейсеров попытаются разрушить экономику планеты, все промышленные объекты подвергнутся нападению, и правительство вынуждено будет капитулировать. Армия Черткой захватит множество пленных, большинство из которых умрут в пути, а выживших подвергнут варварским операциям на мозге, выжмут из них всю информацию и отправят в шахты. А если состоится третья экспедиция, то на Вэйнамо высадится тысяча кораблей, если не больше, и тогда будет одержана окончательная победа. Но это

произойдет лишь через сорок пять лет, именно столько времени уйдет на то, чтобы добраться до Вэйнамо и вернуться обратно. Значит, те люди, которым удастся выжить после второй экспедиции, смогут располагать запасом времени в тридцать лет. Мой сын Хаук, если он только жив, сможет за это время воспитать собственных детей. Но осмелится ли он...»

— Я поселюсь на Вэйнамо после третьей экспедиции, — неожиданно изрек Голиев. — Подумать только, целый мир только и ждет, когда же его начнут осваивать по-настоящему.

— Я могла бы помочь тебе во время экспедиций. Ведь мне известно множество нюансов, которые ты можешь не учесть, — намекнула Элва.

— Давай не будем к этому возвращаться, — оборвал ее Корс. — Ты же знаешь, что я не могу взять тебя с собой...

— Но ведь ты будешь командовать эскадрой.

— Да. Но как ты не понимаешь, у нас строгая дисциплина, и вообще такое не принято на военных кораблях.

Элва обиженно потупилась и сказала:

— Все, что угодно, только не оставляй меня здесь одну.

— Мой старший сын обещал позаботиться о тебе. Он не так уж плох, как ты о нем думаешь. Ты только должна будешь смириться с некоторыми его странностями. А через тридцать лет мы снова встретимся.

— Да, конечно. Но тогда я успею состариться. А почему бы тебе не вышвырнуть меня на улицу прямо сейчас, и никто не станет досаждать тебе глупыми просьбами.

— Ты прекрасно знаешь, что я так не поступлю, — жестко ответил Голиев. — Ты единственная женщина, к которой я испытываю подлинные чувства.

— Если ты действительно хочешь мне добра, то...

— Не принимай меня за глупца, Элва. Я прекрасно понимаю, что ты сбежишь от меня к своим при первом удобном случае.

— Если ты обо мне такого мнения, нам не о чем больше говорить, — медленно бросила Элва и отвернулась.

— Ну что ты, моя радость, я о тебе самого высокого мнения, — виновато прошептал Корс и положил руку ей на плечо. Она резко отстранилась, и он озадаченно сказал: — Знаешь, если ты так хочешь, я попробую добиться для тебя должности на флагманском крейсере. Но предупреждаю: война — зрелище не из приятных.

— Сначала ты счел меня предательницей! — взорвалась Элва. — А теперь ты назначаешь меня слабонервной истеричкой.

— Прости меня, любимая.

— Продолжай, пожалуйста, Корс. Ты любишь меня... оскорблять, — язвительно сказала она, радуясь в душе и думая: «Все-таки, непоколебимый капитан, ты подчинился мне!»

Атомная ракета, попавшая в центр города Юваскула, имела радиус тотального поражения всего в десять километров, поэтому большая часть города была сметена взрывной волной и охвачена пожарами.

Элве казалось странным, что она более остро переживает гибель Старого Города, нежели десятки тысяч смертей, когда в момент взрыва превратились в пепел мужчины, женщины, старики и дети. Она с ужасом и болью осознала, что нет больше хижины, построенной первыми поселенцами Вэйнамо, нет древней церкви Святого Ярви с красивыми мозаичными окнами и ратушей, не существует и музея искусств, который она посещала в детстве, разрушен университетский корпус, где она училась несколько лет и где познакомилась с Карлави.

«Я вечная дочь Вэйнамо, — думала Элва, ощутив жестокие угрызения совести. — И мне больно смотреть на то, как гибнет достояние моего народа, накопленное веками. Но воякам с Черткой на это плевать, ибо у них нет прошлого, достойного воспоминания».

У Элвы был пропуск, позволявший ей свободно передвигаться в пределах тыловых укреплений черткойской армии, и как только Голиев оставил ее одну, она позаимствовала легкий аэрокар на флагманском крейсере и умчалась на передовую. Ей пришлось пролететь сотню миль под багровым от зарева пожарищ небом родной планеты, и сердце ее сжималось от боли и тоски. Затем она посадила летательный аппарат и полдня добиралась на грузовике, вместе с солдатами, которые поначалу встретили ее сальными улыбочками и шутками, но когда она показала им свой пропуск, завизированный самим Корсом Голиевым, они тотчас заткнулись и чуть ли не встали по стойке «смирно».

Жители Вэйнамо оказывали ожесточенное сопротивление, несмотря на то, что уступали противнику в численности и качестве вооружения. В каждой деревне черткойцев ждали вооруженные охотничьими ружьями трапперы и лесники, каждая тропинка и дорога стала смертельно опасной ловушкой. Вооруженные формирования Вэйнамо применяли в боях атомную артиллерию и ракетную технику, и все же они не могли сдерживать агрессоров.

Заметив часового, Элва спряталась в траншею, прикрывшись плащ-накидкой. Она не хотела лишних распросов, так как была почти у цели. Силуэт часового на мгновение заслонил вечернее небо, но человек ничего не заметил и продолжал обход позиций.

Еще с воздуха Элва заметила, что пожар охватил в основном лесные массивы, а дома в поселках, уцелевшие после взрывов ракет и снарядов, почему-то не горели. Видимо, ученые в Юваскула своевременно разработали какой-то способ сохранения древесины на случай возгорания. Промышленность Вэйнамо, которая ранее выпускала жалкий минимум машин и сельскохозяйственной техники, наука,

специализирующаяся на прикладных, сугубо мирных разработках, оказались практически не готовыми к войне. Да и само население, всегда стремившееся к сохранению старого жизненного уклада, было слишком малочисленно. Однако командующий армадой Корс Голиев был встревожен известием о том, что один из пленных жителей Вэйнамо проговорился, что он якобы располагает архиважными сведениями. Поначалу капитан собирался лично допросить пленного, но неотложные стратегические задачи все время его отвлекали. Вот и сейчас он был вынужден срочно вылететь на передний край, чтобы лично руководить сражением в поместье Лемпо. И Элва не преминула этим воспользоваться, решив лично переговорить с тем самым пленным, надеясь расспросить у него о судьбе своего сына Хаука.

Элва отыскала нужное ей укрепление по знаку разведывательной службы на двери. Часовой, стоящий у входа молодой парень, преградил ей путь. Он вскинул бластер и неокрепшим петушиным голоском крикнул: «Стой! Куда прешь?» Опасения паренька имели под собой реальную почву — немало охранников обнаруживали на утро с перерезанным горлом.

— Все нормально, — как можно спокойнее сказала Элва, предъявляя пропуск. — Мне необходимо встретиться с пленным по имени Ивало.

— Вэйнамским офицером? — удивленно переспросил солдат и навел ей на лицо тонкий луч карманного фонаря. — Но вы сами...

— Я сама с Вэйнамо. Вы, должно быть, слышали обо мне. Я — Элва, жена капитана Голиева.

— О, да, госпожа. Конечно, слышал, — и солдат смущенно потупился, потоптался на месте и спросил: — Могу я узнать, зачем вам нужен пленный Ивало? У меня строгие инструкции начальника караула.

Элва одарила парнишку своей самой доверчивой и коварной улыбкой.

— Это идея самого капитана Голиева. Пленник располагает ценной информацией, и, возможно, встретившись с соблазнительной женщиной его же расы, он заговорит. Все может случиться.

— Понятно, госпожа. Только вряд ли он сломается. Входите и дайте мне знать, если он станет вам грубить.

Часовой отпер ей дверь, и Элва вошла в темную комнату с потолком до того низким, что она вынуждена была пригнуться, едва не задев тускло светящуюся лампочку. На полу, опершись локтем на сломанный тюфяк, сидел капитан Ивало. Седые виски, изможденное лицо, запавшие глаза и порванный мундир — все говорило о тяжелых испытаниях, выпавших на долю этого мужественного офицера, истинного патриота Вэйнамо.

— Что вам нужно? — спросил он на плохом черткойском.

Элва ответила ему на родном языке:

— Тише, умоляю вас. Никто не должен нас услышать.

— Кто вы? — удивленно спросил он, поднявшись на своем грубом ложе. Его вэйнамский выговор выдавал в нем бывшего интеллектуала. Элва решила, что раньше он был ученым или педагогом.

— Вы коллаборационистка? — презрительно спросил Ивало. — Наверняка, ведь в каждом стаде есть хоть одна паршивая овца.

Элва присела рядом с ним на корточки, поджав колени, и уставилась в одну точку.

— Я не знаю, как меня следует называть, — монотонно произнесла она. — Я прилетела с Черткой, меня захватили во время самого первого налета на Вэйнамо. Я — Элва, дочь Биармо, магната из Рой-ялка.

Ивало негромко присвистнул от удивления и сказал:

— Тогда я был слишком молод, но я хорошо знаю вашу семью.

Элва порывисто схватила собеседника за руку и, сдерживая рыдания, спросила:

— Вы знаете что-нибудь о судьбе моего сына? Его звали Хаук. Я оставила его на попечение своего слуги-аборигена, когда на наш поселок напали черткойцы. Хаук — сын Карлави, фригольдера из Тервола. Что вам известно?

Он высвободил руку и сочувственно покачал головой.

— Прошу прощения, но я сам родом с острова Аакинен.

Элва удрученно потупилась. Пленник выдержал паузу, сказал:

— Меня зовут Ивало.

— Мне известно ваше имя.

— Откуда? — вновь удивился собеседник.

— Я знаю гораздо больше, чем вы думаете. Например, я располагаю сведениями о том, что вы знаете какой-то важный стратегический секрет.

Сдерживая негодование, Ивало процедил сквозь сжатые зубы:

— Если вы думаете, что я предатель, тогда уходите!

— Пожалуйста, не думайте обо мне плохо, Ивало, — ответила Элва и протянула пленнику пластиковую ампулу.

— Что это? — спросил тот.

— Яд, — спокойно сказала она, вложив ампулу в ладонь офицера.

Он посмотрел на нее долгим и задумчивым взглядом.

— Это все, что я могу сделать для вас, — прошептала Элва, отвернувшись к стене.

— Вы, конечно же, храбрая женщина, но вам за это попадет.

— Я выкручусь. Не беспокойтесь, Ивало.

Взгляд офицера, затуманенный до того печалью, неожиданно оживился, и он сказал:

— Зачем вам возвращаться в лагерь врагов, вы вполне можете бежать к нашим. Фронт рядом.

— Нет. Я останусь с черткойцами. Возможно, мне удастся чем-

либо помочь моим соотечественникам, попавшим в руки врагов. Все годы, проведенные на Черткое, я надеялась вернуться, и вот теперь я улечу туда снова. Знайте, Ивало, — через тридцать лет ожидается новое нападение.

— Я знаю, Элва. Нам удалось захватить во время боя пленных, и они о многом рассказали.

— Вы смогли изучить их язык? Но как вам это удалось?

— Мы разработали метод гипнопедии, считая после первого нападения, что черткойцы могут вернуться. И мы не ошиблись.

— Мне жаль, Ивало, что я не в состоянии организовать ваш побег. Мой патрон — Корс Голиев — командующий звездным флотом Черткоя. Он говорил недавно, что вас будут пытаться до тех пор, пока не получат интересующую их информацию.

— Если это так, то он глубоко заблуждается — я не располагаю никакой секретной информацией, с меня даже не брали подписку о неразглашении. Единственное, что я могу скрывать, это свое упрямство и злость, злость на то, что народ Вэйнамо оказался настолько беззащитен перед врагом.

Он опустил голову, и плечи его задрожали, затем продолжил:

— Мы могли бы выиграть эту войну одним ударом, а вместо этого люди на Вэйнамо бесполезно погибают, а после Третьей экспедиции им не оправиться, это точно.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила Элва.

Он потер виски:

— Я же говорил вам, что многие люди на Вэйнамо всерьез восприняли первое столкновение с Черткоем и некоторые из биологов, несмотря на запрет правительства, смогли создать...

— Только не вирус! — воскликнула Элва, всплеснув руками.

— Да. Они создали вирус с инкубационным периодом, продолжающимся ровно один месяц. Все это время вирус является заразным. Вакцина против него действует в течение двух недель, поэтому все жители Вэйнамо будут защищены, а вот черткойцы увезут болезнь на свою планету. И тогда вымрет до девяноста процентов их расы.

— Но это недопустимо. Мы не вправе... — возмущенно промолвила Элва.

Ее прервал сожалеющий возглас Ивало:

— И тогда вмешалось правительство. Эти слюнтяи наложили запрет на всю научную разработку и приказали уничтожить штаммы микробов, считая бактериологическую войну варварской. Болваны, как будто им не дорога собственная жизнь!

Услышав последние слова Ивало, Элва почувствовала облегчение. Ее душа не могла оправдать миллиарды смертей стариков и детей, пусть даже на Черткое.

— Думаю, правительство поступило правильно, — едва слышно произнесла женщина.

— Возможно, возможно, — пробормотал офицер. — Однако они забыли о том, что Вэйнамо будет захвачена, ее жители либо погибнут, либо попадут в рабство. Наши леса срубят, истребят даже алфавалов. Неужели правительству на это плевать?

Элва закусила губы, сдерживая слезы. Ивало пристально взглянул ей в глаза и сказал:

— Не думайте, что в будущем вы станете национальной героиней. Вы ничем не сможете помочь Вэйнамо. Агрессоры уйдут, только когда превратят в руины всю нашу промышленность, а вы останетесь на свободе и так же будете радоваться жизни. Вы забудете свою родину. Что касается меня лично, то я бы послал наш вирус на Черткой. Я не хлюпик, как некоторые.

— Ивало, вы забываете, что я снова вернусь на Черткой и, возможно, мне удастся при помощи своего влияния на Голиева облегчить участь многих пленников, и мне искренне жаль, ведь я не в состоянии воспрепятствовать подготовке Третьей экспедиции.

Ивало подбросил ампулу с ядом и сказал:

— Я уже почти было решился умереть, но вот сейчас... В общем, возьмите ампулу, благодарю вас.

Женщина с горечью во взгляде поднялась и прошептала:

— У меня есть идея, как сохранить вашу жизнь. Вы скажете на следующем допросе все, что сказали мне. Тогда вас не убьют, а доставят на Черткой, а позже я попытаюсь добиться вашего обмена на кого-либо из пленных.

— Возможно, Элва, я именно так и поступлю, — ответил офицер, сам не веря своим словам.

С порога Элва обратилась к пленнику с просьбой:

— Если когда-нибудь вас освободят, обещайте мне, что посетите Тервал и разыщете моего сына. Скажите ему, что разговаривали со мной и я его всегда помнила и любила. Если он жив.

569. А.С.С.

За время Второй экспедиции Дирз сильно изменился. Город разросся и стал еще более шумным и дымным. Все больше людей нищало и умирало от голода в тесных подземных уровнях. В городе не осталось ни клочка свободной земли, даже с крыш самых высоких небоскребов виднелись одни только здания и заводские трубы. Смог поднимался все выше и становился все более ядовитым. Местное население поднимало бунты и восстания, подавление которых приводило к большим жертвам, и в Дирзе стала ощущаться нехватка рабочей силы. Черткойские звездолеты вынуждены были привозить рабов с захваченной планеты Имфан, но это только усиливало напряженность.

Только небо оставалось по-прежнему таким же холодным и рав-

нодушным, по его пурпурному куполу лишь изредка пробегало грязно-желтое пылевое облако. Длинными ночами по-прежнему светили колкие злые звезды и скалилась мертвой улыбкой луна, похожая на череп.

Элва стояла на балконе и смотрела на скопление сверкающих точек, которые за последнее время буквально заполонили ночной небосклон, — это ждали своего часа одиннадцать тысяч кораблей Третьей экспедиции, где уже разместились войска и боевая техника, почти все вооруженные силы Чертокя, собранные для завоевания Вэйнамо.

Корс Голиев, получивший чин адмирала, прекрасно осознавал, что победа не достанется просто так, без жертв, и не будет возможности получить подкрепления в случае неудачи. Либо черткойцы уничтожат армию Вэйнамо, либо наоборот. И третьего не дано. Адмирал даже не планировал возвращение обратно на Черткой — Третья экспедиция должна стать последней и решающей. Голиев учитывал и то, что жители Вэйнамо могли за прошедшие тридцать лет восстановить свои силы и подготовиться к войне.

Адмирал не сомневался в том, что на орбите Вэйнамо их поджидает флотилия военных звездолетов, однако Голиев был уверен в успехе — что в самом деле значат усилия десяти миллионов жителей Вэйнамо, вынужденных восстанавливать разрушенную экономику, по сравнению с шестью миллиардами черткойцев, вооруженных по последнему слову техники. Даже простейшие математические подсчеты подтверждали преимущество армии Голиева, ведь он затребовал такое количество людей и техники, которого вполне достаточно, чтобы разгромить самую крупную армию.

Элва стояла, опираясь на перила балкона. Прохладный ветер теребил ее плащ из перламутровой, переливающейся всеми цветами радуги ткани, подаренный Корсом, который не скупился для нее на дорогие вещи. Адмирал по-детски радовался своим успехам, новой восьмикомнатной квартире на самом верхнем этаже Лебеданской башни, где жили исключительно высшие слои общества.

Голиев как-то в разговоре с Элвой сообщил, что Третья экспедиция может начаться гораздо раньше и все это именно благодаря ему, его усиленной работе.

— Еще два-три месяца, и мы отправимся в путь, — торжественно провозгласил он.

— Мы? — прошептала Элва.

— Разве ты не хочешь снова увидеть Вэйнамо?

— Однако в прошлый раз ты не испытывал большого желания взять меня с собой, — с иронией ответила Элва.

— Да, тогда возникло немало сложностей, но сейчас все изменилось. Во-первых, у меня настолько высокая должность, что я нахожусь вне критики и посторонних амбиций. И, во-вторых, ты тоже изменилась в лучшую сторону и стала истинной гражданкой Черткоя. Ты — именно та женщина, которая ухитрилась заставить того парня, пленного офицера Ивало, признаться во всем.

Она слегка наклонила голову и посмотрела на него искоса пронзительно-голубыми глазами. Волосы ее отливали натуральным золотом в закатных лучах солнца.

— Я думала, что сообщение Ивало должно было напугать все население Черткоя, — усмехнулась она. — И я удивлена, что вы собираетесь предпринять еще одну экспедицию.

— Ты наверняка все знаешь про скандал в Директорате, возникший после этого. Ряд политиков проголосовали за то, чтобы оставить Вэйнамо в покое. Другие хотели подвергнуть планету усиленной бомбардировке. Мне, впрочем, удалось их переубедить, ведь как только мы разобьем армию вэйнамцев и завоюем планету, все население автоматически превратится в заложников. Никто и пикнуть не посмеет. Для устрашения мы можем публично казнить несколько плененных офицеров, доставивших нам чересчур много хлопот, и при первом же подозрении заражения вирусом мы уничтожим весь континент, не пощадим никого.

— Я уже слышала твои доводы, не первый раз, — устало сказала Элва.

— Неужели я действительно такой зануда? — Он подошел сзади и положил руку ей на плечо. — Извини, просто я не привык беседовать с женщинами.

— А я не привыкла сидеть взаперти, словно рыбка в аквариуме, и ждать, пока ты захочешь выставить меня напоказ, — сказала она.

Он поцеловал ее в шею.

— На Вэйнамо все будет иначе. Когда мы там обоснуемся, я стану правителем планеты и смогу делать все, что захочу. И ты тоже...

— Сомневаюсь. Почему, интересно, я должна верить всем твоим словам? Когда я сказала тебе, что заставила Ивало заговорить, пообещав обменять его, ты не сдержал своего слова.

Она попыталась высвободиться, но он крепко придерживал ее своими мощными руками. Она смирилась, однако лицо ее стало суровым и хмурым.

— А теперь, Корс, когда я говорю тебе о том, что с пленными надо обращаться по-человечески, ты начинаешь петь про свой проклятый Директорат.

— Но Директорат руководит нами, он делает политику.

— Да, адмирал, ты никогда не упускаешь возможности напоми-

нать мне об этом. У тебя огромное влияние, и ты можешь настоять на том, чтобы жизнь пленных стала более сносной.

— Наверное, — ответил Корс, и его губы скользнули по ее щеке. Она раздраженно отвернулась и продолжала:

— Ты можешь получить желаемое, ведь они твои пленники. И когда же наконец ты станешь уделять мне больше внимания?

— Я очень занят, Элва. Честно признаюсь, я был бы рад оставаться с тобой, однако у меня не хватает времени.

— Я не хуже тебя, Корс, изучала структуру власти в Черткое, а возможно, и лучше... Если ты не знаешь, как использовать свое влияние, тогда сядь рядом и послушай.

— Хорошо, дорогая. Я не отрицаю — ты довольно часто давала мне весьма ценные советы.

— Итак, слушай. Для начала всех жителей Вэйнамо, которых ты держишь в плену, необходимо поселить в приличных домах и обеспечить им приемлемые условия жизни. Для чего ты их захватил, если не получишь от них никакой пользы? А настоящая польза от пленных заключается не в том, чтобы испытывать удовольствие от грубого обращения с ними. Их придется вернуть обратно, на Вэйнамо. Всех до единого.

— Ты сама не понимаешь, что говоришь! Зачем они...

— Я отлично знаю, о чем говорю! Тебе наверняка понадобятся переводчики, посредники, проводники, лидеры правительства. Тебе будут необходимы сотни вэйнамцев, и они у тебя в руках.

— И смертельно меня ненавидят.

— Сделайте их жизнь нормальной, и ненависть исчезнет. К тому же, когда мы прилетим на Вэйнамо, пройдет жизнь целого поколения и все их друзья и близкие успеют либо состариться, либо умереть. Позволь мне поговорить с пленными, и у тебя появятся верные помощники среди них.

— Я подумаю над этим.

— Ты обещаешь? — спросила Элва с надеждой в голосе и расслабившись прильнула к его широкой груди. Она подняла к нему лицо и, слабо улыбаясь, прошептала:

— Тебе это удастся, Корс, я верю.

— О, Элва...

Спустя некоторое время Голиев произнес с чрезвычайной серьезностью и торжественностью:

— Ты знаешь, дорогая, как только я твердо встану на ноги, я хочу на тебе жениться официально. И пусть окружающие будут шокированы этим, меня не волнуют их чувства. Я хочу быть твоим мужем и отцом твоих детей. Представь, как торжественно будет звучать — Элва Голиева, супруга генерал-губернатора планеты Вэйнамо...

Когда армада военных кораблей Черткоя приближалась к Вэйнамо, Корс Голиев вызвал Элву к себе.

Адмирал показал ей спасательную капсулу — бронированный цилиндр, снабженный реактивными двигателями, регенератором воздуха, запасом пищи и воды. Аппарат занимал почти весь его отсек.

Корс пристально взглянул ей в глаза и сказал:

— Я не думаю, что случится какая-нибудь неприятность, но в случае чего ты наверняка сможешь посадить капсулу на поверхность Вэйнамо. — Он замолчал, задумавшись, глядя на экран, где виднелось изображение пульта управления крейсером. Офицеры, сидевшие в креслах за ним, деловито нажимали клавиши, щелкали тумблерами, а за иллюминатором светились размытые, едва различимые в агорическом пространстве звезды. Адмирал ощутил, как на лбу выступили капли холодного пота. Это не был страх, просто он чувствовал, что должен попрощаться с любимой женщиной.

— Ты знаешь, Элва, я люблю тебя, — закончил он и тотчас вышел.

Элва, облачившись в скафандр, вошла в капсулу и уселась в тесное кресло, зажатое между металлическими перегородками. Начался отсчет времени, затем женщина почувствовала сильный толчок и тяжесть сковала ее тело — капсула отделилась от корабля, и в иллюминаторе появились звезды, которые вновь приобрели привычные очертания. На фоне карминно-черного неба они кололи глаза тысячами сверкающих игл. Вэйнамо, ее родная планета, была все еще на расстоянии в несколько тысяч километров и казалась крохотным голубоватым шариком.

Элва провела ладонью по стеклу гермошлема, ощутив, как пересохла губы.

«Человек не может не бояться, — подумала она. — Хотя бы немного». Она воскресила в памяти родную землю, Карлави, представив камыши, шепчущие на берегах озера Раваниэми, высокую траву, в которой заблудился игривый ветерок, прекрасную долину, всю в цветах и зелени. Словно в полусне она видела вершину Хай-Миккела, пронзившую небосвод сверкающим от снега острием.

«Я возвращаюсь, Карлави», — подумала она.

В иллюминатор она видела множество других спускающихся аппаратов, сверкающих, подобно игрушкам, мчавшихся в пустоте, навстречу неизвестности, а быть может, и гибели.

По радиосвязи Элва при желании могла слышать, что происходит на капитанском мостике, и получать оттуда сообщения личного характера.

Она надавила клавишу, но не услышала ничего особенного, обычные сообщения. «Вырос ли хоть немного диск Вэйнамо? — думала

женщина, глядя в иллюминатор. — Неужели я все это время заблуждалась, неужели мои соотечественники не смогли подготовиться к войне?» Сердце Элвы замерло.

Потом она услышала:

— Внимание, красный режим! Обнаружены объекты на орбите. Нейтронное излучение говорит о наличии у них ядерных реакторов.

— Внимание, желтый режим. Обнаружен неподвижный объект на стационарной орбите планеты. Находится на расстоянии приблизительно семьдесят тысяч километров. Масса объекта намного превосходит массу крейсера. Уровень ядерной активности низкий. Имеет температуру окружающего космического пространства. Возможно, это космическая крепость, но только в заброшенном состоянии.

— Красный режим. Обнаруженные объекты имеют все признаки космических кораблей. Они приближаются к эскадре. Средняя скорость двести пятьдесят километров в секунду. Их очень много. Приблизительно пять тысяч, масса небольшая, гораздо меньше массы наших разведывательных ракетопланов.

Послышался чей-то смех, но его оборвал голос Голиева.

— Внимание, говорит адмирал флотилии. Противник предпринимает атаку. Вместо того, чтобы строить настоящие мощные крейсера, вэйнамцы создали тысячи маленьких пилотируемых модулей. Их замысел заключается в том, чтобы прорваться сквозь наш строй и выпустить торпеды и ракеты. Враги полагаются исключительно на скорость. У нас достаточное количество противоракетных установок, и мы сомнем противника. К тому же если часть их кораблей прорвется, то им понадобится несколько часов на торможение и маневрирование. Мы вполне успеем за это время выйти на орбиту Вэйнамо. Всем быть в полной готовности. Могут возникнуть непредвиденные обстоятельства. Я полагаю, что нам придется прибегнуть к оборонительной, стандартной тактике. Удачной стрельбы!

Элва, дрожа внутри скафандра, прильнула к иллюминатору и вдруг увидела флот Вэйнамо — мириады светящихся точек, стремительнодвигающихся среди звезд. Они все были рядом, совсем скоро раздастся первый залп.

«Если меня взорвут, — думала женщина, — я надеюсь, мои танки упадут на Вэйнамо. Я приду к тебе, Карлави».

Армии сближались. С одной стороны тяжеловесные, неуклюжие на вид крейсера дальнего действия, а с другой тонкие, словно иглы, ракетопланы, единственной защитой которых была скорость.

Электронные прицелы черткойских кораблей тщетно пытались поймать цель — ракетопланы противника маневрировали, резко и неожиданно меняя курс. Следовательно, схватка была неизбежной в ближнем бою.

На мостике флагманского крейсера «Аскол» воцарилась тишина,

сквозь которую явно проскальзывала нерешительность. Элва напряженно вслушивалась в переговоры:

— Двигательный отсек — капитанскому мостику. Что происходит?

— Капитанский мостик — двигателю отсеку. Срочно увеличивайте скорость!

— Крейсер «Шариат» — «Асколу». Меня столкнуло с курса. Резко возросло ускорение. Что случилось?

— Крейсер «Фодорэй» — «Зевоту». Осторожно, болваны, вы нас протараните!

— Берегись!

Силовое поле несколько смягчило громадное изменение скорости, но Элва все равно ощутила сильную тошноту и тяжесть. Элва вцепилась в подлокотники кресла, с ужасом наблюдая, как на стенах капсулы появляются вмятины, а пол под ногами покрылся сетью трещин. Аппарат трепала и рвала страшная сила.

Элва судорожно вдохнула и огляделась. Глазам ее предстала картина страшной катастрофы — «Аскол», находившийся в нескольких километрах от капсулы Элвы, неожиданно сошел с курса, тогда корабль «Зевот», спасаясь от столкновения, резко принял в сторону и врезался в крейсер «Фодорэй». Сверкнул огонь, и два гиганта были смяты. Они кружились в пустоте, словно раскаленные глыбы. Экипаж погиб мгновенно, когда третий корабль врезался в это месиво и раздался взрыв ужасной силы.

Сквозь грохот и вопли паники прорезался властный голос адмирала:

— Заткнитесь все! Прекратите панику! Я лично пристрелю каждого, кто будет скулить! Враг будет здесь через минуту.

Экипажи черткойских кораблей постепенно выровняли свой боевой порядок, успокоились и приступили к работе. Стрелки вновь были на месте. И тогда пронеслась флотилия Вэйнамо.

Вселенная содрогнулась от мощных залпов, и многие черткойские корабли оказались в облаках атомного огня. Остальным удалось отбиться, и они при помощи экранов наблюдали за удаляющимся противником.

Вся флотилия Черткой попала в зону искусственной гравитации, исходящей от объекта, расположенного на орбите Вэйнамо. Двигатели мощных крейсеров оказались бессильны, и они сбились с курса. Четверть армады оказалась разрушенной в результате слишком резкого торможения. И даже сейчас неведомая сила увлекала флотилию в свой водоворот.

Бортинженер «Аскола» подошел к адмиралу и, срываясь на крик, произнес:

— Это просто невозможно, им удалось создать искусственное гравитационное поле немыслимой мощности.

— И все же это так, — сурово произнес Голиев. — Они смогли

совершить невозможное. Это значит, что вся армада попадет в гравитационное поле такой силы, что... — Он умолк, задумавшись. — Единственный способ спастись — это разрушить тот самый объект. Нам необходимо ударить всеми силами.

— Но, адмирал, многие наши корабли уже находятся в непосредственной близости от этого объекта. Они попадут в зону полного уничтожения.

— Придется пожертвовать ими. Полная готовность! Немедленно открыть огонь! — выкрикнул Голиев и переключил канал личной радиосвязи:

— Элва, с тобой все в порядке? — шепотом спросил он.

Она молчала, сняв гермошлем и закуривая сигарету. «Пусть волнуется, — думала женщина. — Возможно, у него поубавится энтузиазма и пыла».

Взрыв небывалой силы превзошел все пределы восприятия, как человеческие, так и электронных приборов. Внизу, на поверхности Вэйнамо, многие, должно быть, ослепли от гигантской вспышки. Так был уничтожен генератор гравитационного поля. Два десятка черткойских крейсеров сгорели в мгновение ока, и множество других, не выдерживая нагрузок, распадались на составные части. Те, что находились еще ближе, просто перестали существовать, обратившись в облака раскаленного газа. Их экипажи так и не поняли причину собственной смерти.

У Вэйнамо были силы на создание всего одной установки, и теперь корабли Черткой вновь обрели свободу передвижения.

— Адмирал Корс Голиев обращается ко всем экипажам. Прекратите все переговоры, послушайте своего главнокомандующего, — прогремело во всех динамиках и наушниках. — Итак, мы одержали важную победу, уничтожив основной объект противника. Это была хорошая работа, и мы все еще, несмотря на потери, превосходим врага в сотни раз по численности и вооружениям...

Голиева прервал крик наблюдателя:

— Внимание, красный режим! Корабли противника возвращаются! Скорость кораблей приблизительно равна пятидесяти километрам в секунду. Они идут с ускорением в сто «же»!

— Какое ускорение? — растерянно спросил главный инженер. На «Асколе» вновь воцарилось молчание.

Адмирал всеми правдами и неправдами старался унять вновь возникшую панику среди экипажа. Голиев понял, что противник оказался намного изобретательнее и вот сейчас, при помощи какого-то нового метода ускорения, с неслыханной скоростью и огромной гравитацией, предпринял очередную атаку. Корс не мог понять, за счет чего вэйнамские корабли достигли таких сверхъестественных результатов.

— Эй, вы там, перестаньте голосить, словно старухи! — закричал адмирал. — Уничтожайте! Ваше дело убивать!

Но армада находилась в слепом беспорядочном смятении. У черткойцев имелось в запасе всего несколько секунд, чтобы успеть хоть как-то подготовиться к отражению атаки. Однако и это время было упущено.

Тысячи ракет и снарядов впились в бронированные тела армады. Сотни тысяч взрывов ослепили Элву, и она отпрянула, зажмурил глаза. В памяти ее навсегда остались искореженные крейсеры, плавающие, распадающиеся, умирающие за считанные секунды. А среди них, словно ангелы смерти, носились маневренные, хищные ракетопланы планеты Вэйнамо. Армада погибала, неотвратно и страшно.

Впрочем, транспортные и грузовые корабли остались невредимыми. Их пока не тронули, надеясь захватить. «Аскол» под командованием адмирала держал атакующих на почтительном расстоянии, отступая под кинжальным огнем. Голиев надеялся, что флагман удастся вывести из-под обстрела и он успеет уйти, включив агоратрон. Корс передал по радио обращение к капитану вэйнамского флота, где сообщалось, что на борту «Аскола» находится несколько сот вэйнамских пленников, и не ошибся. Обстрел крейсера был тотчас прекращен. Но вместо этого целый рой ракетопланов прорвал оборону черткойцев и облепил флагман. Воины Вэйнамо проникли внутрь.

В коридорах «Аскола» разгорелась ожесточенная битва. Рвались разрывные пули, шипели лучи лазерных пистолетов, слышались предсмертные стоны и вопли ярости. Однако черткойцы явно уступали противнику. И все же, принимая во внимание величину «Аскола», потребовалось несколько часов на то, чтобы занять его от хвоста до кормы. Битва закончилась победой Вэйнамо.

Когда люк капсулы открылся, Элва поднялась. Сначала шестеро вошедших показались ей чужестранцами, она была слишком уставшей и взволнованной, чтобы ясно соображать, но минуту спустя поняла причину своего первого впечатления.

Все они были одеты в голубые форменные мундиры, а Элва никогда не видела раньше хоты бы двух жителей Вэйнамо, одетых одинаково.

«Конечно же, это военная форма, — подумала она. — Но это несомненно мои соотечественники — светлокотые, скуластые, с прямыми волосами. И глаза у них такие же голубые, чуть-чуть раскосые, ярко горят на покрытых пороховой гарью лицах».

Постепенно, преодолевая шум в голове, она расслышала слова молодого мужчины, стоящего впереди.

— Я приветствую вас, госпожа Элва. — Он сделал шаг вперед и пожал ей руку.

— А это точно она? — послышался грубоватый бас.

Еще один человек протиснулся сквозь толпу. Он был в неряшли-

вой потрепанной одежде военнопленного, улыбка тронула его тонкие губы на изможденном лице, и он склонил перед Элвой седеющую голову.

— Когда меня освободили, я тотчас поспешил сообщить бойцам, что мы, возможно, найдем вас в одной из спасательных капсул. Вы моя спасительница, госпожа Элва из Тервала.

— О, да. Надеюсь, с вами тоже все в порядке, капитан Ивало, — узнав мужчину, промолвила Элва, преодолевая слабость.

— Да, спасибо. Скоро вся планета узнает, сколько пленных осталось в живых благодаря вам.

Командир, молодой парень, подошел ближе и собрался было обратиться к Элве с благодарностью, но Ивало прервал его на полуслове.

— Одну минуту, господа, — сказал капитан. — Давайте сначала займемся менее приятным делом.

Командир заколебался, и сомнения отразились на его приятном лице гримасой боли.

— Хорошо, я согласен, — промолвил он.

Двое солдат привели Корса Голиева. Адмирал был весь в крови, его шатало, но он держался мужественно. Увидев Элву, он воспрянул духом и спросил заплетающимся языком:

— Тебе не причинили вреда? Я так переживал!

Тогда Ивало, отчеканивая каждое слово, сказал:

— Все факты преступлений адмирала мы представим суду: однако, госпожа Элва, вы вправе вынести ему свой приговор. Суд может помиловать этого человека, а вам виднее, как с ним поступить.

Командир отряда выразил готовность подчиниться приказу Элвы.

— Выносите свой приговор, госпожа, — подтвердил он, с гневом глядя на Голиева.

— Элва, — прошептал Корс пересохшими губами. — Элва...

Она посмотрела на него, и перед ее глазами предстал горящий поселок, мертвецы в высокой траве и окровавленное тело Карлави.

Неожиданно все это показалось ей очень далеким, почти нереальным.

— Этот человек причинил слишком много зла, — сказала она. Задумалась на несколько секунд и сухо добавила: — Выведите его за дверь и расстреляйте...

Голиев начал было говорить что-то неразборчивое, но его тотчас вытолкнули прочь.

Все вышли, остался один Ивало.

— Госпожа, — начал он, медленно, словно стесняясь.

— Да, Ивало. — Слабость вновь овладела ей, и Элва присела в кресло. В душе у нее воцарилась полная пустота, без эмоций, без чувств, без мыслей. Она закурила.

— Наши солдаты сказали мне, что Вэйнамо якобы совсем не изменился. Наша культура обладает удивительной стабильностью, не-

смотря на все беды и ужасы войны. Теперь же, для окончательной уверенности в победе, нам надлежит напасть на Черткой и обезвредить осиное гнездо. А что касается вас лично, я успел узнать, что ваше поместье Тервал остается в вашей собственности, вместе со всеми людьми и землями.

— Я должна немного вздремнуть, — слабо сказала Элва, потом, словно спохватившись, спросила:

— У вас, Ивало, кажется был ко мне вопрос?

— Все это время я пытался понять, почему вы остались с черткойцами, ведь у вас была возможность бежать?

Она сама удивилась собственной улыбке:

— Я знала, что могу быть полезной на Вэйнамо, однако там, на Черткое, я спасла многих соотечественников от верной смерти. И пожалуйста, Ивало, не создавайте вокруг моего имени романтический ореол, ведь на самом деле я ужасная трусиха.

— Вы хотите сказать, что знали о победе Вэйнамо заранее? Но вы не могли ничего знать! Я уверен.

— Вы, Ивало, несправедливы к нашему народу, подобно черткойцам. Они тоже считали жителей Вэйнамо отсталыми пахарями, и вот результат. Нельзя недооценивать противника — это прописная истина. Черткойцы забыли о главной силе вэйнамцев — силе их духа и морали. Они забыли, что наша наука была в первую очередь ориентирована на поддержание жизни, и, нарушив равновесие, черткойцы переориентировали науку в обратном направлении.

— Но у нас не было развитой промышленности. Да и сейчас нет.

— Когда вы, Ивало, сказали мне о попытках создания бактериологического оружия, вы только укрепили мою веру в нашу науку. Ведь правительство никогда не отказалось бы без причины от идеи распространения вирусной культуры на Черткое.

Элва помолчала немного и продолжила:

— Я даже могла себе представить, сколь далеко продвинется наша наука, особенно физика. Но у Вэйнамо было целых три десятилетия, которых не было у противника. Поэтому я была уверена в победе, и моя основная задача, мой вклад в нее заключался в том, чтобы вернуть обратно вас, пленников.

Он смотрел на нее с благоговением.

«В конце концов Тервал живет своей жизнью уже шестьдесят два года, — думала Элва. — Вряд ли кто-нибудь меня ожидает на родине. Я буду так одинока».

Послышались гулкие шаги в коридоре. Вернулся командир отряда и доложил:

— Приговор приведен в исполнение. — Он приблизился к Элве тихо, почти застенчиво.

— Я смею надеяться, — сказал Ивало, — что госпожа разрешит мне посещать ее время от времени.

— Думаю, что да, — сказала она.

— Мы с вами, госпожа Элва, являемся своеобразными отщепенцами во времени, и нам довольно трудно будет разобраться в новой реальности, — промолвил Ивало. — Думаю, мы должны помогать друг другу. Вы, например, с трудом будете привыкать к мысли о том, что ваш сын Хаук по-прежнему фригольдер Тервала.

— Мой сын?! — воскликнула Элва, поднявшись. Отсек поплыл у нее перед глазами.

— Да. Это зрелый мужчина, проживший счастливую жизнь, — добавил Ивало. — Похож на своего отца Карлави, когда тот был жив. И он, в свою очередь, — закончил Ивало, — стал отцом прелестного малыша по имени Хаук. Все с нетерпением ждут вас дома.

Элва, слабея, упала в объятия молодого командира — своего внука.

ДОМОЙ!

Транспортный ракетоплан покинул корабль-носитель и свернул с орбиты, стремительный и хищный, словно пуля, выпущенная в цель, расположенную далеко внизу, а там загадочно темнела планета, обращенная к кораблю своей ночной стороной, утопая во мгле, и только на месте перехода дня и ночи виднелись голубоватые, почти призрачные оттенки — светилась атмосфера и отполированным металлом сиял океан.

Астронавт Яков Кан устало наблюдал сквозь иллюминатор за крохотной светящейся точкой — так выглядело Солнце с расстояния в тридцать три световых года. Немного в стороне серебристыми облаками раскинулся Млечный Путь, рядом угадывались очертания созвездия Стрельца. Там за пылевыми облаками и звездными скоплениями лежало сердце Галактики.

Яков Кан в подобных случаях, когда перед ним простирался безбрежный космос, всегда представлял себя десятилетним мальчиком, стоящим на крыше высотного здания и всматривающимся в городское, затянутое едкой дымкой небо. В детстве Кан мечтал о звездах, наивно полагая, что людям скоро удастся покорить чудовищные расстояния. С возрастом Кан осознал, насколько это тяжело, почти недостижимо. Возможно, когда-нибудь его сыновья, внуки или правнуки смогут что-либо изменить, если, конечно, у землян хватит сил, энергии, мужества, чтобы бросить вызов бесконечности.

Рядом с Яковым над приборной панелью склонилось скуластое лицо Билла Рэдфетера*. Помощник Кана внимательно изучил показания приборов и сказал:

— Все системы в норме.

* Красное перо (намек на индейское происхождение персонажа).

— Надеюсь, что так, — усмехнулся Кан, не удостоив Билла взглядом.

Рэдфетер в душе был раздражен, ведь ответственность за благополучную посадку лежала прежде всего на пилоте, а не на его помощнике.

Ракетоплан сильно трянуло — атмосфера впервые дала о себе знать. Заметив, что Кан встревоженно озирается по сторонам, Рэдфетер немного смягчился и сказал вполголоса:

— Старина Джейк, ты чертовски много думаешь.

— Не спорю, но ведь это мое последнее космическое путешествие.

— Чепуха. Руководству наверняка понадобятся люди для полетов на лунных транспортниках.

— Я все равно расторгну договор и останусь на Земле. Давно пора обзавестись семьей, купить дом с садом, и вообще, хватит. — Израильский акцент Кана придавал его английской речи некоторую суровую, подчеркнутую надменность. Он потер виски тонкими пальцами и продолжил:

— Последнее время я слишком много летал и почти не видел Землю. К тому моменту, когда мы вернемся домой, пройдет почти семьдесят лет и мы будем представлять собой ходячие анахронизмы. Люди имеют свойство меняться с годами.

— Интересно, какие они стали? — спросил Рэдфетер.

— Кто? — Кан с усилием прервал свои размышления.

— Люди, конечно. Ведь они, живя на этой планете более века, совершенно отрезаны от земного человечества. Помнишь, мы как-то говорили об этом, и вообще, хватит обходить эту тему.

— Они, вероятно, покажутся тебе ближе, чем мне, ибо все они выходцы из Северной Америки. Если рассуждать логически, то все изменения в социальной жизни прямо пропорциональны изменениям с сфере знаний, в науке, следовательно, все люди, населяющие базу на этой планете, в определенной степени примитивны, не более того.

Рэдфетер, казалось, был удивлен заключением Кана. Он помолчал немного, выдерживая многозначительную паузу, и спросил:

— А что ты скажешь об аборигенах?

— Во-первых, аборигены, увы, не принадлежат к роду человеческому, а во-вторых, различия между землянами и ими столь огромны, что первостепенное влияние на людей могла оказать только сама планета Митра.

— Но каким образом?

— Прежде всего — окружающая среда. Она сильно влияет на умонастроение человека. Да и новые жизненные пространства играют здесь не последнюю роль. Впрочем, посмотрим.

Транспортный ракетоплан ворвался в полосу дневного света, и люди увидели прекрасный ландшафт, простирающийся вниз, залитый ослепительными лучами Грумбриджа-1830, где над зелеными

равнинами, обрамленными горной цепью, плыли золотистые клочья облаков.

— Думаю, нам здесь удастся славно поохотиться, — радостно произнес Рэдфетер и добавил: — Я имею в виду настоящих живых хищников, а не роботов из земных аттракционов.

— Уверен, — ответил Кан. — У нас еще будет на это свободное время.

— Кстати, Джейк, почему день на Митре продолжается шестьдесят часов?

— Это явление получило объяснение уже в первый год создания базы. Из старых отчетов порой можно почерпнуть весьма интересные сведения. В частности там говорится, что меньшее по размерам жидкое ядро планеты создает грандиозные приливы и отливы из-за очень малого изостатического трения, оказывает свое влияние и отсутствие естественного спутника. Но все это достаточно тривиально по сравнению со всей сложностью биохимической структуры планеты, которая похожа на земную, но эволюция здесь шла своим, особым путем. Об этом свидетельствует уровень умственного развития аборигенов. Они ничуть не глупее людей. В конце концов это очень своеобразный, во многом неповторимый мир.

— Зачем тогда сворачивать исследовательскую программу? По сути дела человечество отказывается от Митры, — с сожалением промолвил Рэдфетер.

Кан со злобой ударил стиснутым кулаком по ручке своего кресла.

— Директоратом управляют идиоты! — грубо сказал он. — Все они не видят дальше собственного носа, раз доверились слепым расчетам бездушных кибервычислителей. Очевидно, что правящая верхушка Директората до смерти напугана последними данными, где говорится об истощении ресурсов Земли. И они решили свернуть всю программу межзвездных исследований. Неужели им не понятно, что без новых знаний, новых планет и жизненных пространств человечество обречено?

— Возможно, и правительство думает так же, — примирительно сказал Рэдфетер.

Кан сердито посмотрел на своего помощника. Иногда тот его сильно удивлял.

Яхта величественно спустилась по реке Бенисан, прошла мимо прилива и оказалась в бухте Желаний.

Огромный красно-золотистый шар солнца клонился к закату, играя в водной глади огненными бликами. На противоположном берегу возвышалась вершина горы Принцесса, поднявшаяся во всей своей гордой красоте над скоплениями островерхих крыш деревни Визайлет, а ближе к берегу, у пристани, белели паруса мелких суденышек,

кажущихся на расстоянии распростертыми крыльями гигантских птиц.

Воздух был еще теплым, но сквозь приоткрытый иллюминатор на капитанском мостике Дэвид Трейкилл уже чувствовал свежесть морского ветра, приносившего с собой запах соли и йода с бескрайних океанских просторов.

— Ты не хочешь встать у руля, дорогая? — спросил Дэвид, с ласковой улыбкой обернувшись к жене.

— Конечно, — ответила она. — Если ты присмотришь за Вивиан.

Трэйкилл, уступив место у штурвала, неспешно прошел на корму и, спустившись в каюту, достал из холодильника бутылку пива. Дэвиду показалось, что мотор яхты работает с явными перебоями, и он подумал: «Скорее всего, сказалась перегрузка после недавнего шторма». Затем он вернулся на палубу, ведя за руку семилетнюю дочь, белокурую хорошенькую девчущку, удивительно похожую на свою мать, Леонору.

Трэйкилл опустился в кресло, стоящее на палубе, и с наслаждением потянулся, запрокинув голову и делая первый жадный глоток из бутылки. Холодная, терпкая жидкость забулькала в горле, принося человеку удовлетворение. Он повернулся в кресле и сказал, обращаясь к аборигену Митры Стронгтэйлу*:

— Мне чертовски жаль, что мы возвращаемся, приятель. — Стронгтейл молчал, наслаждаясь пейзажем восточного побережья, покрытого высокими холмами, зеленеющими после зимних дождей, почти сплошь заросшими густым кустарником с яркими душистыми соцветиями.

Вивиан подбежала к Стронгтэйлу, прижимая к груди несколько маленьких мячиков. Глаза девочки горели радостным любопытством.

— Пожонглируй, пожалуйста, — попросила она.

— С радостью, — ответил абориген и подбросил нехитрые снаряды в воздух. Стронгтэйл обладал необыкновенным искусством оригинального жанра, где требовалась исключительная реакция и ловкость. Наверное, отчасти это объяснялось строением его тела — он был похож на кенгуру с птичьей головой и длинными, словно у обезьяны, руками. Однако Трэйкиллу, проводшему среди аборигенов всю свою жизнь, короткое покрытое бурой шерстью тело приятеля представлялось куда более красивым и опрятным, чем тела иных представителей его, человеческой расы.

Стронгтэйл жонглировал самозабвенно, слегка приоткрыв тонкий клюв, издавая ряд самых немыслимых звуков, которые не смог бы имитировать ни один землянин, затем, переходя с удивительной легкостью на язык людей, сказал:

* Сильный Хвост.

— Мы совершили удивительно приятное путешествие, Дэвид, и я рад, что у нас есть предлог его повторить.

— Да, мы повторим его, — худощавое лицо Трэйкилла озарила улыбка.

— Поразительно, — сказал Стронгтэйл. — Более двухсот лет наш народ скитался по материку, не подозревая, что совсем рядом существует совершенно фантастическая культура мореплавателей и строителей. Мы сможем теперь открыть новые торговые пути, наладить отношения с соседями, и все благодаря построенному вами, землянами, мореходному судну.

Стронгтэйл говорил по-английски вполне разборчиво, ведь после векового контакта с землянами жители Митры, населяющие побережье бухты Желаний, почти все понимали, а самые способные научились говорить. И каждый ребенок с земной базы отлично понимал сложные звуки, издаваемые аборигенами. Вместе с тем вся жизнь обитателей Митры сильно отличалась от земной цивилизации. Хотя все это не казалось удивительным, ведь общество Стронгтэйла имело ярко выраженный доиндустриальный характер, и ему была чужда эксплуатация, милитаризм, войны и множество других негативных явлений, от которых страдало когда-то человечество на Земле.

Иногда аборигены немного раздражали Трэйкилла своей чрезмерной вежливостью, сочетавшейся у них с необычайной физической силой и живостью характера. Дэвид и не мечтал о лучшем напарнике, чем Стронгтэйл, считая, что ему явно недостает честолюбия, ведь он помогал в строительстве первой на Митре яхты исключительно ради развлечения, почти что от скуки, словно не понимая значения мореплавания в жизни своего народа.

«Все-таки Митра — это их планета, — думал Трэйкилл. — Мы живем здесь исключительно потому, что предки Стронгтэйла оказались достаточно гостеприимными и на редкость незлобными существами, позволив нашим предкам создать на Митре свою базу. И если они отказываются от земных технических новшеств, считая их чуждыми, то это их личное дело. Возможно, я просто завидую их простоте, неназойливой жизни».

Трэйкилл задумчиво посмотрел на вершину Принцессы, окутанную изумрудной дымкой, подсвеченную солнцем, и подумал, что настоящее земное солнце он видел всего один раз на видеомониторе — оно было странное, маленькое, жесткое, торопливое.

Показался мыс Желаний, издавека напоминающий земной городок, но на самом деле представляющий из себя скопление нескольких сотен саманных домиков с красными черепичными крышами, возвышавшихся над причалом, у которого стояло с десятков суденышек.

— Знаешь, Дэвид, мне очень хочется сойти на берег поскорей, чтобы повидаться со своим племенем, — сказал Стронгтэйл, качнув

птичьей головой, и добавил: — Но думаю, мы поступим опрометчиво, если не позавтракаем у «Рич-ин-Пис»*.

— Перестань, лицемер, — ответил Трэйкилл и рассмеялся. — Признавайся, ты просто чертовски по ней соскучился? По ней и по ее стряпне. Сказать откровенно, приятель? Я тоже не откажусь там позавтракать.

Яхта подходила к причалу, и то, что судно движется без всяких парусов и иных приспособлений, не вызывало у жителей Митры, мирно сидевших в своих суденышках, ни малейшей доли удивления. Аборигены, очевидно, думали, что люди для того и существуют, чтобы изготавливать вот такие странные вещи.

— Дэвид, я хотел бы иметь такую же большую яхту.

— Зачем? Ты в любой момент сможешь воспользоваться этой.

— Я знаю, но после того, как я расскажу соплеменникам о своем прекрасном путешествии, многие из них захотят со мной прокатиться. Тогда потребуется не один год для того, чтобы все они смогли испытать это удовольствие. Нужна хотя бы еще одна яхта.

— Так построй ее, дружище, а я, по мере возможности, буду тебе помогать. Ты сможешь купить для нее новый двигатель, изготовленный в Трикване.

— А чем я должен за него платить? Мне придется слишком долго трудиться, чтобы отработать этот двигатель.

Стронгтэйл поудобнее устроился и задумчиво сказал:

— Нет, Дэвид, меня впереди ждет множество приятных вещей — прогулки по дремучим лесам, теплые солнечные пляжи, песни под звездами. Или игры с твоим ребенком. — И он подбросил в воздух десяток упругих шариков, что привело Вивиан в неописуемый восторг.

Яхта пришвартовалась к причалу, и сразу же началась оживленная работа — все вещи приводились в порядок, часть их упаковывалась, чтобы удобнее было передвигаться по суше. Несколько местных жителей бросили удить рыбу и приняли самое деятельное участие в высадке. Дэвиду показалось, что аборигены чем-то взволнованы, но те работали молча, перетаскивая тюки к прибрежной полосе дока по шаткому деревянному настилу.

Трактир «Рич-ин-Пис» был тесноват, но в нем уже собралось несколько местных жителей, которые оживленно пересвистывались о чем-то своем, сидя у стойки бара, изготовленной из целого ствола редкого красного дерева. Трэйкиллу показалось, что аборигены разговаривают несколько более возбужденно, чем обычно.

— Хэллоу! — произнесла Леонора, прикрыв за собой дверь.

— Мы вернулись специально, чтобы отведать вашей вкусной похлебки.

* Здесь — «Приют для богатых».

— И пива, — поспешил добавить Стронгтэйл. — Не забывай про наше прекрасное пиво.

Рич-ин-Пис выпорхнула из-за стойки. Ее большие янтарные глаза выражали волнение. В баре все стихли, все с нетерпением ждали, что скажет хозяйка.

— Вы не слышали последних новостей? — пропела она.

— Нет, наш приемник вышел из строя на обратном пути, — ответил Трэйкилл. — А что случилось?

— Из вашей заоблачной страны прилетел корабль, и они говорят, что вы можете возвращаться обратно домой. Как странно. Надеюсь, вы пожелаете вернуться и посетить нас?

Трэйкилл смущенно посмотрел на ее пушистые трехпалые ручки, на светящиеся печалью глаза и подумал: «Хорошо что эта птичка не понимает. Это будет поездка в один конец». Он смутно ощутил, как Леонора крепко сжала его холодную ладонь.

Кан и Трэйкилл смотрели с холма Триквада на закат, сверкающий бронзой и золотом над океанским простором.

Трэйкилл вздохнул:

— Я всегда мечтал построить настоящую, большую шхуну и пойти до самых Южных Ворот. Вот это было бы плавание!

— Удивительно, почему местное население до сих пор этого не сделало, — сухо заметил он. — Думаю, у них есть для мореплавания и время, и средства. Да и торговать там было бы намного выгоднее, нежели на пустынных сухопутных путях.

— Мы неоднократно советовали им сделать это, но все тщетно. Пытались даже подать личный пример...

— Неужели аборигены настолько тяжелы на подъем? В таком случае вряд ли стоит прилагать столько усилий, чтобы улучшить им жизнь.

Трэйкилла слегка покорило столь невысокое мнение астронавта о способностях жителей Митры, однако он отчетливо сознавал, что Кан никогда не сможет понять их самобытность, беззаботный характер.

Дэвид возразил:

— Тяжелы на подъем — это не совсем точное определение. Аборигены трудятся ровно столько, чтобы обеспечить себе необходимый прожиточный минимум. Давайте назовем их менее предприимчивыми по сравнению с людьми. — Он усмехнулся и добавил, с налетом грусти в голосе: — Вероятно, истинной причиной нашей безвозмездной помощи аборигенам является совсем не альтруизм, скорее, мы делали это ради удовольствия. И они платили тем же.

Трэйкилл задумчиво смотрел на мигающие огни деревень, на ртутную гладь бухты, на лежащий внутри город и сказал с неожиданной резкостью:

— Теперь я не собираюсь строить шхуну. Лучше вернуться на Землю...

Они начали спускаться вниз по узкой каменной тропе, извивающейся среди густых зарослей, из шелестящей листвы которых внезапно поднялась стайка маленьких, шумных птичек и скрылась в вечернем небе, заглушив шелестом своих крыльев едва слышные шорохи насекомых в высокой, благоухающей траве.

Внизу, в долине, мерцали огни Триквада и горделиво возвышалась башня в центре, похожая на древний земной минарет, и вся эта панорама производила впечатление открытости и мира, таинственного мира, так и не разгаданного людьми.

Присутствие Кана сильно беспокоило Трэйкилла, однако он чувствовал с этим смуглым и угрюмым капитаном какую-то едва уловимую духовную связь, потому и пригласил его на прогулку в горы, надеясь втайне, что красота и первозданная свежесть Митры производят на астронавта нужное впечатление.

— Почему вы основали свою базу именно здесь, в Трикваде? — спросил он. Голос его прозвучал неожиданно резко.

Трэйкилл огляделся вокруг, заметив, как небо на востоке приобрело лиловый оттенок и на нем слабо замерцали первые звезды — предвестники ночи.

— Вы интересуетесь, капитан, почему мы выбрали именно Триквад? Главным образом потому, что аборигены этого, с позволения сказать, города намного превосходят по своему умственному развитию всех прочих, у них даже есть что-то вроде академии изяшных искусств, и они назначили из своей среды посредников, которые помогают нам общаться с менее цивилизованными племенами, живущими в лесу. Кроме того, мыс Желаний представляет собой своеобразный торговый центр.

— Скажите, Трэйкилл, почему население земной колонии не возросло за целый век?

— Видите ли, мы не хотели разрушать жизненный уклад аборигенов, затрагивать их интересы, несмотря на то, что планета до такой степени малонаселена. Но главная причина одна — мы знали: рано или поздно с Земли придет корабль и нам придется вернуться домой. — Трэйкилл умолк, нахмутив брови, и со злостью добавил:

— Черт бы вас побрал на вашей Земле! Почему вы закрыли программу по освоению Митры?

— Мне понятны ваши чувства, Дэвид, но ведь и многих других исследователей сейчас отправляют на Землю. Они, однако, этому не противятся.

— Но ведь это единственный открытый людьми мир, где они мо-

гут жить без скафандра, дышать свежим, чистым воздухом, проще сказать, радоваться жизни.

— Вы так полагаете? Я думаю, уважаемый Трэйкилл, во вселенной есть еще немало подобных планет.

— Возможно, что так и есть, но человечество завершает программу космических исследований, не успев толком начать. Ваш Директорат убивает в зародыше столь грандиозное предприятие! — Трэйкилл буквально выходил из себя, он стиснул кулаки и мотнул головой, сдерживая негодование и злость.

— Не волнуйтесь, приятель, — фамильярно сказал Кан. — Вы отлично сознаете, сколь многотрудное дело эти межзвездные перелеты. А ресурсы нашей планеты, матери рода человеческого, сильно истощены. У земной промышленности не хватает сырья, не хватает людей, потому что наиболее удачливые и талантливые бросились искать счастья на межзвездных трассах. Вы знаете, мне тоже не по душе все происходящее, ведь я как никак астронавт, и мне тоже придется поставить крест на своей работе. Но я прежде всего человек долга и буду выполнять решение Директората всеми возможными средствами. Скажу вам откровенно — программа по освоению Митры никогда не будет возобновлена.

Трэйкилл почувствовал, как покрывается гусиной кожей. Его начал бить озноб. Он спросил, едва заметно пошевелив пересохшими губами:

— Но что мы будем делать там, на Земле?

— О, не беспокойтесь на сей счет. Земное общество примет вас с распростертыми объятиями. Вы сможете преподавать в университетах, делать доклады на собраниях различных научных обществ и, должно быть, до конца жизни будете вспоминать ваши приключения на Митре.

Последние слова Кана вызвали у его собеседника вереницу ярких воспоминаний. Он словно воочию увидел свое путешествие в горы вместе с Томом Джексоном и аборигеном Глим-оф-Вингзон*, как они совершили трудное восхождение на вершину Снежный Зуб и любовались оттуда панорамой, прислушивались к грохоту лавин в долине, а над головами, совсем близко, проплывали величавые, пугающие своей близостью облака. Они очень увлеклись, и буквально чудом абориген заметил, что к ним подкрадывается огромный хищник. Затем последовала смертельная схватка, и тело лохматого зверя рухнуло вниз, туда, где приглушенно выл холодный, злой ветер. Вспомнилось и преодоление бурных порогов на реке Золотого потока; дружеские пирушки в трактире «Смерть Дракона», где он любил посидеть с приятелем за рюмкой ликера. В памяти живо представились величественные храмы Файвдома; переход через пустыню с купеческим караваном к Южным Воротам, когда со стороны безжизненных скал слышалась дробь таинственных барабанов какого-то

* Свет крыльев.

незнакомому племени; и последнее плавание по реке Бенисан, среди холодных туманов и гигантских водорослей, где жители прибрежных лесов проводили свое время в охоте, песнопениях и бессмысленных ритуальных танцах. В памяти всплыли и более спокойные, радостные воспоминания — уютный трактир Поэтессы под горой Демон, где всегда мирно потрескивал камин, собирались друзья и пели песни собственного сочинения; и леса Хермита с глубокими влажными теньями, солнечными бликами, умиротворяющей тишиной; и плавание на лодке с Леонорой в их первую брачную ночь на островах Рыболова, где утро застало молодоженов среди утесов и ночные звезды показались им тогда ярче взошедшего солнца...

Неожиданно Трэйкилл осознал, что они идут с Каном по мостовой Триквада в полном молчании. Приличия ради Дэвид спросил:

— Скажи, Кан, чем ты займешься по возвращении на Землю?

— Пока не знаю. Возможно, буду преподавать где-нибудь в школе или университете.

— Наверняка технические науки, — удовлетворенно заметил Трэйкилл.

— Да, если в этом возникнет необходимость. Однако предпочел бы историю. Во время долгих полетов у меня было предостаточно времени для ее изучения.

— В самом деле? Разве экипаж не находится в состоянии анабиоза?

— Увы, нет. Все время, пока пассажиры мирно спят в своих капсулах, нам приходится быть начеку. В космосе всякое может произойти.

Кан закурил сигарету и предложил Дэниэлу, но тот отказался. Когда-то Трэйкилл пробовал курить, но табак вызывал у него сильную тошноту. Он шел рядом, глядя на рубиновый огонек сигареты своего спутника, и думал:

«Интересно, будет ли земная пища такой же вкусной, как здешняя? Странно, но факт, я никогда раньше не ценил местную еду, до тех пор, пока не пришло время от нее отказаться...»

Прервав его размышления, Кан произнес:

— Мне в жизни довелось пережить много интересных событий, ведь я родился задолго до того, как Директорат пришел к власти. А сейчас мое поколение уже успело состариться и в буквальном смысле стать историей. Наверное, этим объясняется мой интерес к ней. Вам, Дэвид, не пришлось столько испытать, вы не стали анахронизмом на собственной планете, скитаясь в космосе, значит, вы более счастливы...

— Наверное, в вашем понимании, Кан, жители Митры, я имею в виду аборигена, еще более счастливы?

— Мне трудно об этом судить, но если вы настаиваете, то я думаю, что их раса пока не имеет, собственно, истории, в земном понимании. У аборигенов начисто отсутствует технический прогресс, и,

естественно, у них нет эксплуатации. Нет у них и искусства, нет науки. Ведь по сути дела история является описанием цепочки всевозможных достижений, совершаемых методом проб и ошибок.

— Кан, давайте сохраним базу на Митре, — неожиданно сказал Трэйкилл. — И мы, люди, поможем аборигенам делать их историю.

— Это было бы прекрасно, однако с Земли не прилетит больше ни один корабль, база окажется отрезанной от человечества. К тому же вас слишком мало на Митре, и вы даже не сможете противостоять аборигенам в случае конфликтов. Вас попросту уничтожат.

Дальше они шли в полном молчании, слушая глухие удары ботинок о мостовую, и довольно быстро оказались в центре. Это был своеобразный поселок внутри города. Домики плотным кольцом обступили башню, с верхушки которой срывались пульсирующие лучи лазерной связи и улетали на орбиту, чтобы через спутник-ретранслятор мчаться к далекой матери Земле, зорко следившей за своими сыновьями и желающей знать — что же все-таки происходит во Вселенной.

«Теперь все пойдет прахом, — думал Трэйкилл. — Все покроется великой пылью, все, что мы с таким трудом создавали. Возможно, аборигены сложат легенды о нас, высокорослых пришельцах, ушедших обратно на небеса, а через сотню-другую лет землетрясение разрушит эту башню лазерной связи, и тогда умрут легенды, сотрется, покроется пылью память о людях».

Дом Трэйкилла находился в дальнем углу аллеи, рядом с чистыми струями фонтана. Это был огромный и прочный дом, сделанный на совесть, рассчитанный на то, чтобы стоять не один век, чтобы в нем выросло и состарилось не одно поколение Трэйкиллов. Из приоткрытых окон доносился гул голосов.

— Похоже, у нас гости, — воскликнул хозяин, открывая дверь. Дом был полон друзей и знакомых. Там был Стронгтэйл со своими соплеменниками Глим-оф-Вингзом, Найт-Старом*, Гифт-оф-Гэдом**, Дримером***, Эльф-ин-Форестом**** и многими другими. Там были все, кто смог прийти, все, кого любил и знал Трэйкилл. Они удобно расположились в большой комнате, залитой светом жаркого очага, держа в своих лапках большие чашки с травяным настоем. Леонора суежилась среди них, выполняя священные обязанности хозяйки.

Заметив Кана и Трэйкилла, она воскликнула:

— Как долго вы гуляли, друзья. Я уже начала беспокоиться!

— Напрасно, — шутливо ответил Дэниэл. — Ты прекрасно знаешь, что я убил последнего хищника в округе еще пять лет назад. — Трэйкилл сразу пожалел, что сказал это в присутствии аборигенов,

* Ночная звезда.

** Дар Бога.

*** Сновидец.

**** Лесной Эльф.

ибо они наделяли здешних кровожадных тигров какой-то религиозной, едва ли не божественной силой и значимостью, и Дэниэл поспешил добавить:

— Мне пришлось его убить из-за того, что он напал на сына Гарри.

Стронгтэйл спросил, угрюмо потупившись:

— Это правда, Дэниэл, что вы никогда не вернетесь?

— Боюсь, что так, — сказал Трэйкилл и, обернувшись к Кану, произнес:

— Вот видите, они все желают, чтобы мы остались. Не знаю почему, ведь мы не сделали для них ничего особенного.

— Однако вы пытались, — вступил в разговор Найт-стар. — И это многое значит.

— И за вами было очень интересно наблюдать со стороны, — добавил Эльф-ин-Форест.

— Объясните, почему вы покидаете нас? — спросил Стронгтэйл.

— Мы решили просить людей, чтобы они остались, — решительно сказал Гифт-оф-Год.

— Мы не сможем остаться, — прорезал воцарившуюся тишину голос Леоноры.

— Почему? — спросил Дример.

И тут Трэйкилл взорвался и крикнул:

— Кто сказал, что не можем? Мы останемся! Я уверен.

Длинная ночь на Митре прошла для Кана совершенно спокойно. Выспавшись, он позаимствовал у Трэйкилла аэрокар и отправился на поиски своего помощника Билла Рэдфетера, который уже успел улететь на утреннюю прогулку, дабы насладиться видами и пейзажами.

Аэрокар мчался над серебристой гладью бухты, в которой отражались меркнувшие звезды. Астронавт опытным взором определил, что здешние созвездия почти не отличаются от земных, ведь для бескрайних галактических просторов расстояние в тридцать три световых года казалось мизерным. Вот только названия созвездий были другими.

«Многое здесь иначе, — размышлял Кан, удобно раскинувшись в мягком кресле. — Интересно, какую цивилизацию сумеют построить аборигены? Возможно, это будет нечто лучшее, нежели существующее на Земле технотронное общество. И когда-нибудь в отдаленном будущем жители Митры выйдут в космос».

По карте, закрепленной над приборным щитком, астронавт вывел машину к Старбиму, и, когда поселок появился в поле зрения, Кан запеленговал сигналы переносного передатчика Билла.

Сигналы подавались с маленького островка, поросшего густыми зарослями. Через минуту аэрокар совершил посадку на опушке леса.

Кан выбрался из кабины и по влажной от росы траве направился к

стоящей неподалеку палатке, где у костра расположились Рэдфетер и Стронгтэйл. Последний помешивал в котелке какое-то аппетитно пахнущее варево, а Билл, запрокинув голову, смотрел в светлеющее небо.

Воздух был влажным и холодным, вызывая у Кана легкий озноб, и астронавт поспешил к костру, чтобы согреться.

Стронгтэйл пробормотал что-то неразборчивое.

— По-моему, это означает «милости прошу к нашему шалашу», — прокомментировал Рэдфетер, и абориген кивнул, соглашаясь. Потом спросил, старательно выговаривая слова:

— Завтрак скоро будет готов, друзья. Вам, наверное, непросто привыкнуть к нашему времяисчислению? Как поживают люди на базе?

— Все в порядке. — ответил Кан. — А что у вас? Хорошо провели время?

Рэдфетер оживленно сказал:

— О, да! Стронгтэйл — отличный проводник. Жалко, что с ним трудно разговаривать, — И продолжил, обращаясь к аборигену: — Спасибо, что взяли меня с собой.

Стронгтэйл что-то пропел в ответ.

— Мне чертовски хотелось здесь поохотиться, — с сожалением продолжал Рэдфетер, — но мой напарник не одобряет этого мероприятия.

Билл помешал в котелке и спросил, обращаясь к Кану:

— Ты присоединишься к нашей трапезе?

— Нет, я прилетел не за этим. У нас срочное дело, и нам придется вернуться немедленно. — Астронавт с озабоченным видом прикурил сигарету и присел поближе к костру.

— Но почему так срочно? — недоумевал Билл. — Неужели мы уже улетаем? А как быть с населением базы, ведь почти никто не желает покидать Митру? Ты их переубедил?

— Пытался, но когда я разговаривал с ними, мне казалось, что я беседую с телеграфными столбами, настолько они упорствовали в своем намерении остаться.

— К чему так волноваться, Джейк? У нас же нет точных инструкций по их возвращению. — Рэдфетер хитро улыбнулся и продолжил: — Знаешь, Джейк, если я поживу здесь еще пару-тройку дней, то и сам захочу остаться.

— Что? — Кан недоумевающе уставился на освещенное пламенем костра лицо собеседника. — Ах да, теперь понятно. Ну а что до меня, то я никогда не привыкну к местной полудикой жизни.

— Если земляне останутся на Митре, то смогут быстро перестроить свой жизненный уклад. Мы создадим заводы, откроем залежи полезных ископаемых, построим шахты, создадим экономику.

Кан пристально взглянул на Стронгтэйла и спросил:

— Ты действительно хочешь, чтобы так было?

Тот медленно кивнул.

— Это следует понимать как согласие, — заключил Кан. Он вспомнил слова Трэйкилла о том, что аборигены могут отдать землянам огромные плодородные земли, ведь у них не существует права собственности на землю, включая недвижимость.

Кан докурил сигарету, бросил окурочек в костер и поднялся.

— Извини, Стронгтэйл, у нас есть кое-какие личные дела, — сказал астронавт. — Идем, Билл, пора возвращаться в Триквад.

Стронгтэйл до сих пор не мог понять, для чего людям нужны всевозможные тайны и секреты, но он давно с этим смирился, решив заняться чем-нибудь более приятным, нежели размышления о землянах. Он с наслаждением вдохнул аромат травяной похлебки, смешанный с запахом пробуждающегося леса, и неожиданно для себя ощутил беспокойство, смешанное с печалью. Его немного испугал злой оклик Кана, донесшийся из кабины аэрокара:

— Черт бы тебя взял, Билл! Я пока еще капитан, и ты обязан выполнять мои указания!

Стронгтэйл давно уже усвоил то, что люди часто подчиняются друг другу, хотя подчас с явной неохотой. Он знал, что в первые годы после основания базы у землян даже возникли ссоры с местным населением, когда те, в силу особенностей своего характера, неожиданно бросили начатую было работу, не доведя ее до завершения. Однако следующее поколение людей решило эту проблему удивительно просто — они не стали привлекать аборигенов к работе и исключительно все делали сами. Но больше всего Стронгтэйл благодарил странных пришельцев за то, что они принесли на Митру такое удивительное изобретение, как яхта. До чего прекрасным было плавание на ней, ни с чем не сравнимым казалось ощущение первооткрывателя. Случались время от времени и разные неприятные эпизоды, однако в большинстве своем земляне держали себя в руках, не проявляя особенно бурно свой противоречивый характер. Ни один пришелец еще не переступил установленных ранее соглашений, и за это Стронгтэйл очень уважал людей. Он задумчиво посмотрел на удаляющийся аэрокар и вновь углубился в размышления.

Просторный конференц-зал в Трикваде был полон, капитан Кан, взобравшись на трибуну, пристально наблюдал за присутствующими, вглядываясь в лица людей, и ему подумалось:

«Даже седовласые старики носят на своих лицах отпечаток сохранившейся молодости. Такие лица не встречаются на Земле. Загорелые, обветренные лица первопроходцев».

Астронавт обернулся к Трэйкиллу, стоявшему рядом, и спросил, неожиданно ощутив себя хозяином положения:

— Вы собрались?

— Да. Последняя исследовательская партия вернулась два часа назад, — ответил Дэвид, оглядев зал. В окна проникал свет утреннего солнца, окрасивший волосы и лица людей в красноватый цвет. Воцарилась тишина, изредка нарушаемая шорохом одежды и едва слышным дыханием. Трэйкилл с усмешкой обратился к Кану:

— Зачем вам понадобилось проводить общее собрание, если люди в Трикваде твердо решили не возвращаться на Землю?

Астронавт посмотрел на часы и решил, что необходимо еще немного подождать. Через несколько минут команда его транспортного корабля совершит посадку в Трикваде, и тогда...

— Повторяю, я уполномочен Директоратом сделать последнее заявление, — нарочито громко произнес Кан, подняв левую руку в приглашающем жесте.

— Мы уже наизусть знаем все твои аргументы, — резко сказал Трэйкилл.

— Необходимо соблюсти все формальности, — ответил капитан и, уже обращаясь к собравшимся, начал:

— Леди и джентльмены, как вы знаете, мы собрались сегодня, чтобы принять окончательное решение. Я знаю, что вы уже обсудили вопрос о возвращении на Землю, даже успели проголосовать, но все это было сделано спонтанно, под впечатлением, оставшимся после многих лет, проведенных на Митре, и вот сейчас я призываю вас сделать последний выбор. Мало кто из присутствующих согласится улететь со мной, однако вы вряд ли задумывались над истинными причинами, побуждающими вас остаться. Как говорили древние «Il faut vouloir les consequences de ce qu'on veut»*.

Слова капитана были встречены гробовой тишиной, и он почти физически ощутил, насколько далеки эти люди от земной жизни, ее культуры. Он заколебался, но продолжал:

— Наконец, вас слишком мало, чтобы поддержать цивилизованный образ жизни, несмотря на некоторый запас знаний и технологий, привезенных сюда с Земли. Вам попросту не будет хватать квалифицированных специалистов. Ваши дети станут умирать от тех болезней, которые на Земле вполне возможно вылечить. А те, кто выживет, постепенно деградируют. Наконец вы окажетесь в полной изоляции, ведь мощности вашей лазерной связи едва ли хватит надолго. Неужели вы стремитесь вернуться обратно в варварскую, первобытную эпоху?

— Это все в прошлом! — крикнули из зала. — Мы уже справились со всеми проблемами!

Кан молча стоял и слушал, тем самым выигрывая время.

Трэйкиллу удалось-таки перебить собрание:

* Приходится мириться с последствиями того, к чему стремишься (фр.).

— Думаю, мы справимся, капитан. Наша колония способна на многое...

«Вот оно, это слово, — думал Кан. — Значит, они считают себя колонистами».

— Единственное, чего вы добились, капитан, своим выступлением, так это то, что лишний раз подчеркнули: Митра — наш дом!

Последние слова Трэйкилла были встречены дружелюбными аплодисментами. Послышались возбужденные возгласы:

— Мы создадим собственную цивилизацию! Мы увеличим население базы! Мы...

Трэйкилл обернулся и с надрывом от переполнивших его эмоций сказал:

— Вы, капитан, отказались от звезд, мы — нет! Когда-нибудь нам удастся построить свой космический корабль и мы пойдем дальше вас.

Собравшиеся аплодировали уже стоя. Кан замер и молча молил судьбу: «Скорее! Скорее! Пусть это произойдет!»

Видя, что капитан продолжает стоять на трибуне, публика затихла в ожидании.

— Очень хорошо, — произнес он с печалью в голосе. — Но вы забываете о местном населении. Что с ними будет?

— Я уже не раз говорил вам, что на Митре хватит места для обеих рас. Мы не намерены вмешиваться в жизнь аборигенов, — резко ответил Трэйкилл.

— Вы меня плохо поняли, Трэйкилл. Я пытаюсь доказать то, что нельзя смешивать две различные культуры. Одна из них, более сильная и гибкая, более развитая, обязательно поглотит другую. В роли первой выступает земная культура, в роли второй — доиндустриальное общество жителей Митры. Вспомните, что происходило на Земле, когда на заре цивилизации европейцы вторгались в Америку, Индию, Африку. Никто из присутствующих не желает зла аборигенам, но когда численность населения колонии возрастет, когда люди начнут выкачивать из недр этой богатейшей планеты все полезные ископаемые, вот тогда столкновения с местными жителями будут неизбежны.

Кан перевел дыхание и с напором продолжал:

— И наконец, создавая материальные блага, вы неминуемо остановите развитие здешней самобытности и неповторимости культуры и цивилизации, сделаете аборигенов обыкновенными потребителями-иждивенцами. Оставшись на Митре, вы лишаете ее жителей надежды на свою историю.

Зал буквально забурлил от негодования. Трэйкилл выступил вперед, до боли сжав кулаки, и выкрикнул в лицо Кану:

— Неужели вы настолько низкого мнения о нас? Это подло!

— Наоборот, я глубоко уважаю всех присутствующих, но не хо-

чу, чтобы их потомки, да и они сами становились потенциальными убийцами и захватчиками.

— Это всего лишь твои домыслы! — крикнули из толпы.

— Поймите, — воскликнул капитан, — истинный героизм состоит в том, чтобы покинуть Митру, а не в том, чтобы остаться!

Кан понимал, что слова его уже не возымеют должного действия, зная, что колонисты никогда не смогут забыть ни бухты Желаний, ни вершины Принцессы, ни чистого, бездымного неба.

— Что ж, я хотел как лучше, — с сожалением прошептал Кан и достал из кармана комбинезона портативный передатчик.

— Срочная посадка! — скомандовал капитан и отвернулся от злобного взгляда Трэйкилла, который догадался о замысле Земли.

С ясного бирюзового неба лавиной обрушился грохот планетарных двигателей, и в огненном мареве рядом с конференц-залом, почти под окнами, опустился огромный транспортный звездолет. Крышки люков скользнули в сторону, и на трап высыпали с десятков вооруженных бластерами солдат. Они деловито окружили здание и застыли в немом ожидании.

Дверь распахнулась, и в зал вошел Рэдфетер, сжимающий в побелевших пальцах лазерный пистолет.

Кан напрягся. Голос его прозвучал холодно и отчужденно:

— Вы все являетесь гражданами Земли и обязаны подчиниться решению Директората. Как командир военного корабля я приказываю вам вернуться на Землю!

Астронавт увидел, как Леонора прижала к себе дочь и та заплакала на ее груди, как толпа хлынула на трибуну, протягивая к нему сжатые кулаки, чьи-то руки попытались его схватить, но Рэдфетер успел сделать предупреждающий выстрел в воздух. Запахло гарью и потом. Кану уже никто не мешал, и он, тяжело ступая, зашагал к выходу. Ему приходилось сдерживать свои истинные чувства, и он пытался проглотить подступивший к горлу душный, горячий комок. Астронавту не к лицу слезы до тех пор, пока он капитан.

В МИРЕ ТЕНИ

Жил-был человек по имени Данило Руварац, подписавший в свое время Декларацию Прав. Когда эту Декларацию отклонили, общественные волнения переросли в восстание, и Руварац возглавил мятежников в своем районе. После того как сухопутные мониторы вошли в Загреб, Данило был убит очередью из пулемета.

В то время Зеархом был Хуан III, у которого хватило хитрости и коварства, чтобы использовать в своих целях акты милосердия. Он помиловал большинство повстанцев, провел некоторые реформы и таким образом потушил пожар прежде, чем тот как следует разгорел-

ся. Однако он знал, что под пеплом осталось еще достаточно углей и лучше всего раскидать их в разные стороны. Следователи, занимавшиеся этими вопросами, установили, что у Рувараца было несколько детей. Над ними была установлена правительственная опека. Таким образом десятилетний Карл был отправлен в пансион в Северной Америке, а потом в Космическую академию. Он с успехом закончил ее и стал замечательным пилотом, а его участие в спасении лайнера «Летающий мир» сделало его национальным героем. Это, однако, несколько не улучшило его характера. Он всегда был вспыльчивым, колючим, чрезвычайно неуравновешенным человеком, в его досье было отмечено предположение о наличии в нем подспудного озлобления. Вполне естественным решением могущих возникнуть из-за этого проблем было предоставление ему места в экспедиции на Ахерон. И сам он, наверное, должен был чувствовать благодарность к властям за такое предложение, ведь оно позволяло ему надежно исчезнуть из поля их зрения на достаточно большой промежуток времени.

Таким образом он оказался на пути к невидимой звезде. О том что она невидима, он узнал слишком поздно. Короткие толчки двигателя заставили его корабль двигаться по крутой спирали в направлении к выжженной карликовой звезде, которую, как он полагал, ему нужно было отыскать. Он напряженно следил за пультом управления, переводя горящий взгляд с неба на экран радара, регистрирующего сигналы посланных вперед разведывательных зондов. Как только до него дойдут отраженные от космического тела импульсы, а его приборы могут зарегистрировать обломки диаметром в метр на расстоянии в тысячу километров, он отключит двигатель и будет двигаться в свободном полете. Но на экране загорались лишь отдельные искры да короткие вспышки от пронизывающих космическое пространство частиц.

В командный отсек вошел Аарон Вилер. Он держался за поручень, чтобы сохранить равновесие при постоянно меняющемся ускорении корабля. Его интересовало, нет ли каких-нибудь признаков карликовой звезды.

— Нет, — ответил Карл Руварац. — Оставайтесь в кормовой части, там, где вам и следует находиться.

Вилер оскорбился. Обида была заметна даже сквозь скафандр. Это был стройный седовласый мужчина с острыми чертами лица. Он происходил из хорошей семьи, занимающей высокое положение в обществе. На протяжении всей жизни окружающие считались с его мнением.

— Могу напомнить, если вы забыли, — ядовито сказал он, — что эта экспедиция осуществляется по моей инициативе. А ваше дело всего лишь доставить меня на тот объект, который я должен исследовать.

Руварац слегка повернулся к нему всем своим массивным телом.

Его глаза горели в темноте зеленым огнем на грубо вылепленном лице.

— Пока мы здесь одни, — сказал он. — Я — капитан корабля. Возвращайтесь к себе. Я дам вам знать, если что-нибудь обнаружу. К чему эти преприательства?

Вилер упрямо торчал в рубке, и Руварац подумал, что надо бы выдворить его силой. Это доставило бы ему искреннее облегчение. Боги, наделившие пилота недюжинной физической силой, поместили его в такие условия, где он не мог найти этой силе никакого применения. Именно в этом и заключалась основная причина постоянного раздражения и злости на мир.

Но нет, он не должен покидать свой пост. Они все не принадлежат самим себе и не могут делать все, что заблагорассудится. И он сам обязан вести себя дипломатично. Экспедиция состояла из двадцати человек, кроме того, добрая дюжина астрономических лабораторий работала дома, а дом удалялся от них на пятьдесят километров каждую секунду. Их окружала неизвестность, и если случится какое-нибудь несчастье, помощи ждать неоткуда. Они должны сотрудничать, иначе они погибнут.

Силуэт Вилера выделялся на фоне черного провала космоса и сияющих, как острие лезвия, звезд. Странно сплющенное солнце беспощадно сверкало. Найти Ахерон было бы невозможно, если бы не его чудовищное притяжение. Корабль осторожно пробирался сквозь блистающую космическую ночь.

Руварац вздохнул. Казалось, усталость от полета надолго угнездилась в его теле. Шесть месяцев прошло с момента их старта с лунной орбиты до того момента, когда они потеряли свою цель.

И тогда начались утомительные маневры. Один за другим следовали запуски радиоракет, постоянно делались расчеты гипотетических координат Ахерона на основании кривых, появляющихся на экранах приборов. Оптический поиск с помощью телескопов не дал результатов. И только после этого корабль получил приказ идти на сближение. Нервы экипажа сдавали.

Хватит психовать, сказал сам себе Руварац. Прекрати! Доктор О'Кейси утверждает, что мы в хорошей форме.

— Послушайте, сэр, — стараясь говорить вежливо, сказал он. Его голос показался ему самому глухим, звук с трудом пробивался сквозь гул вентиляторов кондиционера и регенератора воздуха, рокот термоядерной энергоустановки, потрескивание электрических разрядов, возникающих при прохождении кораблем ионных потоков. — Послушайте, мы уже гораздо ближе к этому небесному телу, чем мне бы хотелось, но пока ничего не видим. Может быть, какой-нибудь поглощающий эффект делает наш радар неэффективным, но, черт возьми, мы уже сейчас должны различать это тело невооруженным глазом, без всякого радара! Когда наконец приборы что-то покажут, мы мо-

жем оказаться настолько близко, что мне придется немедленно тор-мозить. И тогда вы можете сильно разбиться или налететь на приборы управления, поломать их. Пожалуйста, ради вашей же безопасности, идите и пристегнитесь ремнями.

— Ради вашей тоже, — буркнул Вилер.

— Да, я предпочитаю оставаться живым.

— По вашему поведению этого не скажешь.

Руvaraц не стал утруждать себя ответом. Он всегда старался быть предельно лаконичным при общении со старшими по званию. Даже здесь, на борту «Шикари»*, он и астрофизик едва ли принадлежали к одному социальному слою. но во время таких длительных перелетов возможность побыть одному была необходима, как кислород. На таком гигантском корабле неизбежно возникали различные группировки. Вилер не бражничал и не скандалил с инженерами, не ухаживал за девицами. Руvaraц не понимал, что такое он сам мог бы вспомнить о родимой земле, чем бы стоило дорожить. Уж, конечно, это были не снега Гималаев и не походы под парусами на солсном ветру Мексиканского залива. На заработок космического пилота не больно-то разгуляешься, разве что зайдешь в дешевый бар в Чикаго-Комплекс.

Внимательно посмотрев на него, Вилер смягчился.

— Хорошо, — сказал он, — Может быть, я неправильно понял. Я никогда не бывал дальше лунной обсерватории. Хотя и вы тоже многого не понимаете... — Он не договорил и вышел из отсека.

Руvaraц остался один. Лишь скопища звезд сияли над ним, сверкающие и бессердечные, как бриллианты, немигающие, словно змеиные глаза. Он не понимал, почему они должны казаться ему странными. Созвездия практически не изменились, хотя они пролетели почти полтора миллиарда километров. Дело, наверное, было и в том, что люди потеряли привычное ощущение покоя — игра мускулов под кожей, дыхание в ноздрах, струя воздуха в лицо, запах машинного масла и чьей-то плоти.

Он настроил спектроскоп. Допплеровское смещение звездного света позволяло измерить скорость. Скорость также была измерена при помощи волны, идущей от радиозонда, дистанционно управляемого с корабля-носителя. Данные введены в ЭВМ, и через некоторое время на экране появились результаты обработки сигнала. Из них следовало, что корабль вращается вокруг объекта, который пилот не может обнаружить.

Неожиданно для себя он услышал собственный голос по селекторной связи:

— Не будем препираться, профессор. Может быть, я был слишком груб, когда говорил с вами. Так что же я не понимаю?

* Охотник.

— Что? — Руварацу было слышно, как удивился астрофизик, который сидел сейчас опутанный проводами среди металлических коробок приборов. — О, да. Вы не понимаете, как это для меня важно. Я многим пожертвовал, чтобы присоединиться к этой экспедиции. А космос мало подходит для людей среднего возраста. Но ради такого редкого и удивительного явления... — В его словах сквозила необходимая, легкая насмешка. — А сейчас я чувствую себя снова шестилетним мальчишкой в давнее утро моего дня рождения. И вы обвиняете меня в том, что я всего-навсего хочу полюбоваться на подарки?

Руварац нахмурился. Он был озадачен. Неужели то маленькое пятнышко существовало для того, чтобы им можно было любоваться?

Но в этом что-то было. Научный Совет давно рвался запустить побольше аппаратов, хотя бы телеметрических зондов, за пределы системы. Но у него не было на это достаточных полномочий. Даже Зеархи и те вынуждены были считаться с мнением налогоплательщиков при планировании таких дорогостоящих программ, отдачу от которых можно было получить лишь через много лет, и то выражалась она исключительно в приобретении чистых знаний. Однако, когда речь зашла о полете на так называемый Ахерон, не было произнесено ни слова против.

Дело было в том, что траектория этого небесного тела проходила через всю систему, в результате его прохождения Уран выталкивался на новую орбиту, возмущения касались планеты-гиганта Юпитера, даже галактическая траектория Солнца и та менялась. Меньше всего это задевало Землю. Разве что приборы на лунных станциях сходили с ума, помехи забивали передачи квантового радио, рентгеновские детекторы, а также детекторы космических частиц показывали невиданную интенсивность потоков излучений.

Но экспедиция не раскрыла ни одной загадки таинственного пришельца, не наблюдала ни одного фотона, испущенного им, ни одного электрона, не было зафиксировано даже затмения. Единственное, что сопутствовало «Шикари», — это пустота и тьма.

Иногда Руварац задумывался над тем, какого, собственно, черта, он отправился в этот полет! Единственным разумным поводом, какой он мог найти, было то, что, когда он вернется, у него будет соответствующий престиж, который он сможет использовать, чтобы добиться участия в предлагаемых межзвездных полетах. Скажем, к Тау-Кита. У нее должны быть планеты. Можно было проспать мертвым сном целые десятилетия полетов, а потом... О, Господи, бродить по миру, не загроможденному городами, толпами людей, правительствами, полицией, по миру, не изуродованному человеком. Но открыть Новую Землю за время его жизни не представлялось возможным. Так что его поводы не выдерживали никакой критики. Разве что он сам себе бросил вызов.

— Вы что-то заметили? — воскликнул Вилер.

Руварац вздрогнул, потом усмехнулся.

— Нет. Извините. Я просто одурел от этого кувыркания в пространстве. Я хотел спросить, почему вы так взволнованы. То есть я знаю, что это будет первый объект такого рода, который мы когда-либо исследовали. Вы, видимо, открыли новый закон природы. Но разве это отчасти не странно? Ведь теория достаточно точно предсказывает, как должна выглядеть звезда, исчерпавшая последние запасы своей энергии?

— Нет, — ответил Вилер. — Согласно теории она не должна быть такой... такой невидимой... если, конечно, не является черной дырой. Знаете, это когда мертвое солнце сжато до такой степени, что ничего не излучает. Кроме того, она не обладает достаточной массой, чтобы быть мертвым солнцем. Если она все-таки имеет массу солнца, то даже в максимально возможном состоянии квантовой дегенерации она не может быть настолько малой, чтобы мы не могли ее различить с такого близкого расстояния. Она вообще не должна быть темной, она должна быть довольно яркой.

Его равнодушие исчезло.

— Пилот, — сказал он, — если мои ожидания справедливы, мы никогда не увидим эту звезду.

— Да?

— А разве вы не знаете? Разве вас не инструктировали о том, что...

— Нет. Я всего лишь лентяй, который так и норовит кого-нибудь обмануть, понимаете? У ученых слишком мало времени, чтобы тратить его на меня. Продолжайте.

— Все, что мы получим... это уникальную информацию... увидим нечто удивительное в галактике, нечто такое, что заставит меня поверить в существование Бога, который заботится о нас.

— И что это?

— Пожалуйста, — взмолился Вилер, — не лишайте меня возможности получить удовольствие. Я должен немедленно рассказать вам все, а вы рассудите, прав я или нет.

Руварац сжал кулачище.

— Я хочу, черт возьми, знать, в какую историю мы ввязываемся, — сказал он.

— Если верить моим предположениям, нам не причинят никакого вреда. Если же я ошибаюсь, то буду так же сбит с толку, как и вы. Где мы сейчас находимся?

— Кто знает. Нам ведь не с чем свериться, кроме как с расчетным центроидом. Но мы идем по орбите со скоростью 435 километров в секунду. Если бы это было солнце, то мы неслись бы уже в слоях атмосферы. Но глубоко погружаться в гравитационный колодец мы не можем, у нас не хватит активной массы для реактора, чтобы оттуда выбраться.

— Гравитация растет так, словно это тело подобно солнцу, верно?

— Да, это так. А этого не должно быть. Если это нейтронная звезда, глыба вырожденной материи размером меньше Земли, то ее поле должно меняться так резко, что...

И тут они почувствовали удар.

В пустоте глубокого космоса, казалось, не было особых причин тратить энергию на то, чтобы постоянно контролировать возможные метеориты. Кроме того, противометеоритному маневру препятствовало мощное притяжение гравитационной массы неизвестного тела. В результате всего этого автоматические устройства корабля не успели своевременно среагировать на опасность.

Первым ощущением Руvaraца было ощущение шока. Кулак тролля обрушился на него, сильно ударив по голове, — шлем скафандра был открыт. Металл отозвался злобным звоном. Кабели питания электросистем, проходивших по потолку, искрились, в воздухе запахло горелой изоляцией. Сработали предохранители, и двигатели отключились. Корабль свободно падал. Слышны были хлопки газовых выбросов из дырявого корпуса.

— Опустителицевую пластину! — автоматически взревел Руvaraц и сам сделал то же самое. Давление упало, его барабанные перепонки чуть было не лопнули. Но ему некогда было обращать внимание на боль, не было времени испугаться или сделать еще что-нибудь, кроме как предпринять отчаянную попытку выжить.

Он скользнул взглядом по приборам: большая часть из них продолжала работать. Он отметил, что ни силовая установка, ни ионные двигатели не были повреждены. Но один из громоздких резервуаров был, должно быть, разбит, и жидкость из него устремилась в космос. Стрелка соответствующего индикатора поползла к нулю. Системы встроенного контроля регистрировали повреждение кабеля. Руvaraц отключил кабели, которыми его скафандр был соединен с системой корабля, и невесомый поднялся с кресла.

Теперь в корабле был вакуум. Свет флуоресцентных панелей падал на замерзшие лужи жидкости на переборках, оставляя в углах могильно-черные тени. Руvaraц оттолкнулся и устремился в кормовой отсек корабля, хватаясь за поручни. В центральном отсеке сквозь дыру в разорванной обшивке на него глянуло небо. Через пробоину в перегородке обломки попали и в кормовой отсек, к резервуару. Обломки летали повсюду. В космической тишине, заполнившей корабль, царил хаос. Руvaraц посмотрел на разбитый воздухообменник, и его замутило.

По направлению к нему двигалась облаченная в скафандр фигура.

— Назад! — заорал Руvaraц, не соблюдая субординации. Вилер жестами что-то испуганно показывал. Руvaraц сообразил, что его рация выключена. Он включил ее и сквозь стиснутые зубы произнес:

— Убирайтесь с моего проклятого пути. Вы убили нас, но я не позволю вам вмешиваться в мою работу.

— Но... но что... — Солнечный свет, проникавший в пробоину в борту, высвечивал искаженное ужасом лицо Вилера. — Что случилось?

Руварац зарычал, схватил его за плечи и вытолкал в спальный отсек.

— Пристегнитесь, — приказал он. — И сидите здесь, пока я за вами не пошлю. — Вилер отшатнулся от пилота, послышалось всхлипывание, Руварац что-то проворчал и вернулся в главный отсек.

Часа через два его гнев немного остыл. Он должен выловить все обломки, провести общее обследование, приварить запасные пластины обшивки и пустить воздух из запасного накопителя. Это было нелегкой задачей для одного человека, даже заранее подготовленного и умеющего сохранять хладнокровие.

Он не торопился. Корабль двигался под действием сил, которые будут существовать до тех пор, пока все звезды галактики не сгорят дотла. Это было чудовищное, почти совершенно невероятное невезение, что корабль с чем-то столкнулся в таком глубоком космосе. Вероятность повторного столкновения была, образно выражаясь, астрономически малой. Поэтому он в конце концов вызвал Вилера. Необходимо было рассчитать, что же привело их к столкновению.

Прозвенели сигнальные звонки. Члены экипажа устремились к своим постам. Были отправлены сообщения кораблям, направляющимся в район Ахерона. «Шикари» реконструировал два поврежденных отсека и продолжил путь.

Корабль двигался осторожно. Он бороздил космос со скоростью 100 километров в секунду и больше всего напоминал огромную, уязвимую для любого воздействия руину. Его приближение к темной звезде, торможение и выход на орбиту выполнялись со всеми возможными предосторожностями.

Командир Натан был вымотан нервным напряжением еще до того, как пришло сообщение о катастрофе. Вглядываясь в сверкающую миллионами звезд тьму космоса, он чувствовал себя очень старым.

«Ты забрал себе двух хороших людей, — думал он. — И теперь хочешь взять и остальных?»

У Янис Фальконе в тот момент не было никаких дел. Все на корабле обязаны были быть профессионалами, но ее работа заключалась в том, чтобы содержать в порядке научные приборы. Но сейчас она могла просто сидеть в своей каюте, окруженная со всех сторон вибрирующим металлом переборок, и стараться не плакать, хотя ей это не очень-то удавалось.

К ней вошла Маура О'Кейси, биомедик. Она чувствовала, что девушке сейчас необходимо, чтобы кто-нибудь был рядом.

— Не убивайся так, дорогая, — шептала она, пока белокурая головка лежала у нее на плече. — Мы еще не проиграли. Мы вернем их.

— Мы обязаны! — воскликнула Янис.

— А теперь... — Маура умолкла. Сейчас было не время напоминать о том, что нужно быть готовым к новым потерям. Холод и пустота космоса, слепая жестокость мертвой материи, потоки радиоактивных частиц, несущие кораблю невидимую смерть... И вдруг она поняла, что страдания Янис вовсе не от страха.

— Ты хочешь сказать, что здесь что-то личное? — спросила она.

— Да-да, ведь это наши друзья. Мы должны быть друзьями здесь — мы все здесь одиноки... — Янис выпрямилась и крепко зажала глаза ладонями.

— Сомневаюсь, чтобы ты так волновалась из-за доктора Вилера, — сказала Маура.

Янис посмотрела на нее. Ее плечи снова вздрогнули.

— Неужели ты нанялась на эту работу из-за Карла Рувараца?

Ответом Мауре было лишь прерывистое дыхание.

— Ну что ж. — сказала Маура, — Результат тот же самый, как если бы эта привязанность появилась уже здесь. Но знаешь, ты не должна слишком увлекаться.

— Почему? — с вызовом спросила Янис.

— Ты сама прекрасно это знаешь. Нам это не раз объясняли, прежде чем отправиться в полет. Наша возможность выжить слишком мала, мы не должны ввязываться в конкуренцию, ревность, интриги, не должны даже горевать о поводе чьей-нибудь смерти. Можно поддерживать компанейские отношения, но вступать в очень уж личные — не следует. — На мгновение Маура задумалась, — Я уже все это пережила. И может быть, я просто забыла, что такое — быть молодой.

Янис посмотрела на свои руки, сжатые на коленях. Потом ответила:

— Виновата, — тихо сказала она. — Но я иногда мечтаю о том, как все будет, когда мы вернемся домой.

— А Карл разделяет твои мечты?

— Не знаю. Он не из тех, кто любит откровенничать. Большую часть времени он разговаривает и шутит, как все остальные. Но иногда он молчит. И никогда не говорит о чем-либо значительном.

— Ты хочешь сказать, значительном с точки зрения женщины? — улыбнулась Маура. — Мы ведь собирались исследовать Ахерон не меньше года, а потом будем долго ползти назад. У тебя достаточно возможностей, чтобы воздействовать на мужчину, если, конечно, ты будешь соблюдать при этом правила приличия.

— Я постараюсь, — жалко произнесла Янис. До нее дошел скрытый смысл сказанного. Она усмехнулась. — Что вы имели в виду, когда сказали «не меньше года»?

— Трудно сказать, как долго мы сможем здесь задержаться. Корабль — замкнутая экологическая система. Если мы наткнемся на что-нибудь интересное...

— Нет! Они не посмеют! Мы заключили контракт на определенный период. Что же, состаримся здесь?

— Не спеши, малышка, не все сразу, — успокоила Маура. — Сначала мы должны спасти наших мужчин.

«Если мы сможем что-нибудь сделать, — подумала она. — Я лично не вижу, каким образом мы поможем им».

Корабль продолжал двигаться по орбите диаметром около 4,5 млн. километров. Холод окутывал его, бледный солнечный свет падал на металл обшивки, Млечный Путь очерчивал границы видимой вселенной. В контрольном отсеке едва слышались звуки работы аппарата. Между этими звуками и нормальным шумом обитаемого корабля лежала напряженная тишина, подобная барабанной перепонке. Руvaraц с удивлением осознал, что почти успокоился.

Бушевали квантовые штормы, пламя билось за тонкой скорлупой обшивки, свет и огонь не один миллиард лет истекали из неистового жерла, именуемого звездой. Ни секунды нельзя было прожить в этом аду. Никому. И тем не менее его датчики регистрировали снаружи вакуум, обычную космическую радиацию, слабое, порожденное плазмой магнитное поле. Его радиоприемник принимал сигналы с «Шикари», трещал космическими помехами, шелестел далекими голосами туманностей и галактик.

— Я тебя не понимаю, — произнес Руvaraц. Какая-то часть его существа недоумевала. Неужели он был самой заурядной личностью, откровенно посредственной, почему он не мог понять и оценить ситуацию? Ну что ж, острые ситуации — тоже один из способов оценки человеческого характера. Он посмотрел на Вилера. Астрофизик сидел рядом с ним на аварийном сидении помощника пилота. Должно быть, они разговаривали по внутренней связи, но присутствие соседа помогало.

— Расскажи подробнее о своей теории.

— Сначала объясните, что с нами случилось? — возразил Вилер. Теперь его надменность казалась беззлой, это была всего лишь маска, защита. Лицо у него было белое, как мел, веко дергалось.

— В нас врезалась исследовательская ракета, — ответил Руvaraц. — Одна из тех, что мы выпустили, как только вошли в сферу притяжения. Батареи сели, и она не подавала никаких сигналов. Вспомните, несколько ракет-зондов на ближних орбитах имели телеметрию на борту, чтобы можно было следить за их траекториями и сообщить математикам, как выглядит Ахерон.

— Пожалуйста, не будьте ко мне чересчур снисходительны! —

Вилер замолчал и вдруг сказал: — Нет. Знаете, мои нервы на пределе, извините меня. Говорите, как считаете нужным.

— Прежде, чем передачи прервались, был произведен расчет орбит ракет. Неизвестно почему, но эти орбиты выглядели довольно странными. Мы вычислили кривую сближения, которая не должна была пересекаться ни с одной из этих орбит. Но тем не менее это случилось, кто-то ошибся. И мне кажется, я знаю почему.

— Я тоже, — резко кивнул Вилер. — Предположительное местонахождение ракет рассчитывалось с учетом того, что Ахерон является нейтронной звездой, небольшой и ультраплотной. А поскольку, видимо, дело обстоит иначе, — что ж, орбита претерпела искажения, кроме того, само силовое поле непредсказуемо меняется с изменением плотности звезды. Я был бы... нет, пожалуй, нет, поскольку траектории были непредсказуемы, мы с вами должны были пойти на риск.

Руvaraц задохнулся. Он был близок к тому, чтобы ударить старика.

— Это не так! — взревел он. — Если бы вы, самодовольные тупоголовые снобы, сказали бы мне, что из себя может представлять этот Ахерон, я мог бы предупредить эту опасность и принять меры предосторожности. — От ярости он не мог больше говорить.

Вилер сидел молча до тех пор, пока пилот не успокоился. Потом астрофизик предельно сухо произнес:

— Если вы рассчитываете, что я стану извиняться, то пожалуйста, я извинюсь. Но никто не намеревался пренебрегать вами. Просто никто не подумал, что вы придадите какое-то значение такой маловероятной возможности, вот и все. Все, кроме меня, считали, что этого попросту не может быть.

Руvaraц ничего не ответил. Вилер продолжал, сжав рот:

— Правильно, данные, полученные с исследовательских ракет, практически исключают возможность того, что Ахерон является ультраплотным шаром. Но есть причины полагать, что у нейтронных звезд могут быть пространственные атмосферы. Тогда стало бы понятным и поведение ракет. Наличие такой атмосферы привело бы к их столкновению с центральным шаром, прежде чем корабль достигнет их орбит. Единственным надежным доказательством моих предположений было то, что нам не удалось обнаружить звезду оптическими средствами. Сделав грубые допущения, это можно объяснить наличием способности отклонять световые лучи у...

Руvaraц решил смягчиться, прежде чем его заговорят до смерти.

— О'кей, — прервал он Вилера, — возможно, ваши поиски были не так уж и глупы, просто природа застала их врасплох. Но как бы там ни было, мы с вами находимся в затруднительном положении.

Активной массы, которая у нас осталась, достаточно для того, чтобы уйти от Ахерона. Но вот свидание с «Шикари» или любым другим кораблем мы уже позволить себе не можем. Они не смогут

подойти к нам достаточно близко. Наш корабль был единственным транспортным средством, которое могло менять скорость в таких широких пределах, и это позволяло ему глубоко опуститься в гравитационный колодец звезды, а потом выбраться из него.

— А разве они не могут послать нам дополнительную массу, скажем, на борту беспилотной ракеты?

— Вы не представляете, что значит маневрировать в непосредственной близости от такого объекта, да еще на значительных скоростях. — Руварац содрогнулся. — Конечно, мы можем рискнуть. Собственно, именно это мы и собираемся сделать, но я сомневаюсь, чтобы нам это удалось. А у нас, как вы понимаете, будет не более двух попыток. Наш воздухообменник разбит так, что мы уже не можем его ни к чему подключить. У нас запаса кислорода еще на несколько дней. Ну, а потом — гуд бай, бэби.

Вилер закусил губу.

— Сейчас нам нет смысла торопиться, — сказал Руварац. — «Шикари», да и все корабли экспедиции появятся поблизости не так скоро. Поэтому еще несколько часов нам не следует начинать маневры выхода по спирали. Прежде чем мы к нему прибегнем... что ж, может быть, нам удастся придумать что-нибудь получше. Давайте выкладывайте, что вы думаете по этому поводу?

Вилер усмехнулся.

— Не могу понять, как это якобы образованный человек может не знать об одном из основных явлений физики.

— Черт побери, — прорычал Руварац. — Я со своей стороны не могу понять, как может считать себя образованным человек, который не знает, как работает управляемая им машина. — Сделав усилие над собой, он снизил тон. — Ведь могло же случиться так, что об этом явлении лишь вскользь упоминалось на одном из занятий, и я просто забыл о нем. Мы с вами слишком много должны были усвоить, хотя и по разным специальностям. Кроме того, в Зеархе не дается по-настоящему широкого образования. Поэтому люди должны научиться думать собственной головой.

Как и предполагалось, Вилер отказался от дальнейшей пикировки. Руварац, хоть и невесело, рассмеялся:

— Не обращайтесь внимания. Я всегда был оппозиционером. Продолжайте, профессор, если я правильно понял ваши высказывания, вы предполагаете существование помимо нашей еще одной вселенной. Теневая вселенная, ведь так вы ее называете? Как это следует понимать?

— Эта идея была впервые выдвинута в XX веке, чтобы как-то объяснить некоторые аномалии в поведении элементарных частиц, — начал Вилер. По мере того как он говорил, он углублялся все дальше в теоретические дебри, ибо был лектором по натуре, и получалось у него почти удачно. — Понимаете, была обнаружена теоретически

давно предсказанная составляющая К-мезонного луча. Теоретически она была введена для объяснения некоторых особенностей пи-мезонного распада. Этот принцип был настолько важен, что был предпринят ряд попыток построения теории, которая обосновывала бы сохранение этого принципа. Плодотворной оказалась гипотеза, которая допускала существование теневой вселенной. Впоследствии эта гипотеза, хотя и в несколько видоизмененном и расширенном виде, была введена в состав фундаментальной физики. Конечно, она была полезна только в теоретических расчетах. Поэтому нет ничего удивительного, что вы не знакомы с этой концепцией...

Итак, существует еще одна вселенная из материи и энергии, в том же самом пространстве-времени, что и наша, и в принципе ничем от нее не отличающаяся. Но между этими двумя вселенными отсутствуют так называемые сильные взаимодействия, поэтому мы не можем обнаружить материю этой вселенной или хотя бы ее фотоны. Они не взаимодействуют с их полем.

Однако не исключаются слабые взаимодействия, к такому относится К-мезонный распад, ради которого и появилась эта теория. Есть определенная вероятность того, что К-мезон, теряя два теневых иона, становится не обнаруживаемым для нас. А гравитация относится к слабым взаимодействиям. «Слабая, как бешеный дьявол! — подумал Руварац. — Что она вытворяет с нашим кораблем. Хотя... Вся масса звезды не может разогнать нас до скорости 500 км/с. И слава Богу, это бы нас убило».

Он отмахнулся от этой жутковатой мысли и спросил:

— Как происходит, что мы не можем отличить иона от других К-мезонов вселенной?

— При достаточной плотности потока смогли бы, — ответил Вилер. — Например, на Ахероне. Теперь понятно, почему я был так взволнован! Когда Ахерон пересек нашу систему, уже тогда я мог надеяться, что он окажется солнцем теневой вселенной. Но мою гипотезу никто не поддержал, думаю, поэтому она и не нашла отражения ни в каких информационных отчетах. Но по мере поступления данных, моя уверенность росла. Поэтому я и настоял, чтобы полететь с вами.

«Теневое солнце!» Он говорил о нем так, как, наверное, Ланселот говорил о чаше Грааля, и в глазах у него стояли слезы.

— Мы можем его исследовать, даже можем полететь туда на специально сконструированном корабле. Мы можем проследить градиенты плотности и их изменение во времени, подробно изучить ядерные реакции, исследовать то, что человек отчаялся когда-либо изучить. Вполне вероятно, что наши открытия приведут к революции в физике. И давно пора. На земле застой, люди считают, что все уже изучено и единственное, что им осталось сделать, — это поставить очередную точку, отделяющую десятичную дробь от целого числа.

Если нам удастся найти другую расу на другой планете, близкую нам, но с отличающимся от нашего мировоззрением, с новыми знаниями и философией... — Он погрузился. — Но люди не очень-то стремятся приложить такие усилия. Может быть, теньевая звезда тоже могла бы сослужить службу.

«Сатана на ракете! — с удивлением подумал Руварац. — Честное слово, старый прохиндей — человек! Он почти что симпатичен».

И он продолжал расспросы.

— Предполагаю, что то, что мы увидим, будет ни что иное, как два иона, возникающие из ничего, — сказал он.

Вилер согласился.

— Тогда почему мы раньше этого не сделали?

— Потому что концентрация теньевой материи в области солнца очень мала, — объяснил ученый. — И вероятность такого события стремится к нулю. Конечно, это вполне естественно, Космос в основном пуст. Несомненно, в теньевой вселенной мы находимся где-то между галактиками.

Теория имела огромное космогоническое значение. Если рассматривать мироздание с гравитационной точки зрения, то в результате существования двух вселенных в одних пространственных координатах межзвездная среда оказывается вдвое плотнее. Это позволяло объяснить необходимое распределение галактики. Все-таки фантастическая удача, что мы обнаружили эту звезду.

— Удача? Ха! — Руварац кисло улыбнулся. — Что ж, может, вы и правы. Только в чем она заключается, эта удача, как вы думаете?

— Смею надеяться, что Ахерон вырвался из своей галактики, об этом говорит его скорость. И возможно...

— Вместе с планетами?

— А почему бы и нет? Мы можем их обнаружить по их гравитационному полю. — Вилер вернулся к действительности. — Но все-таки я считаю, что наша ближайшая цель — поскорее унести отсюда ноги. Вы точно уверены, что вероятность стыковаться с носителем дополнительной активной массы так уж мала?

— Уверен, — ответил Руварац. Искорки интереса к космогоническим проблемам у него пропали.

— А как насчет менее традиционных способов? Не забывайте, что наша ситуация довольно необычна. Вы, наверное, слишком привыкли мыслить только привычными категориями астронавтики и...

— Заткнись! — взорвался Руварац.

Он ударил кулаком о кулак. В нем вновь поднялась ярость, вытесняя все остальное. Он мог пойти на смерть, но не по причине же того, что между двумя общественными группами не был налажен нормальный обмен информацией. И кроме того, ладно, пусть его останки вращаются вокруг этого призрака солнца, но умирать от удушья? Извините!

«Пусть я умру, как мой отец, в бою, — подумал он, — в борьбе с чем-нибудь настоящим. Дайте мне оценить моего противника. Достойный ли это враг?»

Оценить!

У него вырвались слова клятвы. Вилер спросил, что он этим хотел сказать, но Руварац пропустил его вопрос мимо ушей. Губы пилота беззвучно шевелились, невидящие глаза были устремлены на звезды.

Затем он с треском включил тумблер мазера и пролаял:

— Хэллоу, «Шикари». Это я. Соедините меня с навигатором Шэ, и пусть он приготовится сделать некоторые серьезные расчеты.

Ждать было тяжелее всего. Командир Натан еще больше высох и поседел, пока тянулись часы ожидания. Тягучая тишина заполнила все отсеки корабля. Все члены экспедиции виновато поглядывали друг на друга и отводили глаза, стараясь чем-нибудь заняться, чтобы время шло побыстрее. Янис Фальконе сидела рядом с Маурой О'Кейси, но казалось, от всех остальных ее отделяла глубокая стена, сквозь которую не могли проникнуть ни слова, ни жесты.

Пот градом струился со склонившихся над приборами Шэ и его сотрудников. Но ни один телескоп не мог достать на таком расстоянии корабль-носитель, локаторы потеряли его и не могли засечь снова, то же самое можно было сказать о лазерном сканере. Корабль летел на Ахерон, и единственный свет, сопровождающий его, был огонь факела его ракетного двигателя.

На Ахерон, вниз, к сердцевине солнца, где давление достигало миллионов атмосфер, температура — миллионов градусов, где с атомов были сорваны электронные оболочки и ядра притягивались друг к другу с такой силой, что сливались, выделяя чудовищную энергию. И все это для людей было призрачным, неосязаемым, нереальным. А реальность состояла в грохоте двигателей, дрожи персборок, варварских перегрузках, вызванных ускорением и притяжением массы, близкой к солнечной.

Можно представить себе Рувараца среди этого ада: глаза прикованы к приборам, пальцы впились в клавиатуру, пот стекает по коже, собственный вес стал невыносим. И все-таки он должен управлять кораблем, управлять с ювелирной точностью, используя рассчитанные для него векторы сдвига, сознавая, что данных для расчета мало, что все держится на теоретических выкладках и может оказаться ошибочным.

Можно представить себе: Вилер сидит в своем кресле, хрупкая конструкция провалилась, кости ученого трещат, сердце сдает. И неясно, то ли он потерял сознание, то ли мертв.

Можно представить себе: корабль, выбрасываемый факел пламе-

ни, потом некоторое время движение по инерции, притягиваемый тeneвым солнцем, пока не приходит время сменить орбиту, и тогда снова включаются двигатели.

Внутрь, к сердцу звезды, — и вокруг него с предельным ускорением, какое могли обеспечить двигатели и выдержать пилот.

Энергия массы реагирования носит не только кинетический характер, поскольку эта масса находится в определенном гравитационном поле, она имеет и потенциальную составляющую. Если бы корабль следовал нормальным курсом и снижался по спирали, потенциальная составляющая энергии не играла бы никакой роли. Кинетическая энергия была бы израсходована на то, чтобы выше поднять остаточную массу.

Падая, корабль попал на траекторию кометы, огибающую центр Ахерона. В момент, когда направление его движения было изменено на противоположное и он устремился прочь от тeneвой звезды, было затрачено максимальное количество энергии. Дальнейшая траектория выводила его на расчетную орбиту. Массу реагирования корабль оставил на две гравитационные колодки.

Принцип прост. Сам Оберт впервые обнаружил его, когда космические полеты и снились-то лишь немногим. Обычно этот прием использовался при выполнении маневра выхода из окрестностей планет. Руварац сначала даже и не подумал о нем, как все пилоты, он старался держаться подальше от солнца. Солнце пожирает людей.

Ахерон вел себя иначе. Его свет был неощутим для человека. Но, конечно же, расчеты были непростыми. Корабль не должен был кружиться вокруг точечной массы, необходимо было пройти сквозь протяженный объект с переменной плотностью. Закон притяжения был иным, чем известный закон Ньютона, и о многих параметрах можно было только догадываться.

А на всех кораблях экспедиции люди ждали.

— Вот они! Я нашел их! — диким голосом завопил оператор радиолокационной установки. Его руки, словно самостоятельные живые существа, плясали на клавишах пульта. Данные текли лавиной, в доли секунды они обрабатывались, и навигатору Шэ сообщалось о том, что происходило.

Из легких с шумом вырвалось дыхание.

— Им удалось, — сказал он. — Они развили скорость большую, чем вторая космическая, намного большую. — И он снова погрузился в расчеты. Когда он их закончил, ему было ясно, по какой орбите двигался корабль и с каким из аварийных кораблей ему лучше всего будет встретиться, когда он достаточно удалится от тeneвой звезды. По мазеру послали команды.

От Рувараца не было известий. Возможно, он был мертв. Даже современные средства, позволяющие адаптироваться к ускорению, не могли спасти при таких нагрузках. А может быть, повреждена систе-

ма связи? В любом случае требовалось время для того, чтобы другой корабль мог с ним состыковаться. И снова люди должны были ждать, ждать и ждать.

Наконец в приемнике раздался треск.

— «Шикари», это Руварац. Кажется, я на вас наконец настроился. Вы хорошо меня слышите?

— Да...да...да! Как у вас дела?

Еще секунды ожидания, пока фотоны пересекли космос туда и обратно.

— Кажется, у нас все работает нормально.

— А как Вилер?

— Пока не знаю. Я только что пришел в сознание, а он слабее меня. От него ни слуху, ни духу. Сейчас посмотрю. — Руварац со свистом выдохнул сквозь зубы. — Там звезды, — пробормотал он. — Эй, вселенная!

Через 24 часа Маура О'Кейси выписала его из корабельного лазарета. Приятно было чувствовать свой вес, «Шикари» выходил из зоны влияния Ахерона. Длительное свободное падение не просто наносит физический вред, кроме этого, потом приходится иметь дело с медициной, а это само по себе достаточно неприятно, думал пилот. Кроме того, как-то оскорбительно было то, что он не мог пользоваться своими собственными мускулами.

Теперь у него появилась такая возможность. О'Кейси не хотела, чтобы он приступил к выполнению обязанностей пилота, пока «Шикари» не выйдет на подходящую орбиту, разделится на отсеки, соединит их пятикилометровым многожильным кабелем и начнет вращение.

Он усмехнулся.

— Что смешного? — спросила Янис. Она крепко держала его руку, пока они спускались по пустому коридору.

— Конец. Нет больше рядом той маленькой звездочки.

Она содрогнулась.

— Не говори о ней. Она едва не убила тебя.

— Она пыталась, но не очень настойчиво. Даже Вилер недели через две снова будет в норме. Последний раз, когда я заглянул к нему, он посылал к черту врача. Он хочет вырваться из лазарета, чтобы начать исследовать Ахерон.

Янис вздрогнула.

— Как мне хочется, чтобы он оказался тем, чем мы считали его раньше. Тлеющим угольком, а не призраком.

— При свете этой звезды мы кажемся призраками. Более того, у нее, вероятно, есть планеты, и может быть, на одной-двух имеется жизнь.

— Я знаю, знаю, — прошептала она. — Мне это снилось.

— Поэтому мы...

Загрохотала внутренняя связь. По коридорам, отскакивая от железных перегородок, прокатилось эхо, ничего общего не имеющее с человеческим голосом. Но говорил всего-навсего командир Натан.

— Сообщение для всех. Сообщение для всех. По-моему, это должно заинтересовать каждого. Сделано открытие, в которое, честно говоря, я сам едва могу поверить. Сообщение пришло с корабля 4 — там работают пилот Кришнамурти и физик Оливейра. Вы знаете, что как только окончились спасательные работы, мы поручили кораблям, находящимся в зоне теневого солнца, приступить к поискам планет. И планета была найдена. Ее масса приблизительно равна массе Земли. Сейчас корабль находится на околопланетной орбите, идет подготовка к некоторым операциям, предложенным доктором Вилером. У меня все.

Руvaraц слушал молча. Потом вдруг хлопнул себя по бедру, будто выстрелил пистолет, и заорал:

— Ну, как тебе это?

— Да, конечно, это грандиозно, — произнесла Янис, губы почему-то не слушались ее.

— Неужели ты не понимаешь? — Он неистово сжал ее плечи. — Планета типа Земли, вращается вокруг звезды типа Солнца. Там почти наверняка есть жизнь!

— Призраки, — прошептала она дрожащим голосом. — Мы никогда не сможем узнать их. Это просто еще одна новость, которая лишит нас сна.

— Но может быть, нам удастся узнать! Я думал об этом. Мы с Вилером беседовали о такой возможности, пока ждали, когда нас поднимут. Если Ахерон покинул свою галактику, это должно было произойти очень давно. За одну ночь невозможно пересечь расстояние в миллионы световых лет. Поэтому и планета должна быть старой. У нее было время, чтобы на ней возник разум, и... они, наверное, опередили нас в своем развитии. Неужели ты не понимаешь?

Она всхлипнула, протестуя:

— Нет, не понимаю. То есть ты, может быть, и прав, но как мы это узнаем?

— С помощью мезонов. Любая крупная ядерная энергоустановка, которая у них есть, должна вырабатывать так много К-мезонов, что мы сможем уловить пионы, которые принадлежат нашей вселенной. Если нам это удастся, то мы сможем построить свой лучевой генератор, выйти на орбиту, совпадающую с орбитой планеты, разместимся прямо в ее центре. Используем следующую систему, чтобы бить в одну точку. Туда, где находится энергоустановка. Кто-нибудь должен находиться там. Нас заметят и ответят.

— Если, если, если!.. — воскликнула она, едва не плача. — По-

пробуйте. Никакого ответа вы не получите от ваших проклятых призраков.

И они попробовали.

Десять мужчин и столько же женщин заполнили кают-компанию «Шикари». Нашедшиеся среди них художники еще раньше пытались оживить ее настенными росписями, но эти сентиментальные пейзажи лишь подчеркивали утилитарность помещения. Шум дыхания, едва слышное перешептывание, шарканье ног нарушало тишину, сплетаясь с бесконечным гудением самого корабля.

Командир Натан взглянул на них. Он уже провел свой корабль сквозь пустоту, и ему еще предстояло довести его домой. Но годы взяли свое, подточив его, и он уже не мог диктовать людям свою волю, не интересуясь их мнением. Маленький, сгорбленный, слегка трясущийся, он произнес:

— Вы ведь знаете, зачем мы здесь собрались. Но я думаю, что лучше будет, если я вкратце изложу суть дела. В противном случае мы можем уклониться от основной темы разговора.

На теневой Земле есть жизнь. Разумная жизнь, обладающая техникой, которая не уступает нашей, а может быть, и превосходит ее. Это установлено точно, так как на наши сигналы мы очень быстро получили ответ. Соответствующий набор импульсов был направлен в центр планеты, туда, где был наш корабль. Это дает возможность оценить их уровень развития. Кроме того, это доказывает, что сквозь их вселенную можно послать пучок частиц. Но человек не может определить, есть ли у них какой-то туннель или они используют неизвестный нам индукционный эффект, а может быть, что-нибудь еще. Очевидно одно — они стремятся установить с нами связь.

— Я тоже так думаю! — рявкнул Руварац. — Будь я Иуда, если не так! На протяжении всей своей истории они находились, как им представляется, в межзвездной пустоте. И ни одной звезды, только несколько клубящихся туманностей. Ни черта больше. Спорю, что им понадобился миллион лет, чтобы перейти от собирания кореньев к науке. Они знают, что ими правило невидимое солнце, и это все, что они знают, несчастные, одинокие существа!

— Пожалуйста, — содрогнулся Натан. — Не надо! За последние несколько часов и так было многовато эмоций. Это деловое собрание.

— Но черт возьми, это дело нам безразлично. Мы должны решить, как нам поступить. — Янис ущипнула Рувараца за руку, он проворчал что-то и сел.

— Проблема состоит вот в чем, — сказал Натан. — Пионы дают нам возможность установить с ними связь. Мы можем перейти от импульсного кода к... к чему-нибудь еще, это теоретически. Со временем мы даже сможем обмениваться изображениями. Но на это потребуется немало сил и времени. Придется построить установку, которую вряд ли будет возможно транспортировать на каком-нибудь

корабле. Фактически мы будем вынуждены разместить «Шикари» на Теневой Земле и открыть там исследовательский центр. Потом, когда мы проведем соответствующие эксперименты, отладим приборы, начнется двусторонний процесс создания взаимно понятного языка. Понадобятся годы, чтобы только приступить к осуществлению этого проекта. А весь проект займет столетия и более того. Но вас нанимали только на год. Согласно правилам, за исключением крайних случаев, для того чтобы изменить условия найма, требуется согласие двух третей участников экспедиции. И тогда меньшинство подчиняется большинству. Короче говоря, мы должны проголосовать, возвращаться нам или оставаться. Предлагаю начать обсуждение.

Поднялось несколько рук.

— Доктор Вилер, — произнес Натан.

Астрофизик поднялся. Он так и светился энтузиазмом.

— О моем желании знают все, — начал он. — Года — нет, времени осталось даже меньше, — едва ли хватит, чтобы хотя бы приступить к изучению Ахрона. Лично я с удовольствием посвятил бы этому остаток своей жизни. Но, конечно, не все присутствующие здесь разделяют мое желание. Поэтому я хотел бы напомнить вам, что такое Теневая Земля. Это целый мир. Мир со своей геосферой, матеосферой, океаносферой и биосферой, со своей химией, там своя цивилизация, с долгим опытом, искусством, философией, да и наукой тоже. Может быть, это звучит фантастически, но не исключено, что они научат нас путешествовать со скоростью большей скорости света. И тогда вся галактика будет открыта для человечества. Но даже если этого и не случится, мы сможем рассказать Земле такое, о чем она даже и помыслить не могла. Мы должны оставаться. Это наш долг.

— Шеф Монтелиус. По-моему, вы против.

— Да, — ответил главный инженер. — У меня дома семья. Если на Земле захотят узнать побольше о теневой вселенной, они могут послать другую экспедицию и набрать людей, которые отправятся туда с охотой. А я, я лучше останусь на Земле.

Янис едва сдержала радостный возглас.

— Нет-нет, доктор Вилер, пожалуйста, ждите теперь своей очереди, Доктор Сэтл.

— Я не уверен, что Земля отправит еще один корабль, — сказал инженер по динамике плазмы. — Я буду говорить откровенно и надеюсь, что никто не припомнит мне это, если мы все-таки вернемся. Решение о второй экспедиции будет принимать Зеарх, а он, вероятно, обдумает все, и не раз. Революция в философии и науке неминуемо приведет к социальной революции. Ему даже не надо будет прибегать к официальному отказу. Достаточно убедить всех, что Ахрон удаляется от нас все дальше и вторая экспедиция невозможна.

Руvaraц вскочил на ноги.

— Верно! — заорал он.

— Вы нарушаете порядок, — запротестовал Натан:

— Виноват. Но послушайте. — Массивная фигура пилота нависла над собравшимися, он полуугрожал, полуумолял. — Это с какой радости правительство, которое удерживает власть с помощью оружия, захочет чего-то нового? Все было о'кей, пока ученые играли своими игрушками. Экспедиция на какую-нибудь ничемную мертвую звезду делала их счастливыми. Что им было до человеческих забот, с чего бы им интересоваться чем-то наподобие свободы? А это? Нет! Я там был, и вот что я вам скажу.

Если мы останемся и сообщим на Землю о наших открытиях, у них не будет другого выхода, кроме как послать сюда еще один корабль с более сложной аппаратурой. В деле управления миром государство зависит от профессионалов. Пусть эти парни заинтересуются — и как только мы начнем посылать ценную информацию, оно — правительство — вынуждено будет уступить в надежде на то, что эти знания можно использовать в своих целях. А теперь можете возвращаться домой, если хотите.

— Ахерон вместе с нами отдаляется от Земли с каждой секундой, — заметила Янис. — Нужно будет построить новый корабль, послать сюда... Сколько лет на это уйдет?

Начался бедлам. Все повскакивали со своих мест, каждый норювил перекричать соседа. Натан пытался что-то сказать, но его никто не слушал.

Руvaraц выскочил вперед. Он набрал воздуха и рявкнул, перекивая галдеж.

— Тихо! Или я разобью кому-нибудь башку.

— Попробуй, — крикнул красный от злости Монтелиус.

Руvaraц взглянул на него с высоты своего роста и молодости и сквозь стихающий шум ответил:

— Ты мне друг, Конрад, и мне неприятно с тобой ссориться. Но я смогу пойти и на это, ты меня знаешь.

— Карл, — взмолилась Янис. — Твой голос дошел до их ушей, но не до мозгов.

Он еще раз призвал их к порядку, а затем начал говорить, вкладывая в слова всю свою энергию и убежденность.

— Послушайте, — начал он. — Вот вы... некоторые из вас хотят вернуться. Вернуться к зеленым холмам Земли. Но к каким зеленым холмам? Если вы стоящие люди, то вы и здесь найдете квадратный километр, который не будет населен мерзавцами. Если же вы хотите сделать так, как приказывает государство, вы можете вернуться и жить безмятежно и мирно, как коровы в хлеву. Но я не думаю, что вы такие. Если бы вы такими были, то вас здесь попросту не было бы.

Мы можем устроить себе здесь неплохую жизнь. Если разобрать некоторые блоки, у нас будет вдвое больше места, чем сейчас. Кто

хочет, может устроить себе довольно комфортабельное жилище. Боже, да разве у древних монахов были лучшие условия!

И мы не будем сидеть и скучать. Там, на Теневой Земле, живут неплохие парни. Готов поспорить, что через год-два они найдут способ установить с нами надежный контакт. А когда мы начнем изучать то, что знают они, мы соорудим такую аппаратуру и будем проводить такие эксперименты, что сам черт побоится связываться с нами. О'кей, может быть, корабль номер два прибудет не скоро, но мы не успеем состариться, когда он прилетит. Что касается меня, то я хотел бы остаться здесь и на потом. До тех пор, пока мы не построим себе корабль типа этой самой Теневой Земли, который позволит и нам путешествовать по галактике. Имеем ли мы право лишать нашу расу такой возможности? Или, может быть, мы уверены, что таких шансов нам еще представится миллион?

Не думайте, я сам никакой не подвижник и не альтруист. Я только говорю, что мы можем хорошо провести здесь время — гораздо лучше, чем кто бы то ни было со времен Колумба. Ну, что вы об этом думаете?

В силе есть тайна и магия. Назовите это массовым психозом. Назовите даром божьим или манной небесной — все равно вы будете ходить вокруг да около настоящего названия, которое сами не понимаете. Натан отдал все свои силы этому кораблю и всем другим кораблям, которыми раньше командовал. У Вилера этих сил никогда и не было. В сегодняшнем споре Руварац оказался самым сильным на корабле. Это вроде бы не должно было иметь никакого значения, ведь никто не собирался драться. Однако где-нибудь в джунглях это было бы важно. Здесь же он был сильнее всех психологически, ибо знал, чего хотел.

Позже, когда они остались в кабине одни, Янис долго смотрела на него. Она не плакала, в ней не было отчаяния.

— По-моему, я должен извиниться, — неловко начал он. — По крайней мере, перед тобой.

— Не за что. — Ее слова утонули в шуме механизмов корабля.

— Я знаю, что ты предпочитаешь вернуться домой, растить детей и...

— Хотя и не твоих, — она попыталась улыбнуться. — Нет уж, я лучше изменю свое решение. — После паузы она продолжала: — Но я все-таки удивлена. Почему ты-то хочешь остаться здесь?... Запертый в металлическую коробку на всю оставшуюся жизнь. И вокруг ничего не будет, кроме недостижимых звезд. Ты же не ученый и не будешь разговаривать с Теневой Землей.

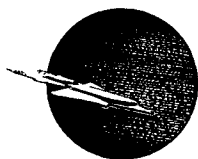
— Когда-нибудь буду, — ответил он, — с пилотом космического корабля из их вселенной.

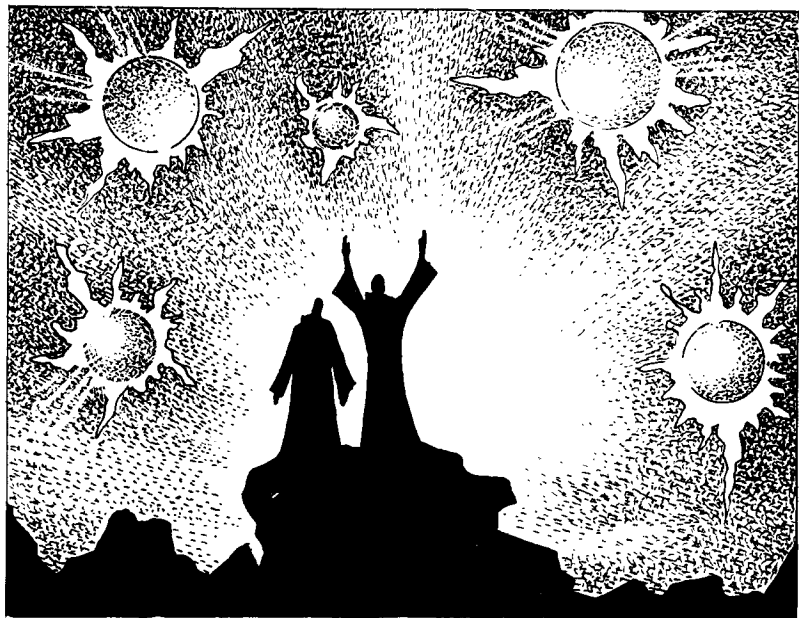
— О, да, у тебя есть мечта. Совершенно донкихотская мечта о странствиях по галактике. Но надежды на это так мало, ты не можешь не признавать этого; ты же не дурак. А что касается всего остального, науки, техники, свежего взгляда на мир, если этот взгляд не слишком чужд — даже всех изменений, которые могут произойти на Земле, так это ведь только вера, а ты не слишком-то доверчивый человек. Так что же это, Карл? Месть?

— Не думаю. — Он уселся на кровать рядом с ней.

— Тогда что же?

— Только то, что сейчас у меня в руке. — Он перевел взгляд с ее лица на переборку и увидел то, что за ней было, — Полярную звезду, Андромеду, совсем не враждебный космос. — Свобода. Сейчас я принадлежу сам себе.

Рэй Брэдбери

ОГНЕННЫЕ ШАРЫ

Ночью над сонными лужайками полыхнул огонь. Разноцветные ракеты отразились в глазах родственников, что стояли на крыльце, и упали вдали на сухой луч остывшими обугленными палками.

Его преподобие отец Джозеф Дэниэл Перигрин открыл глаза. Что за сон: он со своими двоюродными братьями, огненные забавы около древнего дедушкиного дома в Огайо. Как давно это было!

Он прислушался. И в соборе, и в соседних кельях стояла возвышенная тишина. Может, и другие священники лежат сейчас без сна и вспоминают Четвертое июля? Как в День Независимости руки твои полны громкими чудесами, ты стоишь на росистой дорожке, ожидая первого сотрясения, первого рывка.

И вот теперь двадцать священников затаили дыхание перед вознесением на Марс в ракете «Распятие», готовые воскурить свой ладан в бархатном соборе космоса.

— Зачем мы летим? — прошептал отец Перигрин. — Может, нам

сперва следовало бы разрешиться от своих грехов на Земле? Или мы просто бежим от самих себя?

Он тяжело поднял с лежанки свое тело.

— Откуда эта лень? — вслух удивился он. — Неужели я боюсь лететь?

Он шагнул под тугие струи душа.

— Я и тебя возьму на Марс, брренное тело, — сказал он сам себе, — а старые грехи оставлю на Земле. Обрету ли я на Марсе *новые* грехи?

Какая мысль! Грехи, которые еще не придуманы. Когда-то он написал книгу «Проблема греха на других мирах», но собратья сочли ее несерьезной и отвергли.

Прошлой ночью он беседовал об этом с отцом Стоуном.

— На Марсе грех может сперва показаться добродетелью, значит, мы должны будем ополчаться и против добродетельных деяний, которые с течением времени могут обернуться грехами, — с улыбкой говорил отец Перигрин. — Как это увлекательно! Ведь со времен первых миссионеров минули столетия!

— Я и на Марсе распознаю грех, — сухо ответил отец Стоун.

— Конечно. Мы, священники, гордимся тем, что краснеем в присутствии греха, словно лакмусовая бумажка. А что, если химия Марса *вообще* не позволит нам краснеть? Если на Марсе нас ждут новые ощущения, то мы должны допускать возможность нераспознаваемого греха, — возразил отец Перигрин.

— Где нет злого умысла, там нет ни греха, ни наказания за него — так учит Господь, — ответил отец Стоун.

— Да, но это на Земле. А почему бы марсианскому греху не проявляться подсознательно, телепатически, вне человеческого разума как такового и без злого умысла? Что тогда?

— Откуда же возьмутся эти новые грехи?

Отец Перигрин подался вперед.

— *Одинокий* Адам был безгрешен. Добавьте Еву, и вы добавите искушение, добавьте второго мужчину — и станет возможен адюльтер. Прибавив другой пол или других людей, вы прибавите грех. Если у человека нет рук, он никогда не сможет задушить, следовательно, грех убийства для него исключен. Дайте ему руки, и появится возможность насилия. Амебы не знают плотского греха, ибо размножаются делением. Они не убивают ближнего своего, не вожделеют жены его. Добавьте им пол, руки, ноги, лицо или уберите что-нибудь из этого набора, и вы прибавите или отнимете возможность грешить. Если у марсиан есть какие-то неизвестные органы чувств, какие-нибудь непредставимые части тела, то могут быть новые грехи, не так ли?

— Похоже, такие рассуждения доставляют вам удовольствие, — вздохнул отец Стоун.

— Таким образом я поддерживаю дух свой, святой отец.

— Вы ведь против церковного антуража — свечей, лампад и потиров?

— Да. Из-за них церковь выглядит как площадной балаган, где медленно расходится занавес и напудренные, наделенные властью люди-статуи тщатся изобразить абстракцию, именуемую Красотой. Правда, я надеюсь, что среди этих статуй всегда найдется место и для меня. А вы, святой отец?

Отец Стоун поднялся.

— Я думаю, нам следует поспать. Через несколько часов мы отправляемся искать эти ваши новые грехи, отец Перигрин.

Ракета была готова к старту. Священники выходили из своих келий в морозное утро — лучшие проповедники Нью-Йорка, Чикаго и Лос-Анджелеса, церковь посылала избранных из сынов своих — и шли через весь город к заиндевевшему взлетному полю. По пути отец Перигрин вспоминал слова епископа:

«Отец Перигрин, вы станете главой миссии, а отец Стоун — вашим помощником. Избирая именно вас, я испытывал досадную неуверенность, но ваш памфлет об инопланетном грехе сделал свое дело. У вас гибкий ум. Ведь Марс похож на грязный чулан, которым тысячелетиями пренебрегали, и грех скопился там, словно старая рухлядь. Марс вдвое старше Земли, там было вдвое больше ночей, вдвое больше эротики и оргий. Когда мы откроем дверь в этот чулан, все это вывалится на нас. На Марсе нам нужен человек с живым, изворотливым умом. Догматик просто сойдет с ума, расколется надвое. Вы же, отец Перигрин, будете эластичны, я чувствую это. Благословляю вас на великий труд».

Епископ, а следом и другие священники преклонили колена. Ракету благословили, окропили святой водой. Поднявшись с колен, епископ сказал:

— Я уверен, что вы с Божьей помощью подготовите марсиан к принятию Его истины. Желаю вам *содержательного* путешествия.

Двадцать человек прошли мимо епископа, шурша рясами, по очереди влагая свои руки в его мягкие ладони, и скрылись в блестящем снаряде.

— А что, если Марс — это ад? — сказал отец Перигрин. — Может, он только и ждет нас, чтобы взорваться серой и пламенем?

— Господь да пребудет с нами, — ответил отец Стоун.

Ракета взлетела.

Исход из космоса был подобен исходу из невиданного прекрасного храма, а Марс ощущался дорожкой в церковном дворе через пять минут после того, как ты *по-настоящему* познал любовь к Богу.

Священники робко вышли из ракеты, окутанной клубами пара, и преклонили колена на песках Марса. Отец Перигрин вознес благодарственную молитву:

— Господи, благодарим Тебя за путешествие в Твоих пространствах. Мы достигли новой земли, Господи. И нам нужны новые глаза... И новые уши, дабы услышать новые звуки. Мы найдем здесь новые грехи и просим Тебя даровать нам новые сердца — лучше, крепче и чище наших. Аминь...

Все восстали с колен.

Марс походил на океан, в глубинах которого, отыскивая следы жизни, пробивается субмарина. Это была область неведомого греха. О, как они должны быть осторожны — ведь каждый шаг, каждый вздох и каждая мысль могли оказаться греховными в новой стихии!

Священников встречал мэр Фесттауна, первого марсианского города.

— Чем я могу помочь вам, отец Перигрин? — спросил он, протягивая руку.

— Я должен побольше узнать о марсианах; это нужно для строительства собора. Если они десяти футов роста, мы сделаем большие двери. Если у них голубая, зеленая или красная кожа, мы перекрасим фигуры в витражах. Если они слишком тяжелы, мы сделаем для них крепкие скамьи.

— Думаю, марсиане не доставят вам особых хлопот, святой отец, — ответил мэр. — Они делятся на расы. Одна из них вымерла почти целиком, а немногие уцелевшие скрываются от нас. Что до второй расы... они совсем не похожи на людей.

— Вот как! — Сердце отца Перигрина забилося сильнее.

— Это светящиеся шары, святой отец, и живут они вон в тех горах. Никто не знает, люди они или животные, но мне приходилось слышать, что они способны к осмысленным действиям. — Мэр пожал плечами. — Конечно, поскольку они не люди, вы не будете опекать их...

— Напротив, — быстро возразил отец Перигрин. — Вы сказали, они способны действовать осмысленно?

— Рассказывают, что один геолог сломал в горах ногу и наверняка бы погиб, если бы не голубые шары. Они приблизились к нему, он потерял сознание и очнулся уже на шоссе. Никто не понимает, как он попал туда.

— Пьян был, — сказал отец Стоун.

— Так рассказывают, — ответил мэр. — Словом, отец Перигрин, эти шары — практически единственные марсиане. Мне кажется, вам лучше обосноваться в Фесттауне. Марс только что открыт; это фронт, какими когда-то были Дальний Запад и Аляска. Люди сюда валом валят — в одном только Фесттауне две тысячи мрачных ирландских механиков, землекопов и поденщиков. И все они нужда-

ются в спасении души: с ними прилетело слишком много порочных женщин, а здесь осталось слишком много марсианского вина тысячетней давности...

Отец Перигрин неотрывно смотрел на голубые предгорья.

Отец Стоун тихо покашлял.

— Что скажете, святой отец?

Отец Перигрин не слышал его.

— Голубые пламенные шары, вы говорите?

— Да, святой отец.

Отец Перигрин перевел дух.

— Голубые шарики, — покачал головой отец Стоун. — Цирк какой-то!

Отец Перигрин тайком пощупал бешеный пульс. Перед ним лежал маленький пограничный городок с обычными своими грехами, а поодаль вздымались древние горы с грехами древними и, может быть, непостижимыми.

— Мистер мэ, могут ваши мрачные землекопы лишний день пожариться в адском пламени?

— Могут, если почаще поливать их соусом.

— В таком случае, мы отправимся туда, — отец Перигрин указал на горы.

Священники заворчали.

— Пойти в город было бы слишком просто, — объяснил отец Перигрин. — Мне кажется, что если бы Господь пришел сюда и люди сказали бы ему: «Вот проторенная тропа», он ответил бы: «Покажите мне сорную траву; я проторю тропу через нее».

— Но...

— Подумайте, отец Стоун, разве не будет вас тяготить сознание, что мы пренебрегли некими грешниками и не простерли над ними длани свои?

— Но огненные шары!..

— А чем они хуже нас? Мне кажется, что поначалу человек казался смешным всем прочим тварям. Он был невзрачен, но у него была бессмертная душа. И мы обязаны считать, что и эти пламенные шары обладают душами, доколе не докажем обратного.

— Хорошо, — согласился мэ. — Но помните — город ждет вас.

— В свое время. Сначала позавтракаем. Потом мы с отцом Стоуном отправимся в горы. Я не хочу пугать этих огненных марсиан ни толпой, ни машинами. Завтрак готов?

Трапеза прошла в молчании.

День уже клонился к вечеру, когда отец Стоун и отец Перигрин пришли в горы. Они сели на камень, расслабились и ждали. Марсиан не было, и священники чувствовали смутное разочарование.

— Как вы думаете, — сказал отец Перигрин, отирая лицо, — если мы их позовем, они отзовутся?

— Вы когда-нибудь бываете серьезным, отец Перигрин?

— Нет, поскольку верую в Бога, а Бог несерьезен. И не смотрите на меня с таким возмущением. Мы ведь знаем о Боге лишь то, что Он есть любовь. А ведь любовь немыслима без чувства юмора. Если вы любите кого-то, то должны, в любом случае, терпеть его рядом, а это, в свою очередь, подразумевает, что вы будете хоть изредка ему улыбаться. Разве нет? Мы с вами — маленькие потешные зверьки, роющиеся в земной грязи, а Бог должен любить всех нас. Таким образом, мы апеллируем к Его чувству юмора.

— Я никогда не думал о Боге *так*, — сказал отец Стоун.

— Он создал носатую обезьяну, страуса и человека. Теперь вы меня понимаете? — улыбнулся отец Перигрин.

И тут из-за сумеречных холмов явились марсиане, словно ряд голубых фонарей.

Отец Стоун увидел их первым.

— Смотрите! — воскликнул он.

Отец Перигрин обернулся, и улыбка застыла у него на губах.

Среди мерцающих звезд трепетали пламенные голубые шары.

— Это чудовища! — отец Стоун даже подпрыгнул.

— Пойдите! — придержал его отец Перигрин.

— Вернемся в город!

— Нет. Смотрите и слушайте, — велел отец Перигрин.

— Я их боюсь!

— Не бойтесь. Они — божьи создания.

— Дьявольские!

— Успокойтесь, — вдруг улыбнулся отец Перигрин, и они замолчали, а пламенные шары, приблизившись, осветили их лица нежным голубым светом.

Отец Перигрин вздрогнул — он снова вспомнил вечер Четвертого июля, снова почувствовал себя мальчишкой, как в тот День Независимости, когда среди звездной россыпи взрывалось небо и от грома дрожали оконные стекла, словно лед в тысяче бокалов. Ночь озарялась разноцветными огнями, а дяди, тети, двоюродные братья и сестры всякий раз вскрикивали «Ах!» И были Огненные Шары в больших и мягких дедушкиных ладонях. Как хорошо они запомнились! Шуршащие папиросной бумагой, словно крылья майского жука, они лежали в своих коробках, дожидаясь дня торжеств и фейерверков, когда их достанут и осторожно расправят. Синие, белые, красные — всех цветов родного флага — Огненные Шары! Слово в тумане плыли перед ним дорогие лица родственников, давно умерших, давно покоящихся под мшистым покрывалом. Дедушка зажигает тонкую свечку, шары наполняются горячим воздухом, обретая форму, наполняются светом... И вот — чудесное видение — дедушка разводит

ладони, и они улетают до следующего года, до следующего Дня Независимости, следующего прекрасного воскресения. Они поднимаются выше и выше, летят сквозь жаркие созвездия летней ночи, отражаются в широко распахнутых глазах, плывут вглубь Иллинойса над ночными реками и сонными особняками, уменьшаются, улетают...

Отец Перигрин почувствовал, как к глазам его подступают слезы. Над ним Огненными Шарами реяли марсиане. На мгновение ему показалось, что дедушка воскрес и стоит рядом.

Но это был отец Стоун.

— Ради Бога, святой отец, идемте отсюда, — говорил он.

— Я должен говорить с ними. — Отец Перигрин подался вперед, еще не зная, что скажет через минуту. Вспомнилось, как он шептал Огненным Шарам: «Вы прскрасны, вы прекрасны», но сейчас этого было мало. Он еле поднял отяжелевшие руки и выдохнул слово, которое еще в детстве хотел прокричать Огненным Шарам:

— Здравствуйте...

А шары все плыли на фоне ночи, словно отраженные в темном зеркале — неподвижные, сверхъестественные, вечные.

— Мы пришли с именем Божьим, — сказал небу отец Перигрин.

— Глупости, глупости, глупости! — вскрикнул отец Стоун. — Отец Перигрин, перестаньте ради Бога!

Светящиеся сферы моментально скрылись в горах.

Отец Перигрин воззвал снова, и эхо потрясло вершины гор. Лавина дохнула пылью, помедлила и, рокоча камнями, понеслась на них.

— Смотрите, что вы наделали! — крикнул отец Стоун. Отец Перигрин, все еще очарованный, взглянул и ужаснулся. Бежать было бесполезно — все равно камни догонят их и сотрут в порошок. Он лишь успел вздохнуть:

— О Боже!

...и камни упали.

— Отче!

Их выметнуло, словно мякину с веялки. Вспыхнуло голубое сияние, звезды померкли, прогрохотало, и они оказались на крепкой скале, в двух шагах от места, где должны были упокоиться их тела.

Голубое сияние погасло.

Священники стояли, вцепившись друг в друга.

— Что это было?

— Нас спасло голубое сияние!

— Нет, мы успели убежать!

— Это шары спасли нас!

— Невозможно!

— И все-таки это они.

Небо опустело. Ощущение было такое, словно вдруг умолк огромный колокол, но его отзвук еще вибрировал в зубах и костях.

— Скорее идемте отсюда. Вы чуть не погубили нас.

— Я уже давно не боюсь смерти, отец Стоун.

— Вы ничего не доказали. Эти голубые огни исчезли после первых же ваших слов. Бесполезно с ними разговаривать.

— Нет, — настаивал отец Перигрин, — они как-то спасли нас. Это достаточно доказывает, что у них есть души.

— Конечно, они *могли* спасти нас. Все было как в тумане. Но скорее всего, мы спаслись сами.

— Это не животные, отец Стоун. Животные не стали бы спасать неизвестных живых существ. Здесь налицо и милосердие, и сострадание. Возможно, завтра мы узнаем больше.

— Что мы узнаем?! Как? — Отец Стоун очень устал, все переживания души и тела отразились на его суровом лице. — Будем выслеживать их с вертолетов? Декламировать им Библию? Они же не люди — у них нет глаз, ни ушей, ни тел, подобных нашим.

— Зато я кое-что знаю о них, — отвечал отец Перигрин. — Мне ведомо великое откровение: они спасли нас, значит, они мыслят и отличают живое от неживого. Это ли не признаки души?

Отец Стоун разводил огонь, кашляя от едкого дыма.

— Я открою обитель для гусей и монастырь для свиней, — сказал он наконец, глядя на горящий хворост, — построю часовню под микроскопом и буду отправлять там службы, буду слушать их молитвы и выслушивать исповеди...

— Ох, отец Стоун...

— Простите, — покрасневшие глаза отца Стоуна блеснули поверх огня, — но уж больно это походит на крокодиловы слезы перед тем, как пожрать нас. Вы рискуете успехом всей нашей миссии, отец Перигрин. Мы принадлежим Фесттауну, там мы должны причащать и исповедовать.

— Вы можете распознать человеческое в нечеловеческом?

— Я бы гораздо охотнее искал нечеловеческое в человеческом.

— А если нам откроют грехи этих созданий, грехи, известные нашей морали, разве это не докажет их разумность и свободу воли?

— Для этого нужна великая убежденность.

Становилось холоднее. Они поужинали бисквитами и ягодами, глядя на огонь и думая каждый о своем, потом раскидали костер и улеглись. Желая оставить за собой последнее слово, отец Стоун сказал, глядя на дотлевающие угли:

— На Марсе нет ни Адама, ни Евы, ни новых грехов. Возможно, марсиане живут уже в царстве Божьей благодати. Тогда нам волею-неволею придется вернуться в город и спасти души землян.

Отец Перигрин помолился в душе своей за отца Стоуна, который сделался так мелочен и неразумен.

— Согласен, отец Стоун, но ведь марсиане убили нескольких пер-

вопоселенцев. Это грешно. Но здесь должны быть и новые грехи, и марсианский Адам, и марсианская Ева, которые не сохранили образ божий и скатились во грех.

Отец Стоун притворился спящим.

Отец Перигрин никак не мог заснуть.

Конечно, они не имели права бросить марсиан на произвол судьбы. Но разве нельзя преступить совесть и вернуться в людские города, что погрязли в грехах, где столько алчущих глоток и белотелых женщин с горящими глазами, развлекающих одиноких рабочих на ложе порока? Разве не там истинное место священника? Может быть, этот поход в горы — всего лишь его каприз? Думал ли он при этом о пользе Церкви Христовой или лишь об утолении своего ненасытного любопытства? Эти голубые шары — каким лихорадочным огнем пылают они в его душе! Какая же это непосильная миссия — отыскать душу под личиной человека в нечеловеческом образе. Неужели он столь возгордился, что счел себя в силах, пусть даже лишь в душе своей, обратить на путь истинный все пламенные сферы, обитающие на этом огромном холмистом бильярдном столе? Вот он, грех гордыни! Вот цена дел твоих! Но ведь эти греховные гордыни мысли родила Любовь: он так любил Бога и был так счастлив этим, что хотел одарить этим счастьем и всех остальных.

Уже засыпая, он снова ощутил голубос пламя, словно огромные ангелы слетелись тихо и напевали ему в его беспокойном сне.

Они сияли в небе и ранним утром, когда отец Перигрин проснулся.

Отец Стоун тихо спал, свернувшись в тугой клубок, а отец Перигрин, заметив марсиан, не отводил от них взгляда. Он знал, что они человечны, но это предстояло доказать, иначе епископ отстранит его и освободит дорогу более способному.

Но как это докажешь, если они скрываются в высях небесного свода? Как приблизишься к ним и как согласишься?

«Они спасли нас от обвала».

Отец Перигрин поднялся, прошелся меж камней и начал взбираться на ближайшую гору, пока не достиг крутого утеса футов двести высотой. Он остановился, перевел дух: от энергичного восхождения он задохнулся морозным воздухом.

«Если я упаду отсюда, то непременно разобьюсь...»

Он бросил вниз камешек. Секунду спустя донесся щелчок.

«...и Господь никогда не простит меня».

Он швырнул другой камешек.

«Но это не будет самоубийством, ведь я делаю это во имя Любви...»

Он поднял взгляд к голубым шарам.

«Но сначала — попытаюсь еще раз... Эй! Здравствуйте!»

Отзвуки заметались в скалах, догоняя друг друга, но голубые огни не шевельнулись.

Он звал их минут пять кряду... потом глянул вниз, на отца Стоуна, — тот спал как ни в чем не бывало.

«Я должен доказать... — Отец Перигрин встал на кромку утеса. — Я уже стар, мне не страшно. Бог, конечно, поймет, что я сделал это во славу Его имени».

Он глубоко вздохнул: вся жизнь проплыла у него перед глазами.

«Неужели через мгновение меня не станет? Я боюсь, я слишком люблю жизнь. Но Его я люблю больше».

Он уже падал.

— Болван! — крикнул он, падая и падая. — Ты убьешься!

Камни рванулись навстречу — он уже видел себя распростертым на них, разбитым, мертвым. «Зачем?!» Он знал зачем, и это успокоило его. Вокруг выл ветер, камни неслись навстречу.

И вдруг звезды сорвались с мест, полыхнуло голубым, и отец Перигрин почувствовал, что висит в воздухе, окруженный голубой аурой. А в следующую секунду его, живого и невредимого, перенесли на тот камень, где он раньше сидел. Он недоверчиво ощупал себя, посмотрел на голубые огни — те ушли в поднебесье.

— Вы спасли меня, — вздохнул он, — не дали погибнуть. Значит, вы знали, что я заблуждался.

Он обрушился на отца Стоуна, тряс его, бегал вокруг.

— Подымайтесь, святой отец! Они спасли меня!

— Кто? — Отец Стоун, моргая, сел на своем ложе.

Отец Перигрин поведал ему о своем приключении.

— Это был сон, кошмар, ложитесь-ка вы спать вместе со своими шариками, — раздраженно отвечал отец Стоун.

— Но я же не спал!

— Ну-ну, отец Перигрин, полно, успокойтесь.

— Вы мне не верите? У вас есть оружие? Дайте-ка мне.

— Зачем? — Отец Стоун достал маленький пистолет — он держал его для защиты от змей и тому подобных тварей.

Отец Перигрин схватил оружие.

— Я докажу. — Он направил дуло на левую свою ладонь и выстрелил.

— Стойте!

Загорелось голубое пламя, и на глазах у священника пуля застыла в воздухе, повисла над раскрытой ладонью отца Перигрина. Она висела так целую секунду, окруженная голубым ореолом, а потом, шипя, упала в пыль.

Трижды стрелял отец Перигрин — в руку, в ногу, в туловище — и

трижды пули окутывались сиянием, зависали и падали к его ногам, словно мертвые жуки.

— Видите? — Он спустил руку, выронил пистолет. — Они разумны. Они думают, рассуждают, им ведомы моральные понятия. Разве животное стало бы спасать меня от самоубийства? Нет, на это способен только человек. Теперь-то вы поверили, святой отец?

Отец Стоун посмотрел на небо, на голубые огни, потом молча опустился на колени, собрал еще горячие пули и крепко зажал их в кулаке.

Позади вставало солнце.

— Мне думается, — сказал отец Перигрин, — нам следует пойти к остальным, рассказать им обо всем и привести сюда.

Когда солнце поднялось, они пошли назад, к ракете.

Посреди черной доски Перигрин начертил ровный круг.

— Это Христос, Сын Божий.

Он притворился, что не слышит шиканья.

— Это Христос во славе своей, — продолжал он.

— Это больше походит на геометрическую теорему, — заметил отец Стоун.

— Неудно замечено, ибо каждый из нас — доска, а на ней символы. Вы должны согласиться, что Христос ничего не утратит, если и Его муки олицетворял крест. А этот круг — Марсианский Христос. Только так мы принесем имя Его на Марс.

Священники переглянулись, раздраженно зашушукались.

— Вы, брат Матиас, сделаете стеклянный шар примерно такой величины, и чтобы светился он изнутри. Его мы и поставим на алтаре.

— Отдает дешевым шаманством, — проворчал отец Стоун.

— Напротив, — терпеливо продолжал отец Перигрин. — Мы дадим им понять образ Бога. Как вы думаете, приняли бы мы Христа, явись он на землю в образе осьминога? — Он развел руками. — Или это дешевое шаманство Бога — посылать нам Спасителя как Иисуса в человеческом облике? Когда мы воздвигнем здесь храм, освятим его и алтарь, и этот символ, неужели Бог откажется вселиться в него? Не откажется, и вы узнаете это в сердцах своих.

— Но образ бездушных тварей!.. — с сомнением сказал брат Матиас.

— Я уже много говорил об этом, брат Матиас, Они спасли нас от лавины. Они сознают, что самоубийство грешно, и препятствовали ему раз за разом. Значит, мы должны возвести храм, жить среди марсиан, отыскивать марсианские, чуждые грехи и помогать нашей новой пастве познать Бога.

Видно было, что такая перспектива не воодушевила священников.

— Неужто вас смущает их необычный вид? — удивился отец Перигрин. — Но много ли значит обличье? Ведь оно — только вместилище пламенной души, коей нас наделил Господь. Если завтра я узнаю, что морские львы вдруг обрели разум, свободную волю, знание без греха и знание, что есть жизнь, справедливый и милостивый нрав, и живут в любви, я построю храм для них. Если завтра, Божьим соизволением, бессмертные души обретут воробы, я наполню храм гелием и уподоблюсь им; я буду проповедовать всем, у кого есть свободная воля и осознание грехов своих, вне зависимости от их обличья, что будут они вечно гореть в адском пламени, если не вкусят святого причастия. Я не могу оставить марсиан в геенне только потому, что моим глазам они представляются шарами. Когда я закрываю глаза — передо мною доброта, любовь, душа... Я не имею права их отвергнуть.

— Но при чем здесь стеклянный шар, который вы собрались установить на алтарь? — возразил отец Стоун.

— Возьмем для примера китайцев, — невозмутимо ответил отец Перигрин. — Какому Христу поклоняются китайские христиане? Естественно, восточному Христу. Все вы видели китайские национальные действия. Во что там одет Христос? В восточный халат. Что его окружает? Бамбук, туманные горы, искривленные сосны. У него узкие глаза, скуластое лицо. Каждая страна, каждая раса добавляют нашему общему Богу что-то свое. Вспомните святую деву Гваделупскую, ей молится вся Мексика. Какая у нее кожа? Смуглая, как у тех, кто ей поклоняется. Разве это богохульство? Вовсе нет. Было бы нелогично, если бы эти народы приняли бога другой расы. Я часто удивляюсь, как это наши миссионеры явились в Африку с белоснежным Христом. Правда, многие африканские племена почитают белый цвет священным, но минет время — и африканский Христос потемнеет. Внешний вид не имеет значения. Мы не можем надеяться, что марсиане предпочтут форму, отличную от них самих. Мы должны принести им Христа, похожего на марсианина.

— Я вижу упущение в ваших доказательствах, — сказал отец Стоун. — Марсиане заподозрят нас в лицемерии, когда увидят, что мы сами поклоняемся не сфероидальному Христу, но человеку с руками, ногами и головой. Как мы объясним такую разницу?

— Этого никто из них не увидит. Христос здесь, будь он в человеческом или сферическом образе, и каждый народ будет поклоняться Ему, а не той или иной форме. Более того, мы должны *уверовать* в шар, который даем марсианам, хотя эта форма и непривычна для нас. Этот шар *станет* Христом. А мы должны помнить, что и мы сами, и образ нашего, земного Христа покажутся марсианам забавными, неадекватными и бессмысленными.

Отец Перигрин положил мелок.

— А теперь — отправимся в горы и воздвигнем там наш храм. Священники начали собираться.

Марсианский храм совсем не походил на церковь: на одной из тор нашли ровную площадку, убрали с нее камни, приладили и подмости. Брат Матиас поставил на алтарь пылающую сферу.

К концу шестого дня «храм» был готов принять паству.

— А что мы будем делать с этим? — Отец Стоун коснулся чугунного колокола. — Что он значит для них?

— Если честно, я взял его для нас самих, — признался отец Перигрин, — для нашего собственного успокоения. Ведь нам здесь нужно что-то хорошо знакомое; ибо храм наш мало похож на церковь. Мы чувствуем себя неловко — даже я, уж больно здесь необычно. Временами я кажусь себе клоуном и тогда молю Господа ниспослать мне новые силы.

— Многие священники смущены вашей затеей, а некоторые подшучивают над ней, отец Перигрин.

— Знаю. Вот для них мы и повесили колокол на маленькой звоннице.

— А как насчет органа?

— Завтра, на первой службе, он непременно будет звучать.

— Но ведь марсиане...

— Знаю. Это нужно, чтобы поддержать наш дух нашей родной музыкой. Возможно, потом мы узнаем их мелодии.

Воскресным утром они встали чуть свет и вышли на мороз, словно бледные призраки, в одеждах, хрустящих от инея, и наполнили звонкие чаши святой водой.

— Я вот думаю, какой нынче день на Марсе, воскресенье ли?.. — начал было отец Перигрин, но, заметив, как передернуло отца Стоуна, поторопился закончить: — Сегодня может быть и вторник, и четверг — кто знает? Не обращайтесь внимания, все это только игра ума. Главное — для нас сегодня воскресенье. Идемте.

Дрожа от холода, священники собрались на площадке «храма».

Отец Перигрин прочел краткую молитву и положил холодные пальцы на мануал органа. Музыка рванулась вверх, словно стая прекрасных птиц. Будто выпалывая сорную траву в заросшем саду, он перебирал клавиши, и чудные звуки, дрожа, унеслись в горы.

Музыка успокаивала ветер, и в воздухе разнесся свежий запах утра. Она плыла среди гор, и с камней дождем облетала древняя пыль.

Священники ждали.

— Ну, отец Перигрин, что-то я не вижу наших приятелей, — заметил отец Стоун, глядя в пустое небо, где поднималось багровое солнце.

— Попробуем еще раз, — вытирая испарину, ответил отец Перигрин.

Он возводил здание Баха, слагая из прекрасных камней собор мелодии, огромный, словно собор Святого Петра. Музыка не разрушалась, не падала, она повисала в воздухе и с грядями облаков уноси-лась в далекие страны.

Небо оставалось пустым.

— Они придут! — сказал отец Перигрин, заглушая растущую в сердце панику. — Давайте молиться. Давайте попросим их прийти к нам — они читают мысли, они *услышат*.

Шепча и перебирая четки, священники опустили-сь на колени. Они молились.

И вот с востока, из-за гор, покрытых льдом, пришли пламенные шары. Было семь часов марсианского утра. Было воскресенье, или пятница, или понедельник.

Шары плыли, опускались, заполняли собой площадку вокруг дрожащих священников. «Благодарю, благодарю тебя, Господи!» — отец Перигрин все играл, крепко зажмурившись. Потом повернулся, оглядел свою чудную паству.

И тут они слышали в душах своих голос. Голос рек:

— Мы пришли ненадолго.

— Вы можете остаться здесь, столько захотите, — сказал отец Перигрин.

— Ненадолго, — спокойно продолжал голос. — Мы должны сказать вам нечто. Это не займет много времени. Но мы надеемся, что вы и без нас сможете продолжить свое дело.

Отец Перигрин хотел что-то сказать, но голос перебил его.

— Мы древние. — Голос проникал в мозг, расцветая там голубым газовым пламенем. — Мы — старые марсиане, покинувшие мраморные города, ушедшие в горы и отрешившиеся от всего, чем жили. Давным-давно мы стали такими, какими вы нас видите теперь. Когда-то мы были людьми, и у нас были тела, руки, ноги — почти как у вас. Предание гласит, что один из нас, добрый и умный, нашел способ освобождать душу и разум от телесных и духовных немощей, от стареющего и смертного тела — и мы превратились в голубое пламя и стали жить среди небес, ветров и гор с тех пор и навеки, не ведая ни гордости, ни высокомерия, ни богатства, ни бедности, ни жары, ни холода. Мы живем вдали от всего мира, от всех людей, от всего, что оставили. Мы забыли все это, и о нас забыли. Мы не бодем, не умираем, мы отрешились от бранных тел и живем под сенью Божьей милости. У нас ничего нет, и мы ничего не хотим. Мы не крадем, не убиваем, нам чужды вождение и ненависть. Мы не размножаемся, не едим, не пьем, не воюем. Вся чувственность, все телесные грехи остались позади, словно детские болезни, вместе с нашими телами. Мы отрешились от греха, отец Перигрин, и он сгорел, словно осенние листья, исчез, словно грязный снег плохой зимы, он утрачен, как подснежники после весенних заморозков, потерян, как душевные ночи

жаркого лета. Наши погоды умеренны, а владения богаты размышлениями.

Отец Перигрин встал, ибо голос звучал в нем с такой силой, что ощущался почти физически. Он был в экстазе, словно голубой огонь очищал его.

— Мы решили рассказать вам все это, ибо ценим ваши старания ради нас, хотя и не нуждаемся в них: ведь каждый из нас — сам себе храм, и ему не нужно место, где бы он очищался душой. Простите, что не пришли сразу, но ведь уже десять тысяч лет мы ни с кем не разговаривали, ни во что не вмешивались. Мы не хотим мешать жизни на этой планете, какой бы она ни была. Поймите, мы словно те лилии, что не прядут. Нам хорошо. И мы советуем перенести ваш храм в новый город и там очищать души, ибо, уверяем вас, мы живем мирно и счастливо.

Священники стояли на коленях, залитые голубым светом, и отец Перигрин тоже опустился на колени, и они плакали. Время шло, и они все плакали, не обращая ни на что внимания, ни о чем не думая.

Голубые шары зашевелились и стали один за другим подниматься в холодную небесную высь.

— Можно мне!.. — робко позвал отец Перигрин. — Можно мне когда-нибудь вернуться? Я хочу слышать вас.

Голубые огни вспыхнули ярче. Воздух затрепетал.

Да. Когда-нибудь он снова встретится с ними. Когда-нибудь.

А теперь огненные шары улетели, исчезли, а он, коленопреклоненный, снова чувствовал себя тем мальчиком, что со слезами на глазах кричал Огненным Шарам: «Возвращайтесь! Возвращайтесь!» Словно дедушка мог взять его на руки и отнести в спальню давно покинутого дома в Огайо.

На закате они спустились с гор. Отец Перигрин оглянулся и увидел голубые огни. «Мы не сможем построить храм, достойный вас, — подумал он. — Вы сами — Красота Воплощения. Какой храм сравнится с фейерверком чистых душ?»

Следом за ним молча шел отец Стоун.

— Я вижу, — сказал он наконец, — что Истина есть на всех планетах. Все это — части одной Великой Истины. Придет некий день, когда все они соберутся вместе, словно куски мозаики, и день этот будет велик и поразителен. Марсианская истина ничуть не менее правдива, нежели земная, просто они лежали рядом. Мы пойдем к другим мирам, по кусочкам собирая Истину, пока в некий день она, всеобщая и целая, не засияет перед нами, словно свет нового дня.

— Такая уж нам выпала судьба, отец Стоун.

— Мне даже жалко возвращаться в город, к своим. Эти голубые

шары. Помните, как они собрались вокруг нас? И этот голос... — отец Стоун вздрогнул.

Отец Перигрин взял его за руку, и дальше они шли вместе.

— Вы знаете... — сказал, помолчав, отец Стоун, глядя на брата Матиаса, что шел впереди и осторожно нес стеклянный шар, пылающий вечным голубым огнем, — знаете отец Перигрин, эти шары...

— Да?

— Это был Он. Наконец-то это Он.

Отец Перигрин улыбнулся. Они вышли из гор и пошли к новому городу.

ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ

Был день Поминовения, и все, включая бабушку Лоблилли, шли по летней дороге, пока не очутились на дне земном и в небе высоком деревеньки Миссури, и пахло так, как бывает, когда один сезон сменяет другой, — зацветающими луговыми травами.

— Вот мы и пришли, — сказала бабушка Лоблилли, опираясь на палку, оглядела всех горячим взглядом своих карих с желтизной глаз и сплюнула в пыль.

Кладбище располагалось на пологом склоне холма. Здесь было царство просевших могил и деревянных крестов, пчелы жужжали среди тишины, а бабочки то складывали крылья-лепестки, то вновь расцветали в прозрачном голубом воздухе.

Высокий загорелый мужчина и женщина с зонтиком долго стояли молча, глядя на холмики, под которыми лежали их родственники.

— Ну, давайте работать! — сказала бабушка и заковыляла по влажной траве, быстро втыкая то здесь, то там свою палку. Остальные несли лопаты и специальные корзины, украшенные маргаритками и ветками сирени.

В августе правительство закрывало дорогу сюда, и, поскольку этим кладбищем не пользовались уже пятнадцать лет, родственники согласились на перезахоронение.

Бабушка Лоблилли опустилась на колени и взмахнула лопатой. Другие тоже копошились на могилах своих родных.

— Бабушка, — сказал Джозеф Пайкс — его тень была такой же большой, как и он сам. — Бабушка, ты не там копаешь. Это могила Уильяма Симмонса!

При звуке его голоса все остановились и прислушались. Стало так тихо, что можно было услышать бабочек, порхающих в прохладном полуденном воздухе.

Бабушка подняла глаза на Пайкса.

— Ты думаешь, я не знаю, что это его могила? Я не видела Уильяма Симмонса шестьдесят лет и собираюсь повидаться с ним сегодня.

Она мерно, лопата за лопатой, кидала жирную землю и что-то говорила то ли в пустоту, то ли тому, кто мог ее слышать:

— Шестьдесят лет назад он был красивым, ему было всего двадцать три. А мне было двадцать. Золотые волосы, молочно-белые руки и шея, румянец цвета хурмы. Шестьдесят лет, и день свадьбы был уже назначен, а потом — его болезнь и смерть. И я помню, как земля сыпалась на него и раскисала от дождя.

Все усталились на бабушку.

— Но, бабушка... — начал было Джозеф Пайкс.

Могила была неглубокой. Вскоре старуха докопалась до длинного металлического ящика.

— Помогите-ка! — крикнула она.

Девять мужчин потащили тяжелый ящик из могилы, а бабушка дирижировала ими своей палкой.

— Осторожно! — покрикивала она. — Теперь опускайте.

Они поставили гроб на землю.

— Джентльмены, не будете ли вы так любезны, не занесете ли ненадолго мистера Симмонса ко мне домой?

— Мы отнесем его на новое кладбище, — сказал Джозеф Пайкс.

Бабушка впиалась в него пронзительным взглядом.

— Вы притащите этот ящик прямо ко мне домой! А я буду вам очень признательна.

Мужчины стояли и смотрели, как она уходила. Потом посмотрели на гроб, переглянулись и поплевали на ладони.

Пять минут спустя они протиснули железный гроб через парадную дверь маленького белого домика бабушки и поставили на пузатую кухонную печку.

Бабушка поднесла всем по стаканчику.

— Теперь давайте откроем крышку, — сказала она. — Не каждый день удастся повидать старых друзей.

Мужчины не стронулись с места.

— Хорошо, если вы не хотите — я сама.

Она ткнула в крышку своей палкой, еще и еще, сбивая корку земли. Пауки разбежались по полу. Сильный запах, похожий на запах весенней пашни, волнами поплыл по комнате. Мужчины решились наконец взяться за крышку. Бабушка отошла в сторону.

— Открывайте! — приказала она и взмахнула палкой, как античная богиня жезлом. И крышка поднялась. Мужчины поставили ее на пол и повернулись к гробу.

Их дружный вздох был похож на свист октябрьского ветра.

Уильям Симмонс лежал в гробу, и его тело было подобно пылице, до блеска и сияния процеженной сквозь воздух. Он спал с легкой улыбкой на губах, руки были скрещены, и одет он был, как на выход, хотя никуда не собирался уходить.

Бабушка Лоблилли жалобно всхлипнула:

— Он здесь!

Это был действительно он. Невредимый, как жук в своем панцире, чудесная белая кожа, веки прекрасных глаз — словно цветочные лепестки, губы были еще яркими, волосы тщательно причесаны, галстук завязан, ногти аккуратно подстрижены. Все в нем было завершенным, как в тот день, когда они кидали землю на крышку его безмолвного гроба.

Бабушка стояла, зажмурив глаза, прижав руки к губам, чтобы сдержать готовый сорваться с них вздох. Она не могла смотреть.

— Где мои очки?! — крикнула она. Все стали искать. — Вы не можете их найти? — Она покосилась на тело.

— Не ищите. — Она подошла к гробу. Комната больше не кружилась.

Она вздыхала, дрожала и ворковала над открытым гробом.

— Он хорошо сохранился, — сказала одна из присутствующих женщин. — Совсем не истлел.

— Так не бывает, — произнес Джозеф Пайкс.

— Бывает, — возразила женщина.

— Шестьдесят лет в земле. Ни один человек не выдержит так долго.

Во всех окнах пылали отблески заката, последние бабочки сидели на цветы и сливались с ними.

Бабушка Лоблилли опустила свою дрожащую морщинистую руку.

— Земля сохранила его. Это была хорошая сухая земля.

— Он совсем молодой, — причитала одна из женщин.

— Такой молодой!..

— Да, — сказала бабушка Лоблилли, глядя на него. — Вот он лежит, и ему двадцать три года. А я стою рядом, и мне скоро восемьдесят! — Она закрыла глаза.

— Бабушка. — Джозеф Пайкс тронул ее за плечо.

— Да, ему двадцать три, он прекрасен, а я... — Она крепко зажмурилась. — Я, склонившаяся над ним, больше никогда не стану молодой, буду только стареть и высыхать, и нет ни единого шанса вернуть молодость. Взгляните, как смерть была добра к нему.

Она медленно провела рукой по его лицу, вдоль тела. Повернулась к остальным.

— Смерть прекраснее, чем жизнь. Почему я тогда не умерла? Мы бы оба сейчас были молоды. Я — в своем гробу, затянутая в белое подвенечное платье, с закрытыми глазами, чуть напуганная смертью. И руки сложены в последней молитве.

— Бабушка, не надо.

— Я имею право говорить! Почему я тоже не умерла? Тогда сейчас, когда он вернулся, чтобы повидать меня, я не была бы такой!

Ее руки блуждали, как у помешанной, ощупывая морщинистое

лицо, обвисшую кожу, трогая провалившийся рот, теребя седые волосы. Она уставилась на тело Уильяма Симмонса безумным взглядом.

— Как красивы его зачесанные назад волосы! — Она потрясла своими тощими руками. — Разве мужчина двадцати трех лет будет искать благосклонности семидесятидевятилетней старухи с помоями в венах? Я обманута! Смерть сохранила его молодым навсегда. Взгляните на меня! Жизни это не под силу!

— Все это взамен жизни, — сказал Джозеф Пайкс.

— Он вовсе не молод, бабушка, ему далеко за восемьдесят.

— Ты, дурачок, Джозеф Пайкс. Он прекрасен, как бог, его не тронули тысячи дождей. И он вернулся, чтобы повидать меня. А теперь он подцепит какую-нибудь юную девушку. Чего ради ему стареть?

— Ему ни от кого ничего не нужно, — сказал Джозеф Пайкс.

Бабушка пнула его.

— Убирайтесь отсюда все! Это не ваш гроб, не ваша крышка, не ваш почти-муж! Оставьте гроб здесь хотя бы на эту ночь, а завтра выкопаете новую могилу.

— Хорошо, бабушка. Он ведь был вашим женихом. Я приеду завтра рано утром. Не плачьте.

— Я буду делать то, что хотят мои глаза.

Она стояла, выпрямившись, посреди комнаты, пока за последним из них не закрылась дверь.

Немного погодя она взяла свечу и зажгла ее. В окно она увидела чей-то силуэт на холме. Это был Джозеф Пайкс. Она знала, что он будет стоять там всю ночь, но не стала кричать ему, чтобы он ушел. Больше она не смотрела в окно, но знала, что он и так там. И это помогало скоротать оставшиеся часы.

Она подошла к гробу и посмотрела на Уильяма Симмонса. Глядя на его руки, она видела, как они двигались. Она видела, как они держали вожжи, встряхивали их. Она помнила, как оттопыривались его губы, когда экипаж скользил по лунному лугу за спокойно шагающей лошастью, а вокруг тянулись тени. Она знала, как эти руки обнимают.

Она пощупала его костюм.

— Это не тот костюм, в котором он был похоронен! — вдруг вскрикнула она. И все-таки она знала, что это тот самый костюм.

Шестьдесят лет изменили не покрой его костюма, а образ ее мыслей.

Охваченная внезапным страхом, она долго искала свои очки, пока наконец не нашла и не одела их.

— Так ведь это не же не Уильям Симмонс! — вскрикнула она.

Она знала, что и это было неправдой. Это был Уильям Симмонс.

— Его подбородок был не таким, — тихо и здраво рассуждала она. — Или был? А волосы? Они были прекрасного каштанового цве-

та, я помню! А эти волосы просто коричневые. И его нос... я не помню, чтобы он был таким острым!

Она стояла над этим чужим человеком и, чем дольше смотрела, тем больше убеждалась, что это действительно Уильям Симмонс. Она знала, всегда знала одну вещь: память об умерших подобна воску, вы мысленно берете их, лепите по своему усмотрению, сжимаете и растягиваете, уберете там, добавите здесь, вытягиваете тело в длину, перекраиваете, ваяете и завершаете человека вашей памяти, и тогда он совсем не похож на себя настоящего.

У нее было явственное чувство потери. Она пожалела о том, что открыла гроб. Хотелось хотя бы снять очки. Сперва она видела его неясно, как раз таким, каким создало ее богатое воображение. А теперь, одев очки...

Она снова и снова вглядывалась в его лицо. Постепенно оно приобретало знакомые черты. Память о нем, которую она перекладывала, словно карты в пасьянсе, долги шестьдесят лет, блекла, чтобы уступить место мужчине, которого она действительно знала. И этот мужчина был прекрасен. Чувство потери исчезло. Он был тем же, ни добавить, ни отнять. Так всегда случается, когда не видишь человека много лет и вдруг встречаешь его. Некоторое время чувствуешь себя с ним очень неловко, но в конце концов приспосабливаешься.

— Да, это ты, — засмеялась она. — Я вижу, как твои черты проступают сквозь отчужденность. Я вижу, как ты хитро мерцаешь то тут, то там.

Она снова заплакала. Если бы она могла солгать самой себе, если бы она могла сказать себе: «Посмотри на него, он стал другим, он не тот!» Тогда ей было бы легче. Но все микроскопические человечки, что порхают в ее мозгу на своих крошечных ракетах, хихикают и говорят: «Нас не проведешь».

Да, как легко было бы сказать, что это не он. И почувствовать облегчение. Но она не могла... Она ощущала огромную, давящую тоску — ведь он был здесь, молодой, как ручеек, и здесь же была она, старая, как море.

— Уильям Симмонс, — всхлипывала она. — Не смотри на меня! Я знаю, ты меня еще любишь, я верну себе молодость.

Она раздула огонь в плите и поставила греться утюг, железными щипцами завила волосы в седые кудряшки. Пшеничная мука сделала ее щеки белыми. Она раздавила вишню, чтобы подкрасить губы, ушипнула щеки, чтобы они разругались. Она перерыла весь сундук, пока не нашла выцветшее бархатное платье.

Она с отчаянием смотрела на себя в зеркало.

— Нет... нет, — простонала она и зажмурилась. — Ничто не может сделать меня моложе тебя, Уильям Симмонс! Даже если я сейчас умру, это не исцелит меня от старости.

Больше всего ей хотелось убежать в лес, упасть в кучу листьев и

вместе с ними истлеть, рассыпаться в прах. Она выбежала из комнаты, чтобы больше не возвращаться. Когда она распахнула дверь, с улицы ворвался холодный ветер и послышался звук, который заставил ее остановиться. Ветер влетел в комнату, ринулся к гробу и дохнул в него.

Ей почудилось, что Уильям Симмонс в гробу шевельнулся.

Бабушка захлопнула дверь.

Медленно пошла назад, чтобы взглянуть на него.

Теперь он стал на десять лет старше. На лице и руках появились морщины.

— Уильям Симмонс!

Весь следующий час колокола времени звонили над лицом Уильяма Симмонса. Его щеки стали коричневыми, словно увядшие яблоки в мусорном ведре. Его тело было подобно чистому белому снегу, но тепло гроба растопило его. Теперь оно казалось обугленным. Глаза и рот сморщились от легкого дуновения. Затем лицо раскололось тысячей морщин, словно по нему ударили молотком. Тело корчилось в агонии времени.

Ему стукнуло сорок, потом пятьдесят, потом шестьдесят лет! Вот ему семьдесят, восемьдесят, сто лет! Он сгорает, сгорает! От его лица и сожженных временем рук шел тихий шорох и потрескивание. Сто десять, сто двадцать лет, как будто резец гравера чертил узоры на досках!

Бабушка Лоблилли простояла, глядя на метаморфозу, всю эту ночь, хотя старые кости ныли от холода. Она видела невероятные вещи. Наконец она почувствовала, как рука, сжимавшая сердце, разжалась. Не было больше печали, тяжесть свалилась с плеч.

Умиротворенная, она опустила на стул и уснула.

Желтый солнечный свет сквозил из леса, птицы, муравьи, ручейки — все было в движении, все деловито куда-то спешили.

Настало утро.

Бабушка проснулась и посмотрела на Уильяма Симмонса.

— Ах, — только и сказала бабушка.

Даже ее дыхание заставило шевелиться его кости, и они в конце концов рассыпались, как куколки бабочки, как растаявшая конфета, нагретая невидимым огнем. Кости рассыпались и разметались, легкие, как пылинки в лучах солнца. При каждом ее возгласе его кости ломались на части, из гроба доносился сухой шелест этих осколков.

Если бы поднялся ветер и она открыла бы дверь, его просто развеяло бы, как кучку сухих листьев.

Она долго стояла, глядя на гроб. Потом у нее вырвался возглас — звук догадки, звук открытия — и она отпрянула назад, вскинула

руки к лицу, потом к высохшей груди, стала ощупывать себя всю с головы до ног, тронула запавший беззубый рот.

На ее крик примчался Джозеф Пайкс.

Он вбежал в дверь и увидел, как бабушка Лоблилли танцевала, прыгая и бешено кружась по комнате в своих желтых туфлях на высоком каблуке.

Она хлопала в ладоши, смеялась, играла подолом юбки, бегала по кругу и вальсировала сама с собой. Из глаз ее ручьем текли слезы, но она кричала солнечным лучам и своему отражению в зеркале:

— А я молодая! Мне восемьдесят, но я моложе его!

И прыгала, плясала, приседала в реверансе.

— Джозеф Пайкс, ты был прав, у меня есть утешенье! — ликovala она. — Я моложе всех умерших людей во всем мире!

И она кружилась в вальсе так неистово, что вихрь от ее юбок долетел до гроба, и шорох распавшихся хитиновых покровов куколки, бабочкой скачущей в воздухе, рассыпался золотом в ее криках.

— И-хiiii! — кричала она. — И-хiiii!

И НЕ БЫЛО НИ НОЧИ, НИ РАССВЕТА...

Он выкурил пачку сигарет за два часа.

— Далеко мы забрались.

— За миллиарды миль.

— От чего за миллиарды миль? — не отставал Хичкок.

— Как тебе сказать? — ответил Клеменс. — За миллиарды миль от дома, если можно так выразиться.

— Можно...

— Дом — это Земля, Нью-Йорк, Чикаго. Дом остается домом, куда бы тебя ни занесло.

— А я вот не помню, — сказал Хичкок. — А я вот не верю, что где-то осталась Земля. А ты?

— А я верю. Этим утром она мне снилась.

— В космосе не бывает утра.

— Скажем так — этой ночью.

— Здесь всегда ночь, — глухо ответил Хичкок. — Какую ночь ты имеешь в виду?

— Заткнись! — раздраженно бросил Клеменс. — Дай досказать.

Хичкок снова закурил. Хотя его движения были спокойны и уверенны, Клеменсу показалось, что и руки, и крепкое загорелое тело Хичкока сотрясаются какой-то потаенной внутренней дрожью.

Они сидели на обсервационной палубе, глядели на звезды. Собственно, глядел только Клеменс, а взгляд Хичкока, пустой и недоуменный, просто упирался в ничто.

— Я проснулся в пять, — сказал Хичкок в пространство. — Во сне я кричал: «Где я?! Где?» И ответом было: «Нигде!» Тогда я спросил: «Откуда я?» И сам же ответил: «С Земли». «С какой такой Земли?» — удивился я. «С той же, где родился». Но все эти слова не значили ничего... даже меньше, чем ничего. Я не верю в то, что нельзя увидеть. И в Землю не верю — я ведь не вижу ее. Тем и держусь.

Но вот же Земля, — показал Клеменс, улыбаясь. — Вот этот огонек.

— Это Солнце, а вовсе не Земля. Ее невозможно увидеть отсюда.

— А я могу. У меня хорошая память.

— Это разные вещи, дурень, — раздраженно ответил Хичкок. — Я вот как рассуждаю: когда я в Бостоне — Нью-Йорк мертв, когда в Нью-Йорке — Бостона нет. Если я не видел кого-то целый день, значит, он умер. А когда я встречаю его, он, слава богу, воскресает. И я чуть не пляшу от счастья, я чертовски рад ему, пока он рядом. Или делаю вид, будто рад. Но стоит нам расстаться, как он снова умирает.

Клеменс рассмеялся.

— Ты ловко сводишь все сущее к примитивному уравнению, но многое упускаешь. У тебя нет фантазии, старина. Тебе надо крепко подучиться.

— А зачем мне учитывать совершенно бесполезные вещи? — спросил Хичкок, все так же пялясь в пустоту. — Я практик. Зачем перебирать воспоминания, если Земли нет, если по ней нельзя прогуляться? Это *вредно*. Мой папаша говорил, что воспоминания — это дикобразы. Ну их к черту! Они губят твое дело. Они заставляют тебя плакать. Если хочешь быть счастливым — не вспоминай.

— Я только что побывал на Земле, — ответил Клеменс, покосившись на Хичкока. Тот раскуривал новую сигарету.

— Ты сам — необъезженный дикобраз. Позавчера ты отказался от ленча — тебя одолевали воспоминания. Ну тебя к черту вместе с ними! Их нельзя ни выпить, ни съесть, ни потрогать, ни ударить, ни переспать с ними; можно только наплевать. Я умер для Земли, а она умерла для меня. Этой ночью в Нью-Йорке никто по мне не плакал. Значит, к черту Нью-Йорк. Здесь, в космосе, нет ни зимы, ни лета. Весна и осень исчезли. Здесь нет ни ночей, ни рассветов — только космос и снова космос. Еще есть я, ты и наш корабль. Я по-настоящему уверен только в том, что есть Я. Вот и все.

Клеменс пустил тираду Хичкока мимо ушей.

— Я только что бросил дайм в автомат, — сказал он, спокойно улыбнулся и взял невидимую телефонную трубку. — Позвонил своей девушке в Айвенстоун. Хелло, Барбара!

Ракета все плыла через космос.

В тринадцать часов пять минут раздался звонок, собрал всех на ленч. Клеменс опять не хотел есть.

— Ну, что я тебе говорил! — воскликнул Хичкок. — Все твои дикобразы — воспоминания. Плюнь ты на них, плюнь, говорю тебе. Погляди, как я сейчас разделаюсь со жратвой. — И повторил каким-то механическим голосом: — Смотри на меня.

Он отрезал большой кусок от пирога, положил в рот, пожевал, посмаковал, проглотил. Он разглядывал пирог, словно прикидывал, с какого края приняться за него теперь. Он потрогал пирог вилкой, потом надавил на него, так что лимонная начинка выбрызнула между зубами. Он взболтал бутылку и налил себе полный стакан молока, наслаждаясь бульканьем, словно музыкой. Он долго смотрел на молоко, любясь его белизной, потом выпил так жадно, словно целый век не пробовал его. Он подмел ленч за пару минут, наелся до отказа, но посмотрел, нет ли чего-нибудь еще. Больше ничего не было. Он тупо поглядел в иллюминатор.

— Это тоже ненастоящее, — изрек он.

— Что? — спросил Клеменс.

— Все эти звезды. Кто и когда держал в руках хотя бы одну из них? Что толку попусту созерцать предметы, удаленные на миллионы и миллиарды миль. Все, что отстоит так далеко, теряет ценность и больше не беспокоит.

— Зачем же ты стал космонавтом?

Хичкок удивленно посмотрел в пустой стакан, крепко сжал его, отпустил и снова сжал.

— Не знаю. — Он провел языком по краю стакана. — Полетел и все тут. А сам-то ты знаешь, зачем делаешь то или это?

— Но ведь тебе нравится лететь?

— Не знаю. И да, и нет. — Глаза Хичкока обрели наконец спокойствие. — Пожалуй, я полетел ради самого космоса, большого такого космоса. Мне всегда нравилось думать об абсолютной пустоте, где нет ни верха, ни низа, и о себе самом посреди этой пустоты.

— Ты никогда раньше не говорил об этом.

— А вот теперь сказал. Надеюсь, ты хорошо расслышал?

Хичкок закурил новую сигарету. Он часто затягивался, раз за разом окутываясь клубами дыма.

— Какое у тебя было детство? — вдруг спросил Клеменс.

— У меня его никогда не было. Это, пожалуй, будет почище твоих дикобразов. Как бы то ни было, тот «я» умер. Не желаю его вспоминать. Представь, что ты умираешь каждый день и лежишь в опрятном пронумерованном ящике и никогда не воскреснешь, никогда над тобой не поднимется крышка, потому что за время своей жизни ты умирал две тысячи раз. И каждый раз это был особенный человек, которого я не знал, не понимал и не желал понимать.

— Но ты же сам себя свел в могилу. Все свое прошлое ты просто похоронил.

— А на что мне тот, молодой Хичкок? Он был болваном, круглым болваном, откуда ни взгляни: привык к этому и пользовался этим. Папаша его был подонком, мать — из того же теста, и он только обрадовался, когда они умерли. Я не желаю возвращаться в те дни, не хочу видеть его рожу. Он был болваном.

— Все мы болваны, — ответил Клеменс, — всю нашу жизнь и каждый ее день. Мы думаем так: «Сегодня-то я умница, я выучил свой урок. Верно, вчера я был болваном; вчера, но не сегодня». А на-завтра понимаем, что снова оказались в дураках. Наверное, есть только один способ жить в этом мире: принимать как должное, что все мы несовершенны, и поступать соответственно.

— А я не хочу понимать о своей глупости. Тому, молодому Хичкоку я не подал бы руки. Да и где он сейчас? Можешь ты мне его найти? Он умер, ну и черт с ним. Я не желаю думать ни о том, что я буду делать завтра, ни о том, сколько глупостей я наделал вчера.

— Ты ошибаешься.

— Ну и пусть. Позволь мне и дальше ошибаться. — Хичкок снова устоялся в иллюминатор.

Весь экипаж смотрел на него.

— А метсор есть на самом деле? — вдруг спросил он.

— Конечно, есть, черт побери, и ты это прекрасно знаешь!

— Да, их видно на наших радарах — этикие блестящие в черном космосе. Нет, лучше верить только в то, что под рукой. Иногда, — он окинул взглядом экипаж, — я не верю ни во что, кроме самого себя.

Он поднялся.

— Есть что-нибудь вне нашего корабля?

— Да.

— Я должен посмотреть. Прямо сейчас.

— Успокойся.

— Подожди, я скоро вернусь.

Хичкок быстро вошел. Космонавты перестали есть.

— Давно это с ним? — спросил один. — Я имею в виду Хичкока.

— Только сегодня началось.

— А по-моему, он все время какой-то странный.

— Пожалуй, да, но сегодня ему совсем худо.

— А что скажет психиатр?

— Такое бывает. Каждый когда-нибудь впервые становится с космосом лицом к лицу, со мной было бы то же самое. Сперва начинаешь философствовать, потом пугаешься, разглагольствуешь до хрипоты, начинаешь во всем сомневаться, даже в том, что Земля есть на самом деле, пьешь, похмеляешься и так далее.

— Но Хичкок не пьет, — заметил кто-то. — Уж лучше бы пил.

— Как же он прошел комиссию?

— А как мы все прошли ее? Им нужны люди, а ужасы космоса многих пугают. Вот так в космос попадают люди на грани срыва.

— Хичкок не из таких, — ответили ему. — Он, скорее, из тех, кто падает и не ушибается...

Они подождали минут пять — Хичкока все не было. Наконец Клеменс вышел и поднялся на верхнюю палубу. Хичкок стоял там, поглощая стену.

— Это здесь.

— Да, здесь.

— Я испугался, что все это исчезло. — Хичкок пристально смотрел на Клеменса. — Ты живой?

— Да, и довольно давно.

— Нет, — возразил Хичкок. — Сейчас, со мною рядом, ты, конечно, жив, но минуту назад ты был ничем.

— Я был сам собой, — ответил Клеменс.

— Это не имеет значения. Тебя же не было здесь, со мной, вот что важно. Ведь экипаж там, внизу, существует на самом деле?

— Конечно.

— Ты можешь это доказать?

— Слушай, дружище, тебе стоит показаться доктору Эдвардсу. Мне кажется, он тебе поможет.

— Незачем. Я в полном порядке. Кстати, о докторе. Ты можешь мне доказать, что он на корабле есть?

— Могу. Я сейчас позову его.

— Это не то. Можешь ты, не сходя с места, доказать, что он существует?

— Не сходя с места — не могу.

— Вот видишь — у тебя нет доказательств. Мне не нужны физические, вещные доказательства. За ними ты должен сначала идти, потом — тащить их сюда. Приведи мне доказательства, которые в тебе самом, но чтобы я мог их ощутить, потрогать, понюхать. Не можешь? Чтобы по-настоящему поверить во что-нибудь, нужно иметь под рукой, носить при себе. А ты не можешь держать в кармане Землю, ни других людей. Твои вещные доказательства неуклюжи, за ними нужно куда-то ходить. Ненавижу вещное, оно может отдалиться, поломать веру...

— Вот, значит, по каким правилам ты играешь.

— Да, но я хочу их изменить. Хорошо бы было, если бы мы могли доказывать что угодно только разумом, умозрительно и наверняка знали бы место каждой вещи в мире, даже если она вдали.

— Но это невозможно!

— Знаешь, — сказал Хичкок, — впервые я вышел в космос пять лет назад, когда я потерял работу. Я ведь хотел стать писателем и не смог. А работа у меня была хорошая — я был редактором. Вскоре умерла моя жена. Видишь ли, когда все меняется так быстро, поневоле перестасшь доверять тому, что тебя окружает. Я отправил своего

сына к тетке, и стало еще хуже. Кстати, однажды под моим именем вышел рассказ, но это был уже не я.

— Не понимаю...

Бледное лицо Хичкока покрылось испариной.

— Я смотрел на страницу, под заголовком было напечатано мое имя — Джозеф Хичкок, но это был совсем другой человек. Не было никаких доказательств, что он — это я. Рассказ был мне знаком, я знал, что написал его, но имя, напечатанное на бумаге, не было мною. И тогда я понял: даже если я добьюсь литературного успеха, он не станет моим, я не смогу отождествить себя самого со своим именем. Я сжег этот рассказ и с тех пор ничего не писал. Я уже не верил, что именно этот рассказ я перепечатывал на машинке, сказался разрыв между действием и результатом. Рассказ был мертв, он не был действием и поэтому ничего не доказал. Важно только само действие, а бумага и прочее — лишь его следы. Свидетельства оконченного дела, от которого остались одни воспоминания. Мог ли я утверждать, что написал тот рассказ? Нет. Может, его написал кто-то другой? Тоже не доказано. Конечно, кто-то мог быть в комнате, когда я его печатал, и он мог бы вспомнить об этом, но ведь и память ничего не доказывает. С тех пор я начал находить такие разрывы везде и во всем. Я сомневался, что был женат, что у меня есть сын. Сомневался, что когда-то родился в Иллинойсе от пьяницы-отца и грязнухи-матери. Я ничего не мог утверждать навсерьез. Конечно, мне говорили: «Это так, а вот это этак», но для меня это ничего не значило.

— Нужно было больше доверять воспоминаниям.

— Нельзя: всюду разрывы и пустоты. И вот тогда я начал думать о космосе и как хорошо мне будет в ракете, среди огромного ничто, внутри ничто, как здорово будет выходить в ничто. А теперь меня отделяет от него лишь тонкая металлическая скорлупа. Я думал, космос сделает меня счастливым, слетал к Альдебарану-II, потом подписал пятилетний контракт и вот мотаюсь туда-сюда, как челнок.

— Ты говорил об этом с психиатром?

— А чем он поможет? Он начнет лечить меня водами, беседами, массажами и душем Шарко. Что там у них еще? Нет уж, благодарю. — Хичкок помолчал. — Сегодня утром мне, пожалуй, стало хуже. Или это — лучше? — Он снова умолк и посмотрел Клеменсу в глаза. — Ты здесь? Ты на самом деле здесь? Докажи!

Клеменс сильно шлепнул его по руке.

— Да, — согласился Хичкок. Он пристально и удивленно разглядывал руку, потирал ее, разминал. — Ты здесь или, точнее, был здесь в тот момент. Но я не верю, что ты и сейчас здесь.

— Увидимся позже, — ответил Клеменс; он решил поскорее найти доктора.

Ударил колокол. Еще и еще раз. Ракета дернулась, словно ее ударили гигантской рукой, но слышался звук, словно выключили пыле-

сос, потом — пронзительный свист. Клеменс ощутил пустоту в легких, споткнулся, и тут свист прекратился.

— Метеор! — закричал кто-то.

— Пластырь, — сказал другой. И в самом деле — ремонтный паук, бегающий по корпусу ракеты, уже наложил на пробойну пластырь и теперь аккуратно ее заваривал.

Кто-то все говорил и говорил, затем голос удалился. Клеменс вскочил и побежал, дыша свежим, густеющим воздухом. Свернув за переборку, он увидел куски метеорита, разбросанные по всему полу, словно осколки какой-то безделушки. Здесь был почти весь экипаж, включая капитана. На полу лежал Хичкок, из-под закрытых век катились слезы.

— Оно хотело убить меня, — повторил он снова и снова. — Оно хотело убить меня.

Его поставили на ноги.

— Но ведь оно не могло... — говорил Хичкок. — Это невозможно. Такого просто не бывает, правда? Оно приходило за мной. Почему?

— Все в порядке, все уже кончилось, Хичкок, — сказал капитан.

Доктор перевязал Хичкоку рану на руке. Тот поднял глаза, увидел Клеменса.

— Оно хотело убить меня.

— Знаю, — ответил Клеменс.

Прошло семнадцать часов. Ракета продолжала свой полет.

Клеменс миновал переборку и остановился. На полу, съежившись в комок, сидел Хичкок, рядом стояли психиатр и капитан.

— Хичкок, — позвал капитан.

Ответа не было.

— Послушайте же, Хичкок... — сказал доктор.

Они повернулись к Клеменсу.

— Он ваш друг?

— Да.

— Поможете нам?

— Если смогу.

— Все это проклятый метеор, — сказал капитан. — Если бы не он, ничего бы с ним не было.

— Это случилось бы с ним рано или поздно, — ответил доктор. — Клеменс, поговорите с ним.

Клеменс подошел к Хичкоку, нагнулся, ласково позвал, потряс за плечо.

— Эй, Хичкок!

Ответа не было.

— Эй, это я, Клеменс. Посмотри, я с тобой.

Он хлопнул Хичкока по руке, погладил окаменевшую шею и

склоненную голову. Потом взглянул на психиатра — тот молча наблюдал. Капитан пожал плечами.

— Будете лечить шоком?

— Да, начнем сегодня же.

«Шок, — подумал Клеменс. — Проиграют дюжину пластинок громче, подержат под носом пузырек со свежим хлорофиллом или соком одуванчика, пустят погулять по травке, распылят в палате «шанель», остригут ногти и волосы, приведут женщину, будут стучать, кричать и трещать над ухом, бить электрошоком, штопать психику, но ничего ему не докажут. В ближайшие тридцать лет каждая его ночь будет наполнена грохотом и кошмарами. А когда ему захочется покончить с этим, его снова начнут лечить, если ему будет, чем заплатить».

— Хичкок! — во все горло, словно падая со скалы, крикнул Клеменс. — Это я! Твой друг! Отзовись!

Потом Клеменс повернулся и вышел вон из тихой комнаты.

Двенадцать часов спустя снова ударил сигнал тревоги.

Когда суета улеглась, капитан объявил:

— Несколько минут назад Хичкок вышел из корабля. Его оставили одного, а он надел скафандр и вышел через шлюз. Теперь он летит в космосе один.

Клеменс посмотрел в огромный иллюминатор — там были только звездные блески поверх глубокой черноты.

— Далеко он сейчас. Мы никогда не найдем его. Я узнал, что он в космосе, когда радист засек его шлемофон — он разговаривал сам с собой.

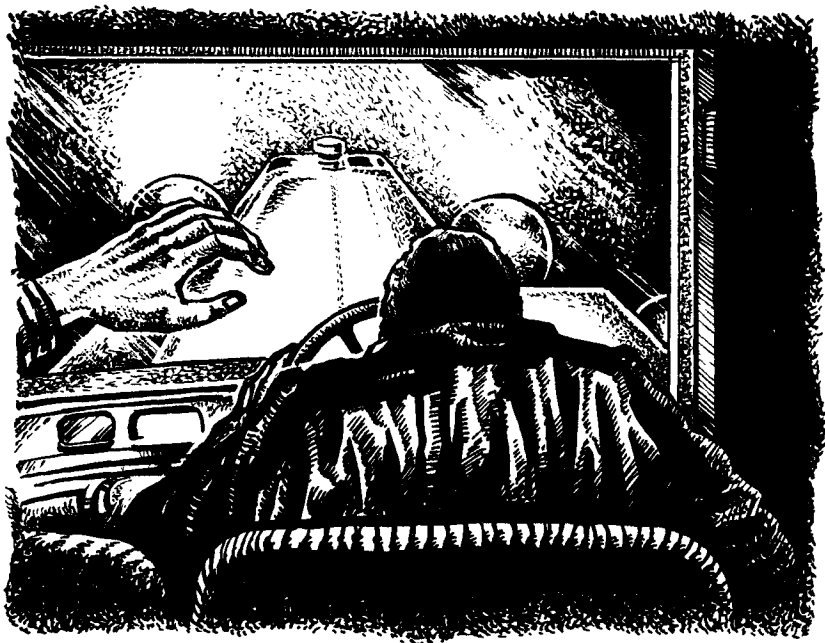
— Что он говорил?

— Что-то вроде этого: «Нет больше ракеты и никогда не было. Нет людей. Во всей вселенной нет людей и никогда не было. И планет нет. И звезд». Потом он начал говорить о своих руках и ногах: «У меня нет рук. Их никогда у меня не было. И ног никогда не было, не чувствую их. Нет туловища. Никогда не было. Нет губ, нет лица, нет головы. Нет ничего, только космос. Только космос, только пустота».

Они медленно повернулись к иллюминатору и долго смотрели на далекие холодные звезды.

«Космос, — думал Клеменс. — Космос, который так любил Хичкок. Космос, где нет ни верха, ни низа, часть великого ничего, и Хичкок падает в центр этого ничего, и нет на его пути ни ночи, ни рассвета».

Карл Джекоби

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА

В тот вечер по холмам гулял холодный ноябрьский ветер, в воздухе кружили хлопья снега.

В кабине трясущегося фургона Джеб Уотерз поежился от холода и приподнял воротник овчинного полушубка. Целый день по мрачному серому небу плыли белые кучевые облака. Но теперь они тоже стали свинцово-серыми и повисли так низко, что, казалось, заволокли все холмы. По правую сторону дороги виднелись строгие и величественные, словно марсианские треножники Герберта Уэллса, вышки Восточной электростанции, единственные признаки цивилизации в здешних местах. Порывистый ветер дергал провода, точно струны, и они монотонно гудели на низкой ноте.

Джеб вглядывался в дорогу сквозь лобовое стекло

— Не хватало еще замерзнуть на обратном пути, — бормотал он про себя, — похоже, надвигается сильный буран.

Он сбросил газ и крепче сжал руль на крутом повороте. Некото-

рое время он ехал молча и разглядывал голые холмы вокруг себя. До Марчестера было еще тридцать миль, тридцать долгих миль. Литтлтон уже остался позади. «Если начнется снежная буря, придется, пожалуй, возвратиться и подождать до утра. Чертовски скверно застрять ночью на дороге, да еще с грузом, от которого даже днем мурашки по спине бегут».

Когда строили железнодорожные ветки от главной дороги, Марчестер, этот маленький, затерявшийся в холмах городок, обошли вниманием.

В результате приходилось везти все грузы из Литтлтона, ближайшего городка, где была станция. Железнодорожники как в воду смотрели: грузов было мало. Джебу приходилось ездить по этой дороге всего лишь два раза в неделю, но он редко вез больше одного тюка.

Однако сегодня он был поражен, узнав, какой ответственный груз ему придется везти: позади, в задней части фургона, отгороженной от кабины лишь фанерной перегородкой, лежал гроб с телом Филипа Карра. Филип Карр, или Гонщик Карр, как еще называли этого помещанного на автомобилях человека, был единственной надеждой Марчестера, единственным, кто мог принести ему славу. На своей «Императрице скорости», созданной в результате кропотливой трехлетней работы, он надеялся установить новый рекорд на трассе Дейтон-Бич во Флориде. В неофициальном заседании он показал результат 300 миль в час, чем сразу же привлек к себе всеобщее внимание.

Но одна из шин лопнула, не выдержав нагрузки, и машина в один миг перевернулась и превратилась в груды металла. Смерть наступила мгновенно. Похоронить Карра собирались во Флориде, но его родной Марчестер выразил категорический протест. Поэтому тело переправили в Литтлтон и послали за гробом фургон Джеба Уолтерза.

Джебу эта идея пришлась не по душе. Хотя он и знал, что бояться нечего, однако, когда он проезжал один среди знакомых ему с детства Рентарпианских холмов, то все равно чувствовал себя подавленным и заброшенным. Этот гроб вовсе не скрашивал поездку.

Ветер усиливался, закружили первые снежинки. В кабине стало совсем холодно: лобовое стекло было разбито в углу, а тряпки, которые Джеб закинул в дыру, почти не помогали.

Быстро темнело, и Джеб включил фары. Поскольку фургон был старый, они работали на магнето. Снег становился все гуще, и Джебу пришлось сбавить скорость. Тусклые фары еле освещали дорогу.

Медленно тянулись миля за милей. Снега намело уже целые сугробы, он кружился по холмам, затягивая их необъятным белым покрывалом, забирался через щели и в кабину фургона. Становилось все холоднее.

Впереди показался самый крутой подъем. Изношенный мотор натужно ревел, преодолевая его, фургон накренился, задние колеса

прокручивались на мягком снегу, съезжая с колеи. Двигатель надрывался из последних сил, трансмиссия стонала, словно от боли. Все выше и выше ползла машина, пока наконец не добралась до самой вершины.

— Ну, теперь все пойдет как по маслу, — вслух произнес Джеб.

И тут, словно слдзили, мотор замолк с тяжелым вздохом, будто совершил подвиг, забравшись на такую высоту. Фары потухли, и в наступившей темноте было лишь слышно, как снежинки быются в стекло.

Джеб оцепенел, поняв, в какой ситуации он оказался: занесенный снегом, да еще наедине с трупом, а до ближайшего жилья двадцать миль! На лбу его выступил холодный пот.

Он вел себя как ребенок. Глупо так нервничать. Нет ничего страшного — только бы не замерзнуть, а утром, когда узнают, что он не доехал до Марчестера, пошлют кого-нибудь ему на помощь — наверное, Этана, да, старину Этана. Он придет и скажет: «Ну, Джеб, каково ночевать на пару с покойничком?» И оба они рассмеются и направятся в город. Но это будет завтра. А пока он был один на один с трупом посреди снежной бури.

Он вылез из машины и попытался завести мотор рукояткой. Делал он это без особого энтузиазма, поскольку сразу, как только мотор заглох, он понял, что придется здорово попотеть, чтобы заставить его завестись снова...

...Вскоре Джеб бросил это бесполезное занятие, вернулся в кабину и попытался согреться. Но через все щели пробирался ветер, а за шиворот попадал снег — у проклятой развалюхи дыра сидела на дыре. Тут Джебу пришла в голову мысль; что лучше отсидеться в фургоне: его ведь ремонтировали совсем недавно. К тому же там лежало тряпье, которым он обычно перскладывал хрупкие грузы. Если бы там только не было этого гроба! Ведь просто невозможно заснуть в таком соседстве.

Но тут его осенило — а что, если засунуть гроб в кабину? Тогда в его распоряжении окажется весь фургон. Он даже сумеет там улечься, а тряпье хоть как-то его согреет.

Сказано — сделано. Джеб принялся за работу. Дело шло медленно — гроб был тяжелый, кабина маленькая, да к тому же здорово мешало рулевое колесо.

Затолкав в конце концов гроб в кабину, Джеб залез в фургон, закрыл за собой дверь, свернулся клубком и попытался заснуть.

Но сон все не шел, Джеб ворочался с боку на бок, прислушиваясь к завыванию бурана. Время от времени фургон покачивало от резких порывов ветра, и провода угрожающе гудели. По крыше шелестел снег, а железная выхлопная труба громко стучала по днищу. Время тянулось бесконечно медленно.

Вдруг Джеб вскочил. Он не знал, задремал он или нет, но теперь

всякий сон как рукой сняло: **ФУРГОН ДВИГАЛСЯ!** Джеб слышал, как под колесами хрустит снег, чувствовал, как машина покачивается, разгоняясь. Он прильнул к маленькому окошечку, через которое было видно кабину.

Сначала он ничего не мог разглядеть: казалось, будто стекло заволокла черная бархатная пелена. Но вскоре мрак рассеялся, по кабине разлился мягкий свет и показались неясные очертания человека, сидящего за рулем.

А фургон все разгонялся и разгонялся. Он раскачивался и скрипел, колеса громыхали, но мотора, как ни странно, слышно не было. Джеб принялся колотить в окошко.

— Эй, — закричал он, — убирайся из кабины! Останови машину!

Но человек, похоже, не слышал его: он крепко сжимал в руках руль, широко расставив локти и подняв плечи, явно не замечая ничего, кроме дороги перед собой.

Фургон ехал все быстрее.

Джеб неистово замолотил по стеклу кулаком, пока оно не разлетелось вдребезги.

— Ты слышишь? — вопил он. — Остановись, черт тебя возьми! Стой!

Человек обернулся и бросил на Джеба злобный взгляд. Даже в этой полутьме Джеб узнал это мертвенно-белое лицо и черные безжизненные глаза.

— Бог ты мой! Да это же Филип Карр! — вскричал он и принялся истерически хохотать, пытаясь трясущимися руками ухватиться за стенки фургона, чтобы не потерять равновесие. — Филип Карр, но ты же мертв! Ты мертв, слышишь?! Ты больше не можешь водить автомобиль!

Из кабины послышался страшный булькающий смех. Фигура за рулем пригнулась, словно пытаясь сильнее разогнать фургон, и машина понеслась, повинаясь магическому прикосновению. Она мчалась сквозь снежную бурю, трясаясь и раскачиваясь как проклятая. Мимо проносились огромные снежные облака, безумно завывал ветер.

Вдруг фургон накренился и съехал с дороги в темный заснеженный овраг. Фургон мчался прямо на огромное дерево, а оно размахивало своими ветвями, точно руками.

На всем ходу фургон врезался в это дерево...

— Странно, — хмуро произнес следователь.

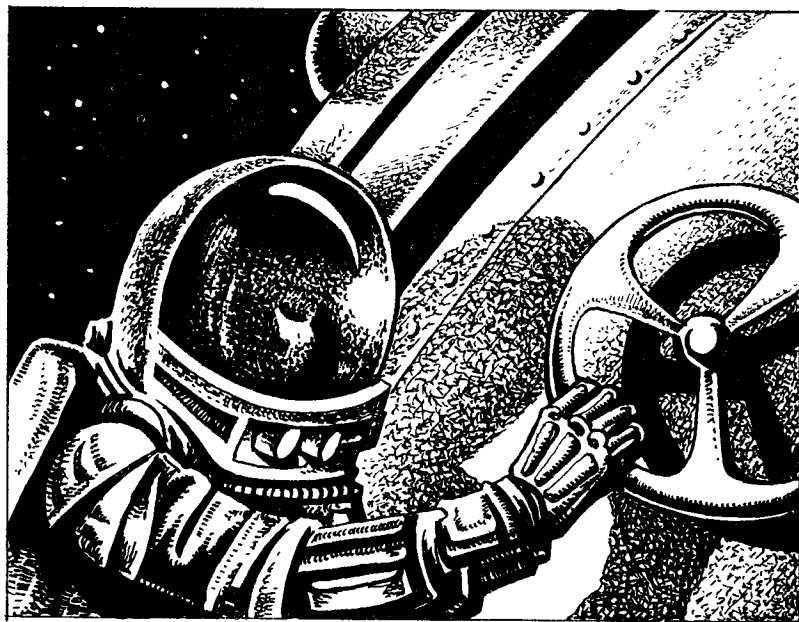
Старик Этан почесал подбородок.

— Похоже, мотор этого чертова фургона заглох на самой вершине холма. Джеб, наверное, задремал, а ночью ветер раскачал машину.

Ну, она и понеслась под гору, запрыгнула сюда, в овраг, да и поцеловалась с этим деревцем. По-видимому, так оно и было... Бедняга Джеб.

— Да, — отозвался следователь, — но на его теле нет ни единой царапины. Скорее всего, он умер от сердечного приступа. А труп Филипа Карра! Крышка гроба, очевидно, отлетела при толчке. Но ведь это не объясняет, почему окоченевший труп сидит за рулем. Здорово похоже, что это он и вел машину!

Дэн Морган

ТАКОВ УЖ Я

Здравствуйте, кто бы вы ни были. Не пытайтесь отвечать. Приемное устройство радиостанции не работает. Я сделал это потому, что мне нужно время, чтобы говорить, а не слушать.

Я не совсем понимаю, для чего отправляю это послание, за исключением надежды, что кто-нибудь когда-нибудь где-нибудь услышит его и поймет. Но если никто не услышит меня, это тоже хорошо. Тогда это останется между мной и Богом, и, должно быть, так и следует. Грант в жилом отсеке и сейчас, наверное, спит, так что я расскажу, как все случилось.

Я попусту растрачивал свое время на Четвертом спутнике и пил больше, чем это было полезно для здоровья. Но алкоголь был, в конце концов, самым невинным способом развлечения в этом трущобном доке планеты. Три других спутника управлялись с тщательной, без-

ликой эффективностью, которую можно ожидать от правительственного департамента, но Четвертый — был собственностью Межпланетной Корпорации Развития.

МКР — прибыльная организация, подготовленная для сдачи в субаренду и предлагавшая неограниченные услуги любому, кто может их оплатить. Не похоже, чтобы правительство очень стремилось узнать, как идут дела на Четвертом. У меня есть предположение, что они работают над долговременной политикой, надеясь, что, позволяя всем хищникам и шакалам рода человеческого собираться в этих единственных в своем роде бериллиево-стальных и пластмассовых джунглях, они дадут им больше шансов охотиться друг на друга и уменьшить собственное число.

«Каждый, кто может платить», — но я выпал из этой категории пару недель назад, и бармен в Нью-Лондонском ресторане знал это. Он позволил мне выпить пару стаканов чего-то, что на Четвертом сходило за шотландское виски, но, когда я попросил еще, он четко ответил, что я уже злоупотребил и гостеприимством, и кредитом.

Он был отвратным маленьким лысым пронырой, а его глаза бежали слишком быстро и слишком часто. Двух стаканов было мало, чтобы вырвать меня из дыры депрессии, куда я скатился после недавнего кутежа. Мои рефлексы были в таком плохом состоянии, что когда я потянулся, чтобы схватить его засаленную белую куртку, то промахнулся.

Он не хотел мне давать второго шанса. В следующую же минуту его рука появилась из-под стойки, держа что-то черное и угрожающее. Он занес это над моей головой. Мои плечи поднялись в предчувствии удара, глаза закрылись. Я знал, что меня побьют, но мое сознание было в полном смятении, и психологически я был не в состоянии что-нибудь сделать в этот короткий промежуток времени.

Но удара не последовало.

— Будет, Фред. Я позабочусь о счете этого джентльмена.

Я открыл глаза. Говорящий был высоким мужчиной с вьющимися светлыми волосами и открытым, заслуживающим доверия лицом. Сложение у него было, как у атлета, крупнее, но по-юношески подтянутое. Он удерживал кулак бармена в своей большой ладони, а другой рукой расстегивал молнию на кармане своего одеяния, вытаскивая толстую пачку кредитных билетов.

— Вот это должно уладить дело.

Он вытащил пару двадцатикредитовых билетов и бросил на стойку.

— А теперь дайте капитану Молсону его выпивку, и мне тоже.

Он освободил руку бармена и повернулся ко мне. У него была улыбка, которую не часто увидишь у взрослого мужчины; его зубы были белыми, глаза голубыми и, несомненно, искренними.

— Хорошо, что я здесь очутился, капитан.

Я оглядел его. Он не принадлежал к населению Четвертого. Он был слишком чистым внутри и снаружи, чтобы существовать в такой среде; тип человека, которого вы видите на правительственных вербовочных афишах с легкой улыбкой на упрямом лице и голубыми глазами, устремленными за горизонты человеческой империи. И он знал мое имя. Правда ли, что Федеральная полиция никогда не использует таких неловких шпионов? И даже если бы использовала, чего бы еще они хотели выведать у меня после душевных страданий и лишений, которые я перенес?

— Меня зовут Грант. Джек Грант. — Он протянул мне руку.

Я проигнорировал ее и спросил:

— Что вам от меня надо?

На Четвертом люди не ходят вокруг абсолютно незнакомых людей, оказывая им услуги, без какой-либо причины.

— Я хочу купить вам выпивку. — Он взял стаканы, которые Ред только что поставил на стойку, и передал один мне. — За успех.

Он выпил, и я последовал его примеру. Я был не в том состоянии, чтобы гордо отказаться от такого источника выпивки.

— И я хочу предложить вам работу, — добавил он.

Я со стуком поставил стакан обратно на стойку и пристально посмотрел на него.

— Я пью ваше виски, но мне не нравятся ваши шутки.

Но он вовсе не смеялся надо мной. Просто на его лице была такая широкая дружелюбная улыбка, как если бы его крупное тело стало взрослым, но откуда-то изнутри проглядывал спрятанный там простодушный мальчик, полный доверчивости и доброй воли.

Я понизил голос:

— Я пилот, сынок. Я больше ничего не умею делать или не хочу ничего другого делать. Ты знаешь мое имя — ты должен знать и все остальное.

Его лицо стало холоднее, но осталось дружелюбным. Я знаю, что внешность может быть обманчивой, но в этом случае я бы поставил множество кредиток на подобное лицо.

— Забудьте обо всем этом, — сказал он. — Я знаю, вы хороший пилот, что бы ни говорил Следовательский отдел. Поэтому я и предлагаю вам эту работу.

Я не поблагодарил его за добрые слова. Я все еще был в неведении, но, когда мы принялись за выпивку и беседу, я получил некоторые ориентиры. На Четвертом он находился всего пару недель. Я понял, что он занимается перевозками с других спутников, но любопытство побудило его прибыть сюда, чтобы посмотреть, что происходит на Четвертом. Я видел в нем нечто от себя самого в молодости: он пил в поисках приключений, мог испытывать удовольствие от страха и сожаления на этот счет, а также хохотать от души.

Наконец он вновь заговорил о деле, и я согласился пойти с ним и

встретиться с владельцем корабля. Имя этого человека, когда он упомянул его, заставило меня еще больше удивиться, как такой замечательный парень якшается с подобными людьми.

— Привет, Молсон. Рад вновь тебя видеть. Садись...

На толстом и веселом лице Бушмена расплылась ухмылка. Вот только его мертвые, рыбы глаза... их взгляд рыскал вокруг меня подобно мерзким щупальцам, проверяя и оценивая то, что видит.

Я сел на краешек стула, напряженный и нуждающийся в выпивке. Я очень хотел получить эту работу, любую работу. Я не работал больше года — с тех пор как это случилось с «Морской звездой». Но даже это не являлось достаточной причиной, чтобы вежливо разговаривать с Бушменом. Я был тут; вы не пробудете десять лет своей жизни космическим пилотом, не влезая иногда носом в грязь, но рядом с Бушменом я был пай-мальчиком.

— Ладно, — сказал я. — Вы знаете меня. Я один из лучших в своем деле. Так получу я работу или нет? Если да, то где, и что за работа?

— Расслабься, Молсон. — Бушмен вытер влажный лоб белоснежным платочком. — Ты был одним из лучших в этом деле. Но ты поскользнулся.

Эвфемизм не означал, что он пытался пощадить мои чувства, это просто был способ Бушмена показать, что у него имеется рука наверху.

Поскользнулся — это восемьдесят пять человеческих жизней, полностью разбитый корабль, и я сам, проведший больше трех месяцев в госпитале. Следственный отдел назвал происшествие преступной неосторожностью и выдвинул как свидетеля одного из выживших, маленького электронщика с глазками-кнопками, который клялся, что я был пьян в момент несчастного случая.

Они объявили, что катастрофы можно было избежать, если бы я послушался Службы Контроля порта. В конце концов, было легче винить во всем одного человека, чем признать, что даже на самых современных кораблях случаются ситуации, когда простая неудача может все разрушить.

Я вскочил, положив обе руки на стол, я взглянул в его лживое лицо:

— Если бы не этот случай, я бы не находился здесь. Мы оба это знаем. Мне сказали, у вас есть работа для хорошего пилота. Я не приходил сюда, потому что не выношу вида вашей слоновой туши.

Бушмен уже многие годы жил на Четвертом в условиях низкой гравитации, так что его тело стало жирным и рыхлым и не смогло бы опять поддерживать себя на Земле.

— Марс, кружной путь на «Линдстроме». — Его лицо стало напряженным, когда он наблюдал за моей реакцией.

Большинство «Линдстромов» были неисправными; они работали на старом химическом топливе и были достаточно хорошими в свое время, но теперь стали медленными и неуклюжими.

— Я рос на таких, — сообщил я. — Сколько пассажиров?

— Никаких пассажиров. Груз, — ответил Бушмен. — Столько, сколько вместит корабль, и еще, может быть, фунт или два для удачи.

— Чьей удачи? — поинтересовался я. — И вообще, на какой срок вы заключили контракт с колониальными властями?

— Не будь смешным. — Бушмен ткнул в меня толстым белым пальцем. — Ты отправишься в путь, используя эллиптическую орбиту. Важен полезный груз и топливо, а не время.

— Конечно. Сколько вы заплатите?

Я начал понимать, почему он хочет нанять меня. Корабли на ядерном топливе,двигающиеся по гиперболической орбите, совершали рейс за три недели, полет по эллиптической орбите требовал более девяти месяцев в каждый конец. Но это приносило бы Бушмену даже большую прибыль за груз необыкновенно дорогого продовольствия и питья, которые, как я понял, нужно было доставить, — товары на продажу колонистам, которые по меркам колониальных властей находились на грани голода.

— Тебе заплатят... больше, чем ты стоишь, — заявил Бушмен.

Я почувствовал, как на моем лице проступила краснота. Наклонившись вперед, я схватил его свободно свисающий галстук-бабочку.

— Заткнись, ты, жирная вошь, — проскрипел я.

— Не надо, Молсон.

В этом мягком голосе было нечто, заставившее меня отпустить Бушмена и повернуться к юнцу. Он стоял в нескольких шагах от меня. В его позе не было и намека на желание применить силу. Он просто дружелюбно усмехнулся, что привело меня в полное недоумение.

— Выкинь его отсюда! Я найму кого-нибудь другого, — сопел сзади Бушмен.

— Нет, Молсон лучший пилот, и единственный, кому я готов довериться, — ответил Грант. — Если вы его не возьмете, вам придется искать кого-нибудь и на мое место.

Я смотрел то на одного, то на другого. Толстые губы Бушмена кривились, как пиявки; Грант улыбался, как мальчик из колледжа, которого только что назначили в команду.

— А что такого особенного в этом «Линдстроме»? — спросил я с неожиданным любопытством.

— Экипаж, — ответил Грант. — Бушмен сказал, что учитывается каждый фунт. Я думаю, его недооценили — на самом деле он вычислил все до последней унции.

Я видел, что Грант все время был на моей стороне. Я только не понять почему, разве что он чувствовал, что даже в качестве потерпевшего крушение космонавта я был ближе ему, чем этот толстый слизняк за столом.

— Так как насчет команды, Бушмен? — спросил я.

Это был хороший вопрос. Толстяк на мгновение остановился, потом ткнул в нас пальцем.

— Никакой команды, только ты и он.

Здорово он экономит! Но два человека могли управиться с кораблем, если они знали свое дело и могли вынести изоляцию.

— Ты действительно желаешь испытать подобный шанс? — спросил я Гранта, думая о том, что было известно обо мне во всей системе после следствия.

Парень положил ладонь на мою руку.

— Не тревожьтесь, Молсон. Мы справимся. Он предлагает две тысячи кредиток на каждого. Для подобного полета требуется человек с вашими способностями и опытом. Я никогда не управлял «Линдстромами». Как вы смотрите на то, чтобы взять эти деньги?

Он усмехнулся. Возможно, он был достаточно взрослым умственно и морально, чтобы благополучно вести дела все девять месяцев. Без него я не смог бы получить даже такую работу, а две тысячи кредиток были бы для меня хорошим подспорьем, достаточным, чтобы попробовать развлечься в нужных фазах с возможностью получить обратный билет.

— Ладно, Бушмен. Мы принимаем предложение, — сказал я.

Складки жира вокруг его рта вновь зашевелились в гримасе, которая, видимо, обозначала улыбку.

— Как любезно с твоей стороны, Молсон. А теперь, будь любезен, освободи помещение от своей вонючей шкуры. Грант знает подробности и знает, где корабль. Стартуешь завтра утром. И трезвым, — добавил он.

Будет две тысячи кредиток или нет, но я был бы очень рад сжать его жирную шею своими пальцами, однако Грант вежливо взял меня за руку и вывел из комнаты. Похоже, будучи под рукой, он полезен и способен уберечь от неприятностей даже меня.

— Порядок. Увидимся завтра утром, — сказал я, когда мы вышли в главный коридор. В моем горле появилась страшная сухость, а когда я чувствую это, мне надо выпить, а это уж мое личное дело.

Грант все еще сжимал мою руку.

— Вы уверены, что с вами все в порядке? Вам что-нибудь нужно?

— Я справлюсь, — я освободил руку. — Когда и где я тебя увижу?

— В девять часов у четырнадцатого шлюза. Корабль загружен, и все готово к старту.

Я мог видеть, что он не хотел терять меня из виду и беспокоился, как бы я опять не принялся за пьянство. За последний год я заработал соответствующую репутацию.

Он был больше чем прав. При получении работы появился восторг, соединенный с отвращением к самому себе за то, что я принял работу, что требовало старого лекарства. На следующее утро я проснулся лежа плашмя на полу в своей комнате, где я, видимо, упал, как только открыл дверь. Моя голова гудела, как внутри бетономешалки, и я уже опоздал на два часа.

На минуту я сунул голову под душ, на другое времени уже не было, и пошел. Каким-то образом мне удалось достичь четырнадцатого шлюза не свалившись.

Бушмен и Грант сидели в небольшом кафе поблизости от шлюза. Гравитация здесь, у вершины большого колеса, была выше, чем по направлению к центру, где располагались офис Бушмена и жилые отсеки. Я видел, что толстяку было неуютно. Он сидел, без толку вытирая с бледного лба медленно текущий пот.

— Ты, пьяный шут! — тяжело запыхтел он. — Ты что, думаешь, мне нечем заняться, как только сидеть здесь?

Я чувствовал себя, будто призрак в аду, и, конечно, был не в том настроении, чтобы выслушивать гадости.

— Ладно, ты, набитая бочка, забирай обратно свое предложение.

Я повернулся, чтобы выйти.

— Нет! Не уходите, Молсон!

Грант стоял сзади, его улыбка была такой же искренней и яркой, как и в предыдущий день.

— Много ли добавят два часа к восемнадцати месяцам?

Он задержал меня настолько, чтобы мои мозги остыли и я взглянул на ситуацию более или менее здраво. Мой кредит на Четвертом истощился; если я не заработаю сколько-нибудь денег, я вскоре буду депортирован на Землю, а там у меня не будет никакой возможности получить работу в космосе.

Я стоял, обуздывая возражения, которые упрямо рвались с моих губ, а Грант спорил с Бушменом. Толстяк хотел выгнать меня и нанять другого пилота, но Грант, дабы его успокоить, повторил свою вчерашнюю угрозу. В конце концов Грант победил. Он и я пошли к соответствующему шлюзу и, надев спецкостюмы, сели в реактивное такси до ожидавшего нас корабля.

Мысль, что я опять поднимаюсь на борт корабля, привела к слабой дрожи в желудке. Я знал, что, если бы не вмешательство Гранта, я бы никогда не получил работу, даже на таком гробе, как «Линдстром».

Мы должны были входить через люк для чрезвычайных ситуаций рядом с рубкой. Причина этого вскрылась, как только открылся внутренний люк. Каждый дюйм пространства был занят, завален от пола до потолка контейнерами и ящиками с товаром. Единственными свободными местами на корабле были рубка и маленькая каюта на корме с двумя койками.

Грант взъерошил ладонью свою густую мальчишескую шевелюру.

— Вот мы и пришли. Рейсы Бушмена длятся восемнадцать месяцев в окружении роскоши. Он одного взгляда на это богатство ясно, что мы не будем голодать.

Я вновь осматрелся. Бушмен, нарушив все существующее регулирование в отношении команды, явно решил, что не обязательно соблюдать и другие меры безопасности. Случись что-нибудь с двигателем — вещь более чем возможная на таком корабле, — и нам потребуются многие часы, а возможно даже и дни, чтобы передвинуть огромное количество груза, добраться до двигателей и что-нибудь сделать. Правда, ракетные двигатели за весь полет используются только первые несколько часов, но всякое бывает.

— Ну, капитан, стартуем? — спросил Грант. Теперь мы оба сняли защитные костюмы и вернулись в рубку.

Я кивнул. Грант подбадривающе улыбнулся мне и сел в кресло астронавигатора. Я опустилсЯ на место пилота и взглянул на приборную доску перед собой. Это было впервые за целый год.

Я испытывал странное ощущение, подвинулся а потом в мое сознание нахлынули воспоминания: огни, крики и ужасный удар — кошмарное чувство трагической ответственности.

— К старту готов, сэр! — Голос Гранта, твердый и чистый, преврал мои воспоминания.

Я с усилием вытеснил из своего сознания воспоминания и стал поднимать руку по направлению к стартовым ключам. Она поднялась на несколько дюймов, а потом резко упала на подлокотник, будто мертвая. Глядя вниз на свою ладонь, я вновь попытался сдвинуть ее. Было ощущение полного паралича, как если бы все нервные волокна, соединенные с моими чувствительными центрами, были обрезаны. Все мое желание сдвинуть руку не приводило даже к самой слабой реакции в виде подрагивания. Вся остальная часть моего тела сотрясалась от напряжения.

Вот каким оно было, наследие от аварии, ящик ужаса, который я не открывал до этого момента. Целый год я не пилотировал корабль, потому что был отстранен решением Следственного отдела. На моих губах задрожал истерический смех. Они убрали меня, после чего все это время я больше не имел необходимой тренировки. Трагический опыт был выжжен так сильно и так глубоко в ассоциативных связях, на уровне подсознания, что я стал несчастным уродом, который никогда больше не сможет пилотировать корабль.

Я встал. Это я мог сделать. Я прекрасно контролировал свое тело и сознание, до тех пор пока не старался выполнить единственную работу, о которой мечтал, которой я посвятил всю жизнь.

Грант, должно быть, заметил что-то неладное.

— Я вылетел, — сказал я. — тебе надо будет сказать Бушмену. Я не смогу пилотировать корабль до Марса, даже если он заплатит мне миллион. Я кончен.

Он положил мне на плечо свою большую ладонь. На этот раз улыбка не появилась с прежней готовностью.

— Глупости. Вам надо справиться с собой, Молсон. Если вы сдадитесь, вы — кончены. Я не дам вам упустить такой шанс.

Мне хотелось верить ему. В течение целого года безделья в здравом уме меня удерживала одна мысль, что вскоре я буду управлять кораблем. Это был единственный образ жизни, который я знал. Но я не говорил об этом. Я снова сел, на этот раз на место астронавигатора.

Грант занял место пилота, и через несколько секунд я почувствовал мощное давление ускорения на спину. Мы были в пути.

Двигатели вскоре вновь смолкли, и мы шли без них по направлению к орбите Марса, куда должны были попасть через девять месяцев. Делать было нечего, до этого момента корабль не нуждался в контроле. Мы просто сидели и беседовали, или, точнее, большую часть времени говорил Грант.

Он так хотел мне помочь. Это стало его навязчивой идеей — сломать барьер и разбить мое убеждение, что как пилот я погиб.

— Еще до того, как полет закончится, вы будете таким же хорошим пилотом, как и раньше, и скажете мне спасибо, — говорил он, как будто ждал, что частое повторение будет иметь на меня сложное гипнотическое воздействие.

Но я знал, что он ошибается. Вся чепуха, которую он продолжал изливать, все рационализации были просто сотрясанием воздуха. Это не касалось сути дела. Я знал причину, по которой оказался в таком положении, но от этого было не легче убедить самого себя.

После первых недель я стал избегать его. Под предлогом занятости. Среди груза я обнаружил для себя берлогу, которая делала жизнь более сносной. Я лежал тут часами, смягчая боль в своем сознании красочными фантазиями. Но рано или поздно появлялся Грант и начинал болтать в своей дружелюбной, уверенной манере.

Он не упоминал о пьянстве, но по тому, как он смотрел на меня, я знал, он не одобряет этого. Он просто беседовал, стараясь помочь и спасти мою душу, — но я всегда знал, что был навечно проклят.

Мы уже почти три месяца были в пути, когда он сказал:

— Кажется, вы сейчас не очень заняты, Молсон? Задняя смотро-

вая камера вышла из строя. Кому-то надо будет выбраться и посмотреть, что там.

Он не приказывал мне что-нибудь сделать, просто говорил обычным дружелюбным тоном, но неожиданно я почувствовал, что не могу не заняться предложенным делом.

Это была достаточно рутинная работа, замена в камере линз, которые были разбиты космическими обломками, но я делал ее как можно дольше. Было приятно вновь заняться чем-то полезным. Я глядел на звезды и бездонную черноту между ними, и великая печаль сошла на меня, когда я гадал, увижу ли их опять, когда рейс закончится. Что хорошего быть пилотом, который не может управлять кораблем? Когда вернусь на Четвертый, я вполне могу сесть на первый же рейс до Земли и провести остаток жизни там.

Работа была сделана, и я взглянул на измеритель кислорода. Должно быть, я находился здесь дольше, чем думал, кислорода хватило бы всего на пять минут. Я собрал свои инструменты и поспешил к шлюзовой камере. Окинув напоследок взглядом вселенную, я наклонился, чтобы открыть наружный люк камеры. Колесо не двигалось. Я попытался вновь, дергая изо всех сил, результат был тот же. Заело.

Я был не в том умственном состоянии, когда можно справиться с кризисом. Вместо того, чтобы включить в шлеме радио и позвать Гранта, чтобы он пришел и открыл люк изнутри, я продолжал попытки открутить замок, растрачивая ценный кислород и энергию.

Несмотря на охлаждение костюма, я вспотел, и воздух мало-помалу стал портиться. Вскоре он нехватки кислорода мое сознание соскользнуло во тьму, в бред, мои попытки открыть люк прекратились: я лежал на корпусе корабля, что-то беспомощно лепеча.

Последнее, что я видел перед потерей сознания, это то, что люк открылся сам по себе. Но в этот момент я не мог отделить сон от реальности.

Когда я открыл глаза, у меня было такое чувство, как будто прихожу в себя после недельной попойки. В конце концов, открытый люк не был бредом. Я лежал в рубке в кресле пилота. Меня привели в чувство, уложили поглубже, чтоб было удобнее.

Грант протянул бутылку.

— В медицинских целях, — с улыбкой сказал он. Он смотрел, как я с жадностью пил. — Вы были на волосок от смерти, Молсон. Если бы я не забеспокоился и не вышел посмотреть, в чем дело, вы бы погибли.

Я сидел, ничего не говоря, и просто смотрел на его милое, доброжелательное лицо. Я думал обо всем, чем обязан ему: моя работа, шанс начать все с начала, когда мы вернемся на спутник... а теперь

моя жизнь. В конце концов он должно быть заметил, что я не в состоянии поддерживать разговор.

— Если вам ничего не нужно, я бы хотел отдохнуть, — поднимаясь, сказал он.

— Ничего не надо, иди, — ответил я.

Прошло полчаса. Я все сидел и раздумывал, решая, что я сделал и что сделаю.

У меня была трудная жизнь. Даже когда я был мальчишкой, она не была легкой. Был мой старик, для меня он был вроде Бога, а может, и важнее, во всяком случае, он был ближе. Его гнев и презрение могли причинить боль, а когда его не было, люди говорили о нем и запугивали меня его гневом. И все время они причиняли мне страдания, говоря, что я никогда не стану таким замечательным человеком, как он, и эта мысль стала для меня привычной.

Когда он умер, я решил, что сделаюсь большим человеком, чтобы занять его место. Дело было не в личных амбициях, единственное удовлетворение, которое я хотел получить, было удовольствию ответить им за унижение своим презрением.

Так все и шло, я против всей вселенной. Трудности не пугали меня. Я имел уважение к себе, а это самое ценное оружие, которое может заполучить человек. Оружие и стимул к действию, которое было причиной всех амбиций.

Похоже, в следственном отделе не понимали этого. По их мнению, я должен был передать корабль контрольной службе, как только они велели мне это сделать. Для них было нелогичным, что в экстремальной ситуации я хотел сохранить свой собственный контроль над кораблем, хотя это и увеличивало возможность катастрофы.

Они считали, что у меня была социогеническая безответственность — психологический блок, который не давал мне сотрудничать с другими людьми.

Эта чертова тюрьма, стесняющая свободу пилота, особенно тогда, когда мой послужной список был чистым. Но уж таков я. Я не хочу никакого снисхождения ни от кого — разве это плохо? Человек должен стоять на собственных ногах, а если он не может, то ему нечего здесь делать.

Этот Грант — что хорошего в его чертовой помощи?

Я никогда ничего не делал для него, но он вошел в мою жизнь, улыбался и творил добро, будто миссионер. Если бы не он, я вообще не оказался бы в этом полете. Он дал мне возможность понять, что я больше не пилот. Все время, пока он был здесь, он помогал мне.

Ладно, видимо, уж он такой. На это я мог не обращать внимание.

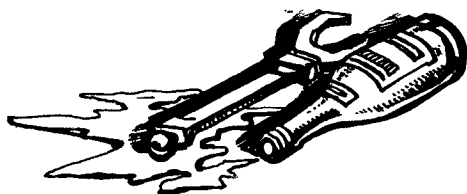
Но была вещь, которую я не мог игнорировать или *простить*, — это то, что он спас мне жизнь. До последнего мгновения сознательной жизни я буду знать, что жив только благодаря его милости, его благосклонности. Просто потому, что он вышел и втащил меня внутрь.

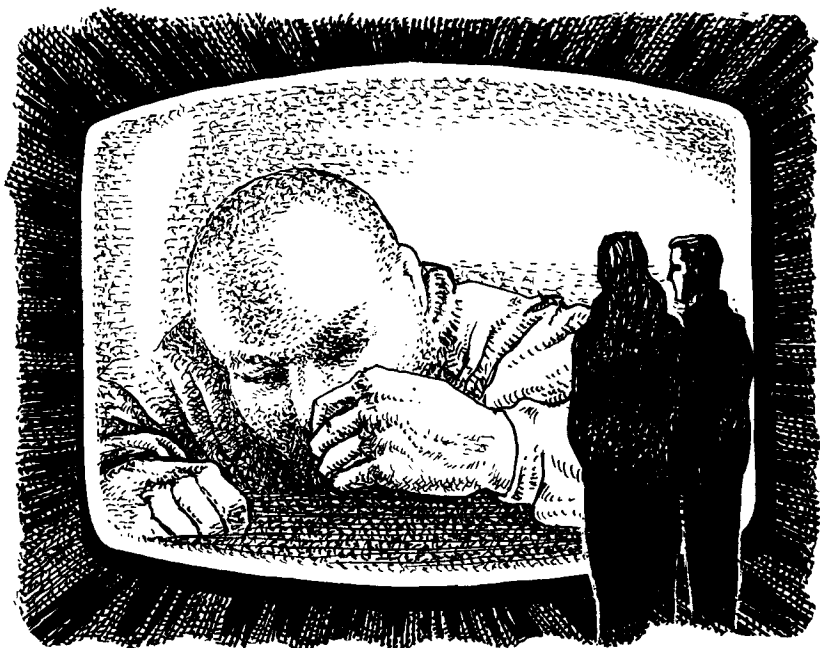
Если я признаю долг, я никогда не освобожусь от мысли, как много я ему задолжал. А я не могу так жить.

Через минуту я пойду в жилой отсек. Я взял гаечный ключ, а он спит. Это грязный, грубый способ выполнить работу, но на борту нет оружия. Он быстро умрет. Я не могу позволить себе бороться с ним: его большое, молодое тело слишком сильно.

Теперь я кончаю. Может, вы поймете, что я чувствую. Если нет, это не имеет значения. Мне не нужно ваше сочувствие.

Мне ничего ни от кого не нужно — таков уж я.

Ганс Кнайфель

СВЕТ ВО ТЬМЕ

— Океан слишком велик, а лодка слишком мала и ее трудно увидеть, — сказал Старик. Он заметил, как было приятно беседовать с кем-нибудь, а не только с самим собой или с морем.

Эрнест Хэмингуэй

1

Он был приговорен к смерти, хотя еще не знал этого.

Часы адской машины уже давно тикали в нем, и взрыв был лишь вопросом времени. Звук этого взрыва должен быть громким — его услышат как на планетах Альфарда, так и на Земле, а также на Альфе в южном треугольнике.

Рафаэль Эскобар любил тишину, молчание и темноту перед со-

бой; он любил космос, и каждая минута, проведенная Рафаэлем во мраке, была добавочной каплей в чашу. Психозам требовалось очень много времени, чтобы возникнуть.

Девять дней назад корабль «Каталония» стартовал с Земли. Гигантская серебряная стрела ввинчивалась в темную область между Землей и Техедором, четвертой планетой Альфарда. Уже двести шесть часов Рафаэль находился в космосе, физические тайны которого он знал, как никто на Земле. Он смотрел на космос со смесью гордости, высокомерия и тайной ненависти. Эти чувства и делали его способнейшим, мужественным и осторожным пилотом. На Земле, кроме Рафаэля, было еще пятьсот семнадцать пилотов.

— Ни один человек так не одинок, как я, — вполголоса сказал Эскобар сам себе.

Еще одна капля упала в чашу.

— Нет, — сказал Рафаэль чуть громче и потряс головой.

Вокруг кресла пилота, как стеклянная стена, высился полукруглый пульт управления. На скошенных под резкими углами плоскостях светились и тлели свыше четырехсот указателей. Это лампочки, шкала всех цветов, бегущие извивающиеся линии на экранах осциллографов и самосветящиеся рычажки и клавиши — все это образовывало полный смысла узор. Мысли Рафаэля снова вернулись в грузовое помещение корабля, где находились семь трубок семидесяти сантиметровой в диаметре и двухсот сантиметров в длину, полные спящей жизни. Пионер и три пары поселенцев, накачанные наркотиками и питаемые искусственно, проводили пятнадцать дней сверхсветового полета. Только спустя шесть дней трубки откроются.

— Разумеется, я не один, — сказал Рафаэль и взял из надорванной пачки, лежащей между двумя хронометрами на пульте, черную сигарету.

В корабле было тихо. Как в склепе, подумал Эскобар, или как в старых церквях, где его всегда охватывало неопределенное и загадочное чувство. К л и к! Снова упала капля.

Рафаэлю не хотелось слушать музыку, так как в это мгновение его еще интересовала книга, вставленная в считывающий аппарат. Он задумался. Корабль с испанским названием мчался в парaproстранстве. Его целью была планета, названная именем ее первооткрывателя: четвертый мир Альфарда, главной звезды Гидры — водяной звезды. Семьдесят лет назад капитан Техедор со своим картографическим экипажем открыл планету, и там поселились люди. Сегодня на этой планете жило сто тысяч поселенцев, а через несколько дней их будет на семь человек больше.

Из динамика донесся металлический стрекот. Рука пилота вынырнула из темноты, коснулась одного из рычажков и передвинула его. Светящаяся стрелка на одной из шкал переместилась на более

низкую отметку. Рулевой излучатель в глубине корабля повернулся и отключился; коррекция курса, продолжавшаяся семь дней, была завершена.

Рафаэль заметил, что его сигарета погасла, и щелкнул зажигалкой, яркое пламя которой на секунду осветило его лицо. Эскобар увидел себя в зеркале одного из выключенных экранов. Голова тридцатилетнего мужчины с темными глазами. Классическая красота и надменность объединялись в выражение, присущее аристократам и пилотам. Это не было лицо человека, который чего-то боится.

— Чушь! Конечно, я ничего не боюсь, — пробурчал Эскобар сердито.

К л и к ! — еще одна капля.

Для Техедора груз был жизненно необходим. В ящиках и бочках были сложены те вещи, без которых человек не мог обойтись: инструменты, механизмы, составные части электрических и электронных приборов и аппаратов, медикаменты. И семь человек. Корабль был загружен до самого верха трюмов и мчался сквозь море тьмы, что Эскобар любил — и чего боялся.

В третий раз я говорю себе, подумал Рафаэль Эскобар, вытаскивая сигарету, что я не боюсь, но я боюсь и не хочу себе признаться в этом. Чего боюсь?

К л и к ! Острова, море солнца и газовый туман, облака и светящаяся вуаль фантастических очертаний, пронизанная холодным бриллиантовым огнем. Менее стойкий человек, чем Рафаэль Эскобар, не смог бы выдержать долго это зрелище, а он — мог и гордился этим. Мужество и осторожность были традицией в его семье, так как еще его дед выходил на арену в Барселоне и сражался, поэтому кровь и смертельная опасность не были для Рафаэля чем-то необычным.

Пилот откинулся в кресле, скрестил руки под головой и закрыл глаза, делая попытку проанализировать, что сделало его неуверенным в эту минуту. К отсутствию звуков от привык, к другим обстоятельствам долгого путешествия тоже: никто с пилотом не говорил, кроме записей на лентах, никто ему ничего не показывал, кроме видеозаписей; здесь не было никого, кого бы он мог коснуться, кроме бездушных переключателей и бесчисленных рычагов, которые были лишь функционирующими предметами.

— Привычный вид, — сказал он и открыл глаза.

Она снова была тут: выступающая на дальнем плане вращающаяся спиральная вуаль; бриллиантовая пыль на фоне облака, светящегося пурпурным газом. На нерегулярных расстояниях друг от друга ее покалывали солнца, самым большим из которых был Альфрад; на Земле это была звезда второй величины. Далеко позади корабля, словно дерево под ночным ветром, скрипело какое-то крепление.

— Нет, я достигнул своей цели, — сказал Эскобар и встал.

Его корабль, названный по имени провинции его родной страны, мчался дальше: расстояние между Землей и Техедором сокращалось со сверхсветовой скоростью. Сложные приборы позволяли видеть звезды, которые автоматически высчитывал бортовой компьютер.

Рафаэль происходил из BARRIO GOTICO, готического квартала Барселоны, и поднимался вверх подобно автомату. Эти годы остались далеко позади... Рафаэль принес жертву, которую должен принести человек для звезд: три года пилотом грузовика на службе в Системе, пассажирским пилотом на линии Земля — Марс, потом полеты на межзвездных грузовиках. Еще три полета — и он стал капитаном, получив дворянство. Он стал летать на пассажирских кораблях, курсирующих между пятью колониями, и имел на борту до двухсот пассажиров, а не ультразвуковые сеялки и механические плуги.

Теперь он утешался мыслью, что в настоящий момент ничем не мог себе помочь. Казалось, у него наступил один из тех небольших кризисов, которые были частью человеческой жизни.

Полет продолжался, и Эскобар, включив автопилот, покинул рубку. Его ждали пять часов сна.

Где-то в эти пять часов в светящейся голубым прорези панели сменились цифры и бортовой хронометр на кварцевых кристаллах показал наступление нового дня.

00. 01. 52 — 21. 04. 2144 года по новому времени.

Выспавшись, вымывшись и сытно поев, Рафаэль снова пошел в рубку управления. Он осмотрел курсограф, который регистрировал поступающие импульсы и наблюдения. Ничего. Курс был нормальным, в направлении главной звезды Водяной Змеи — Альфарда. Созвездие на переднем экране не изменились. Рафаэль закурил сигарету, слегка улыбнулся и установил, что странное настроение продолжает преследовать его со вчерашнего дня.

— Это снова началось, — сказал он сам себе, — нужно с этим покончить.

К л и к! Последняя капля. Чаша была полна, и теперь ее содержимое переливалось через край. Невроз существовал уже в течение пятнадцати лет, а теперь обострился. Вода из чаши пролилась и потекла по маленькой канавке в то мгновение, когда Рафаэль Эскобар включил обзорные экраны.

Звезды ринулись к нему, Вселенная сомкнулась вокруг него, словно черная мантилья, и вид ее ударил Рафаэля словно рог *торро*. Чернота, осязаемая и угрожающая, серебряная пыль и алмазы, плающий факел Альфарда. Эскобару показалось, будто в сердце вонзилась ледяная сосулька, и теперь он боялся звезд — своих звезд.

— Святая Монсеррат! — простонал он.

Ужасный приступ все смыл. Самоконтроль, который в таких случаях предусматривал, чтобы пилот покинул рубку управления, исчез в течение секунды. Постгипнотический приказ растворился в воз-

буждении измученного мозга. Невроз обострился еще больше. Наступило сумасшествие.

Детекторы зафиксировали происшедшее. Гидравлическая рука с рабочей головкой, содержащей воздушный инъектор с антиневрозинном, метнулась вперед, и содержимое ампулы с успокаивающим средством с шипением устремилось в искусственную кожу сидения, туда, где находилась бы сонная артерия пилота, сиди он в кресле. Эскобар спрятался за креслом и сильно задрожал. Все его тело тряслось. Синдром кокакриза содержал множество подробностей, и чувство непосредственной угрозы жизни, порождаемое этим приступом, обострило все.

Мучительная сухость иссушила рот пилота. Дрожа и всхлипывая, словно ребенок, он прижался к спинке сидения. Жажда, бушевавшая в нем, угрожала сжечь его, давление на зрительные нервы лишило его возможности видеть. Эскобар уставился широко распахнутыми глазами прямо на центральный экран, видя все в черно-белом изображении и как на негативе — солнца были темными кругами ужасного серого цвета, а пространство было, как саван. Из горла пилота вырвался звук, в котором не было ничего человеческого. Крик, превративший его в покинутое существо посреди Вселенной, бросил его в пот. Потом руки его разжались, и Эскобар подрубленным деревом рухнул на пол и разбил себе нос, но ничего не почувствовал. В его ушах звучал крик, несущий в себе все скрытые ужасы Вселенной.

В течение секунды Эскобар превратился из человека во что-то, напоминающее яростного зверя. Все, что составляло душу разумного существа, было мертво.

Включился маленький, но мощный прибор, который наблюдал и все записывал.

Эскобар громко взревел, встал на четвереньки и побежал по кабине, как собака. Лицо его было залито кровью, на серебристом мундире были такие же пятна. Открылись магнитные поля. Одним прыжком воющее животное вскочило на пульт управления.

Далеко позади, в последнем проблеске рассудка, напрягшись под невыносимой нагрузкой, в Эскобаре дрожало что-то, напоминающее струну. Икар полетел к солнцу слишком близко, крылья расплавились, и он рухнул в море. Нить лопнула с отвратительной психической болью... Рафаэль Эскобар, тридцатилетний пилот корабля «Каталония» и кандидат на звание Благородного, перестал существовать.

Существо громко выло. Эхо воя, как металлическое гудение, проникало в часть коридора. Существо неестественно резко захихикало и стало бить по часам, нажимая на кнопки без разбора; каблуки вонзились в анкер выключателя вращения и нажали на контакт. Колени

вонзились в крышку Паксола, уничтожив защиту. Осколки вонзились в кожу.

В корабле, в основном в механической части привода, заработали механизмы и приступили к действию, которое было абсолютно бессмысленным и грозило смертельной опасностью для корабля при посадке.

Кокакриз мог продолжаться от десяти до пятнадцати минут.

Почти мгновенно «Каталония» выпала из парaprостранства в нормальный континуум. Реактор, вырабатывающий энергию, который был нагружен до красной черты, начал перегреваться. Заревела сирена.

Воющее существо прыгало на пульте, выкрикивало что-то, похожее на «вода», и, слепо ударившись об экран, разбило его. Потая и хрипя, оно опустошило свою флягу. Потом снова свалилось на пол, сломало руку, но и на этот раз не почувствовало боли, и продолжало разрушать корабль.

Маленький прибор, шар тридцати сантиметров в диаметре, наблюдал и регистрировал. Электронный механизм уже начал производить магнитный анализ происходящего и заносить на бесконечную ленту с сорокасекундным временем воспроизведения.

Корабль бушевал. Воцарился хаос. Экраны разлетелись от остро-го, палящего пламени, ударившего в них из цоколя трубки Кальдера. Кипящая ртуть испарилась, и существо, задыхаясь, закашлялось, на его губах выступила пена. В машинных помещениях энергия уничтожила все, что находилось на ее пути. Масса, позволяющая кораблю восьмикратно преодолеть расстояние между Землей и целью, была выброшена в течение секунды. Реактор раскалился докрасна, в результате чего в нескольких местах ленивыми ручейками по полу текла изоляция.

В огромном помещении объемом в двадцать кубических километров произошел взрыв, уничтоживший все, что было здесь еще минуту назад, — и сам себя. Буйствующее животное, не похожее ни на что, известное человеку, наконец спрыгнуло с пульта в темный угол, закрыло глаза и затихло, только кататоническая дрожь время от времени пробегала по его телу.

Импульс... он отключил оптику, герметически закрыл шар и освободил магнитные зажимы. Из пустого помещения внутри корабля донесся глухой взрыв. Возле носа корабля открылась крышка, и вырвавшееся бело-голубое пламя химического топлива вытолкнуло шар, унося его прочь. Когда шар удалился от корабля на три километра, магниты отключились, сбросив топливо, и он повис.

А «Каталония» мчалась дальше. Корма ее уже пылала, потом краснота перешла в желтизну и наконец в ослепительную белизну. Корабль взорвался. Плавающие осколки, обломки и длинные полосы дыма устремились в разные стороны, но были сдержаны кинетиче-

ским импульсом. Куча космического лома тотчас же охладилась и продолжила свое долгое, одинокое путешествие. Лет через двести пятьдесят поле тяготения Альфарда притянет ее к звезде и расправит. Стоимость металлолома составляла миллиард — это была цена корабля, два миллиона межзвездных долларов стоил груз, а что стоили восемь человеческих жизней, никто подсчитать не мог. У молодой Земной Империи было только пятьсот семнадцать кораблей и соответственно пятьсот семнадцать пилотов.

Тем временем маленький позолоченный шар выпустил из своих гнезд антенны, излучавшие сигнал:

Корабль «Каталония» уничтожен. Информация на ленте. Корабль...

Все восемьдесят секунд излучался сигнал о помощи. Однажды вблизи передатчика окажется поисковый корабль или картограф, и тогда люди узнают, почему не прибыл на Техедор грузовой корабль. Очевидно, человек — *homo sapiens* — не был приспособлен для Вселенной или Вселенная была не для него. На протяжении пяти лет было уничтожено восемнадцать кораблей.

Шар снова начал излучать.

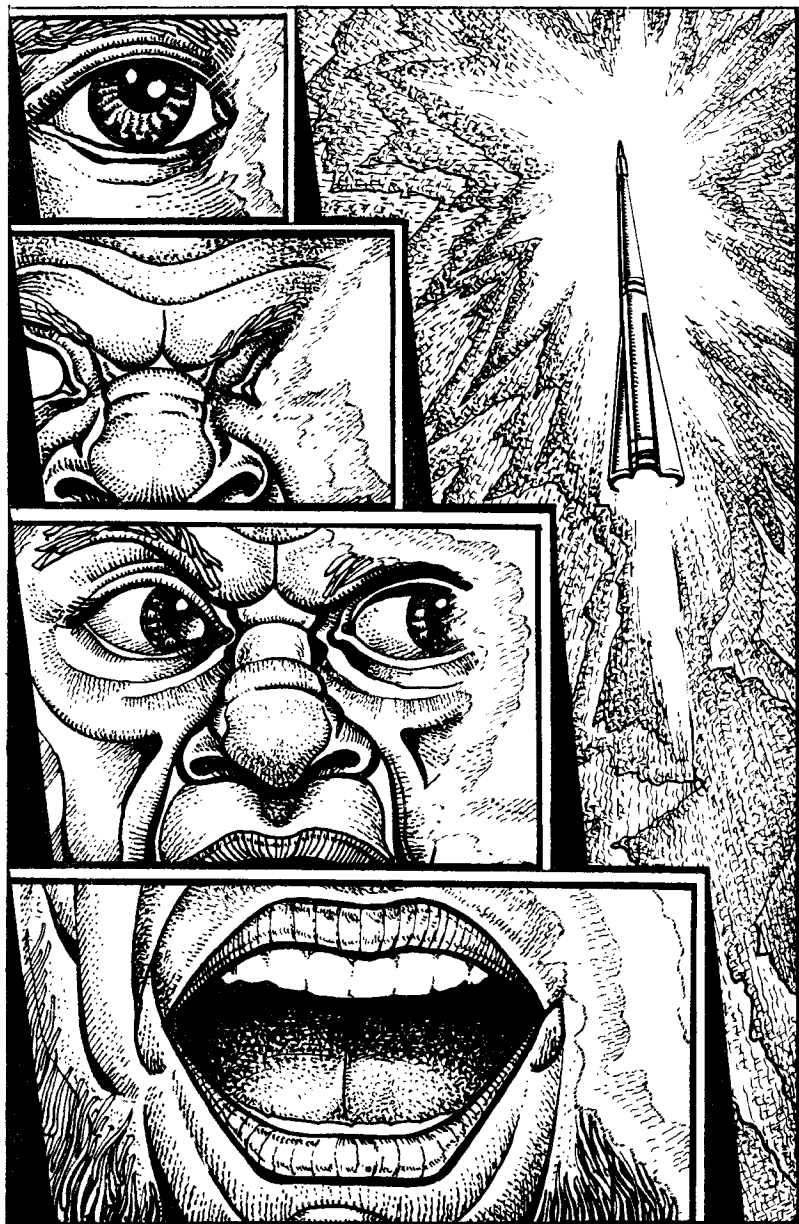
2

Гул тихо ведущихся разговоров смолк, когда вошел председательствующий. Здесь и сегодня — в Кристаллическом куполе Верховного трибунала Земли — знаменательная дата, 92-й год со времени предпоследнего полного уничтожения звездного корабля.

Было 19.04.2236 года по новому времени. Сегодня процесс столетия вошел в последнюю фазу. Куполообразный зал состоял из сотен тысяч сотообразных стеклянных ячеек, каждая со своим источником света, из своего материала и со своим спектром. Барьеры были из гранита.

— Сегодня суд огласил приговор, — сказал человек, ведущий заседание. У Капитана, рыцаря Рено де Божу, несмотря на его почтенный возраст, все еще был ясный голос. — Трибунал — признак того, что происходящее здесь полностью осознано. Мы заслушали протоколы обвинения и свидетелей, а также их выступления. Я прошу надлежащего внимания.

На контрольном экране цветной телекамеры появилось лицо Рыцаря. Рено было девяносто лет, он тяжело болел, и у него отсутствовала одна рука. Левый рукав серебристого капитанского мундира был перехлестнут и застегнут платиновой застегжкой. Темно-коричневое лицо мужчины — нос, щеки, подбородок и шею, а также старчески дрожавшую руку, лежавшую на бумагах, —

покрывала сетка серебристых колец, сверкающих в причудливом свете купола.

— Защита готова, ваша честь, — произнес Гилберт Т' Гластонбери и незаметно нагнулся. Он ненавидел Рено де Божу, но уважал его.

— Обвинение тоже готово, — равнодушно заявил Тьерри фон Найвард.

За гранитным блоком виднелась эмблема Земной Империи: продолговатый прямоугольник — золотой разрез, пронизывающий шар и нацеливающийся в силуэт. Звезды, Земля, корабль.

— Я хочу в последнем слушании высказать одну мысль, — произнес обвинитель.

— Суд слушает.

Здесь были также два робота, стоявшие по бокам скамьи обвиняемых и между пультами защиты и обвинения. Серебристые пластмассовые эмблемы отражали свет; бесполые машины носили на груди эмблему Т. I.

Когда камера повернулась и нацелилась на него, Тьерри фон Найвард произнес:

— Нам больше не нужно заботиться о персоналиях или допросе обвиняемых — они ясны. Вопрос вот в чем: как должен вести себя человек, когда моральные понятия, которым его обучало государство, сталкиваются с Империей? Налицо дуализм; это не только вопрос совести, но и права. Признает ли ваша честь эту неясность ядром проблемы защиты? Здесь ни в коем случае не должна использоваться поговорка «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку».

Сетка председательствующего пришла в движение, когда он улыбнулся.

— Чтобы ответить на этот вопрос: суд знает, о чем сегодня идет речь. У вас есть что сказать, господин защитник?

Т' Гластонбери был опытным психологом и великолепно жонглировал фактами и внушением. Резкие черты лица сорокалетнего защитника, делающего карьеру, напряглись.

— Защите очень трудно поверить в объективность услышанной аргументации. Два молодых человека, которых сегодня обвиняют, действовали так, как это предписывала инструкция. Если бы государство не создавало вокруг звездных перелетов атмосферу таинственности, ничего бы не произошло.

Здесь неуместно дискутировать о вине индивидуума перед государством, прежде чем будет обсуждена вина или обязательства государства перед гражданином. Информационных обязательств государства недостаточно, чтобы остановить этот основополагающий процесс. Ваша честь, я прошу принять это во внимание.

Защитник замолк, по рядам слушателей прокатилась волна гу-

ла удивления. Божу бросил на Т'Гластонбери тяжелый взгляд, но промолчал.

Три человека — Божу, Найвард и Т'Гластонбери — три противоположности.

Найвард, богатый и независимый холостяк, был воспитан в старые, еще доинквизиторские времена. Он и Божу знали, что каждое судебное заседание было делом людей, хотя при этом страдала объективность. Конечно, нельзя было найти второго такого судью, воплощавшего справедливость так, как Божу. Найвард это знал, поэтому был спокоен, даже если обвинение было очень шатко.

Т'Гластонбери был тороплив и часто ошибался. Мозг его работал великолепно, поэтому он еще ни одного процесса не проиграл. Это делало его мало симпатичным, зато карьера шла круто вверх.

И ни один из этих людей не мог конкурировать с рыцарем Божу.

Благородный был стар, как никто другой. Божу страдал от звездной проказы, и ему оставалось жить всего несколько лет. Он видел все, что космос открыл людям на сегодняшний день. Два его сына были расстреляны инквизицией, отсутствующая родня сгорела в камере реактора, который отключал Божу; кроме него, спаслось только двое. Прокза пожирала его тело изнутри.

Прокза была незаразной, и ее можно было остановить. Дикий распад тканей кожи останавливали, вживляя пациенту в сорокачашковой операции сеть пластмассовых колец. Свыше шести тысяч колец диаметром до семи миллиметров покрывали кожу рыцаря. У Божу было одно-единственное желание — никаких теней на могиле.

Таковыми были люди, решающие исход этого процесса. Было 19.04.2236 года, и телекамера гудела.

— Прошу Вас, мисс Гринборо, к месту свидетеля, — сказал рыцарь Божу.

Публике — журналистам, адвокатам и наблюдателям колоний — пришлось некоторое время подождать. Убийство произошло сорок дней назад.

Один из роботов бесшумно и быстро направился к правой двери, открыл ее и сказал:

— Мисс Гринборо, прошу вас.

Камера повернулась, и миллионы зрителей увидели изображение.

Вошла женщина, выглядевшая иномирянкой, потому что там, где она жила до сих пор, царили другие условия. Люди там иногда мутировали.

Голова женщины была высоко поднята. Две пряди темно-синих волос обрамляли лицо с широко расставленными глазами густо зеленого цвета, а в зрачках, казалось, блестели кристаллы. Впечат-

ление чужеродности дополняла одежда в виде халата с поясом из неизвестного материала. Женщина была скорее изысканной, чем красивой. Она подошла к стулу для свидетелей, кивнула Богу и села.

— Одна формальность, мисс Гринборо, но необходимая, — мягко сказал председатель. — Я просил вас прийти, чтобы спросить, не изменилось ли что-либо в ваших показаниях.

Между женщиной и рыцарем, казалось, произошел неслышный диалог.

— Ничего не изменилось, ваша честь, — ответила женщина звучным и очень четким голосом.

— Ничего не могло бы дать слушателям дела другое направление?

— Нет... ничего, ваша честь.

Голос, хотя и негромкий, проникал в самые удаленные уголки аудитории.

— Благодарю вас. Можете вы подождать снаружи?

— Разумеется, ваша честь.

Камера следовала за женщиной с синими волосами, пока узкая дверь не закрылась за ней, а робот не занял свое место. Самоуверенная улыбка председателя погасла.

— Пожалуйста, приведите обвиняемого.

Открылась дверь, и робот ввел человека не старше двадцати лет. Обвиняемый остановился; на нем не было наручников. Пока его вели сюда, он не делал попыток к бегству и не хотел бежать, даже если бы для этого представилась возможность.

— Обвиняемый, — сказал рыцарь Богу своим старческим голосом, — у вас здесь есть последний шанс изменить свое положение или оправдаться. Вы можете сказать что-нибудь, что могло бы повлиять на ход процесса?

Голос обвиняемого был тихим, но динамики делали его понятным.

— Нет, — ответил он. — Нет, ваша честь.

Он тоже был синеволосым и зеленоглазым, широким в плечах и атлетически сложенным, тщательно одетым по чужой моде.

— Вы настаиваете на каждом слове ваших показаний?

— Да, ваша честь.

— Хорошо. Спасибо.

— Ваша честь? — внезапно обратился мужчина.

Снежно-белые брови старика поднялись над пластмассовыми кольцами.

— Когда все здесь кончится? Я хочу, чтобы меня увели вниз...

Губы председателя скривились в скупой улыбке, что было редким зрелищем.

— Сын мой, — медленно произнес он, — вы убили. По закону вы

убийца. Мы все знаем, при каких обстоятельствах вы сделали это. И теперь вы должны нести ответственность по закону.

Рыцарь Богу замолчал, и на мгновение показалось, что силы покидают это хрупкое тело, так как рука старца дрожала намного сильнее. Потом голос снова стал ясным и четким.

— Даже если этот спектакль продлится неделю — вы еще сорок дней назад хотели доказать, что вы человек. Мы дали вам эту возможность.

Рено тяжело кивнул. Голова его, чье изображение можно было видеть на золотых монетах, кивком указала на дверь. Пронизанная серебром рука вытянулась. Робот двинулся к обвиняемому и вывел его. Молодой человек смотрел в пол, так что камера не могла показать его лицо.

— Заседание прерывается на десять минут, — устало сказал Рено и с трудом поднялся. Два из шести помощников судьи подскочили к нему и поддержали. Старец медленно, но важно держа голову, прошел между темными мантиями и вышел из зала. Смерть к этому человеку была ближе, чем к другому. Не коснется ли его ледяная рука смерти еще до окончания процесса?

Сегодня вечером должен быть оглашен приговор. Только четыре человека в этом зале знали больше. Они знали, что Рено делает еще одно, гораздо более важное заявление.

Но было ли что-нибудь важнее, чем убийство? Очевидно.

3

Когда машина пошла на посадку, он снова увидел это. Под ним в двухстах метрах волны прибоя накатывались на песок. Света здесь было в избытке. Повсюду искрились лучи солнца и резкие, угловатые тени. Свет освещал каждый предмет, гасил одни краски и делал ярче другие, придавая им новые оттенки. Страна продолжала жить. Машина медленно покатилась; Корт отстегнул пояс и погасил светящуюся надпись над дверцей кабины. У Корта было время, и он посмотрел наружу, сквозь двойное стекло окошка.

Красная почва, желтый песок и белые строения. Песок, асфальт и много камня, а над всем этим обшита деревом диспетчерская башня. Казалось, изменения здесь происходили так медленно, что их было не заметно; свет был обманчив. Разбитый автобус-ховер доставил Корта к распахнувшимся створкам двери из дымчатого стекла сантиметровой толщины; бронзовая дверная рукоятка двери воспроизводила герб города. Над дверью висела вывеска «Интернациональ».

Корт показал пропуск, затем долго прождал, сидя на чемодане и нервничая, отрицательно ответил на вопрос служащего таможни и подошел к выключателю информатора.

— Мое имя Хуан д. Корт, — сказал он стюардессе. -- Вот моя идентификационная карточка. Для меня должны оставить автоматический ключ.

Красивая девушка с каштановыми волосами заглянула в ящик, достала пакетик и, улыбнувшись, протянула его через пульт Карту.

— Пожалуйста, ключ.

— Спасибо, — ответил Корт.

Выудив ключ из конверта, он скомкал упаковку, хорошо прицелился, бросил ее в урну, надел солнечные очки и вышел. Свет солнца и жара обрушились на него, словно лавина. Корт быстро направился к месту стоянки, пытаясь между длинными рядами оставленных машин найти служебный глайдер Психоаналитической станции. Это был «остин-цезарь» песчаного цвета, который он обнаружил в последнем ряду. Он затолкал в него чемодан, сбросил пиджак и сел за управление. Казалось, что кожа сидения кипела внутри.

На мгновение он подумал о волнах прибоя, потом покачал головой и поднял машину вверх. Загудел ионный двигатель.

— Потом... — пробормотал Корт.

Глайдер поднялся на пятнадцать сантиметров, повернулся на месте и осторожно направился к выходу со стоянки. После этого Корт увеличил скорость и влился в движение на обрамленном тополями шоссе.

Год назад Корт не видел здесь ничего, кроме дорожных рабочих. Тяжелый «остин» мчался по шоссе к запруженной машинами Каstellдефельс — восьмирядной авеню. Машина с эмблемой T.1 быстро нагнала и обогнала его; Корт подумал и увеличил скорость, поехав так же быстро, как и она. На протяжении девяти километров он ехал так, а потом покинул общий поток. Нажатие кнопки — и стальная крыша сложилась, боковое стекло исчезло в дверце. Корт зажег сигарету и высунул наружу левую руку. Он нагнал тяжелый «СЕАТ» на воздушной подушке, обогнал его и поехал дальше. Мимо пролетали пинии, невероятно корявые сливы и кипарисы. На полях работали зеленые аграрные роботы.

Каstellдефельс. Корт миновал два перекрестка и только потом уменьшил скорость. Дорога на Ситгес извивалась вдоль берега, как змея; мужчина улучшил свой рекорд последних лет на две секунды. Тяжелый глайдер выл на поворотах, а Корт радовался, как маленький мальчик. Слева находилось море, справа вверх поднималась обработанная скала.

Вильяфранка — 18 километров. Корт обогнул щит; между Ситгесом и Вильяфранкой, на дикой горной дороге из Каньеласа, находился «Холм сломленных душ». Корт лишь условно оценивал богатство души, ибо для него это была только одна из девяти систем, координатором которых был он, состоя на службе в Империи. Задачей этих девяти станций был поиск в данной местности идиотов.

Были ли это просто станции? Для Корта это было нечто большее, поэтому он радовался, что снова оказался здесь. Он, словно гонщик, вылетел из последнего, семьдесят шестого поворота, резко затормозил и остановил «Цезаря» возле белой машины скорой помощи. Турбина сбавила обороты и остановилась. Корт вышел из машины.

Перед ним находилась станция, окруженная четырехметровым забором из колючей проволоки, находящейся под высоким напряжением. На горном склоне тянулись пять рядов по десять маленьких бунгалов, окруженные жилыми блоками. В каждом домике можно было разместить десять кретинов. Там жили невротики, эпилептики, дебилы всех степеней от четвертой до двадцать второй, монголоидные идиоты в послеоперационном периоде, неврастеники, кретины, психопаты и всевозможные их комбинации различных возрастов — не было только уродов.

— Конкурс Хомо Сапиенс, — пробормотал Корт; он уже знал об этом. Найроби, Стамбул, Бангкок...

Корт взял чемодан и пошел к энергетическому барьеру. Возле него стоял кирпичный домик охраны. Уже здесь чужак получал соответствующее впечатление. Исидоро не заметил прибытия; Корт установился в окошко. Карлик сидел на своем особом стуле, держа сигару между зубов искусственных челюстей, подперев их кулаком. Потом губы его открылись, он обнажил зубы и зажег сигару. Корт постучал в окошко.

Исидоро поднял взгляд, широко улыбнулся, и стекло окна скользнуло в прорезь мраморной стены.

— Вы уже тут, координатор? — спросил он.

— Нет, — ответил Корт. — Это мое второе, лучшее я.

Исидоро Грилмайер сполз со стула, открыл дверь во двор, подковылял ближе, отпер маленькую дверцу.

— Дама, конечно, не ждет вас.

Челюсти были, разумеется, ненастоящими и выговор нечетким. Корт кивнул и вошел на территорию станции.

— Что нового, Исидоро? — спросил он.

— Что вы понимаете под новым, сеньор?

— Новости и вещи, сильно отличающиеся от нормальных.

— Ничего нового, — ответил карлик. — Все по-старому.

Корт остановился и посмотрел на солнце. Звезда, словно гигантский диск из латуни, погрузилась в Средиземное море. Небо мгновенно приобрело прозрачный фиолетовый оттенок. Где-то играла музыка. Корт нагнулся к Грилмайеру. Тот недоверчиво посмотрел на него и почесал горб.

— Исидоро, друг мой, — сказал вполголоса Корт, — вы должны оказать мне любезность. Закажите столик в Ла Кабана-Клубе в Сит-гесе, заправьте «равер» и не сообщайте об этом Даме. И сегодня ночью вы не должны петь под моим окном. Ясно?

Лицо Исидоро осветилось.

— Si, — ответил он. — Я все сделаю для вас.

— Я должен быть здесь свободен.

— Тогда я должен переставить вашу постель, координатор!

— Если хотите — пожалуйста. Мой ключ?

Исидоро подал ему примитивный железный ключ, поковылял в свою каптерку, взял телефонную трубку и заговорил в нее приглушенным голосом.

Ничего не изменилось. Струя воды поднималась отвесно вверх и рассеивалась над лужайкой. Все растения были ухожены, где-то кто-то пел под гитару. Корт болезненно улыбнулся, прошел по каменному полу зала и по винтовой лестнице поднялся наверх. Войдя в свою комнату, он запер дверь и встал под душ. Четверть часа спустя Корт постучал в дверь другой комнаты, гитара смолкла, и голос прозвучал:

— Входите!

Прихожая за дверью была ярко освещена, и виднелся обтянутый зеленой материей шкаф. Корт повернул направо. Найвес Вандрелл, сидевшая между жилой комнатой и террасой, встала и прислонила гитару к стене. Корт остановился у двери комнаты и сказал:

— ... Любовь моя, цвет зеленый. Зеленого ветра всплески. Зеленый парусник в море...*

— Почему ты не дошел до конца? Я люблю Лорку.

Она была более чем удивлена.

— Ты? Лично Хуан д. Корт?

— Ты очень удивлена, Найвес? — спросил он.

— Да. Я ожидала тебя только завтра.

— Все прошло без задержки, было как и запланировано. Вчера утром я прибыл из Найроби в Ден Хасег, день пробыл на процессе, а после обеда отправился сюда.

Он подошел к ней, взял ее руку. Найвес слегка прижалась к нему.

— Как давно ты здесь?

— Девять дней. У меня отпуск.

— Я специально установила приемник. Рено, как я думаю, откроет тайну.

Он кивнул.

— Да. Но сегодня не будем говорить о работе — я здесь исключительно по личным делам. Очень личным.

— У тебя есть личная жизнь?

— Конечно, — улыбнулся он. — Насколько я тебя знаю, у тебя в холодильнике находится два литра сангрии. Это верно?

— Абсолютно, — подтвердила она, высвободив руку, и прошла на крошечную кухоньку. Корт любил сангрию. Красное вино, фрукты и

* Федерико Гарсиа Лорка «Сомнамбулический романс» (перевод А. Гелескула).

коинтро, смешанные в надлежащей пропорции, образовывали великолепный напиток для усталого путника.

Корт вытащил старый трубчатый столик на террасу, поставил два кожаных кресла и закурил. Вернулась Найвес с коричневым кувшином и двумя стаканами в руках; из кувшина высовывалась лимонная корка. Сангрия полилась в стаканы.

— За нас, — сказал Корт, и Найвес кивнула. Он одним глотком опустошил стакан. — Я должен тебе сказать, что сегодня заказал для нас обоих столик в Ситгесе, в Ла Кабана-Клубе. Этим будет выполнен ритуал наших вечерних прогулок.

— Это очень любезно и позволяет мне надеяться на многие часы приятного времяпрепровождения, — произнесла женщина. Он улыбнулся, глядя в разгоряченное лицо, предложил сигарету и закурил сам.

— Твоя наивность освежает, как стакан сангрии, — сказал он и указал на быстро темнеющее небо. Показались отдельные звезды, а на горизонте, над морем, пылала ярко-красная полоса.

— Кому же мне тогда верить? — спросила Найвес.

— Спасибо, — ответил он. — Я предлагаю одеться и спуститься вниз. Заседание завтра будет нелегким. Я жажду принять ванну.

— Разумсется, — кивнула она.

Двумя часами позже они сидели в плетеных креслах, смотрели на море и ели сэндвичи. Из динамика доносилась музыка, и Корт откинулся назад. Он освежился купанием, и мозг его снова работал так же точно и быстро, как и всегда. Подводя итоги, Корт смотрел на Найвес, чей ясный профиль вырисовывался на фоне темно-голубого моря с рассеянными по нему огнями рыбацких лодок. Все это было взаимосвязано, хрустальный дворец в Гааге и слушание дела, около двадцати потерянных звездных кораблей и женщина с синими волосами, рыцарь Божу и Корт, Найвес и «Холм сломленных душ». Поток излился в море; это море было Вселенной, слишком большой, слишком темной и слишком тихой для людей. Вселенная наказывала людей сумасшествием за то, что Земля основала колонии далеко вовне. Корт взял руку Найвес, поднес к губам.

— Однажды все это кончится, — сказал он. — Путешествия и все. Я жду этого мгновения.

Найвес удивленно подняла брови

— Я не понимаю, — сказала она.

— В свое время я объясню это, — пообещал он.

Корт, который всю жизнь сохранял определенную позицию между собой и многими вещами, испытывал благоговение к некоторым из них, хотя редко показывал это; он был более чем просто холодным талантом. На Системе, которую он контролировал, некоторые вещи не подходили, так как противоречили порядку, как его представлял Хуан д. Корт. Можно ли будет восстановить порядок в ближайшие годы? Он этого не знал, но надеялся.

Пока Корт, накрытый простыней, вытянувшись лежал в кровати, во дворе выл и охал Исидоро Грилмаер. Он крутил ручку древней шарманки, звуковой тон и такт которой гармонировали с романсом Гарсиа Лорки, исполняемым Исидором. Было пыткой слушать его, но эта песня заряжала калеку жизненной силой на целый месяц. Наконец привратник замолчал. Корт взял походный будильник, поднес его к лицу и сказал:

— Шесть часов.

Корт постепенно уснул, и сон его был омрачен картинками из книги, называющейся «Звездные полеты»: взрывающиеся корабли, умирающие пилоты, ласково улыбающиеся сумасшедшие, прекрасная, как у тореро, сетка на лице рыцаря. Долгий зуммер разбудил его в шесть часов.

Когда вошел и сел последний, двадцать четвертый ученый, Корт встал, слегка поклонился и сказал:

— Дамы и господа, я надеюсь, что ежегодный контроль пройдет очень быстро. Я приветствую вас и благодарю от имени Совета. Отдел Психологии Земной Империи выражает вам признательность за то, что вы сделали и продолжаете делать.

Тихий гул согласия был ему ответом. Здесь присутствовали ученые Холмов. Они сидели в помещении группового обучения последнего класса. Сложные приборы были укрыты или убраны, во всяком случае, из сложной техники мало что было видно.

— Сегодня утром я получил книги, но не успел даже бегло посмотреть их, — продолжил Корт, — и был удивлен безупречным введением к этим книгам. Понадобилось предоставить дотации. В ближайшую неделю мы переведем необходимую сумму на следующий год.

Замершая Найвес улыбнулась, так как знала, что Корт сделал в этой ситуации все, что было в его силах. Ее взгляд скользнул по лицам психологов, терапевтов и воспитателей, ненадолго задержавшись на белом лакированном роботе, контролировавшем нейроаппаратуру, и потом остановился на узком черепе координатора. Корт поднял руку.

— К предлагаемым расчетам, — сказал он, — вам понадобится большая сумма, меньшая или такая же?

— Нам понадобится на четверть миллиона больше, потому что нужна обучающая аппаратура для последних классов. Как мы знаем, управляющие системы изменились.

Корт кивнул инструктору и быстро ответил:

— Новые игровые машины уже созданы. — Он заглянул в свои записи. — Вы получите экземпляры ровно через четырнадцать дней.

— Очень хорошо.

— На станции, по моим подсчетам, находится в настоящее время четыреста человек. Это так?

— Ровно четыреста, — ответила Найвес.

— Сколько человек прибыло в этом году?

— Сорок пять. Но один, несмотря на все наши старания, умер, значит, сорок четыре.

— И они, — спросил Корт, — в первую очередь абсолютно пригодны для нашего учреждения?

Ему ответил другой ученый.

— Мы должны установить отклонения от нормы двух десятилетий дебилов; их сознание становится слишком широким. По опыту известно, что их интеллект с возрастом уменьшается. Игры, развивающие интеллект, нужно ликвидировать и заменить игрой мысли. Во всяком случае, наши прогнозы до сих пор оказывались весьма неплохими.

— Вы правы, — ответил Корт, не заглядывая в свои записи, — до сих пор ошибка в прогнозах составляла меньше одного процента.

Он снова повернулся к Найвес, руководящей этой станцией.

— Сколько полностью обученных учеников может выпустить станция в этом году?

— В ближайшее время мы заканчиваем обучение сорока человек.

Корт удивленно поднял брови.

— Сорока?

— Да, — кивнула Найвес, — и все мужского пола — слабоумных женщин подозрительно мало — в возрасте от двадцати двух до двадцати четырех лет. Коэффициент интеллекта между двадцатью четырьмя и тридцатью двумя. Три невротика, два искусственных монголоида, восемнадцать...

— Спасибо! — устало махнул рукой Корт.

Спустя некоторое время он сложил перед собой листы бумаги, закрыл папку.

— Горько, конечно, — сказал он, — что у сотрудников психологической службы нет никакого другого задания, кроме как искать по всему миру слабоумных детей и душевнобольных со здоровым телом. Мы делаем это, потому что мы разочарованы и у нас не осталось выбора. Если бы общественность узнала, для каких целей нам нужны наши подзащитные, поднялась бы целая буря протестов. И эта буря начнется через несколько часов — судья Рено де Бошу объявит долго ожидаемый приговор. Насколько мне известно, убитый был отсюда?

Найвес молча кивнула.

— Мы нашли Альваро четырехлетним ребенком, — сказала она, — цыганом из Манчи. Это было еще до меня, но его освобождение три года назад происходило под моим наблюдением. Он был *обученным идиотом*.

— Все мы знаем больше, чем общественность, — продолжил

Корт, — и постоянно находим ученых, которые добровольно присоединяются к нам. И все в порядке. Только мне кажется, что аварии происходят слишком часто, поэтому привлекают слишком много внимания. И я должен это изменить, потому что лучше Координатора никто не сможет это сделать. Благодарю вас.

Один из ученых поднял руку.

— Можно вопрос, Координатор?

— Да?

— Вам лично, синьор Корт. Что значит маленькое «д» перед вашим именем?

Корт рассмеялся.

— Пожалуйста, оставьте мне эту маленькую тайну, — сказал он. — Если вас удовлетворит такое сообщение, то «д» — это «дикарь», Хуан, «дикарь» Корт — звучит не очень-то, верно?

— Ладно, — возразил терапевт, — хотя это, конечно, неправда.

— Совершенно верно, — ответил, улыбаясь, Корт. — А сейчас совершим обход. Я хочу начать свой отпуск.

Они пошли, осматривая аппаратуру и помещение. Обычно здесь находились слабоумные дети до двух лет, родители которых в большинстве своем были рады избавиться от них и добровольно отдали сюда. Существовали десять классов одаренности, в рамках которых пытались вложить в дебилов и психопатов строго ограниченный минимум способностей и технических знаний; бесчисленные спецустройства, разработанные техниками Империи специально для этой цели, помогали людям.

Десять классов и более сорока детей. Процесс был медленным и качественным. Мир сознательного восприятия у этих детей был слишком мал, это так. Сначала они учились говорить и писать. Их словарный запас ограничивался шестьюстами словами. Если мозг ребенка не подчинялся требованиям, использовались нейтроновые индикаторы. Так на протяжении двадцати лет, полных трудов, загаженные, воняющие, беспомощные комки плоти превращались в здоровых, пышущих силой мужчин, которые получали воспитание детей Благородных; только использовались другие знаки.

Витаминное питание... гимнастические упражнения, обучение общей и специальной механике движений... солнечные ванны и спорт. Молодые люди из последнего класса были в состоянии поставить рекорды во многих дисциплинах, но не могли отличить звезду от лампочки накаливания. В их мире не было звезд, не было космических кораблей, не было стихов Лорки; только безбрежная пустыня, ограниченная отдельными незыблемо возвращенными островками знаний и сведений.

— Здесь размещается класс «А», — сказала Найвес.

Роботы-няньки, андронды, облицованные пенорезиной и снаб-

женные искусственными женскими признаками, с убивающей душу неумолимостью заботились о малышах.

Впечатление: белые кровати, пестрые игрушки из гибкой пластмассы. Яркие краски, свет и аромат чистоты. Дети здесь были собраны из всех концов континента, маленькие, худенькие существа, нуждающиеся в непрерывной заботе. В их глазах не было заметно никаких признаков разума. Они были большими, круглыми и слепыми, как илистый пруд. «Как цветные стаканчики из-под молока», — подумалось Карту. Он видел это почти каждый день и больше не пугался.

— Класс «Б», — сказала возле него Найвес.

Пятилетние, шестилетние, ползающие между ног роботов, встающие, падающие на мягкий ковер и что-то лопочущие. Чего здесь не было, так это рева, а дети этого возраста часто ревели. Здесь было относительно тихо, и казалось, все звуки были заглушены толстыми занавесками.

Так было и дальше... ступень за ступенью. Крытые проходы вели из здания в здание, оконные рамы из гибкого материала, повсюду натянутые невидимые сетки. И внимательные глаза роботов видели все.

Возьми нечто, что еще не является человеком, но уже и не животное, что стоит на промежуточной ступени, хотя это и трудно заметить, посмотри на него, и обнаружишь отсутствие огня Прометея — и ты испугаешься, потому что это нечто похоже на человека меньше, чем робот.

Сострадание! Совершенно ошибочно. Сострадание означает, что существо обладает способностью страдать. Но это не так. Здесь все есть. Все, чтобы сделать из ошибки природы вполне удовлетворительного человека. Нет, не человека, странное двуполое существо, парящее между мирами. Дух его, как крышка стола, — чистая доска. Только то, что в течение двадцати лет было закреплено на этой доске, можно рассматривать как существующее. Все, что находилось за пределами этой доски, — не существовало. Этого не было, этого нельзя было даже представить. Границы сознания были слишком малы и узки, но порядок на этой доске был образцовым.

В конце концов некоторые из самых талантливых людей Империи уже семьдесят пять лет работали над этим, и за все это время надежды людей не были обмануты. Большая часть прогресса стала теперь возможной потому, что были эти двадцатилетние мускулистые тупицы.

Хомо Сапиенс напрягал мускулы, чтобы сделать следующий шаг в Галактику, чтобы распространиться среди звезд. И когда он хотел идти, приходил слабоумный, брал его на руки и нес.

Корт усмехнулся. Голос Найвес оторвал его от размышлений.

— Здесь наш класс «С».

Один тренер мог тренировать сорок подростков. Корт уже пятнадцать лет координировал эти станции и каждый раз удивлялся этому.

— Фантастика! — пробормотал он.

На одной из спортивных площадок полукругом стояли сорок загорелых юношей. Они все без исключения были выше метра семидесяти ростом. Коротко подстриженные волосы, белые зубы, фигуры молодого тореро. Они смотрели на маленькую группу с Кортом в центре и дисциплинированно молчали. Найвес держалась на заднем плане.

— Еще восемь месяцев, потом они нас покинут.

На молодых людях были длинные брюки и специальные сапоги из искусственной кожи, которые они будут носить все оставшиеся недели. Широкие пояса с магнитными пряжками поддерживали брюки, а над ними блестели обнаженные торсы.

— Все в порядке, — сказал Корт и повернулся. — Идемте. — Но прежде чем покинуть группу, Корт пожал руку ее руководителю. — Господа, я поражен, — сказал он. — Я давно уже знаю эти станции, но меня всегда захватывает картина последнего класса. Я считаю, что вы тоже частично удовлетворены этим прогрессом. Или я ошибаюсь?

— Нет, — ответили один из нейротехников, — вы не ошибаетесь, Координатор. Мне только жаль, что мы не можем поговорить с ... нашей продукцией лет через десять.

— Здесь я могу дать вам только один ответ, который вынужден давать каждый раз: попытайтесь войти в положение одного из этих людей — потом. Этого достаточно?

Техник медленно кивнул.

— Я полностью сознаю это, — ответил он. — Но, несмотря на это, чувствую некоторое неудобство. И сообщения, получаемые время от времени от людей Внешней службы...

В долю секунды Корт превратился в человека, отдающего приказы и не привыкшего выслушивать возражения.

— Эти сообщения представляют из себя максимум предупредительности, и я предупреждаю каждого, занимающегося личными исследованиями и так или иначе влияющего на ход вещей. До сих пор было выслано сорок психологов. Довольно суровые приговоры были вынесены быстро. Я заклинаю вас, в ваших же собственных интересах, никогда не делать ничего подобного. Мы заметим это и нанесем удар, — потом совершенно другим голосом: — Люди, разве вам недостаточно того, что мы сделали здесь? Разве недостаточно того, что Земля пожинает плоды новых станций? Этого должно быть достаточно.

Техник опустил голову.

— Вы правы, Координатор, — произнес он и медленно направился к жилому корпусу.

Корт взял руку женщины и сжал ее пальцы. Потом он расслабился и почти неслышно произнес:

— А мы сядем в одну из машин и куда-нибудь уедем с двумя небольшими чемоданами. Туда, где есть солнце и песок... и ты.

— Хуан, — почти испуганно произнесла она, — ты меня пугаешь!

— Я замерз. У меня совсем нет желания и дальше вести эту утонченную игру. Я буквально тоскую по кому-нибудь, у кого есть несломленная душа. Так едем?

— Да, — тихо ответила она. — Едем — и быстрее.

Полчаса спустя «цезарь» свернул на побережье.

4

Ноугэра прогудел:

— ... не было ни песка, ни моря, ни соленых вод, ни Земли внизу, ни неба сверху, ни травы — одна пустота.

Потом он протянул руку, сравнивая цифры второго ряда чисел, мигающие в глазах угловатого Лица перед ним, и нажал на рычаг. Один из глаз дружески подмигнул, еще раз загорелся красным и погас.

— Хорошо, — сказал теплый голос.

Прозвенел маленький колокольчик. На лбу Лица появились цветные линии, означающие, что Ногуэра должен нажать еще один рычаг, чтобы что-нибудь произошло.

— ... с юга Солнце, Луны товарищ, касающееся правой рукой края неба.

Строки из «Эдды» были остатками уроков литературы, которые когда-то посещал этот человек. Время между играми он заполнял тем, что восстанавливал воспоминания в своем мозгу; ему нравилось слушать звук своего низкого голоса в шарообразном помещении. Лицо перед ним, на самом деле являющееся сложным полуприбором-полуроботом, играло с ним в игру, которую он любил.

Внезапно он заметил отсутствие Лица, очарование которого сохранил в своих воспоминаниях, — белый предмет, округлый, мягкий и хорошо пахнущий. Он знал также его название: *робот*. Игра продолжалась... продолжалась уже пятнадцать дней.

Ногуэра откинулся назад, рассматривая бесчисленные точки вокруг себя и думая о линиях. Эти тонкие линии связывали точки друг с другом в прочную сеть, ведя другие линии от одной точки до другой, освобождались и меняли положение; это было забавно и красиво.

— Семнадцать, — произнес низкий и полный теплоты голос, дошедший из овального отверстия Лица под мостиком из светящихся линий. Семнадцать — это было число Большой Игры.

— Да, — ответил Ногуэра и повернул один рычажок. На носу Лица появилась черная точка, ползущая вверх по линии. Двадцатипятилетний парень в удобном кресле хихикнул.

— Солнце не знает чертогов их звезд... — сказал он.

— Ты голоден?

— Нет, няня, — ответил парень, — они выбрали имена для Ночи и Новой Луны.

— Точно. Восемнадцать, — голос мягко усмехнулся Ногуэре. На этот раз все было серьезно; человек несколько раз подержал себя за мочку уха и сконструировал спираль. Круглое окошко осветилось, и появилось игровое поле, в центре которого возник пестрый шар, покрытый золотыми, зелеными и синими клочками вуали. По мере того как гибкие, смуглые пальцы Ногуэры с помощью двух верньеров создавали линии, спираль расширялась, окружив шар и захватив его словно следами быстрых огоньков.

— Хорошо, — сказала Лицо. — Девятнадцать.

Левая рука передвинула рычаг вперед. Звуковая гамма стала громче, колеблясь от высоких нот к низким, и наоборот. Когда прозвучал последний звук, все окошки вокруг Ногуэры засветились.

— Яркие, чистые, — сказал он, — ... утро и полдень.

Ассоциации ползли по нервным путям, вызывая слабое чувство: жажду.

— Я хочу пить! — произнес человек.

Голос ответил медленно и очень настойчиво.

— Пока еще рано. Мы должны закончить игру. Это займет около часа.

— Час — слишком долго, — Ногуэра заплакал, и слезы побежали из его огромных глаз.

— Не плачь, — стала утешать его машина. — Продолжим игру. Двадцать.

В глаза мужчины ударил яркий свет.

— Ха, стало еще светлее, — хихикнув, сказал он и правой рукой перевел еще один рычаг, на верхнем конце которого был белый шарик, в длинной шели до одной из отметок. Там, слегка шелкнув, рычаг остановился. На четырехугольном светящемся поле образовалось ухо Лица, побежали цифры: 8...6...5...3...1,3.

Когда появилась последняя цифра, Ногуэра нажатием кнопки остановил хоровод цифр. Он не мог поступить иначе, потому что, во-первых, все другие манипуляции были заблокированы, а во-вторых, это просто была Большая Игра. До сих пор он всегда выигрывал. Как часто? Он покопался в своей памяти; тридцать четыре — один раз Лицо выиграло у него. Но сразу же после этого он снова начал выигрывать. Так же часто.

— Сумерки и вечер время отмеряют.

Ногуэра уже давно сидел в шарообразном помещении, диаметром в три раза превосходившем его рост. Он спал в кресле, откидывающемся назад и превращавшемся в постель после того, как красный цвет стен сменялся стерильной белизной. Душ и туалет находились

возле шкафа с пестрой одеждой, и Лицо давало ему все, что нужно: беседу, пищу и музыку. Игра длилась двадцать шесть ходов. Каждый ход назначался Лицом. Потом было произведено несколько переключений, каждое из которых вызвало определенную реакцию. До сих пор зеленая лампочка выигрыша всегда вспыхивала на стороне человека, а не Лица. Между отдельными ходами иногда проходило много времен.

— Ногуэра, — донеслось изо рта Лица, — теперь ты должен обратить внимание на точки. Это относится к правилам.

Огромное окно, прозрачное полушарие над головой мужчины, изменило свой цвет. Стало темно. В темноте блеснули многочисленные точки разных цветов. Их было не сосчитать. У Ногуэры болела голова, когда он их видел, и он отвел взгляд.

— Посмотри еще раз, Ногуэра! — мгновенно раздался голос Лица.

— Не хочу.

— Это входит в игру!

— Слишком много!

— Ты должен это сделать!

Он снова посмотрел на точки, которые собрались в определенные группки, но линии их не связывали. За ними были видны нечеткие предметы, напоминающие свернутые тряпки. Прямо перед его глазами, на светящемся белым перекрестье нитей, находился переливающийся шарик. Головная боль усилилась. Что-то потянуло за одну из нитей, натянутых в псевдовакууме его мозга. Струна заколебалась. Голова человека еще находилась под светящимися глазами, которые уставились на него. Он захныкал.

— Нет! — в отчаянии воскликнул он. — Больно!

К л и к! Механизм затемнил окно, и привычная полутьма с множеством мерцающих цветных точек снова заполнила шарообразную кабину, в которой находился Ногуэра. Но шар все еще был перед ним, и он начал неясно сознавать, что шар этот останется здесь до конца Большой Игры. В прямоугольном окошке появилась успокаивающая картина, и боль словно выдуло. Ногуэра провел нервными пальцами по коротко остриженным волосам, потом стал следить за светящимися сигналами, вспыхивающими перед ним на большом экране.

— Двадцать три, — произнес наконец голос.

Лицо перед ним состояло из глаз, под которыми находился овальный рот, венок разноцветных огоньков окружен плоскостью, из которой выступали два больших уха. И все это жило, непрерывно двигалось, было веселым и возбуждающим, поэтому Ногуэра не знал ничего более прекрасного, чем Большая Игра. Но были ли тут слова?

— Двадцать три... Двадцать три! — в голове четко прослушивалось настойчивое напоминание.

Пестрая игра красок — прямоугольный узор извилистых форм —

выстраивалась на игровом поле. У него появилось чувство, что шар вертится вокруг оси, но, возможно, это было не так. Шар перед ним распухал.

— Двадцать четыре.

Шар рос и рос; скоро он заполнил все окошки, перетек через его боковые стороны — изгиб поверхности остался и стал заметно четким. Было жаль, что узор поблек и сократился. Внезапно засветилось второе окошко, в котором появилась поперечная черта, а под ней цветная линия, косо пересекающая черту. Появились цифры. Соответствие! Когда линии совпали, на стороне Ногuéры вспыхнула зеленая лампочка. Выигрыш! Затем над линиями появился круг, возле которого по светло-серому полю окошка медленно ползла точка, которую нужно было ввести в круг.

— Двадцать пять.

Он взялся еще раз за рычаг, который мог свободно двигаться во всех направлениях. Когда он двигал этот рычаг, точка тоже двигалась. Ногuéра безошибочно направил точку к кругу. Она приблизилась... подошла еще ближе, а потом, перед самой линией, круто пошла вверх. Рука двинулась, перенесла импульс на рычаг, который передал его механизму; прибор перед Ногuéрой зло загудел. Точка упала отвесно вниз, коснулась круга и пошла дальше. Мужчина отчаянно пытался переместить точку в круг.

— Двадцать пять... Ты невнимателен.

У Ногuéры не было чувства времени, но это продолжалось до тех пор, пока он не осознал, что, по-видимому, эта игра проиграна. Приборы вокруг него яростно гудели. Точка все еще двигалась по параболе вокруг круга, но в него не попадала.

— Двадцать шесть — конец игры! — сказал рот, зеленая лампочка вспыхнула на другой стороне.

Ногuéра, зная, что следующую игру он снова выиграет, обрадовался сну и сде, которые ожидали его. Он нажал на одну из кнопок. Тяжелые предметы навалились на его тело, вжимая в податливый материал причудливо светившегося кресла, пока в правом углу Лица двигались две разноцветные ленты. Он повернул вправо один из переключателей и, как только треугольные метки соприкоснулись остриями, нажал на другую кнопку. После этого все огоньки погасли, а за спиной сиденья вспыхнула световая лента, наполнившая шарообразное помещение приятным, мягким, желтоватым светом.

— Конец, — сказал голос. — Сидите на месте.

Широкие пластиковые ленты выскользнули из продолговатых щелей на подлокотниках и прижали предплечья мужчины к креслу. То же произошло с голенью и грудной клеткой. Потом словно насекомое укусило его во внутреннюю часть бедра, и по телу Ногuéры разлилась усталость. Он опустил голову и захрапел.

Сильный удар сотряс шарообразное помещение, и Ногuéра мгно-

венно проснулся. Он заметил, что что-то произошло, но что, он так никогда и не узнал. Большая Игра закончилась.

В семи тысячах километрах от единственного космопорта планеты с серо-голубого неба Техедора упал С10. Стальное копьё, блеснув в свете солнца, рухнуло вниз, на мгновение застыло на столбе пламени двигателей, и уж потом амортизаторы ткнулись в песок пустыни. Посыпались обрывки жести; вверх взлетели куски раскаленной обшивки. Потом взвыл химический двигатель.

Балансируя на трех столбах пламени, пронзив воздух, в сторону отлетел шар диаметром около шести метров. Полукибернетические сенсорные устройства засекли положение почвы; громко взревели дюзы. Плавно, словно перышко, шар опустился вблизи рощи голубых олив. Тишина, прерванная на сорок шесть секунд, снова воцарилась над ландшафтом. Песок осел, запылив стальной шар. С10 совершил посадку.

Эта посадка, совершенная Ногузэрой, была его тридцать пятой посадкой. Тридцать четыре раза он выигрывал игру, но на этот раз он не справился с двадцать пятым ходом. И эта ошибка должна стать роковой.

5

Чудовищный шар пылающего золота плыл над оливковыми вершинами. Сучковатые стволы фильтровали свет Альфарда, распределяли его и отбрасывали длинные тени на бухту. Здесь река делала изгиб, и вода застаивалась. Солнечные лучи преломлялись, попадая на ее поверхность. Таянущие тени и сверкающие зайчики смешивались на потолке жилого вагончика. Анжанет открыла глаза. Провела рукой по волосам и скрестила руки над головой. Туман сна постепенно уходил, и день пробуждался к жизни. На искусственном озере лопались пузыри; на потолке роились калейдоскопические цвета: золото, серебро и другие краски расходились, потом сливались вместе и снова рассеивались. Анжанет любила эти тихие утренние часы. Щелкнул выключатель — тихая музыка планетного радио наполнила помещение. Женщина была одна. В радиусе пятидесяти километров здесь не было больше ни одного человеческого существа. Анжанет отбросила одяло, встала и почистила зубы, потом надела купальник и побежала вниз, к реке. Она дважды проплыла от одного берега к другому, затем обтерлась огромным полотенцем, натянула выстиранные брюки, сунула ноги в туфли на тонкой подошве и застегнула короткую рубашку.

— Теперь можно начинать, — пробормотала она, сварила кофе, приготовила завтрак и убрала жилой вагончик.

Две машины-вагончика были специально изготовлены для Педа-

гогической службы Земной империи; один вагончик служил для жилья, а другой — в качестве учебного класса. Анжанет преподавала двадцати четырем ребятишкам поселенцев, которые на протяжении четырех планетных месяцев каждое утро прибывали сюда верхом или на ховегах.

Анжанет вытерла стол и начала катать *ссфайру* по стенной полке взад и вперед. Она все еще хотела спать, поэтому подняла пластмассовые жалюзи на солнечной стороне, включила уборщик. Вся пыль была поднята в воздух в одно мгновение, но заработавшая турбина сильным потоком выгнала ее наружу. Занятия продлятся еще один месяц, потом все уроки будут записаны на мнемоленты. Двадцать четыре ученика частично обучались по программе, что сберегало время и ускоряло обучение.

Анжанет посмотрела на свои наручные часы — модель для пилотов, подаренная одним из друзей по школе еще до того, как она прибыла сюда. Земля — как она далеко отсюда... более чем в десяти годах.

Классную комнату, техническую игру можно было разместить на площадке десять на десять метров; за три часа внутри устанавливались все парты и стулья, сделанные из вставляемых друг в друга металлических трубок. Анжанет проверила ленты в обучающих автоматах, вспомнила прошлый материал и нашла, что все было в порядке; она уселась в тени на стул и закурила. Из жилого помещения вагончика донеслось звонкое гудение, потом вылетел двадцатиметровый хвост *ссфайры* и уцепился за пучок травы — за ним последовал шар с насечкой. Он помчался к воде над песком, используя в качестве руля хвост.

— Малыши могут приходить, — вполголоса произнесла Анжанет, моргая от солнца. Столбик раскаленного пепла сигареты упал в водяной фильтр, зашипел и погас, а сигарета полетела на песок. Вдали, на фоне стального неба, обозначились полотнища песка: первый ученик. Сюда мчался Гаспар Роблес. Он подвел глайдер зплотную к Анжанет, выпрыгнул из-под пузыря двухместной кабины и пробежал несколько метров по направлению к лестнице. Там он споткнулся, но Анжанет подхватила его.

— Что случилось, Гаспар?

Парнишка, шестнадцатилетний сын владельца ранчо, тяжело дышал и был очень возбужден. Он сглотнул, вытер рот и сказал:

— Мадам... там, в пяти километрах, находится шар. Возле него стоит корабль. Я открыл шар, а там, прямо у выхода, человек. Он лежит в белом кресле словно мертвый.

— Ты фантазируешь, Гаспар. Вчерашний фильм...

Юный ранчиро покраснел, отчаянно покачал головой и произнес:

— Нет, мадам, на самом деле, нет! Этот корабль и шар возле него действительно существуют.

— Гм, — произнесла Анжанет. — И больше никаких следов?

— Никаких. Все пусто.

— Мы должны поехать туда, Гаспар. У тебя достаточно горючего?

— Да, — поспешно кивнул юноша, — вчера папа заправил машину.

Анжанет побежала в жилой вагончик, схватила медицинскую сумку и увидела, как юноша направляет машину к порогу. Женщина по сходящим поднялась в классную комнату и магнитным карандашом написала что-то на доске. Графитовый порошок сконцентрировался на следах магнитного карандаша.

«Класс! Я скоро вернусь. Пожалуйста, оставайтесь на месте и просмотрите вчерашнее задание. Никаких глупостей!»

Анжанет села на узкое сиденье возле Гаспара и кивнула. Турбина взревела, машина поднялась и повернулась тупым плексикуполом на север. Ховер был похож на примитивный вертолет с одной несущей плоскостью сзади и малокомфортабельный, зато скорость имел около двухсот километров в час, а грузоподъемность около полтонны. Оставляя позади себя хвост песка, усеянная дырами платформа понеслась прочь; Гаспар хотел показать, как великолепно повинуется ему машина. Юный Роблсс, один из синеволосых парней, почти на голову выше Анжанет, чувствовал себя прекрасно. Он находил жизнь великолепной и наслаждался ею — а школа была одной из неизбежных неприятностей. Гаспар держал машину в двадцати сантиметрах над поверхностью пустыни, объехал могучую стальную колонну космического корабля и остановился возле бледно-голубого шара. Дюзы двигателя и хромированные опоры были холодными, когда Анжанет коснулась их, чтобы заглянуть внутрь шара.

Космический пилот! Солнце жгло спину Анжанет, и она отступила в сторону, чтобы лучше видеть. Справа от нее зияла открытая круглая дверь, через которую лучи солнца освещали белое кресло, вытянувшаяся фигура в кресле походила на загорелую статую Праксителя. Анжанет отступила на несколько шагов назад, чтобы все обдумать, и при этом ее взгляд упал на красную надпись на наружной стороне двери. Это были слова на галаксономе, языке космонавтов.

«Внимание! Содержимое этого шара — собственность Империи. Эту дверь открывать только в случае серьезной необходимости. Пилота не допрашивать и не уводить.»

О необходимости немедленно сообщить в близлежащий космопорт или в находящееся поблизости учреждение Империи.

Любая кража будет строго наказана. Осторожно: легкая радиоактивность.

Земн. Имп. Межзв. Прав.»

Анжанет молчала, пока Гаспар возле нее не спросил:

— Что же нам делать? — Он тоже прочел надпись.

— Я не знаю.

Гаспар озабоченно произнес:

— Космопорт находится более чем в семи тысячах километров отсюда, и хOVER не преодолеет такого расстояния. У вас есть передатчик, мадам?

Анжанет покачала головой.

— Нет. Месяц назад его у меня забрал Рэнделл. Но мы не можем из-за этого запрета оставить его лежать здесь. Он умрет от голода — если только еще жив.

— Еще жив?

— Сначала я установлю это.

Женщина забралась внутрь, сорвала магнитные ленты застёжки серебряной рубашки и приложила ухо к груди мужчины. Сердце билось как у спящего.

— Он только спит, — сказала Анжанет.

— Но он же пристегнут, мадам, — беспомощно возразил Гаспар, указывая на широкие пластиковые пояса вокруг рук, ног и области живота.

В конце концов на цоколе кресла они обнаружили приклепанную табличку. Желтые буквы на галаксономе гласили:

«Чтобы освободить пояса безопасности, нужно передвинуть переключатель «Сб», потом повернуть штурвальчик «А2» влево до отказа».

При помощи юноши, нашедшего рычажки, Анжанет удалила пояса, потом остановилась, задумавшись, и наконец сказала:

— Что здесь всегда запрещено — пока мы не уведомили об этом власти, так это позволить умереть человеку от голода или жажды или позволить задушить его дикой *ссфайре*. Мы погрузим его на твой хOVER и отвезем к жилому вагончику. Мы сможем его вытащить?

— Конечно, мадам, — поспешно ответил Гаспар.

— Хорошо. Тогда начнем.

Они вытащили пилота из кресла, протащили через люк и погрузили на платформу хOVERа. Анжанет внезапно охватило странное чувство; на серо-синем утреннем небе неожиданно появился светлосерый туман. Десять лет назад у нее уже было такое чувство, и она его боялась. Когда она должна была распрощаться с Университетом и уйти из... Но это было очень давно.

Как только из песка выступили очертания обоих вагончиков и возле *лаугха* появились припаркованные глайдеры, Анжанет успокоилась. Здесь она снова оказалась в знакомой обстановке. Позвав других юношей, она вытащила находящегося без сознания пилота в жилой вагончик и положила на постель. Мужчина все еще спал, и Анжанет предположила, что кровь его насыщена снотворным. На

груди серебристой рубашки, возле расстегнутой магнитной пряжки, была прикреплена крошечная пластиковая метка, на которой значились имя и опознавательный код:

Ногуэра, А.Б.17-26: 2031784.

Анжанет отправила учеников в другой вагончик и посмотрела на спящего. Это, несомненно, был один из самых привлекательных мужчин, которых приходилось видеть Анжанет. Кожа его была смуглой, волосы и брови — черными, а длинные ресницы окаймляли сомкнутые веки. Пилот выглядел очень мужественным, но его лицо не было лицом двадцатипятилетнего мужчины — примерно так оценила его возраст Анжанет, — оно оказалось лишь незавершенным наброском, словно исходная модель еще до того, как художник закончил последние тонкости.

— Ногуэра — человек без лица, — пробормотала Анжанет, закрыла легкую металлическую дверь, вышла наружу и пошла к классному помещению. Там она оборвала дискуссию между парнями и девушками и, объяснив все в нескольких словах, начала урок. Работали они восемь часов без перерыва, затем были ежедневные уроки при помощи обучающих машин, а также обсуждение сообщенных вчера фактов и сведений, обобщение их и повторение пройденного. Закончив урок, Анжанет дала домашнее задание и попрощалась с учениками.

— У кого-нибудь есть на ферме передатчик? — спросила учительница.

— Нет, мадам, — разом ответили несколько учеников, — мы все улаживаем через Курьера Империи, который регулярно нас посещает.

Анжанет подняла руку и попросила еще немного подождать.

— Внимание, — сказала она, — спросите дома, как можно сообщить правительству Империи о происшедшем. Тому, кто принесет лучшее предложение, не придется делать домашнее задание.

— Мы сделаем это, мадам.

Класс разъехался. Машины с гуденьем умчались, поднимая песчаные облака возле отверстий двигателей. Лаугхи испуганно вскакивали. Это были невероятно худые, но выносливые конеобразные местные млекопитающие, которые уже в течение тысячелетий населяли пустынные области планеты и позволяли себя приучать, хотя это было довольно трудно. Они использовались в качестве ездовых животных. Дети сидели в специальных сидениях с высокими спинками, а на боках животных были прикреплены тяжелые подсумки. Почти каждый ученик имел для своей защиты ручную ссфайру, устроившуюся на луке седла. Минуту спустя осталось только облако песка.

Анжанет осталась один на один со своей проблемой.

Не каждое молчание наполнено неизвестными опасностями — это было так. Альфард опустил за большую дюну по эту сторону реки, и все вокруг заполнил медный свет. Он лег на предметы внутри

жилого вагончика, и создалось впечатление, что несчастье расплзлось словно туман. Анжанет почувствовала, как кожа на ее спине стянулась, и пристально посмотрела на Ногуэру.

Он просыпался очень медленно. Сначала замигали темные глаза, потом их взгляд стал твердым и упал на лицо женщины.

— Няня — пить! — сказал Ногуэра.

Анжанет взяла стакан, стоящий на столе, и наполнила его холодным фруктовым соком из холодильника. Затем она осторожно села на край кровати и поднесла стакан к губам пилота. Когда она убрала руку, стакан был пуст.

— Что случилось? — спросил Ногуэра и медленно выпрямился. Он оперся на руки и осмотрелся, словно не узнавал окружающее.

— Ваш корабль совершил посадку в семи тысячах километрах от космопорта, в пустыне Техедора. Пилотская кабина была отстрелена; один из моих учеников нашел вас, и мы перевезли вас сюда.

Ногуэра озадаченно заморгал и посмотрел в глаза Анжанет.

— Корабль? Ты не няня, не робот?

— Я Анжанет, — ответила учительница.

— Ан... жа... нет? Это новая игра?

Шок от несчастного случая, подумала женщина. Она оставалась сидеть, посмотрела в странно пустые глаза пилота и медленно произнесла:

— Нет, это не игра; это смертельно серьезно. Вы сбились с курса, а я вас нашла. У вас где-то болит?

— Нет, — ответил Ногуэра. — Я много знаю, я вижу далеко: Посланник Судьбы...

— Это из «Эдды»... что это должно значить?

— Я проиграл Большую Игру. Точка не вошла в круг. Но в следующий раз я выиграю.

Анжанет покачала головой, ничего не понимая, потом коснулась плеча пилота и стала жать на него до тех пор, пока мужчина снова не лег. Прикосновение, вероятно, пробудило рефлекс, так как загорелая рука мужчины схватила пальцы Анжанет и крепко сжала их жестом ребенка, который чего-то боится.

— Послушайте же! — снова начала женщина.

— Да?

Она озадаченно спросила себя, что здесь происходит, так как они говорили, не слушая друг друга. Казалось очевидным, что мужчина не понимал, что она пытается ему объяснить. Он говорил на галаксоном с почти незаметным незнакомым акцентом. Было также очевидно, что она не понимает, что он имеет в виду. Что такое Большая Игра?

— Кто вы? — спросила Анжанет.

— Я — соперник Лица.

— Что такое Лицо? — спросила она.

— Лицо — это Лицо. Оно говорит со мной, дает пищу, дает мне еду и питье, дает задания, играет со мной в Большую Игру.

— Что такое Большая Игра?

Анжанет ясно видела, что мужчина перед ней пытается понять вопрос и ответить на него. Чего она не знала, так это того, что он каждый вопрос должен воспринимать как нечто, имеющее отношение к игре.

— Большая Игра... это... Игра. Я один на один с Лицом, и мы играем.

— А кто выигрывает?

— Всегда я, а последнюю игру я проиграл.

Теперь женщина, кажется, поняла, о чем здесь идет речь, в общих чертах. Очевидно, для пилота звездный перелет был занимательной беседой во время длинного путешествия, а партнером его было «Лицо». Анжанет решила, что это было нечто вроде очень сложного механизма управления, о функционировании и внешнем виде которого она не имела ни малейшего представления.

— Почему вы цитируете «Эдду»? — спросила она.

— Цити... руу? Что это такое?

Она сдалась. Бедный парень, подумала Анжанет, ты мчишься во Вселенной один на один со своей машиной, и у тебя, естественно, возникают затруднения с контактами, когда ты покидаешь корабль. Женщина решила списать все промахи на трудности контакта.

— Послушайте... — начала она. — Вы здесь, у меня, — она осторожно подбирала слова, которые должны быть в самом скудном словарном запасе, не представляя, как была близка к истине. — Вас забрали из корабля. Я сообщу о вас начальству, но это, вероятно, будет не скоро, а пока вы можете оставаться здесь. Спрашивайте, если чего-то не знаете. Я сделаю все, чтобы связаться с начальством. У вас здесь достаточно еды и всего остального, так что не беспокойтесь. Меня посещают лишь раз в месяц. Вы меня понимаете?

Ногуэра кивнул и заплакал.

— Нет, — сказал он, всхлипывая, — ты не няня.

Анжанет показалось, что она вот-вот впадет в истерику, и силой воли заставила себя успокоиться. В конце концов именно от учительницы скорее всего можно было ожидать решения этой проблемы. Она встала и медленно раскурила сигарету. Мужчина наблюдал за ней, словно пойманный зверь, следя своими огромными глазами за каждым ее движением. Быстро темнело, и Анжанет нажала на одну кнопку. Тончайшая энергетическая решетка для защиты от насекомых опустилась на большое окно, и зажегся свет.

«Проблема действительно сложнее, чем я думала, — решила она. — Пилот кажется явно беспомощным, когда находится вне корабля, до отказа набитого механизмами. Я должна как можно быстрее связаться с одним из Курьеров Империи или сообщить об этом админи-

страции». Она вспомнила предупреждения и запреты на внешней стороне люка шара и поняла, что они были обоснованны.

— Вы не голодны? — спросила она, поколебавшись.

Пилот поспешно кивнул и ответил:

— Да, голод. Да.

Анжанет бросила сигарету сквозь энергетический занавес, и она, вспыхнув, упала наружу на песок обугленными останками. После этого Анжанет повернула переключатель маленькой печки и поставила на нее кастрюли.

— Сейчас я что-нибудь приготовлю, — сказала женщина, на что Ногуэра тупо кивнул.

Через полчаса на столе уже стояли тарелки и стаканы, рядом лежали вилки и ложки.

— Идемте, — пригласила Анжанет и села за стол.

Ногуэра осторожно встал с постели, повернулся и тяжело опустился на стул. Пока они ели, женщина наблюдала за каждым движением пилота, словно хотела собрать побольше фактов и быстрее разгадать загадку. Мужчина сидел на стуле, выпрямившись, и пользовался ложкой и вилок хотя и умело, но медленно — словно эти жесты и движения были результатом двадцатилетней тренировки.

— Вам нравится еда? — внезапно спросила Анжанет.

Ногуэра испуганно выронил вилку и скривил лицо, как будто собирался снова заплакать, но потом нагнулся и поднял вилку.

— Есть хорошо, — произнес он глухо и нечетко.

Мужчина этот представлял для Анжанет все большую загадку. С одной стороны, в его движениях была уверенность взрослого человека, а с другой стороны, в некоторых вещах он был беспомощен, как ребенок. У него отсутствовала координация. Кроме того, Анжанет боялась смотреть в его карие глаза, потому что ей казалось, что взгляд их парализует ее. К этому присоединялся и второй фактор: воздействие Ногуэры как мужчины, которое было почти непреодолимо. Анжанет было двадцать восемь лет, но это не означало, что она могла оставаться спокойной, когда два человека вынуждены находиться рядом друг с другом в абсолютном одиночестве. Она старалась не показывать своей нервозности, которая захлестывала ее каждый раз, когда она думала об этом, и все же была глубоко обеспокоена.

Увидев, что тарелки и стаканы опустели, она убрала посуду.

— Вы хотите еще чего-нибудь поесть или выпить, мистер Ногуэра? — спросила она, откинувшись назад, чтобы закурить сигарету.

Зажигалка лежала в центре стола, но мужчина не сделал ни единого движения, чтобы передать ее ей, и женщина, незаметно пожав плечами, зажгла сигарету.

— Сыт, — спасибо, няня, — сказал Ногуэра и пристально посмотрел на нее.

— Вы устали? — спросила она.

— Я хочу спать, — ответил он.

Диалог, который они вели, напоминал Анжанет абсурдистскую пьесу или разговор пациентов сумасшедшего дома. Она кивнула.

— Послушайте, — заговорила она. — Во-первых, вы не должны называть меня няней — меня зовут Анжанет, во-вторых, теперь я буду обращаться к тебе на «ты», поскольку для тебя это, очевидно, не имеет никакой разницы, а в-третьих, ты можешь спать здесь. Я же переночую в спальном мешке в классной комнате. Ясно?

Он пристально уставился на нее, но ничего не сказал.

— Ты... меня понял?

— Я хочу спать! — ответил он, кивая.

— Боже мой! — в отчаянии сказала она, воздев глаза. — Что за чушь! Ты слабоумный?

— Ногuéра!

— Разумеется, — пробормотала она и встала.

Анжанет забрала из стенного шкафа спальный мешок, пенорезиновый матрасик, защитную сетку и положила все это на верхнюю ступеньку маленькой лестницы. Потом она указала на кровать и вполголоса произнесла:

— Здесь ты можешь спать!

Он кивнул, очевидно, на этот раз поняв. Она повернулась и сдвинула в сторону узкую дверь, за которой был виден белый санузел.

— Здесь туалет, — объяснила Анжанет. — Ясно?

— Ясно!

Она удовлетворенно кивнула и сказала:

— Спокойной ночи, Ногuéра. Выключатель света вон там. Кнопка... проклятье! Ты, как пилот, можешь нажать кнопку, не так ли?

— Я хочу спать!

Он снова уставился на нее, и она заметила, что он о чем-то напряженно размышляет. Каковы эти мысли, Анжанет не могла угадать, несмотря на все свое знание психологии. Она вышла наружу и в задумчивости остановилась возле вагончика. Потом, обогнув классное помещение, она положила матрасик на песок между стеной и опорой, расправила спальный мешок и повесила сетку на крючки. В это мгновение она проклинала себя и педагогическое управление, которое не снабдило эти передвижные школы серийными передатчиками, а дало лишь аварийные сигнальные ракеты.

Это было решение! Она прошла в класс, выдвинула ящик и взяла ракеты, после чего открыла крышку трубы пусковой установки.

— Надеюсь, ее кто-нибудь увидит, — пробормотала она про себя и ударила своим маленьким кулачком по пусковой кнопке. Заряд взорвался, и огненный луч поднял ракету высоко в воздух. Она под-

нялась на полтора километра и разорвалась; вспыхнула далеко видимая красная молния, потом возник огненный шар, горевший секунду.

Пусковую установку покинула вторая ракета, и над пустыней возшло миниатюрное голубое солнце, погасшее ровно через восемь секунд.

Успокоившись еще больше, Анжанет спустилась к реке и разделась; напряжение от плавания дало выход скопившейся энергии и принесло разрядку. Когда женщина устало забралась в спальный мешок и закурила последнюю сигарету, на небе показались звезды и бледная луна Техедора. Женщина заснула беспокойным сном, полным зловещего кошмара.

Но от необычного звука Анжанет внезапно проснулась.

После пяти часов сна — обычное время на космических кораблях — Ногузэра проснулся с точностью кварцевых часов. Он открыл глаза, обнаружив темноту, тишину и одиночество. Не было Лица. Не было Большой Игры.

Он пробормотал:

— С Волком несчетные мчатся чудовища: Билейтпра брат направляет их рать.

Внезапно он хихикнул. Те немногие мысли, которые могли возникнуть в пустом черепе, перевернулись, откатились в прошлое, за долго до начала большой Игры. Тогда тоже было пусто, как и сейчас. Так же, как и сейчас. И было только одно: робот-нянька. Она выглядела примерно так же, как и он сам, только кожа ее была белой, мягкой, а не жесткой, как у мужчины, с которым он играл. Мягкая нянька. И она была специально для него. Всегда. Она говорила с ним теплым, низким голосом, когда он плакал, всегда утешала, когда у него что-нибудь не ладилось. Теперь этого больше не было. Большая Игра закончилась... Он проиграл, и теперь у него все отберут. Ногузэра скорчился под легким, как перышко, одеялом, сунул голову под подушку и заплакал. Через некоторое время подушка стала мокрой.

— Няня? — жалобно позвал он. Никто не вошел, никто не ответил, никто не стал играть с ним, и внезапно он почувствовал себя покинутым. Но тут же был голос няни!.. Где? Внезапно у него заболела голова, и в нем проснулось незнакомое до этого чувство. Темный голос, словно удар по натянутой коже барабана, сказал ему, хотя и не очень четко, что это чувство было чувством власти и забвения, поиска защиты, тепла и утешающего голоса — чувство, которое было так же старо, как и само человечество.

— Няня! — снова крикнул он, но нечетко, потому что плакал, и тихо, потому что боялся беззвучной, лишенной света темноты, которая была совершенно иной, чем та темнота, которую знал и любил.

Он начал зябнуть, потому что одеяло незаметно соскользнуло с его тела.

— Няня!

Непонятные языковые понятия составлялись и формировались в извивающуюся змею. Измененный мозг Ногуэры считывал эти понятия и принимал импульсы. От него что-то требовали — а наградой будет исчезновение одиночества, боли в голове и чужого ощущения в теле.

— Няня!

Белая, как няня, которая сегодня тебя кормила и чьи пальцы ты держал.

— Вырвался волк...

С голосом, светлым, теплым, как у доброй няни тогда...

Ногуэра встал, не замечая, что тело его дрожит от холода, который не шел снаружи. Потом волна обжигающей жары промчалась через его тело; рот и горло пересохло. Дико и настойчиво запульсировала на шее артерия. Требовательно!

— Няня! — всхлипнул он.

Атавистический импульс, глубоко укоренившийся в подсознании, наследие непредставимой древности, пробил себе путь. Слабый становился мужчиной. Внезапно в его мозгу оборвалась какая-то нить. Жуткая боль опрокинула Ногуэру, заставляя потерять сознание. Мускулистое загорелое тело перекатилось через стол и осталось лежать неподвижно. Когда через некоторое время пурпурный туман посветлел — исчезло давление на зрительные нервы — Ногуэра пополз к двери.

— Узы расторгнуты... вырвался волк...

Белая, как эта няня. Там спокойствие. Словно темное животное, Ногуэра прополз по металлическому полу, перекувыркнулся, скатившись по ступеням, и тяжело зашагал по тяжелому песку. Огромный волк трусил дальше. Плача, он обошел жилой вагончик, пролез под лестницей, больно оцарапав спину, потом прополз вдоль опоры и добрался до сетки от насекомых. Мощный толчок отбросил его на песок, и он упал возле фигуры няни на пенорезиновом матрасике. Когда Анжанет проснулась с придушенным криком и повернула голову, взгляд ее уперся прямо в слепые глаза мужчины. По его коже бежали серебристые капли.

— Няня! — всхлипнул он.

Женщине захотелось одновременно вскочить, убежать и закричать, но она не могла даже пошевелиться; ее парализовало от охватившего страха.

— Няня!

Руки его схватили ткань спального мешка и разорвали, как бумагу. Потом одна рука коснулась лица Анжанет, провела по нему и легла на плечо.

— Мягкая... белая... Няня! — выдохнул мужчина.

Женщина словно окаменела и не могла пошевелиться, даже если бы хотела. Ее охватило то же желание, какое двигало Ногуэрой, и хриплый стон вырвался из ее горла. Ногуэра стал спокойнее, а возбужденное дыхание тише. Он все еще искал няньку своего детства, искал защиты и тепла. Грохот в его черепе перекрыл все звуки и разогнал все мысли. Ногуэра наконец нашел то, что искал.

Он нашел тепло и убежище; руки гладили его, и чувство бесконечного одиночества исчезло. Казалось, что это были теплые руки робота-няньки, которые с мягкой настойчивостью обнимали и удерживали его. Ногуэра забыл о боли и пустоте.

— Няня! — медленно произнес он. Выделяя каждый звук.

Молчание... Бледная луна над пустыней, казалось, лопнула. Природа действовала по своим собственным законам, которые более абсолютны и стары, чем любое другое право. Сон сморил мужчину и женщину. Они нашли друг друга, хотя и не искали.

Ночь прошла быстро, и лучи света упали сквозь восточные кроны олив на водное зеркало, залив своим отражением оба вагончика.

Проснувшись, Анжанет увидела мужчину и закричала, а он — улыбнулся.

— Боже мой! — беззвучно прошептала Анжанет. — Как это могло произойти?

Он ничего не ответил и продолжал улыбаться.

6

— Что сказал твой отец, Гаспар? — спросила Анжанет.

— Фермеры этой местности ожидают Курьера Империи только через два месяца, а у нас на ферме передатчика нет.

Анжанет молча кивнула.

— Кто-нибудь знает дорогу? — спросила она.

— Нет.

Ракеты тоже никто не заметил, потому что они взорвались в то время, когда там, наверху, еще были лучи солнца. Обе ракеты были потеряны. Несколько фермеров предложили забрать пилота, сказав, что у них всегда найдется место для крепкого работника. Но никто не мог посоветовать, как быстрее сообщить о нем властям Империи; здесь не было даже почтовых голубей.

— Я благодарю ваших родителей, но, вероятно, оставлю пилота у себя до тех пор, пока его не заберет поисковая команда, потому что посадку должны были зарегистрировать.

Уроки продолжались. Четыре часа спустя моторы хOVERов взревели и забурчали сдоВые животные — ученики разъехались. Анжанет

и Ногуэра снова остались одни. Положение, сложившееся между ними, было двусмысленным и опасным.

— Мне приготовить что-нибудь? Ты, вероятно, голоден? — спросила женщина.

Он открыл глаза, улыбнулся, как рептилия, и молча посмотрел на Анжанет долгим взглядом. Еще вчера этот мужчина был беспомощным, а теперь одна дверца его разума открылась. Глаза его, видя окружающие предметы, идентифицировали их. Женщина тоже была включена в их число.

— Да, няня, — тихо сказал он и снова улыбнулся.

Он посмотрел на нее, заметил падающие на плечи волосы, цвета которых он не знал, увидел зеленые, широко расставленные глаза и тело, очертания которого подчеркивали холщовая рубашка и стиранные штаны. Няня никогда не выглядела так; тогда... вчера ночью.

— Голод, няня, — сказал он.

Анжанет стала хлопотать у очага, ощущая, как глаза мужчины ощупывают ее. Появилось чувство неудобства, и ощущение страха усилилось. Работа помогала ей направлять мысли в другую сторону, но когда она снова повернулась, чтобы накрыть маленький столик, чувство неуверенности вновь вернулось к ней.

— Прибора для бритья у меня, конечно, нет, Ногуэра, — сказала Анжанет и слегка улыбнулась.

Выражение лица мужчины не изменилось. Менее чем за двадцать четыре часа его дух совершил два скачка. Один привел его к точке, до которой он добирался четыре тысячи дней: материальность предметов, очертаний, контуров и содержимого, «степень плотности вещей», как это говорили окружающие его люди, и он отметил для себя эти кажущиеся бессмысленными слова.

Он — Ногуэра! Он среди прочего обнаружил тогда очертания первой белой няньки и ее утешающее присутствие, когда он больше не понимал окружающий его мир.

Второй прыжок вознес его высоко вверх. Он помог ему начать понимать самого себя: исследовательское путешествие внутрь своего сильного тела и изучение его функций. Ногуэра чувствовал смутно и схематично, как его разум, словно подрастающий ребенок, ощупывал вещи и постепенно охватывал их контуры. То, что оставалось, погружалось в неосознанную массу мыслей и ощущений. Но в то же время это было постижимо и осязаемо. Это можно было сравнить с инстинктами животных. Ногуэра не знал, почему, но узнал, что он делает что-то — и чувствовал последствия этого. Казалось, что Большая Игра продолжается, только у него появился новый партнер. Это доставляло большое удовольствие. Ногуэра даже представить себе не мог, какой смертельной может быть для него эта игра.

Его «разум» не допускал такого представления.

— Это великолепно, няня, — пробормотал он, указывая на накрытый стол.

Анжанет кивнула и села напротив него. Ногuéра взял ложку в правую руку, несколько секунд подумал, потом заменил ее вилкой в левой руке и начал есть.

— Вкусно? — спросила она.

— Да.

Он ел молча, сконцентрировавшись, словно в это мгновение ничего другого не знал. Все, что от него ожидали, он делал с молчаливой сосредоточенностью. *Его жизнь была игрой.* Ногuéра наполовину опустошил стакан и, рассмеявшись, вылил остатки в лицо Анжанет.

— Няня! — сказал мужчина.

Анжанет отпрянула, пораженно заморгала и размахнулась. Удар отбросил голову пилета назад, пальцы оставили отпечатки на его коже.

Стул опрокинулся, и Ногuéра, упав, ударился о пластиковую раму кровати. В падении он потащил за собой скатерть. Посуда упала и покатилась по гладкому полу. Анжанет вскочила и закричала:

— Ты, идиот, — что это тебе пришло в голову?

Ногuéра рассмеялся и встал. Он потерял болевшее бедро и направился к женщине. Анжанет отступила, протянула руку назад и нащупала дверной косяк. Одним прыжком женщина оказалась снаружи, на песке. Возле нее зашипела *ссфайра*, расправила хвост и хлестнула им воздух. Анжанет щелкнула пальцами, и животное покатилося прочь, издавая чистый, громкий свист. На песке остался след. Анжанет отбежала метров на десять, вытерла лицо рубашкой и задумалась. Что же произошло?

Она не понимала реакций мужчины. Сначала смущение, потом внезапное понимание — ночью, — а затем действия, в которых отсутствовала всякая логика. Ногuéра вышел из двери, увидел женщину и побежал к ней. Анжанет свернула налево, потом в другом направлении и снова побежала. Внутренний голос сказал ей, что Ногuéра теперь опасен. Она ничего не знала: Ногuéра был наказан и бежал к няне, чтобы та утешила его. Он бежал за Анжанет, которая ударилась в паническое бегство.

Метров через двести Ногuéра догнал ее и схватил за руку. Она сжала кулаки.

— Ты чудовище... — всхлипнула она, пытаясь вырваться от болезненной хватки его жестких пальцев. — Почему ты выплеснул сок мне в лицо?

— Игра доставляет мне удовольствие, — с нажимом ответил Ногuéра и улыбнулся.

— А что теперь? — спросила она опасливо, зная, что у него хватит силы, чтобы убить ее. Она испугалась и задрожала.

— Сначала наказание, теперь утешь меня... няня! — ответил Ногуэра.

Ее испугала последовательность этих слов. Анжанет искала отговорку, путь уклониться, и наконец спросила,

— Как же мне тебя утешить, Ногуэра?

— Няня знает, как утешить, — всхлипывая, ответил он, отпустил ее руки, обнял и повалил на песок. Обхватив колени, мужчина зарыдал, тело его лихорадочно вздрагивало.

Анжанет почувствовала, что ускользнула из рук смерти, и начала такими же движениями гладить его волосы. Так продолжалось минут двадцать. Все это время Ногуэра лежал у ее ног и рыдал, как упрямый ребенок, которого побили. Ей показалось, что на миллиметр приоткрылась дверь, за которой находятся все объяснения. Этот мужчина в некоторых областях своей жизни был ребенок, находящийся на пути взросления. Его действия на восемь десятых были действиями неразумного ребенка, а остальные — действиями мужчины. Только где был мужчина, а где — ребенок? Анжанет поняла, что никто не сможет предугадать его реакции. Было возможно все; было возможно, что она убьет его при помощи *ссфайры* или он ее задушит.

Дверь перед ее внутренним взором снова закрылась.

В эти двадцать дней Анжанет едва сохраняла самообладание, а хуже всего — она почти потеряла самоуважение. Чувство самооценки, которое известно каждому самому жалкому созданию космоса, исчезло для Анжанет. Это было ужасно. В последующие недели она забыла многое, но не эти три сцены, прочно отпечатавшиеся в ее сознании.

Это произошло на вторую ночь. Психологи называют это «пограничным состоянием». Анжанет находилась в глубокой раздвоенности. С одной стороны, ей хотелось находиться от Ногуэры как можно дальше, но с другой стороны, она стремилась к его сильному телу всеми фибрами души.

Это привело к тому, что женщина легла в своем спальном мешке на берегу реки, под оливами, метрах в двухстах от обоих вагончиков. Она видела, как Ногуэра погасил свет в жилом вагончике.

Внезапно воцарилась тишина. Диск луны поднялся выше, где-то громко и настойчиво свистела *ссфайра*. Анжанет почувствовала, как к ней тоже возвращается спокойствие.

— Боже мой, — тихо сказала она самой себе, — почему сюда случайно не зайдет кто-нибудь? Почему, когда кого-нибудь ждут, никто никогда не приходит?

Никогда никто не приходит, когда в нем нуждаются, — это вторая сторона неписаного закона. Первая гласит, что станешь сильным только тогда, когда победишь слабости — свои и других. Собственно,

она должна это знать, она знает это, но не хочет признать элементарной истины.

Ночью она отдалась Ногуэре, одному из его непредсказуемых желаний.

На этой мысли она заснула.

В двухстах метрах внизу по реке на водопад пришел табун лаугхов; несколько животных вслед за вожаком перешли реку вброд и теперь паслись на противоположном берегу. Слепые рыбы выпрыгивали из воды, зеркало лагуны разрывалось и образовывало беспечные круги, в которых переливался лунный свет. Звезды спирального рукава Галактики выплыли на небо и застыли над пустыней. Снова раздался свист *сфайры*. Анжанет ничего не слышала. Около полуночи она проснулась и, дрожа, поднялась. Ей одновременно хотелось бежать и оказаться рядом с Ногуэрой. Было еще не слишком поздно. Все же разум победил. Хотя в ее сознании одновременно проснулись опасения и другие взаимоисключающие друг друга чувства, Анжанет торопливо оделась и спряталась в тени синих олив. Сердце ее дико билось.

Пилот искал ее. Ночь была теплой, на нем была его серебристая рубашка и тесно облегающие брюки. Он быстро прошел от жилого вагончика вниз, к воде, и остановился, осматриваясь. Затем, решив поискать вниз по течению реки, он направился к укрытию Анжанет.

Она еще глубже втиснулась в тень синих олив. Мужчина, ища, медленно подходил ближе; Анжанет видела на его щеках слезы, блестящие в лунном свете. Наконец Ногуэра остановился, увидев покинутый лагерь. Он присел на корточки и ощупал песок вокруг. Увидев следы ног, он встал и пошел прямо к дереву, за которым стояла Анжанет. Она снова попыталась уклониться от него и с развевающимися волосами побежала назад, к бухте, к влажной полосе песка между водой и пустыней.

Ногуэра бросился следом и через несколько секунд настиг ее. Анжанет одним рывком вырвалась, повернулась и побежала. На секунду на небритом лице пилота появилась недоверчивая улыбка, потом он громко засмеялся и снова догнал ее.

Она уперлась в него, отчаянно отбиваясь, а он смеялся. Только когда ее маленький кулачок больно ударил его в солнечное сплетение, он перестал смеяться и жалобно всхлипнул:

— Няня, утешь.

Она не могла пошевелиться. Он так адски больно стиснул ее предплечья, что из ее глаз побежали слезы. Ногуэра положил голову на ее плечо. Вес мужчины грозил опрокинуть ее.

— Прекрати! — произнесла она в отчаянии. — Оставь меня, чудовище! — добавила она дико и злобно.

Он снова жалобно всхлипнул:

— Утешь!

Он просто упал, обхватил ее босые лодыжки и вздохнул.

Ее отчаяние сменилось состраданием, и она присела, чтобы погладить его по голове. Рыдания его стали тише, потом внезапно прекратились. У него снова была нянька, и он, глубоко вдохнув, снова почувствовал ее. И снова прежнее чувство охватило Анжанет. Пока сухие пальцы мужчины ласкали ей шею, она почувствовала, что что-то не дает ей защититься — а скорее, ей больше этого не хотелось. Бледный диск луны, казалось, снова лопнул.

В своей одинокой борьбе с собой и обстоятельствами, Анжанет только через шесть дней вспомнила о том, что у нее есть аптечка, в которой имелось несколько пузырьков с барбитуратами.

После этого она каждый вечер подмешивала в питье пилота по четыре таблетки и теперь могла спать без всяких происшествий, но страх перед ночной охотой, заканчивающейся всегда одним и тем же, сменили другие мысли.

Что скажет Рэнделл, который прибудет сюда только через тридцать дней? Какова будет реакция властей Империи? Какие законы она нарушила и каково будет наказание? Ее начали мучить сомнения.

За восемь дней до того, как тяжелый вертолет Рэнделла совершил посадку, Анжанет выбросила последний пустой пузырек. Теперь Ноггуэра снова будет просыпаться ночью и охотиться за ней. Так это и случилось.

Второй эпизод этого темного, полного ужаса сна, был другого рода.

Последний пузырек был пуст...

Вечером Анжанет выбежала наружу и направилась вниз, к реке. Там она нашла защищенное место и легла под солнцем. Она задремала на несколько минут, а когда проснулась, почувствовала запах водяных растений, но оставалась лежать, в тысячный раз обдумывая свое положение, которое было, по ее мнению, очень скверным. Взгляд в зеркало сказал ей, что это не осталось бесследным.

Лицо, которое смотрело на нее из зеркала, больше не было лицом Анжанет, какой она была двадцать дней назад: веселым, свободным, полным радостного спокойствия — это химера. На нее смотрело бледное лицо с запавшими глазами, с глубокими тенями под веками и жуткими морщинами вокруг носа и рта. Весь этот кошмар дополняли растрепанные волосы. Анжанет была более чем испугана и задумалась... Но придумать ничего не смогла. Она убежала сюда от себя самой.

Учеников поразили непостоянство и нервозность учительницы, но они только благовоспитанно удивлялись и ничего не говорили. Только слабые остатки чувства ответственности удерживали Анжа-

нет от того, чтобы не поехать с одним из учеников на ферму его родителей и не оставить Ногуэру там до прибытия Рэнделла.

Она подняла руку и нашла подтверждение того, что боится; пальцы рук дрожали. Она находилась на грани нервного срыва и чувствовала себя так, словно ее выбросили и оставили лежать.

Она быстрыми гребками выплыла на середину бухты, откинула назад голову так, что волосы сплелись позади нее, и занавес водяных капелек взметнулся вверх. Потом она нырнула.

Когда она снова появилась на поверхности и глубоко вдохнула воздух, то увидела Ногуэру, который в то же мгновение заметил ее. Она не заметила, как они устремились в центр маленькой бухточки. Анжанет обернулась и сильно оттолкнулась. Мужчина нырнул; она увидела, как его голова на мгновение появилась над водой, затем блеснули его длинные серебристые брюки. Потом она почувствовала, как руки Ногуэры сомкнулись вокруг ее лодыжек. Он снова нырнул и потянул за собой ее. Ногуэра был превосходным пловцом. Анжанет дико отбивалась, пытаясь освободиться, изогнулась над водой и выдохнула воздух. Она почувствовала, как смертельный страх охватывает ее.

Отпустив женщину, Ногуэра непринужденно, словно щука, изогнулся вверх в элегантном движении, пробил поверхность воды и подождал, пока она не вынырнет.

— Мы играем — точно! — булькнул он.

Чтобы освободиться, она отбилась руками приемом «удар бабочки», однако, прежде чем успеть набрать достаточно воздуха, Ногуэра снова нырнул и потащил ее за собой. Казалось, это была игра сверхмужественных людей; она была почти смертельной. Анжанет показалось, что она должна умереть. Кровь, в которой отсутствовал кислород, вяло текла по артерии, а сердце билось как сумасшедшее. Но за секунду до того, как потерять сознание, женщина снова вынырнула.

Игра продолжалась около десяти минут. Внезапно Ногуэра потерял к ней всякий интерес, нырнул, опустив руки женщины, и поплыл прочь. Она коснулась дна, из чистого инстинкта самосохранения оттолкнулась и снова вынырнула. Воздух наполнил ее легкие, а перед глазами завращались светло- и темно-красные круги и спирали. Анжанет удалось лечь на спину и поплыть к берегу; потом она сама не могла объяснить, как это сделала. На коленях и локтях она поползла по песку, но в конце концов и они подломились. Когда туман перед глазами рассеялся, она поняла, что находится перед лицом смерти гораздо ближе, чем когда-либо прежде.

Возле нее присел улыбающийся Ногуэра, и она с отвращением закрыла глаза.

— Няня!.. — услышала она голос.

Сознание покинуло ее, голова завалилась на бок, и мокрый песок прилип к ее коже. Ногуэра заботливо и осторожно стал гладить ее руки. От этого она очнулась и сквозь ночь потащилась к жилому вагончику. Ногуэра шел сзади и улыбался. На берегу свистнула *сфайра*.

Анжанет добралась до ступенек, кое-как вскарабкалась по ним и опустила рычаг. Моторы взвизгнули и закрыли жилой вагончик; стальные плиты легли на окна и двери. Индукционное поле включилось самостоятельно. Женщина почувствовала себя более чем жалкой. Снаружи пилот молотил кулаками по стальным плитам, а Анжанет вытащила из ящика полотенце, вытерлась и оделась. После этого она опустилась на кровать и подумала о том, чем все же это может кончиться. Она преисполнилась остатками той ледяной решимости, которая или позволяет человеку подняться над самим собой, или губит его.

Кончить со страданием! Тот кретин снаружи или проголодается, или его раздавит какая-нибудь *сфайра*, подумала она. Выбор один; или я, или он должны сдаться на милость другого.

Тем временем Ногуэра стоял перед закрытым вагончиком, не понимая, почему нянька убежала от него; ведь он же только играл с ней; так же, как тогда, десять лет назад...

Устав, он упал на песок и просто заснул. Вскоре после падения в его мозг повернулся ключик, открывший большую дверь. Но та дверь, за которой Ногуэру ждало знание, захлопнулась и больше не открывалась. Только пилот этого, конечно, не знал.

Последние дни были настоящим духовным наказанием. Анжанет как-то удалось продержаться эти дни. Мысль об облаке пыли, в котором Рэнделл посадил свой тяжелый вертолет, была единственной силой, которая поддерживала ее. Днями она, полностью сконцентрировавшись, работала с детьми, а в последний вечер выписывала им документы об окончании обучения. Теперь сыновья и дочери ранчеров были достаточно вооружены знаниями, чтобы вести жизнь пионеров.

Если кто-нибудь из них захочет продолжить обучение, он должен будет ехать в Техедор-Сити или лететь на Землю; земная педагогическая служба завершила работу здесь. В последний раз, вспугнув *лаугхов*, взметнулись облака песка, поднятые потоками воздуха, и вдали стихли радостные крики. Воцарилась тишина — последняя ночь на этом месте. Последняя ночь с Ногуэрой. Анжанет, смотрясь в зеркало, не узнавала саму себя; ей казалось, что она видит там свою мать. Постаревшую, с окаменевшими чертами лица, окончательно опустившуюся. Истощенного человека, достигшего абсолютного предела своих душевных сил. Анжанет не могла себе представить, откуда

брались резервы, позволяющие ей делать последние шаги, но хорошо знала, что близка к самоубийству.

— Няня, — сказал Ногуэра, загоревший и выспавшийся, сидя под выступающим навесом классного помещения. Песок сыпался сквозь его пальцы, у него была тридцатидневная борода.

— Да? — коротко и неохотно спросила она.

— Поиграем, няня? — он встал.

— Нет! — воскликнула она и побежала в жилой вагончик.

Жара внутри была убийственной, но вагончик защищал от его настойчивости.

Дверь закрылась. Через четыре часа снаружи донесся такой громкий вопль, что она приоткрыла одно окно и выглянула. Мужчина лежал на все еще горячем от солнца песке и рыдал, вздрагивая всем телом.

— Пить... Няня! — нечетко всхлипывал он.

Чувство ответственности снова вернулось к Анжанет, она не могла позволить ему мучиться от жажды. Было бессмысленно считать это наказанием — он не воспримет это как наказание. Анжанет наполнила фруктовым соком большой стакан и вышла наружу, стараясь не расплескать его.

Ногуэра неловко взял стакан и выпил сок. В его прекрасных глазах блеснули слезы.

— Няня, — всхлипывал Ногуэра, — спасибо.

Он впервые использовал это слово.

— Пожалуйста, — удивленно ответила она. — Хочешь еще?

— Нет, няня, — ответил он. — Теперь поиграем.

— Больше нет игры. Нет никакой игры.

Он удивленно и недоверчиво улыбнулся.

— Нет никакой игры? Почему?

— Потому что мне надоели твои игры, — резко ответила Анжанет, — не говоря уже о том, что мне крупно повезло, что я осталась в живых.

— Игра прекрасна, — невинно ответил он.

— Нет! — ответила она.

Он улыбнулся и встал. Анжанет хотела бежать, но решение это на секунду запоздало.

— Узы расторгнуты... как у пилота... Вырвался волк.

Она отбивалась, но в его сильном захвате была как в тисках. Улыбаясь, Ногуэра бежал к жилому вагончику, хотя ее кулачки колотили его без перерыва. Он вбежал в вагончик, остановился у постели и бросил на нее Анжанет. Несколькоими быстрыми и удивительно целенаправленными движениями мужчина быстро связал женщину.

— Как при игре! — бородатый пилот радовался, прыгая на одной ноге вокруг кровати.

— Оставь меня, чудовище! — придушенно всхлипнула Анжанет.

— Двадцать шесть — конец игре, — с улыбкой сказал он.

Вытащив из ящика полотенце и покрывало, он начал крепче привязывать женщину к койке точно так же, как это происходило, когда игра заканчивалась. Где-то в его мозгу чередой бежали мысли, создавая картину того, что сделал с ним его противник.

— Зеленая лампочка, — удивленно произнес он и указал на контрольную лампочку энергетического обеспечения, светящуюся возле дверного косяка. — Конец. Оставайся на месте.

Боже, подумала Анжанет, что он хочет сделать? Может быть, он хочет ее убить?

Она освободила ногу, напрягла мускулы и ударила мужчину в грудь. Переход от пассивности к активности спас ее, но она этого не знала. Ногуюэра опрокинулся, ударился о маленькую печку и сорвал ее с опор. Брызнули искры.

— Конец... — плакал он. — Сиди. — Он вдруг захихикал неестественно долго и высоким голосом.

После этого он поднялся на ноги и, словно не испытывая никакой боли, схватил ее за ногу. На этот раз он чуть не вывернул ей сустав, используя в качестве пут свернутое полотенце.

— Лицо всегда делает мне укол вот сюда, — объяснил он совершенно связно и указал на внутреннюю сторону предплечья, — и я очень сильно устаю. Потом начинается новая игра.

Он взял из кучи посуды вилку и поднял ее. Анжанет отшатнулась и сорвала кожу на суставах, но импровизированные пути выдержали. Мужчина воткнул вилку ей в предплечье, и от боли она потеряла сознание.

— Конец, — сказал Ногуюэра, — сиди. Вот бежит волк, волк, волк, — он замолчал и, упав на колени возле неподвижного тела, начал его гладить. Далеко полночь, когда Ногуюэра заснул, Анжанет очнулась, но, увидев, что произошло, не нашла даже сил закричать. Сцена, словно фильм, снова и снова повторялась перед ее глазами. Снаружи взлетел песок, и когда его облако поредело и осело, в нем оказался вертолет, похожий на гигантское насскомое. Из его кабины по стальной лестнице выбрался пилот.

Рэнделл, ее сводный брат. Усталость, истощение, физическая потребность в защите и утешение видения заставили Анжанет перед самым утром вздремнуть.

Шар горящего золота поднялся над вершинами олив. Суковатые стволы фильтровали свет Альфарда, распределяли его и отбрасывали длинные тени на бухту. Это была та же сцена, что и тридцать два дня назад. Анжанет проснулась и слышала два звука: возбужденный свист своей ручной *ссфайры* и гувинта, очень быстро рассекающего утранный воздух. Потом гудение стало громче, приблизилось и пони-

зилося в тоне. Лучи солнца больше не сверкали так сильно, тени прекратили свою игру цветов на потолке жилого вагончика, и поднялось облако песка.

Ротор, прогремев, остановился.

— Рэнделл... — прошептала Анжанет.

Еще никогда в своей жизни она не любила ни одного человека так, как сейчас своего брата. Потом она осознала ситуацию, в которой находилась, и побледнела. Мотор замолк.

К л и к! Из кабины упала лестница. Потом — на это, казалось, потребовалась целая вечность — шаги приблизились. Тонкие подошвы сапог Рэнделла, которые она так часто должна была чистить. В этой ситуации на Анжанет нахлынула путаница мыслей и воспоминаний. Шаги прекратились. Шорох плотного пластика на первой ступеньке, потом голос:

— Анжанет, ты спишь? — это был Рэнделл.

— Нет, — вполголоса ответила она. — Входи, но не пугайся.

— Почему я дол... — он стоял у двери.

Если бы Анжанет могла видеть сквозь волосы Ногуэра, она узнала бы широкоплечую фигуру Рэнделла. Под мышкой он держал шлем пилота, а на сгибе руки висело тяжелое оружие. Возле него извивался длинный хвост *ссфайры*, которая его узнала.

Животное было ростом с него.

— Анжанет!

В голосе Рэнделла были разные чувства: удивление, ужас и ненависть.

— Что все это значит? Что это? Проклятье — он же тебя связал, негодяй!

Рэнделл выронил шлем, прыгнул к постели, но в это мгновение проснулся Ногуэра. Он почувствовал, что его подняли, поставили на ноги, а потом Рэнделл размахнулся. Его рука в серой перчатке устремилась вперед; за этим движением нельзя было уследить, потому что оно было слишком быстрым. Ногуэра с треском ударился о шкаф с припасами.

— Нет — стой! — громко вскрикнула Анжанет. — Оставь, Рэнди!

Ногуэра, шатаясь, поднялся, потряс головой и ощупал ребра.

— Новая игра, — улыбаясь сказал он.

Ногуэра свесил руки по бокам, затем молниеносно подобрал их и оттолкнулся. Как шар, он бросился на Рэнделла, который повернулся так, что тело Ногуэры скользнуло мимо него, а потом могучим ударом выбросил Ногуэру в дверь. Анжанет услышала удар тела о песок и инстинктивно поняла, что Рэнделл оглушил противника.

Рэнделл попеременно то краснел, то бледнел, подходя ближе. Он ударами ноги отшвырнул с пути несколько коробок и при этом слу-

чайню нажал на кнопку банки с едой на четырех человек. Банка начала нагреваться. А Рэнделл занялся Анжанет. Сначала он развязал затянутые узлы полотенец, потом осторожно вытащил вилку двумя смятыми покрывалами и выбросил ее в окно. Тем временем запахло разогретой ветчиной. Анжанет неестественно медленно села и вытянула руки в жесте, который почти разбил сердце Рэнделла. Он обнял женщину, и та заплакала. Плакала она беззвучно, но долго. Почти четверть часа, а он осторожно гладил ее спутанные волосы, спрашивая себя, что произошло. Он ждал, и его ненависть усиливалась с каждой минутой. Рэнделлу было двадцать шесть лет, и ему не с кого было брать пример: жизнь на планете-колонии в первое столетие сурова. После его отца Абрамса эталоном для него была Анжанет.

— Что здесь случилось, девочка? — спросил он наконец.

— Пока еще ничего. Дай мне сигарету.

Он посмотрел ей в глаза, прикрытые вздрагивающими веками и потерявшие свой очаровательный темно-зеленый цвет, молча кивнул и зажег вторую сигарету.

— Я сама не знаю, как все это могло произойти, — сказала женщина после некоторого колебания. — Мне так стыдно... перед тобой, перед собой — и даже перед ним. — Она слабо махнула рукой в сторону двери. — Он просто был тут.

— Я видел это, — ответил Рэнделл и пристально посмотрел на нее. — Расскажи обо всем с самого начала.

Она уныло усмехнулась.

— Это скверная история, Рэнди! — предупредила она его. — И не было никого, кто помог бы мне. Никто не пришел, никто не заметил моих ракет, никто не посетил меня — и я не могла убежать, даже если бы хотела.

Потом она рассказала ему все. Она говорила и говорила, словно могла при этом освободиться от всех кошмаров этого времени, без предупреждения и ничего не скрывая, а когда закончила, то увидела, что Рэнделл молчит, дрожа от поднимающейся ярости.

— Ты ни в чем не виновата, и тебе никто ничего не сделает. Вы должны были оставить пилота в его спасательной капсуле; но вы с Роблесом ничего же не знали. Уже в течение нескольких десятилетий никто на космодроме не видел ни одного пилота, даже начальник космопорта. Эти люди оставались в корабле, и им не нужно было выходить... Только дьявол знает почему. И вот один из них сейчас лежит снаружи, на песке.

— Ты его убил? — спросила она тихо.

Он пожал плечами.

— Что же будет?

Он встал, и теперь Анжанет пожала плечами.

— Не знаю. Мы как можно быстрее должны доставить его к властям. Разве они не искали корабль?

— Конечно, искали, но не нашли, — ответил он с короткой усмешкой. — Найти в круге диаметром четырнадцать тысяч километров корабль, тень от которого в середине дня не больше двадцати-тридцати метров! Кроме того, у них для этого не хватает людей и машин, а у корабля нет пеленгатора, потому что такая авария никогда раньше не случалась.

Он вынул из кобуры свой длинноствольный игольный пистолет и взвесил в руке. Затем отстегнул магазин, с удовлетворением проверил его и снова поставил на место.

— Что ты хочешь сделать, Рэнделл? — испуганно спросила Анжанет.

— Ничего такого, о чем ты подумала, — усмехнулся он коротко. — Я хочу только быть уверенным, что твой Ромео больше не нападет на меня. В конце концов обычные люди после такого удара остаются лежать, а он встал.

Возле него свистнула *ссфайра*. Животное лежало на полу, а его мохнатый хвост извивался в воздухе. Но вот кончик хвоста обвился вокруг запястья Рэнделла, и животное, вращаясь по его оси, поднялось вверх. Рэнделл взял шар в руки и постучал каменно-твердой оболочкой по краю стола. Животное нежно застрекотало. Держа его на руках, Рэнделл вышел наружу. Медленно прошли две или три секунды, затем тишину нарушил шум схватки. Потом последовал глухой удар.

— Все в порядке, космонавт, — произнес тихим, дрожащим от ярости голосом Рэнделл, — если вы хотите именно этого... Вот мое оружие. Сражайтесь!

Тяжелый предмет упал на песок. Когда Анжанет, бросившаяся к двери, выглянула наружу, перед ней во всех подробностях открылась сцена. Никогда в жизни она не забудет, что произошло здесь сейчас. *Ссфайра* свистела громко и протяжно. Она чуяла смерть.

7

Когда минут через пятнадцать Рено с помощниками, адвокатом и обвинителем снова вошли в зал суда, публика встала. Свет в окошках кристалла сменился на холодно-синий. Поднялся Тьерри фон Найвард.

— Ваша честь?

Рено взглянул на обвинителя и коротко кивнул.

— Да?

— Обвинение хочет произнести заключительную речь.

Рыцарь Рено де Божу уже отдохнул; его морщинистое лицо было

неестественно спокойным и рассудительным. Его час еще не пришел.

— Пожалуйста, — ответил он.

Объективы камеры нацелились на голову Тьерри. Миллионы зрителей отметили необычную серьезность этого человека, и, когда он заговорил, воцарилась мертвая тишина.

— Ваша честь, — сказал Тьерри, — высокий суд, уважаемые зрители и слушатели.

Прежде чем представление обвинения вашего ведомства выполнит свои обязанности, а именно, потребовать наказания для обвиняемого на этом процессе, я должен начать издалека и описать основания, которые в конце концов привели к этому процессу. Сейчас 2236 год. Уже двести лет совершаются межзвездные полеты. В течение всего этого времени картографические корабли все дальше проникали в Галактику, открывали земноподобные планеты и овладевали ими. Потом прибывали группы исследователей, а после них — поселенцы. В течение ста девяноста лет уже заселены несколько десятков планет. И именно в этом заключается безумие.

Это чудо, что их смогли заселить, потому что Вселенная, космос, пустота, пространство... как бы вы это ни называли, слишком велики для людей. Она не хочет и наказывает их. Именно поэтому, если полет длится более десяти дней, все поселенцы находятся в спящем состоянии от старта до финиша. Конечно, люди могут выдержать некоторые полеты внутри Солнечной системы и отдельные межзвездные перелеты тоже.

И люди становятся пилотами, которым мы все удивляемся. Эти люди спокойны, уравновешенны и обладают невероятной душевной стабильностью.

Сверкающая серебристая голова старого судьи медленно повернулась в другом направлении. Там теперь стоял Гилберт Т'Гластонбери с поднятой рукой. На его лице было выражение гнева.

Рено кончиком карандаша постучал по пульта, и Тьерри мгновенно прервал свои высказывания, вопросительно подняв брови.

— Прошу вас, господин обвинитель, ненадолго прервать свою речь, — сказал Рено резким голосом. — Я думаю, у защиты есть возражения. Т'Гластонбери!

— У меня есть возражение, ваша честь.

— Пожалуйста, вносите его.

Среди публики возникло заметное беспокойство. Теле- и радиокомментаторы в своих стеклянных кабинках высоко над головами людей казались поражены. Т'Гластонбери выпрямился и откашлялся.

— До сих пор обвинение отказывалось заниматься этим делом, — сказал он. — Я прошу больше не занимать наше время открытиями, которых не существует. Каждый знает историю космических

перелетов, и никому не надо рассказывать о ней. Кроме того, час назад я обратил внимание на то, что возникла новая точка зрения — и это нужно принять во внимание.

Рено уставился на Т'Гластонбери. В усталых глазах старика светился ледяной холод. Старческая рука, вся в серебряных кольцах, спокойно лежала на пульте. Он решил возразить защитнику.

— Прошу вас, — произнес он, — выслушайте меня и будьте внимательны, защитник Т'Гластонбери. Я уже тридцать лет занимаюсь только тем, что защищаю закон, и мне это, кажется, удастся, иначе я не сидел бы здесь. Может быть, вы намереваетесь учить меня ведению дела согласно законам Империи?

Т'Гластонбери побледнел и обеими руками сжал гранит своего пульта. Камень был холодным.

— Ни в коем случае, ваша честь... — ответил он.

Рено тотчас же продолжил:

— Обычно считается общественным долгом дать возможность высказаться своему собеседнику, даже если он является незакончившим обучение подростком. Мы все здесь собеседники, господа. Я, Рено, вы, Тьерри, и вы, Т'Гластонбери. Я предлагаю попытаться сохранить стиль Верховного Трибунала Земли — пусть это и нелегко. А ваши возражения я понял и приму их во внимание так же, как принимаю во внимание все возражения обвинения. Продолжайте, господин обвинитель, вас больше не будут прерывать. Для некоторых вещей нужно время; спешка губительна, — примирительно произнес Рено. — А вы садитесь, господин защитник. Мы все внимательно слушаем то, что хочет сообщить нам обвинение.

— Прошу вас, Найвард.

Пока обвинитель продолжал свою прерванную речь, камера была направлена на лицо защитника. Несмотря на включенный климатизатор кристаллического купола, на лбу его блестели мелкие капельки пота, а лицо побледнело.

— Я коротко скажу о том, — громко сказал Тьерри, — что у нас из пятисот восемнадцати межзвездных кораблей, имеющих в распоряжении Империи, в 2144 году было потеряно восемнадцать кораблей. Они просто исчезли, а точнее, взорвались со всем грузом, со всеми людьми, спящими в запечатанных капсулах, чья жизнь поддерживалась искусственным питанием. С кораблями погибли также пилоты, мужчины, обучение которых стоило Империи два миллиона межзвездных долларов за пилота. Оставался только маленький шарик, рассказывающий нам, что происходило в минуты гибели. Что произошло? Если выразиться просто — пилот сходил с ума. Он превращался в воющее, дрожащее существо; слабоумное животное, без разбора крушившее аппаратуру и разрушающее корабль неправильными переключениями. До сегодняшнего дня это происходило сорок раз. Сорок пилотов, триста восемьдесят де-

вять человек, которыми были заполнены трюмы сорока кораблей... все потеряно. Потому что пилот сходил с ума? Сегодня мы об этом знаем. Со времени первых тренировочных полетов у людей зарождался невроз. Они не переносили этого чувства, чувства абсолютного одиночества, потому что ни один человек нигде так не одинок, как пилот в паракосмосе. Не существует никаких параллелей. Чувство невероятной тишины... Каждый корабль полон самой новейшей техники, которая по большей части работает бесшумно. Переключение тумблера или движение рычага в полной тишине подобно выстрелу из пистолета, и это каждый раз действует на нервы пилота. А также звезды, сияющие на экранах. Без них пилот не может вести корабль, без них не может обойтись даже самый сложный кибермозг. Эти звезды, газовые туманности, голубые волокна тумана, звездные острова и, кроме всего прочего, еще и чернота, пустота... все это действует как гигантский пресс, сжимающий пилота в форму, подобную ему самому.

И примерно через восемь лет разумный человек меняется. Он сходит с ума. Происходит множество драм, о которых мы прочитали с магнитных лент выброшенных шаров с радиопеленгаторами. Мужчины, собрав последние остатки самообладания, пытаются вылезти из рубки управления и достигают высшей точки криза в коридоре: они бросаются к реактору, представляющему из себя огромную опасность, и взрывают его, а вместе с ним и весь корабль. Или разрушают рубку управления, или стреляют в себя из служебного оружия, и неуправляемый корабль мчится на какое-нибудь солнце. Сорок раз... сорок кораблей, гордость торгового флота Земли. Мы создали «вторую инквизицию» и пытаемся обосновать это. Произошло несколько случаев саботажа, но были очень быстро устранены, а наши психологи каждый раз придумывают новые мероприятия по оказанию помощи. Мы даем пилотам вторых пилотов, но они оба сходят с ума и сначала крушат корабль, а потом убивают друг друга. Мы воспроизводим звуки и демонстрируем фильмы, которые помогают задержать криз на год. Но все равно, рано или поздно, корабль взрывается.

Мы меняли пилотов, что было особенно болезненно, ибо эти люди срастались со своими кораблями. Время и напряжение переменили лишь отодвигали криз одиночества. Один из врачей придумал точное определение: синдром одинокого человека. Оно очень точно определяло ситуацию. Но была и другая трудность — нехватка пилотов. Только немногие годились для этой профессии и тех лишений, которые она с собой несла. В конце концов мы больше не могли найти подходящих людей, и корабли были вынуждены лежать. А от этого зависит жизнь колоний и их выживание, что для колонистов одно и то же.

Так что корабли продолжали мчаться сквозь пространство,

опасные, как бомбы с запущенным часовым механизмом. Теперь мы могли частично заменять пилотов новыми людьми, которые получали самое полное образование, какое мы только могли им дать. Это была последняя надежда человечества. Я, вероятно, увижу множество удивленных лиц, когда скажу... Нет, позднее.

Перейдем к слушанию дела. Преступление — это убийство. Убийство одного из космических пилотов. За убийство не может быть никакого прощения, уклонения, понимания.

А теперь об обстоятельствах. Вы знаете обстоятельства этого деяния. Обвиняемый признался и сказал, что не хочет опровергать это признание. Эти более чем путанные обстоятельства заставляют меня выдвинуть следующее требование.

Мое обвинение гласит: «В равной мере виновны как ведомство Империи, так и обвиняемый. Пятьдесят на пятьдесят».

В зале поднялась суматоха.

Присутствующие вскакивали, образовывали маленькие группы и начинали громко и горячо дискутировать. Рыцарь Рено, неподвижно замерев, сидел на месте. Тьерри, буквально пронзивший капитана взглядом, заметил намек на хорошо скрытую улыбку. Так, улыбается человек, находящийся на пороге смерти. Губы и рот Тьерри пересохли, и он, взяв стакан с водой, осушил его. Потом стал ждать конца суматохи. Рено начал нажимать на маленькую белую кнопку перед собой, делая определенные промежутки.

Два серебристо-белых робота очнулись от своего пассивного оцепенения, быстро подошли к барьеру и заговорили. Их динамики были переключены на синхронное воспроизведение, так что оба голоса сливались в один. Очень громко и на частоте, без труда перекрывающей любой шум, машины сказали:

— Суд просит вас снова сесть и успокоиться. Кроме того, он просит не оскорблять недостойным поведением Здание Суда. Прошу вас, господа, успокойтесь.

Им пришлось повторять это до тех пор, пока наконец снова не воцарилась тишина.

Рыцарь Рено коротко улыбнулся и нажал на кнопку. Роботы повернулись и возвратились на свое место.

— Продолжайте, Тьерри, — приказал Рено.

— Обвиняемый должен подвергнуться наказанию, потому, что он совершил убийство. Мы знаем, что по закону существует чисто необходимая оборона, но он должен был понять, что в данном случае речь идет не о необходимости обороны, а об убийстве.

Империя тоже должна быть наказана за допущенное нарушение обязанности проинформировать обо всем своих граждан. Каждый из нас знает, что существуют космические пилоты. Каждый из нас знает, что они являются собственностью правительства и

что каждое нападение на них является тяжким преступлением, ибо направлено против самой Империи.

Но эта Империя до сегодняшнего дня забывала сказать нам, что космические пилоты обладают особым статусом. Они получили его не потому, что являются личностями и их обучение своеобразно и дорого стоит, а по другим причинам. Эти основания я охотно позволю изложить Председателю Высокого Трибунала, Рыцарю, капитану Рено де Божу. Но как представитель обвинения я требую пожизненной ссылки обвиняемого — ссылки на Исат.

По рядам присутствующих прокатился ропот удивления. Тьерри подождал несколько секунд, потом продолжил. Голос его зазвучал резко.

— Как председатель обвинения я требую полного возмещения ущерба всем людям, прямо или косвенно связанным с этим делом, ущерба, какого бы рода он ни был. Далее, я требую, чтобы администрация Империи немедленно сняла табу, которое она незаконно наложила на космических пилотов примерно сто лет назад. Потом я требую, чтобы был издан закон или постановление, обязывающее проинформировать каждого гражданина Империи, какое положение занимают эти люди, почему их скрывают от общественности, почему контакт с ними может быть смертельным. Смертельным для этих людей и для того, кто коснется их или же заговорит с ними.

Я прошу Высокий Суд принять все это во внимание. Благодарю вас.

Тьерри фон Найвард сел, откинулся на спинку стула и с застывшим взглядом стал ждать реакции на его речь и особенно на ее последнюю часть. Он не ошибся. Реакцией было новое, на этот раз сдержанное волнение. Потом роботам наконец удалось успокоить людей.

8

Альфард гигантским, режущим глаза диском висел в тридцати градусах над городом. Плоская пустыня дрожала от жары и яркого света; медный свет причинял боль. Длинные, черные тени двух людей нападали на раскаленный ад песка. Рэнделл и Ногуэра молча смотрели друг на друга. С трудом подавленная ненависть примитивной натуры, казалось, буквально потрескивала над этой сценой, словно электрические разряды. Семь тысяч километров и полмиллиона лет отделяли этих людей от цивилизации.

— Страх? — вполголоса спросил Рэнделл, и на его висках набухли вены.

Никакого ответа. Там лежало матово-черное, вонзившееся руко-

яткой в песок оружие. Машина убийства, при помощи магнитного поля стреляющая семисантиметровыми стальными иглами на сотню метров. При попадании в цель острия игл нагревались до четырех с половиной тысяч градусов и прогрызали почти все материалы.

Поток воздуха принес с собой запах, напоминающий запах эвкалиптов; кожистые листья синих олив высыхали на жаре. Анжанет, застыв, вцепилась в пластиковый косяк двери, не способная вымолвить ни слова; она только бессмысленно покачивала головой. Словно сошедший с ума аппарат Морзе, в руке Рэнделла засвистела *ссфайра*. Обе тени все еще не двигались.

— Ни один мужчина, космонавт, — резко и презрительно сказал Рэнделл, — ни с одной женщиной не сделает того, что сделал с ней ты. Нет, если бы я только знал и мог это предотвратить. За такие вещи на Техедоре побивают камнями. Возьми же наконец оружие и защищайся, или ты и этого не можешь?

Рэнделл почти терял дар речи от ненависти и гнева. Он указал на оружие. В прекрасных глазах Ногуэры засветился след туманного понимания, и он, словно марионетка, двинулся к темному пятну на песке. Потом он взял оружие в левую руку, неловко ощупал его и по ошибке коснулся спуска. Пистолет выстрелил с громким щелчком, и игла вонзилась в угол жилого вагончика. Пылающие осколки пластика разлетелись во все стороны, а раскалившийся материал потек на землю. Потом Ногуэра что-то понял. Он перебрал оружие в правую руку, перевел взгляд с оружия на Рэнделла, потом снова на оружие.

Сцена словно из архаичной книги с иллюстрациями.

Космонавт; загорелый торс над серебристыми брюками. Пальцы босых ног вонзились в песок. Мужчина стоит, словно жуткий тореро. Потом он молча смотрит на Анжанет долгим взглядом и говорит:

— Няня... — и стреляет.

В трех метрах от Рэнделла взлетает песок, горячий песок; игла взрывается, и стеклянные шарики разлетаются во все стороны. Рэнделл перестает презрительно улыбаться. Второй выстрел пролетает возле головы Рэнделла и исчезает в пустыне. Снова свистит *ссфайра*.

— Дилетант, — спокойно сказал Рэнделл.

Третья игла почти разорвала ему предплечье. Тлеющая материя окружала глубокую рану, кровь бежала по руке; Рэнделл прищелкнул языком, отвел руку и швырнул *ссфайру*. Животное, которое уже в течение миллиона лет добывало себе пищу подобным образом, напрямую хвост и бросилось вперед словно пуля, твердая как камень; костяной шар ударил Ногуэру в грудь и опрокинул его на песок.

Шар откатился назад; тонкий как нить хвост намотался в насечку на теле — *ссфайра* со стуком упала в ладони Рэнделла. Ногуэра, словно получил сигнал от невидимого партнера, перевернулся, издал звериный вой и, вскочив, направил оружие на Рэнделла. Он со слепой яростью нажал на спуск, и магазин с ревом опустошился; цепоч-

ка бешено мчащихся зарядов полетела в направлении Рэнделла. Сын фермера среагировал невероятно быстро. Он отскочил влево, ускользнул из шипящего кратера, образовавшегося на месте, где он только что стоял, перекатился через раненую руку и отбросил шар от себя.

В долю секунды *ссфайра* вылетела из его руки, используя длинный мускул хвоста как опору и руль, и разбила броню черепа пилота.

— Ня... — прохрипел Ногүэра, остановился, медленно повернулся вокруг оси и рухнул. Кровь брызнула на песок, и горячий ствол оружия прожог серебряную материю брюк.

Анжанет закричала как человек, которого подвергли смертельной опасности. После чего на мгновение повисло молчание. Потом, когда Рэнделл щелкнул пальцами, оно нарушилось. Выпавшая из его рук *ссфайра* покатилась к воде.

— Конец, — пробормотал Рэнделл.

Жесточкой и яростной волной на него накатила боль; рана болела. Он с трудом побрел к жилому вагончику, в дверях которого стояла Анжанет с открытым ртом, уставившаяся на убитого так, словно не могла поверить в только что увиденное.

— Сестра!

— Да? — тихо спросила она, отстраненно посмотрев на него.

— Я истекаю кровью. Пожа-уйста, перевяжи меня.

Она молча кивнула.

Они поставили столы и стулья друг на друга, сложили классную комнату, перевернули боковые стенки и уложили опоры. Металлические сходни были сдвинуты, тело пилота помещено на ложе и накрыто. Натянув покрывало на голову мертвого, Анжанет пробормотала:

— *Узы расторгнуты, вырвался волк. Игра кончилась, Ногүэра.*

— Что ты говоришь, Анжанет?

— Ничего, Рэнди, — чуть слышно ответила она. Прежнего ужаса больше не существовало, но появился другой. — Почему? — громко спросила она. — Это же все так бессмысленно.

Со спокойствием, так несвойственным двадцатилетнему мужчине, Рэнделл ответил:

— На этой планете ничто не проходит бесследно. Когда наступит время, все станет известно. Я возьму вертолет.

Он вышел наружу и направился к вертолету. Через несколько секунд после того, как он забрался по лестнице, ротор начал вращаться. Анжанет сорвала обрывки со своего тела, оделась и сделала попытку причесаться, но ей это плохо удалось. Когда вертолет, стоявший на четырех опорах, поднялся над вагончиком, она выскочила из него и ухватилась за лестницу.

Словно животное, бегущее от потока, она, ступенька за ступенькой, поднималась вверх и наконец упала в кресло второго пилота рядом с Рэнделлом, который протянул ей зажженную сигарету.

Анжанет устало молчала.

Рэнделл выкинул окурок сигареты в окно, передвинул вперед все четыре рычажка газа и поднял вертолет отвесно вверх. Следы на песке быстро уменьшались. Потом машина полетела наискось, повернула в направлении фермы Абрамса и на космодром, находящийся в семи тысячах километрах отсюда.

Вторая половина дня: все пылало под лучами Альфарда.

Чудовищная завеса света сорвалась с неба, струясь над небольшими лесами синих олив, отбрасывая могучие отблески на воду небольших ручьев, скользя по гальке, заставляя воздух дрожать и струиться над песком пустыни. Все было словно расплющено; сила ярости разбивала природу и мысли.

Шесть лопастей горизонтального винта, жужжа, резали воздух, и оба двигателя слева и справа от корпуса мчали грузовой вертолет вперед. На высоте сорока метров стальное насекомое развило скорость свыше двухсот километров в час. Груз был накрепко зажат в стальные захваты.

Прошел час, потом второй.

В висках стучало. Анжанет тосковала по планете, ночи, спокойствию и прохладе.

Рэнделл летел точно по показаниям двух компасов, согласованных друг с другом. Во время полета он поел, выпил стакан сока из бортового холодильника. Солнце позади них опустилось; правой стороной они окунулись в медный свет. Появились облака, дымка, фильтрующая свет, порождающая дополнительное впечатление зноя и усталости.

— Как ты себя чувствуешь, Анжанет? — внезапно спросил Рэнделл.

Женщина вздрогнула, оторвавшись от мрачных мыслей.

— Я устала — смертельно. Слишком светло. Как ты только это выдерживаешь?

— Тренировка, — невесело усмехнулся он. — До края саванны нам лететь еще три часа.

Здесь, в экваториальной области планеты, словно две широкие дороги, располагались друг возле друга две геологические зоны: пустыня, а рядом с ней саванна. Обе они были пронизаны реками, впадающими в мелкое море, тянущееся по ту сторону саванны и уходящее в область гор. За горами находился Техедор-Сити, там был космопорт, там находились все учреждения имперских служб на этой планете. Рэнделл молча поглядел на Анжанет.

— Ты все еще думаешь о прошедших днях и ночах? — спросил он внезапно.

Анжанет чуть улыбнулась.

— Конечно.

— Перестань, тебе больше не нужно думать об этом. Не мучай себя — разве ты можешь что-то изменить?

— Я ничего не могу изменить, Рэнди, — произнесла она в отчаянии и вяло провела рукой по волосам. — Я не могу управлять своими мыслями.

Они продолжали молчать, пока справа позади них бесконечная золоченая полоска пустыни не начала темнеть; нижний край солнечного диска коснулся горизонта. По песку заскользили длинные тени. Далеко впереди них появились темные, круглые пятна.

Ранчо Абрамса находилось в центре котловины, хотя разница в высоте была всего лишь около пятидесяти метров. Впадина диаметром около ста километров расположилась почти в центре изогнутой излучины реки, галечные края которой образовывали контраст с темными пастбищами. Абрамс был животноводом, и его коровы давали молоко для всего Техедор-Сити. Когда-то предки Абрамса младенцами прибыли сюда в сотах на корабле с Земли. Абрамс был богат, имел девяносто роботов и кроме молока продавал еще мясо и шкуры. Он был стар.

Вертолет только что перелетел край котловины, опустился ниже: под ним двигалось стало голов в пятьдесят, мчась под деревьями.

Машина направилась прямо к плоским крышам фермы, выступающим среди крон синих оливок. Ферма была построена в форме открытого четырехугольника, и на белом песке виднелись очертания фигуры.

— Отдых... наконец-то отдых, — прошептала Анжанет так тихо, что сама себя не услышала.

Возле Абрамса стоял серебристый робот, поддерживающий старика. Машина, снизив высоту и скорость, повисла на месте и мягко опустилась на широкие гусеницы. Двигатели смолкли.

— Мы на месте, — бесцветным голосом произнес Рэнделл.

Анжанет чувствовала себя очень жалкой. Стыд, вина и жуткая вереница разнообразных чувств бушевали в мыслях женщины.

— Ситуация, в которой есть что-то от Ореста, — тихо сказал Рэнделл. — Брат убивает любовника сестры и возвращается, преследуемый *эринниями*, перед очами мстителя. Остроумно. — Но он не испытывал той иронии, которую выражало его лицо.

Он вытер мокрые руки о брюки и, выключив всю аппаратуру, начал спускаться. Анжанет последовала за ним. Они вместе направились в жилому дому, вошли в просторный коридор и подошли к входной двери. Там стоял Абрамс.

— Здравствуй, Анжанет, — сказал он хриплым, глубоким голосом.

Анжанет взяла его за руку.

— Здравствуй, Рэнделл — все в порядке?

Рэнделл кивнул.

— Да, почти. Мы все расскажем позже.

Абрамс много пережил и повидал, извлекая из всего уроки.

Когда жена обманула и бросила его, он последовал за ней и видел, как она умерла при родах. Абрамс вернулся сюда, к своим роботам и стадам, и к Анжанет, своей дочери. Он взял с собой и сына жены, Рэнделла. На долю секунды он почувствовал, что произошло нечто более, чем было видно на первый взгляд, но решил подождать.

— Пойдем в дом, — сказал он просто.

Рэнделл кивнул. Их подхватили могучие руки, и вместе с Абрамсом они вошли в огромный жилой дом.

Удивительно, в который раз думала Анжанет, рассматривая обстановку, среди которой провела свою юность, удивительно, как ее отец, простой человек, оформил эту и все другие комнаты дома. Все соответствует стилю; казалось, здесь материал имел структуру и форму. Дерево с различной отделкой, камень, кожа, кривые линии кресел или могучая квадратная крышка стола высотой по пояс, массивные деревянные ножки которого стояли на серо-серебристом мехе дикого лаугха.

Они сели за стол. Темно-зеленые глаза патриарха спокойно глядели то на Анжанет, то на Рэнделла из-под снежно-белых густых бровей. Никто из них обоих не знал ничего о короткой трагической истории, сопровождающей рождение Рэнделла, только Абрамс хранил тайну в глубине своего сердца. Она произошла слишком давно, чтобы причинять боль. Двадцать шесть лет назад.

— Дочка, — сказал наконец Абрамс, — ты выглядишь так, словно тебя били и заставляли голодать; ты запустила себя, и не только внешне. А ты, сынок, скажи мне прямо в глаза, у тебя что-то на совести? Расскажи!

— Отец, — сказал Рэнделл неестественно спокойно, почти без всякого выражения, — за твоим столом сидит убийца.

Воцарилось молчание. Минут через пять Абрамс спросил:

— Я, должно быть, ослышался. Ты говоришь, убийца?

Сглотнув, Рэнделл молча кивнул.

— Как это произошло?

— Он меня... — Абрамс оборвал ее движением руки.

— Я спрашиваю Рэнделла, — тихо повторил Абрамс. Он мигнул, и на его морщинистой шее запульсировала жилка. — Кто он?

— Космонавт.

— Пилот разыскиваемого корабля? — уточнил Абрамс.

— Да, ты прав.

— Расскажи, сынок, но без выводов, только голые факты.

Старик молча слушал. Рассказ молодого человека начался с того

мгновения, когда он вошел в дверь жилого вагончика и на постели Анжанет увидел их двоих. Анжанет была связана. Потом рассказала Анжанет.

Тем временем наступила ночь. Контуры предметов расплылись, и в помещении стало темно. Через огромные окна проникал темно-синий свет. Вошел робот на резиновых подошвах и повернул выключатель. Коробчатый абажур фильтровал свет. Абрамс сидел, словно окаменевший, и слушал Анжанет. Как только она замолчала, снова вошел робот и стал накрывать на стол.

— Что ты думаешь делать? — спросил наконец Абрамс каким-то странным, ломающимся голосом. Казалось, что силы покинули его старое тело, но как часто бывало обманчиво это впечатление.

— Не знаю, — ответил Рэнделл. — Я думаю, нам с Анжанет надо полететь на Техедор-Сити и предстать перед властями. Все же эта была самозащита.

— Самозащита! — яростно повторил Абрамс. — Это было не что иное, как убийство! Разве ты не мог просто отлупить и связать парня?

— Нет. Он разрядил в меня целый магазин.

— Это ты дал ему в руки оружие. Пилоты не ковбои и не водители вертолетов, которые наслаждаются дуэлями, как, например, ты.

Рэнделл покачал головой.

— Ты ошибаешься, отец, — сказал он глухо, — я не испытывал никакого удовольствия от дуэлей, а если бы ты был на моем месте, то среагировал бы точно так же.

— Это ты ошибаешься, Рэнделл, — горячо возразил Абрамс. — В моем возрасте я не стал бы убеждать кого-нибудь грубой силой.

Они замолчали и стали есть.

Через некоторое время Абрамс выбрался из кресла, с силой сжал подлокотники и громко, без видимого напряжения, сказал:

— Анжанет, прими успокаивающее и отправляйся в свою комнату. Я все приготовлю. Послезавтра мы полетим на Техедор-Сити. Мне кажется, долгом старого отца является помочь своим детям, попавшим в различные затруднительные положения.

Абрамс улыбнулся, что было очень странно, и Анжанет, посмотревшая на него, заплакала, не в силах удержаться. Она видела только темные глаза под кустистыми бровями. Абрамс медленно обошел стол, положил свои большие руки на плечо Рэнделла, остановился за креслом женщины и несколько раз погладил ее по голове, после чего подергал за мочку уха жестом, каким ласкают любимого ребенка. Потом Абрамс вернулся в свою спальню. Анжанет и Рэнделл обменялись долгими взглядами и тоже покинули комнату. Когда они закрыли дверь, робот потушил свет и скрылся во тьме, так как его глаза видели в инфракрасном свете. Тепло родного дома и лекарства оказали действие: через несколько минут Анжанет заснула. Она спала долго без сновидений.

Рэнделл проснулся среди ночи от своего собственного крика. Он скатал пестрое одеяло вокруг голеней и выглянул в окно. Бледный свет луны, словно пыль, покрывал все кругом. Голос в его мозгу сказал: *Убийца!* В который раз перед ним разыгрывалась вся эта сцена. Облившись потом, Рэнделл видел, как космонавт с разбитым черепом падает на песок. Он стал думать дальше; люди в мундирах отведут его в центр, будут составлять длинные протоколы и подписывать их; он видел себя исчезающим в корабле Империи, спящим в сотах, а потом предстающим перед судом на Земле.

Бежать! — сказал другой голос. Он, если захочет, может скрываться на Техедоре десятилетия, так как планета была слабо заселена. Кроме того, Рэнделл знал многочисленные убежища во всех частях этой планеты, от тропических джунглей до морских бухт. Самозащита. Убийство. Бегство... Через десять лет его, возможно, перестанут преследовать.

Он был молод. Он хотел жить, видеть солнце, спать на песке теплыми ночами и ездить верхом. Ему не оставалось ничего, кроме бегства.

Рэнделл встал, умылся, оделся. Он взял большую седельную сумку, и при свете заходящей луны стал паковать ее: затолкал сапоги, носки, нижнее белье и верхнюю одежду. Потом взял из шкафа коробку, набил ее и опустошил ящик с боезапасами в другое отделение сумки. Через час все было готово, и он высококнул из комнаты.

Лестница вниз, наружу, во двор. Робот-охранник узнал его и только посмотрел вслед светящимися глазами. Рэнделл медленно направился к стойлу. Его охватило затхлое тепло. Он накинул уздечку и поводья на одного из *лаугхов*, оседлал животное и застегнул магнитную застежку подпруги, почти не производя никакого шума. Приторочив груз на спину вьючного животного, он закрепил покрывало и привязал второй повод к седлу верхового животного. После этого он забрался в седло с высокой спинкой и почти бесшумно поехал прочь, оставив ручную *ссфайру*, спящую под сиденьем в вертолете.

Примерно после часа езды в почти полной тьме он удалился от фермы километров на десять и только тогда перешел на быстрый галоп. Он оставил позади ранчо, имущество, положение и родной дом — свое собственное спокойствие. С этого мгновения он все время будет в пути, так как стал первым человеком из этой семьи, осквернившим ее доброе имя.

На север... оба животных мчались под серпом луны. Вскоре копыта застучали по камню, потом по гальке речного берега, потом по влажной почве саванны, обеспокоив стада скота, и наконец он добрался до леса, находящегося за каменным хаосом. Здесь простирался вулканический ландшафт шириной в несколько километров, изрезанный водой на протяжении столетий, которая образовала много-

численные убежища. Широкий водопад закрывал пещеры, расселины и каньоны.

Но, двигаясь по карнизу под водопадом и резко поворачивая налево, Рэнделл не мог убежать от своих мыслей. Как только он вылез из седла, его буквально оглушила ночная тишина. Он был один.

9

Абрамса разбудил какой-то звук.

Он задержал дыхание, прислушался и услышал стук копыт двух верховых животных, их шорох о гравий во дворе. Вздохнув, Абрамс спустил ноги с кровати, взял большой фонарь и проверил игольный пистолет, который уже лет двадцать лежал на широком ночном столике. Абрамс осторожно прокрался к двери и снова прислушался. Шаги стали тише, потом удалились.

Перед Абрамсом вспыхнул белый свет. Он прошел по коридору, бесшумно открыл дверь в комнату Анжанет и, увидев, что его дочь спит, спокойно кивнул. Итак, Рэнделл.

Комната Рэнделла была пуста. Когда он включил освещение, в теплом воздухе с гудением закружилось насекомое. Молча осмотрев следы отъезда, он заметил отсутствие ружья и зарядов и тотчас же все понял. Вздохнув, Абрамс вернулся к себе. Спешка была не нужна. Накинув кожаную куртку, он опять вышел.

— Робот! — крикнул он.

Серебристый слуга мгновенно появился перед ним, остановился и уставился на Абрамса красными глазами.

— Подожди, пока проснется Анжанет, и, если будет не слишком поздно, скажи ей, что мы с Рэнделлом вернемся к вечеру — нам нужно кое-что уладить.

Голова машины склонилась.

Абрамс полез в ящик шкафа, вытащил оттуда пояс, надел его и застегнул. Снаряжение и игольное оружие он сунул в кожаные карманы. На копну белых волос Абрамс нахлобучил измятую шляпу, вышел из комнаты и тяжелой походкой направился вдоль коридора. Холодная ярость охватила его и теперь гнала вперед. Ярость на то, что Рэнделл забыл о семейной чести. Гринборо никогда не бегут, потому что бегство не может решить проблем.

Абрамс без посторонней помощи спустился по лестнице, захлопнул за собой дверь дома, распахнул дверь стойла и крикнул:

— Эй, роботы!

Три машины, включенные на половину мощности, ждущие за подпорками, вышли на свет.

— Оседлайте вот это животное и помогите мне взобраться на него!

Роботы вывели из стойла сильного жеребца, проворное животное с черными боками и могучим черепом, а уже через несколько секунд он был оседлан и нервно пританцовывал. Абрамс давно уже не ездил верхом, но сегодня это было необходимо.

— В седло!

Три серебристые машины молча водрузили неповоротливое, тяжелое тело в черное, покрытое мехом седло. Тихо зазвенели стремяна, и жеребец злобно заржал. Абрамс рванул поводья; глухо заурчал лаугх, сделал прыжок, бросивший старика на спинку седла, копыта прошлестели по дворовой гальке, и животное вместе с всадником понеслось вперед.

После трехкилометрового галопа Абрамс придержал жеребца. Куда? Он яростно усмехнулся самому себе, так как знал, куда ему ехать.

Еще секунду назад казалось, что природа защищается от проникновения света, потом она сдалась с одним-единственным диким криком. Жара наступающего дня собралась под крики птиц, гудение тысяч насекомых и, словно дождевая туча, напозла с востока. Рассеянное стадо с ревом поднялось, прогоняемое роботами.

Молча, в сберегающем силы темпе Абрамс ехал дальше. Видел ли его Рэнделл, испугался ли? Выражение загорелого, морщинистого лица было ужасно. Абрамс полез в седельную сумку, вытащил бутылку и отпил прямо на ходу. Концентрированный алкоголь, как жидкий огонь, побежал по горлу. Первая волна дневной жары настигла его среди синевато-блестевших, распавшихся на пласты скал вулканического ландшафта. В плеоцене здесь образовалась щель и нагромодила несколько километров магмы, которая на протяжении времени коррозировала и была поглощена; остался каменный лабиринт. Извилистая тропа шириной около полуметра пронизывала его. Копыта застучали, мелкие камушки покатались, наконец он остановился на одном из утесов. Абрамс заслонил глаза ладонью и посмотрел вниз, в долину, где щипали островками росший из песка кустарник два лаугха. Никаких следов Рэнделла. Старик вытащил из футляра длинноствольное ружье, снял его с предохранителя и прицелился в пятно между двумя животными. Свист бешено вращающихся, несущихся в воздухе магнитных игл смешался с грохотом взрыва. С жужжанием полетели осколки камней, отвесно вверх взлетело каменное крошево, а между лавовыми стенами раскатилось эхо. Одним прыжком Рэнделл выскочил из-под одной из нависающих плит и уставился вверх, на утес. У него в руке было ружье, но он не стал целиться, потому что на верху, словно неподвижный монумент, стоял его отец.

— Абрамс, это ты стрелял? — крикнул Рэнделл.

Голос отца прозвучал, словно рык нападающего льва.

— Да, я хотел прогнать твоих животных.

Рэнделл повторил; в полуденной тишине это прозвучало неестественно громко.

— Что ты хочешь, отец?

— Я пришел, чтобы забрать тебя, сын!

— Я не вернусь!

Абрамс несколько секунд помолчал, потом голос его поднялся.

— Гринборо не бегут, Рэнделл. Я помешаю тебе!

— Ты сможешь мне помешать?

— Разумеется. Я выбью оружие у тебя из рук и буду гнать тебя до тех пор, пока ты не сдашься добровольно.

— Ты забываешь о Второй Инквизиции. Меня не отправят в тюрьму Империи.

— Ты еще никогда в жизни не был таким трусом, как сегодня, Рэнделл, — крикнул Абрамс, не сходя с места. — Совершенно невозможно, чтобы в нашей семье был такой трус, как ты.

Рэнделл потерял уверенность. В словах старика слышалось твердое намерение не возвращаться назад без него, Рэнделла. Закинув голову, он смотрел и ждал Абрамса. Рэнделл чувствовал стыд и неуверенность. И упрямство.

— Я не трус! Я не возражаю, если мое имя будет вычеркнуто из семейной книги.

— Не болтай ерунды. Ты просто на некоторое время спасовал, это все. И пока отцы могут исправлять ошибки своих детей, они будут пытаться это делать. Ты будешь в достаточной мере мужчиной, чтобы кое-что сделать, а именно, ответить за последствия.

— Ты не можешь от меня этого требовать! — крикнул Рэнделл.

— Не от каждого, но от своего сына требую!

Эхо, прокатившееся несколько раз взад и вперед, наконец-то успокоилось. Лучи солнца отвесно падали в котловину, и Рэнделл начал потеть. Ствол ружья в его руках стал невыносимо горячим.

— Это неважно, — крикнул он. — Я хочу жить здесь, на Техедоре, а не в заключении. Возвращайся назад и забудь обо мне!

— Чушь! — задумчиво произнес Абрамс. — Я же ясно сказал, что без тебя не вернусь. Ты знаешь альтернативу и знаешь меня. Или ты поедешь в своем собственном седле, или поперек моего. Анжанет ждет нас.

— Я не хочу! — выкрикнул Рэнделл, чувствуя, что слова старика действуют на него почти гипнотически.

— Конечно, ты хочешь, только этого не знаешь.

— Ты забываешь, что я убийца!

— Мы оба знаем, что ты не убийца, — голос старика стал тише. — Убери ружье, ищи своего жеребца и уезжай. Иди!

На минуту воцарилась тишина. Сорвавшийся маленький камешек покатился вниз, увлек за собой второй камешек и в конце концов оказался в центре лавины из сыпучих обломков, скатывающейся в

долину. Становилось все жарче. Затылок Рэнделла болел, пот бежал по лицу и груди в вырезе рубашки.

— Рэнделл! — настойчиво крикнул Абрамс. — Я понимаю, что ты чувствуешь. Ты бежишь, потому, что не хочешь умирать. В твоём возрасте я тоже сделал так. Мой отец тоже забрал меня. Ты убил при самозащите. Я знаю, законы Империи справедливы, и судья тоже говорил об этом.

— Елейное вранье...

— Без оскорблений — так со мной не говорят.

Абрамс не мог видеть, как кровь ударила Рэнделлу в лицо.

— Завтра мы вторым летим в Техедор-Сити, и там я сделаю то, что должен сделать. Я уверен, что тебя оправдают. Я не знаю никого, на кого мог бы оставить стада и ферму.

— Может быть, на меня?

— Кому же еще, глупец? Я знаю, что тебя оправдают. В конце концов однажды я наконец отойду от дел. Теперь ты пойдешь со мной?

Возникла небольшая пауза, потом Рэнделл почти так же тихо произнес:

— Мне так стыдно, отец. Что мне делать?

— Ты знаешь что. Бери своих животных, сядь и скачи по вьющейся тропинке между мостами. Там мы встретимся. Иди.

— Ты знаешь мосты?

Сверху донесся звук мрачного смеха.

— Раньше я достаточно часто искал тебя здесь. Тебе доставляло удовольствие убегать и прятаться. Не думай, что я не знаю своего сына.

Это были два головокружительных каменных мостика, которые, как хоровод невероятно причудливых галерей, нависали над котловиной, отшлифованные водой, камнями и летящим песком.

Пожав плечами, Рэнделл бросил ружье на песок и направился в тень скал. Он присел в уголке, положил голову на подтянутые колени и задумался, не замечая, что сухие рыдания сотрясают его тело, словно лихорадка. Потом он вытер пот со лба, поднялся и стал искать *лагухов*.

Найдя животных, он оседлал одного из них, крепко приторочил груз на другом и направился из котловины вниз, по извилистой тропе к мостику, где ждал его отец. Молча, не в силах взглянуть на него, Рэнделл подъехал ближе. Когда тяжелая рука отца притянула его к себе, он прижался к плечу старика, к мокрой от пота материи рубашки. Он почувствовал, как пальцы провели по его волосам, потрепали голову, и услышал хриплый голос.

— Ты дурачок, если думаешь, что твой отец позволит тебе скитаться по всему Техедору, словно отверженному.

Это была неловкая нежность старика, позволившего себе проявить чувство. В горле Рэнделла застрял ком.

Мужчины устало въехали вечером во двор и, бросив роботам поводья, молчали о том, что произошло, и даже Анжанет ничего не сказали. Она так и не узнала, что ее брат бежал от Абрамса и от своих мыслей. Она приготовила еду. Болезненное спокойствие прошлых дней было лишь призраком покоя.

После еды Рэнделл пошел за дом, освободил крепления подвешенного вагончика, забрался в кабину грузового вертолета и запустил двигатель. Опоры шасси поднялись, машина повернулась к дому и остановилась. Два робота затащали ложе с телом Ногуэры в холодильную камеру. Оставив свой груз, машины исчезли, а Рэнделл осторожно откинул покрывало с лица мертвого пилота и молча уставился на труп, словно пытался решить загадку этого человека.

Почему он так вел себя? Почему всегда бормотал «няня» и почему у него не было игольного оружия? Откуда он прибыл? И почему при свете Альфарада, незадолго перед смертью, производил впечатление разумного человека? Вопросы, вопросы, вопросы... А ответов на эти вопросы Рэнделл не знал. Восковое лицо со следами запекшейся крови, казалось, скрывало все объяснения. Жизнь — смерть — хаос; тьма... На мгновение у Рэнделла возникло чувство, словно он сражался с нечеловеческим противником и только в результате фантастического везения ему удалось выиграть. Внезапно у него появилось видение: темно-красные, широко расставленные глаза смотрели на него; потусторонний, полный ужаса взгляд Анжанет, которым она смотрела на него, когда он вошел в вагончик. Он кивнул.

— Да, это все позади, — решительно произнес Рэнделл. — Посмотрим, что будем делать дальше.

Время мучительных мыслей спало с него. Он знал, что не был убийцей, а лишь справедливым защитником чести. Конечно, его накажут, но не убьют, и он останется победителем хотя бы для себя самого.

10

Свет в куполе изменился и стал золотым, цветом защиты. Гилберт Т'Гластонбери осмотрел зал суда. Лицо его было сдержанным, но на нем ясно читалось высокомерие.

— Ваша честь, — обратился он к судьбе.

Рено посмотрел на него и тяжело кивнул.

— Да?

— Защита хочет произнести свою речь.

В зале воцарилась полная тишина. Объективы большеформат-

ных камер нацелились на сухое лицо с четкими линиями рта и носа. Теперь Т'Гластонбери смотрел на судью Божу.

— Прошу вас, — сказал судья и слегка улыбнулся.

Было три часа пополудни, и стало хорошо заметным нервное напряжение в зале. Когда защитник начал говорить, было слышно только тонкое гудение камер позади стеклянной клетки.

— Ваша честь, Высший Суд, уважаемые зрители и слушатели! Во времена после Второй Инквизиции и экспансии во Вселенную в нашем мире пропал один фактор, который был мерилом всего происходящего, включая и судопроизводство: гуманная точка зрения. Это слово означает «человеческая». Людьми являются судья и обвиняемый, обвинитель и защитник. Процесс — это дело людей, а не компьютера. Итак, попытаемся рассмотреть проблему с человеческой стороны. Космонавт убит примитивным оружием. Это нужно признать; эксперт рассказал все о природе и использовании этого оружия. Это была самозащита, хотя в течение процесса часто повторяется слово «убийство», в основном, в речах. Самозащита потому, что космонавт во время разногласий выпустил в обвиняемого всю обойму обычного ручного игольного оружия — стандартного имперского, модель «ремингтон-марк-П». Это вполне весомое основание для того, чтобы заявлять перед судом о самозащите.

Рено внимательно посмотрел на Т'Гластонбери. Защитник сделал короткую паузу, но не пошевелился и продолжил:

— Прежде чем мы выслушаем показания свидетельницы, я хочу сказать, что этот, все еще загадочный для нас космонавт в течение тридцати двух дней принуждал свидетельницу к действиям, которые никак нельзя назвать позитивными с человеческой точки зрения. Женщина пострадала намного больше, чем говорит. Ее свели почти до потери самообладания и самоуважения. Не будем вдаваться в детальные описания происходившего. Женщина спасла пилота от смертельной опасности, накормила его, и за это он обращался с ней хуже, чем с животным. Если это один из ваших разумных и рассудительных людей, господин обвинитель, тогда общество охотно откажется от того, чтобы познакомиться с менее рассудительными экземплярами.

Т'Гластонбери яростно напал. Найвард вскочил и крикнул:

— Протестую! Я ни в коем случае не хочу восхвалять и представлять напоказ высказывания пилотов, так как сам хорошо знаю, что этот случай еще отнюдь не столь ясен, каким он должен быть.

Защитник жестко произнес:

— В любом случае для разумно мыслящего существа трудно понять, что люди, которые находятся на грани сумасшествия, проводят корабли через космос и являются героями, чей статус

так высок, могут безнаказанно обращаться с другими людьми так, как это произошло здесь.

— Господин защитник, — ответил Найвард, — мы пока что не знаем всех обстоятельств происшедшего с пилотом, поэтому я предлагаю оставить это.

Т^г Гластонбери удовлетворенно кивнул и продолжил:

— Единственным человеком, от которого свидетельница могла ожидать помощи, был обвиняемый. Представьте себе чувства и мысли этого человека, когда он увидел свидетельницу в подобном бедственном положении. То, что он сразу не убил этого космонавта, говорит в его пользу; многие из нас сделали бы именно так.

Нет! Обвиняемый подчинился воспитанию, полученному от отца, и законам Империи; редкий случай сегодня, принимая во внимание утрату патриархальных позиций. Он не сомневался тогда и не сомневается сегодня в честности и справедливости законов. Он действовал так, как, по его мнению, должен был действовать. Он вызвал космонавта и победил его в честном поединке — широко распространенный, вполне терпимый обычай на планетах-колониях. Обратите внимание, ваша честь, на эти благородные намерения обвиняемого.

Рено усмехнулся.

— Я обещаю вам это, Т^г Гластонбери, — послышался его усталый голос. — хотя высказывания ваши все никак не подойдут к сути дела, но вы можете и не знать этого. — Он улыбнулся, словно невесело дразня рептилию.

Т^г Гластонбери принял этот удар с выражением человека, который убежден, что в конце концов он все же победит.

— Обратите также внимание, ваша честь, — сказал он, — на огромную разницу.

Ваш опытный пилот, воспитание и обучение которого стоило Империи огромных денег, в состоянии управлять космическим кораблем, но не справляется с собой в то мгновение, когда видит женщину. Здесь смертоносное оружие, там обычный пилот вертолета, который до процесса никогда не покидал своей родной планеты. Он использует животное, единственным оружием которого являются мускулистый хвост и костяная голова.

Я убежден, что суд не оставит без внимания эти факторы. Человечество наблюдает за нами через камеры, — он указал на объективы, — иначе бы оно встало и потребовало, чтобы все это было принято во внимание.

— Давление, которое вы только что оказали, конечно, не принадлежит к тончайшим средствам тактики защиты? — осторожно спросил Рено.

— Нет, — ответил Т^г Гластонбери, — но в такой дискуссии мне не до тонких средств. Я только пытаюсь соблюсти свой стиль.

По залу прокатился удивленный гул, но быстро стих. Золотой свод под кристаллическим куполом на полсекунды померк, но потом снова зажегся и стал равномерным. Каждый наблюдатель с нетерпением ждал продолжения речи защитника.

— Тут нам описывают пилотов как безупречных — нет никаких оснований не верить психологическому отделу, — так что в этом случае защита должна предположить, что речь идет либо об особом случае с этим убитым пилотом, либо о несомненном психическом срыве. Империя позволяет, чтобы сумасшедшие напали на мирное население планет-колоний и учинили там террор. А когда поселенцы начинают защищаться, над ними устраивают процесс об убийстве. Находите ли вы это правильным и справедливым, ваша честь?

Рено пронзил защитника взглядом и сказал:

— Если вы это имеете в виду, речь, по моему мнению, не идет о праве на бесчинство. Здесь говорится всего лишь об объективном человеческом праве Империи. Об абсолютном правосудии, какое только могут совершить люди. То, во что верите вы или я, второстепенно. Признается только истина, и за мной остается право сказать, как выглядит эта истина.

Т' Гластонбери польщенно улыбнулся.

— Мы все весьма настроены выслушать вас.

— У вас для этого есть все основания, — сухо ответил рыцарь Рено, уже не улыбаясь. В его старых глазах вспыхивали колющие огоньки, а серебристая сетка на его коже, казалось, горела холодным пламенем. — Продолжайте!

— Следовательно, я настаиваю на том, — сказал защитник, повышая тон, — что посадку совершил или космонавт-преступник, или космонавт-сумасшедший. Вынужденную посадку. Его спасли, ухаживали за ним, а он делал все, чтобы вызвать гнев присутствующих. Затем, дав ему возможность защититься, его убивают при самозащите. Таков этот случай.

Вместо того, чтобы наградить обвиняемого за то, что он спас общество от этого чудовища, его обвиняют в убийстве — повторяю: в убийстве; не в убийстве при самозащите. Этическая часть забыта ради того, чтобы свершить так называемое правосудие. Защита требует: за жестокое обращение со свидетельницей Империя должна выплатить ей компенсацию в сумме одного миллиона межзвездных долларов; душевные муки не могут быть компенсированы ни в какой форме. Обвиняемого оправдать.

Оба участника процесса не могут быть лишены звания гражданина и утратить свои прежние права и должность. Согласно параграфу четыре звездного кодекса правительства Империи их нужно вернуть на родную планету в пассажирском корабле. Я надеюсь, что суд удовлетворит мои требования.

Защитник сел и откинулся на спинку сидения. По залу прокатилась волна легкого шума; многие из присутствующих ожидали этого требования, несмотря на спор между Найвардом и Рено, который внезапно произнес:

— Мы выслушали доводы защиты. Исключая ненужные колкости, мы склонны обратить внимание на некоторые пункты. Отклоняясь от существования процесса, позвольте мне кое-что сказать.

Он подался вперед.

— На протяжении всех этих споров снова и снова возникает одна мысль; уже сказано, что на протяжении нескольких десятилетий никто никогда не видел ни одного пилота ни в космопорте, ни в общественных местах. Это верно лишь отчасти. Но существует определенная группа пилотов, остающихся в своих кораблях. Есть понятия для них всех: киборги; вещь, состоящая из человеческого мозга и сложной механической компоненты, связанных друг с другом. Это пилоты-киборги в различных вариантах этой схемы; они остаются в своем корабле, потому что внешний мир для них отнюдь не безвреден и, как показывает этот процесс, при определенных обстоятельствах может быть губителен. Пилоты, управляющие кораблями, сами не знают об этом. Так что они отличаются от обычных пилотов. Они...

По залу прокатился все усиливающийся гул. Когда роботы навели тишину, стала видна поднятая рука обвинителя.

— Прошу вас, ваша честь, — громко воскликнул Тьерри фон Найвард, — яснее описать нам эту разницу. До сих пор мы придерживались того мнения, что после предоставления доказательств и выступления обоих участников заседания будет вынесен приговор, но не будет объяснения, которое ставит под сомнение отдельные соображения, сделанные ранее.

Рено молча посмотрел на него, потом взглянул на зал.

— Суд удаляется на совещание, а через несколько минут перед глазами и ушами общественности будет оглашен приговор. Я боюсь, что обоснование приговора повергнет всех людей в шок, поэтому отказываюсь от объяснений. Я считаю это правильным и, чтобы соблюсти форму, спрошу: у обвинения есть еще какие-то замечания?

Тьерри фон Найвард буквально опустил голову и ответил:

— Нет. У обвинения нет никаких сомнений.

— У защиты есть возражения?

Гилберт Т Гластонбери встал и ответил:

— Нет. Защита ожидает справедливого приговора.

Когда рыцарь Рено покидал зал, его снова пришлось поддерживать. Возникла пятнадцатиминутная пауза. Действительно ли больше не было никаких сомнений? Были только неясности...

Утро обещало долгий, прекрасный день. Они были в дорожной одежде. Роботы подняли четыре чемодана и вышли наружу. Послышался скрип двери, потом донеслось множество глухих ударов и звук вращающегося ротора. Было пять часов утра.

— До города больше пяти тысяч километров, — сказала Анжанет и повела Абрамса к двери.

Роботы, находившиеся вокруг дома и внутри него, продолжали работать до их возвращения. Они были великолепно запрограммированы.

Было прохладно; свет солнца отвесно падал сквозь кроны. Абрамс осторожно поднялся по лестнице, и Анжанет последовала за ним. Абрамс сел возле Рэнделла, а женщина — на запасном сиденье позади пилота. Роботы поставили чемоданы в багажное отделение возле бокового бака. Мотор набрал обороты; вертолет, поднявшись, развернулся на месте и устремился вперед, к городу Техедор-Сити. Пять тысяч километров — десять часов полета. Рэнделл следил за приборами, так как хорошо знал путь, которым летел. Они оставили позади себя заросшую крутую котловину, прошли через полосу жары, поднимающейся над пустыней, а потом некоторое время летели вдоль цепи возвышенностей. В течение трех часов этот геологический след вел к городу, потом они пролетели над заливом одного из самых соленых морей планеты.

Стройные башни передатчиков города поселенцев выросли из марева слепополуденной жары; хромированные трубы, построенные, казалось, навечно, поднимались на высоту от шестисот до тысячи метров, с красными огнями наверху и поддерживаемые тонкими стальными тросами. В городе жило семьдесят тысяч человек.

— Сколько еще лететь? — крикнул Абрамс, перекрывая гул двигателя.

— Около тридцати минут, отец, — ответил Рэнделл.

Появились первые здания. Можно было видеть, что город почти круглый. Он вырос, потом образовалось новое кольцо вдали от центра. Связующие улицы, словно спицы колеса, вели от *Площади Капитана* и заканчивались у леса. Тут и там из моря белых строений выступали небоскребы. Город был прекрасен и полон жизни. Вертолет, снижаясь, полетел к гигантской радиомачте, облетел плоское здание, построенное вокруг внутреннего двора. В наушниках радиосвязи заквакал голос:

— Пожалуйста, ваш идентификационный номер. Мы вызываем подлетающий вертолет.

— Пилот Гринборо, номер 1/30; 194 К.М.

— Спасибо. Садитесь на обычное место. Конеч.

— Конеч.

Вертолет по пологой кривой направился вниз, легко, как перышко, совершил посадку и подкатился к другим стальным насекомым. Горизонтальный винт остановился. Абрамс повернулся к Анжанет и Рэнделлу.

— Теперь начинается самая неприятная часть. Мы как можно быстрее попытаемся оставить ее позади, только помните вот о чем: я с вами со всем состоянием до последнего доллара, мне принадлежащего.

Они кивнули, выбрались по лестнице наружу и оказались во дворе транспортного управления Империи по планетным сообщениям, недалеко от *Площади Капитана*.

— Сначала в космопорт, — предложил Рэнделл.

Абрамс сделал знак роботу, на груди и спине которого был большой символ отеля.

— Нам нужно три комнаты, и, кроме того, ты можешь взять багаж.

Заработала бесшумная радиосвязь между центром управления отеля и роботом. Заказы были переданы, комнаты подготовлены, и робот сказал:

— У вас комнаты с номера восьмого по десятый окнами на площадь. Я отнесу багаж и оставляю его в ваших комнатах. Ваши имена?

— Три раза Гринборо.

— Спасибо. — Машина взяла чемоданы и удалилась.

Рэнделл последовал за ней и остановился возле движущейся лестницы, ведущей в глубину ярко освещенной шахты.

— Мы воспользуемся подземной транспортной системой, — сказал он в четырехугольном помещении с белыми стенами, на которых были таблички с необходимыми указателями. Одна из стрелок указывала в направлении космопорта.

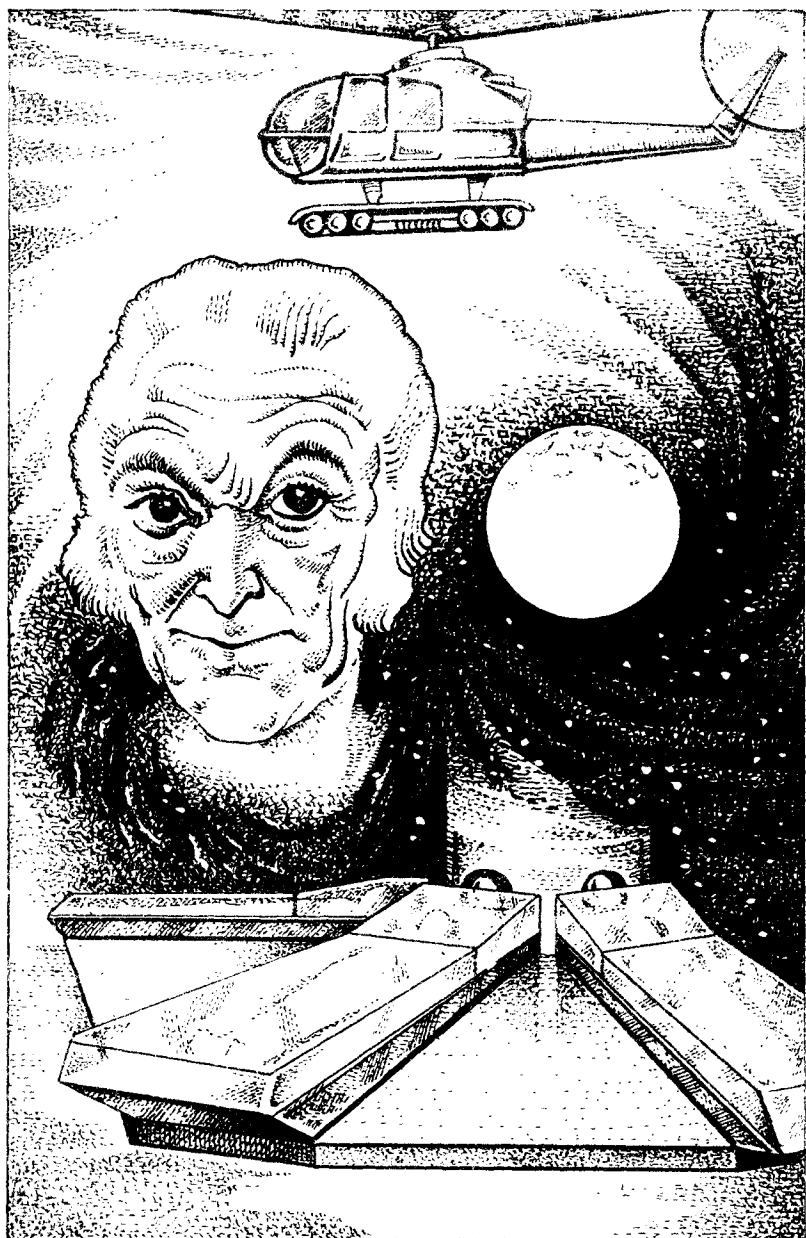
Торпедообразный вагончик на магнитной подушке бесшумно остановился, так же бесшумно открылась гнутая дверь. Внутри были удобные сидения со светлой обивкой. Гринборо сели. Коммунальные услуги во всех городах были бесплатными для всего населения, которое финансировало их косвенными налогами.

Серебристая капля с длинными плоскостями скользила в темной трубе. Она осветилась в то мгновение, когда нос вагончика прерывал контактный луч. Появилось ускорение, прижимающее людей к спинкам сидений, потом исчезло. Прозвучал тихий удар гонга, и голос произнес:

— Космопорт — управление.

Они вышли из вагончика и направились к управлению. Лифт поднял их в круглый центральный зал.

— Начинается последний акт, — сказала молчавшая до сих пор Анжанет, и ее голос прозвучал неуверенно и хрипло.

Абрамс положил руку ей на плечо, и они вместе направились к окошечку, над которым была надпись:

КОСМОПОРТ ТЕХЕДОР-СИТИ.
ТЕХНИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ.

Служащий, худощавый мужчина в темно-синем мундире Империи с белыми нашивками, подошел к ним.

— Я хочу показать вам, где находится корабль, пропавший тридцать пять дней назад, — сказал Рэнделл.

— Что? — растерянно спросил мужчина, повернулся и заговорил в настольный интерком. Затем подождал ответа, посмотрел в лицо Рэнделлу.

— Пожалуйста, пройдемте в кабинет, — сказал он.

Они последовали за служащим, заняли предложенные им места и стали ждать, пока не придет начальник космопорта. Секретарша закрыла за ними дверь. Мужчина остановился перед Абрамсом и пожал ему руку.

— Приветствую вас, мистер Гринборо-старший. Я слышал, что вам кое-что известно о нашем пропавшем корабле, верно?

— Да, сэр, — кивнул Абрамс. — Мой сын может показать вам корабль или его точное местонахождение. — Он указал на Рэнделла, чувствовавшего себя неуютно и считавшего, что теперь у него нет на это права, иначе бы он двигался здесь так же уверенно, как и все другие пилоты в городе.

— Вы, Рэнделл?

— Да. У вас есть карта?

— Там, снаружи... идемте.

Карта Техедора в меркаторской проекции занимала всю гигантскую стену помещения. У этой карты было устройство, позволяющее рассмотреть отдельные ее области под увеличением. Рэнделл уже много раз сидел перед этой картой, когда ему сообщали место, куда он должен лететь, и уточняли курс.

— Я покажу вам это, — сказал он.

Сначала Рэнделл установил расстояние, вокруг Техедор-Сити появился круг. На втором экране из архива появились увеличенные до соответствующих размеров снимки местности, которые были присоединены к карте. Рэнделл ненадолго задумался, потом показал в центр одного из квадратов.

— Здесь вы найдете корабль и спасательный шар пилота, — коротко сказал он.

Начальник порта поспешно схватил интерком, поднимая отдел по тревоге. С этого мгновения начались поиски. Через несколько часов охотники уже были на месте; один человек из поисковой команды при помощи аварийного управления в Техедор-Сити мог уверенно привести корабль на космодром, так как груз был важен для пла-

неты. Служащий вернулся и коротко коснулся плеча Рэнделла рукой.

— Благодарю вас, — сказал он. — Как вы смогли найти этот корабль, Рэнделл? Мы искали его непрерывно и уже отчаялись...

Рэнделл тотчас же ответил:

— Он находился в нескольких километрах от того места, где находится школа, передвижная школа моей сестры. Я прилетел на вертолете, чтобы забрать Анжанет. К сожалению, не было никакой возможности сообщить об этом властям Империи, а аварийные ракеты никто не увидел. Хорошо бы оснастить все школы и фермы радиостанциями.

Начальник космопорта нагнулся над черной крышкой стола и кивнул.

— Аппараты уже затребованы и находятся среди грузов этого корабля. Хотя это и звучит насмешкой, но это так, — ответил он и тут же возбужденно спросил:

— Но... что произошло с пилотом? Он, как вы сказали, был выброшен в спасательном шаре. Обычно, если он сам не выбирается наружу, его снова возвращают в корабль. Мы давно уже не видели в нашем порту ни одного пилота — что с ним? Вы что-нибудь знаете?

Рэнделл почувствовал, как капли пота выступили на его лбу, а по спине поползло что-то ледяное.

— Да, — сказал он внезапно охрипшим голосом, — я знаю кое-что о пилоте. Я знаю все — я убил его *ссфайрой*.

Начальник космопорта Далмис раздраженно усмехнулся.

— Вы большой шутник, мистер Гринборо, — сказал он без следа юмора в голосе, — и женщины из нашей службы охотно бы послушали вас, но эта проблема совсем не шуточная. Человек тем временем может умереть. Мы ничего не знаем об обучении пилота корабля или о его снаряжении... он погибает от жажды, выброшенный из шара, на него нападут, что еще?

— Это не шутка, мистер Далмис, — сглотнув, произнес Рэнделл. — Этот человек напал на мою сестру и вообще вел себя очень странно. Защищаясь, я должен был убить его.

Далмис вскочил и недоверчиво уставился на Рэнделла. Он был на Техедоре уже десять лет.

— О, — прошептал он бесцветным голосом, — вы не ошибаетесь?

Рэнделл покачал головой и ответил:

— Нет.

— Вы знаете, что натворили?

— Да, знаю. Защищаясь, я убил пилота космического корабля.

— Нет, — сказал Далмис, качая головой, — вы нарушили один из самых строгих законов Империи. Безразлично, при каких обстоятельствах это произошло, ибо пилот корабля Империи абсолютно за-

шишен. Это преступление, за которое положено лишь одно наказание.

Далмис все еще растерянно качал головой и стонал, не сводя с Рэнделла глаз. Секретарша на цыпочках покинула помещение. Наступило гнетущее молчание.

— Рэнделл Гринборо, — наконец прошептал Далмис, — вы практически мертвы.

— Ошибка!

Голос, прогремевший позади них, разорвал тишину. В открытой двери соседнего помещения, выпрямившись и уперев руки в бока, стоял Абрамс.

— Вы ошибаетесь, мистер Далмис, — прогудел он своим басом. — Рэнделл не мертвец. Не мертвец, пока я жив и могу платить долларами. Я сделаю все, чтобы помочь ему, а если ничего другого не останется, то лично вцеплюсь в плечку капитану Рено де Божу.

Далмис кивнул головой и ответил:

— Входите, Гринборо, и садитесь. Все, что здесь произойдет, продолжится долго и будет непростым. Я рад за вашего сына; у него хороший отец.

— Я тоже так думаю, — сказал Абрамс и похлопал Рэнделла по плечу. — Разве ты ведешь себя плохо, сынок?

— Вы можете успокоиться, Абрамс, — протяжно произнес Далмис, — высокое положение вашей семьи будет принято во внимание. Вы знаете, что я должен оповестить полицию?

— Знаю, — сказал Абрамс, кивая, а Рэнделл благодарно молчал.

Далмис нажал клавишу интеркома.

— Я хочу, чтобы сержант Глекнер заглянул ненадолго ко мне в кабинет, — сообщите ему, пожалуйста! — Он отпустил клавишу, положил руки на крышку стола и посмотрел сначала на Абрамса, потом на Рэнделла. — Подождем, — сказал он.

Через десять минут появился Глекнер, огромный мужчина, широкоплечий, с характерными темно-синими волосами — мутация Техедора — и с неопределенно-зелеными глазами. Под козырьком фуражки виднелось красное лицо.

— Далмис, зачем я вам понадобился? — спросил он в своей тягучей манере.

Далмис встал, но каждое его движение казалось несколько деревянным и неуверенным. Он кивнул на Рэнделла Гринборо, глубоко вздохнул и разочарованно произнес:

— Этот человек, сержант, — Он вынудил себя успокоиться, но от нервного напряжения дрожали его руки. — Это один из наших самых надежных пилотов-вертолетчиков. Я могу дать ему самые лучшие рекомендации и характеристики. Рэнделл только что сообщил, что он при самозащите убил пилота космического корабля. Остальное ваше

дело. Я охотно бы присутствовал, чтобы поддержать Рэнделла. Он не простой человек.

Глекнер повернулся так же медленно, как и говорил. Его лицо было покрыто потом.

— Вы? — протяжно спросил он.

Рэнделл кивнул, понимая чувства этого человека. Хотя они подчинялись закону и администрации Земной Империи, добровольно признавая их, у граждан каждой колонии в течение нескольких лет развивалось чувство, будто им нужно совершенствовать каждую мелочь, чтобы утверждать, что она принадлежит только им. Колонисты гордились собой и своими успехами. Всегда существовало только две вещи: колония и остальная Вселенная. И вот теперь здесь стоял человек, нарушивший законы Империи. Он не похитил радиоустановки или разгромил бар — он убил, уничтожил человека. Это было равносильно нападению на колонию, и сержант должен был действовать, хотя в данное мгновение он предпочел бы любую другую деятельность.

— Почему, Рэнделл? — спросил он.

Но за своего сына ответил Абрамс, сделав это авторитетно и с сознанием человека, верящего в объективность закона.

— Сержант, — сказал Абрамс, и его рука указала на значок на пиджаке. — Вам нужно лишь составить протокол и все. Мой сын появился здесь, чтоб указать местоположение корабля и сообщить о том, что при самозащите он убил космического пилота по фамилии Ногузра. Дело же, я думаю, будет завершено на Земле, поэтому без совета опытного адвоката мой сын, помимо этих фактов, не произнесет ни одного слова.

Ладонь фермера с треском ударила по столу, заставив Далмиса вздрогнуть. Сержант молча посмотрел на старика.

— Можно мне узнать ваше имя? — вежливо спросил он. — Я пока что по-настоящему не понял его; мистер Далмис выглядел возбужденно!

— Абрамс Гринборо! — сердито произнес старик.

— О! — воскликнул Глекнер. — Фермер Гринборо? Ранчери Абрамс?

Далмис поднял руку, чтобы вмешаться.

— Вы, разумеется, можете воспользоваться техническим оснащением моего кабинета, включая секретаршу, если вам это понадобится.

Глекнер кивнул.

— Спасибо, — сказал он. — Что же касается последнего пункта вашего предложения, то я женат.

Абрамс коротко усмехнулся.

— Именно так, Глекнер, — сказал он вслух, — только не надо никаких сцен.

— Я и сам их не хочу.

Глекнер сел за письменный стол, задумался, а потом попросил Далмиса вызвать секретаршу. Девушка вошла и села за пишущую машинку.

— Пишите: сегодня в кабинете начальника космопорта планеты Техедор, звезда Альфарад в созвездии Водяной Змеи, появился пилот Рэнделл Гринборо, холостяк, в сопровождении своего отца Абрамса Гринборо, известного в Техедор-Сити под именем ранчеро Абрамса...

— ...и его дочери Анжанет Гринборо, — прогремел голос Абрамса, — незамужней учительницы Педагогической Службы Земли.

Глекнер вопросительно посмотрел на девушку, и та кивнула в знак согласия. Гудение машинки ненадолго усилилось, потом секретарша остановилась.

— Прежде всего...

Так прошел час. Секретарша подготовила тщательно составленный протокол. Тем временем Анжанет пришла в себя. Далмис приготовил кофе и сэндвичи. Но в этой сцене было что-то призрачное. Разговоры шли об убийстве, но не было никакого впечатления, что убийца находится среди них.

Потом они покинули кабинет.

Вечер. Альфарад исчез за горизонтом, когда воздух над городом задрожал от чудовищного грохота. Люди из поисковой группы нашли корабль и доставили его сюда. Он пролетел на высоте около полукилометра над плоскими строениями Техедор-Сити, а потом остановился, захваченный могучими посадочными прожекторами космопорта. Из его кормы вырвалось пламя, потом стальная колонна встала вертикально. Трое Гринборо молча наблюдали за посадкой. Прожектора погасли. Двигатели были выключены.

— Эту посадку на месяц бы раньше и на этом же месте, — пробормотал Рэнделл, чувствуя себя перегоревшим, так как теперь ход вещей больше не зависел от него.

— Пойдем в отель, — сказал Абрамс. — Ты знаешь дорогу, Рэнделл?

— Да, конечно.

Они пересекли открытую площадь со статуей Техедора, прошли по широкой улице, по обеим сторонам которой находились ярко освещенные витрины и были видныдвигающиеся продавцы и покупатели. Мимо промчался полицейский глайдер. Гринборо бросались в глаза. Грубая одежда фермера вместе с приметным оружейным поясом и форма пилота молодого человека были неопровержимыми признаками. Вот идет убийца со своими родственниками, казалось, думали люди, оборачиваясь: почему этот человек совершил свое преступление именно здесь?

Рэнделл поднял голову и пошел дальше. Двести метров вперед, мимо открытого кафе, за угол, а потом по аркаде к отелю.

Абрамс спокойно обратился к женщине за стойкой.

— Мое имя Гринборо, — сказал он, и сразу же несколько постояльцев повернулись в его сторону. — Я заказал здесь три комнаты. Вы дадите мне ключи?

Стройная и синеволодая женщина за стойкой посмотрела на Абрамса и, увидев в его глазах, какие мысли мучают этого человека, забыла о дежурной улыбке.

— Пожалуйста, — сказала она и положила на стойку четыре кубика. — На них есть номер. Белый ключ для общей комнаты. Если вам что-то понадобится, пожалуйста,зовите меня, сэр.

— Спасибо, девушка, — ответил Абрамс и внезапно застыл.

Его уши, привыкшие за многие годы к слабым шорохам ветров планеты, кое-что услышали — это был обрывок разговора, который вели между собой двое мужчин:

— Рэнделл... Гринборо... убийца.

Абрамс сделал знак Анжанет и сказал:

— Идите вперед, а мне нужно кое-что уладить. — Он отодвинул женщину от себя.

Рэнделл и Анжанет вошли в стеклянный лифт и нажали кнопку четвертого этажа. Абрамс многозначительно положил правую руку на рукоятку своего оружия и направился к двум мужчинам. Те тотчас же увидели его и прекратили разговор. Старик без всякой всживости произнес:

— Я Абрамс Гринборо, один из пионеров, которые построили этот город для таких оболтусов, как вы. В вашем разговоре я только что слышал три слова, которые мне не понравились...

— Слушайте, фермер... — начал было мужчина справа от него.

Абрамс вытащил оружие, снял предохранитель и указал стволом в пол.

— Нет, — сказал он, — я не слушаю, а говорю. Эти три слова мне не нравятся. Мой сын не убийца, пока суд этого не докажет, во всяком случае, не для вас. Так что молчите и не навлекайте на себя неприятностей.

— Неприятностей?

— Да. Иначе я вызову вас за оскорбление. Никто не может безнаказанно называть меня «фермер». Если в ближайшие дни, пока мы будем жить здесь, я услышу от вас еще что-то подобное, я вызову вас на дуэль. А как я стреляю, можете спросить у шефа полиции. Так и будет.

Абрамс резко повернулся, вошел в лифт и поднялся наверх, где у двери комнаты номер пять к кодовой пластине замка был приклеен кубик магнитного ключа. Он толкнул дверь, закрыл ее за собой и упал в кресло. Послышался стук.

— Да?

Это был гостиничный робот.

— Сэр, ваш багаж находится в этом шкафу. У вас есть еще какие-нибудь желания?

— Нет, — пробурчал Адамс, — спасибо. Я хорошо знаю ваш отель.

— Тогда желаю вам приятного отдыха, — вежливо ответил робот. — Руководство отеля...

— Ироничные роботы, — пробормотал Абрамс и бросил пиджак на спинку кресла. — Кто бы мог подумать, что уже существуют и такие модели.

Но его не оставили в покое. Сначала пришел шеф полиции, который за стаканом выпивки извинился за грубость и попросил не покидать город. Через два дня другой пилот — человек, находящийся в отставке, который вместе со своей семьей руководит Бюро по импорту — будет готов к старту. Корабль уже был разгружен, и его снова загружали, потом Гринборо смогут стартовать. Шеф спросил Абрамса, чем еще он может ему помочь. Абрамс попросил его направить машину за ними, когда все будет готово. Все было сказано, и они пожали друг другу руки.

— Возвращаясь с Рэнделлом и Анжанет, Абрамс! Обращайся к Божу! — сказал полицейский.

— Дэниель, — ответил Абрамс, — я знаю, что мне делать. В конце концов я не простой ковбой и...

— Да?

— ... я страшно устал. Это был утомительный день.

Абрамс спал крепко и долго: когда проснулся, им в номер доставили еду; он вышел наружу только один раз, чтобы купить стопку книг.

Потом наступил день старта, и к ним явились несколько полицейских. Они были вежливы и несли их багаж, потом подождали снаружи, в тяжелом ховере с шипящими дюзами, стоявшем возле отеля, пока Абрамс не рассчитается и не даст девушке за стойкой на чай. Наконец Абрамс забрался в машину.

Поездка длилась не более получаса, и, пока они не добрались до поля космопорта на краю города, никто не проронил ни слова. Машина подъехала прямо к трапу, ведущему в корабль.

Возле пилотов стоял врач, пожилой мужчина с загорелым лицом и странными синими глазами.

— Сюда, мистер Гринборо, внутрь, — сказал врач.

Они вошли в слабо освещенный корабль. Винтовая лестница вела между машинным отделением вверх, к цилиндрическому помещению, стены которого были покрыты белым упругим материалом. В центре помещения находились соты, расположенные звездообразно и оснащенные аппаратурой снабжения, до которых можно было добраться по легким металлическим лесенкам.

Сначала на выдвижные носилки легла Анжанет, ей дали наркоз, потом в ее руки вонзились иглы. Запульсировала жидкость, носилки

были вдвинуты в ячейку сот, и включилось охлаждение. Потом один из техников завернул крепежные винты стеклянной крышки.

Следующим был Рэнделл, а потом ремни стянули тяжелое тело Абрамса. Прежде чем прижать к лицу старика маску, врач сказал:

— Мистер Гринборо, нам бы хотелось, чтобы все прошло так, как вы себе представляете. Вам не нужно беспокоиться: шеф приказал двум своим людям заботиться о вашей ферме.

Абрамс слегка улыбнулся и посмотрел на молчаливых пилотов.

— Не бойтесь, я вернусь. У меня нет никакого желания отдавать свое ранчо в собственность Империи. Всего хорошего, док. А вы... вы выдержите этот полет?

Пилот удивленно поднял брови.

— Что вы имеете в виду, мистер?

— Когда вы были еще вот таким, — он сделал жест рукой, — я уже летал с картографами. Управляйте кораблем как можно лучше, друг!

— Все будет хорошо. — Пилот видел, как на рот и нос старика опустили маску, видел, как носилки были вдвинуты в одну из ячеек, потом услышал «клик» включившейся системы охлаждения. Потом он пошел, чтобы взглянуть на управление. Минутой позже корабль поднялся, ревя дюзами, чтобы направиться к Земле. Был ли пилот сумасшедшим или он лишь играл в Большую Игру?

С этими мыслями Абрамс заснул.

12

Все было прекрасным: полушария зала сменили цвет, когда судья сел. Шум публики стал слабее, и наконец воцарилась давящая, выжидающая тишина. Кто-то нервно покашливал. Объективы камер были направлены на капитана, рыцаря Рено де Божу. Старик сидел неподвижно, и только взгляд его старческих глаз беспокойно скользил вокруг, словно он чего-то ждал. Мрачный красный свет соответствовал настроению зала. Защитник и обвинитель беспокойно обменивались взглядами. Потом Т'Гластонбери пожал плечами и откинулся на спинку кресла, только его рука на холодном граните выдавала напряжение; она дрожала. Где-то шелестели бумаги. Один из роботов вышел вперед и громко сказал:

— Суд объявляет приговор.

Рыцарь Рено, старый, морщинистый и покрытый кольцами сетки проказы, сказал:

— Прошу ввести мисс Гринборо и обвиняемого. Отца этих молодых людей прошу выйти вперед, чтобы занять третье кресло.

Двери открылись, появились свидетельница и обвиняемый и заняли свое место. Массивный старик медленно вышел из зала. Один

из роботов заметил его тяжелую походку, подошел к нему и отшел на место. Снова воцарилась тишина, только камера двигалась. Рено заговорил тихо и четко:

— Верховный суд Земли разбирает дело обвиняемого Рэнделла Гринборо. Обвинение: убийство пилота космического корабля, повреждение и уничтожение собственности Империи, создание опасности для межзвездных контактов, намеренное прерывание межзвездного сообщения и прочее. Во время процесса было выявлено, что преступление, повлекшее за собой смерть, было совершено при самозащите, хотя, как и раньше, существует сильное подозрение, что это было убийство. Однако защита и обвинение убедили суд, что этот случай является прецедентом и требует чрезвычайно основательного обсуждения.

Г'Гластонбери посмотрел на Рено, но не смог понять, чем закончится речь председательствующего. Рыцарь тяжело откашлялся, схватился за грудь, немного помедлил и продолжил:

— Приговор будет оглашен. Но прежде чем это сделать, я, как представитель Империи, дам объяснение.

Это объяснение будет долгим и содержательным, поэтому прошу надлежащего внимания. Позвольте мне начать издалека.

С первых дней межзвездных передетов Ното sapiens борется со Вселенной. Вселенная не хочет его, отталкивает и в конце концов уничтожает. Космический пилот, который, невзирая ни на что, летит в пустом пространстве, очень часто вынужден смотреть на звезды. По своему собственному опыту я знаю, как это действует на нервы. В первые дни межзвездных полетов — когда летал я, это было еще неясно. С тех пор мы исследуем пространство больше двухсот лет; процент потерь людей и кораблей был очень высок. Только в последнее столетие мы точно узнали, какова была причина этих потерь. Я прошу распространить выражение «в первые дни» также на первую треть второго столетия, потому что только примерно через пятьдесят лет количество потерь уменьшилось.

Массовые потери были следствием пионерской колонизации. Тогда, как и сегодня, потери имеют одни и те же причины. Мы их знаем.

Пилоты через несколько лет сходят с ума. Кризис наступает внезапно, без всякого предупреждения, и пилоты уничтожают корабль.

Затем, в течение нескольких лет, все шло хорошо. Людей разыскивали, отбирали, тщательно обучали. Сначала они летали внутри Системы, и ничего не происходило. Потом они стали водить межзвездные грузовики — здесь тоже все было в порядке до того дня — через десять или больше лет, — когда наступает кризис. До сих пор последними потерянными кораблями являются «Каталония» и «Флеш Гордон».

В зале поднялась рука. Рено устало указал на вставшего человека и сказал:

— Прошу вас.

— Я представляю прессу Земли, ваша честь. Можно мне задать вопрос?

— В виде исключения — да.

— Итак, уже почти сто лет об этом известно и, как я предполагаю, это хорошо изучено. Верно?

— Да, — сухо ответил Рено. — Все человечество и люди на многих планетах-колониях были в панике. Межзвездные перелеты — единственная возможность вести торговлю и поддерживать контакты. Мы не могли прерывать их. Ни один колонист больше не сообщал о себе, ни один пилот не приходил добровольно в наш корпус. Начинался хаос. Мы молчали и пытались сделать все, чтобы изменить ситуацию. Вот так.

Представитель прессы пораженно замолк и сел.

Старого судью снова сразил мучительный приступ кашля. Уже во время процесса над ним повис меч, и было лишь вопросом времени, когда он упадет; Рено был смертельно болен. Только сильная воля космонавта поддерживала его.

— Мы вносили улучшения и изменения одно за другим: снабжали корабли программами содержательных бесед четырех видов коммуникации — для слуха, зрения, осязания и прямого воздействия на мозг. Напрасно. Вид звезд был сильнее.

Мы давали пилотам самых красивых женщин, которые делили с ними работу, управление и все остальное, — напрасно, потому что, когда корабль выходил из паракосмоса и появлялись звезды, все остальное оказывалось второстепенным. Мы заменили управление роботом, который после четырех коррекций курса подвел корабль к самому солнцу, увидел опасность, но не смог проложить математически нелогичный — но единственно верный — курс и сгорел вместе с кораблем.

Мы увеличили экипаж, поместив в корабль второго пилота, который мог беседовать с основным. Два человека в конце концов убивали друг друга. Все было бессмысленно.

Все осталось по-прежнему. Нормальные пилоты, словно живые бомбы, управляли кораблем до тех пор, пока не сходили с ума. Зачастую это происходило в то время, когда управление не было полностью включено — спасатели подбирали корабль и доставляли на борт нового пилота. Однако в большинстве случаев духовная смерть пилота означала также и конец корабля. Так все и продолжалось. Мы дрожали при каждом из трех тысяч ежегодных стартов и были правы, потому что за несколько лет потеряли таким образом больше тридцати кораблей. Всего потери составили тридцать шесть процентов всех когда-либо построенных земных кораб-

лей. До последнего времени. А в последнее время мы используем идиотов.

Ропот потрясения наполнил аудиторию, но все осталось в рамках порядка, и роботам не пришлось вмешиваться. Защитник более чем удивленно перевел взгляд с судьи на обвинителя, взгляд которого тоже был полон изумления.

— Эти идиоты были и являются нашим единственным, последним и лучшим оружием в борьбе со Вселенной. Корпус психологов исходил, вероятно, из следующего: если нормальный человек перед лицом власти звезд сходит с ума, то, может быть, дебил или слабоумный станет нормальным.

Мы собрали на десяти станциях — «Холмах сложенных душ», как называют их в народе, — физически здоровых, но безнадежно слабоумных. Под предлогом социальной заботы мы начали их обучать и воспитывать.

Сначала нужно было устранить физическую запущенность и слегка поднять их техническое развитие. Это удалось во всех случаях.

Потом следуют тренировки, длящиеся от двадцати до двадцати четырех лет. Эти мужчины — а изредка и женщины — за это время достигают оптимума. Они доведены до кондиции. На этих станциях, известных общественности, могли бы поставить под сомнение любой рекорд. Эти будущие пилоты пользуются словарным запасом от пятисот до семисот слов, что превосходит произведение некоторых известных писателей в среднем на десять процентов; мы проводили соответствующий анализ. После этих тренировок пилоты могут читать, писать, говорить, но все это до определенного предела. Мы держим их вдали от представителей другого пола, а об этих бедных существах заботятся роботы с материнскими признаками. Шок полового созревания поставит под вопрос наши успехи и подвергнет опасности космические перелеты, а этого допустить нельзя. Сегодня у нас есть десять станций, рассеянных по всей Земле, на которых находятся свыше четырехсот пилотов, обученных тому, что они называют «Большой Игрой». Вам известно это выражение?

Эта игра — не что иное, как звездный полет, разделенный примерно на двадцать пять фаз, как игра, похожая на шахматы. Сложный компьютер, манипуляторы и приспособления которого также обслуживают пилота, играет с ним в эту игру. Она начинается с момента старта с Земли или с одной из планет-колоний и, кроме входа в гиперпространство и выхода из него, продолжается до посадки на планете-колонии или на Земле. При этом машина берет на себя все, что может взять на себя машина, а это очень много. Но она, конечно, может не все. Для этого нам и нужны люди. Чтобы принимать не логичные, а функциональные или нестандарт-

тные решения. Машина перерабатывает более или менее точную информацию в максимальные действия. Но что, если эти действия не должны быть максимальными? Тогда машина отказывает.

— Можно вопрос, ваша часть? — вмешался Тьерри фон Найвард, обвинитель Империи. Он тоже не знал всего этого.

— Да?

— Вы только что говорили о действиях или решениях. А разве идиот в состоянии принять верное решение? У него же только лишь малая часть тех знаний, которыми обладают спокойные, уравновешенные пилоты. Мне кажется, что это то же самое, что посадить в корабль дрессированную обезьяну...

Рыцарь Рено улыбнулся, потом вздохнул.

— Мы пытались сделать и это, мы пытались. Кроме того, мы пробовали использовать детей различного возраста, дельфинов в специальных банках, с зеркалами и фильтрами, а также пилотов, находящихся в полубессознательном состоянии, держа их под искусственным алкогольным опьянением, а также бессчетное количество других трюков, которые я не буду перечислять, чтобы сберечь время.

— И все бесполезно? — спросил обвинитель.

— Разумеется, бесполезно, потому что даже у самых безнадежных слабоумных есть кое-что, чего нет ни у одной машины. Мозг, который так сильно затемнен, засыпан, зажат и отстал, что путь к его клеткам лежит только через подсознание.

И таким образом, каждый дебил, находящийся в космическом корабле в качестве пилота, мог без задержки принять в нужный момент верное решение. Каждое решение, принятое в этой ситуации, было верным. Только однажды, вследствие ошибки, корабль отклонился от курса и совершил посадку не на взлетной дорожке космопорта, а в семи тысячах километрах от него. Это произошло на Техедоре и привело к этому процессу.

Г'Гластонбери встал и громко, не без триумфа, сказал:

— Я думаю, что каждый землянин почувствует себя довольно своеобразно, когда узнает, что межзвездные перелеты своим существованием зависят от сумасшедших.

Рено подавил улыбку.

— Господин защитник с замечательным остроумием только что сказал человечеству, почему правительство Империи так долго молчало, а также почему пилоты так редко покидают корабли. Это происходит только на Земле, и никогда — на планетах-колониях. Мы должны были скрывать оба этих фактора друг от друга: пилотов от мира, которого они никогда не поймут, а мир от слабоумных, которые выступают в качестве высококвалифицированных пилотов.

Разочарование будет чудовищным. Но я еще не закончил.

Рыцарь Рено как-то осел, его рука, дрожа, потянулась к стакану с золотистым содержимым; опиат был подкрашен, чтобы объективы камер не заметили пурпурного. Потом жизнь и краски постепенно вернулись к Рено, и он продолжил:

— Все это функционирует весьма неплохо. Во время межзвездных перелетов за эти годы потерян только один корабль. Несчастный случай на верфи. Конечно, существует частично ожидаемый, но никогда не ожидаемый с уверенностью необычный эффект: у дебилов происходит заскок! Извините за тривиальное выражение, но оно точно отражает это. Лет по десять они летают в космосе, во время каждого полета дюжины раз видят вещи, значения которых не знают, но которые на них влияют. Сначала их головы грозят лопнуть; боль с каждым разом становится все сильнее. И в конце концов скорлупа, которая изолирует настоящий мозг, открытое сознание, разлетается... Идиоты становятся нормальными. Переключатель симптомной безопасности отключает управление. Теперь невозможно вывести реактор из строя или даже включить какой-либо прибор. Пилоты пробуждаются. У них есть словарный запас, они могут прочесть сообщение и прослушать ленту с вариантами возможностей. У них есть мозг тупого десятилетнего — по меньшей мере. А когда они возвращаются на Землю, то при помощи специальной лексики их делают гораздо умнее двадцатилетних. В них возникает тяга к знаниям, и специальное обучение в течение года завершает остальное. Имена их меняются, дела об их происхождении, вплоть до самых незначительных секретных заметок, — сжигаются — и человек получает новую личность.

По залу прокатился один-единственный долгий стон. Сообщение это было поразительным и ставило под сомнение все, в том числе и модели поведения. Рено, перекрывая шум, слабым голосом продолжал речь. Тотчас воцарилась тишина ожидания новых откровений.

— Почти все пилоты, летающие сегодня на звездных кораблях, раньше были брошенными детьми: цыгане, русские, эскимосы, дети низших рас... да и все остальные. Среди них есть и несколько новых. Они обучаются по той же схеме. Одним из них был пилот Альваро Ногуэра, испанец со станции «Las colina de lasalmas de amparadas» — «Холм сломленных душ» у портового испанского города. На своем корабле он совершил посадку в семи тысячах километрах от космопорта планеты Земля Капитана Техедора. Там шар с пилотом отстрелился, вылетел из корабля и совершил посадку в пустыне.

Ученик мисс Гринборо нашел шар и открыл его. Свидетельница, несмотря на табличку с множеством запретов на шлюзе шара, действовала по-своему, сознавая всю ответственность. Она взяла к себе пилота, накачала снотворным. Проснувшийся Ногуэра увидел совершенно незнакомое окружение; он не понял его, и мысли пилота

вернулись назад, в детство. Он цитировал стихи из древней земной поэмы «Эдда». Из-за их особой аллитерации стихи использовались для обучения речи, чтобы усовершенствовать артикуляцию. Большинство дебилов действительно знают лишь немногие слова; остатки автоматического детского лепета. Роботов, которые тогда ухаживали за дебилами, всегда называли «няня». Пилот, вырванный из механического мира шара, спутал свидетельницу с роботом. Одновременно с этим в нем проснулось половое влечение. Как известно нашим психологам, в естественных, диких условиях оно подобно вулкану. Свидетельница тридцать дней страдала от этого чудовищного недоразумения. Они совершенно запутались, свидетельница и космонавт. Она считала его человеком, пострадавшим от шока, а он считал ее нянькой, созданной только для его утешения и ухода за ним. Это была смертельная ошибка Ногуэры.

Во время игр — смеси прошлых обучений и тренировок Большой Игры с электроникой корабля — он много раз создавал угрозу для жизни женщины и привел ее на грань, которую люди называют срывом. Она была беззащитна, а пилот — силен, как медведь. Таким образом эта пытка продолжалась почти весь месяц.

В этом пункте приговор таков: разумеется, невиновна по всем статьям. Империя выплатит компенсацию, размер которой будет оговорен со свидетельницей, позаботится о возвращении мисс Гринборо на планету Земля Капитана Техедора звезды Альфард в созвездии Водяной Змеи.

Воцарилось молчание. Смертельно больной судья снова взял стакан и опустошил его. Аудитория, словно загипнотизированная, наблюдала за ним. Мрачно светились красные призмы кристаллического дворца. Все замерло.

— А теперь пусть выйдет Рэнделл Гринборо, обвиняемый этого процесса. Он — брат свидетельницы. Он обнаружил их обоих в запутанной ситуации. Рэнделл тоже принял дебила за нормального космонавта. Он отбросил его, освободил женщину, потом снова ударил Ногуэру. Он дал пилоту свой игольный пистолет и подождал первого выстрела. Тогда, должно быть, он был ближе к абсолютной истине, чем когда-либо прежде. Ногуэра выстрелил и ранил Рэнделла. Тогда пилот вертолета бросил в космонавта ссфайру, и животное разmozжило тому череп.

После промежуточной посадки на ранчо Абрамса Гринборо Рэнделл полетел в Техедор-Сити и там предстал перед властями. Его отец, прежде долгое время бывший Первым Офицером на борту его корабля, мобилизовал свои финансы и поручил защиту господину Т'Гластонбери. Но теперь, несмотря на успех, он может сохранить свои деньги.

Послышалось удивленное бормотание. Защитник вскочил, но Рено жестом снова усадил его.

— В обычном процессе об убийстве защитник может погубить последний шанс обвиняемого. Но это не обычный процесс. В этом пункте приговор таков: оправдать; это была самозащита.

— Но, — крикнул судья сквозь буйный, хаотичный шум и быстрым движением руки сделал знак умолкнуть, — но, наряду с этим я поручаю Рэнделлу или добровольно основать на Техедоре школу для дебилов — необходимые знания и оборудование он получит здесь, на Земле, — или вступить в Психологическую Службу Империи. У вас есть выбор, Рэнделл. Выбирайте быстрее — у меня мало времени.

Рэнделл встал.

— Ваша честь, — сказал он, охваченный дикой радостью от такого приговора, — я не хочу оставаться на Техедоре. Можно мне сначала вернуться туда, завершить свои дела и упаковать чемоданы?

— Разумеется. Потом обратитесь в Кейптаун, Австралия, к Хуану Карту. Вам понятно?

Рэнделл молча кивнул.

— Время поджимает, — тихо сказал рыцарь. По его лицу непрерывно струился пот, заливая глаза. Рено моргнул. — Я благодарен Абрамсу Гринборо за службу, которую он сослужил мне и своим детям. Нужно уважать одного старика, который грозит смертию другому такому же старику, если тот не вынесет оправдательный приговор. Я подчеркиваю — для прессы, слухов, телевидения, — что эта угроза — всего лишь глупая перепалка двух друзей, которые встретились через много лет. Я хочу позжать Абрамсу руку. И еще кое-что, прежде чем наступит конец. Все расходы, которые понесла семья Гринборо, будут возмещены Империей. Семья бесплатно вернется домой, а Рэнделл также бесплатно снова отправится на Землю. Его обучение будет финансироваться Империей. В результате моей речи Империя полностью выполнила свой информационный долг; об этом больше не следует распространяться. Я закрываю дело. Процессы и апелляции не принимаются. Я благодарю вас всех.

Рено с трудом выбрался из глубокого кресла. Пуевой стакан опрокинулся, покатился по гранитному барьеру и разбился об пол. Роботы не пошевелились. Рыцарь Рено с упорством обошел судейский стол, осторожно подошел к Абрамсу, который тоже встал; одна его рука держала руку дочери, а другая лежала на плече Рэнделла, который был бледен как полотно. Абрамс высвободил руку и пошел навстречу Рено, протягивая руку. Когда обе руки коснулись друг друга, тело Верховного судьи коротко и сильно вздрогнуло, он улыбнулся и упал на колено. Абрамс с удивительной быстротой нагнулся над ним и подхватил капитана. Люди в аудитории позади него повскакивали и оставались стоять, словно парализованные. Абрамс с трудом поднял своего друга. Роботы были уже возле него,

но Абраме покачал головой. Рено открыл глаза, молча посмотрел на него и, запинаясь, едва слышно прошепел:

— Никаких теней... на моей могиле, Абраме?

Абраме покачал головой и вполголоса ответил:

— Нет, капитан, никаких теней на твоей могиле.

— Это... хорошо.

Рыцарь Рено де Божу умер. Пустые рукава его мантии вяло свесились, когда Абраме двинулся с места, неся тело по свободному проходу к широкой двери мимо рядов потрясенных неподвижных людей. Как только Абраме прошел две трети своего пути, красное освещение в зале сменилось ярко-белым. Кристаллический купол в Гааге был залит сияющим светом. Фасетчатые глаза цветных телекамер передавали каждую подробность на миллионы экранов телевизоров во всем мире. Теперь все люди знали то, что скрывалось от них полстолетия. Империя одержала великолепную победу. Победу? Это произошло только потому, что Рено предпочел букве естественный закон человека, пресодолев себя и введя новый стандарт в человеческое судопроизводство. Любому его последователю там, в этом кресле, которое еще долго будет пустовать, будет чеканно трудно.

Т Гластонбери собрал свои бумаги и незаметно покинул зал; Тьерри фон Нийвард стоял и смотрел ему вслед. Он ни разу не улыбнулся, так как сцена для этого была неподходящая. Зал постепенно пустел, повсюду виднелись беседующие группы людей. Камера повернулась, и в поле ее зрения оказались брат и сестра, неподвижный обвинитель и дверь, закрывшаяся за Абрамсом. Потом блестящие объективы застыли на пустом кресле за судейским столом. Один из роботов двинулся с места и прошел к выходу мимо Анжачет и Рэнделла. Тяжелая металлическая нога наступила на осколки стакана. Они звякнули, раздался хруст, болью отозвавшийся в ушах Анжачет.

13

Здесь царила абсолютная тишина, прерываемая через неравные промежутки времени. Щелкали реле, звякали переключатели, отдаленный треск перфоратора бил по напряженным чувствам, как стрела. Из темноты появилась рука, на мгновение замерла в слабом свете приборов, потом повернула переключатель. К л и к.

Круглые лампы ожили. Точки света вращались вокруг разделительной черты и застывали, когда их накрывали треугольники иного цвета. Между шкалами, напоминавшими глаза, вниз опустилась красная черта. Овальное отверстие внизу этой черты открылось и сказала:

— Хорошо, Влад! — в этом голосе была теплота.

— Отлично! — воскликнул Влад.

Большая Игра продолжалась. До сих пор прошло четыре периода сна; тридцать два интервала, состоящих из сна, еды, питья и игры. Стальной гроб снова мчался во Вселенной, двигался со сверхсветовой скоростью среди холодных точек бриллиантовых звезд, рассекая диффузную газовую туманность, устремляясь к своей цели.

В р е м я : 23 июня 2236 года по новому времени.

М е с т о : В первой четверти курса, начинавшегося у Земли и заканчивающегося у одного из гигантских солнц.

И м е н а : Влад Амбарцумов и «Лицо».

Эти слова, произнесенные в жестком, неловком стиле коренастого пилота долю секунды звучали в шаре. Они были из далекого времени... Тогда Влад бегал среди роботов-нянек по лугам и предместьям Алма-Аты. Пилот напряженно сидел в своем специальном тяжелом кресле. С начала новой игры у него сильно болела голова.

— ... и свет, душу дал Один, чувства дал Хенир...

— Шесть! — сказала Лицо.

— У меня болит голова, — ответил Влад.

— Сначала шесть, потом я позабочусь о тебе, Влад! — пообещало Лицо с теплотой в голосе.

Амбарцумов удовлетворенно кивнул и нагнулся вперед. Он поворачивал один из находящихся под его рукой рычажков до тех пор, пока треугольники на круглом светящемся диске не встали вершинами друг к другу. Корабль мгновенно выпал из парaprостранства.

Сверлящая боль! Влад скорчился, схватился обеими руками за голову и начал массировать виски. Это были жесткие, секущие движения.

— Влад? Возьми себя в руки и займись точками!

— Не хочу!

— Иначе игра не будет продолжена. Я не позволю тебе заснуть! — гремел голос, все еще полный явной благосклонности.

— Хорошо, но не надолго.

Большое окно, расположенное полукругом в верхней части кабины, стало прозрачным. Точки, словно миллионы тонких игл, вонзились в сознание пилота. Он пригнулся, чтобы избежать натиска чуждых импульсов, но голос тотчас же вырвал его из этого состояния.

— Смотри на точки, Влад! Это относится к правилам игры!

Пилот услышал приказ, в котором теперь звучала неприкрытая угроза, и снова посмотрел на точки, успевшие сгруппироваться. Не было только связующих линий, которыми он мог манипулировать при помощи своих мыслей и рычагов. За крошечными точками вращалась вуаль, образуя контуры, теряющиеся на заднем плане. Боль в его черепе усилилась. В его сознании, не покидая его, рвалась и цара-

палась какая-то штука. Было довольно трудно дать человеку то, что у него уже было до сегодняшнего дня. Зазвучала струна. К л и к.

Пилот все еще неподвижно взирал на миллионы светящихся глаз, угрожающе, холодно и неподвижно окружавших его, словно здесь было чудовищное зеркало, в котором отражался рой искр его мыслей. Из горла Влада вырвался сдавленный стон, потом он заплакал.

Звезды беспощадно взирали на него. Мчалась цепная реакция раскованных желаний, мыслей, надежд и чувств: ненависть, страх и любовь стали одним... точки пылали... мозг, казалось, изменился, как бы перекипел, и было ощущение, что он вот-вот лопнет. Амбарцумов громко закричал и задрожал.

Безумие! Кабина напоминала ад. Друг за другом смолкали акустические сигналы, отключались шкалы и указатели, гасли контрольные лампочки. Наконец в кабине воцарилась полная тишина, нарушаемая только беспомощным всхлипыванием пилота. Он лежал в своем контурном кресле-ложе, пристегнутый широкими пластиковыми лентами, обвивающимися вокруг запястий и лодыжек.

Отражение созвездий было настолько колюче резким, что Влад подумал, будто между Вселенной и его глазами нет даже воздуха. Он скорчился, неспособный оторвать взгляд от блестящих точек. Спустя примерно полчаса он наконец затих, глаза его расширились, завеса с его сознания спала... дух его освободился.

Влад умер и родился вновь в течение десятой доли секунды.

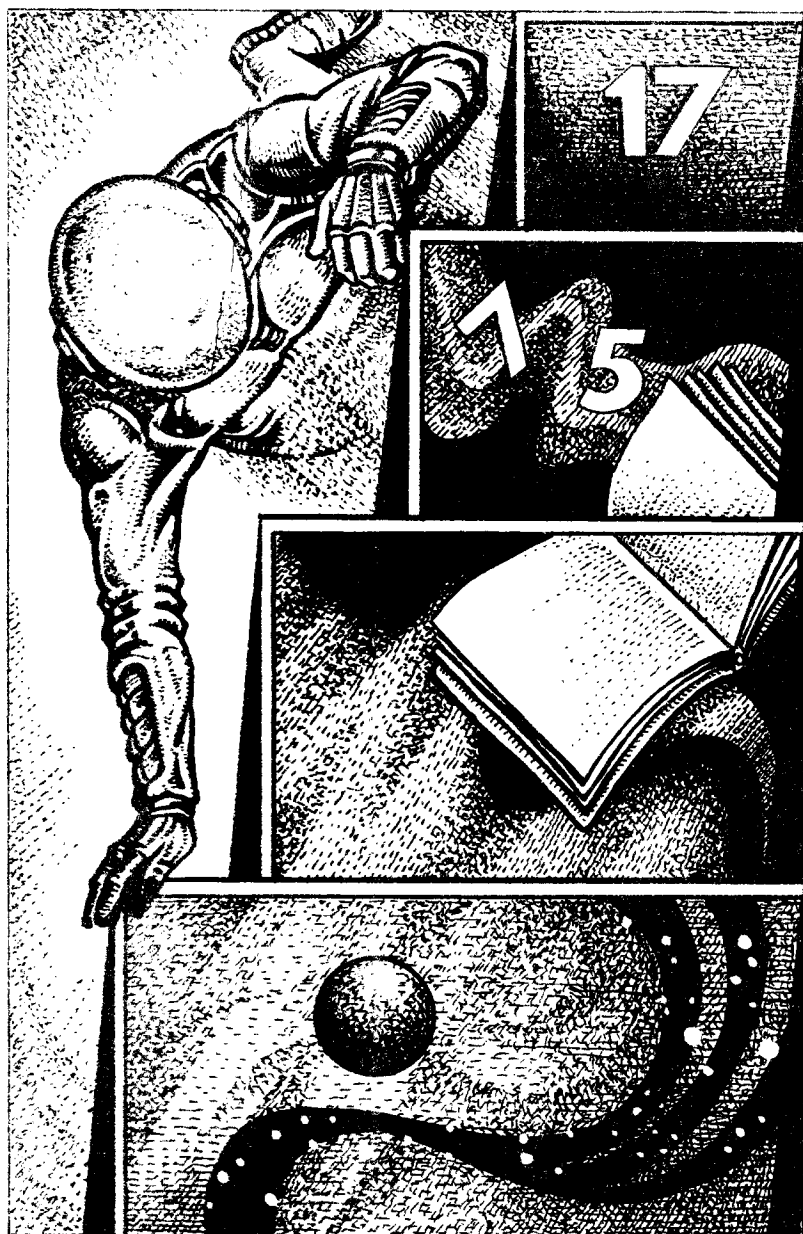
В течение полных десяти лет Влад Амбарцумов летал во Вселенной и видел звезды бесчисленное количество раз, но он не знал, что это были звезды; для него не существовало этого понятия. Влад был монголоидным кретином, слабоумным существом из России, воспитанным на одной из десяти психологических станций Империи, а теперь...

Теперь он больше не был самим собой. В его мозгу что-то разорвалось и спала какая-то завеса — путь к знанию был свободен.

— Залаял пес Гармр у пещер Гнипахэллира, — бормотал Влад. — Узы расторгнуты, вырвался волк... — он замолчал от внезапного осознания того, что ему понятна половина смысла сказанных слов. — Что это? Лицо, помоги мне! — громко сказал он и попытался подняться. Лицо молчало. — Лицо! — крикнул он во внезапном понимании. — Твоя игра продолжается? Я снова здоров — боль ушла.

Молчание. К л и к. Часть пульта сдвинулась назад и вместе со всеми рычажками и указателями исчезла. Вспыхнул свет, появился белый четырехугольник, и одновременно с этим ленты освободили запястья и лодыжки Влада. Он был свободен.

В углублении пульта управления находилась книга. Влад знал, что это за книга и для чего нужна; со своим скудным словарным запасом в семьсот слов он мог читать, но только простые тексты. Нагнувшись вперед, он взглянул на титул и прочитал: «Для Влада

Амбарцумова». Человек еще раз медленно прочитал эти слова. Его язык скользил по согласным. Из отдельных слов возникло осмысленное предложение. Это была инструкция для него!

Для него одного! Так было здесь написано. Мозг его, затуманенный в течение тридцати четырех земных лет, просветлел. В этом свете было ясно видно, насколько он пуст. Нужны были отдельные шаги к знанию, чтобы заполнить его. Влад открыл твердую обложку.

Над ним все еще сияли точки света. Как их называют? У каждой вещи есть название. Он не понимал этих точек, не знал их, но рассматривал их с заинтересованной деловитостью и без малейшей боли. Он читал:

«Над твоей головой, Влад, находятся звезды. Это точки света, которые ты видишь, так они называются. Почему — тебе скажут позднее.

Ты — штурман одного из кораблей, летящего между этими точками света сквозь темное, безвоздушное и опасное пространство. От тебя зависит очень много. Ты несколько дней назад — тебе также объяснят это понятие — стартовал с Земли, твоей родины, и через несколько дней должен совершить посадку на другой планете. И ты, если прочитал эти строки, обнаружишь, что ничего не знаешь. НИЧЕГО. Просто у тебя не было разума, поэтому мы выдрессировали тебя и поместили под влияние этих звезд. Если ты сейчас прочтешь это, то уже знаешь, что звезды исправили твоей искаленный разум и подготовили его к жизни среди нас. Теперь оставь чтение и продолжай игру. Эта игра не что иное, как последовательность действий, которая должна привести корабль к цели.

И еще кое-что. На каждом переключателе и на каждом приборе есть цифры. Ты можешь считать до двух тысяч, не зная цифр. Так что следуй цифровым указаниям «Лица» — еще несколько дней. Сначала нажми на красную кнопку ПЯТЬ, и тогда игра снова начнется.

Потом ты прочитаешь дальше. Пока этого достаточно!»

Влад закрыл обложку. Текст кончился — он почувствовал, что на него нахлынул поток вопросов. Постепенно он получит ответы на все эти вопросы, но от кого, не знал. Он в полутьме поискал кнопку, нашел ее справа от подлокотника кресла и вжал глубоко в пульт. Тотчас же снова вспыхнуло «Лицо» и произошло нечто странное.

Словно два полушария, обе области мозга были тут — так, по крайней мере, представлялся этот процесс Владу. Они были старой и новой жизнью. Старая была закреплена тренировками, дрессурой и крепко затверженными реакциями, которые можно направлять в желаемом направлении только по сигналу, но никак не самостоятельно. Здесь Влад знал каждый уголок и ясно представлял себе, что ему делать. Новая жизнь показала, что для всего этого были основания. Как ему было сказано, основания были для каждого действия. Каж-

дое движение пальца было не только последовательностью, но, прежде всего, необходимостью. В мозгу взрослого кретина, который теперь был уже мужчиной, обладающим пустым разумом тринадцатилетнего и чудовищными резервами, появилось новое понимание.

— Влад, — тотчас же произнес голос, — мы должны посадить корабль. Это продлится более сорока периодов, и за это время тебе придется многое сделать. Я объясню тебе все, что знаю, хотя это не много. Отметь понятия, которые я тебе назову. Если мы будем действовать дальше, корабль снова уйдет в парапространство. Итак, семь!

Влад без раздумий выполнил действия седьмого пункта. Сначала он скоординировал расчеты курса с данными указателя цели, быстро выправил курс и открыл силовой заслон, препятствующий энергетическому удару. Удар швырнул корабль назад, в безвременное парапространство. Вид звезд тотчас же пропал.

— На своем запястьи ты найдешь нечто круглое, — произнес голос. — Это часы. Они измеряют время. Когда белая стрелка один раз obeжит циферблат — значит, прошел час. Тогда синяя стрелка передвинется на другую цифру. На циферблате есть двадцать четыре цифры, потому что наш день состоит из двадцати четырех часов. Сколько сейчас?

Владу еще никогда не приходилось отвечать на вопрос о времени, он этого не знал. Взглянув на часы, он наморщил лоб и ответил:

— Синяя стрелка показывает на шесть, а белая — на один.

— Следовательно, пять минут седьмого — это после шести, — пояснил голос.

Влад с трудом понял.

— Теперь ты можешь читать дальше. Каждое слово, которое ты не поймешь, будет объяснено тебе по буквам — читай дальше! — голос смолк.

Таким образом Влад заучивал понятия из словаря и учился пользоваться этим словарем. Позже он узнал еще больше. Влад жаждал впитывать информацию, не понимая многого, но осознавал, почему он этого не знает. И это осознание было очень ценно.

Неожиданно он прочел:

«Влад — ты до сих пор был идиотом. Тебе тридцать четыре года и ты мужчина; посмотри в зеркало. В словаре прочти примечание к слову «тело», разденься и осмотри его. Ты многое не понимаешь. До сих пор ты принадлежал у группе людей, которая не должна жить с нами, потому что они глупы и не могут читать. Мы относимся к другой группе и благодаря некоторым изобретениям можем удалиться от нашей родной планеты.

Такие же корабли, как этот, летают от страны к стране, от планеты к планете. Члены нашей группы были первыми штурманами, но они не перенесли вида звезд. Они не могли долго видеть эти

маленькие точки света и сходили с ума, становясь идиотами, такими же, каким был ты — до сегодняшнего дня.

Потом мы пришли к мысли использовать существ твоего вида, стали искать слабоумных. Если они достаточно долго смотрели на звезды, то становились нормальными. Именно это и произошло с тобой.

Ты на протяжении одиннадцати лет (эта цифра, как и название, написана другим шрифтом, чем остальной текст) висел между звездами. Ты управлял кораблем как дрессированное животное, не созная этого. Ты играешь с Лицом в Большую Игру. Звезды, которые сначала причиняли лишь боль, сдернули завесу с твоего мозга. Теперь ты один из нас. Ты все еще не очень умен...

Но когда корабль достигнет цели, мы обучим тебя всему, что ты должен знать. А это очень много. Теперь посмотри в словаре значение незнакомых слов и еще раз прочитай этот абзац, и тогда ты многое поймешь. Затем открой дверь своей шарообразной кабины и выйди наружу. Спроси Лицо, если тебе еще что-то неясно».

Человек ждал еще чего-то, ища соответствующие слова, разбирая их по буквам, если не понимал их как целое. Это была трудная работа, но он ее не прекращал, пока не прочитал абзац много раз и полностью его не понял. Потом он счастливо улыбнулся. Огонь знания, раз вспыхнув, никогда больше не гаснет.

— Лицо? — спросил он.

— Да? — мгновенно ответила говорящая часть электронной схемы компьютера.

— Теперь надо сделать что-то связанное с управлением кораблем?

— Нет, — ответил из динамика мягкий голос. — Ты хочешь покинуть кабину?

— Да — охотно.

— Сначала ты должен нажать на кнопку четыреста девяносто восемь, но не забывай, что примерно через час ты снова должен быть здесь, чтобы провести новую коррекцию курса. Я позову тебя длинным гудком.

— Все будет в порядке. Белая стрелка obeжит циферблат один раз?

— Верно! Теперь иди.

Влад встал и внезапно ощутил скелет своего тела, гибкую игру крепких мускулов и ума. Он чувствовал себя как новорожденный, но с разумом старика. Объяснения из словаря многое сказали ему; простые рисунки также смогли многое объяснить. Влад был словно компьютер без программы, лишь с минимумом информации. Чем больше поступало данных, тем лучше работала машина по имени Амбарцумов. Однажды она освободится во второй раз и перестанет быть машиной.

Теперь Влад был человеком.

Он нажал на кнопку, приводящую в движение узкую дверь. Она тихо откатилась назад, в темноту; холодный воздух нахлынул на пилота. В темноте возле правого его локтя загорелась белая точка. Влад коснулся ее. Перед ним мгновенно засветились спирально расположенный ряд ламп и красная стрелка, указывающая острием вниз, в круглое отверстие.

Корабль наполняло громкое гудение, но изоляция шара пилота эти звуки не пропускала. Влад осторожно подошел к первой ступеньке винтовой лестницы, исчезающей в слабо освещенной глубине. Он знал только по картинкам, как выглядит корабль внутри и снаружи, а теперь увидит это сам.

Огромная башня стопятидесятиметровой высоты и тридцать метров в диаметре. Полый цилиндр, оканчивающийся тонким острием, имеющий восемь треугольных несущих плоскостей и украшенный множеством странных линий и углублений. Внутреннее пространство делилось четырнадцатью палубами на отсеки примерно десятиметровой высоты; сбоку, у внутренней стенки, шла вниз спиральная лестница. В острие находились все электронные приборы и шар пилота, из которого только что вышел Влад. Он двинулся вниз по лестнице.

На первой палубе находились ящики, коробки, сложенные бухты пластиковых канатов. Все эти предметы были настолько искусно уложены друг возле друга и друг на друга, что между ними оставалось пространство. Следующая палуба была заполнена таким же образом; на каждом тюке Влад видел странные цифры и номера, смысла которых он не понимал, и повернулся.

Э т о Влад обнаружил четырьмя палубами ниже... Сначала табличку «Ничего не касаться! Включать может только начальник космопорта». Затем яркий свет... и соты... Они были расположены звездообразно в три этажа вокруг цилиндрической центральной части и испускали холод. Соты содержали в себе... Влад с трудом сосчитал, призвав на помощь пальцы... двадцать один сотовидный гроб. Тонкие металлические трапы вели к нижним прозрачным пластинам, к которым были подведены трубки. Вдоль стенок толстым многоцветным пучком проходило сложное переплетение шлангов и кабелей и исчезало в центральной части за муфтой. Осторожно, чтобы ни на что не наступить и не наткнуться, Влад забрался вверх и заглянул в один из освещенных цилиндров.

Там... там лежал человек! Он спал или был мертв? Влад этого не знал, и его захлестнуло множество мыслей. Ухватившись за поручни, он задумался. Потом он посмотрел на прозрачную трубку от внутреннего края цилиндра к сгибу обнаженной руки. В ней к телу медленно двигалась янтарная жидкость. Стенка гроба была ледяной.

Влад долго молча смотрел на лицо этого человека. Оно было большим и спокойным, белые густые волосы облегали темно-коричневый

череп, где кожа казалась морщинистой и грубой. Было ли и его лицо таким же? — обеспокоенно спросил себя Влад. Глаза были широко открыты; цвет их был водянисто-зеленым. Одежда этого существа выглядела совершенно другой, чем та, которую носил Влад. Он долго рассматривал это лицо, которое произвело на него очень сильное впечатление, потом осторожно опустился на этаж ниже, предварительно прочитав еще одну табличку, прикрепленную к стеклянной крышке. Вторая трубка. Здесь — другое существо. Волосы его были голубыми, а фигура походила на фигуру Влада, приземистая, но гибкая и мускулистая. Зеленые глаза тоже были широко открыты. На этом лице тоже было выражение, которого пилот не знал и которое его глубоко взволновало; мира и спокойствия.

Третий гроб и совсем другая фигура. Это было видно по очертаниям ее тела, покрою одежды и лицу. Оно было много мягче и уже, гладкое и очень красивое. Влад снова не понял, что он увидел. Длинные синие волосы облегали голову. И в эту секунду он решил больше не удивляться цвету, формам и движениям. Для него все было новым.

Он уже самостоятельно мыслил и оценивал, меняясь с каждой секундой. С трудом, по буквам, он разобрал слова на трех табличках, которые увидел.

Абрамс Гринборо — морщинистое лицо.

Рэнделл Гринборо — тот, кто был похож на него.

Анжанет Гринборо — странная фигура с узким лицом.

В других гробах тоже лежали неподвижные фигуры, но в них уже не было ничего нового. Влад снова начал спуск. Он находился в центре зала, наполненного светом и запахом работающей техники, когда прозвучало гудение, зовущее его в кабину управления. Усмехнувшись, он поспешил вверх по длинной лестнице и, задыхаясь, упал в кресло.

— Я здесь!

— Я чувствую тебя, — ответило Лицо. — С е м ь!

Другая часть сознания снова взяла верх: сказала длительная тренировка. С абсолютной уверенностью высокоточной машины Влад положил крупные, сильные пальцы на один из рычажков и передвинул его; заиграли огоньки.

— Что сейчас происходит?

— Корабль, пилотом которого ты являешься, — тотчас же ответил динамик, — после длинного прыжка снова вынырнул из паракосмоса в нормальное.

Вспыхнул сигнал, и снова была нажата клавиша. Через открытую дверь позади Влада доносился вой, перекрывающий звук пульта управления.

— Зачем кораблю нужен такой пилот, как я, если у него есть ты, Лицо? Ты можешь не все?

Лицо на секунду помедлило с ответом, а в это время пилот уве-

ренно вывел корабль из парaprостранства в пространство, и купол тотчас же осветился. Появились звезды.

— Великолeпно! — потрясeнно произнес Влад, разделяя свое внимание между пультом управления и сверкающим чудом там, снару- жи, доставлявшим ему радость, хотя он его не понимал.

— Курс запрограммирован, — сказал голос. — Корабль волнооб-разными движениями то уходит из нормального пространства в пара-пространство, то выходит из него. А на этот раз мы слегка отклонились от курса.

Звезды сияли холодно, но дружелюбно. Множество созвездий и светящихся волокон между ними, очертания далеких спиралей, кото-рые, казалось, находились сразу же за стеклом его купола, — удиви-тельный космос, который ждал, когда его покорят такие люди, как Влад.

— А ты не можешь провести коррекцию?

— Нет.

— Почему нет?

— Почти все здесь происходит автоматически. Это все запрограм-мировано. То, чего нет в программе, должен сделать человек. Я, как машина, могу действовать только тогда, когда у меня есть информа-ция.

— А я?

— У человека этих ограничений нет. Ты можешь действовать и без информации. Это называется интуицией. Ни одна машина этого не может.

— Но я до сих пор был идиотом.

— Ответ на это находится на последней странице маленькой кни-ги в пульте. Прочитай его.

Руки пилота подставили друг к другу длинные колонки цифр; знаки, значения которых он еще не знал, но очертания которых из-менялись до тех пор, пока нижние ряды не стали идентичными верх-ним. Корабль при помощи протонной эмиссии изменил свое местоположение.

Машина помогла ему. В ее памяти были введены и закреплены там точные позиции. Дрейф был просчитан, сила нового энергетиче-ского удара рассчитана, а расчеты переданы в машинное отделение.

— В о с е м ь!

Перед мысленным взором пилота между звездами на маленьком экране появились линии, переплетенный угловатый узор которых был не понятен машине. Очень далекая, неосознанная и пока что лишенная всякой материальности, появилась мысль. Это было то, чего никогда не было у машины. Но откуда это взялось у Влада?

Он молниеносно произвел переключение, скоординировал на-правление удара двигателей и снова швырнул корабль в порошкооб-разную серость парaprостранства. Звезды исчезли. После этого Влад

решил прочитать то, что было написано в книге. Из машины вылезла гидравлическая рука и поставила перед Владом высокий сосуд.

— Это напиток, который подбодрит тебя! — успокаивающе сказал динамик. — Пей!

— Спасибо! — ответил Влад и стал читать.

«Одно из неразгаданных чудес — это человеческий мозг. Он постоянно на грани срыва, постоянно на грани работоспособности. За свою историю человечество — не отказываясь от науки — обрало сознание поколений. Это способность делать необходимое в нужное мгновение. Действовать, браться за что-либо, быть нелогичным. Машины этого не могут.

Может ли это идиот? При определенных условиях. Мы тренируем их до тех пор, пока не создаем видимость Большой Игры. Здесь все происходит машинально. Так же действуют дрессированные обезьяны и электронные компьютеры. Но включаться в нужное мгновение — чувство подсказывает, что это нужно сделать именно сейчас, а не в какой-либо другой момент — может только человеческий разум, даже если он ничтожно мал.

Мы гордимся тем, что не произошло еще ни одной аварии. Машина и идиот, не знающий звезд, — лучшие штурманы для корабля, межзвездного корабля. Только человек, который под воздействием вида звезд становится нормальным, может замечать их. Мы гордимся собой, человечеством, а также и тобой, Влад Амбарцумов».

Книга закрылась.

Корабль, четыре дня назад стартовавший с Земли, мчался в пространстве, через неизвестные и постоянно меняющиеся промежутки времени выныривая в нормальное пространство, вносились поправки в курс и корабль снова выталкивался в серость паракосмоса. На борту, среди поселенцев и других нормальных людей, которые не могли вынести вида звезд в свободном пространстве, находились трое Гринборо и Влад, который в первый раз в жизни осознанно ступит на почву планеты; планеты Техедор, где умер Ногуэра, его предшественник, потому что его мир и мир Земли Капитана Техедора столкнулись друг с другом, как материя и антиматерия. И взрыв потряс землю.

Еще несколько дней до посадки. Стальная стрела мчалась в космосе. Корабль двигался вдоль воображаемой линии от Земли к Техедору быстрее света, сквозь звезды, сквозь газовые туманности и солнце, сквозь метеориты, с визгом вонзающиеся в металл обшивки и оставляющие на ней следы.

И стало одним человеком больше. Человеком, на которого не влиял вид звезд, друзьями которого были звезды, солнца и планеты. Духовно ребенок, физически взрослый, улыбающийся и уверенный, однажды он расширит границы.

Корабль находился в паракосмосе, и Влад спал. Кресло пи-

лота тотчас же изменило цвет, стало белым и превратилось в ложе, огоньки погасли, и дверь шара закрылась. Единственным живым звуком в корабле был легкий храп пилота.

Э П И Л О Г

Девять раз по двадцать четыре часа пройдет словно дым от костра при западном ветре, если ты счастлив. Корт нервно вертел в пальцах полупустой стакан и вдыхал аромат алкоголя. Из динамика, стоявшего среди множества бутылок с пестрыми этикетками, доносились аккорды гитары, теряющиеся и неуместные. Бар над входным залом аэропорта был почти пуст.

— Родриго, — сказала Найвес, — концерт Араньеса.

Корт кивнул.

— Да, через тридцать минут подойдет машина, — сказал он недовольно.

Все еще сверкающее и беззаботное голубое небо начало затягиваться; лента серых облаков, выползшая из двух гор на город, напозла на море. Над ними были двигатели самолетов вертикального взлета. Жестяной голос на четырех языках призвал пассажиров подняться в свои самолеты. Бармен уронил стакан, и он громко звякнул.

Корт посмотрел на Вендрелл Найвес. За те девять дней, что состояли только из купания, лежания на пляже, сна и игры на кифаре, она загорела, как и он. Ночи были полны бесед, музыки, они пили красное вино и отличный самогон, что гнали в этой стране, но который не пил почти никто из иностранцев.

— Как долго это будет продолжаться? — спросила она, закуривая сигарету. — Когда я увижу тебя снова?

— Я не знаю этого точно, — ответил Корт. — Да, пожалуйста, еще один стакан на прощание, — кивнул он бармену, кладя на стойку мелочь.

— Почему? — она подняла брови.

— Ты слышала, что сказал Рено, прежде чем его настигла смерть, от которой он убежал на протяжении всей своей долгой жизни. Теперь, наверняка, произойдут изменения и свершится то, о чем я думаю. Ведь в конце концов я координатор всего этого предприятия.

— Но ты же не собираешься отделаться то этого? — настойчиво спросила Найвес, одетая в вызывающее платье из тонкой кожи.

— Нет, — он улыбнулся. — Пока что нет.

— Это меня радует. В таком случае, проводив тебя в служебную командировку, я снова вернусь к удовольствиям...

— Ты всегда проявляешь свой сарказм не к месту и не ко времени, — произнес он серьезно, но тут же нагнулся и тихо произнес: — Послушай. я сейчас скажу тебе кое-что. о чем лучше бы не забывать.

— Хуан, — прервала его Нойвес, — ты меня интригуешь.

Она впервые назвала Корта по имени, но он, отметив это, ничего не сказал, как это часто бывало.

— Поскольку человек способен к самоанализу, — начал он, — могу констатировать, что я получил эту работу не без основания. Думаю, я еще недостаточно взрослый, чтобы пустить корни, но если когда-нибудь захочу спокойной жизни, то теперь знаю, как это сделать. Мне кажется, что найду здесь кое-что, о чем еще не знаю.

— Я рада, что мне удалось помочь тебе в этом, — тихо сказала Найвес.

— Для этого у тебя достаточно оснований, — ответил Корт, выпил и взял ее за руку.

Но в это время снова раздался жестяной голос, и Корт с трудом понял, что объявили рейс. Соскользнув с табурета, он помог встать и Найвес.

— Идем, ты проводишь меня к трапу, — произнес он.

Они прошли через огромный зал, полный бурлящей и клокочущей жизни. Повсюду стояли и ходили люди из всех земных стран, говорящие на всех языках, колонисты в разноцветных одеждах и с признаками мутаций. Высоко поднимали свой товар продавцы газет, а огромный негр чистил обувь. Они остановились возле барьера.

— Хуан? — тихо спросила Найвес.

— Si? — ответил он. — Да?

— Тебе здесь нравится?

Он заметил выражение ее лица, полное сомнений, и кивнул.

— Да, очень. Так нравится, что вернусь сюда, как только смогу.

— На самом деле? — спросила она.

— Да, на самом деле. В моем возрасте лгут очень редко и никогда не лгут без оснований. А разве у меня есть основание... лгать тебе?

— Не думаю.

Между тем стюардесса пригласила первых пассажиров подняться в тяжелый автобус на воздушной подушке; времени было мало. Корт взял руки женщины и медленно сжал их. Одна из перчаток упала на пол, однако Найвес этого не заметила.

— Найвес, — проговорил он чуть слышно, — я благодарю тебя за все эти девять дней. Без исключения. Это было так прекрасно!

Она кивнула, ничего не говоря, они поцеловались, и Корт на секунду улыбнулся. Вокруг его глаз появились морщины, и на мгновение возникло кое-что из того, что скрывалось за самообладанием координатора. Он нагнулся и поднял перчатку.

— Спасибо, Хуан, — сказала она. — Но теперь ты должен идти.

— У меня контроль посадки — они не улетят без меня. Несмотря на это!..

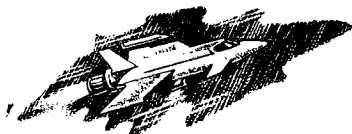
Они поцеловались последний раз. Потом Найвес быстро повернулась и через зал направилась к выходу. Корт стоял и смотрел ей

вслед, пока она не исчезла в толпе, потом вытащил из нагрудного кармана билет и прошел через барьер. Он последним поднялся в автобус, который тотчас же тронулся с места и с воем устремился вперед по полю. Небо тем временем стало темно-серым, а между слоями облаков вспыхивали зарницы. Корт первым вошел в самолет, сел в последнее кресло сзади, возле кладовой, и откинулся на спинку.

Через пять минут они были в воздухе.

Двигатели повернулись дюзами вниз, заработали на полную мощность, и самолет взмыл вверх, как серебристый лифт. Включились поглотители ускорения и лучевые ускорители, самолет перешел в горизонтальный полет и через минуту был уже над открытым морем. Когда грохот двигателей достиг служебной машины, которая стояла на подъездной дороге с выключенным мотором и ждала, Корт находился уже на высоте четыреста метров и со сверхзвуковой скоростью мчался на север.

Пошел дождь. Капли падали все гуще. И когда вода побежала по маленькой отводной канавке вокруг ветрового стекла и по окнам самолета, стало похоже, будто кто-то заплакал.

Рене Моррис

КОМПЬЮТЕР

День начался как обычно. Как и все другие дни. Солнечный свет ярким потоком вливался в окно, с кухни слабо доносился аромат жареного бекона. Амон Кейн вытянул свои длинные ноги под теплым одеялом и попытался ни о чем не думать, но им уже овладели заботы наступившего дня и, как он ни старался, заснуть было невозможно. Он сбросил одеяло и неохотно выскользнул из теплой постели, умылся, оделся и, все еще позевывая, спустился в кухню. Таня с улыбкой повернулась к нему и поставила перед ним на стол тарелку с жареным беконом.

— Я уж думала, ты не проснешься. Еле дождалась, — сказала она, все так же улыбаясь.

Некоторое время Амон смотрел на тарелку, наслаждаясь ароматом, который от нее исходил и возбуждал его аппетит. С довольным видом вздохнув, он вонзил вилку в мягкое, розовое мясо.

— Ой, совсем забыла, — сказала Таня. — Тебе письмо. С пометкой «лично». Его вручили из рук в руки.

— Когда его принесли?

— Десять минут назад. Я предполагаю, отменяется еще одна деловая встреча.

Он взял у нее тонкий голубой конверт и внимательно посмотрел на него. Его имя и адрес были напечатаны заглавными буквами, а в левом нижнем углу палец его нащупал перфорированные точки. Он поднялся из-за стола, в желудке у него похолодело от дурного предчувствия, когда он поднимался к себе.

Он закрыл за собой дверь, сел на кровать, в изумлении глядя на конверт. Он побаивался вскрывать его, хотя знал, что обязан это сделать. Дрожащими руками он надорвал край и вытащил маленькую белую карточку. Слова поплыли перед глазами, и он никак не мог уловить их смысл. Он положил карточку на постель и, опустившись на колени, медленно прочитал:

ВЫДАЮЩЕМУСЯ ЖИТЕЛЮ ГОРОДА
АМОНУ КЕЙНУ (номер 27681)

Субъект: Мужчина. Рост — пять футов, десять дюймов. Волосы светлые. Глаза голубые. Прихрамывает на левую ногу.

Имя: Антон Кепплер.

Преступление: Убийство.

Адрес: 2 Фаравей Блок, Седар Вэй.

Приговор: Уничтожить.

Исполнить: в 4.15.

Вторник. Август. 5.2100.

Карточка должна быть возвращена по завершении задания.

Специальный компьютер № 50021.

Казалось невероятным, что компьютер выбрал именно его номер, и, тем не менее, как Выдающийся житель города он знал, что однажды будет призван, чтобы избавить общество от нежелательного субъекта. В конце концов, он сам согласился, что будет значительно лучше положиться на компьютер, так как тот отличался безошибочной точностью. Было решено, что судебное рассмотрение займет больше времени и будет менее гуманным в отношении нарушившего закон, чем компьютер.

Он вспомнил длинную, низкую комнату с панелями, мигающими красным и зеленым светом, необычные, резкие рывки пленки, которую наматывали коричневые катушки за полированным стеклом. Он испытывал чувство благоговейного трепета, когда наблюдал, как дрожат иглы индикаторов на белых круговых шкалах, фиксируя время и место, пол субъекта и глубину человеческого чувства.

В течение часа компьютер собирал и анализировал волны страха и шоковых потрясений, которые проносились по городу, покрытому

куполом, точно указывая их источник, внимательно следя за нарушением душевного равновесия с непогрешимой точностью. Амон Кейн был одним из двенадцати исполнителей, которых выбрал компьютер, чтобы защитить интересы общества. Почему он должен чувствовать какую-то вину? Ему следует беспрекословно подчиниться — это было в порядке вещей. В конце концов, это был его долг.

Где-то человек убил человека. Амону было интересно знать, как началось утро этого человека сегодня. Так же, как и в другие дни? Знал ли он, что сегодня, — да, сегодня — он умрет? Ведь от этого нельзя было спастись. Бесполезно было пытаться бежать или скрыться, так как компьютер *знал*, где он будет находиться в четыре пятнадцать; он уже классифицировал и скрупулезно изучал строение его головного мозга внутри своего бесстрастного интеллекта. Каждая деталь смерти будет запечатлена и сохранена в памяти машины. Ему пришлось признать, что это был лучший выход из положения. Копплер не узнает имени своего палача, но в момент наступления смерти компьютер навечно внесет его в банк данных.

Амон взял маленькую белую карточку, которая приказывала убить человека, и сунул ее обратно в конверт. Он стоял некоторое время и думал, куда бы ее спрятать, где бы найти надежное место, но решил, что в комнате ее оставлять опасно. Кроме того, ему не хотелось, чтобы Таня знала об этом. Сможет ли она понять его? Сумеет ли он объяснить ей всю сложность сложившейся ситуации?

Он затолкал конверт поглубже в карман и спустился вниз.

— Я уйду, дорогая, — сказал он, пытаясь не выдать себя голосом.

Таня вышла из кухни и, приблизившись к нему, обняла и крепко поцеловала его в губы. Он пытался поцеловать ее в ответ, но письмо не давало покоя. Сознание того, что ему предстояло сделать, так и жгло его изнутри, и он только и ждал, когда она выпустит его из своих объятий.

— Ты ничего не забыл?

Он проверил карманы. Не забыл ли чего-нибудь? И вдруг до него дошло, что он действительно кое-что забыл. Оружие. Мысль о нем молнией мелькнула у него в голове. Как же он мог забыть об этом? Он быстро поднялся по лестнице в свою комнату, открыл замок в ящике письменного стола, просунул руку внутрь, и она коснулась холодной стали. Это было не обычное оружие, которое ему приходилось видеть ранее. Сейчас оно лежало у него на ладони, и ему с трудом верилось, что такая маленькая штучка могла пустить смертельную струю прямо в мозг человека. Хотя он держал его в руках несколько раз, когда учился пользоваться им, тем не менее ему всегда казалось невероятным, что оно способно убивать.

Сегодня он направит его в голову человека и выстрелит. Он ощущает в руке толчок и увидит, как замертво упадет тот, в кого он целил

ся, и единственный след, который останется, — это булавочный укол голубоватого цвета на лбу.

Он извлек из кармана карточку и стоял в раздумье: может, будет лучше оставить ее здесь, в ящике стола? Но решил, что все-таки возьмет ее с собой, чтобы еще раз прочитать адрес во избежание ошибки.

Амон нажал на зеленую кнопку и подождал, когда замедлит свой бег движущаяся пешеходная дорожка. Он стоял и смотрел на людей, проплывающих мимо. Их лица ничего не выражали: они были пусты, невыразительны и бледны, как у мертвецов, без признаков жизни, чувств или пристрастий. Он так завидовал тому, что они отделили себя от окружающего мира, в то время как его обуревали переживания. Он весь напрягся, даже мускулы на лице напряглись.

Дорожка замедлила свой ход до скорости пешехода, и он встал на нее. Он пытался думать о новой бегущей дорожке, строительство которой было только что завершено в центре города. Она претерпела значительные изменения по сравнению с дорожками старого типа, и он знал, что это была лучшая из всех его задумок. Сегодня в четыре он отправится по ней к Кепплеру.

Все казалось таким обычным. Его секретарь приветствовала его как всегда в своей оживленной манере. Сдержанно покашливая, она положила перед ним на столе сверху корреспонденцию и молча ждала, когда он все просмотрит. Она улыбнулась, когда он поднял голову и взглянул на нее, и у него даже возник вопрос: не заметила ли она в нем каких-либо изменений?

— О, Элис, пока я не забыл. Сегодня мне придется уйти в четыре часа. Пожалуйста, оставьте телетайп включенным на случай, если кому-то понадобится позвонить.

— Хорошо, мистер Кейн. Еще что-нибудь?

— Нет, кажется, нет, — произнес Амон задумчиво. — Ах, да. В новой линии возникли кое-какие неисправности, связанные с питанием. Займитесь этим, хорошо, Элис?

— Да, мистер Кейн. Сегодня же. Там совсем небольшой дефект. — Амон кивнул. Элис вышла, тихонько прикрыв за собой дверь, а он попытался придумать что-нибудь, чтобы она вернулась обратно. Ему хотелось поговорить с кем-нибудь, кому не чужды человеческие чувства, в данном случае страх, который он испытывал. Амону было безразлично, о чем говорить, только бы отвлечься от мыслей о Кепплере и проклятом конверте. Но оторвать сейчас Элис от работы было бы нарушением установленного порядка, а ему не хотелось этого делать.

На него надеялись, даже очень. Час за часом медленно ползло время, он наблюдал, как неумолимо двигались стрелки, унося драгоценные минуты жизни. А в длинной узкой комнате компьютер будет нетерпеливо мигать огоньками своих ламп в ожидании возбуждаю-

щих шоковых волн, чтобы начали вращаться катушки с пленками и чтобы забегали стрелки индикаторов по белым круговым шкалам. Невозможно было не думать об этом. Что знал компьютер о мире человеческих страстей? И вдруг ему показалось глубоко неверным, что машина может приказывать одному человеку убить другого, не испытывая при этом никаких колебаний, оставаясь полностью беспристрастной. Сможет ли он когда-либо забыть об этом? Или, как компьютер, сохранит происшедшее в потаенных уголках своей памяти?

Его взгляд упал на стрелки часов. Большая показывала почти четыре. Он уставился на циферблат, не веря самому себе. Куда же подевалось время? Что он с ним сделал? Что сделал с ним Кепплер? Потратил ли он попусту, как и до того, или бегал с места на место, пытаясь спрятаться от всевидящего ока компьютера? Будь проклят этот компьютер! Если он увидит его еще раз, он разобьет его на мелкие кусочки голыми руками.

Но пришло время выполнить задание, и он знал, что должен сделать свое дело. Сейчас было слишком поздно изменить что-либо: ведь он согласился с другими, что компьютер — наилучший способ решения подобных проблем. Наилучший способ для кого? Для компьютера? Для Кепплера? Но только не для него, Амона Кейна.

Он шагал, будто во сне. Люди натывались на него, сходя с главной городской движущейся пешеходной дорожки. Он плыл вместе с толпой, едва ли сознавая, что делает. Бегущая лента опять стала набирать скорость, и его толкали из стороны в сторону. Вдалеке вспыхивали красные огни, указывающие номера кварталов, и он убрал свою руку с твердой кнопки, расположенной у него под пальцем, чтобы случайно не нажать ее прежде, чем появится сигнал. Дорожка остановилась, потом вновь поплыла, и люди то сходили, то вновь накатывались на нее волной каждые две-три минуты, приближаясь к центру. Но постепенно толпа слегка поредела, город остался позади, и названия улиц на указателях вспыхивали реже.

Вдруг табло показало «Седар Вэй», и он нажал маленькую твердую кнопку под большим пальцем. Бегущая лента замедлила скорость и остановилась. Он шагнул на тротуар и огляделся. Он почувствовал, как к горлу подкатывает комок, а нервы, натянутые до предела, вызывают спазм в желудке. Перед ним стоял огромный многоквартирный дом, который, как и все остальные, спроектировал он. Дома прекрасно вписывались в прямые, аккуратные улицы. Ему стоило больших усилий, чтобы оставить проект без изменений.

Он вошел в просторный холл и некоторое время стоял, разглядывая белые стены и вход в другом конце коридора, который вел на следующую улицу. Дверь в комнату зрителя была открытой, но в ней никого не было.

Амон вынул из кармана маленький пистолет и снял с предохрани-

теля. Он был в напряжении, рука дрожала, и холодный пот выступил на лбу. Около двери с цифрой «2» от остановился. Было трудно совладать с собой и избавиться от дрожи в руках. Он проглотил подступивший к горлу комок тошноты, стараясь сосредоточиться на том, что он должен был сделать.

Прислонившись к белой стене, он стоял, напрягая слух, пытаясь уловить малейший шорох за дверью, но не слышал ни одного звука, кроме отчетливого биения своего сердца и короткого сдавленного дыхания. Амон собрался с духом. Настенные часы над дверью показывали четыре-пятнадцать. Ни минуты больше, ни минуты меньше.

Подняв руку, он громко постучал по голубой обивке двери, и слабое эхо отдалось в коридоре. За дверью было тихо. Затем откуда-то изнутри явственно послышалось шарканье ног, и он услышал неровные шаги Кепплера. Оцепенев от страха, он подождал, пока дверь медленно открылась. Перед ним стоял невысокий светловолосый мужчина. Он с любопытством рассматривал Амона, вопросительно переводя взгляд с его лица на пистолет в руке и вдруг побледнел от охватившего его ужаса. Амон почувствовал, как палец спустил курок. Кепплер стоял, пристально глядя на него и не веря своим глазам, а потом рухнул.

Он упал на пол и лежал, подергиваясь, сжав руками голову, поношенные домашние тапочки свалились у него с ног. Боже! Он был мертв. Все было кончено — для Кепплера и для него. Он почувствовал ужасную слабость от нервного истощения. Он хотел поскорее уйти, чтобы не видеть Кепплера, но ноги не слушались. Рука его потянулась и ухватила за дверную ручку. Он закрыл дверь, избавя себя таким образом от ужасающего вида.

Где-то в коридоре послышались шаги. Амон повернулся и увидел, что прямо к нему направляется пожилой мужчина в комбинезоне. Он остановился, увидев Амона, и на его морщинистом лице появилась улыбка, обнажающая зубы.

— Так его нет дома?

Амон как бы со стороны, издалека, услышал звук своего голоса.

— Выходит, что так. Я зайду попозже.

— Я не думаю, что он ушел надолго, — продолжал мужчина в комбинезоне, — вон там есть скамейка, если хотите, подождите его. А мне надо прибить вот это.

Амон кивнул и несгибающимися ногами побрел к длинной кожаной скамье, едва ли сознавая, что делает. Он не мог думать ни о чем, кроме Кепплера, который лежал за той дверью мертвый. Ему надо было немного отдохнуть, и он опустился на скамью. Мозг его находился в смятении. Рассеянным, отсутствующим взглядом он наблюдал, как мужчина нащупывает что-то у себя в кармане. Он видел, как тот вытащил что-то из кармана и начал привертывать отверткой к

голубой обивке двери. Через некоторое время он сунул отвертку в комбинезон и посмотрел на Амона.

— Никогда не видел людей, которые хлопают дверью так сильно, как этот. Да и еще в наши дни двери делают такие, что быстро ломаются. Я полагаю, тот, кто строил этот дом, хотел, чтобы в нем было много стекла. Но это никуда не годится. Видите ли, оно же колется.

Амон кивнул ему, а пожилой мужчина пошел вдоль коридора и скрылся за дверью комнаты зрителя. Он поднялся и внимательно посмотрел на табличку с номером, не веря своим глазам. После цифры «2» появился «0». Это был номер двадцать... номер двадцать. Спотыкаясь, заплетающимися ногами он пошел к двери напротив и дрожащими руками нащупал табличку с номером: «21». Он похолодел от страха. Ужас сдавил ему горло, и цифры поплыли перед глазами, появляясь и исчезая. Он убил не того человека... убил не того человека... не того... а потом на него напал смех. Он смеялся и смеялся и никак не мог остановиться.

В конце концов компьютер НЕ был надежной машиной. Он ничем не отличался от человека. Он мог ошибиться. Он был бесполезен.

В длинной низкой комнате компьютер отчаянно боролся со странным рисунком сигналов, мигая панелями, поспешно пытаясь проанализировать поступающую информацию, и черные стрелки прыгали по белым шкалам. Появилась маленькая белая карточка. На ней было написано: Амон Кейн (номер 27681); информация неизвестна; компьютер испорчен.

Мигающие огни погасли, катушки с коричневой пленкой судорожно подергивались за полированным стеклом, а затем остановились на месте. Компьютер отключился.

Джанни Монтанари

AD MAJOREM DEI GLORIAM*

Вестфалия, 16 марта, 11 час. 30 мин.

Крепость, стоящая на небольшом возвышении посреди сгоревшей пустынной равнины, казалась чудовищным желтым песчаным пирогом со множеством отверстий, словно лакомка-ребенок натывал пальцем, чтобы украдкой попробовать белое, пышное тесто.

Углубление и щели, точно раны, четко видневшиеся на гладкой стене из льдобетона, были оставлены трехсотпятимиллиметровыми снарядами коммунистов, которые непрерывно обстреливали крепость с расстояния нескольких километров. Но, чтобы быть точным: кроме вентиляционных шахт не было ни одного настоящего отверстия, потому что сводчатые шестиметровые стены великолепно выдерживали град снарядов; зачастую даже гранаты отскакивали от них и взрывались во рву, окружающем стены; но по крыше, состоящей из

* К вящей славе Господней (лат.) — девиз Ордена иезуитов.

чудовищного двухметровой высоты блока напряженного бетона, появились признаки разрушения.

Снаружи блок выглядел желтоватой плоскостью, усеянной более или менее глубокими царапинами, но те немногие, кто пересекал внутренний двор, замечали, что щели день ото дня становились шире и что из некоторых уже сыплется пыль.

В окруженной крепости не слышно ни грубых шуток солдат, ни точных приказов фельдфебелей, ни звуков ежедневной смены караула, ни барабанного боя, зовущего на обед или перекличку. Воздух между толстыми, белыми стенами тоже кажется завезенным из другого мира, из замкнутого темного пространства, где трудно дышать; он царапает горло, как едкий дым, и заглушает звук голосов. Это такой воздух, как и тот, который всегда находится в гробу вместе с трупом.

Единственный непобедимый хозяин этого воздуха — смерть.

Высокочитимый святейший патер Антонио де Гуэвас находился в весьма затруднительном положении, которое он не мог назвать отчаянным только потому, что он был верующим человеком. Он знал политкомиссара Грушикова, командующего Девятой Ленинградской дивизией, и легко мог представить себе, какая судьба ожидает его людей, если они сдадутся. Он все еще читал приказ, полученный несколько часов назад.

В осаде крепости принимало участие девять тысяч человек, которые, по всей видимости, были отлично вооружены.

Тяжелая полевая артиллерия, примерно десять 155/45-батарей, 203/25 гаубиц и мортир, множество пушек и самоходных орудий и два соединения танков Т-49.

Как ему защититься с его двумя тысячами человек, у которых очень мало снаряжения и которые не могут ответить?

Он был готов выдержать бесчисленные атаки шесть месяцев, но теперь роты противника стали осторожнее и обстреливали крепость с должного расстояния, не подвергая себя опасности.

Патер Антонио уронил листок на стол и сцепил руки.

Почему Рим не отвечает?

Крепость была узловым пунктом северной оборонительной линии, и, если врагу удастся прорваться в этом месте, он достигнет Парижа прежде, чем его остановят.

Патер Антонио несколько лет назад посетил Париж, и это было одно из самых светлых воспоминаний в его жизни; он стоял на широких белых ступенях Нотр-Дам, полный благоговения и невероятного удивления. Гигантская белизна устремлялась в голубое небо, поражая великолепием каждой своей детали, и дарила его кровоточащему, измученному многомесячными боями в Африке сердцу сладкое

чувство мира и уюта, меланхолическое мгновение мистического восторга, которого он никогда больше не сможет забыть.

Патер Антонио опустил руки, поднялся и глубоко вздохнул. В этом лишенном окон помещении он испытывал удушье и поэтому покинул комнату.

Лифт быстро доставил его на наблюдательный пост у внешних укреплений. Он прислонился к трехсотпятимиллиметровой пушке и долго смотрел на выжженную землю, окружающую крепость. Он чувствовал себя усталым, смертельно усталым, как больной, что встал в первый раз и его груди едва удалось набрать воздух, его легким стоило чудовищного усилия вдохнуть свежий, чистый бриз запоздавшей весны. Весна, которую так долго ждешь, когда, кажется, не будет конца грохоту и пламени яростного сражения.

Патер Антонио отогнал мрачные мысли.

Если бы небо было безоблачно, он мог бы увидеть вдали нечеткие очертания блестящих куполов кафедрального собора Арнхейма.

Издавек до его ушей доносились залпы артиллерии, однако намного ближе он слышал треск постепенно разрушающегося укрепления неподвижного гиганта.

Беспокойство священника росло.

Почему Рим не отвечает?

Рим, 16 марта, 11 час. 47 мин.

Кардинал Пьетро Сабатини, особый военный советник Папы Пия XV, размышлял в своем рабочем кабинете над этим призывом о помощи. Надеялись, что крепость продержится хотя бы до лета, если после нового набора рекрутов будет восстановлен необходимый вспомогательный контингент, но эти оценки, по-видимому, были слишком оптимистичны. Возникла критическая ситуация. Отряды были рассеяны по фронту, протянувшемуся на полмира, и было очень трудно своевременно перебросить подкрепление, которое так настойчиво просит патер Антонио.

Кардинал внимательно изучал большую настенную карту. Коммунистическая атака в Швеции была отбита, хотя и с трудом, но не с особенно большим уроном. Потери составили одну тысячу шестьсот тридцать убитых и несколько тысяч раненых, которых эвакуировали в тыл, заменив свежими отрядами. Он мог бы создать вспомогательный корпус из легкораненых, которые еще боеспособны, но счел это бессмысленным убийством.

Бедные раненые парни никогда бы не смогли оказать достойного сопротивления элитным войскам Грушикова.

Взгляд его переместился на другую сторону карты. В Карпатах тоже шли бои, но положение было не таким уж плохим. Пятая и Седьмая дивизии надежно удерживали позиции, и в данное мгнове-

ние не было угрозы вражеского прорыва. Но Карпаты находились слишком далеко, а воздушные силы, постоянную занозу в пятке, использовать было нельзя.

Кардинал нервно провел по лбу длинной, гибкой рукой: бессмысленно было также ослаблять линию защиты на Среднем Востоке и идти на риск.

Он медленно и глубоко вздохнул, чтобы преодолеть нервозность и заставить руки не дрожать. Он не мог снять ни единого полка, чтобы направить его на помощь патеру Антонио.

Кардинал довольно давно уже знал этого осторожного и умеренного иезуита и всегда считал его великолепным солдатом, мужество и готовность к действию которого удивляли всех. Теперь он испытывал к нему что-то наподобие чувства вины, потому что ничем не мог помочь.

Кардинал сидел неподвижно, молча задумавшись, а в его уме созревал план, похожий на бледно-розового червя, который сначала опасливо, а потом все более уверенно выползает на свет солнца.

Только Святой отец может одобрить его проект.

Но сделает ли он это?

Кардинал поднялся, сунул в папку несколько листков и покинул кабинет. Медленно, все еще погруженный в размышления, он пошел по коридору, ведущему в покои Папы.

Вестфалия, 16 марта, 12 час. 05 мин.

Обстрел почти полностью прекратился. Непрерывная бомбардировка, сотрясающая всю крепость, сначала стала слабее, а теперь, после нескольких последних ударов, о ней напоминала только пыль, непрерывно сыпавшаяся из всех трещин. В крепости воцарилась тяжелая, гнетущая тишина, полная запаха пота и страха: никто не ждал от этой передышки ничего хорошего.

Патер Антонио, все еще находящийся на линии наблюдения, прижал к глазам полевой бинокль и пытался разглядеть намерения врага. Артиллерия была рассеяна и находилась на безопасном расстоянии, так что через мощные линзы не было видно никаких подробностей, но священника беспокоило облако пыли, приближающееся к крепости.

Сначала Патер Антонио не поверил своим глазам, когда обнаружил в пыли светлое пятно, но потом увидел белый флаг. Они хотели вести переговоры.

Патер Антонио опустил бинокль и наморщил лоб.

До самого последнего мгновения у них не было намерения разрушать крепость, они только хотели повредить ее и заставить гарнизон сдаться. Очевидно, они надеялись на медленную капитуляцию и рассчитывали получить в свои руки все еще пригодную крепость.

Патер Антонио обнаружил, что он недооценил Грушикова.

Кто знает, оставят ли его в живых, как только он сдастся.

В это мгновение патер Антонио знал наверняка только одно — и все остальные придерживались такого же мнения: если он отклонит капитуляцию, крепость *ничто* не спасет.

Рим, 16 марта, 12 час. 08 мин.

Святой отец, сидевший на позолоченном, обтянутом красным бархатом стуле, бросил кроткий взгляд на кардинала Сабатини. В его ясных, очень синих глазах с невероятно мягким взглядом было сознание абсолютной власти, которая распространялась на миллионы людей, и все же дилемма, перед которой только что стоял кардинал, замутила их. Он не совсем понимал, о чем речь, но все же у него на мгновение перехватило дыхание.

Святой отец несколько минут молчал; сложенные руки покоились на столе возле карты, которую ему показал кардинал, его дух находился в темном туннеле и, сколько он ни искал, не видел ни малейшего проблеска надежды. Он почувствовал, как запульсировала жилка на его виске, словно хотела передать ему сообщение на тайном языке, и инстинктивно закрыл глаза.

Пульсация распространилась на шею, ритмичная и беззвучная, в глухом такте, который перешел в галоп. Что ему делать?

Глаза его оставались закрытыми, он ждал, а пульсация становилась все медленнее, пока наконец почти совсем не прекратилась. Он знал, что, только собрав всю свою решимость, мог принять решение, но нерешительность все еще владела его мыслями. Может ли он, человек, наместник Христа на Земле, сделать это? Позволена ли ему прерогатива Святого Петра принять это решение и присвоить себе такое право?

Кардинал неподвижно сидел на позолоченном стуле; его мозг был занят совсем другими мыслями. Он чувствовал, как неумолимо течет время, и слышал шаги неотвратимо приближающейся смерти.

Это было почти физическое, осязаемое присутствие, которое он сначала хотел изгнать, незримо проникнуть на тайную тропу, и его воля не могла сопротивляться этому. И все же он мог себе представить, какие соображения вызвало его предложение у Понтифика, и, хотя еще не осознавал его в полном объеме, он испытывал страх. Он инстинктивно понял, какое значение будет иметь такой акт со стороны Святого отца и какие последствия он повлечет за собой, но робко возвращался к теологическим и моральным проблемам, которые поднимал этот акт, к тому, что его компетенция ограничена военными вопросами.

Понтифик раскрыл глаза и оторвался от размышлений.

— Сабатини, будьте откровенны. Это действительно необходимо?

Кардинал был потрясен: этот конфиденциальный тон его обеспокоил.

— Да, Ваша Светлость. Эти люди не могут рассчитывать ни на какую другую помощь, и выступление *посвященных* означает для них единственную возможность спасения. Кроме того, крепость — не говоря уже о жизни ее гарнизона — чрезвычайно важное военное укрепление, потеря которого будет означать для нас такой удар, как в девяносто шестом году, когда Вена чуть было не попала в их руки.

Понтифик сцепил руки. Это было неизбежно: если вступаешь на этот путь, нужно идти до конца. Он собрал все силы, чтобы произнести последние слова.

— Да будет так!

Вестфалия, 16 марта, 12 час. 35 мин.

Грузовик остановился метрах в двадцати от рва, окружающего стену, и патер Антонио посмотрел в бинокль на лица пассажиров. Их было только двое.

Водитель был толст, у него было красное лицо и густые седые бакенбарды, парламентар — молодой человек с прямыми каштановыми волосами и в очках.

Патер Антонио был удивлен.

Грушиков, должно быть, был очень уверен в своей победе, если послал юношу на переговоры о сдаче. Священник покинул наблюдательный пост и отдал приказ провести юношу в его кабинет.

Через несколько минут он увидел парламентаря вблизи и понял, что тот действительно был молод, однако не настолько, как это казалось на первый взгляд; ему было лет двадцать пять. Гладкое, чисто выбритое лицо и несколько старомодные очки придавали ему вид ученика средней школы, но серые глаза, которые, очевидно, не удивлялись ничему, казались более старыми и придавали лицу странное выражение, словно принадлежащее старцу, который все познал в своей жизни и ничего больше не ждал от нее.

— Господин Де Гуэвас? — спросил он, не садясь.

Священник слегка покачал головой.

— Патер Антонио Де Гуэвас, — поправил он.

Молодой человек сделал извиняющийся жест.

— Патер Антонио, маршал Грушиков шлет вам свои приветствия.

— Садитесь!

Парламентар сел и положил руки на колени.

— Я майор Крамер. Маршал поручил мне передать вам условия сдачи, — он мгновение поколебался, ожидая реакции иезуита, но патер Антонио молчал. — Маршал предлагает вам в течение шести часов очистить крепость и сдать оружие. Любая попытка уничтожить перед сдачей оружие и снаряжение будет рассматриваться, как нару-

шение договора, и освободит нас от всех обязательств. В течение шести часов все ваши люди, а также и раненные должны покинуть крепость и собраться у источника в пятистах метрах на восток. Вы будете отправлены в ближайший лагерь военнопленных.

После последних слов майора воцарилась короткое молчание.

— Это все? — спросил патер.

Молодой человек не понял.

— Что?

— Я спрашиваю, это все? Вы хотите удалить нас и использовать свои пушки для других целей? Или вы нас расстреляете?

Не говоря ни слова, майор достал из кармана раздавленную пачку сигарет. Раскурив сигарету, он посмотрел в глаза патеру Антонио.

— Вы действительно считаете, что мы можем это сделать?

Иезуит наморщил лоб.

Юноша казался странным: он не был ни рассержен, ни возмущен, хотя все его товарищи восприняли бы замечание Антонио как тяжелое оскорбление.

— Однажды вы это уже сделали. Может быть, вы думаете, что я забыл, как маршал обошелся с гарнизоном Кракова? Он напал на него со своими танками и уничтожил, освободив от конвоя, а там были двадцатилетние мальчики.

Молодой человек покатал сигарету во рту, снял очки и стал тереть запонки рубашки, не сводя взгляда с патера.

— Вполне логично, что вы излагаете другую версию этих событий, чем мы, — тихо произнес он, — но я был тогда в Кракове и собственными глазами видел, как ваши солдаты выскакивали из укрытий, отказавшись сдаться, а наши танки давили их. Конечно, они были достаточно мужественны и вывели из строя несколько танков, бросая им под гусеницы взрывчатку, но мы не обманывали их, чтобы заманить в ловушку.

Тонкая струйка дыма от сигареты майора поднялась вверх, расплываясь перед его лицом и глазами и образуя между ними странный барьер.

Патер Антонио слушал юношу и не верил ему, но что-то в его голосе, в его манере говорить смущало священника. Голос его, казалось, доносился из какой-то бездны, невообразимой дали, словно человека, которому голос принадлежал, на самом деле в комнате не было, а были только микрофон и динамик, произносивший абсурдные, бессмысленные слова только для того, чтобы что-нибудь сказать.

Глаза патера Антонио слегка затуманились. Со странной горечью он понял, что с этим человеком невозможно достигнуть настоящего взаимопонимания, можно только лишь на мгновение проникнуть в его внутренний мир.

— Извините, майор, но можно мне задать вам личный вопрос?

Тот бросил на него потухший, странно отсутствующий взгляд.

— Какое значение вы придаете жизни и смерти? Имеют они для вас смысл?

Молодой человек, казалось, не был удивлен. Он выплюнул окурок сигареты на пол и раздавил его.

— Я живу, потом умру. Что в этом такого? Это закон, которого никто не может нарушить, даже вы с вашими представлениями о жизни и смерти. Жизнь длится до смерти; вы знаете, кто я такой?

Вопрос пронесся между стенами, и патер Антонио заметил, что в глазах майора мелькнула странная усмешка.

— Я для вас жизнь и смерть, и в этом отношении вы счастливее других, потому что у вас есть возможность, по крайней мере, один раз за все время вашего существования решить, хотите вы выжить или умереть. Примете ли вы наши условия сдачи или нет?

Патер Антонио так сжал зубы, что они заскрежетали.

Он вел с ним свою игру.

В это мгновение загудело переговорное устройство.

— Что такое?

— Патер, я должен немедленно поговорить с вами.

Это был голос Иоганна, специалиста по радиосвязи.

— Хорошо, я иду.

Он посмотрел на майора, который тем временем закурил вторую сигарету.

— Извините меня, майор. Через пару минут я снова вернусь.

Молодой человек ничего не ответил и продолжал молча курить.

На пороге центра связи его ждал Иоганн со странным выражением на округлом розовом лице.

— Ну, что?

Патер Иоганн протянул настоятелю листок, на котором было только несколько слов.

«XXX Послать подкрепление невозможно X Продержитесь до девятнадцати часов тридцати минут X Повторяю X До девятнадцати часов тридцати минут X Доверьтесь нам

Кардинал Л. Сабатини XXX»

Патер Антонио посмотрел на электрические часы, висящие на стене. Сейчас было тринадцать часов двадцать минут. Он еще раз озадаченно прочитал сообщение и попытался понять его. Они отказывались прислать ему подкрепление и все же просили продержаться до определенного часа. А потом? Он снова прочитал сообщение. Оно было абсурдным. Весьма вероятно, он смог бы продержаться еще шесть часов, но что произойдет потом, после этого?

Он прикусил губу и вернулся в кабинет, где его ждал майор. Теперь он знал, какой ему дать ответ, хотя мозг еще продолжал обдумывать один вопрос. Зачем это абсурдное ограничение времени?

Рим, 16 марта, крипта Св. Раймонда, 13 час. 28 мин.

Под огромным каменным куполом церкви раздавались звуки шагов множества людей, и бесчисленные плечи шаркали по влажным пятнам на стене. Отряд прошел через внешние галереи к огромному центральному залу крипты.

Ни слова, ни звука, только тихое шарканье нарушало тишину этого места.

Мужчины и женщины образовали ряды, молча и медленно движущиеся вперед; их слепые белые зрачки были направлены на нечто, чего никто кроме них не видел.

Человек, шедший впереди них, был не священником, а врачом.

Он подождал, пока каждый из них не оказался на своем месте, и, когда убедился в этом, поднялся на помост в центре помещения.

Он раскрыл книгу, лежащую на пюпитре, и тихим голосом начал читать.

«К тебе, Господи, взываю: твердыня моя! Не будь безмолвен для меня, чтобы при безмолвии Твоем я не уподобился нисходящим в могилу. Услышь голос молений моих, когда я взываю к Тебе, когда поднимаю руки мои к Священному храму Твоему.

Господь — крепость народа Своего и спасительная защита помазанника Своего.

Спаси народ Твой и благослови наследие Твое; паси их и возвышай их вовеки!»*

Он сделал паузу и перелистал книгу, затем прочитал еще несколько слов, несколько строк, и голос его стал громче, пока не превратился в огненный бич, который каждой буквой бичевал души молчавших слушателей.

Только окончив, он посмотрел на людей, которые смотрели на него и не видели. Он сделал знак, и свет исчез.

Все опустили головы.

Теперь тишина в темном зале нарушалась только тихими вздохами.

Но вскоре стих и этот звук.

Вестфалия, 16 марта, 14 час. 02 мин.

Несколько минут назад обстрел возобновился снова, но патер

* Псалом 27; 1-2; 8-9.

Антонио пытался не обращать внимания на глухие взрывы, сотрясающие стены.

Он призвал все свои силы в зал собраний и теперь отдавал последние указания, прежде чем открыть ответный огонь.

Учитывая оскудевшие запасы, он набросал план для каждой отдельной батареи, чтобы они могли поддерживать до девятнадцати часов тридцати минут непрерывный, но экономный артиллерийский огонь.

Он производил расчеты более получаса, когда поступил приказ из Рима, который, казалось, ответил на все вопросы.

Но один вопрос оставался без ответа: почему именно до девятнадцати часов тридцати минут?

Патер Антонио должен был исполнить «высший приказ»: в сущности, он не знал, что потом произойдет, хотя у него были неясные предположения. С самого начала враждебных действий обе стороны по молчаливому согласию не использовали ни ВВС, ни ядерного оружия, и это объясняло продолжительность войны.

Патер Антонио предположил, что в Риме хотят послать в бой ВВС, и хотя он не очень поверил в это, но предпочел успокоить себя этой мыслью, а не ломать над этим голову.

Он вошел и посмотрел на часы.

Через несколько минут они откроют огонь, и он хотел присутствовать при этом.

На отрезке 5/А-север было все готово. 155-е с их большим радиусом действия будут стрелять первыми. На стенах были ящики, заполненные снарядами, канонир со своими помощниками ждали приказа.

Канонир посмотрел на часы, открыл ящик и достал один из снарядов. Оружие было быстро заряжено и нацелено. Еще несколько секунд... и в 14 час. 30 мин. пушка подала свой голос. Это было начало.

С интервалами в шесть минут артиллерия крепости обстреливала снарядами вражеские линии.

Святейший отец неумоимо ходил взад и вперед. Он погладил темный ствол мортиры Брандта, вдохнул резкий, но отнюдь не противный запах пороха и дал несколько советов наводящему Хавитуфа 105. И все время спрашивал себя, что же их ожидает.

Рим, 16 марта, крипта Св. Раймонда, 15 час. 52 мин.

Доктор Ферденци бесшумно шел между людьми. Время от времени он щупал у кого-то пульс или слушал дыхание. Только трижды он позвал медсестру и один раз сделал инъекцию камфары. Убедившись в том, что больше никто не нуждается в его услугах, он вернулся назад, в стенную нишу, приготовил инструменты и закурил сигарету. Он неторопливо курил, наблюдая за залом, тонущим в полутьме. Во

мраке на мгновение вспыхивали маленькие, бойкие язычки пламени, потом погасали снова, словно крохотные блуждающие огоньки на деревенском кладбище. Врач непрерывно моргал; он устал, испытывал непреодолимую потребность в отдыхе, в сне и с трудом оставался в бодрствующем состоянии, ожидая, когда чувство возбуждения, наконец, пройдет, он вытянется на холодном каменном полу крипты и тотчас заснет. Во всяком случае, он чувствовал себя так каждый раз и каждый раз удивлялся этому, потому что перед ним был факт, объяснить который он не мог.

Кроме тридцати двух спящих человек в зале была еще сила, которая постоянно увеличивалась и где-то концентрировалась, так что могла быть развязана в любом желаемом месте.

Врач провел рукой по лицу и непроизвольно посмотрел на часы.

Через пару часов все это кончится.

Вестфалия, 16 марта, 17 часов. 05 мин.

Огонь артиллерии коммунистов пошел на убыль. Пушка крепости напротив продолжала вести огонь в прежнем ритме. Патер Антонио вернулся в свою келью.

Он взял библию в руки и заставил себя сконцентрироваться на строчках, но не воспринимал их. Затем вдруг вспомнил, что не молился уже несколько часов, собрался загладить это упущение, приготовившись встать на колени, но в это время в коридоре кто-то крикнул:

— Патер! Патер Антонио!

Он подбежал к двери и открыл ее.

— Что случилось?

— Идемте быстрее, патер! Это чудо, чудо!

И только в это мгновение иезуит заметил, что артиллерия крепости больше не стреляет. Смолкла и артиллерия врага.

Он молча последовал за молодым человеком, возвращающимся на свой пост. Задыхаясь, он добежал до наблюдательного поста и схватил бинокль: дыхание у него перехватило. Облака, незадолго до этого скрывающие солнце, были разорваны, и на вражеские укрепления обрушился огненный дождь. Это было жуткое зрелище.

Сверкающий золотой огонь потоками рушился из облаков, но ни одна капля не упала возле крепости; с такого расстояния он казался водопадом золота.

Патер Антонио словно окаменел. Он не двигался, не говорил и даже не мог думать. Дух его, который всегда был готов принять во внимание реальное, разумное положение дел, такую реальность принимать отказывался, пытаясь уйти от нее, но необходимость объяснить происшедшее и прежде всего оценить его вспыхнула в его душе. Крепость погрузилась в молчание. Рев радости или крики ужаса —

все это было бы лучше, нежели эта обвиняющая тишина. Все благоговейно молчали, только человек рядом с иезуитом произнес несколько слов:

— «... и пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и произрастание земли».

Он сложил руки и блестящими глазами посмотрел на равнину. Патер Антонио взглянул на него, и в нем что-то сломалось. Он вскрикнул и побежал прочь, но крик преследовал его, оглушал, проникая в мозг, отражался от жестоких холодных стен, разбивая все, чего касался.

Это не могло быть правдой!

Они не могли этого сделать!

Он бежал по коридору, натыкаясь на стены, падая и снова поднимаясь, а крик в его голове становился все более сумасшедшим. Его челюсти судорожно сжались, зубы вонзились в губы, словно осколки стекла, рот наполнился кровью. Они проклинали его, оскорбили его, уничтожили.

Почему, о Боже?

Почему?

Он бежал сквозь пылающий дьявольский калейдоскоп, видя нерезкие, искаженные изображения, к ярко освещенному помещению; ноги его спотыкались при каждом шаге, а руки на мгновение упирались в стены, царапая их, словно крючья.

В его кабинете крик смолк.

По его сутане текла кровь, покрывая руки красным и блестящим. Сера и Огонь на Содом и Гоморру, Сера и Огонь на каждого, кто предает Бога!

Только он знал комбинацию, при помощи которой можно было открыть запечатанный ящик в углу; он открыл его и, как загнипнотизированный, уставился на красную кнопку.

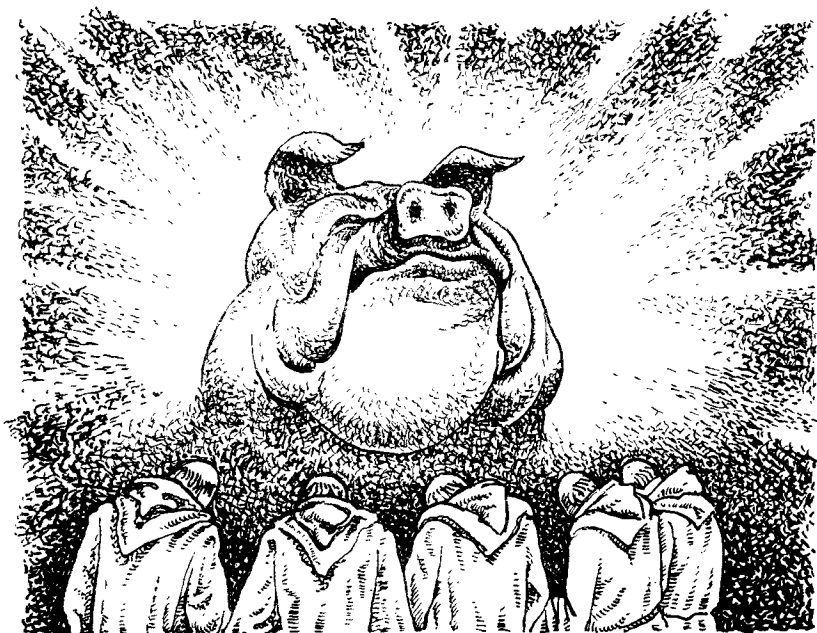
Потом рука его шевельнулась.

Кто проклянет Бога, будет проклят сам.

Он решительно нажал на кнопку.

Взрыв был виден даже в Арнхейме.

Джон Стейнбек

СВЯТАЯ ДЕВА КЭТИ

В одном селении в 13... году жил дурной человек, у которого была дурная свинья. Дурным человеком он был, потому что много смеялся, смеялся не вовремя и не над теми, над кем надо было смеяться. Он смеялся над хорошими братьями-монахами из аббатства, когда те приходили к нему за виски или за слитком серебра, и он смеялся над теми, кто платил церковную десятину. Когда брат Клемент свалился в пруд у мельницы и утонул, потому что не захотел бросить мешок с солью, который нес, дурной человек Рурк смеялся до тех пор, пока не слег из-за этого в постель. Когда вспоминается этот отвратительный смех, сразу становится ясно, каким дурным человеком был Рурк, и не удивительно, что он не платил церковную десятину и тем самым заставил поговаривать об отлучении от церкви. Лицо Рурка не соответствовало смеху. Оно было мрачное и, когда он смеялся, всегда выглядело так, словно ему оторвало ногу. В довершение всего он называл людей дураками, что было жестоко,

даже если и справедливо. Никто не знал, что сделало Рурка таким дурным, кроме того, что он когда-то был путешественником и видел мир только в дурном свете.

Понятно, в какой атмосфере выросла дурная свинья Кэти, и это не удивительно. Существует множество историй о том, что Кэти выросла в окружении себе подобных, таких же нехороших свинок; о том, что папаша Кэти был любитель поест цыплят и каждый знал это; о том, что мать Кэти ела разный мусор и съела бы своих детишек, если бы ей это позволили. Но это все досужие вымыслы. Отец и мать Кэти были обычными нормальными свиньями, настолько, насколько это позволяла природа, а позволяла она немного. Но, однако, у них был скромный нрав, как у большинства людей.

Мать Кэти была самой маленькой из помета симпатичных розовых и голодных свинок, очень порядочных и любезных. Вы видите, что плохое Кэти не получила по наследству, а, должно быть, переняла это от человека по имени Рурк.

Кэти лежала на куче соломы с прикрытыми глазами и розовеньким сморщенным носом, самый прелестный и спокойный поросенок из тех, что вы когда-либо видели, до тех пор, пока Рурк не отправился в хлев, чтобы дать имена свиному потомству. «Ты будешь Бриджит, — сказал он, — а ты — Рори и — повернись ты, маленький дьявол, Кэти», — и с этой минуты Кэти стала плохой свиньей, самой плохой из всех, что были в графстве П.

Она стала высасывать почти все молоко, и даже если она не могла сосать, то ложилась так, что бедным Рори и Бриджит и остальным, поменьше, почти ничего не доставалось. Довольно скоро Кэти стала в два раза крупнее и сильнее своих собратьев. А что касается ее дурного характера, то однажды Кэти поймала Бриджит и съела ее. Та же участь постигла и остальных. С таким началом от Кэти можно было ожидать любого греха. И действительно, вскоре она стала питаться цыплятами и утками. до тех пор, пока не вмешался Рурк. Он поместил ее в прочный хлев, по крайней мере, он был прочным с его точки зрения. После этого всех цыплят, что ела Кэти, она добывала у соседей.

Вы бы только видели морду Кэти. С самого начала она имела весьма злобный вид. Злые желтые глазки могли напугать любого, даже если при нем была толстая палка, чтобы ударить этого дьявола по носу. Она стала кошмаром для окружающих. Ночью Кэти удавалось выскользнуть из дыры в стене хлева, чтобы совершить налет на курятник. Время от времени исчезал маленький ребенок, и никто больше ничего не слышал о нем. А Рурк, которому следовало бы стыдиться и лить слезы, продолжал нежно и заботливо растить Кэти. Он говорил, что она лучшая свинья, которая у него когда-либо была, и лучшая в графстве.

После всего случившегося распространился слух, что это продел-

ки человека-свиньи, который бродит по ночам, кусает людей за ноги, подрывает деревья в садах и пожирает домашних птиц. Некоторые в своих фантазиях пошли дальше, утверждая, что якобы сам Рурк передевается свиньей и ворует по ночам, перелезая через ограду. Вот такая была репутация у Рурка.

В надлежащее время Кэти стала большой свиньей, и пришло время выводить потомство. Боров, которого привели к ней, с того же дня стал бесплоден и ушел с подозрительно печальным взглядом, ошеломленный и растерянный. Но Кэти стала разбухать и разбухать, и однажды ночью у нее родились поросята. Она их чистила и облизывала с таким старанием и усердием, что можно было предположить, будто материнство изменило ее. Однако, когда она все это сделала, то положила их в ряд и съела всех, одного за другим. Это было слишком, даже для такого дурного человека, как Рурк, а ведь все знали его именно таким, — свинья, которая съела своих детей, — это было выше человеческого понимания.

Нсохотно, но все же Рурк решил заколоть Кэти. Он уже взял нож, готовый ко всему, когда вдруг на дороге показались брат Колин и брат Пол, собирающие церковную десятину. Они были посланы аббатством М. и не слишком надеялись получить что-либо от Рурка, но подумали, что сделают еще одну попытку, во всяком случае, так поступил бы каждый.

Брат Пол был худощавым крепким человеком со здоровым цветом лица, на котором была написана набожность, и пронзительным взглядом карих глаз, в то время как брат Колин был низеньким и толстеньким человеком с широким круглым лицом. Брат Пол ожидал милостей от Бога на небесах, но брат Колин был за то, чтобы исполнить все это на земле. Люди называли Колина чудесным человеком, а Пола — хорошим. Они вместе собирали церковную подать, и то, что брат Колин не мог добиться увещеваниями и уговорами, брат Пол вырывал угрозами и красочными описаниями адского пламени.

— Рурк! — сказал брат Пол. — Мы пришли получить причитающееся. Ты же не хочешь, чтобы твоя душа горела в огне, как тебе и подобает, не так ли?

Рурк перестал точить нож, и его глаза, налитые злостью, могли бы сравниться с глазами Кэти. Он было засмеялся, но смех застрял у него в глотке. На лице его появилось то же выражение, что и у Кэти, когда та поедала своих детей.

— У меня есть для вас свинья. Очень хорошая свинья, — сказал Рурк и спрятал нож.

Монахи были изумлены. К этому времени они не ожидали от Рурка ничего хорошего, кроме того, что он мог спустить на них своих собак, а Рурк смеялся над тем, как они запинались о свои сутаны.

— Свинья? — спросил недоверчиво брат Колин.

— Какая свинья?

— Свинья, которая сейчас находится в хлеву, — ответил Рурк, и его глаза, казалось, пожелтели.

Братья поспешили в хлев и заглянули внутрь. В полумраке они увидели Кэти, ее громадные размеры и жир поразили их, и они удивленно таращили глаза. Колин не мог думать ни о чем, кроме огромного окорока и грудинки.

— У нас будет хорошая колбаса, — прошептали они. Но брат Пол думал и о том, как похвалит их отец Бенедикт, когда услышит, какую свинью они получили от Рурка. Пол повернулся.

— Когда вы отправите ее? — спросил он.

— Я ничего не буду отправлять! — закричал Рурк. — Это ваша свинья. Забирайте ее с собой или она останется здесь.

Братья не спорили. Они были рады получить хоть что-нибудь, а тут на них свалилась целая свинья. Пол протянул веревку через носовое кольцо Кэти и вывел ее из хлева; в этот момент Кэти последовала за ним, поскольку она действительно была хорошей свиньей. Они втроем вышли через калитку, и Рурк крикнул вслед: «Ее зовут Кэти», — и смех, который он едва сдерживал так долго, вырвался наружу.

— Это замечательная большая свинья, — заметил смущенно брат Пол.

Брат Колин хотел о чем-то спросить его, когда вдруг что-то словно волк схватило его сзади за ногу. Колин завопил и завертелся на месте. Это была Кэти, с довольным видом жующая кусок икры, и взгляд ее напоминал взгляд дьявола. Кэти жевала медленно и глотала; затем она попыталась заполучить еще один кусочек от ноги брата Колина, но в это мгновение брат Пол сделал шаг вперед и пнул ее в рыло. Если до этого в глазах Кэти была злость, то теперь они стали глазами демона. Она рассвирепела и зарычала, ринулась вперед, храпя и щелкая зубами, похожими на зубы бульдога. Братья не стали испытывать судьбу; они помчались через заросли колючего кустарника, подбежали к рядом стоящему дереву и забрались на него. Они не успокоились, пока наконец не оказались в пределах, недостижимых для ужасной Кэти.

Рурк вышел за калитку понаблюдать за ними издалека. Он смеялся настолько самозабвенно, что они поняли, — помощи они не дождутся. Внизу, на земле, Кэти рыла почву и выбрасывала огромные куски торфа, тем самым демонстрируя свою силу. Брат Пол бросил в нее ветку, но она разодрала ее на мелкие щепки и втоптала в землю своими мощными копытами, все время кося на них желтые глаза и ухмыляясь.

Два монаха сидели на дереве и с испугом смотрели вниз, головы их вросли в плечи, и они крепко вцепились в свои сутаны.

— Ты влепил ей хорошую затрещину по носу, — сказал брат Колин.

Брат Пол посмотрел на свою ногу и затем на толстое рыло Кэти.

— Пинок моей ноги может сбить с ног любую свинью, но не слона, — заметил он в ответ.

— Нельзя ссориться со свиньей, — предложил брат Колин.

Кэти свирепо вышагивала под деревом. Долгое время братья сидели тихо, угрюмо очищая одежду. Брат Пол, размышляя над их незавидным положением, заметил:

— Какая же это свинья? Это же настоящий дьявол.

Пол принялся изучать ее с новым интересом. Потом он поднял перед собой распятие и жутким голосом закричал: — ИЗЫДИ, САТАНА!

Кэти содрогнулась, как будто могучий ветер пронесся над ней, но, однако, перешла в нападение. — ИЗЫДИ, САТАНА! — снова прокричал Пол, и Кэти получила новый удар, но по-прежнему осталась несломленной. В третий раз брат Пол произнес заговор для изгнания нечистой силы, но Кэти уже оправилась от первого потрясения. Это был слабый эффект, как возгорание сухих листьев на земле. Обескураженный брат Пол взглянул на Колина.

— Воплощение дьявела, — произнес он печально, — но не сам дьявол, иначе это чудовище взорвалось бы.

Кэти точила свои зубы с отвратительным удовольствием.

— Перед тем, как мне в голову пришла мысль об изгнании дьявола, — задумался Пол, — я вспомнил о Данииле во рву львином. А возможно ли такое со свиньей?

Брат Колин смотрел на него, полный страха.

— В характере льва могут быть разные пороки, — заспорил он. — Но, может быть, львы не такие еретики, как свиньи. Всякий раз, когда возникает трудная ситуация для благочестивых людей, всякий раз появляется лев. Посмотри на Даниила, посмотри на Самсона, посмотри на огромное количество мучеников, которые находятся в списке «Жития святых»; и я могу назвать немало историй людей, лев — зверь, специально созданный для святошей и ортодоксов. Если лев фигурирует во всех тех историях, это, должно быть, потому, что из всех животных он наименее поддается силе религии. Я думаю, что лев, должно быть, создан как мораль с выводами. Это зверь, за которым стоит иносказание. Но эта свинья реальна, и я не помню, чтобы свинья признавала другую силу, кроме затрешины или ножа у горла. Все свиньи, а эта свинья в особенности, очень упрямые и самые греховные из всех животных.

— Однако, — ответил брат Пол, мало обращая внимания на сказанное, — если у тебя есть нечто, что ты мог бы сделать во имя церкви, будет очень плохо, если ты не воспользуешься этим, будь то ты или свинья. Изгнание дьявола не работа, но это еще ничего не значит. — Он начал разматывать веревку, которая служила ему поясом. Брат Колин смотрел на него с ужасом.

— Пол, дружище, — закричал он. — Брат Пол, во имя Господа

Всемилоостивого, не ходи к ней! — Но Пол даже не смотрел в его сторону. Он разматал свой пояс, привязал к концу цепь распятия, потом, наклонившись, откинулся назад и повис, уцепившись ногами таким образом, что полы его сутаны закрутились вокруг головы. Пол опустил пояс, как удочку на рыбной ловле, и подвесил железное распятие перед мордой Кэти.

Кэти бросилась вперед, топча и чавкая, готовая схватить крест и растоптать его. Она была разъярена, как тигр. Как только она дотронулась до креста, резкая тень от него упала на нее, и крест отразился в желтых глазах. Кэти замерла, как вкопанная. Воздух, дерево, земля содрогнулись в неожиданной тишине, пока добро боролось с грехом.

После этого две крупные слезы медленно выступили на глазах Кэти, и, прежде чем вы успели бы это осознать, она распростерлась на земле, перекрестилась правым копытом, стеная в жестоком раскаянии за свои злодеяния.

Брат Пол держал крест целую минуту, прежде чем снова влезть на сук.

Все это время Рурк наблюдал за происходящим из своей калитки. С того дня он больше не был дурным человеком: вся его жизнь в этот момент круто изменилась. В самом деле, он рассказывал эту историю снова и снова тем, кто хотел ее услышать. Рурк утверждал, что за свою жизнь никогда не видел ничего подобного.

Брат Пол поднялся и встал на сук. Он выпрямился в полный рост. Затем, жестикулируя свободной рукой, он стал читать Нагорную проповедь на прекрасной латыни, а Кэти стонала под деревом. Когда он закончил, стояла полная и святая тишина, нарушаемая рыданиями раскаивающейся Кэти.

Сомнительно, имел ли брат Колин характер истинного служителя церкви воинствующей.

— Ты... ты считаешь, теперь безопасно спуститься вниз? — заикаясь, поинтересовался он.

Вместо ответа брат Пол обломил ветку и бросил ее в лежащее животное. Кэти, рыдая, подняла глаза, полные слез. Желтые глаза, где прежде были злоба и ненависть, стали золотыми от раскаяния и страдания. Братья спустились с дерева, снова протянули веревку через кольцо в носу Кэти и продолжили свой нелегкий путь с преобразившимся существом, послушно бежавшем позади.

Новость, что они привели свинью Рурка, вызвала такое возбуждение, что когда брат Пол и брат Колин вошли в ворота аббатства М., то они обнаружили толпу ожидающих их монахов. Монахи скорчились от смеха, увидев жирные бока Кэти, все они теребили ее с разных сторон. Неожиданно в этом плотном кольце появился отец Бенедикт. Он так улыбался, что Колин был просто уверен в своей колбасе, а Пол — в похвале. Затем к ужасу и потрясению всех присутствующих, Кэти, переваливаясь, неуклюжей походкой подошла к

купели перед дверьми часовни, окунула правое копыто в святую воду и перекрестилась. Все потеряли дар речи. В наступившей тишине прозвучал суровый голос отца Бенедикта. Он был в гневе.

— Кто сделал эту свинью новообращенной?

Брат Пол гордо выступил вперед:

— Я сделал это, отец.

— Ты дурак, — сказал аббат.

— Дурак? Я думал, вы будете приятно удивлены, отец.

— Ты дурак, — повторил отец Бенедикт. — Мы не сможем заколоть эту свинью. Она — христианка.

— «Больше празднеств на небесах»... — начал быстро цитировать брат Пол.

— Тихо, — оборвал его аббат. — У нас очень много христиан, но мы испытываем недостаток в свиньях.

Хватило бы на целую книгу, если рассказывать о тысячах постелей больных, которых посетила Кэти, об утешении, которое она принесла во дворцы и хижины. Она сидела у одров скорби, и ее золотые глаза несли облегчение страдальцам. Некоторое время говорили, что из-за ее пола она якобы должна была покинуть аббатство и перейти в женский монастырь. Но, как заметил аббат, надо только один раз взглянуть на Кэти, чтобы убедиться в ее невинности.

Последующая жизнь Кэти была длинной вереницей подвигов благочестия. И вот однажды, утром праздничного дня, братья начали подумывать, уж не святую ли приютила их община.

В то утро, о котором идет речь, пока гимны радости и благодарные молитвы звучали из сотен набожных уст, Кэти поднялась со своего места, подошла к алтарю и с ангельским выражением стала грациозно кружиться, словно в танце. Это длилось час и еще сорок пять минут. Собравшиеся смотрели с восхищением и изумлением. Это прекрасный пример того, как жизнь святого может быть такой совершенно земной.

С той поры аббатство М. стало местом настоящего поклонения. Вереницы паломников прибывали в долину и останавливались в таверне, хозяевами которой были монахи. Ежедневно в четыре часа пополудни Кэти появлялась в воротах и благословляла их. Если кто-то был болен скарлатиной или трихинеллой, она своим прикосновением излечивала всех. Полвека спустя после смерти она была включена в Святцы.

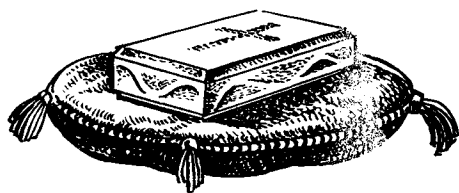
Было предложено назвать ее Святой Девой Кэти. Меньшинство возражало, аргументируя это тем, что Кэти не дева, так как в грешные дни у нее было потомство. Большинство отвечало, что это не имеет особого значения. Очень мало *дев*, как говорят, были девственницами.

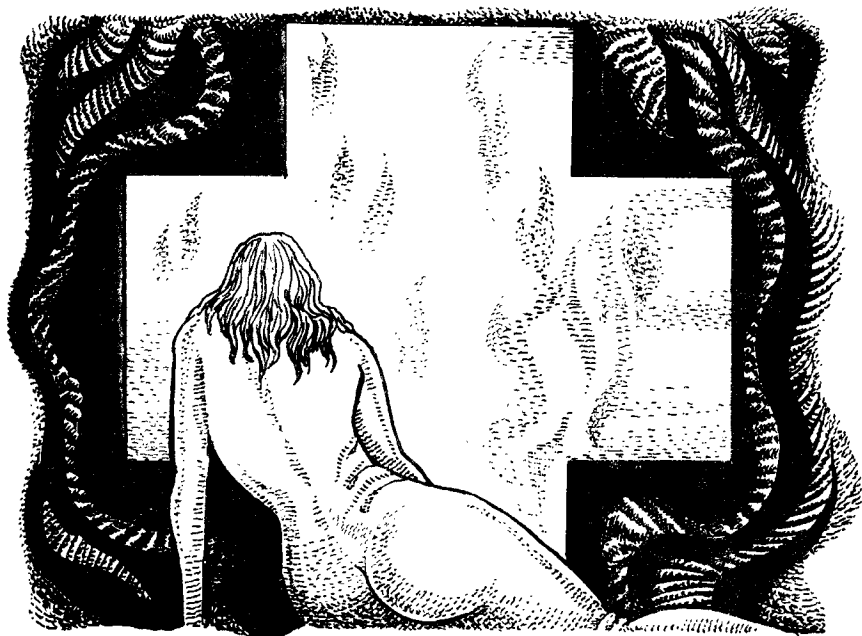
Не желая допустить разногласий в монастыре, комитет обратился к мудрому и славящемуся своей ученостью циркульнику, заранее руководствуясь его решением.

— Это очень деликатный вопрос, — сказал цирюльник. — Надо отметить, что существует два вида девственности. Некоторые считают, что девственность включает в себя некоторую природную особенность организма. Если она есть у вас, то вы являетесь девственницей, ну а если ее нет, то ничего не поделаешь. Такое определение таит в себе ужасную опасность для основ нашей веры, так как не дает возможности отличить милость божью от коварства и злобы человеческой натуры. С другой стороны, — продолжил он, — есть девственность в более широком смысле — то, что заложено в душе человека, и это определение предполагает существование гораздо большего количества дев, в отличие от первого. Но здесь мы снова попадаем в тупик. Когда я был помоложе, я гулял иногда по вечерам с девушками. Каждая из тех, что гуляли со мной, была девственницей. Но в каком смысле? Если вы возьмете второе определение, то поймете, что они именно таковыми и являлись.

Комитет был полностью удовлетворен. Кэти, без сомнения, была девственницей.

В церкви М. хранится драгоценная реликвия — золотая шкатулка, где внутри, на миниатюрном ложе малинового атласа, покоятся мощи святой Девы. Люди преодолевают многие мили, чтобы приложиться к этой маленькой шкатулке, и уходят, оставляя здесь свои горести и печаль. Оказалось, что эта святая реликвия излечивает женские болезни и лишай. Существует запись в книге, оставленная одной дамой, которая посетила церковь, чтобы вылечить и то, и другое. Она подтвердила, что потерла реликвию о щеку, и в тот момент, когда святыня коснулась ее лица, родинка на голове, что была у нее от рождения, тут же пропала и больше никогда не появлялась.

Жозефина Сакстон

ЭЛОИЗА И ВРАЧИ С ПЛАНЕТЫ ПЕРГАМОН

Элоиза ждала в приемной Центрального театра для амбулаторных больных. На ней было короткое белое платье. Она ждала уже долго и надеялась, что кто-нибудь наконец придет за ней. Она прочла все объявления на стене, и ни одно из них не представляло для нее интереса. Все они касались лекарств с неожиданными побочными эффектами.

В помещение вошел фельдшер. На нем была ярко-красная маска, закрывающая все лицо, за исключением одного глаза. Элоиза знала, что такие маски носят больные раком кожи. Заразные больные. Она не чувствовала ни страха, ни отвращения. Несколько лет назад она играла с детьми, страдающими такой болезнью, и наверняка приобрела к ней иммунитет.

— Врачи вас посмотрят, — сказал фельдшер.

Элоиза встала и пошла за ним.

Он вел ее по коридору мимо таинственных дверей, мимо лестнич-

ных пролетов, пока они не дошли до плотных занавесей, сквозь которые пробивался слабый красный свет. Фельдшер толкнул ее за занавесь, и на мгновение она очутилась там одна.

«Бежать!» — непроизвольно пронеслось у нее в голове. Но, взяв себя в руки, она решила, что побег был не только невозможен, но, учитывая, как решительно она вела себя сегодня, и нежелателен. Любопытство заставило ее оставаться на месте и приготовиться к тому, что будет дальше. Она услышала, как произнесли ее имя. Потом ее вывели на сцену Центрального театра и каким-то силовым полем прижали к медицинскому креслу. Театр перед ней был заполнен людьми. Это был Совет Врачей, их насчитывалось около сотни. Все они были экспертами.

Она достала из сумочки зеркальце, изучающе посмотрела на свои блестящие светлые волосы, сияющие темные глаза, шелковистую кожу нежно-золотого цвета. Потом направила зеркало на аудиторию и с удовольствием отметила, что многие из них скривились от боли, когда на них попал луч света. Было бы странным, если бы никто из них не страдал воспалением радужной оболочки.

Медбрат повернулся к Элоизе и, перекрывая гул голосов, спросил, не хочет ли она что-нибудь сказать, прежде чем начнется обследование.

— Я хочу, чтобы вы освободили из тюремного госпиталя мою мать. Ее поступки были продиктованы высочайшими принципами и наилучшими побуждениями, если учесть, что ее признали шизофреничкой.

Произнося эту тираду, Элоиза чувствовала себя одновременно и исполненной сознания долга, и довольно глупой. Мать была слишком не в себе, чтобы сознавать, где она находится, а с недавнего времени о ней и вовсе забыли. Поэтому просьба Элоизы вызвала лишь удивление, так как ее мать в любом случае совершила непростительное преступление, позволив своему единственному ребенку оставаться здоровым до двадцати лет. Это было совершенно неслыханно. И абсолютно антисоциально.

Много шума вывалили рентгеновские снимки Элоизы, сообщения о результатах анализов, в которые входили данные о гемоглобине, составе слюны, мочи, кала, состоянии почек и желчного пузыря, его РОЭ и гематокрине. Кто-то истерично орал, что у пациентки почки функционируют совершенно фантастическим образом, другой громко вопил, что никогда не сталкивался с таким совершенным костным мозгом. Кто-то упорно твердил, что результаты анализов еще покажут наличие в стуле темной крови, но его коллеги в этом сомневались. Призывали к тишине. Было объявлено обследование по всей форме. Элоиза надеялась, что оно не будет таким же неприятным, как те, через которые она уже прошла. Она вдруг вспомнила, что напоследок, прежде чем ее забрали, сказала ей мать.

— Не дай им сломать себя, никогда ничего не бойся.

И Элоиза просто сидела и ждала, полностью расслабившись. Она внимательно осмотрела театр; огромные окна распахнуты в передний двор. Внутри — ряды врачей, откинувшись в мягких креслах. За ее спиной — задник, прямо перед ней лестница, отделяющая кафедру от аудитории. На потолке — очень яркие лампы. Никаких телскамер. Этот конклав проходил при закрытых дверях. Хотя не было никакой уверенности, что к этому моменту весь Пергамон не знал о ее дурной славе. Она снова посмотрела в окно, на площадку переднего двора. На площадке не было никаких других строений. Кое-где в отдалении маячили кучки людей, похожих на стадо коров.

Из-за кулис торопливо вышла распорядительница. Мгновенно установилась почтительная тишина. Распорядительница заговорила. У нее был начальственный, уверенный голос, голос человека с серьезным, неулыбчивым лицом, в ее голосе звучало «МЫ», а не «Я».

— Кто будет обследовать пациентку первым?

В глубине зала поднялся мужчина.

— Можно мне, Мэйтрон?

— Очень хорошо. Приступайте. Потом установите очередность.

Мэйтрон покинула сцену, и Элоиза увидела своего первого врача.

Словно распустившийся мак, из зала поднялся худощавый мужчина с пышной шевелюрой ярко-алых волос и бледно-зеленым пятном на щеке. Он протиснулся к ней сквозь окружавших его коллег. Казалось, что он был переполнен сознанием важности своей миссии. Элоиза не знала, какая мучительная болезнь или хроническое воспаление желез придавали ему такой странный вид, да ее и не волновало это. Он не представлял для нее никакого интереса и страха тоже не вызывал.

— У меня есть результаты анализа пункции вашего спинного мозга, — сказал он, улыбаясь.

Она напрягла память: манометр, мензурка, шприц... Неприятно. Но все это в прошлом. А что сейчас?

— Скрестите колени.

Элоиза скрестила колени. Он открыл большой чемодан с целым набором инструментов, взял резиновый молоточек и мягко ударил прямо под коленной чашечкой. Нога Элоизы взметнулась вверх и ударила врача под подбородок. Это вызвало смехок и небрежные аплодисменты в зале. Врач медленно отвел голову. Никакой другой реакции на удар не последовало. Он внимательно изучал содержимое чемодана. Там лежала кисть № 6 из верблюжьей шерсти, три контрольные пробирки с неизвестным содержимым, три небольших пластмассовых конверта, острая булавка и камертон. Он резко ударил по камертону, посмотрел Элоизе в лицо и, стесняясь чего-то, спросил, как, по ее мнению, настроен ли камертон.

— Звучит неплохо, — ответила она.

— Хорошо, хорошо, — профессиональной скороговоркой пробормотал он и без предупреждения ткнул ее булавкой в икру. Элоиза вскрикнула, а врач засмеялся. Засмеялись и его коллеги в зале.

— Заканчивай, — крикнул кто-то.

Он открыл контрольную пробирку, обмакнул в нее палец и сунул его в какой-то порошок.

— Попробуйте это.

Она попробовала.

— Он соленый.

— А это?

— Это сахар.

— Абсолютно верно. — Он убрал третью пробирку в чемодан. Затем вскрыл один из заклеенных конвертов и поднес его к точеному носику.

— Пахнет цветами, — понюхала она.

— А это?

— Гнилью.

— Тоже верно. — Он поспешно все убрал.

Доктор протянул худую бледную руку и осторожно поднял подол ее короткого белого платья. Потом извлек из чемодана кисть № 6 и дотронулся до Элоизиных ягодиц, плотно прилежавших к креслу.

— Что это напоминает?

— Можно сравнить это с легким прикосновением крылышка новорожденного мотылька в сумерках. А можно сказать, что вы попросту щекочете мне зад.

— Точно.

Она внимательно посмотрела на него. Его глаза казались изготовленными из пластмассы и были словно бы вдавлены в голову, как затвердевшая масса. Они не были нормальными, вращающимися в глазницах яблоками, как у других людей. И все-таки он смотрел.

— Закройте глаза, — попросил он. — Разведите руки в стороны.

Элоиза сделала все, как ее попросили, но непроизвольно напряглась, в ожидании щекотки подмышкой.

— Быстро соедините указательные пальцы.

Она выполнила и это.

Врач встал, отбросил свои игрушки. Повернулся к аудитории.

— У нее железные нервы, и все ее чувства в полнейшем порядке! — Эти его слова никого не удивили. На сцене появилась Мэйтрон.

— Покиньте, пожалуйста, сцену, — поклонилась она ему. Он удалился, разочарованный и побежденный.

— Пожалуйста, следующий врач.

В наступившей тишине было слышно тяжелое сопение, потом щелчок золотой коробочки для пилюль, когда очередной экзаменующий врач принимал дигиталис, чтобы справиться с сердечной недо-

статочностью. Его лицо было пунцовым, когда он добрался до сцены со своим стетоскопом. Непослушные пальцы с трудом сжимали резиновую трубку. Он хотел прослушать ее мягко вздымающуюся грудь, но только постучал по грудной клетке и засеменил обратно, качая головой. Он не вызвал ни аплодисментов, ни комментариев. И Мэйтрон вызвала нового врача. Элоиза смотрела в окно, пока медбрат готовил инструменты. Она заметила приближающуюся к зданию группу людей.

Тампоны, хирургические щипцы, маточный зонд, влагалищный расширитель Куско, двустворчатое и утконосое зеркала, акушерские мази.

Элоиза сморщилась от отвращения. Все эти железки выглядели холодно и неприветливо. Ведь цервикальные мазки, наверное, показали, если что-то было не так с ее детородными органами. Все это было, несомненно, лишь ритуалом, публичной демонстрацией ее удивительного здоровья. Она расслабилась и стала рассматривать доктора, специалиста в области гинекологии. Толстый, с бычьей шеей парень взобрался по розовым пластиковым ступеням и тяжело ступил на сцену. Он не переставал расчесывать руки. Нервное возбуждение и боль от лопающейся кожи заставляли его сжимать зубы и кривить подбородок. Белые клочки эпидермиса, потом дермиса с каплями крови падали на пол сцены. Он бормотал, что хотя наконец его астма улеглась, но псориаз съел его тело. Потом он смазал руки составом из маленькой пробирки и огляделся в поисках пациентки и инструментов. Элоиза взглянула на его воспаленные, мокнущие руки, вспомнив, что заболевание такого рода не относится к инфекционным. Доктор покрутил винт, и кресло превратилось в диван с лежащей на нем Элоизой. Он взял с нижней полки тележки сверкающую чистотой простыню и укрыл Элоизу, потом откинул край простыни, открыв часть тела ниже пупка.

— Колени вверх и раздвиньте их.

Под простыней Элоиза, тихонько вздыхая от нетерпения и скуки, изучала свои ногти. Она негромко вскрикнула, почувствовав введенный в нее холодный предмет. Боли она не чувствовала, но ее сознание пыталось представить то, что ей не дано было видеть. Отвратительно лежать под стерильной простыней, ощущая, как в тебе ковыряется безжизненный инструмент. Должны быть более приятные способы.

Доктор помял тяжелой рукой ее живот и еще глубже ввел расширитель. Его любопытство более приличествовало студенту-медику, впервые увидевшему матку. Его глаз не встретил ничего необычного, лишь влажная, абсолютно здоровая мышечная ткань. Он повернул крохотное колесико, и матка раскрылась. Он увидел лишь отчетливое место для зарождения новой жизни. Он покинул это место. Здесь ему было нечего делать, нечего лечить. Врач собрал свои инструменты и

ушел, предоставив Мэйтрон раскрыть Элоизу и привести кресло в вертикальное положение. Элоиза снова взглянула в окно и увидела, что толпа людей была уже у самых дверей. И в этот момент кто-то ударил в двери, требуя, чтобы его пустили. Среди врачей пронесся гул недовольства. Им был уже ясен диагноз пациентки, и они хотели быстро закончить формальное обследование, чтобы отправиться играть в гольф. Как только решится вопрос, что делать с этой незаконно здоровой девушкой, жизнь пойдет своим чередом. А теперь кто-то ломится в двери. Один из врачей пошел открывать, другие кричали, что обследование ведется при закрытых дверях, кто-то орал:

— Что за черт!

Врачи взревели, увидев представшую их взору картину, когда дверь распахнулась. Снова Врожденные. И они выбрали на этот раз поход на театр. О Боже!

Вот они стоят и невнятно что-то бормочут — делегация Врожденных со своим ежегодным прошением о помощи. Они стояли, покачиваясь и крутясь на месте, беспомощно стояли и требовали. Они истекали соплями, дергались, стонали и икали, ныли и с вожделением вглядывались в лица врачей. Они опять пришли, чтобы забрать очередную жертву Удачи, их единственной в жизни надежды. Они слышали про Элоизу, и теперь она была им нужна. Лишь такая жертва, как ее совершенное тело, могла им помочь, они были убеждены в этом.

Элоиза слышала препирательства у двери. Она начала понимать, что ей уготовано. Эта новая мысль захватила ее, несмотря на отчаянные усилия не предаваться страху. Она не знала точно, что они могли с ней сделать, даже если им удастся заполучить ее, поэтому решила не думать об этом. Но меж бровей у нее выступили капельки пота, блестящие в ярком свете ламп, словно стеклянные бусинки. Специалист-невропатолог с головой мака заметил эти капельки и удивился. Он полагал, что она более спокойная натура, хотя появление пота в таких обстоятельствах было совершенно нормальным!

Врожденных возглавлял мужчина с головой, такой же большой, как его грудная клетка, кожа на лице была словно обварена. К нему присоединилась женщина, способ передвижения которой состоял в резких движениях из стороны в сторону, которые сочетались с вздергиванием рук и сопровождались гортанным плачем. Рядом с ними встал слепой мужчина, тащивший за собой ребенка на тележке, колесиками. Ребенок непрерывно выл. Язвы на его тельце возникли вследствие постоянного испускания мочи и кала. Из спины его торчала дрожащая палочка спинного мозга. Молодой человек с волчьей пастью и заячьей губой держал маленькую девочку, позвоночник которой свисал до колен и заканчивался оголенным хвостом, загибающимся крючком. За ним лежала женщина. Она тряслась в приступе

жесточкой эпилепсии, изо рта шла пена. Рядом с ней на коленях стояла девушка с синюшным цветом лица и пустыми глазами, в ее руку вцепился безволосый карлик неопределенного возраста и пола. Глухонемые, слепые, частично парализованные, дефективные и умственно отсталые. Вот мужчина, похожий на лимон с торчащими из него зубочистками, такие тонкие у него ноги и такое большое туловище. Он стоял среди них, уставясь на Элоизу. Его печальные глаза с тоской смотрели на нечто ему непонятное.

Назойливого вида доктор начал было задавать вопросы делегации, но подошедшая Мэйтрон оттолкнула его.

— Зачем вы пришли? — спросила она неодобрительно.

— Мы хотим, чтобы вы помогли нам последними достижениями медицины облегчить наши страдания, дали денег на жизнь. Мы не требуем ответа на прошлогодний вопрос.

Эти слова были произнесены так, как будто их заучили наизусть, не понимая смысла. Говоривший проглатывал окончания слов, в его голосе не было ни эмоций, ни надежды.

— А какой был прошлогодний вопрос? — нетерпеливо спросила Мэйтрон.

— Зачем вы позволили нам жить?

— Ах, вот оно что! Мы вам уже говорили. Наш долг — сохранить жизнь!

— Но наша жизнь бесполезна. Она переполнена болью и страданием. От нас нет ни красоты, ни пользы.

— Что ж, на планете Пергамон больны все, таков закон. Не будьте такими жалостливыми к себе.

— Но мы не можем зарабатывать на жизнь, мы — отверженные.

И они стали выкрикивать: «Жертву! Жертву!» — хотя большинство из них даже не знали, что они требуют. Знали только, что у них есть требования, и требовали: «Права! Права!»

В голове Элоизы сложился план. Чем больше она смотрела на этих Врожденных, тем меньше ей хотелось, чтобы ее им отдали. Неважно, что они с ней сделают: убьют, выберут своей королевой или то и другое вместе. Элоиза была одинока, она всегда была одинока, даже ее мать иногда была так больна, что с ней невозможно было разговаривать. Элоизе хотелось куда-нибудь уехать и жить с другими, абсолютно здоровыми людьми.

Она думала о далеком прошлом планеты Пергамон, когда все были здоровы благодаря тому, что принимали эликсир Анания Мак-Каллистера. Он был дьяволом. Его эликсир стал поворотным пунктом в истории планеты. Она так переполнилась здоровыми долгожителями, что те только что не сидели друг на друге, питались искусственными белками, что проводило к скоплению газов к кишечнику. Эти газы выпускались здоровыми организмами в атмосферу настолько успешно и в таком количестве, что в конце концов образовалась про-

слойка из них. Масса выделений взрывалась со страшной силой, когда сквозь нее пролетали раскаленные добела метеоры. На планете до сих пор видны отметины, похожие на волшебные кольца, в тех местах, где с неба низвергался огонь. Такое дьявольское чихание превратило людей в углекислый калий и нитраты.

Из жалких остатков населения возникла новая культура, ориентированная на болезни, потому что было очевидно, что всеобщее здоровье привело к гибели.

Мать рассказывала Элоизе про другие планеты, где люди были здоровыми, хорошо питались, сохранили воздух чистым и свежим. Они не ссорились, не пытались подчинить друг друга. Элоиза вздохнула и закрыла глаза.

«Как же я хочу вернуться в прошлое, к тем, лучшим временам!» — подумала она.

Врожденных попросили подождать на улице, пока обследование не закончатся и не будет принято официальное решение.

Врачи стали совещаться, тасовать отчеты, отпечатанные в трех экземплярах, без толку их просматривая. Они все знали, что диагноз может быть только один — абсолютно здорова. Сестры принесли перекусить. Были поданы коктейли и виски в высоких стаканах, атмосфера стала более непринужденной, и все незаметно для себя перешли к обсуждению проблем гольфа. Только один врач утверждал, что до него очередь так и не дошла. Он настаивал на своем праве личного осмотра пациентки. Мэйтрон уступила и предоставила ему сцену.

— Мне понадобится техник-осветитель, — сказал доктор, специалист по уху-горлу-носу.

Элоиза была недовольна, что ее размышления прервали. Для успешного завершения своего плана она должна была остаться одна. Но препираться было бессмысленно. В ее же интересах было оказывать им максимально возможное содействие.

Врач приволок с собой тележку на колесиках, похожую на мешок для хранения клюшек для гольфа. Он начал с ней возиться, изо всех сил стараясь расстегнуть пряжки, но странная окостенелость позвоночника мешала ему. Элоиза подумала, что он наверняка носит хирургический корсет для фиксации межпозвоночных дисков или от какой-нибудь другой болезни, сопровождающейся разрушением костей. Каждый раз, когда он пытался нагнуться, лицо его морщилось и он втягивал воздух сквозь гнилые зубы.

— Сестра, — позвал он, и на сцену выбежала сестра, одетая, как для операции, в маске и халате, скрывающем ноги. Доктор и сестра разложили инструменты на полу, все это время зал пил и жевал. Элоиза наблюдала за одним из врачей, который так трясся от артрита, что каждый раз, когда хотел выпить виски, вынужден был ложиться на пол. Влить в себя жидкость, пребывая в стоячем положении, было для него совершенно невозможно. Кто-то из коллег

упрекал его, что он злоупотребляет алкоголем, на что страдающий артритом доктор ответил, что хотя алкоголь и усугубляет его болезнь, но, несмотря на это, является хорошим обезболивающим средством.

Кроме того, он никогда не курил табак, а это — канцероген. Другой доктор, почти не видный в клубах табачного дыма, заметил, что табак вовсе не канцероген. Так они обменивались тяжеловесными шуточками, в это время врач на сцене попросил притушить свет. Зал счет, что это внесет дополнительный дискомфорт, но сестра уже начала опускать шторы, и свет в театре был притушен. Элоизе стала видна надпись «Выход» над небольшой дверью в конце зала. Раньше она эту дверь просто не замечала.

— Черт! — воскликнул врач, так как ему совсем ничего не было видно. — Дайте свет.

Свет загорелся ярче, а доктор и сестра взгромозили между собой батарею, чтобы подключить к ней головную лампу.

— Свет! — снова крикнул он, и в конусе исходящего из его лампы света пристально посмотрел на Элоизу.

— Откройте рот.

Она открыла рот, и он тут же вставил в него роторасширитель Дойена.

— Скажите «А».

— А-а-а-ах!

Слюна капала у Элоизы с подбородка, и сестра вытирала ее кушачком марли. Доктор ковырялся у нее в горле, потом при помощи носового расширителя сделал детальную переднюю риноскопию.

— У вас в носу полный порядок, — объявил он.

— А-а-а-ах!

Он тихонько завел какую-то литургию на латыни, и сестра зафотографировала ее на расстеленных между ними крахмальных простынях.

— Нет ни ринита, ни синусита, ни эпистаксита, ни полипов, ни фарингита, ни тонзиллита, ни аденоидов. — Он на минуту остановился, поднес руку ко лбу. Потом схватил петлю для удаления миндалин в одну руку, кюретку для удаления аденоидов в другую и бросил их на пол. Неуклюже повернулся, отвесил залу поклон, глубиной в дюйм, и покинул сцену. Сестра вынула у Элоизы из рта расширитель, дала клочок хирургической марли, свалила инструменты в кучу и бросила в сумку на колесиках. Когда сестра уходила — а может, это все-таки был он, — то повернулась и насмешливо улыбнулась пациентке из-под маски.

— Такие прекрасные инструменты превратились бы в бесполезные музейные экспонаты, если бы все были такими здоровыми, как вы, — шепот прозвучал горько, в голосе слышался оттенок зависти. Элоиза потеряла то место, где давил расширитель, высморкалась в

хирургическую марлю, хоть та и царапала кожу, прочистила горло. Она уже не могла заниматься своими мыслями. Времени оставалось мало.

Она расслабила все мускулы, закрыла глаза, рот, уши. И стала повторять про себя свою заново придуманную формулу:

«Я хочу быть свободной, хочу попасть туда, где живут такие же люди, как я».

Она повторяла это медленно и ритмично. Она повторяла и повторяла это полное значения заклинание. Ее не волновали звуки, доходящие извне сквозь стену молчания.

— Психосоматическое состояние на высоком уровне, — и громкий смех.

— Что ж, возможны еще более странные вещи.

— Может быть, им и в самом деле повезет, если они возьмут ее...

В мозгу Элоизы гулко отозвалось эхо при одной мысли о том, что может произойти, если ее отдадут.

Будут отдирать кость от кости и пожирать.

Сожгут заживо.

Сделают королевой.

Заставят рожать.

Все эти мысли привели ее в трепет. И вдруг она вспомнила, как ее мать говорила: «Не дай им себя сломать. Никогда ничего не бойся».

Но ее мать не могла представить себе подобной ситуации. Ей не приходилось бывать в таких ужасных, невыносимых обстоятельствах. Но так или иначе, ее план должен осуществиться.

Элоиза продолжала развивать свою мысль, теперь уже прислушиваясь ко всему, что происходило в ее теле. Вокруг было очень шумно, гремели стулья, что-то трещало, барабанили в дверь, и она едва слышала новый, решительный стук в дверь и недовольный ропот докторов. Прибыла делегация Голодающих, они требовали денег и еды. Элоиза и раньше видела Голодающих — два огромных глаза, иногда скрытые минусовыми линзами, большой живот с пупковой грыжей от избыточного внутреннего скопления газов, руки и ноги, как палки, кожа в язвах, черные нагноения и чешуйчатый покров на суставах. Голодающих было много, они жили в фургонах для сбора мусора, денно и нощно чесались и хныкали. Доктора и нормальные больные довольно часто относились с состраданием к ним, но иногда являлись делегации и требовали большего.

Элоиза отбросила чувство сострадания и с отвращением слушала, как врачи выписывали чеки и заказы на еду. Если бы Ананий МакКаллистер был жив и видел эту сцену...

На переднем дворе.

Врожденные и Голодающие перемешались между собой, делились своими бедами, показывали друг другу трясущихся и некормленных детей. Отцы спорили о том, кто из них был меньше всего полезен

своей семье и поэтому заслуживал большего сострадания. Они выбрали стену и бились об нее головами, те, кому не хватило места, бились об пол. Те, кто не мог даже согнуться, рвали на себе волосы. Эти вопли и хныканья, сотрясение воздуха и грудных клеток были поначалу беспорядочными, но постепенно стали ритмичными. Страсти разгорались. Даже после получения чеков милосердия, что это была за жизнь? Этот вопрос витал в воздухе переднего двора, он то вздымался, то опускался, распространялся кругами, повторялся то тут, то там. Докторов бы беспокоила такая ситуация, будь она создана любыми другими группировками. Но стоило ли волноваться из-за бесильных угроз со стороны несчастных, чьи таланты исчерпывались плетением корзин и шитьем, изготовлением поделок из фетра и чтением книг по системе Брайля? Кто из них мог ковать сталь для мечей или изготовить хороший оружейный ствол? Кто из них мог поднять меч или достаточно метко прицелиться?

Врачи спокойно пили свой виски, неторопливо обсуждали, стоит ли отдавать Элоизу в жертву или нет. И строили свои собственные прогнозы, что с ней произойдет, если они этого не сделают.

Элоиза ничего из того, что они говорили, не слышала. Казалось, она спит.

Словно заключенная в капсулу, она знала только собственное «Я».

Лучи солнца осветили передний двор. Казалось, там в разгаре Весенний карнавал. Какой-то доктор предсказывал, что ничего хорошего из того, что происходит сегодня, не получится. Крупный мужчина с птичьим лицом произнес:

— Не теряйте хладнокровия.

Находясь в объятиях собственного тела, спрятавшись в нем, как в пещере, Элоиза принялась изучать стены зала. Вдоль конька тянулись плети вьющихся растений, их реснички вытягивались и отступали, цепляясь за ее короткое белое платье, словно пытаясь вытащить ее из скорлупы. Они били ее по коленям.

— Спиной! Повернись спиной! Чужая! Иностранное тело! — орали они ей, но она ускользала от них, повинуюсь новому стремлению. Пол покачивался под ногами, но она все-таки скользнула по этому неверному полу в направлении того места, где коридор раздваивался. Потом она решила, что надо свернуть налево. Теперь вперед. Она пробиралась по узеньким коридорчикам и вдруг остановилась и начала рыться в сумочке. О, эти сумочки! Какое наказание, в них никогда ничего нельзя найти. Бумага, флаконы, клипсы, зеркальце, письма, косметика, маникюрный набор. Она вытащила пилочку для ногтей и компактную пудру. И затем, подобно многим борцам за свободу, она стала писать на стенах. Пилочкой для ногтей она нацарапала:

«Я хочу быть свободной. Я хочу отправиться туда, где живут такие же, как я».

Липкие стебли растений опутывали ее ноги, кровь струилась по стенам, она открыла компактную пудру и распылила ее в воздухе. Пудра полетела сначала в одном направлении, потом обратно. Стены поглотили ее. Дунул ветер, потом раздался мощный взрыв.

Врачи покончили с виски и вернулись к вопросу о судьбе пациентки. Доктор передал Мэйтрон какие-то бумаги, и та приготовилась объявить решение.

И вдруг Элоиза кашлянула. Кашель был сильный, мучительный, захлебывающийся, отдававшийся эхом во всем зале. Струи слюны и крови появились из раскрытых губ, вслед за ней вылетело облако светлой пудры. Она снова кашлянула, сжав руками горло, и подбородок окрасился кровью. Пот катился по ее мертвенно-бледной коже, тело тряслось, как в лихорадке.

Последовала короткая, но выразительная пауза, после чего в зале раздался рев, звон стекла, топот ног. Сумку швырнули на розовый пластмассовый пол, и подагрические ступни растерзали и растоптали ее. Большие двери распахнулись, и в зал ворвалась толпа Врожденных и Голодающих. Они увидели кровь на коротком белом платье и пришли в неистовство. Общее настроение передалось им, и они начали все крушить, устроили свалку, били и колошматили друг друга своими тощими конечностями. Костылями пробивали головы, растоптанные очки ранили ступни и бедра, ножные протезы крушили челюсти, шнуры слуховых аппаратов небезуспешно и, без сомнения, торжественно душили тех, кто в скором времени сам умер бы от цирроза печени.

Элоизу внезапно охватила паника. Похоже было, что ей же самой изобретенная болезнь не обеспечит ей принятия в нормальное общество, на что она так надеялась. Неужели она неправильно рассчитала? И хоть ей ужасно хотелось кашлять, она собрала все силы и закричала:

— Кто-нибудь, снимите силовое поле с этого окровавленного стула!

Специалист-невропатолог с похожей на мак головой, весь корчась, подошел к ней и нажал необходимую кнопку. Она вскочила, чтобы бежать, но он стоял и с усмешкой смотрел на нее сверху вниз, весь красный и явно обозленный.

— Ты выдала себя! — усмехнулся он с сожалением оскалив нижние зубы.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду! Мне угрожает смертельная опасность, неужели вы не видите?

— Но послушай...

Она не стала слушать, перед ней качалось, надвигаясь, его лицо, искренне пытаясь ее в чем-то убедить. Со всей силой она ударила его в пах, и он упал, как будто сраженный ударом ножа.

Не переводя дыхания она пронеслась по сцене и очутилась в небольшой кладовой в конце коридора. Слишком поздно она поняла, что надо было бежать к двери с надписью «Выход». Полки в кладовой были уставлены банками с лекарствами, химикатами, коробками с тампонами и ватой. Зажав уши, она вслепую протиснулась сквозь это баракло. Необходим был решительный поступок. Последний поступок, все сметающий и очищающий.

Пробирки с цианистым калием.

О! Какая красивая голубая баночка, какая на ней элегантная эмблема: череп и перекрещенные кости. Она взяла эту тяжелую банку осторожно, как будто это был ребенок, вышла из кладовой и очутилась на лестнице, которая, как она надеялась, вела к колосникам, туда, где стояла радиолокационная антенна. Оттуда ей будут видны и сцена, и зал. Весь этот хаос, это человеческое месиво внизу, этот запах были омерзительны.

Она вытряхнула маленькие стеклянные пузырьки так, что они со звоном упали на пол внизу, швырнула банку и побежала что есть духу прочь. Платье на бегу задралось до носа. Наконец она очутилась на свежем воздухе и плотно захлопнула за собой дверь. Последнее, что она слышала, — это вопли, сопровождающие массовую смерть и обвинения, что она входила в лигу Анания Мак-Каллистера.

— Предрассудки! Извращенцы! Заговорщики! — причитала она на бегу хриплым голосом. Как вечер был не похож на утро. Утро было таким спокойным и золотистым, а вечер — торжествующим и алым.

Она миновала бесплодную, мертвую землю и вышла в открытое поле. Там она прилегла отдохнуть. Все тело ее страдало от боли и отчаяния, но еще больше мучило сознание, что она сделала что-то не так. Она прислушалась к своим путающимся мыслям. Попыталась понять, как ей было лучше поступить, что ей делать теперь и куда идти. Спасать мать, а потом спрятаться где-нибудь — бесполезно. Ее мать скоро умрет, да и хочет ли она на свободу? Кто-то подошел и опустился рядом с ней на траву, сильно напугав ее. Она снова зашлась в кашле.

Это был макоголовый специалист-невропатолог.

— Но вы не были в...

— Нет, не был. Сразу после того, как я оправился от вашего удара, я поднялся и вышел. Я предполагал, что вы можете совершить что-то ужасное, я это предвидел.

Она была слишком слаба, чтобы двигаться, поэтому просто лежала на спине и плакала, умоляла и оправдывалась.

Он, не обращая внимания на то, что она говорила, произнес:

— Вы, конечно, понимаете, что вам не причинили бы никакого вреда, если бы вы просто спокойно ждали?

— Нет, нет, они убили бы меня...

— Вовсе нет. Мы решили, что вы можете стать для них чем-то вроде живого идола, и, разумеется, они не причинили бы вам вреда. Их бы это устроило, и мы бы от вас отделались. Мы решили, что не ваша вина в том, что вы так чертовски здоровы. Это вина вашей матери.

Спускался туман, и все вокруг становилось сырым и промозглым.

— А что теперь делать мне? Я так одинока, мне некуда теперь идти.

— Я думаю, что у вас особый случай, — сказал макоголовый, поднимаясь с земли, и смущенно потрогал свой подмокший зад.

— Но я, я, я — другая!

Он молча отвернулся, давая понять, что не находит оправданий тому, на что она способна, — самопредательство и массовое убийство.

— Но они так отвратительны, — бормотала она, зная, что что бы она ни говорила, все было неуместным.

Она проспала всю ночь на холодной земле, ее мучил кашель, рвота, сны, которые она не могла вспомнить, когда на рассвете открыла глаза. Ее тело разламывалось от боли, ей казалось, это была пневмония. Она прижала холодный лоб к холодной траве и какое-то время смотрела, как в лучах восходящего солнца распускается мак. Она не сорвала цветок, а просто смотрела на него.

— Я только хотела быть свободной. Я не желала никому вреда.

Ее слова утонули в воздухе острова Пергамон.

Джин Вульф

РУХЛЯДЬ* ИЗ КЛАДОВОЙ ВРЕМЕНИ

1. Рассказ Робота

Ночь холодная, пронизывающий ветер. Кажется, что нет никакого внутреннего пространства, а есть только два внешних — одно там, где он беснуется над рекой, а другое здесь — немного более укрытое, чуть-чуть согретое нашим дыханием. Плакат с изображением Ши** трепещет на стене, как будто сам Ши пытается что-то сказать, дети сказали бы «поговорить по душам».

Дети — это и старшие, что скрестив ноги сидят на матрасе Кэнди (таких, как Чиликат Кэнди на улице Калхун-стрит, можно найти еще полсотни).

Это и младшие — две девочки-подростка (девственницы или

* В оригинале «mathom» — слово, придуманное Дж. Р. Р. Толкиеном и обозначающее «то, что вообще-то не нужно, а выбросить жалко».

** Хо-Ши-Мин.

вроде того) и тощий печальный мальчик, который всегда молчит. Это и Робот, который находился в зале, где работает, а сейчас входит, медленно переставляя ноги и обдумывая каждый шаг.

Я беседовал с Роботом больше, чем с кем-нибудь из остальных, на мой взгляд, он самый искренний и дружелюбный. Роботу 19 лет, он очень высокий, с круглой маленькой головкой и черной шевелюрой. Робота изготовили, по его же словам, в XXXIII веке для выполнения обязанностей слуги у одной ужасной женщины, дом которой неизвестно на чем держался. Когда у Робота депрессия, он обычно говорит: «Я не знаю, насколько добротнo меня сделали. Может быть, я буду функционировать тысячу лет, а может, уже наполовину износился».

Он здесь уже пять лет. Он удрал, по крайней мере, он сам так говорит, раскрутив циферблаты в кладовой времени той отвратительной женщины и шатнувшись в кладовую, пока те находились в движении. Он сделал это для того, чтобы о его местонахождении не знал никто (на последнем слове он сделал особое ударение). Тем не менее он надеялся попасть в XIII век до нашей эры. Этот период был для него волшебным образом притягателен.

Конди и два ее парня не обращают на него никакого внимания, так, мельком взглянули и садятся на пол рядом с подростками, юношей с печальным лицом и мной. Юноша почти спит. Чтобы разговорить Робота, я спрашиваю:

— Робот, а ты не хочешь вернуться? Прямо сейчас?

Он качает головой:

— Нет, здесь лучше. Там была скучища. — На какое-то мгновение он задумывается, потом спрашивает: — Хочешь, я расскажу историю?

Я хочу. Подростки меня искренне поддерживают, но он некоторое время колеблется, потом поясняет:

— Я запрограммирован, чтобы рассказывать истории, а там некому слушать, поэтому я никогда их не рассказывал. Рассказанная история как бы отмечается галочкой, понимаете? Задание выполнено. А так я испытываю состояние вроде запора.

Печальный юноша говорит:

— Продолжайте.

Робот будто только того и ждал.

— Это волшебная история, — начинает он. — Она началась в те дни, когда маленькие одноместные исследовательские корабли отправились отсюда в разные стороны в поисках районов, пригодных для заселения. Они расплылись подобно выброшенной в море сперме.

Раньше я не замечал за Роботом таких талантов рассказчика и поэтому с интересом за ним наблюдал. Он смотрел прямо перед собой, рот округлился подобно букве «О», он всегда так делал, когда хотел показать, что в его горло вставлен громкоговоритель.

— Вы должны понимать, что это продолжалось много-много лет. И каждый год корабли летели вверх, к Полярной звезде, десятками и

сотнями, и тогда они были похожи на сверкающие спицы вокруг солнца, или вниз, в сторону Южного Креста. Именно туда держал путь один из кораблей.

Он падал несколько лет, но не вел счет годам. Пилот спал, за сто лет он сделал три вдоха. Где-то через год он пытался перевернуться, но из стены появились пластмассовые руки и зернули его в прежнее положение. Корабль разбудил его, когда они куда-то прилетели.

Он проснулся, и корабль знал, что он все забыл, помнил только то, что ему снилось. Поэтому корабль ему все объяснил, пока растирал и кормил. Когда все было закончено, он подумал: «Что я за путешественник, если позволил себя уговорить полететь сюда?»

Потом он встал и решил посмотреть, что же это за мир, куда он попал. Ничего особенного там не было. Повсюду, насколько хватало взгляда, росла высокая — выше головы — трава. Он открыл люк, воздух был нормальным, и он вышел из корабля и сделал все необходимое. Вокруг действительно ничего не было, кроме этой травы.

(Я думал над тем, что именно Робот подразумевал в своем рассказе под словом «трава» — то ли это была неосознанная трансформация детского названия марихуаны, или же для Робота, как и для верующего человека, это был символ забвения.)

— И когда он собирался уходить, из травы появилась эта воистину потрясающая герла. Бесшумно, вы представляете? Ни барабанной дробы, ни фанфар. Она просто раздвинула траву, так же, как девушка откинула бы волосы, и вышла.

Увидев ее, он сразу на ней заиклился, и они заключили тайное соглашение.

Он не мог взять ее с собой в корабль, а она не могла улететь с ним. Но она пообещала, что будет жить с ним там, если он выполнит три условия, и заставила записать эти условия кровью. Во-первых, он должен был поклясться, что будет выполнять всю работу сам и никогда не попросит ее что-нибудь сделать. Что он ни о чем не расскажет людям, если они прилетят, и что он не будет задавать никаких вопросов.

Он все это записал и поставил подпись. Потом она заставила его строить дом из дерна, травы и кусков корабельной обшивки. Он выкопал водоем и посадил несколько семян, найденных у себя на корабле, тем самым положил начало колонии людей, которые должны были прилететь вслед за ним. Этим они и питались, разве что иногда она ловила маленьких зверьков, живших в траве, и ела их. Ему она их никогда не давала, а он никогда не просил. Сам он поймать ни одного не мог, потому что они очень быстро бегали.

Он старел, а она нет. Он считал, что это прекрасно. Он становился старым, а его молодая жена оставалась прекрасной, как юная девушка. Он, как и договаривались, должен был выполнять всю работу, но зато она оставалась красавицей. Она часто пела без слов, играла на чем-то вроде флейты и не уставала повторять, что он отличный парень.

И вот однажды сразу после захода солнца, когда он мотыжил посевы и уже собирался идти домой, он заметил среди звезд новую светящуюся точку. Он долго вглядывался в нее, пытаясь распрямить спину и теребя белую бороду. После этого в течение трех ночей он наблюдал, как она перемещалась по небу. На четвертый день, когда он нес воду из пруда, в воздухе раздался свист и что-то большое ударилось о землю где-то далеко. Он начал было об этом размышлять, когда увидел, что по тропинке идет его жена. Она ничего не пела и выглядела как всегда, но на ней не было одежды и тело ее светилось, словно она дольше обычного расчесывала волосы или, может быть, умывшись, сильнее растерлась полотенцем. Она прошла мимо, совсем близко от него, ничего не сказав.

Он смотрел, как она подошла к траве, развела ее руками, вступила в нее, и крикнул:

— Куда ты идешь?

Она даже не повернула головы, только прокричала в ответ:

— Иду за новым дручком!

— И это все? — спрашивает один из подростков.

Робот не отвечает. Кэнди подходит к нему и говорит:

— Робот, мы хотим, чтобы ты пошел и стащи для нас пять долларов.

Что означает: «Купи нам марихуаны на пять долларов».

Робот встает и протягивает руку. Один из ланей, растянувшись на матрасе Кэнди, смеется и говорит:

— Если бы у нас они были, мы бы купили самки.

С минуту я размышлял над тем, что надо бы одолжить Роботу свой пиджак. (Тот, который на нем, оранжевый, когда-то принадлежал гостиничному швейцару и местами вытерг так, что видна подкладка). Но, как все люди, я слишком долго думаю, прежде чем что-нибудь сказать, и он выходит. Кэнди и ее два приятеля устраиваются на матрасе и начинают ждать, а мы все, по-моему, засыпаем.

2. Против эскадрильи Лафайета

Я посмотрел точную копию триплана «фоккер»*. Единственное отличие ее от оригинала заключалось в том, что она не была легковоспламеняющимся аэролаком. Триплан пять метров семьдесят семь сантиметров длиной, размах крыльев семь метров — размеры в точности, как у оригинала. Двигатель точно такой же, как на Oberursel UR II**. У меня есть токарный станок, и большую часть деталей двигателя я изготовил самостоятельно. Кое-что я добыл

* Триплан — самолет с тремя парами крыльев одна над другой, выпускался в 1913-1918 гг. Известны трипланы «фоккер», «Сопвич-Q-Q».

** Oberursel UR II — марка самолета (по названию заводов).

у одной компании из Кливленда, а детали топливной системы были изготовлены в Луизиане и Кентукки.

Сначала я надеялся достать двигатель от оригинала и написать в Германию, но это оказалось совершенно невозможным; их осталось очень мало, кроме того, как я выяснил, у частных лиц их не было. Oberursel Werke* больше не существует. Однако с помощью некоторых немецких любителей мне все-таки удалось добиться осуществления своих замыслов. Когда «фоккер» был почти готов к полету и приехал сотрудник газеты, чтобы сфотографировать его, я подсчитал, что затратил на постройку больше трех тысяч часов. Я сам изготовил весь фюзеляж и выполнил все работы по обшивке, сам вырезал винт.

Осуществляя свой проект, я старался, чтобы он как можно точнее соответствовал реальности. Перед открытой кабиной я установил два 7,62 мм пулемета «максим-шпандау». Конечно, они не заряжены, но их спусковые механизмы подсоединены к двигателю при помощи фирменного механизма прерывания, такого, какой стоял на настоящих «фоккерах».

Вопрос об обшивке возник благодаря моей переписке с одним человеком из Орегона, который летал на «ньюпоре-скаут». Обшивка оригинала, как вы, наверное, понимаете, была крайне огнеопасна. Он хотел знать, не использовал ли я ее, а когда я ответил, что нет, стал меня критиковать. Тогда я объяснил ему, что слишком люблю «фоккер» и не хочу видеть, как от горит, и что если бы в распоряжении Энтони Фоккера и Рейнгольда Платца были огнестойкие материалы, то они наверняка бы их использовали. Такое объяснение не удовлетворило этого типа, и он в конце концов дошел до оскорблений, а я перестал отвечать на письма. Я по-прежнему верил в свою правоту, и, если бы мне пришлось строить свой триплан заново, я все сделал бы точно так же.

Для перевозки «фоккера» по моему заказу изготовили специальный трайлер. Чтобы буксировать его, я поменял свой лимужин на грузовик. На нем же я собирался возить запчасти и запасные шасси. Я держал грузовик у арендованного мной ангара и старался ездить на нем как можно реже. Но когда требовалось перевезти что-нибудь крупногабаритное и я все-таки брал его, то ехал очень медленно, стараясь выбирать дороги безлюднее. Когда мы проезжали, люди всегда останавливались и провожали нас взглядами. И часто можно было слышать, как те, что стояли на крыльце, звали из дома остальных, чтобы те тоже вышли и посмотрели. По-моему, их больше всего интересовали три крыла «фоккера», и лишь изредка какой-нибудь ветеран войны проявлял к нему интерес. Он всегда курил трубку и ходил с палочкой. Если мне и удавалось

* Oberursel Werke — авиастроительная фирма в Германии времен 1-й мировой войны.

расслышать, что они говорили, то, как правило, это была какая-нибудь глупость. Я же искренне наслаждался, видя, как у них загорались огоньки в глазах.

Большее время «фоккер» стоит в поле в своем ангаре, и, когда я выезжаю, чтобы полетать, меня почти не отличить от других людей. На двери моего грузовика нарисован черный крест, но в этом нет ничего особенного. Ничего особенного не заметили бы на дороге и в тот день, когда я увидел воздушный шар.

Это случилось в один прекрасный день ранней весной, в воздухе было разлито что-то очень свежее, поистине волшебное. Три дня назад я впервые в этом году выбрался в поле. Я отправился туда после работы и летал уже в сумерках. Погода напоминала зимнюю. А сегодня была суббота, и все изменилось. Я помню, как развевался мой шарф, когда, стоя на летном поле, я разговаривал с механиком.

Ветер был благоприятный, он дул с поля прямо на меня, подхватывая «фоккер» под крылья. Не пробежав и ста футов, «фоккер» взмыл вверх, словно воздушный змей. Я неторопливо развернулся, глядя в поле, на котором начала пробиваться свежая трава, и поправляя очки.

Вам когда-нибудь приходилось смотреть из открытой кабины на подрагивающие от напряжения крылья, на проплывающую далеко внизу землю? С этим ничто не сравнится. Я потянул ручку управления на себя и начал подниматься все выше и выше, пока не оказался выше всех птиц и уже не мог различить, какая из крошечных крыш внизу была крыша моего дома или фабрики, где я работал. Потом я стал смотреть не вниз, а вверх, не забывая поглядывать через плечо, там, на фоне солнца, почти не видимые в его сиянии, любили висеть подобно стрекозам пять самолетов королевских воздушных сил.

Потом я повернулся и увидел его — оранжевая точка почти у самого горизонта. Конечно, тогда я не знал, что это такое, но помаhal остальным экипажам моего звена, развернул «фоккер» в направлении той точки, и тот лишь задрожал в ответ на изменение курса. Точка двигалась по ветру, а значит, от меня. Ветер дул нам в хвост, и мы летели с попутным ветром, постоянно набирая высоту.

На самом деле он не был оранжевым, как мне показалось сначала. В нем были тысячи цветов и оттенков, от красного до желтого, а больше всего — белого. Я подползал к нему на крутом подъеме, почти до упора взяв ручку на себя, поэтому сначала я не разглядел привязанной к нему корзины. Потом я выровнял триплан и кружил на некотором расстоянии. И именно тогда я понял, что это воздушный шар. Через какое-то время я понял, что он очень старого образца, с плетёной корзиной, в которой кто-то сидел. В тот момент меня боль-

ше интересовало обилие цветов, и я медленно, по спирали приближался к шару, чтобы лучше рассмотреть оттенки — голубые, цвета пасхального яйца, черные, красные, белые, желтые.

Я понял все только тогда, когда взглянул на пассажирку. Это была очень красивая девушка, на ней был кринолин, длинные вьющиеся каштановые волосы рассыпались по обнаженным плечам. Она помахала мне, и тут я понял.

Женщины Ричмонда сшили его из своих шелковых платьев для армии конфедератов. Я вспомнил, что читал об этом. Девушка послала мне из корзины воздушный поцелуй, и я помахал ей в ответ. Я хотел заверить её, что ни один человек из моей команды не причинит ей вреда, что мы сначала приняли ее шар за разведывательный летательный аппарат французской или итальянской армии, но теперь ей не следует бояться пулемета, установленного на самолете кайзеровского аса.

Я ещё некоторое время кружил около нее, она медленно поворачивалась, следя за движениями моего триплана, и мы разговаривали с ней на языке улыбок и жестов. Наконец, когда у меня горючее было на исходе, я просигналил ей, что должен улетать. Она достала из контейнера со дна корзины закупоренную коричневую бутылку необычной формы. Я подлетел почти к самому борту и увидел смятую жёлтую наклейку. Это был один из первых безалкогольных напитков в подлинной бутылке. Пока я смотрел, она вынула пробку, выпила немного и символически предложила мне.

Мне нужно было возвращаться. Я полетел обратно на последних каплях горючего и вынужден был приземлиться в километре от ангара. Я тут же заправил свой «фоккер» и снова поднялся в небо, но шар найти уже не мог. Я уже никогда больше не смог его найти, хотя поднимался в воздух ежедневно, если позволяла погода. Я находил только пустое небо да несколько самолетов. По правде говоря, иногда меня мучит мысль, так ли все было бы, если бы я, заканчивая работу над «фоккером», использовал настоящую огнеопасную пропитку. Ведь и девушка, и шар были такими настоящими. Иногда мне кажется, что я вижу ее вдали, над облаками, и я мчусь туда над безмолвной долиной. «Фоккер» дрожит и задыхается, но это оказывается всего лишь солнце.

3. Loco Parentis*

Папа: Он прелестен, не правда ли?

Мама: Такой новый и непоцарапанный.словно автомобиль в выставочном салоне или никогда не вращающаяся турбина. Будто новые часы!

Папа: Ты ведь очень взволнована? Ты хочешь мне что-то сказать?

* Loco Parentis (лат.) — вместо родителей.

Мама: Я хочу сказать, что я с тобой согласна, он прекрасен. Прекрати чесаться!

Няня: Правда красивый? Но ему всего десять месяцев. О нем надо всячески заботиться. Мыть и кормить.

Папа: О, я все это знаю. Видел уже.

Мама: Ты хочешь сказать, мы знаем.

Няня: Я уверена, что вы оба научитесь. (Оставляет ребёнка и выходит).

Отец: Что ты имела в виду, когда говорила о турбинах? Я слышал, есть много таких же пар, как мы, которые хотят иметь детей, но не могут. Поэтому они строят роботов, полуживое подобие детей, чтобы удовлетворить свой инстинкт. Раз в месяц они приходят ночью и меняют их на более крупных, чтобы думать, будто дети растут. Это то же самое, что есть восковые фрукты.

Мать: Это чепуха. На самом деле они воздействуют на зародышевую плазму шимпанзе (*Pan Satyrus*) и делают ее похожей на плазму зародыша человека, получая таким образом человекоподобных обезьян, и заботятся о них. Это все равно, что орган играл бы музыку, а слушать ее было бы некому, кроме играющей на органе обезьяны.

Отец: (Откидывает детское одеяльце) Он не мутант шимпанзе. Посмотри, какие у него прямые ножки.

Мать: (Дотрагивается до ребенка) Он не машина. Потрогай, какой он теплый самой настоящей теплотой, даже когда ни одна из его частей тела не двигается.

Сын: Можно мне поиграть на улице?

Мать: С кем?

Сын: С Джоксом и Фордом. Мы будем пускать змеев и лазить по деревьям.

Мать: Мне не хочется, чтобы ты играл с Фордом. Я видела, как он упал и разбил колено. Кровь не шла нормальной струей, а просто вытекала, как из трубы.

Отец: Ты бы держался подальше от Джокса. Он ест слишком много фруктов, кроме того, мне не нравится его манера одеваться.

Сын: Он вообще не одевается.

Мать: Именно это и имеет в виду твой отец.

Сын: Мне нравится его сестра. (Выходит).

Отец: Не плачь. Они так быстро растут. Разве никто тебе об этом не говорил?

Мать: (Все еще всхлипывая). Только не она. Сестра Джокса.

Отец: Она хорошая девочка. Слишком броская, это правда.

Мать: Сестра Джокса!

Сын: (Возвращается, за ним следует семейная пара средних лет). Мама, папа, они говорят, что они настоящие родители, и теперь, когда я достаточно взрослый, чтобы доставлять вам неудобства, не считая платы за обучение, они пришли, чтобы меня забрать.

Мистер Думбровский: Мы объяснили мальчику, насколько полезно существование приемных родителей, которые дают возможность отдохнуть настоящим.

Миссис Думбровская: Я всегда говорила, что это почетная обязанность, можно сказать, призвание. А заполняя бланки в офисе за настоящих родителей, пока те на работе, приемные отцы повышают престиж своих так называемых надзирателей. Не правда ли, дорогой?

Мистер Думбровский: Да, разумеется. Несколько таких работали на меня. Хотя в своем офисе я не допустил бы ничего подобного.

Сын: До свидания, мама и папа. Я знаю, что один из вас или вы оба являетесь лишь машиной либо обезьяной, а может быть, тем и другим, но я вас никогда не забуду. Я не приду к вам в гости, потому что кто-нибудь может меня увидеть, но я никогда не забуду вас. (Обращается к мистеру Думбровскому): У меня будет время подумать над тем, кто есть кто?

Няня: Ну разве он не хорош? А ведь ему всего-навсего десять месяцев, ему необходима всяческая забота. Мыть и кормить.

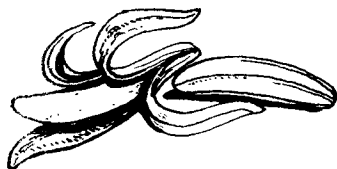
Отец: Это словно удар новой бамбуковой палкой.

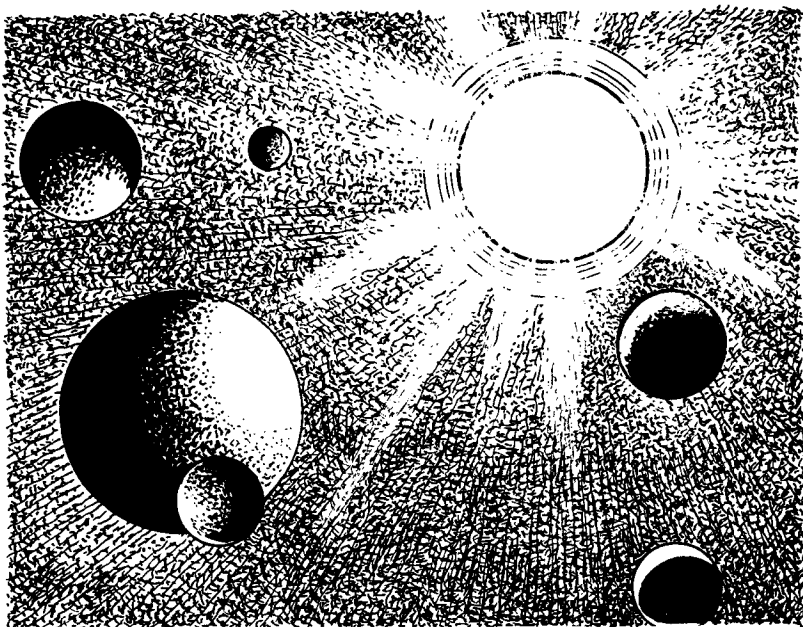
Мать: Это как свет новой фары стального танка.

Няня: Я уверена, вы научитесь. (Оставляет ребенка и уходит.)

Малыш: Можно мне сесть здесь у часов и съесть мой банан?

Мать и отец: Сынок!

Джулиан Кэри

ДАРОВЫЕ МИРЫ

Марк Камерон всегда считал, что было ошибочно делать приемную Колониальной Службы столь комфортабельной. Идея была понятной: привлечь людей внутрь, дать им возможность изучать панорамы и красочные фильмы, отдохнуть в глубоких роскошных креслах, вдыхая дразнящий запах. Потом, когда в них пробудится дух приключений, их надо подвести к вопросу колонизации. Проблема этой теории заключается в том, что она не работала.

Люди с интересом приходят сюда. Они приходили, чтобы спастись от дождя или жары, встретиться с друзьями, родственниками, возлюбленными; приходили, чтобы убить пару часов в ожидании поезда или свидания или просто потому, что им нечем было заняться. Вот и все. Не похоже, что в них вообще существовал дух приключений, и поиск его был пустой тратой времени. Дорогого времени.

Марк вздохнул, проходя по приемной к кабинету. Сегодня ожидался сенатор Колборн, и не требовалось большого воображения, что-

бы догадаться, почему он придет. Командор Джелкс будет слушать, успокаивать, обещать, а потом начнет разносить свой штат за то, что тот не справляется с работой. И он будет прав. При наличии девственных планет, только и ждущих, чтоб их колонизировали, мощных кораблей, готовых к старту и ожидающих колонистов, и всех ресурсов Колониальной Службы, проект все же провалился.

Добровольцев не хватало. Добровольцы, которые имелись, терпели поражение. Время, как понимали и Марк, и командор, уходило. Или Колслужба достигнет своего, и это будет скоро, или в финансовом отношении весь проект будет обречен на смерть, звездные корабли переоборудуют для научных целей, и величайший шанс человечества уйдет нерезализованным.

Марк прошел мимо молодой пары и остановился около панорамы. Она изображала холмистый ландшафт чудесной долины, украшенной экзотическими цветами. Деревья закрывали горизонт, а пушистые белые облака плыли высоко в лазурном небе. Не считая двух солнц, это могла бы быть картина Земли. Но это была не Земля, панорама должна была представлять Денеб. Но она представляла планету не больше, чем культивированный сад представлял тропические джунгли.

Молодая пара изучала панораму, и Марк с надеждой взглянул на них.

— Интересно?

— А? — парень, юнец с отсутствующим лицом и прыщавой кожей, мигнул и продолжал молчать.

— Это Денеб, — весело сказал Марк. — Чудесное место.

— А где дома? — спросила девушка. Она была женским вариантом юнца, ее косметика, как и все остальное, делали ее лицо еще бессодержательнее. Но ее глаза оживились, когда она уставилась на Марка, такого эффектного в своей жемчужно-серой форме, украшенной серебром. Она изучала его, позволяя взгляду блуждать по его жестким, некрасивым чертам лица, густой копне черных волос и складкам раздражения между бровями.

— Их сейчас строят, — согласился Марк и тепло улыбнулся ей. — Колонисты, я имею в виду. Сейчас там достаточно большое поселение, и оно постоянно растет.

Он заговорил таинственным тоном.

— Место как раз для молодой пары. Много пространства, много солнца и воздуха. Вам понравится каждое мгновение на планете.

— Да-а? — Парень потянул девушку за руку. — Догадываюсь.

— Нет жилья, — сказала девушка. Похоже это ее беспокоило.

— Провинция, — сказал парень. — Кому охота жить в глуши?

Он взглянул на стальные часы и дернул девчонку за руку:

— Пошли, конфетка, нам надо идти. Ремо — настоящий плакальщик, и мы же не хотим пропустить открытие.

— Конечно, — сказала девушка, ее глаза не отрывались от лица Марка. — Думаю, ты прав.

Они ушли, не добавив ни слова.

Марк хмуро смотрел им вслед, зная, что ему не следует злиться, но все же злился. Он повернулся, когда к его руке кто-то прикоснулся. Это была опрятная белокурая девушка, носящая форму вроде его собственной. Она покачала головой с притворным укором.

— Стыдно, Марк. Пытаешься их соблазнить?

— Слабоумные идиоты, — горько ответил он. — Оба.

— Забудь о них, — произнесла Сьюзен. — Они в любом случае не подходят.

— Их заявления в любом случае могли бы расширить картотеку, — напомнил он. — Когда сенатор дышит нам в затылок, мы нуждаемся во всех, кого сможем заполучить.

— Я ждала тебя. — Сьюзен улыбалась ему, идя по направлению к кабинету. — Похоже, дела улучшаются.

— Возможно.

Марк не разделял ее оптимизма.

Заявление было простым, насколько это возможно. Если кто-нибудь думал, что ему захочется стать колонистом, он заполнял анкету, отсылал ее, а потом Марк беседовал с ним для проверки пригодности. Если все казалось подходящим, кандидаты проходили через дальнейшее сито, чтобы свести к минимуму нежелательные элементы. Но пригодными оказывались немногие.

Из пяти человек, ожидающих в приемной, трое были одиночками, а двое — супружеской парой. Марк взглянул на их заявления, притянул к себе пачку отпечатанных анкет, взял ручку и кивнул Сьюзен.

— Ладно, посмотрим, что мы получили. Сначала одинокие, потом те — другие.

Сначала был мужчина, худой, сутулый, немолодой, с тяжелым выражением лица. Он почти украдкой закрыл за собой дверь и сел на самый краешек стула.

— Имя? — Марк вспомнил, что, задавая первый вопрос, надо улыбаться.

— Хэнорэн. Роберт Хэнорэн.

— Итак, мистер Хэнорэн, — бодро произнес Марк. — Вы хотите стать колонистом. Правильно?

— Не знаю. — Хэнорэн ослабил воротничок. — Это зависит от обстоятельств.

— От каких? — Марк бросил взгляд на заполненную анкету. Это был показной жест: первая беседа всегда была устной, если податель заявления не подавал надежд, печатные анкеты не включались в карту, но служили для того, чтобы скрыть впечатление.

— От многих, — неопределенно сказал Хэнорэн. Казалось, он

пришел к решению: — Слушай, мистер, земные законы простираются на колонии?

— Конституция каждой колонии базируется на земных законах, — осторожно сказал Марк. — Например, если вы совершили убийство, вас подвергнут лоботомии.

Он улыбнулся смехотворности предложения, что Хэнорэн сделал нечто подобное.

— Колонии цивилизованны, если вы это имеете в виду.

— Нет, — ответил Хэнорэн. — Не совсем. — Он вновь дернул свой воротничок. — Это все моя жена, — объяснил он. — Когда мы поженились, она заявила, что я буду обязан содержать ее до самой смерти. Она также и это имела в виду, и она здоровая женщина. Сможет ли она быстро получить мои выплаты, если я завербуюсь?

— Выплаты? — Марк был озадачен. — А почему вы думаете, что вам будут платить?

— Вы хотите, чтоб я работал бесплатно? — Хэнорэн поднялся с необычайным достоинством. — Что за странная идея рекламировать все это перед людьми, если вы не желаете им платить?

— Вы неправильно поняли, — ответил Марк. Он взял брошюрку и протянул ее Хэнорэну. — Возьмите, прочитайте, и, если вам все еще будет интересно, возвращайтесь позже.

— Но?..

— Проводи, Сьюзен. — Марк схватил резиновый штамп и поставил большой знак «отклонен» на заявлении. — Следующий!

Следующим был долговязый юнец, у которого были ложные представления, что в его полную собственность дается планета с рабами и гаремом. Он ушел так же, как и Хэнорэн. За ним появилась поблекшая старая дева, которая явно интересовалась колониями, как удачным местом для охоты за неженатыми мужчинами. Марк слушал, пока она не выдала своего решения никогда не иметь детей, после чего сразу отверг ее. Супружеская пара вначале, казалось, фантазировала, как и другие. Они были молодыми, умными и явно искренними. Они читали брошюры, изучали панорамы и хотели получить дополнительную информацию.

— Дело в следующем, мистер и миссис Конвей, — начал Марк. — Почти каждое солнце имеет планеты, и в большинстве случаев, как минимум, одна из этих планет, что называется, земного типа. Это значит, что воздух, вода, гравитация и среда пригодны для человеческой жизни, и, несколько мы знаем, там отсутствуют опасные животные. Эти планеты ждут, чтобы их освоили.

— Интересно звучит, — сказал Сэн Конвей. — В чем загвоздка?

— Загвоздки нет. — Про себя Марк дивился, чего ради эти люди дали себе труд читать подготовительную литературу. Там была вся информация, которую они желали получить. — В общем-то, мы не

хотим отправлять в новые миры неподходящих людей, но это единственное ограничение.

— Хорошо сказано, — произнесла Джулия Конвей. — Сколько существует колоний?

— В настоящее время три. Денеб V, Сириус II и Мираб VIII. У нас также имеется две дюжины других миров, пригодных для колонизации, и мы надеемся заселить их как можно скорее. — Марк поиграл своей ручкой. — Вряд ли надо подчеркивать преимущества заселения девственного мира.

— Почему девственного? — резко спросила Джулия. — Почему сначала не поднять существующие колонии?

— Хороший вопрос, — признался Марк. Он поколебался, зная, что ступает на тонкий лед. — Мы отправляем людей в существующие колонии, если они малы и нуждаются в расширении. Но наша главная цель — колонизировать как можно больше миров, как можно скорее. Так что мы сразу отправляем целое объединение колонистов, семена, орудия, все, что нужно, чтобы основать поселение. Дальше дело за ними. Они женятся, строят дома, фермы, растят скот и, конечно, растут и в численности.

Он улыбнулся супругам.

— В таких условиях у молодых людей появляются дети.

— Да? — Джулию это не интересовало. — Давайте проанализируем, если у меня есть такое право. Вы высаживаете достаточно людей и снаряжение, чтобы основать поселение, а потом оставляете их. Так?

— Примерно так.

— Как насчет средств связи?

— Через определенные интервалы прибывают корабли, — ответил Марк. — Они привозят почту, инструменты, необходимое снаряжение, топливо для ядерных реакторов и все прочее.

Он перегнулся через стол.

— Не думайте, что мы просто возьмем вас, высадим на планете и забудем. Это совсем не так.

— Я слышал другое, — заявил Сэм.

— Слухи, — быстро произнес Марк. — Не обращайтесь внимания.

— Насчет жилищных условий, — заговорила Джулия. — Думаю, у нас будут сборные домики и обычные коммунальные условия? Вода, электрический свет, видео и другие подобные вещи?

— В конечном счете, да.

— Почему в «конечном счете»? — Сэм тяжело посмотрел на Марка. — Если вы хотите, чтобы люди колонизировали для вас новые миры, то вы, по меньшей мере, можете дать им нормальные условия жизни.

— Мистер Конвей, — напряженно произнес Марк. — Что такое, по вашему, колония? Вы считаете, это место, вроде маленького города? Или деревня? Или даже небольшая нация? Конечно, вы читали брошюры и другие вспомогательные материалы?

— Естественно, — Сэм отмахнулся от вопроса пожатием плеч. —

Но если серьезно, то неужели вы думаете, что мужчины и женщины будут жить, как животные?

— Конечно, нет.

— Тогда необходимы удобства, — в его голосе появилось праведное негодование. — Лично я не жажду везти Джулию туда, где всего этого нет. Как она заполнит свое время без видео? Чем там можно будет заняться после окончания домашней работы?

— Марк! — Сьюзен заметила на его лице признаки бури. — Можно, я завершу это дело?

Марк колебался, его рука наполовину прошла расстояние до штампа отверженных. Потом он пожал плечами.

Сьюзен взялась за дело, пока он не смог нанести большого ущерба.

В пятистах футах над городом на воздушной опоре стоял Фрэнк Дарвард и сердито смотрел на здания внизу, расходящиеся во все стороны. Они были высокими, прямоугольными, аккуратными и чистыми в своей красоте из стекла и бетона. Между ними бежали улицы, похожие на длинные, прямые линии или извивающиеся мягкие кривые. Это был чудесный вид для каждого, кто любил порядок и эффективность. Фрэнк ненавидел и то, и другое.

Он наклонился к проводящему рельсу колеоптера, его вес заставил машину заскользить по невидимому склону по направлению к террасе у здания. Площадка для парковки, как обычно, была занята, и его мрачность углубилась, когда он направил машину в чистую, помеченную красным цветом зону. Сбросив мощность, он опустил, появились дополнительные винты, и гибкие опоры поглотили сотрясение от удара. Выключив мотор, он отделил ведущий рельс и соскочил с платформы. Когда он отошел от колеоптера, на него уставился какой-то человек, казалось, он хотел что-то сказать, но передумал.

Он опаздывал. Фрэнк знал об этом даже раньше, чем роботоцасы проглотили его персональную карточку. У входа в сборочный цех его остановил мастер.

— Вы опоздали, Дарвард.

— Ну, опоздал. И что?

— Вам следовало бы следить за собой. — Мастер тяжело вздохнул. — Это уже второй раз в месяц. Хотите, чтоб вас уволили?

— Я ничего не хочу.

Фрэнк смотрел за спину мастера, где сборочный конвейер проходил через всю длину огромного цеха. Мужчины собрались вокруг, и те, что пришли к смене, пропускали уходящих.

— Могу я начать работу или нет?

— Идите.

Мастер не любил причинять людям неприятности.

— Но послушайте совета, Дарвард, не напрашивайтесь на драку.

Фрэнк пожал плечами и пошел к своему месту. Он понимал, что совет был хорошим, но также знал, что его легче дать, чем ему следовать. Он был человеком, чье тело жаждало действий, чей мозг нуждался в активности, но его работа не давала никакого простора.

Перед ним широкий белый конвейер вез серию неукomплектованных детских колясок. Его работа заключалась в том, чтобы взять пару колес из штабеля рядом и надеть их на оси со своей стороны. Мужчина дальше вдоль конвейера вставлял пару крепежных болтов, следующий заворачивал их гаечным ключом, а другой рабочий надевал плоский колпачок. Люди с другой стороны конвейера делали ту же работу на своей стороне.

Это занятие не требовало ничего, кроме механических действий. Все собравшиеся вокруг сборки люди работали шесть часов в день, пять дней в неделю, собирая коляски от начала до конца. Сборочный конвейер определял скорость, с которой они работали, гудок давал сигнал к обеденному перерыву и останавливал отсчет времени. Люди давно научились искусству позволять своим выработанным рефлексам выполнять работу, в то время как сами болтали или думали о чем-нибудь другом.

— Я видел, мастер был недоволен тобой, Фрэнк, — произнес сосед слева, устанавливающий болты. — Уже второй раз за месяц, так?

— И что?

— Ну, если тебя уволят, ты не сможешь выплатить за новый подъемник.

Он завидовал. У него была жена и двое детей, и он не мог себе позволить такую роскошь.

— Я могу жить и без этого.

Руки Фрэнка протянулись к колесам, взяли их и установили на осях. Даже эта монотонная работа не нуждалась в осмыслении. Он мог работать и в два раза быстрее, не испытывая трудностей.

— В любом случае существует и другая работа.

— Где? — мужчина лизнул губы. — Билл в прежнем положении с прошлого месяца. Помнишь Билла? Парень, который хотел написать книгу.

— Помню.

Фрэнк помнил, худой, сутулый тип, со слабо очерченным подбородком, который намеревался написать книгу, чтобы перевернуть общество. Тот факт, что никто, кроме профессоров и студентов, не читал ничего, кроме комиксов, похоже, не волновал его.

— Он опоздал три раза, и его уволили. Он все еще на пособии.

— Значит, у него будет уйма времени, чтоб написать свою книгу.

Фрэнк не беспокоился о Билле.

— Я найду работу.

— Все так говорят. — Сосед взял два болта, по одному в каждую руку, вставил их в пазы и потянулся за двумя следующими.

— Если у тебя есть пара степеней или связи в нужных местах, ты можешь найти работу, но только не рядовые парни.

Он взял следующие болты.

— Для нас есть только неквалифицированная работа, и ты должен признать это.

— Это не единственная работа в мире.

Фрэнк выругался, неловко выронив свои колеса и нарушив ритм работы. Установщик болтов ждал, пока он поставит колеса.

— Ты хоть слышал о черном списке? Тебя увольняют за нарушение режима или как смутьяна, и ты попадешь в этот список. На каждое место претендуют десять человек, и у тебя не будет ни единого шанса. — Он усмехнулся. — Тебе придется отказаться от подъемника, продать свою модную одежду и лишиться всего, что имеешь. Тогда ты сможешь получить пособие. Или тебя могут отправить на правительственный проект. Ты хоть беседовал с кем-нибудь, кто работает на одном из этих проектов?

Фрэнк хмыкнул, не желая говорить на эту тему. То, что говорил рабочий, было неприятной правдой. На фабриках не требовались люди, во всяком случае, сейчас. Была внедрена автоматика, и она выполняла необходимую работу быстрее, лучше, эффективнее, чем любой человек. Те же электронные машины появились в конторах и магазинах так же, как и на фабриках. Не было такой рутинной работы, на которую способен человек, которой машина не могла бы сделать лучше.

Но людям надо было жить. Они должны были получать деньги, чтобы платить, покупая все большее количество продукции хорошо отлаженных фабрик, потому для них должна была создаваться работа. Работа вроде сборки детских колясок, где рабочие ничего не могли испортить. Небрежность человека не играет роли при сборке детских колясок, в отличие от радиоприемника или колеоптера. Но рабочие хорошо понимали, что фактически живут на благотворительность.

А благотворительность и бизнес были разными вещами.

Раздался сигнал к получасовому перерыву. Конвейер не сбавил скорости, это было глупо, но было удобнее, чтобы конвейер продолжал работать, однако серия детских колясок подходила к концу. Фрэнк приделал последнюю пару колес, распрямил спину и повернулся к женщине, вошедшей в проход и толкающей тележку, уставленную банками с кофе и упакованными сэндвичами для каждого рабочего. Фрэнк надавил на верхушку банки с кофе, поставил ее сбоку, в то время как встроенное устройство подогрело содержимое, и снял пластиковую обертку с сэндвича.

— Что у тебя? — крепежник болтов с полным ртом размахивал своей упаковкой. — У меня соевое масло и дрожжевой сыр. Хочешь, поделюсь?

— Не надо. — Фрэнк изучал свою порцию. — У меня то же самое.

Он попробовал свою порцию, стараясь получить удовольствие, но обнаружил, что это сложно. Это была еда, вот и все, что можно было сказать. Он разделался с сэндвичами и пил кофе, когда в проходе появился мастер с лицом, потемневшим от гнева.

— Дарвард! Это вы припарковали свой подъемник в запретной зоне?

— Возможно, — Фрэнк принял оборонительную позу. — А что?

— Только что звонили из конторы. — Похоже, мастер был по-настоящему взбешен. — Черт возьми, Дарвард! Вы же знаете не хуже других, что вам не разрешается использовать запретную зону.

Он взглянул на ручные часы.

— Идите и немедленно уберите его. Если вы погоропитесь, то сможете вернуться до конца перерыва. Если не сможете, я буду вынужден записать вас как опоздавшего на работу второй раз за день. Идите!

Фрэнк поколебался, потом одним глотком выпил кофе и побежал к выходу. Мастер пытался дать ему шанс, и он принимал это. Дважды опоздать за один день означало немедленное увольнение, и, невзирая на то, что он говорил о работе в целом, у него не хватало смелости на практике проверить свою способность находить работу. Даже просто уволившись, трудно было ее найти, быть уволенным, значило почти что совершить экономическое самоубийство.

Когда Фрэнк вышел на террасу, у кассонети стоял человек. Он холодно взглянул на рабочего и указал на машину.

— Это ваш подъемник?

— Я как раз пришел убрать его. — Фрэнк присоединил управляющий рельс и взобрался на платформу.

— Отвечайте на вопрос. Это ваш?

— Да — Фрэнк потянулся к стартовому тумблеру, остро осознавая, что время уходит. Человек отсоединил рельс и парализовал машину.

— Не так быстро. Я хочу знать, почему вы припарковали ее здесь, на первое место.

— Разве не ясно? — Фрэнк махнул в сторону забитой стоянки. — Там просто не было места.

— Это не извиняет вас. Эта территория зарезервирована для высокопоставленного персонала. Вы это знаете?

Фрэнк глубоко вздохнул. Мужчина казался важным человеком, может, он и был важным, но это не давало ему права заноситься. Если он развлекался депросом, то Фрэнк — нет. Он старался сдерживать свой инстинктивный гнев.

— Послушайте, мистер, — терпеливо произнес он. — Я припарковал здесь машину. Я прошу извинения. Я хочу убрать свой подъемник из этой зоны. Вы не возражаете?

— Я сильно возражаю, — ответил мужчина. — Мне не нравится, что вы здесь припарковались, и мне не нравится ваша позиция. Что, по-вашему, произойдет, если каждый, вроде вас, будет нарушать правила и существующую регуляцию? Установка вашего подъемника

в запретной зоне — сознательное оскорбление всего высокопоставленного персонала, которому ваши действия могли причинить вред. Это безобразия.

— Но вреда никому не доставлено, — сказал Фрэнк, глядя на пустоту в красной зоне. — И я же сказал, что прошу прощения. Могут же теперь ехать?

— Хорошо, — мужчина отступил на шаг. — Больше этого не делайте.

Фрэнк взвел мотор, закрутились два пропеллера. И в то время как они с силой погнали воздух вниз, он поднялся вверх. Он наклонился к ведущему рельсу и направил подъемник к общественной стоянке. Машина была маленькой, и ему требовалось лишь двадцать квадратных футов свободного пространства, но он не мог его найти.

Стоянка простиралась на значительное расстояние вокруг территории. Здание было большим, и терраса тоже, и чем дальше Фрэнк искал, тем дальше ему бы пришлось возвращаться на работу. К его раздражению добавилось отчаяние, он летел низко, поднимая облако пыли воздушной волной. Обслуживающий персонал кричал на него, махал, чтобы он убрался, и требовал назвать номер. Фрэнк ругался, боясь, что нарвется на еще большие проблемы, а потом повел скользящий подъемник назад, к единственной свободной зоне на террасе.

Он приземлился с резким толчком, который встряхнул его кости, выключил моторы и выскочил из машины. Может, служащий уже ушел. Может, ему хоть раз повезет и он уйдет, получив шанс. Но ему не повезло. Тот явно поджидал его, спрятавшись между двумя припаркованными машинами. Он вышел вперед, от гнева его губы вытянулись в линию.

— Так я и думал, — резко заявил он. — Вы намеренно вернулись, думая, что я ушел.

— Но другого места просто нет, — ответил Фрэнк. Он с тоской посмотрел на вход на фабрику. — Я все обыскал и не смог найти место.

— Ну и наглость, — сказал мужчина. — Это проблема для вас, рабочих. Мы даем вам лучшие возможности, платим вам больше, чем вы стоите, а потом вы начинаете заноситься.

Он указал на колеоптер.

— Уберите машину.

— Куда убрать? — Фрэнк ощутил возрастающий гнев. Это ничтожество воплощало все, что он ненавидел в жизни: правила, регулирование, мелочность самодовольства и разочарования. Он пошел прочь.

— Минутку! — мужчина одним прыжком загородил ему дорогу, его голос повысился: — Вы слышали, что я сказал. Вы уберете эту машину.

— Пошел ты к черту!

— Что?

— Если вы хотите, чтоб машины здесь не было, то и убирайте ее сами.

Фрэнк отстранил служащего и направился к зданию, но тут остановился, так как одновременно случились два события. Служащий схватил

его за руку, и гудок возвестил возобновление работы. В таких условиях оставалось только одна возможность получить удовлетворение.

Сильный удар Фрэнка кулаком по челюсти служащего отозвался по всей запретной зоне и стоил ему работы.

Марк часто думал, что в молодости командор Джелкс мог бы быть хорошим пиратом. У него были грубые размашистые манеры, крупное красное лицо и пронизательные глаза. Он так же преклонялся перед своим благополучием и не колеблясь бросил бы человека акулам, если бы это послужило его целям. Прежде всего он был политиком и находился под командованием Колслужбы только благодаря связям, тому, что какое-то время посещал Космическую Академию в Уайт-Сэндсе. Капитан Марбэш, напротив, был именно тем, кем представлялся, — современный эквивалент моряка. У него было такое же спокойствие, такое же выражение устремленных вдаль глаз, та же способность переносить шторм. По выражению лица Джелкса Марк догадался, что недавний шторм, должно быть, был очень сильным.

Он окинул взглядом кабинет и, увидев, что кроме двух мужчин в нем никого нет, закрыл дверь.

— Сенатор ушел?

— Час назад. — Джелкс вытащил из коробочки на столе сигару, откусил кончик, закурил и сердито посмотрел через поднимающийся дым.

— И он недоволен, Марк. Ужасно недоволен.

— Из-за проекта? — Марк сел, закурил свою сигарету и стал ждать ответа командора.

— Из-за чего же еще? — Джелкс вытащил изо рта сигару и стал изучать горящий конец, держа его в дюйме от своего рта. Это был знакомый жест, типичный трюк политика, решившего отвлечь внимание от своего лица.

— Конгресс не испытывает радости от тех средств, что мы тратим. Они говорят, и я с ними согласен, что нам следовало бы иметь лучшие результаты, чем мы имеем.

Марк затянулся своей сигаретой, собираясь с силами перед тем, что должно было последовать.

— Он назвал нас неэффективными работниками, — сказал Джелкс. — Сказал, что в нашем плане что-то неправильно, если мы не можем решить такую простую задачу. Он даже намекнул, что в этом виноват я.

Джелкс воткнул сигару в пенальницу.

— Я старался объяснить ему, что человек не может за всем лично проследить и что он может быть хорошим лишь настолько. насколько хороши его люди. Это не произвело на него впечатления.

— Вам следовало послать меня, — произнес Марк. — Возможно, я сумел бы убедить его.

— В чем убедить? — Джелкс сдвинул брови. — Что он прав?

— Конечно, нет.

— Тогда в чем? В том, что он не прав? — Командор покачал головой. — Я старался, Марк. Я старался с помощью всех известных мне способов, но что я мог сделать против цифр?

Он напоминал человека, обнаружившего, что взвалил на себя непосильную ношу.

— Сколько вы получили заявлений за неделю?

— Двадцать три.

— И сколько было вами допущено к дальнейшей обработке?

— Пять.

— Видите? — Джелкс явно вообразил, что нашел отправную точку. — Колборн закидал меня этими цифрами. Заявлений мало, а пригодных еще меньше. Черт возьми, Марк! Конечно, вы можете работать лучше!

— Вы хотите, чтоб я взял пистолет и затаскивал их силой?

Марк поколебался, потом взглянул на капитана, рисующего каракули на промокательной бумаге и явно забывшего обо всем.

— В любом случае, мы достигли некоторых результатов. Денеб V будет сильной колонией.

— Намеревался стать сильной, — поправил Джелкс. — Расскажите ему, Марбэш.

— Денеб V кончен, — произнес капитан. Он поднял глаза от бумаги. — В последнем полете я был вынужден их эвакуировать.

— Почему? — Марк крутил сигарету, чтобы скрыть волнение. Он бы держал пари, что колония на Денебе V была в полном порядке.

— Они вымирали, — ответил Марбэш. — Я имею в виду, в широком смысле слова. Три года назад я доставил туда двести мужчин и женщин, достаточно орудий и запас снаряжения, раз в пять превосходивший их число, семена, запасы, атомный реактор, оружие — все, что им могло пригодиться. Несколько месяцев назад я вернулся. Я эвакуировал пятьдесят двух мужчин и женщин и тридцать детей.

— А где были остальные?

— Мертвы.

Марбэш нарисовал еще несколько закорючек.

— Большинство стали жертвами дикой природы, других унесли междоусобицы, третьи покончили жизнь самоубийством. Когда я прибыл, то обнаружил, что выжившие сгрудились в нескольких сборных домиках, живя там в тесноте. Они переоборудовали реактор для обеспечения энергией электрической огады, выставили вооруженную охрану и с нетерпением ждали, когда я прилечу.

Он говорил так, как если бы это случалось каждый день.

— Капитан высадил их на Мирабе VIII, — сказал Джелкс. — Он не мог доставить их обратно.

Он не объяснил причину, почему, но этого и не требовалось. И так получая малое количество заявлений от потенциальных колонистов, вер-

ни мы оставшихся в живых, и это будет равносильно предложению закрыть проект. Слухи и так уже наносят нам вред, реальное изложение дел и бывшие колонисты стали роковыми для проекта.

— Мираб VIII долго не протянет, — сообщил Марбэш. Он нарисовал новые закорючки. — И с Сириусом II произойдет то же, что и с другими. Возможно, в следующий раз я всех верну сюда.

— И нечего так самодовольно рассуждать об этом, — резко ответил Джелкс. — Это и ваш хлеб, не забывайте.

Это было несправедливо и неверно. Марбэш был обеспечен работой до тех пор, пока продолжали служить сверхскоростные корабли. Марк заговорил раньше, чем капитан смог ответить.

— Сенатор знает об этом? Я имею в виду, о колонии на Денебе V?

— Нет, — Джелкс посмотрел на капитана. — Я подумал, что лучше не говорить ему, и капитан Марбэш согласился хранить молчание.

— Но только до следующего полета, — произнес Марбэш. — Тогда все всплывет.

— Но не сейчас. — Джелкс схватил свою сигару. — Положение таково, Марк. Вам поручается заполучить новых колонистов, и вы приналяжете на работу. Если мы не сможем получить много заявлений и основать стабильную колонию, нас закроют.

Его широкое красное лицо помрачнело.

— Я не хочу, чтобы это случилось, Марк. Я не намерен страдать из-за ошибок, допущенных моими людьми. Понятно?

Марк понимал все, даже слишком хорошо.

— Что я не понимаю, — произнесла Сьюзен, — это почему командор старается держать неудачу на Денебе в тайне.

— Джелкс, — с горечью ответил Марк, — редкостный мерзавец.

Он мрачно уставился на сверкающее убранство ресторана. Оркестр занимал возвышающуюся эстраду и играл на инструментах из блестящего пластика. Блеск ничего не добавлял к звучанию, но при умелом освещении музыканты сверкали и горели в призматическом свете. Другие светильники были подвешены к потолку или висели на стенах, превращая ночной клуб в волшебную страну наслаждений.

— Расскажи мне обо всем.

Сьюзен сменила форму и роскошно смотрелась в вечернем платье с открытыми плечами. Она закурила сигарету и выдохнула благоухающий дым в сторону Марка. Он разогнал его, а его сильная рука играла стаканом.

— Ты говорила с Марбэшем?

— Он придет.

Сьюзен закончила обсуждение капитана одним махом своей сигареты.

— Так что с Джелксом? Политика?

— А что же еще?

Марк сердито посмотрел на пробегающего официанта.

— Командор Джелкс из тех людей, что хотят забраться на вершину, не важно какими средствами. Если программа провалится, винить будут меня. Если мы добьемся успеха, хвалить будут его.

Он скривился, залпом выпив виски.

— Человек — крыса, умная крыса, но все же крыса.

— Значит, он крыса, — повторила Сьюзен. — Я бы могла согласиться с тобой в еще большей степени, если бы знала, в чем дело.

— В выборах, — объяснил Марк. — Последний раз Колборн попал в Сенат, во всю силу колота в колониальный барабан. Он хочет фактов и цифр, чтобы доказать людям, что он стоит того, чтобы его избрать. К несчастью, у нас нет подходящих фактов и цифр, чтобы предоставить их ему. Но дело не в этом. При нынешнем интересе к колонизации он может сказать что угодно и улизнуть. Его главная проблема — это комитет по ассигнованиям, именно он держит нас на работе. Следишь за моей мыслью?

— Это что касается выборов, — осторожно заметила Сьюзен. — Колборн наш человек, и я считаю, что он более или менее наш босс. Его же босс — это комитет. Если он не сможет убедить их, что мы делаем свое дело, комитет прекратит финансирование. Правильно?

— Правильно, — Марк закурил. — Сейчас Колборн знает, что находится в опасном положении, и мы не имеем результатов. Пока он считает, что должен поддерживать нас. В конце концов, Колониальная Служба — его детище. Но если бы он узнал, что случилось на Денебе V, он решил бы развернуться на сто восемьдесят градусов. Он вышвырнет нас за борт и предстанет защитником бедных, несчастных колонистов, выброшенных на берег на расстоянии многих световых лет от дома. С хорошей рекламой он появится как сияющий рыцарь, атакующий дракона в лице Колониальной Службы. Он победит, мы не получим денег, колонии будут эвакуированы, а великая мечта провалится.

— А Джелкс?

— За неудачу он будет винить меня, сменит форму, перенесет штурм и, возможно, вознесется как глава организации по репатриации. -- Марк взмахнул сигаретой. — Но я, ты, все остальные останемся без работы и перейдем на пособие.

— Я все поняла, — сказала Сьюзен. — По крайней мере, я так считаю. Но почему Джелкс держит случившееся на Денебе в секрете?

— У Джелкса здесь испыльная работа, и он хочет ее сохранить. Удача Колониальной Службы принесет ему больше, чем неудача. Политических встрясок всегда избегают, насколько это возможно, и Джелкс знает это. Поэтому он держит кукиш к кармане и делает из меня козла отпущения. Если я не смогу исправить положение, он во всем признается Колборну. Если я справлюсь с задачей, тогда неудача на Денебе не будет играть роли.

— Ты справишься, — Сьюзен улыбнулась ему, а потом, глянув через его плечо, подняла руку в приветствии.

Капитан Марбэш, неуклюжий в своей штатской одежде, осторожно пробирался между близко стоящими столиками. Он, казалось, успокоился, увидев Сьюзен, и плюхнулся в кресло с громким вздохом облегчения.

— Ну и местечко! — Он рассматривал ночной клуб с неопределенным изумлением. — Людям действительно нравится приходить в подобные клубы?

— Они пытаются вообразить, будто им нравится.

Марк ткнул пальцем в официанта и сделал заказ. Когда тот ушел, он улыбнулся капитану.

— Я распорядился насчет фирменного блюда в этом заведении. Настоящий мясной бифштекс. Надеюсь, вы не против?

— Против мяса? — Марбэш покачал головой. — Я реалист. Человек всеядное существо, его зубы доказывают это. И вообще, я съем все, что можно съесть.

Он выглядел почти веселым.

— Значит, бифштекс, да? Последний бифштекс я ел на Денебе V, и тоже неплохой.

— Денеб V, — медленно произнес Марк. — Так что же там случилось, капитан?

Марбэш хмыкнул и начал рисовать на меню каракули. Он нарисовал окружность, спираль, еще одну окружность. Он был либо глухим, либо не хотел отвечать на вопрос, а Марк знал, что глухим он не был.

— Бактерии? — Сьюзен изо всех сил старалась помочь. — Эпидемия, с которой они не смогли справиться?

— Разве я был бы здесь, если бы случилась эпидемия? — Марбэш смотрел на нее из-под бровей. — Эпидемии не было.

— Вы уверены? — Сьюзен использовала все свое обаяние. — Я хочу сказать, разве не могли выжившие побояться сказать вам из страха, что вы оставите их?

— У них было четыре врача и оборудование на целый госпиталь, — ровно сказал Марбэш. — На борту моего корабля было три врача и все, что нужно для анализа на болезнетворные бактерии. В любом случае, первый исследовательский корабль признал планету чистой. Так что бактерии — не ответ.

Он поднял голову при возвращении официанта с закрытыми блюдами, и Марк отложил обсуждение. У Марбэша был ответ или часть ответа, почему все дальние колонии терпели поражение или были на пути к поражению. Джелкс, с его обычным упрямством, возможно, даже не читал доклад капитана. Он не считал его чего-либо стоящим, и отправил налево гнить в какой-нибудь забытой папке. Марк, теперь его интерес стал чисто личным, хотел выяснить как можно больше и как можно быстрее. Марбэш мог рассказать ему больше, чем любой доклад.

Если только захочет.

Воздушная полиция засекла его, как только сумерки спустились на города. Фрэнк выругался, когда летящая платформа ринулась на него, ее световые сигналы приказывали остановиться и зависнуть в воздухе. Он проигнорировал их, его глаза рассматривали рабочую сеть огней и черноту внизу.

Он не очень рассчитывал, что сможет удрать, но пока время шло, он начал надеяться. На своем подъемнике он взлетел быстро и далеко, чувствуя, что раздражение и отчаяние уходят, когда он парит высоко над городом. Он даже рискнул сойти с колеоптерной линии, отправился далеко на север, где приземлился, поел, заправил машину и немного побродил по улицам. Теперь он возвращался, и полиция, очевидно, подкараулила его. Насилие, вполне терпимое, когда дело ограничивалось людьми с низкими доходами, встречало резкое осуждение в применении к элите.

Воздушная полиция подошла ближе, от их громкоговорителей сотрясался воздух.

— Ты, на красном подъемнике! Зависнуть на месте!

— Пошли к черту! — Фрэнк сомневался, что они его услышат, но этот вызов был его личным пинком властям. Он направил свой вес против ведущего рельса, и маленькая машина скользнула в сторону и вниз по направлению к освещенной террасе. За ним помчалась летящая платформа, ее сигнальные огни горели, громкоговоритель разносил команды:

— Зависнуть, или мы будем стрелять!

Фрэнк знал, что это блеф. Находясь над городом, неразумно стрелять с неба вниз в колеоптер. Человеческое тело могло натворить много бед, свалившись с высоты в несколько сот футов, не говоря уже о крушении самого колеоптера. Но полиция не полагалась на одни угрозы. Громкоговоритель смолк, когда платформа с шумом работающих винтов двинулась вперед. Она летела точно над Фрэнком, потом бросилась на него вниз.

Крошечный подъемник, предназначенный, чтобы переносить груз не больше человеческого тела, наклонился и взбрыкнул, когда столб воздуха стал давить сверху вниз. В отчаянии Фрэнк ускорил обороты своих моторов, но их мощность была слабой по сравнению с мощностью платформы. Как ночная бабочка от давления невидимого пальца, колеоптер опустился на улицу.

Гнев заставил Фрэнка пойти на самоубийственный риск. Его машина была ни чем иным, как круглым крылом, окруженным противопоставленными лопастями, опирающимися на воздушный столб. Направление полета определялось весом тела, скорость — обычным контролем. Используемый с осторожностью, колеоптер был надежен, как старомодный велосипед. Но Фрэнк послал все благоразумие к черту.

Машина наклонилась, когда он направил свой вес в сторону. На

минутку толчок сверху не встретил сопротивление толчка снизу, и с тошнотворным чувством он стал падать по направлению к городу. В неистовстве он швырнул свой вес в противоположную сторону, ухитрившись восстановить равновесие как раз вовремя, потом, до того как летающая платформа сумела догнать его, тяжело опустил подъемник на террасу. Он заглушил двигатель и был внутри здания раньше, чем смогла приземлиться воздушная полиция.

Здание было центром развлечения, высоким, со многими комнатами, заполненными барами, танцевальными площадками, три-дис, игральными автоматами и людьми, ищущими развлечений. Каждый этаж имел свой собственный турникет, и Фрэнк вспотел, просовывая монеты в щель у барьера, чтобы он шелкнул, когда Фрэнк пройдет в коридор. Человек, одетый в клоунскую одежду, схватил Фрэнка за руку и что-то закричал насчет цирка. Фрэнк вырвался. Он хотел выпить рюмку-две и побыстрее.

Он нашел все это в помещении, заполненном теньями и блестками и украшенном черно-белыми тонами. Усмехающийся скелет за длинной стойкой поставил перед Фрэнком, когда тот плюхнулся на табурет, сверкающий стакан, указал на вывеску, сообщающую, что каждая порция стоит две кредитки, забрал деньги и заскользил прочь. На бокале был тонкий рисунок, размещенный так, что, когда он смотрел на него, казалось, что лица подмигивали, усмехались, улыбались, их выражения менялись, когда Фрэнк поворачивал стакан в невидимом черно-белом освещении спрятанного прожектора.

— Остроумно, правда? — Сутулая фигура справа подняла свой собственный стакан, опорожнила его и поставила пустым. — Присоединитесь ко мне?

— Дайте время.

Фрэнк выпил, давая сладкому сиропу стечь в желудок.

— Теперь готов, спасибо.

Тень махнула рукой, усмехающийся скелет заскользил вперед с двумя новыми стаканами. Фрэнк поднял свой, поперхнулся от кислоты и со стуком поставил стакан.

— Какого черта?

— Каждая выпивка — приключение, — сообщила дружелюбная тень. — Не имеет значения, что просить, вы получаете то, что вам дадут.

— Вкусовое украшательство, — объяснил усмехающийся скелет. Его голос разрушил иллюзию. — У нас миксер-калейдоскоп, поэтому нет двух стаканов с одинаковым вкусом. Это собственность «Пещеры». Пить здесь никогда не наскучит.

— Однако может получиться совсем невкусно, — Фрэнк попробовал свою выпивку и содрогнулся.

— По желанию имеются антиалкогольные таблетки. Хотите попробовать еще?

— Почему бы и нет?

Фрэнк нашел деньги и бросил их на стойку.

— Вот.

Следующая порция выпивки имела вкус апельсина, другая — яблок, третья — очищенной канализационной воды, но во всем было высокое содержание алкоголя. К тому моменту, когда началось шоу, оба — и Фрэнк, и его дружелюбная тень — дошли до критической стадии. Они смотрели ослепленными глазами, как пять высоких, великолепно сложенных молодых женщин прыгали по сцене. Флюоресцентная краска, которую они наносили, расцветивала их тела цветным пламенем.

— Чудесно. — Фрэнк наклонился к стакану, промахнулся и неожиданно ощутил раздражение.

— Идиотское место! Пошли отсюда.

— Куда?

— Куда-нибудь. От этого заведения меня бросает в дрожь.

Он соскользнул со стула.

— Идем?

Вместе они поплелись к двери.

Дружелюбная тень имела имя: Майлс Вэйланд. У него была работа, он был ассистентом профессора в местном университете. Одна его степень была по специальному управлению, другая по психологии, и он хотел написать книгу. Он рассказал все это Фрэнку между порциями шотландского виски в баре, который старался подражать обываям «ревуущих сороковых». Сделано было добротно, пластмасса выглядела как дерево, стаканы и штабеля бутылок оказались настоящими, а бармены даже носили бакенбарды и усы. Официантки, напротив, злоупотребляли по части воображения. Они носили ткани, неизвестные двести лет назад, а их фигуры были изменены с помощью косметической хирургии.

— Притворство, — Майлс указал на салун. — Вот в чем проблема современного мира: все притворяются.

Они налил себе еще виски.

— Знаешь почему? — Он не стал дожидаться ответа: — Скука, вот почему. Скука и страх.

— Что за страх? — Фрэнк не искал проблем. Алкоголь обычно делал его добродушным, но он был раздражен и озабочен насчет грядущих трудностей. — Я ничего не боюсь.

— Я не говорю о тебе. А об обществе, цивилизации, мире.

Майлс ухватился за стол и покачал головой.

— Парень, помещение качается!

— Возьми таблетку.

Фрэнк протянул тарелку, полную маленьких белых антиалкогольных таблеток. Майлс отстранил их.

— Позднее, не сейчас. Денег не хватит, и я не могу позволить себе выпить дважды за одну ночь.

Он сердито уставился на свой стакан.

— Деньги, — отчетливо сказал он, — их всегда не хватает. Проклятые деньги, как бы ни было, это невидимые цепи трудящегося человека.

— Хорошо бы нализаться, — практично ответил Фрэнк. — Я смог бы справиться с цепями потяжелее.

— Чего ради? Значит, ты можешь тревожиться об их потере? — Майлс наклонился вперед. — Деньги не делают человека счастливым, Фрэнк. И не говори мне, что они позволяют тебе быть несчастным в комфорте. Это я уже не раз слышал: деньги стоят ровно столько, сколько на них можно купить. Можешь ты купить свободу? Счастье? Можешь ты купить право плюнуть своему боссу в глаза?

— Конечно. — Фрэнку было неинтересно. — Дай человеку достаточно денег, и он позволит скакать по его голове в подбитых гвоздями бутсах.

— Ложное божество, — заявил Майлс.

Он икнул.

— Я пишу об этом книгу, Фрэнк. Я хочу доказать, что цивилизация испорчена. Фактически я хочу доказать, что цивилизация погибла.

Похоже, ему нравилось звучание этого слова.

— Погибла, — повторил он. — Погибла.

— Значит, погибла. Я расслышал это с первого раза.

Фрэнк повернул голову и оглядел салун. Никакой полиции. Он постарался расслабиться.

— И как?

— Что «как»?

— Как погибла цивилизация?

— Просто.

Майлс неожиданно превратился в лектора, которым и был.

— Цивилизации развиваются в определенных направлениях. Они растут, развиваются и умирают. История полна примеров: Крит, Греция, Рим, Египет, империя хеттов, Китай, ацтеки, заметь, все они следовали тому же образцу.

— Дикость, — сказал Фрэнк. Он видел ленты о древних цивилизациях. — Кони и варварские мечи.

— В твоей жизни этого нет. У них были кони, и мечи, и экономика, основанная на рабстве, но ты не поверишь, что они творили с помощью этих вещей. Водопровод, сравнимый с современным. Хорошие дороги. Пирамиды. Социальная структура и организация хорошая, насколько это известно. Но все они пошли одним путем. Погибли.

— Умерли и забыты, — сказал Фрэнк. — Прах есть прах. Выпьем еще.

— Ты не принимаешь меня всерьез, — сказал Майлс. — Никто не принимает меня всерьез. Я даже не рассчитываю, что кто-нибудь прочитает мою книгу, когда она будет закончена.

Он выглядел так, как будто собирался лить слезы в свое шотландское виски.

— Ладно, — терпеливо сказал Фрэнк. — Почему они умирали?

— Сгнили, — сказал Майлс. — Внутреннее разложение.

Он махнул на фальшивый салун, полный мужчин и женщин, которые пили, курили и старались убедить самих себя, что чудесно проводят время.

— Прямо как мы. Слишком много времени, и нечем заняться. Люди сбились с пути и начали развлекаться с игрушками. В древнем Риме были гладиаторы, в наше время три-диск. Когда они становились слишком слабыми, приходили варвары и брали верх. Они сметали старую цивилизацию и строили новую.

Он остановился, уставившись на стакан.

— Наша проблема в том, — неожиданно заговорил он, — что у нас нет врагов. Нету варваров, которые могли бы прийти, и поэтому мы пали слишком низко. И мы продолжаем падать вниз, вниз и вниз.

Его большая рука опустилась на стол.

— Кончено!

— Черт! — Фрэнк перестал пить, потянулся к бутылке, потом оцепенел, так как два человека направились к его столику. Они нетерпеливо ломались через толпу — лица жестокие, глаза такие же, как и лица. Они остановились у столика и глянули сверху вниз на Фрэнка.

— Ну ладно, — сказал один. — Ты уже развлекся. Теперь вставай и пошли.

— В чем дело? — Майлс уставился на полицейских в форме, потом на Фрэнка. — И что он сделал?

— Сломал челюсть своему менеджеру, а потом сбежал от ареста. Думаю, он получит дней шестьдесят.

Когда Фрэнк поднимался на ноги, рука полицейского упала на ремень.

— Побыстрее.

Фрэнк проигнорировал его. Виски, которое он выпил, притупило его рефлексy и оказало угнетающее воздействие на чувства. Жизнь была обусловлена подчинением закону, и он, как ему было предсказано, пошел за борт, думая о несправедливости мироустройства. Шестьдесят дней безделья!

Он оттолкнул одного, дал по физиономии другому и был на полпути к двери, когда полиция оглушила его парализующим пистолетом. Он упал, парализованный ниже пояса, стараясь помочь себе руками, это не получилось, и он потерял сознание, как только его голова коснулась края стола.

Майлс еще раз наполнил свой стакан.

Марбэш наслаждался. Бифштекс был как раз таким, как он любил, поджаренный снаружи и полный крови. Выпивка была хорошей, очень даже, и обильной, а после ужина он, Марк и Сьюзен отправи-

лись в турне по центру развлечений. Сьюзен шла рядом с ним, держа его за руку, и Марк, даже зная, что она делает это для него, испытывал чувство ревности. Про себя он решил, что, если Марбэш собирается рассказывать, ему бы следовало поторопиться.

Марбэш остановился у три-дис и посмотрел на зазывалу. Человек, осознающий их внимание, стал расхваливать свой товар даже громче, чем раньше.

— Сюда, народ! — подбадривал он. — Реализм потрясет вас. Настоящая катастрофа в старинном автомобиле, прямо как в древности. Самоубийственный прыжок с Эмпайэр-Стейт-Билдинг. Двойная программа, которая заставит вас вспотеть на своем сиденье. Заходите! Программа скоро начнется.

— Что это? — Марбэш посмотрел на Сьюзен, но ответил Марк.

— Театр-триллер.

Он вытащил деньги из кармана.

— Пошли внутрь.

Театр был маленький, не больше, чем на сотню мест, окруженных экраном в 180 градусов. Сверху перед экраном висела сеть прозрачных пластиковых сетей, создавая при работе проектора полную иллюзию глубины. Несколько пар заняли сиденья, девушки хихикали и цеплялись за парней. Небольшое количество людей более зрелого возраста составляли остальную аудиторию.

Двери закрыли, огни потускнели, и началось обычное вступление к спектаклю. Марбэш посмотрел на рекламу, казалось, он хотел заговорить. Но тут цветное изображение исчезло, и началась программа.

Она была очень ловкой, реалистичной и достаточно эффектной. Сцена была внутренней частью машины, а камера водителем. Эффект заключается в том, что каждый зритель находился на водительском месте, уставившись в ветровое стекло и видя разворачивающуюся дорогу перед гладким капотом. Шел приглушенный торопливый гул, ложные порывы ветра над машиной, и, когда скорость возрастала или замедлялась, сиденье вдавливалось или подавалось от спин зрителей.

Первые несколько минут экран был таким, как если бы машина катила вдоль шоссе, визжа по изгибам и поворотам. Как знал Марк, вступительная часть была важна только для того, чтобы постепенно создать иллюзию, но, несмотря на его знание, он чувствовал, что его нога стала давить на пол, рука сжимать невидимый руль. Остальная часть аудитории перестала отличать всякую реальность, только экран и впечатление, что они действительно ведут машину.

Скорость возрастала, гудение стало громче, шины визжали, когда они огибали повороты, другие машины ускользали назад, когда он их перегонял. Дорога вилась вперед, линия движения с ближайшей стороны и камера повернулась наружу, чтобы пропустить их. Марк напрягся, заметив, что впереди обзор был закрыт поворотом дороги, катастрофа была бы неминуема.

С другой стороны что-то приближалось.

Тяжелый грузовик показался на глаза, двигаясь по направлению к зрителям. Шины завизжали при торможении, и сцена слегка качнулась. Марк охнул, его ступня с силой надавила на пол, а потом, когда грузовик помчался на него, он выкинул вперед руку, защищая лицо.

Вид, звук и впечатление от столкновения с другой машиной были такими реальными, что женщины завизжали, а мужчины закричали, когда их сбросило с сиденья. Экран стал темным, огни исчезли, ультразвук вызвал боль в костях. Запах антисептиков разнесся по театру, и стон зрителей показал, что они следуют за иллюзией через последствия катастрофы в операционную.

Марбэш замигал, когда зажглись огни. Он был бледен, и его руки слегка дрожали.

— Как реально, — сказал он. — Слишком реально.

Он содрогнулся.

— Как они это делают?

— Устанавливают камеру в машине и по-настоящему разбивают машину с помощью дистанционного управления.

Марк улыбнулся Сьюзен:

— Это было слабовато по сравнению с тем, что я однажды видел. Может, следующее будет лучше.

Следующим пунктом был самоубийственный прыжок с Эмпайэр-Стейт-Билдинг. Сначала постепенно была создана иллюзия, затем камера нырнула к земле. Здесь не было никакого надувательства. Для зрителей все было так, как если бы они прыгнули со здания. Внизу рос город, и они были все ближе к земле, Марк почувствовал резкое отвращение, сожаление о прыжке, страх последнего удара. Он чувствовал, как спазмы схватили его желудок, когда улицы увеличились перед его лицом, как свистел ветер, и он падал быстрее и быстрее, на бетон, поджидающий его, чтобы расплющить в лепешку.

Быстрее, ближе, так близко, что он мог видеть белые лица людей, уставившихся на него, тонкие линии между камнями улицы, клочки бумаги, комочки смолы.

Когда свет включился, его сильно швырнуло на спинку сиденья, его руки вытянулись вперед, каждая клетка сжималась от удара.

— Мне надо выпить, — Марбэш был в поту. — Очень надо выпить.

— И мне.

Подымаясь со своего места, Сьюзен пыталась улыбнуться.

— Бесспорно одно. Я никогда не покончу с собой таким способом. Никогда!

— Ты уже сделала это, — ответил Марк. — Конечно, это не что иное, как настоящая смерть — до конца.

Он вытер платком влажные ладони.

— Вот почему театры-триллеры столь популярны. Все очень реально и никакого риска.

— Я бы не стал держать на это пари, — выходи наружу, Марбэш был задумчив. — Человек с большим сердцем может умереть от потрясения.

— Они умирали и умирают, — сказал Марк. — Поэтому с возрастом и надо быть осторожным. Техника падения камеры с крыши стара, экраны три-дис и другие эффекты лишь дополняют иллюзию. Но вы не можете остановить прогресс, и каждый театр обычно делает предупреждение. Если какой-нибудь сердечник хочет рисковать, это его дело.

Он остановился у копии старомодного салуна.

— Сюда?

— Если они продают скотч, то хоть сюда, — и Марбэш вошел внутрь.

Оказалось, что за одним из столиков случилась маленькая неприятность. Пара полицейских в форме оглушила мужчину и уволокивала его. Сьюзен посмотрела в направлении сцены и нахмурилась.

— Полагаю, я знаю этого человека.

— Преступника?

Марк сел, щелкнул пальцем, подозвал одну из девушек, имитирующих танцовщиц, и велел принести бутылку скотча. Сьюзен покачала головой.

— Не его, а другого. — Она вспомнила: это Майлс Вэйланд. — Я не видела его несколько лет. — Она улыбнулась Марку. — Ты не возражаешь? Мы вместе изучали антропологию.

Она отопла раньше, чем Марк смог возразить.

Марбэш открыл бутылку, наполнил два стакана золотистой жидкостью, выпил, поставил стакан и посмотрел на Сьюзен.

— Чудесная девушка.

— Замечательная.

Марк закурил сигарету, удивляясь, что современный капитан следует традициям древних мореплавателей.

— Собираетесь жениться? — Марбэш улыбнулся, как если бы прочитал мысли Марка.

— Может, когда-нибудь.

— Не откладываете, — посоветовал Марбэш. Он немного пополо-скал виски во рту. — А теперь, что у вас на уме? — Он улыбнулся удивлению Марка. — Я обычный астронавт, но понимаю, когда у меня пытаются что-то выведать. Вы хотите что-то узнать. Что?

— Я хочу узнать, почему гибнут колонии, — сказал Марк. — Я читал доклады, которые выпускал Джелкс, но они ничего не говорят. Я хочу знать ваше мнение.

— Все очень просто. Нет мужества.

— Что? — Марк выглядел сзадаченным, — Что вы имеете в виду?

— Вы отправляете людей неподходящего типа. — Марбэш явно

старался быть терпеливым. — Во время полета я очень хорошо их узнал, и я знал, что они будут неспособны справиться с этим делом. Мы даже заключили пари, как долго они протянут. Я еще не проигрывал.

— Не могу поверить! — Марк уставился на капитана, как будто сомневался в том, что услышал. — Эти колонисты были отобраны на основе факторов, определенных экспериментами. Высокий интеллект, приобретенные навыки, физическое и психическое здоровье, желание ехать, — он по пунктам загибал пальцы. — Согласно экспертам, они должны были устроиться там, как свиньи в клевере.

— Значит, эксперты ошиблись. — Марбэш подлил себе виски. — Я знаю. Я их видел, этих ваших драгоценных колонистов. Я забрал их из их собственной грязи, и они плакали у меня на плече.

Он скривил губы.

— Да, Денеб V, они чуть не рехнулись от счастья, когда мы приземлились. А потом чуть опять не сошли с ума, когда я высадил их на Мирабе VIII. Это могло бы вызвать жалость, если бы не было столь тошнотворно.

— Не тот тип, — медленно повторил Марк. Это подтверждало то, что он давно подозревал. Он вспомнил все обещания, которые давал, всю ложь, которую наговорил, его собственное убеждение, что люди, которые многого требуют, не будут довольствоваться малым.

— Все правильно, — произнес Марбэш. — У них нет мужества.

— Вы это давно знали, — обвинил Марк. — Вы должны были что-то сделать. Почему вы не говорили об этом раньше?

— Никто меня не спрашивал, — в замешательстве ответил Марбэш, но Марк знал, что это не так. Марбэш был капитаном звездного корабля. Его работа заключалась в выполнении приказов, и если он хотел сохранить свою работу, это было все, что от него требовалось. Марк открыл рот, чтобы что-то сказать, но потом опять закрыл, когда подошла Сьюзен с незнакомцем.

— Познакомьтесь с Майлсом Вэйландом, — представила она. — Майлс, это Марк Камерон, мой босс, а это капитан Марбэш. Выпей с нами.

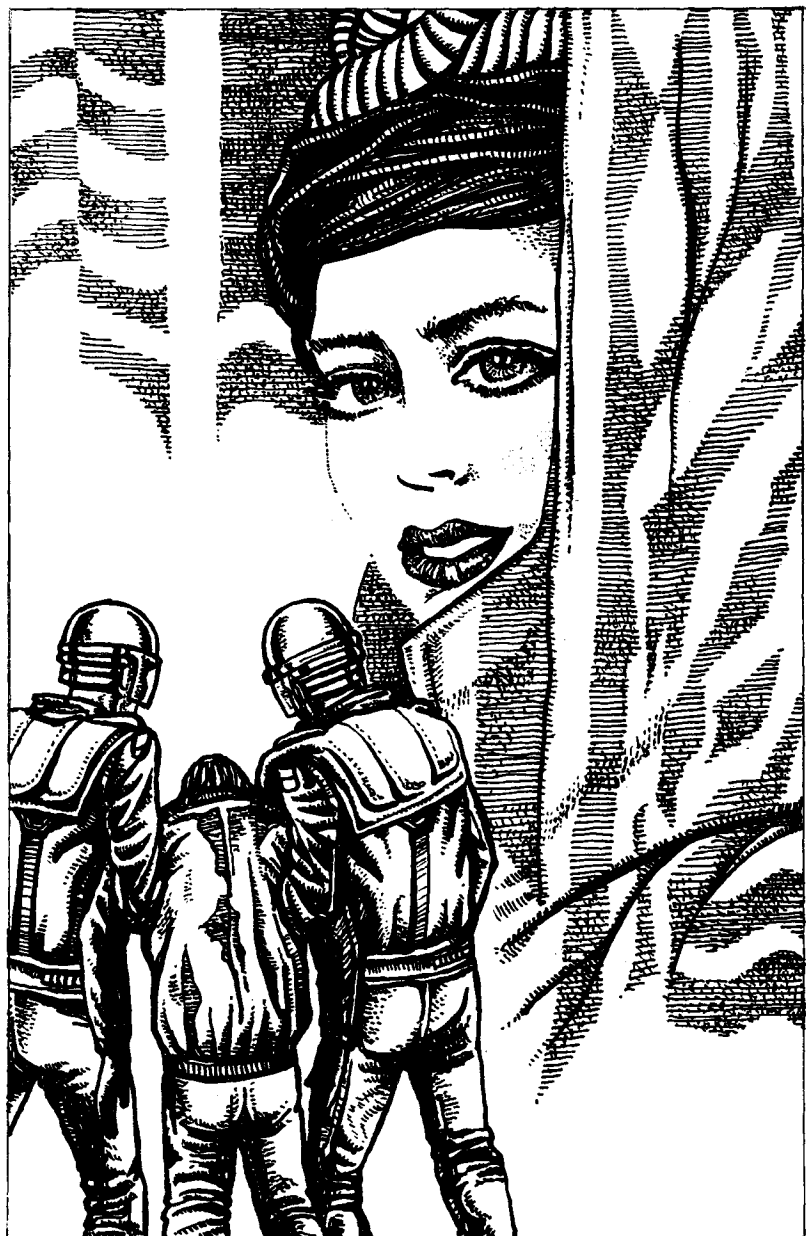
— Спасибо.

Майлс плюхнулся на стул, и стало ясно, что он уже достаточно нагрузился. Должно быть, он тоже понял это, потому что схватил пару антиалкогольных таблеток, проглотил их и стал ждать, когда они подействуют. Ожидая, он налил себе из бутылки виски.

— Наука, — провозгласил он. — Это замечательно. В древнем Риме было рвотное, у нас — протрезвляющие таблетки. Напивайтесь до отупения, возьмите парочку белых маленьких таблеток, а потом начинайте все с начала.

Он подмигнул, быстрое действие таблеток уже сказывалось на его глазах и на голосе. Он поднял стакан.

— Это прогресс.

— Вы праведник! — ответил на его тост Марбэтт. — И это вы называете прогрессом?

— Почему бы и нет? Прогресс есть прогресс, независимо от того, куда он идет. А вот мы идем вниз. Как я говорил бедняге Фрэнку, видели, что случилось с Фрэнком? Оглушили несчастного неудачника. Пожалею его.

Он опечалился, зная, что боль от восстановления циркуляции крови и чувств после оглушения была тем, чего большинство людей избегало. Он вздохнул, взял еще одну таблетку и запил ее виски.

— Майлс — социальный инженер, — весело сказала Сьюзен. — Он знает, что неладно с цивилизацией, верно, Майлс?

— Прогнила, — произнес Майлс. — Прогнила и погибла.

Он подмигнул им.

— Нет варваров, — объяснил он. — Никто не придет, когда мы погибнем, чтобы влить свежую кровь и жизнь. Раньше всегда были варвары, бегущие вверх, когда цивилизация приходила в упадок. Но не сейчас.

Он рыгнул.

— Я работаю над этим, — продолжал Майлс. — Использую один из компьютеров, чтобы экстраполировать процесс и найти ответ. Конеч.

И он с серьезным видом подмигнул собеседникам.

Университет находился на окраине города — небольшое местечко, обслуживающее все уменьшающееся число тех немногих, кто еще проявлял интерес к истории, чтению и учебе. Прыгун высадил их у ворот, и они стояли, слегка дрожа в холодном ночном воздухе, пока Майлс шарил в поисках ключей. Он открыл дверь, и сразу с небес обрушился дождь. Марк посмотрел на наручные часы.

— На пять минут позже, — сказал он. — Служба погоды стала небрежной.

— Пошли внутрь, — живо сказала Сьюзен. Она не хотела, чтобы промокло ее платье. — Кофе есть, Майлс?

— Я нашел виски. — Марбэтт поднял бутылку. Из всех них алкоголь оказал на него наибольшее воздействие, возможно, потому, что он был единственным, кто не глотал предосторожности ради антиалкогольные таблетки. Вообще-то он попросту отказался от них, заявляя, что питье не питье без похмелья. Марк подозревал, что капитан даже не догадывался, что такое настоящее похмелье, что, возможно, под воздействием алкоголя он был столь крепким, что не страдал так, как обычные люди. Его уважение к Марбэтту все возрастало.

Майлс провел их в захлавленную комнату, включил кофейник, нашел чашки, жестянку со сливками и коробочку с сахаром. Он передал все это Сьюзен, смахнул бумаги со стула и сел.

— Вы говорили серьезно, Марк?

— Конечно.

Марк вытащил сигареты, раздал присутствующим, прикурил и стал пускать дым в сторону светильника.

— Возможно, я старомоден, но перспективы гибели цивилизации меня расстраивают.

— Я тоже.

Марбэш взвесил в руке бутылку и нетерпеливо посмотрел на Сьюзен:

— Долго еще ждать кофе?

— Недолго.

Она с интересом оглядела помещение.

— И здесь ты работаешь, Майлс?

— Да. Грязновато, верно?

Закипание кофейника спасло Сьюзен от необходимости подыскивать ответ, и она занялась чашками, сахаром, сливками и обжигающим кофе. Марбэш добавил к будущему впечатлению от кофе содержание своей бутылки, потом сел, улыбаясь схемам, развешенным по стенам.

— Это для работы, — пояснил Майлс и вернулся к лекции. — Когда мы имеем дело с культурой или обществом, — говорил он. — мы имеем дело со множеством частиц, каждая из которых состоит из клубка переменных величин. К счастью, хотя мы и не можем предсказать действия каждого индивидуума, мы можем сделать это в отношении группы индивидуумов.

Он указал на грудку бумаги.

— Например, мы знаем, что в определенной группе людей определенный процент их умрет в определенный промежуток времени.

— Элементарно, — ответил Марк. — Страховые компании все время используют подобную статистику.

— Конечно, — согласился Майлс, — это элементарно, но важно.

Он взял еще несколько листов.

— Вам придется многое из того, что я скажу, принять на веру. Я могу доказать, но доказательства займут время, и потребуется компьютер Митчела.

Он фыркнул.

— Стащил свои материалы, когда делал анализы рынка для одного из наших спонсоров. Никогда не пойму, почему он не оспорил счет.

Он стал серьезным.

— Я говорил вам о предмашинных цивилизациях?

— Говорил, — Марк потягивал кофе. — Начните с того момента, на котором остановились в такси.

— Ладно, — согласился Майлс. — Все они следовали одним путем: подъем, падение и забвение. Ни одной изгибшей цивилизации не удавалось подняться вновь. Короткая вспышка может быть, но и все. Раз их время проходило, они затухали, как светильники.

Он посмотрел на свою аудиторию.

— Нет никаких оснований предполагать, что наша цивилизация не пойдет по тому же пути. Тот факт, что мы пользуемся машинами и окружили мир сетью коммуникаций, не дает нам превосходства перед предшественниками. Он лишь объединяет нас в один союз, и если мы идем куда-то, то идем все вместе. Улавливаете?

— Думаю, да, — Сьюзен села на краешек стола, понимая, как выглядит ее фигура в длинном платье с облегающей юбкой. — Ты говоришь, что в основе мы не отличаемся, скажем, от Рима. Они достигли вершины и погибли, и где теперь римляне? Где египтяне? Где критяне?

— Не критяне, — поправил Майлс. — Они называли себя минойцами.

— Не перебивай. Ты сказал, что все они были завоеваны и что завоеватели раздавили их и построили нечто новое. Теперь ты говоришь, что мы идем тем же путем. Так?

— Совершенно верно, — Майлс вытащил сигарету. — Проблема в том, что цивилизация качается и в одну и в другую сторону. Чем выше она поднимается, тем ниже падает. Мы поднялись быстро, быстрее, чем все другие цивилизации до нас, слишком быстро. Наука превратила нас в нечто, напоминающее старинную ракету, а вы знаете, что с ними случилось. Они взлетали выше, выше и выше, а потом, когда их подъемная сила истощалась, они падали, чтобы разлететься на кусочки. Та же техника, что подняла нас так быстро и так высоко, будет той силой, что разорвет нас в клочья.

— Прогресс, — произнес Марбэш. Казалось, он говорит сам с собой. — Нет мужества.

И он нашел утешение в бутылке.

Если верить Майлсу, направление развития цивилизации было предсказуемо. Ракета потеряла свою подъемную силу — и для нее оставался только один путь — вниз. Беда в том, что все, что он говорил, было правдой. Он обосновывал каждое положение, и вывод нельзя было отрицать.

— Мы такие нежные, — сказал Майлс. — Мы утратили нужду сражаться. О слабых заботятся, и жизнь идет в привычной упряжке. Болезни и недомогания излечиваются и проходят в ослабленной форме. Мы с юности и до могилы травим себя наркотиками и стимуляторами. Мы едим консервы из переработанного мусора, загрязняем окружающую среду и в то же время стараемся убедить себя, что живем в наилучших условиях.

Он хмыкнул.

— Это приводит к тому, что есть место, где неврозы — общее явление и быть здоровым человеком все равно, что ненормальным.

— Прогресс, — неожиданно произнес Марбэш. Во время дискуссии он уснул, обнимая бутылку, как будто это был его лучший друг.

Теперь он проснулся, выдал свой комментарий и наполнил рот виски. Сьюзен наклонилась, забрала у него бутылку и поставила на стол.

— Она нам пригодится для кофе, — твердо сказала она. — Вы выпили больше своей доли.

— Вкусного нельзя выпить слишком много, — Марбэш провел языком по губам. — Вы приготовили кофе?

— Мужчины, — Сьюзен занялась кофейником, — прямо как дети. Корми их, утешай, дай им поспать, потом опять корми.

Она посмотрела на часы.

— Замечательно! Скоро рассвет.

— Это была долгая ночь, — Марк закурил одну из оставшихся сигарет, — однако очень интересная. Это кое-что значит, как я понял, что цивилизация гибнет.

— О-о-о, мы еще протянем некоторое время, — пояснил Майлс. — Но не так долго, как, похоже, думает большинство людей. При общем падении интеллекта слабоумные станут нормальными и будут производиться худшие специалисты. Мы уже стали полностью полагаться на машины. Когда они исчезнут, исчезнем и мы. Цивилизация в настоящий момент напоминает волчок. Предоставленный самому себе, он в конце концов упадет, и кто-то должен его подталкивать... — Он сделал соответствующий жест. — От цивилизации до дикости всего три поколения.

— Так быстро?

— Конечно. Разбейте сейчас машины, сможете ли вы их восстановить? Сможете ли вы обучить детей плавить металл, разжигать огонь, строить дома? Бороться двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю?

— Я вижу, к чему вы клоните. — Марк задумчиво уставился на сигарету. — И все это неизбежно?

— Если у вас не будет колоний, то да. — Майлс взял кофе и улыбнулся Сьюзен. — Колонии будут эквивалентом варваров. Они будут запасом свежей крови, энтузиазма, как было раньше, ракетой цивилизации, без них мы придем к дикости.

— Но у нас есть колонии, — сказала Сьюзен. — Мы... — Она замолчала, глядя на Марка.

— Пытаетесь держать это в тайне? — Майлс пожал плечами. — Пытайтесь, если вам хочется, но, полагаю, я знаю правду.

Он указал на карты, графики и стопки бумаги.

— Колонии терпят поражение, да? Я социальный инженер, не забывайте, и я знаю людей. Я был в Колслужбе и видел заявления. Если вам удастся создать колонии из такого материала, я съем свою шляпу.

— Нет мужества, — Марбэш встал и потянулся. — Парень прав, Марк. С самого начала. Вы отправляете слабаков, и они не могут справиться с делом.

Он наклонился к столу неожиданно трезвый.

— Я не так молод, как раньше, Марк, и, возможно, меня здесь слишком долго не было, но мне не понравилось то, что я обнаружил, вернувшись домой. Может, причина в том, что я слишком много выпил, не знаю. Но мы на тарелочке преподносим человечеству вселенную, а оно швыряет нам ее прямо в лицо. Почему, Марк? Почему Колониальная Служба терпит провал?

— Зачем спрашивать меня? — Марк вытащил новую сигарету. — Почему не спросить колонистов?

— Их отбираете вы, Марк, — спокойно настаивал Марбэш. — Вы их подбираете. Все, что вам надо, это найти нужных людей. Вы этого не сделали. Почему?

— Поправка, — заявил Марк. — Я беру лучших из тех, кого мы можем получить.

— Значит, лучшие недостаточно хороши.

— Марбэш, мы уже опоздали.

— Не очень, — оптимистично заявил Майлс. — Беда Колслужбы в том, что ею руководят политики, а не эксперты. Держу пари, у вас в штате даже нет социального инженера. Верно?

Марк кивнул.

— Или рекламного агента? Группы психологов?

— Нет, — Марк чувствовал, что ему надо защищать себя. — Но у нас есть советы правительственных экспертов, которыми мы должны руководствоваться. Наше колониальное снаряжение идет по первому классу. Марбэш может об этом рассказать, и мы не жалеем ресурсов.

— Ваша беда, — неторопливо говорил Майлс, — и беда так называемых экспертов в том, что вы слишком близко от леса, чтобы разглядеть деревья. Вы предлагаете потенциальным колонистам все, что, как вы думаете, может сделать жизнь приятной и удобной, не так ли? И все же вы не можете заполучить колонистов, да? Колслужба терпит поражение, верно? Почему?

— К черту! — Марк ощутил гнев. — Нечего меня допрашивать.

— Прошу прощения, — Майлс усмехнулся. — Я кончаю. Но вы же знаете ответ, знаете?

— Конечно, знаю, — Марк выбросил сигарету. — Я все это могу объяснить. Дело в людях. Вы можете привести лошадей к самому водопою, где бы это ни было, но вы не можете заставить лошадей пить. Вы можете предложить новый мир и новую жизнь людям, но вы не можете заставить их принять его. Колслужба терпит поражение просто потому, что люди не хотят покидать свой дом.

Он посмотрел в лицо Майлсу.

— Над чем вы смеетесь?

— Помните, что я говорил насчет леса и деревьев?

— Ну так что?

Майлс объяснил.

Командор Джелкс сидел за столом и хмуро изучал лежащие перед ним бумаги. Он беспокоился. Ему нравилась работа, он хотел сохранить ее за собой, и если ему удастся удержать в тайне фиаско на Денебе, он сохранит и работу. Однако, если Колборн уловит хотя бы намек на правду, он сменит флаг, поведет кампанию за закрытие Колслужбы, а Джелкс окажется выброшенным за борт. Единственным способом защитить свои позиции была попытка привести проект к удаче, чтобы он мог твердо стоять на своих собственных ногах. Имея крепкие колонии, основанные на дюжине планет, командор стал бы несменяемым человеком при смене правительства. Но как прийти к успеху, вот в чем вопрос.

Зазвонила селекторная связь, Джелкс нажал на кнопку и рявкнул в микрофон:

— Ну?

— Мистер Камерон просит о встрече, сэр. — Его секретарша была преисполнена уважения. — Вы примете его?

— Впустите. Вы видели капитана Марбэша?

— Нет, сэр.

— Он у меня.

Марк вошел в кабинет и закрыл за собой дверь.

— Я слышал ваш вопрос по селектору.

Он кивнул головой на дверь по направлению к кабинету секретаря.

— Вам надо бы говорить тише.

— Я не ожидал, что вы слушаете.

Джелкс говорил холодно. Он не поощрял фамильярности служащих. В особенности того, кто готовился на роль козла отпущения.

— Не беспокойтесь о Марбэше, — бодро сказал Марк. — Он не станет рассказывать о делах на Денебе.

Он сел и закурил сигарету.

— Я обдумал ультиматум, который вы мне предъявили.

— Ультиматум?

— Называйте так или иначе, — Марк махнул сигаретой. — Давайте не будем придираться к словам, командор.

Он расслабился, улыбаясь и думая о том, что Майлс объяснил ему всего несколько часов назад. Теперь, будучи разъясненной, проблема больше не существует. Вместо нее возникла другая: как заставить Джелкса понять, что его путь был ложным и что предложение Марка решит проблему.

— Хорошо, — сказал Джелкс. — Вы знаете проблему и знаете мое отношение к делу. Вы занимаетесь заявлениями, и, если вы не можете найти колонистов, будет справедливо признать, что в этом виноваты вы.

Он вытащил сигарету.

— Есть предложения?

— Множество. — Марк улыбнулся через сигаретный дым. — Фактически, я решил проблему. Я могу дать вам столько колонистов, сколько вам надо.

— Можете? Каким образом?

— Не так быстро, — обрадованно сказал Марк. — Прежде всего, командор, что такое колонист? Мужчина или женщина, готовые, желающие и имеющие волю к тому, чтобы начать новую жизнь на новой планете. Так?

Джелкс кивнул.

— Теперь почти любой будет идти в колонисты, доказывая, что обладает этими качествами. Готовность, желание и воля.

Марк опробовал на языке эти слова.

— Ныне проблема в том, что мы концентрируемся на тех, кто хочет лететь. Мы не спрашиваем, готовы ли они и есть ли у них воля, только хотят ли они переселиться. Это первая крупная ошибка. Другая в том, что мы выбрали не тот тип людей.

Он указал сигаретой на командора:

— Почему вы сами не отправитесь в колонию?

— Я? — Джелкс удивился. — Вы это серьезно?

— Да.

— Ну, во-первых, моя работа здесь. Мои друзья, дом, все во имя чего я работаю. — Джелкс был нетерпелив. — Это имеет отношение к делу?

— Очень большое. Вы не хотите покидать Землю, потому что слишком многое оставляете позади. Вполне естественно. Но разве вы не видите, что именно в этом мы совершаем ошибку? Мы просим людей отказаться от того, что они имеют, и начать с нуля. Ничего удивительного, что они не кидаются с восторгом на такое предложение. Колонии могут обращаться только к тем, кто намеревается достичь большего, чем теряет.

— Подождите минутку, — произнес Джелкс. — Если я правильно понял, ответ будет отрицательным.

— Мне говорили, что в лесу мы не видим деревьев, — произнес Марк. Он проигнорировал возражение командора. — Мы стараемся отобрать для колоний лучших людей. Естественно, лучших в нашем понимании, приличных, благополучных людей вокруг нас. Самые лучшие, если же нет, то они могут стать благополучными. Этот образ мышления переходит и на наш выбор экипировки для колонистов. Мы даем очень много, потому что подсознательно мы снабжаем их тем, что хотели бы иметь сами. В этом великодушии и заключена ошибка. То же великодушие заставляет нас эвакуировать колонии, когда они оказываются в затруднительном положении. — Он выдохнул из легких дым. — Замечательный пример того, как слепой ведет слепого.

— Это к чему-то клонится, — заметил Джелкс. — Но я предуп-

реждаю: если вы стараетесь получить от меня разрешение на нарушение правительственных рекомендаций, вы напрасно тратите время.

— Мы все напрасно тратили время, — ответил Марк. — Вам бы следовало поговорить с Марбэшом о наших замечательных, выдающихся колонистах. Здесь они могут быть удачливыми, но там они совершенно не годятся. Они отправляются в эти новые миры и не могут совладеть с ними. Они тоскуют без видео, без баров, без театров-триллеров, прыгунов, полиции и всего остального. Мы не можем их винить. Чего еще мы могли ждать? Бедняги тоскуют по дому и боятся нового окружения. Ну, и вместо того, чтобы трудиться и строить дома, фермы, поднимать семью и детей, они живут на складах, в тесноте в своих временных домиках и проводят все время в мечтах о Земле и комфорте, который оставили позади. У них есть только одна проблема — выжить, пока не вернется корабль, чтобы их эвакуировать. Не удивительно, что у них ничего не получается. Было бы чудом, если бы они смогли что-нибудь сделать.

Майлс все объяснил, и довольно осмысленно. Конечно, дело было в страхе, страхе неизвестности. Добровольцы росли в условиях; где не поощрялось самовыражение. Быть индивидуалистом — значило быть чудаком или кем-нибудь похуже. Цивилизация душила их, смягчала нескончаемой роскошью, так что когда они должны были встать на ноги, они этого не могли. Напротив, они углублялись в самих себя, скупивались в искусственных подобиях Земли, старались, по сути дела, вернуться в колыбель.

Некоторые, более сильные, выжили. Другие находили выход в самоубийстве, в то время как третьи спасались в невежестве, страхе или разрушительной ненависти. И они несли в себе сознание того, что многое потеряли, все эти игрушки и комфорт, которые не могли воссоздать. Ошибка заключалась в предложении, что успех и стабильность в одной среде автоматически будут успехом и стабильностью в другой.

Нужен был социальный инженер и группа психологов, чтобы понять это. Марк, как и Джелкс, находился слишком близко к лесу, чтобы разглядеть деревья. Он слишком сильно был вовлечен в цивилизацию, чтобы верить, что нечто иное является благом. Слишком полагался на свой собственный стандарт успеха, чтобы идти в мир, где такие стандарты не играют никакой роли.

— Я хочу, чтобы мне освободили руки, — медленно сказал он. — Хочу выбросить рекомендации правительства за борт. Дайте мне разрешение, и я гарантирую, что через шесть месяцев Колслужба добьется успеха.

— Нет, — ответил Джелкс. — Я этого не сделаю. Как только станет известно, что мы посылаем в колонии преступников, я погибну.

— Прежде чем вы окажетесь в опасном положении, — спокойно говорил Марк, — дайте мне закончить. Что такое преступник? Если коротко, то ответ таков: преступник — это некто, нарушивший закон. А кто создает законы? Не сильные — те не нуждаются в защите, а слабые. Так что у нас есть законы, создаваемые слабыми, чтобы защитить себя от сильных. Законы обо всем, что только можно, а чем больше законов, тем больше нарушителей. Мы сами создаем преступников, заметьте это, командор.

— Но колония, основанная убийцами и ворами?! — Джелкс покачал головой. — Я никогда не позволю подобного.

— Убийцы подвергаются лоботомии, — напомнил Марк. — Воры же обычно очень практичны. Но дело даже серьезнее. Как насчет тех, кто уклоняется от уплаты налогов, нарушителей правил дорожного движения, тех, кто виновен в пренебрежении мелочным запутанным законодательством? Они тоже преступники, не забывайте, и поэтому им закрыт путь в Колдслужбу. Закрыт, как и перед теми, кто живет на пособие, потому что некоторые «эксперты» считают, что они неподходящий материал для колоний. Закрыт путь и тем, у кого низкий коэффициент умственных способностей, что случается почти со всеми, у кого нет образования и хорошей работы. Получается, мы закрываем дорогу всем тем, кто больше всего может достичь и ничего не терять по сравнению с теми, кто все теряет и ничего не приобретает. Безумие? Посудите сами.

— Скажите это правительству, — заявил Джелкс. — Я не собираюсь совать голову в петлю. Если я позволю то, что вы просите, все газеты и видео, жадные до новостей, дерут с меня шкуру.

— Ваша шкура, — горько замстил Марк. — Черт возьми, это важнее, чем вы, или я, или любой охотник за голосами! Колонии должны достигнуть цели! Должны!

Он понял, что кричит, и взял себя в руки. Джелкса не интересовали грандиозные картины. Джелкс интересовался лишь одним — самим собой. Говорить ему об истории было пустой тратой времени. Он ничего не знал о Тасмании, Австралии и Северной Америке, которые когда-то использовались в качестве свалки для осужденных. Он был не способен принять концепцию, согласно которой преступные наклонности не являлись наследственными, но порождались обществом, которое устанавливало деспотическую систему, которую здоровая, упорная личность со стойким инстинктом выживания не могла избежать, не нарушив.

— Пионеры — это люди, жаждущие бегства, — ровным голосом говорил Марк. — Это люди, не удовлетворенные тем, что имеют, и желающие чего-то лучшего. Люди, которые бегут от преследования, скуки, выбивающиеся из общего тона.

— Но преступники! — Похоже, Джелкс не желал говорить об этом.

— Преступники тоже жаждут избавления, — Марк остановился, уставившись на кончик сигареты. — Так как насчет этого, командор? Вы отправляетесь в чудесное, долгое путешествие, скажем, месяцев на шесть. Здоровье у вас неважное, и вам надо отдохнуть. Дайте мне управлять Колслужбой на время вашего отсутствия. Официально вас нельзя будет винить, что бы я ни сделал. Хорошо?

— Нет.

— Очень жаль, — Марк окинул взглядом кабинет. Это было очень роскошное помещение. В нем виделся весь Джелкс. — Было бы жаль лишиться всего этого, разве нет?

— Что вы имеете в виду? — Джелкс вытянулся в своем кресле. — Вы угрожаете мне, Камерон?

— Можете и так сказать. — Марк раздавил сигарету. — Командор, я хочу, чтобы Колслужба добилась успеха, и я достиг той стадии, когда не очень беспокоятся о том, что делают. Вы можете развязать мне руки, о чем я прошу, или...

— Или что?

— Дела на Денебе тухлые, верно? Эти несчастные колонисты, умирающие, вышвырнуты на Мираб по вашему приказанию, просто чтобы вы могли сохранить контроль над проектом. Подобные вещи могут погубить ваши политические позиции, если за них правильно взяться. Это может погубить и сенатора. У вас обоих есть враги, которые будут только рады получить информацию.

Марк улыбнулся.

— Доклад свидетеля, заявление от меня и еще кое-кого.

— Марбэш? — Джелкс напрягся, подумав об этом. — Вы не осмелитесь!

— Не осмелимся? — Марк пожал плечами. — А что я теряю? Если дела будут идти и дальше так, как идут, меня посчитают бездарным, Колслужба содохнет, а я перейду на пособие. А при той возможности я найду себе хорошую работу у оппозиции.

Его голос стал твердым.

— Я говорю именно об этом, командор.

Джелкс поверил. Политическое маневрирование было приемом, которым он пользовался сам, и пользовался часто. Он нахмурился, оценивая обе стороны медали. Конечно, он сам мог воспользоваться этим оружием и опередить Марка, но тогда это означало потерю си-некуры. С другой стороны, если он будет играть и дальше и — вероятно — Марк добьется успеха, хвалить будут его. И он всегда сможет свалить вину на другого. Что касается способностей, то он не сомневался, что, если понадобится, он сможет перехитрить Марка в политической игре.

— Мне действительно необходимо путешествие, — медленно про-

изнес он. — Мои доктора советовали мне провести три месяца на курорте Полар.

— Шесть месяцев будет гораздо лучше.

— Три, — это было последнее слово Джелкса, и Марк понимал это слишком хорошо, чтобы спорить. — Но к этому времени цифры должны будут подтвердить ваши возмутительные претензии.

Он серьезно уставился на Марка.

— А теперь запомните, официально я ничего не знаю о ваших намерениях. Как человек, занимающийся заявлениями, вы несете полную ответственность за отбор. — Он вновь закурил сигарету. — А сейчас убирайтесь к черту.

— Еще кое-что. — Марк остановился около двери. — Я возьму на работу нового человека, Майлса Вэйланда. Он социальный инженер. Идет?

Джелкс с отвращением дал согласие.

Фрэнк Дарвард медленно шел из тюрьмы по улице. Заключение в тюрьме не особенно угнетало его, он даже набрал вес. Его беспокоило будущее, как рабочий — он погиб. После тюрьмы ни одна фабрика не возьмет его на работу, а если кто-нибудь и сделал бы это, то возмутились бы профсоюзы. В то время как множество честных, приличных, законопослушных граждан искало себе работу, на что мог рассчитывать бывший заключенный? Ни на что. Только на пособие или на правительственный проект. Многие предпочитали тюрьму.

Фрэнк остановился, руки в карманах, нащупывая несколько монет, которые у него остались. Его подъемник должен был быть конфискован за неуплату. Квартира потеряна по той же причине, одежда и вещи упакованы и отправлены на склад, где они будут ждать, пока он не сможет оплатить издержки. Если он будет ждать слишком долго, одежду продадут, чтобы оплатить хранение. Он почти достиг того состояния, когда жалеют себя, и тут заметил незнакомца.

Это был маленький, нездоровый, бедно одетый человек с хитрым взглядом. Он подошел к Фрэнку и подмигнул.

— Только что вышел, приятель?

— Тебе-то что?

— Ничего, — поспешно ответил человек. — Просто я думал, ты заинтересуешься.

Он протянул карточку.

— Иди в здание Колслужбы, покажи эту карточку, она стоит еды и пары кредиток, а может, и больше, — он вновь подмигнул. — Чего ты ждешь, парень? Что ты теряешь?

Это звучало логично. Фрэнк принял карточку, сунул ее в карман и зашагал к высившейся башне Колониальной Службы. Он надеялся

не на многое. Однако он уже обращался туда как колонист, но его не приняли из-за отсутствия квалификации, но, как сказал этот человек, что он терял? В любом случае, это было место, где можно было посидеть, отдохнуть и поразмыслить о будущем.

Приемная, похоже, изменилась. Исчезли пастели, мягкие глубокие кресла, сладкий запах сосны. Теперь воздух был наполнен сильными испарениями джунглей, запахами примитивной жизни. Панорамы и картины тоже изменились. Фрэнк подошел к одной из них и стал рассматривать. Движущееся, как в три-дис, изображение создавало иллюзию, что он смотрит через окно в другой мир. Это был чужой мир. Огромные, зубчатые горы возвышались вдали, буйные джунгли вырисовывались на зеленом небе, а на переднем плане что-то двигалось.

При взгляде на чудовище Фрэнк напрягся. Тварь была большой, с блестящей шкурой, зубастой и клыкастой, с когтями на лапах. Она повернулась, и Фрэнк смог разглядеть кого-то, лежащего прямо перед ней. Женщина, не расфранченная, полуголая, продукт воображения рекламщиков, но милая, здоровая, привлекательная девушка. Зверь бросился к ней, с его челюстей стекала слюна, красные глаза горели. Чудовище вытянуло когтистые лапы и чуть не схватило девушку, чтобы подтащить ее и содрать с ее костей мясо, но тут появилась другая фигура.

Это был мужчина, одетый так, как может быть одет мужчина в джунглях. Он держал ружье и, как заметил Фрэнк, опустился на одно колено, прицелился и выстрелил в мерзкую тварь. Плоть и шкура разлетелись в том месте, куда угодил разрывной снаряд, тварь заревела и забилась в предсмертной агонии, мужчина поднял девушку и погладил ее по волосам.

Фрэнк испытывал разочарование, когда сцена растворилась в вихре света, и спрятанный кинопроектор стал повторять последовательность картин..

— Лучше, чем в театрах-триллерах, — со вздохом сказала мужчине девушка у картины. Мужчина усмехнулся, его глаза сияли, когда он наблюдал за повторением эпизодов.

— Мне бы понравилось охотиться на таких тварей, — задумчиво сказал он. — Уверен, понравилось бы. — Он заколебался. — Может такое быть?

— Почему бы и нет?

Фрэнк вздохнул и оглядел комнату. Рычащая, ящероподобная тварь припала в обманной неподвижности к ложбине, украшенной необыкновенно красивыми цветами. Каждая панорама и фильм имели своих зрителей, а те, кто не мог хорошенько разглядеть их, рассматривали отпечатанные брошюры, лежащие в беспорядке на маленьких столиках по всей комнате.

Помещение явно отличалось от того, что он помнил.

Красивая белокурая девушка приняла карточку, которую ему дал незнакомец, посмотрела на нее, улыбнулась Фрэнку, как если бы знала его всю жизнь.

— Рада, что вы пришли, мистер Дарвард, — сказала Сьюзен. Она вернула карточку. — Если вы пройдете в кабинет, мистер Вэйланд примет вас. Только покажите ему эту карточку.

Майлс Вэйланд глянул из-за стола, посмотрел пристальнее и протянул руку.

— Я тебя знаю, — сказал он, покопавшись в своей памяти. — Ты тот самый человек, которого оглушила полиция в салуне несколько недель назад. Помнишь? Мы вместе пили.

— Помню. — Фрэнк сел на предложенный стул, принял сигарету и оглядел кабинет. — Вы говорили о гибели цивилизации. — Он усмехнулся. — Вы все еще думаете, что она погибла?

— Теперь нет. — Майлс протянул руку: — Ты должен что-то дать мне?

Фрэнк протянул карточку. Майлс осмотрел ее, проштамповал и бросил в ящик.

— Наши агенты получают полкредитки за каждого человека, которого к нам посылают, — объяснил он. — Они поджидают у ворот тюрем, в конторах по получению пособий и везде, где могут быть для нас полезны.

— Он говорил что-то насчет еды и пары кредиток, — напомнил Фрэнк. — Он был прав?

— Мы можем дать тебе больше, — пообещал Майлс. — Работу, новую жизнь в новом мире. Выбирай.

— Я бы взял работу, — произнес Фрэнк. — Меня отвергли как колониста. Я уже пытался обратиться сюда, но бесполезно. Нет квалификации, — объяснил он. — А теперь у меня еще и тюрьма в прошлом.

— Все изменилось.

Майлс посмотрел на часы.

— Пойдем на ленч. Мы сможем поговорить во время еды.

Еда была вкусной, выпивка еще лучше, и Фрэнк расслабился, в то время как Майлс объяснял ему новую политику.

— Теперь путешествие совершается в один конец, — сообщил он. — Колслужба больше не играет. Мы отправляем тебя, снабжаем всем, что тебе пригодится, а остальное за тобой.

Он махнул сигаретой.

— Фактически мы устанавливаем в партии переселенцев определенный баланс: несколько техников, чтобы справиться с энергетическими установками, врачи, чтобы обеспечить медицинское обслуживание, некоторые другие подобные люди. Мы даже снабжаем вас грудой гипнопленок и учителем, чтобы каждый мог учиться, если почувствует к этому склонность. Но большинство колонистов —

обычные мужчины и женщины, которые занимались примитивной работой и которые хотят начать все с начала.

— Без возвращения, — задумчиво сказал Фрэнк. — Разве это хорошо?

— Это единственный путь. Если они принимают идею, что не вернутся, они забудут о тоске по дому. Они не будут сидеть, как старухи, и мечтать о Земле, о жизни, что оставили там. Они затянут пояса и сделают все, что надо.

Майлс усмехнулся.

— И еще одна вещь. Сначала мы отправляем мужчин, потом женщин. В новых колониях нужно, чтобы мужчины сначала все осмотрели и кое-что сделали. И мы устанавливаем плату за перевозку.

— Плату? — Фрэнк резко привстал со своего стула. — Это для меня невозможно.

— Это возможно для всех, — Майлс стал серьезен. — Люди не ценят то, что получают даром. Плата номинальная, и мы позволяем тем, у кого нет денег, отработать какое-то время либо пропагандистами, либо уборщиками. Вся проблема в людях. Если они действительно искренни в своем желании, они не изменят свое решение из-за ничтожной платы. Если они займутся отработкой, они получают время для размышлений.

— Как в фильме, — сказал Фрэнк. Он начал понимать. — Фильм в приемной. Делайте новый мир жестким и возбуждающим, и это привлечет уйму людей. Так?

— Конечно. Старый способ был неверным. Колонистам не нужны няньки, тем колонистам, которых мы ищем. Предлагать им то, что они уже имеют, — напрасная трата времени. Предложите им нечто новое, и они ухватятся за предложение.

Он взглянул на Фрэнка.

— Ну, а как насчет тебя?

— Не знаю, — медленно ответил Фрэнк. — Просто не знаю.

— Ты придешь, — с оптимизмом заявил Майлс. — Просто подумай, и ты увидишь, что тебе ничего другого не остается.

Фрэнк не ответил. Он думал, вспоминая все, о чем мог бы жалеть, если бы отправился в колонию, полностью новый старт, который бы он совершил, абсолютно новый стиль жизни. Нет воды в доме, нет видео, нет прыгунов, баров, три-дис, чистых, высоких зданий, шумной городской жизни. Вместо этого появятся джунгли и горы, дикая природа. Будет ли он жалеть о выборе? И если будет, нанесет ли ему вред то, что он никогда не сможет вернуться? Фрэнк, как и все люди его возраста в эту эпоху, был защищен от необходимости принятия сложного решения. Правила и регуляция руководили его жизнью с колыбели и будут руководить до самой могилы. Теперь, когда он столкнулся с необходимостью принять решение, он не мог это сделать.

Майлс, наблюдавший за ним сквозь сигаретный дым, догадался, что происходит в его сознании.

— Забудь, — резко произнес он. — Не беспокойся. Просто поработай на нас.

— Работать?

— Ну да.

Майлс протянул связку карточек, похожих на ту, что Фрэнк получил у ворот тюрьмы.

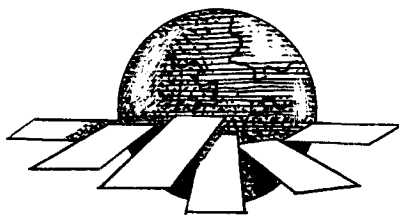
— Возьми, подпиши на обратной стороне и раздавай тем, кто, потвоему, может заинтересоваться нашим предложением. Полкредитки за каждого, кто придет к нам, плюс десять кредиток в неделю. Идет?

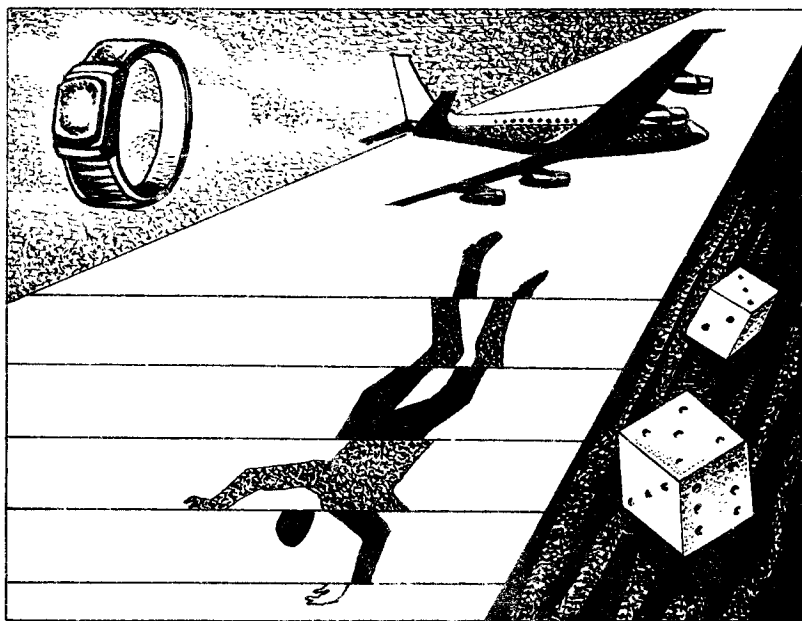
Фрэнк кивнул, взял карточки и вышел из ресторана. Майлс посмотрел ему вслед и улыбнулся, зная, что последует за этим.

Фрэнк отправится к отбросам города, он встретится с неудачником, с жалкой женщиной, живущей на пособие или на грани закона. Он испытает ужасное разочарование в современной цивилизации, голод, когда магазины завалены продуктами, соблазн от роскоши богачей. Он будет страдать от высокомерия власти, узнает горечь от нищеты и гнев от беспомощности. Его будут рвать крысы от цивилизованной экономики, и неожиданно он поймет, что все это ему не нужно.

Не нужно, пока есть новые миры, ждущие заселения. Миры, где мужчины и женщины смогут впервые в своей жизни стать свободными. И когда он поймет это, он вернется в Колслужбу и будет упрашивать отправить его туда.

Чем и докажет наличие у него здравого смысла.

Эдвин Табб

ПЯТЬДЕСЯТ СЕМЬ СЕКУНД

С практической точки зрения это было очень удачным изобретением, и все им пользовались. Под всеми в данном случае имеются в виду Особые Люди, богачи, представители высших слоев общества. Иногда они спускались вниз, чтобы ознакомиться с той забавной и необычной цивилизацией, царившей здесь, и чтобы почувствовать себя акулой среди мелкой рыбешки.

Особые Люди представляли собой «сливки» межгалактического мира. Оберегаемые и защищенные передовой наукой, они наблюдали жизнь аборигенов, старательно скрывая свое происхождение. Но со всяким может произойти несчастный случай, даже со сверхчеловеком. Впрочем, вероятность этого была так ничтожна, что никто не принимал ее во внимание. Разве что случится нечто совершенно непредсказуемое.

Например, лопнул стальной трос, на котором подвешена строительная люлька в двадцати метрах от земли. Люлька упала, но не

причинила никакого вреда. Лопнул трос, освободившись от нагрузки, описал нижним концом непредсказуемую траекторию. Вероятность попадания его в конкретную точку была ничтожна. Но именно это и произошло. Он удара тросом череп раскололся, а мозги превратились в кашу. Автоматический датчик опасности, помещенный хирургическим путем под кожу жертвы, послал сигнал о помощи. Сигнал получили друзья. А труп отправили к Фрэнку Уэстону.

Фрэнк Уэстон был ходячим анахронизмом. Трудно себе представить, чтобы при таком развитии медицины человек мог смириться с хромотой. Он хромотал вот уже двадцать восемь лет. И еще труднее себе представить, чтобы у человека при такой хромоте, в данном случае у Фрэнка Уэстона, было лицо настоящего ангела. Но если он и был похож на ангела, то на падшего. Мертвым, конечно, было все равно, но родственникам умерших Фрэнк доставлял немало страданий. Матери девушки, покончившей с собой, он мог сказать, что ее дочь была беременна. А безутешному отцу, что его дочь умерла от венерической болезни. Никто никогда не сделал попытки проверить правдивость его утверждений. А если бы и проверили Фрэнку было все равно. В конце концов, он не врач, а санитар из морга.

Фрэнк безучастно исследовал только что доставленный труп, лицо которого было обезображено до неузнаваемости. Кровь подпортила костюм, но и так было видно — очень дорогой. Денег в бумажнике почти не было, вместо них лежала пачка кредитных карточек. Из карманов Фрэнк извлек немного мелочи, с руки снял часы, а с галстука булавку. Все это он складывал в конверт. Но потом увидел на руке трупа кольцо и прекратил свое занятие.

Человек, занимающий должность, подобную той, что занимал Фрэнк, и не страдающий избытком совести, может взять себе понравившуюся вещь. Фрэнк не знал, что такое совесть. Он решил, что кольцо могло пропасть еще до того, как труп попал в его руки. Кисть была залита кровью, поэтому вряд ли кто заметил это кольцо раньше. А если кто и заметил, вряд ли что-нибудь докажет. Фрэнк решил снять кольцо, даже если для этого придется сломать трупу палец. Мало ли что может произойти при несчастном случае.

Спустя два часа за трупом явились двое мужчин. Хорошо одетые, с решительными лицами. Погибший работал вместе с ними. Они сказали Фрэнку, где произошел несчастный случай, описали, во что была одета жертва, и сообщили другие необходимые в таких случаях подробности. Они заявили, что немедленно заберут труп.

Один из них, пристально посмотрев на Фрэнка, спросил:

— Здесь все, что у него было?

— Разумеется, — ответил Фрэнк. — Все его личные вещи лежат в конверте. Распишитесь здесь и забирайте своего приятеля.

— Минуточку. — Пришедшие обменялись взглядами. — У наше-

го друга было кольцо. Вот такое. — Говорящий протянул руку. — Кольцо из белого металла с камнем. Верните его.

— У меня нет никакого кольца, — грубо ответил Фрэнк. — Я его в глаза не видел. Когда его привезли, кольца не было.

Мужчины вновь переглянулись.

— Кольцо не представляет ценности, — сказал один из них, — но оно дорого нам как память. Мы заплатим за него сто долларов. И никаких вопросов.

— А мне до этого какое дело? — холодно ответил Фрэнк. Он ощущал садистское удовольствие, беседуя с незнакомцами. Он чувствовал, что доставляет этим людям страдание, хотя и не понимал почему. — Ну что, подписываете или нет?

Взяв в руку скальпель, он крикнул:

— Если думаете, что кольцо украл я, заявляйте в полицию! Давайте отсюда!

Воспользовавшись свободным временем, Фрэнк рассмотрел свою добычу. Он пошел в бар и уселся в углу, за свой любимый столик. Чтобы никто не видел, чем он занимается, он развернул газету и неторопливо достал кольцо. Само кольцо, широкое и толстое, имело сбоку небольшой бугорок, который можно было надавить пальцем. Камень был матовым и плоским, очевидно, какая-то дешевая подделка. А металл, из которого было сделано кольцо, покрыт никелем. Да за сто долларов можно купить дюжину таких колец!

Но почему у человека в таком дорогом костюме было такое дешевое кольцо?

Труп просто источал богатство. Принадлежавшие ему портсигар и зажигалка были из платины и инкрустированы драгоценными камнями. Фрэнку и в голову не пришло прикарманить их. Это дело опасное. Кредитные карточки лишний раз подтверждают, что их бывший владелец ни в чем не нуждался. Так зачем столь богатому человеку эта дешевка?

Подняв глаза, Фрэнк рассеянно осмотрел бар. За соседним столиком трое мужчин пили кофе. Один из них выпрямился, встал, потянулся и направился к двери.

Нахмурившись, Фрэнк перевел взгляд на кольцо. Ему не давала покоя мысль, с какой стати ему предлагали сто долларов за никчемную вещь. Он потрогал пальцем выступ на кольце, а затем нажал на него пальцем.

Ничего не случилось.

Единственное, что произошло, — человек, направлявшийся к двери, вновь сидел за столом. Теперь он выпрямился, встал, потянулся и направился к двери. Фрэнк снова нажал на выступ кольца, считая про себя. Прошло пятьдесят семь секунд, и человек вновь оказался за столом. Он выпрямился, встал, потянулся и направился к двери. На этот раз Фрэнк дал ему уйти.

Теперь он понял, что попало ему в руки.

Он откинулся на спинку стула. Фрэнк ничего не знал об Особых Людах, и, хоть он и был садистом, дураком назвать его было нельзя. Конечно, он понял, что должен сохранить свое приобретение. И что ему всегда следует иметь кольцо при себе. И форма кольца именно такова, чтобы им можно было воспользоваться в нужный момент. Да и что может быть удобнее в таком деле, чем небольшое кольцо.

Удача — это нужное сочетание благоприятных обстоятельств. Но зачем удача человеку, который знает, что может произойти в течение ближайших пятидесяти семи секунд? Почти минута. Немного, но...

Нет, совсем немало. Попробуй задержать дыхание на это время, подумал Фрэнк. Или засунуть руку в раскаленную духовку, хотя бы на несколько секунд. За одну минуту можно пройти сто метров, пробсжать четыреста. За столь короткий промежуток времени можно что-нибудь придумать, можно умереть, можно жениться. За пятьдесят семь секунд можно много чего сделать.

Скажем, перевернуть карту, узнать, сколько очков выпадет на игральных костях. С этого момента Фрэнк стал непобедимым чемпионом азартных игр.

Он подставил свое тело струйкам душа. Повернув кран, он затаил дыхание — вода была ледяная. Все тело покрылось гусиной кожей. Холодный душ зимой, когда нет возможности вымыться горячей водой, — это наказание, но если делаешь это по собственному желанию, — это приятное упражнение. Он снова включил горячую воду и через несколько минут вышел из душа, завернувшись в махровую простыню.

— Ты еще долго, Фрэнк?

Женский голос с типичным выговором аристократических слоев общества. Эта леди Джейн Смит-Коннорс была необычной, богатой и нетерпеливой.

— Минутку, дорогая, — сказал Фрэнк, бросив полотенце на пол. Улыбаясь, он посмотрел на себя в зеркало. Деньги сделали его богатым, позволили изысканно одеваться, изменить свои вкусы и даже акцент. Он продолжал оставаться падшим ангелом, но теперь его сложенные крылья блестели золотом.

— Фрэнк!

— Иду!

Фрэнк стиснул зубы так, что стало больно. Стерва! Она стала жертвой его привлекательности и репутации, а теперь станет жертвой своего любопытства. Но спешить было некуда. Ведь и паук всегда ждет, пока муха окончательно не запутается в его паутине.

Накинув шелковый халат, он побрызгал на себя дезодорантом. Теперь племенной бык был почти готов к действию.

Отодвинув занавесочку на окошке ванной комнаты, он посмотрел в ночь. Далеко внизу мелькали огоньки автомобилей. Лондон — прекрасный город. Англия — прекрасная страна. Особенно Лондон нравился игрокам, ведь здесь не надо было платить налоги с выигрыша, а играли по-крупному.

Дело было не только в деньгах, которые притягивают только плебеев. Фрэнк получил возможность вращаться среди людей, вершащих судьбы других.

Лондон. Город, который исключительно нравится Особым Людям.

— Фрэнк!

Нетерпение. Недовольство. Надменность. Дама хочет, чтобы ей занялись.

Она была высокая и угловатая, словно школьница-переросток, которая все еще должна ходить в форме какого-нибудь престижного колледжа. Но первое впечатление всегда обманчиво. Многие поколения браков в узком кругу привели не только к определенному распределению мяса на костях. Они стали причиной извращенного сознания и неутолимых желаний. С медицинской точки зрения ее нельзя было считать нормальной, но людей ее класса никогда не называли «сумасшедшими». Их считали «эксцентричными». Никто не говорил, что они «невыносимы», а только «своеобразны». Никто не считал их жестокими. Их называли «забавными».

Фрэнк протянул руки и надавил большими пальцами на глаза женщине. Леди Смит-Коннорс от невыносимой боли скорчилась. Фрэнк нажал сильнее, и женщина закричала от страха потерять зрение. Про себя Фрэнк считал секунды. Пятьдесят один, пятьдесят два...

Он отпустил женщину, чтобы нажать на кольцо.

— Фрэнк!

Он снова обнял ее. Его сердце билось от того, что он заставил ее страдать. Фрэнк решительно поцеловал ее и слегка прикусил губы зубами. Умелыми движениями он раздел женщину. Он укусил ее сильнее и заметил, как напряглось ее тело.

— Перестань! — резко сказала она. — Мне это не нравится!

Фрэнк дал ей передохнуть. И снова нажал на кольцо, одновременно выключив свет. Оказавшись в темноте, она высвободилась из его объятий.

— Мне не нравится заниматься этим без света. Разве ты такой же, как все? — недовольно произнесла она.

Осталось еще двадцать секунд, достаточно еще для одного эксперимента. Он провел руками по ее телу, и она вздохнула от удовольствия.

Фрэнк нажал на кольцо.

— Фрэнк!

Он обнял ее, не пытаясь укусить. Одежды Смит-Коннорс упали

на пол, и ее кожа заблестела при свете, как перламутровая. Фрэнк смотрел на нее, откровенно восхищаясь красотой обнаженного тела, а затем провел по лицу руками так, чтобы доставить ей удовольствие. Закрыв глаза, она впилась ногтями ему в спину.

— Скажи мне что-нибудь, — умоляюще произнесла она. — Скажи!

Фрэнк принялся считать секунды.

Позже, когда она спала удовлетворенным сном, Фрэнк сидел в кресле с сигаретой и размышлял. Он был доволен собой. Он был великолепным любовником. Он говорил и делал именно то, что ей хотелось, и в таком порядке, как ей хотелось. Но кроме этого — и это самое главное, — он не ждал, когда она об этом его попросит. Фрэнк был идеальным исполнителем желаний женщины, эхом ее потребностей. Все логично. У него было время исследовать, экспериментировать и стирать ошибки. Так что вполне логично, что он был идеальным любовником.

Повернувшись, Фрэнк посмотрел на спящую женщину. Он воспринимал ее не как существо из плоти и крови, а как еще одну ступеньку к вершине. Он уже преодолел немалый путь, но был намерен идти до конца.

Женщина вздохнула, открыла глаза и посмотрела на классическое лицо Фрэнка.

— Фрэнк! Дорогой!

Фрэнк сказал ей то, что ей хотелось услышать.

Она снова вздохнула.

— Увидимся сегодня вечером?

— Нет.

— Фрэнк! — ревниво воскликнула она. — Почему? Ты ведь говорил...

— Я помню, что я сказал, и исполню свое обещание, — перебил он ее. — Но мне нужно в Нью-Йорк. Деловая поездка, — добавил он. — В конце концов, мне надо зарабатывать на жизнь.

Она заглотила наживку.

— Не беспокойся насчет этого. Я поговорю с папой...

Фрэнк поцеловал ее.

— Мне все равно надо в Нью-Йорк. — Под простыней его руки сделали то, что ей хотелось. — И когда вернусь...

— Я разведусь, и мы поженимся...

У нее вся жизнь праздник, подумал Фрэнк. За окном занимался новый день.

«Летим со мной» — призывала рекламная песенка авиакомпании. Новый «комет» был похож на блестящую птицу. В салоне было достаточно длинноногих стюардесс с огромными глазами, словно говоривших: «можешь любоваться моей красотой, но трогать руками категорически запрещено». Из трехсот восьмидесяти шести пассажи-

ров только восемнадцать летели первым классом. Так что в салоне было много места, что порадовало Фрэнка.

Он чувствовал себя усталым. Эта ночь отняла у него все силы, и только теперь он мог расслабиться в удобном кресле, слушая, как режут мощные двигатели, перемещающие самолет в пространстве с огромной скоростью. Скоро Лондон исчез из виду, и под самолетом теперь лежало ватное одеяло облаков. Впереди на фоне лазурного неба сияло солнце.

Фрэнк почувствовал удовлетворение. Почему? Да просто потому, что ему нравилось путешествовать, и потому, что это было средством разжечь страсть женщины, оставшейся в Лондоне. Ее желание выйти за него замуж только усилился. И к тому же его возбуждало ощущение полета. Ему нравилось смотреть вниз и знать, что под ногами простирается огромное пространство. Чувствовать страх высоты с ощущением полной безопасности полета. Да высоты совсем и не чувствовалось. Стоило только посмотреть вперед и представить, что ты в вагоне поезда.

Он расстегнул ремень безопасности, вытянул ноги и посмотрел в иллюминатор, когда из динамика раздался голос капитана и сообщил, что они летят на высоте десять тысяч метров со скоростью девятьсот километров в час.

В иллюминатор не было видно ничего особенного. Небо, облака внизу, оконечность крыла. Ничего интересного. Белокурая стюардесса, шедшая по проходу, покачивая бедрами, даже и не смотрела в сторону окна. Заметив на себе взгляд Фрэнка, она тут же подошла к привлекательному мужчине. Спросила, удобно ли ему, не нужна ли подушка, газета, журнал или что-нибудь выпить...

— Бренди, — попросил Фрэнк. — С содовой и со льдом.

Он сидел у самой стены, и, чтобы подойти к нему, стюардесса должна была выйти из прохода на шаг.левой рукой Фрэнк погладил ей коленку, затем провел рукой вверх по бедру, забираясь под юбку. Он почувствовал, как напряглось ее тело, и увидел изумление на ее лице. Протянув руку, Фрэнк схватил ее за горло, сжав пальцы изо всех сил. Лицо блондинки налилось кровью, глаза вылезли из орбит. Поднос упал, и бренди разлилось. Стюардесса пыталась вырваться.

Мысленно Фрэнк считал секунды... пятьдесят два... три... пятьдесят четыре...

Он нажал на кольцо.

На откидном столике вновь стоял поднос. Из маленькой бутылочки стюардесса наливала бренди. Улыбнувшись, она открыла содовую воду и спросила:

— Сколько вам?

— До краев, — ответил Фрэнк. Она наполнила бокал, Фрэнк бросил на нее взгляд и вспомнил, какой гладкой была ее нога. Знала

ли эта девушка, что он чуть не убил ее? Могла ли она вспомнить о случившемся?

Фрэнк решил, что нет. Стюардесса отошла от него. В ее голове не осталось никаких воспоминаний. Она помнила только то, что принесла бокал с бренди.

Фрэнк задумчиво смотрел на кольцо. Нажимая на выступ кольца, он возвращал время на пятьдесят семь секунд. Все, что происходило за это время, исчезало навсегда. Он мог убивать, грабить, насилловать, но не испытывать никаких последствий, потому что этого на самом деле не происходило. Но запомнилось. Как он мог помнить то, что не произошло?

Например, со стюардессой: он вспомнил, какая у нее мягкая кожа и какос податливое горло. Он мог вырвать ей глаза, заставить визжать от боли, изуродовать ей лицо. Ему уже не раз случалось делать подобное. Его садизм искал выхода. Ничто не доставляло ему такого удовольствия, как чужая боль. Он даже убивал. Конечно, что такое убийство, если ты можешь повернуть время обратно? Если ты можешь видеть, как труп снова открывает глаза и улыбается.

Самолет слегка тряхнуло. Из динамика раздался спокойный голос командира корабля:

— Пожалуйста, застегните ремни, мы выходим в зону турбулентности. Возможно, вы увидите вспышки молний, но не беспокойтесь, мы пролетим над грозой.

Фрэнк не удостоил вниманием указания летчика, продолжая рассматривать кольцо. Отполированный камень вдруг показался ему похожим на глаз, зловеще глядящий на него. Фрэнк раздраженно допил бренди. Это кольцо всего лишь машина времени.

Блондинка прошла рядом и, увидев, что он не пристегнулся, посоветовала ему сделать это. Фрэнк отмахнулся от стюардессы, подержал в руках замки ремней и снова бросил их. Зачем ему эти ремни? Нахмурившись, Фрэнк откинулся в кресле. Он размышлял.

Что такое время? Одна линия? Или она разветвляется? Может, нажимая на кольцо, он каждый раз создавал параллельные миры? Возможно, в одном из таких миров он тоже напал на стюардессу и был арестован. Но ведь он напал на нее только потому, что мог стереть это. Без кольца ему бы и в голову такое не пришло. А кольцо позволяло вернуться назад и избежать последствий. Значит, его теория о параллельных мирах ошибочна. Что же это в таком случае?

Он не знал, да и не стремился особенно ответить на этот вопрос. У него есть кольцо, и этого достаточно. Кольцо, за которое ему предложили сто долларов.

Что-то ударило в самолет. Фрэнк услышал скрежет металла, и мощный поток воздуха вырвал его из кресла, швырнул в пространство. Падая, Фрэнк почувствовал, что в легких нет воздуха. Фрэнк попытался сообразить, что произошло. Тело заледенело. Перевер-

нувшись, Фрэнк увидел самолет с оторванным крылом, падающий с высоты в семь тысяч метров.

Несчастный случай, не веря, подумал он. Молния, метеорит, дефект конструкции. Когда в потолке самолета образовалась дыра, его выбросило из кресла из-за разгерметизации. И теперь Фрэнк падал. Падал!

Судорожным движением Фрэнк нажал на выступ кольца.

— Пожалуйста, мистер Уэстон, — сказала ему стюардесса, — пристегните ремни. Не вставайте. Или вы хотите... — Она посмотрела в сторону туалета.

— Послушайте! — крикнул Фрэнк, хватая ее за руку. — Скажите пилоту, чтобы немедленно изменил курс! Немедленно!

Фрэнк надеялся, что таким образом они смогут избежать попадания метеорита в самолет. Если они изменят курс, катастрофы не произойдет. Но действовать надо было быстро. Очень быстро!

— Быстрее! — кричал он, направляясь к кабине. За ним бежала стюардесса.

— Чрезвычайная ситуация! — заорал Фрэнк. — Пусть пилот немедленно изменит курс!

Что-то ударило в самолет. В потолке образовалась щель, и самолет начал расползаться, как банановая кожура. Блондинка исчезла. Воздух со свистом покинул самолет. Фрэнк уцепился за кресло, но исполинская сила оторвала его и швырнула в пространство. И снова он падал вниз.

— Нет! — кричал он, обезумев от страха. — О, Боже! Нет!

Он нажал на кольцо.

— Мистер Уэстон, я настаиваю, чтобы вы пристегнулись. Разрешите, я вам помогу.

Фрэнк вскочил на ноги, и стюардесса испуганно отшатнулась.

— Это очень важно, — начал он, стараясь сохранять спокойствие. — Через минуту здесь произойдет взрыв. Понимаете? Если пилот не изменит курс, мы все погибнем.

Почему эта дура не верит ему? Сколько раз ей можно повторять?

— Идиотка! В сторону!

Оттолкнув ее, Фрэнк помчался к кабине летчиков. Споткнувшись, он упал на пол.

— Измените курс! — закричал он. — Ради Бога, измените курс!

Что-то ударило в самолет. Опять раздался страшный скрежет, и невидимая сила потянула его из самолета. Он ударился головой и очнулся только, когда облака остались вверху. Нажав на кольцо, он обнаружил, что еще парит в воздухе, задыхаясь от недостатка кислорода. Недалеко от него висели обломки самолета. Возле покореженного корпуса летали изувеченные тела. Одно из них принадлежало стюардессе.

Фрэнк снова пролетел облака. Внизу блестела водная гладь океа-

на. От страха у Фрэнка помутилось в голове. Он представил, что будет с ним, когда он с такой скоростью ударится о воду. И решил бороться за жизнь до конца. Судорожно нажав выступ кольца, он оказался чуть выше, но все равно продолжал падать.

Пятьдесят семь секунд непрерывного ада.

Еще раз.

Еще раз.

Еще раз.

Еще и еще раз, потому что иначе он разобьется, ударившись о воду, как о бетонную плиту.

Марк Клифтон

НАГРАДА ЗА ДОБЛЕСТЬ

Нос корабля всё ещё нацелен в сторону от Марса. Вокруг нас только чернота и пустота космоса. Мы направляемся к звездам — на старом корабле — развалюхе, вряд ли способном побороть легкое притяжение. Настанет момент, когда нос дрогнет, ляжет параллельно поверхности и повернется вниз. Гравитация победит. Мы помчимся обратно на Марс... Быстрее... и быстрее... и быстрее...

— Мне нужен обратный билет в Марсопорт, — сказал я пожилому человеку — управляющему факторией. Старый Сэм посмотрел на меня так, как смотрят сельские жители, подчеркнуто равнодушно, и неторопливо вышел из-за прилавка.

Чтобы показать еще больше, до чего все это ему не интересно, он остановился у горы консервированных окороков рядом с кондитерской стойкой, где под стеклом были выставлены мятные палочки и круглые лимонные леденцы.

Я подошел к нему и вытащил из внутреннего кармана свое правительственное удостоверение. Он изучил его, не дотрагиваясь до него, и вновь посмотрел на меня. Потом равнодушно подошел к открытому дверному проему и сплюнул темную табачную жвачку в открытый двор.

Ближайшие пятна лишайника на поверхности высунули усики, чтобы спрятать корешки во влаге, пока она не испарилась в разряженной, сухой атмосфере. Он вновь вернулся назад за конторку, по-прежнему не торопясь, и подошел к перегородке. Он вошел в дверь в перегородке и встал за окошечком с табличкой: «Транзитная система Слэг-Хиллс».

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — спросил он через окошечко, как будто не видел меня раньше.

— Да, — ответил я. — Я сказал, что хочу получить правительственный билет до Марспорта.

— Вы хотите сказать, что желаете лететь бесплатно? — Он смотрел на меня водянисто-желтыми глазами и провел рукой по рыжеватым, поседевшим волосам.

— Вы получите ваши деньги, — ответил я несколько резко. — Правительство оплатит билет. Вы должны это знать. Я не первый инспектор, который был здесь.

— Конечно, я это знаю, — заявил он. — Я знаю, мне придется неделями ждать своих денег, может быть, месяцами. Между тем вас обслуживают сегодня. Всегда так, когда дело касается правительства, — проворчал он, обращаясь к самому себе. — Они считают, что человек должен прыгать, если правительство щелкнет пальцами, и может подождать того, что ему причитается.

— Оказывается, вы хотите получить за бесплатно полное обслуживание, — прокомментировал он. — Всегда так. То, что им должны платить, давать то, что они получают, и мириться с этим. Но ведь то, что они получают за ничто, может быть специфически...

— Но нет ничего специфического в желании знать, когда я смогу отсюда выбраться, — запальчиво начал я. Но потом сдержался. «Осторожнее, парень, — сказал я самому себе, — правительство и без того непопулярно, чтобы ты еще добавил обид».

— Я хочу сказать, — поправился я, — что получу взбучку от правительства, если не вернусь в Марспорт вовремя.

— А я думал, что вы член правительства, — сказал он и опять внимательно посмотрел на меня.

— Я только работаю на них, — ответил я. — Это доставляет мне не больше удовольствия, чем вам.

«Этим и половины на сказано, братец. Ты никогда не узнаешь».

— Представляю, — серьезно ответил он. — Ладно, мои ребята сказали, что вы были не столь надоедливы, как большинство инспекторов. Будем считать так. Плохо, конечно, что ты работаешь на пра-

вительство, сынок. Ты мог бы быть почти человеком, несмотря на то, что родился на Земле.

— Я не просил этой работы, — произнес я. — Я был призван на нее. Люди на Земле любят правительство не больше вашего. Ему никогда не хватит служащих, если оно не будет призывать их.

— Вы хотите сказать, что на Земле все еще остались порядочные люди? С давних пор, с того времени, как меня здесь посещают, я привык думать, что все жители Земли — члены правительства и живут за счет нас, колонистов.

Когда я не ответил, он оборвал беседу и ушел в глубь билетной кассы. Его длинный и грязный ноготь заскользил по запачканному расписанию, потом он вернулся к окошку, у которого ждал я.

— Следующий рейс сегодня, — произнес он. — У нас не было кораблей почти неделю. Угу, должен быть сегодня... или завтра... или послезавтра, это уж точно. У нас конечная, и если никто сюда не летит, они никогда не совершают весь маршрут. Все зависит от того, кто ведет корабль. Один из них — обычный бродяга, и вы можете ожидать его только тогда, когда его увидите. Если в рейсе Макнаб, можете точно рассчитывать на него — сегодня.

Так просто и легко была решена моя судьба. Макнаб — причина моей смерти — и восстановление моей жизни. Ты неправильно воспитал нас, дед. Ты учил нас, что честь и правда важны. Ты учил нас искать их и никогда не останавливаться в своих поисках. Понял ли ты когда-нибудь, дедушка, как старомоден ты был? Как редки они теперь? Как одинок может быть человек, который не может примириться с меньшим? Может, ты понял, потому что это ужасно — найти все это... после всех мест на старом корабле бродяги.

— А что же такого особенного в Макнабе? — поинтересовался я.

— Как наемный управляющий компании «Слэг-Хиллс» я не имею привычки сплетничать о своих служащих, — с упреком сказал он. — В любом случае, я закрою кассу до последнего раза.

Он опустил на окошко проволочную решетку и запер ее. Вышел из-за черной двери клетушки и подошел к стойке, где были свалены комбинезоны и респираторы.

— Я слышал, кассир говорил вам о Макнабе, — произнес он без всякого намека на улыбку.

Я заколебался. Я не мог сказать, то ли старик был навеселе, то ли подшучивал надо мной. Я воспринял эти слова серьезно.

— Я слышал, он особенный человек, — произнес я.

— Тебе ведь много лет, так, сынок? — спросил он. — Ну тогда, я полагаю, ты еще не родился, когда Макнаб был лучшим космическим пилотом в Солнечной системе.

— Странно, — серьезно сказал я. — Если он был таким челове-

ком, как вы говорите, я читал что-нибудь о нем где-нибудь... учил о нем в школе...

— У него не было счастливых возможностей, — пояснил старый торговец. — Помню, он провел два года в полете на двухместном корабле на Сатурн и обратно. Навигатор, с которым он отправился в путь, был сумасшедшим — одним из этих скрытых сумасшедших, — и Макнаб не знал об этом, пока их не стукнуло в середине колец Сатурна. Двенадцать дней без всякой помощи с сумасшедшим на руках Макнаб вел корабль через обломки, пока не смог опуститься достаточно низко, чтобы развернуться и выбраться оттуда. На ручном управлении. В их времена не было автоматической защиты от метеоритов.

— Вот это да! — охнул я. — Настоящий подвиг.

— Самый мужественный и выдающийся поступок, который когда-либо совершал человек, и это понимает каждый, кто знает кольца Сатурна, — согласился он.

— Но я никогда не встречал каких-либо упоминаний об этом.

— Угу, — сухо ответил Сэм. — Ты никогда не встречал упоминаний об этом. С изувеченным кораблем и помешанным он вернулся на Землю. Два года нескончаемого, сверхчеловеческого напряжения. О нем было упомянуто в одном параграфе на тридцатой странице газеты.

— Но почему? — в замешательстве спросил я.

— Так получилось, что в это самое время молодая жена Всемирного Президента попала в скандал — скандал скандалов.

Сэм весело посмеялся своим воспоминаниям.

— Большинство газет принадлежали оппозициям, и скандал не удавалось замять. Макнаб приземлился в тот день, когда были обнародованы новости. Как я говорил, ему была посвящена одна строчка на тридцать четвертой странице.

Он подошел к дверному проему и вновь сплюнул жеванный табак.

— Чтобы не беспокоиться о посадках в правом углу двора, — пояснил он. — Обычно ветер против меня. Здесь, на Марсе, у нас разреженный воздух, и конечно, он движется вокруг достаточно сильно.

Я ждал.

— Так вот, о Макнабе, — подвел он итог. — В другой раз он в одиночку изгнал целую банду с Каллисто. Поставил решающую подпись на торговом договоре с Землей. Открыл целый спутник для торговли. Алмазы величиной с твой кулак. Уже одного этого было достаточно, чтоб сделать его знаменитым на всю жизнь.

Об алмазах с Каллисто я знал. Я мог согласиться с ним.

— Только на этот раз отрезал палец сын промышленника по производству солений. Игрушечным ножичком или чем-то еще. Магнат увидел в этом шанс получить великолепную рекламу. Он потратил пару миллионов на отрубленный палец этого мальчика. Миллионы,

оставленные в нужных местах, для парней, которые решают, о чем печатать и как все это изображать, чтобы привлечь наибольшее внимание, сынок.

— Вся Земля жила от часу к часу, ожидая отчетов врачей о том, как идут дела. Не будет ли инфекции? Не придется ли отнять всю руку? — Сэма передернуло от отвращения. — Объединенная сессия Всемирного Конгресса провела дискуссию, нужно ли менять бинты или нет. Ты всегда найдешь политиканов там, где можно получить рекламу, сынок. Промышленник открыл тридцать семь новых фабрик и все еще не мог справиться с требованием на свою продукцию. Он сделал на этом миллиард.

Мог ли старик разыгрывать меня? Я усомнился. Здесь наблюдались искренность, честное негодование. И к тому же я хорошо знал, что мера героизма определяется возможностью распространения новостей в пространстве или кем-нибудь, думающим, что настало время заставить людей волноваться о чем-либо.

Мне не требовался вывод старого торговца, но он сделал его.

— Макнаб приземлился в день, когда должны были сменить бинты. Все же на сей раз он достиг большего. Он добрался до двадцать девятой страницы, и ему было посвящено два параграфа. Некоторые торговые издания ювелиров расписали историю с бриллиантами, но они даже не подумали упомянуть о Макнабе.

Он вздохнул.

— Дальше шло то же самое, — произнес он. — Макнаб, возможно, сделал для исследования Солнечной системы больше, чем любой другой человек, живущий и умерший. Но никто даже не слышал о нем. Он всегда приходил в неудачный момент чьей-то чужой гласности. Даже с компаниями, в которых он работал, происходило то же самое. Так получилось, что колеса компаний всегда крутились не в том направлении. Ты играешь в покер, сынок?

— Немного, — ответил я, хотя не видел никакой связи.

— Когда у тебя карты одной масти — не имеет значения, как хорошо ты играешь. Всегда кто-нибудь за столом может обойти тебя?

— Конечно, — засмеялся я. — Если у меня две пары, другой получает тройку. Если у меня тройка, у него следующая карта. Если у меня...

— То же было и с Макнабом, сынок. И что удивительно, это никогда не озлобляло его. По меньшей мере, это не было видно. Он должен был стать великим человеком, вместо того чтобы водить рейсовые корабли. Но он шел все тем же путем. Удивляюсь таким людям. Возможно, если бы он не испытывал настоящий голод на космос и великие дела... Если в глубине души он не печалился об этом... Я дивлюсь Макнабу, сынок. Сильно дивлюсь.

Он замолчал, уставившись на полку с концентратами. Я подошел

к дверному проему и посмотрел на мрачный и однообразный ландшафт.

— Проблема Макнаба, — вновь заговорил мне в спину старик, — в том, что он не рассказывает о себе. Будь он хвастун, тогда, может быть, когда-нибудь, когда в сенсациях была нехватка, за него бы ухватились и сделали героем.

— Может быть, — ответил я.

— Но он не рассказывал. Он был в том рейсе больше двух лет, но я могу держать пари, что он не сказал об этом и пятидесяти слов. Да к тому же, никто из нас, стариков, не любит болтать. Полагаю, ты это заметил.

Я усмехнулся ландшафту и не стал ему противоречить. Я плюнул в обычную сухость двора, глядя на лишайник. Я чувствовал некоторое сожаление и размышлял, как можно сберечь влагу. Лишайник бросился на плевок, как голодная дворняга на сочную кость. Я почти чувствовал, как он тянет свои листочки ко мне.

Подошел старик и взглянул на поросль.

— Этот был у меня в опале из-за большой жадности, — пояснил он. — Но, я думаю, он уже достаточно наказан. — Он внимательно посмотрел на меня. — Больше всего ему нравится табачная жвачка, — с упреком произнес он. — А так как ты даешь ему влагу, похоже, ты мог бы и приправить ее немного.

— Между прочим, — спросил я. — У вас есть марки?

Его настроение вновь переменилось.

— Мне надо открыть почту, — ответил он. Он подошел к другому концу стойки и открыл окошко, отодвинув панель.

— Я, кажется, слышал, вы хотите купить марки? — спросил он через окошко.

— Да, — ответил я. — И кстати, клерк, как вы себя чувствуете в качестве человека правительства?

— Почему... почему... — сердито выпалил он. Потом начал смеяться. — Ты поймал меня, сынок, без обмана. Впервые я понял, что я — тоже человек правительства. В конце концов, может, не все они на Земле — гниды.

— Все зависит от того, в какое окошечко смотришь, верно? — усмехнулся в ответ я.

Воздух здесь становится плохим и разреженным. Я могу слышать слабый, высокий вой, почти не улавливаемый ухом, там, где воздух уходит в космос через крошечную щель. Вполне возможно, что наши тела никто не найдет. Если мы разобьемся рядом с лишайником, влага наших тел будет причиной, по которой они поглотят нас за несколько минут. Я понимаю, что пишу это, чтобы заполнить время, а не для того, чтобы оставить запись. Как бы то ни было, я заполнял время все эти годы, ожидая, когда начнется

жизнь, когда случится что-то настоящее и жизненно важное. Сейчас я заполняю время в ожидании смерти.

Когда космическим лайнерам не удается отправить инспекции в глубокий космос, их отправляют в такие места, как Марсопорт, и сплавляют провинциальным пассажирским службам. Конечно, они обслуживают беднейшие секции. И если на корабле существует небольшая утечка кислорода, плохо работают стартовые механизмы, это лишь неудобства для пассажиров. Настоящие беды редки.

А когда они случаются, выжившие семьи всегда могут написать протест правительству. Иногда они получают ответ — форма Ха 758693, — сообщающий им, что комитет занимается проблемой. Эти письма удовлетворительно служат последние двадцать или более лет. Может, даже и существует такой Комитет — должны же как-то вербоваться политические любимчики.

Когда корабли становились еще хуже и ремонт начинал поедать доходы, их передавали дальше, в еще меньшие городки и на вспомогательные линии. В конце концов, они кончают челночными рейсами на рудниках и на торговых грузовых линиях.

Тем же путем следуют и космические пилоты и часто одновременно. С ложной радостью и некоторым сожалением любой может связать классические рекомендации с большинством из этих людей. Они очень хороши — когда трезвые.

В прошлом я часто гадал, о чем думают эти старые пилоты — те, кто исследовали глубины космоса, а теперь пилотировали рудовозы. Я гадал, о чем думает Макнаб, через какие адские муки он прошел, видя, что падает из пилотского кресла все ниже, и ниже, и все ниже. Я гадал, испытывал ли он чувство поражения, что не попал в высокую и благородную цель — печать, так сходную с моей.

Не было сомнения, это была доблестная жизнь, может, и непризнанная, но все-таки очень реальная. При менее ярком восприятии, было ли это у меня?

Дедушка, награда за доблесть и честь — всегда в стремлении к величию духа, всегда не считаясь с ценой, если воздастся по справедливости — эта награда не достанется мне.

Когда я встретился с Макнабом в торговой фактории, он мне понравился. Но было нечто другое, не связанное с симпатией или антипатией. Кто-нибудь другой мог бы классифицировать его лишь как бродягу со старого грузовоза, но я все еще чувствовал вокруг него ауру обаяния старого космического пилота — настоящего космического пилота, а не нынешнего водителя грузовика.

Ныне пилот нажимает кнопку в начале путешествия и другую кнопку в конце. Остальное делает автоматика. Но во времена Макна-

ба пилоты исследовали глубокую тьму космоса, нескончаемого и тревожного, как древние мореплаватели исследовали море. Космос прокрался в их глаза, в самую глубину их, и никогда не покидал. И когда кто-нибудь смотрел в эти глаза, он смотрел в глубину космоса.

Это ли моя награда, дед? Быть способным распознать доблесть там, где я ее вижу, независимо от того, что бы рассказал побывавший здесь репортер?

Я был единственным пассажиром. После того, как я поднял на борт свой багаж, Макнаб стукнул по кнопке, чтобы закрыть люки корабля.

Он был немногословен и говорил как-то нехотя. Был он высоким и стройным, с седыми волосами, которые все еще густо покрывали его голову и торчали из ушей и ноздрей. У шотландцев волосы, кажется, продолжают расти, когда они стареют. Его форма была на удивление аккуратной и тщательно залатанной. У него не было и следа венерических судорог, лунного пылевого косоглазия, марсианского химического варикоза вен и тусклого пьяного взгляда землян.

Но моя работа заключалась не в том, чтобы гадать о людях. Моя работа заключалась в том, чтобы интерпретировать и претворять в жизнь правительственные предписания. Я сел на ближайшее сидение и вытащил пачку предписаний. И постарался извлечь смысл из напыщенных фраз, в которых они были составлены.

Я вытащил из кейса листок с анализом, чтобы сделать грамматический разбор предложенных предписаний. Может быть, если бы я мог отделить собственно статьи от пустопорожних слов, я мог бы ухватить мысль. Черт — я даже не мог найти подлежащее или сказуемое. Ребята, которые пишут подобные документы, должно быть, слишком далеко зашли.

Я обнаружил, что раздумываю, действительно ли шахта, которую я только что инспектировал, будет уничтожена взрывами, которые я осудил. Я гадал, будет ли компания считать стоимость запрещенных взрывов выше, чем жизни занятых людей и использование их.

Я обнаружил, что удивляюсь, почему Макнаб не стартует. Казалось, он дергает за рычаги и бьет по кнопкам. Чего же он не взлетает?

Я вернулся к предписанию. Первая фраза включала в себя тридцать два подчиненных предложения. Дальше я определил, что семнадцатая часть предложения модифицирует значение третьего предложения, а в сочетании с двадцать пятым предложением оно полностью анализирует это третье предложение.

Ладно, здесь была лазейка, приглашение к взятке. Я знал, какие от меня ожидалось действия. За определенную цену предлагалось указать на лазейку тем компаниям, что я инспектировал. Потом, позднее, приходит инспектор и налагает на компанию жестокую пеню за

то, что она не следует рекомендациям. Пеня будет поделена между прокурорами, судьями, инспекторами и другими вовлеченными в дело.

Компании всегда действовали подобным образом. Хотя они могли выплатить штраф в несколько тысяч, они тем временем получали шанс надуть публику на миллион. Официальным лицам до самого верха, похоже, нравилось это, потому что инспектора, которые с ними сотрудничали, всегда получали выбор назначений.

Казалось, это всем нравилось, кроме меня. Я должен быть упрям. Я должен быть честен. Я выбрал эту вонючую кучу именно поэтому, здесь было немного денег, чтобы как-то получить их.

Ты неправильно растил нас, дед. Тебе следовало бы вырастить нас такими, чтобы мы соответствовали своему времени, вместо того, чтобы дать нам за основу стандарты, которые умерли и почти забыты.

Я вновь поднял голову, оторвавшись от своих попыток разобраться в предписании. Макнаб встал со своего места и поднял настил кабины пилота. На его штанах были видны аккуратные стежки большой заплаты. Я увидел испачканную руку, поднимающуюся вверх и опустившуюся на рычаг. Она неловко шарила в поисках отвертки. Рука схватила отвертку и вернулась в дыру.

Я посмотрел в кварцевое окно, ожидая увидеть унылый пейзаж. Но появилось нечто интересное. Личная космическая яхта опустилась рядом с торговой конторой. На боку горело слово «Пресса». Это слово заставляло даже высших чиновников останавливаться. Каждый знал ужасающую власть прессы. Мстительные журналисты держали в руках больше власти, чем короли.

Я праздно наблюдал, как сел корабль. Я видел, как открылся люк и вышли двое мужчин. Один из них был увешан фотографическим оборудованием. Другой нес на себе печать репортера, который ни перед кем не держит ответа, кроме своего редактора. Малейшая его прихоть могла создать или разбить судьбу человека или компании. В двадцатом столетии они начали давать семантическую нагрузку новостям с помощью личной политики и пристрастий. Теперь ясное изложение фактов было полностью забыто.

Они вошли в факторию. Я вернулся к своей работе. Чего бы ради он тут ни появился, репортер не мог мне повредить. Я был мелочью, слишком маленьким человеком, чтобы заинтересовать его.

Когда я поднял голову в следующий раз, Макнаб опять сидел в пилотском кресле, тщательно, с терпеливым смирением проверяя кнопки и рычаги.

— Мы не стартуем? — окликнул я его. Конечно, это был идиотский вопрос, и я знал это, но я чувствовал, что должен выразить какой-то интерес.

Макнаб не испытывал нужды отвечать. Я мог видеть в неожиданном наклоне его шеи и спины, что он заставляет себя не отвечать. Я догадывался, что он следует приказу. Несомненно, он восстанавливает меру контроля.

— Вы можете пока вернуться в факторию, — медленно сказал он. — Я позову вас, когда корабль будет готов.

В фактории было не более удобно, чем в рейсовом корабле, но, может быть, мое присутствие мешало Макнабу. Я оставил свой багаж там, где он был, вместе с моим кейсом. Макнаб открыл мне дверь, я обошел яхту прессы и вернулся на склад.

Фотограф беззаботно отдыхал рядом со штабелем банок с консервированными персиками. Репортер, затащив старого Сэма в угол, расспрашивал его.

— Но должно же тут быть нечто стоящее, чтобы получить сенсационный материал!

В его голосе слышалось что-то капризное и испорченное.

— Босс велел раздобыть сенсационный материал о шахте. Не спрашивайте меня зачем, но, черт возьми, если здесь нет ничего стоящего, я сам создам историю.

Он выпятил квадратный подбородок в воинственной позе борца, который еще не испытал на себе кулака противника. Все его лицо было пустой маской бесчувственного высокомерия. В его глазах и рта не было и следа чувства. Для него красота могла быть лишь упражнением в семантике, обдуманной ложью, мерой длины колонки.

Старый Сэм отвечал резко и тупо.

— Я не знаю, что можно было бы рассказать вам, — упрямо бормотал он. — У нас просто дюралевая руда, вот и все.

— Но черт возьми, — выкрикнул репортер, как будто бы старался пробиться через стену тупости силой своего голоса. — Неужели тут нет какой-нибудь колоритной личности? Какого черта люди отправляются сюда работать? Что-то должно привлекать их. Нормальный человек не упустит своего шанса. Черт!.. Дайте мне человека... любого человека... и я сделаю из этого человека новость. Я получу нечто!

— Как насчет Макнаба? — услышал я собственный вопрос. Мне следовало бы пнуть самого себя, поскольку я намеревался не вмешиваться.

Репортер повернулся.

— А вы кто? — агрессивно спросил он. — Кто вас просит совать свой нос в мои дела?

— Это правительственный инспектор, — сказал Сэм. Потом добавил, защищаясь: — Порядочный человек.

— Фи, — презрительно хмыкнул репортер. Его губы скривились, и он нагло уставился на меня. Я был более вежлив. Я сжал губы в струну, когда посмотрел на него.

— Кто такой Макнаб? — спросил он после того, как его взгляд поставил меня на место.

— Макнаб — это человек, который в одиночку завоевал Каллисто и открыл торговлю алмазами, — запальчиво ответил я. Потом поспешил дальше: — Макнаб — это человек, единственный человек в истории, который вел корабль с помощью ручного управления через кольцо Сатурна в те времена, когда не было какой-либо защиты от метеоритов.

Я услышал позади шаги, но решил, что это фотограф.

— А разве это важно? — оскорбительным тоном спросил репортер.

— Важно... — Я почувствовал, что мой гнев начал выходить из-под контроля. Но меня перебил спокойный голос за спиной.

— Нет, — спокойно произнес голос. — Это неважно.

Я повернулся и увидел, что позади меня стоит Макнаб. Он был бледен, и его лицо выглядело застывшей маской. Даже репортер был смущен его спокойным достоинством.

— Я что имею в виду... — репортер запнулся. — Да, если это правда важно... но тогда, вы понимаете, это случилось так давно... да, вы, конечно, не можете назвать это новостью... но...

— Это не важно, — повторил Макнаб. Потом повернулся ко мне. — Я подготовил корабль. — произнес он. — Мы можем стартовать.

Я стал поворачиваться, чтобы следовать за ним, когда откуда-то из глубины раздался гром, потом рев — опустошающий рев мира, идущего к гибели. Каркасное здание склада дрожало, в то время как гигантская рука сметала все вокруг.

— Шахта! — выкрикнул старый Сэм пронзительно, тонким голосом.

— Это взрыв! — охнул я в ответ.

Все мы бросились к двери. Фотограф заблокировал ее своим оборудованием. Я слегка испытал злобную радость, когда сильно толкнул его в бок и выпихнул. Макнаб быстро бежал за мной.

Мы обогнули угол здания и увидели открытую шахту прииска позади склада. Дым и пыль валили наружу, и я увидел фигуру спотыкающегося человека.

— Быстрее, — крикнул я. — О, какие идиоты! Эти чертовы взрывы!

Теперь репортер догнал меня, а Макнаб вырвался вперед. Далеко позади бежали так быстро, как только могли, старый Сэм и фотограф, одному мешал возраст, другому оборудование. Макнаб, казалось, не чувствовал возраста. Он вырвался далеко вперед и бежал легко и упруго, как юноша.

— Что тут со взрывами? — задыхаясь спросил репортер, когда мы поднимались на каменный склон по направлению к выходу из шахты.

— Я запретил их, — выпалил я между вздохами. — Чертовы владельцы... должно быть, постарались... использовать их всю до... того, как я смог... подать свой доклад.

Теперь мы были достаточно близко, чтобы слышать слабые, беспомощные крики людей внизу во мраке шахты. Быстро бежавший Макнаб влетел в черный вход до того, как репортер и я хотя бы догнали его.

Раздался новый грохот от идущих взрывов.

Мы споткнулись. Я понял, что Макнаб был в шахте. Шахтеры могли бы быть не настоящими, статистикой, о которой читают в газетах, но Макнаб вновь был кем-то — человеком. Одним из немногих, которых я встречал.

— Ну же, — крикнул я репортеру, который в нерешительности остановился.

Я бросился через вход в ствол шахты и услышал, что он идет за мной.

Все это происходило так, как если бы я ринулся в рушащуюся ревущую черноту. Больше я ничего не могу сказать.

В частичной бессознательности есть что-то нереальное. Человек слышит звуки, смутно видит неясные фигуры, но они не имеют никакой связи друг с другом, не соответствуют никаким образцам, пока человек их как-нибудь не определит. Секунды растягивались до бесконечности, и бесконечность разваливалась на секунды.

Я смутно сознавал, что куда-то спешу. Помню, я видел, как мимо меня пробегал Макнаб, вновь и вновь — он шел по направлению к свету с человеком через плечо, потом обратно во тьму за другими, задыхаясь и всхлипывая — но шел.

Я помню, что лежал там, не в силах двинуться, собраться, мысленно проклиная себя за то, что не помогал людям, что я такой ничемный.

Так характерно для меня.

Я стал оправляться от бреда и различать крики вокруг моей головы: протяжный вой парня, который ударился обо что-то ногой и решил, что убит. Мгла немного рассеялась, и я обнаружил, что это был репортер. В странном ощущении времени я понял, что прошло десять или пятнадцать минут.

Я перевернулся и опустился в шахтный штрек, измученный, лежа ничком. Я отдыхал еще минуту. Вой стал громче, и мое сознание прояснилось. Я поднялся на четвереньках, моя голова свисала вниз. Она была тяжелой, как если бы на ней была тяжесть всего мира, но я поднял ее достаточно высоко, чтобы посмотреть в сторону кричащего. Репортер застрял под балкой. Другая балка частично подпирала ее. Но и в такой ситуации я знал, что репортер не так уж и пострадал.

Подпорки, должно быть, раскатались после последнего взрыва, нокаутировав меня скользящими ударами и завалив его.

Я попытался встать, и через некоторое время я понял, что могу сделать это. Мои колени дрожали, готовые согнуться, и я испытывал ужасную тошноту, но держался. Я шатаюсь подошел к подпорке и стал оттаскивать ее. Репортер пронзительно закричал мне:

— Подыми ее, ты, дурак! Не тащи! Подыми!

— Слишком тяжело, — выдохнул я. — В следующий раз, когда я рвану, выскользните из-под нее.

Я потянул. Он стал вылезать. Вес балки был слишком велик. Мне пришлось выпустить ее. Он заорал:

— Ты же меня раздавишь! — Однако я мог видеть, что нижняя часть подпорки все еще держит на себе большую часть веса.

Я вновь потянул. Он опять стал вылезать. На этот раз он вылез целиком. Я бросил балку и опустился на нее. Я чувствовал, что вновь отключаюсь. В конце концов услышал ругань репортера.

— Чертов дурак! Ты порвал мне штаны.

Я был рад, что не мог слышать остального.

Когда я пришел в себя, я был снаружи и старый Сэм наклонился надо мной, всовывая мне в рот влажный баллон. Вокруг нас находились стонущие, обливающиеся кровью, страдающие люди — некоторые шатались, некоторые лежали на спине, одни держались мужественно, другие были испуганы. Лишайник был убран, чтобы держать их в стороне от тянувшихся к ранам усиков. Толстый владелец шахты лежал на боку, прислонившись спиной к камню, его рука крепко сжимала культю.

Я ощутил недостойный порыв радости. Так редко случается, что виновник таких действий ловится на собственную алчность. Обычно страдают рабочие, которые не могут помочь сами себе.

Репортер стоял у моих ног.

— Здорово, — повторял он вновь и вновь. — Вот это история! Черт возьми! Я хотел материал и получил его, — он громко расхохотался. — Я должен буду похвалить ваш вонючий Марс. Вы чертовски услужливы!

Он триумфально оглядел страдающих людей. Никто не смотрел в его направлении.

Я оттолкнул Сэма и сел.

— Врачи? — спросил я.

— В пути, — ответил Сэм. — Я вызвал их по радио из конторы шахты. Должны сейчас появиться.

Я посмотрел на владельца шахты и почувствовал некоторое сожаление. Как бы то ни было, я желал бы, чтобы он больше пострадал, чтоб мог узнать все страдания, причиной которых был. Но, возможно, это не могло бы помочь. Он тоже был бы спасен с приходом врачей. Жаль.

Я чувствовал, что мое сожаление было недостойным, поскольку здесь дюжина человек, корчившихся в агонии, в то время как я не

был по-настоящему ранен. Трое мужчин лежали тихо. Они уже никогда не испытают боль. Я чувствовал новый порыв гнева.

— Я запретил взрывы не ради забавы, чтоб показать свой значок! — бессмысленно выкрикнул я в сторону владельца шахты. Он не смотрел на меня.

— Черт! — крикнул я. — Будь проклята человеческая жадность. Меня тошнит от людей. Мне стыдно, что я родился человеком!

Старый Сэм стал растирать мою голову ладонями у висков, намеренно их массируя.

Я покачал головой и увернулся.

— К чему? — стонал я. — Какой толк?

Репортер все еще стоял у моих ног, глядя на меня. Его лицо оживилось — он планировал нечто из ряда вон выходящее.

— Ты спас мою жизнь, приятель! — крикнул он.

— Кретин! — с отвращением ответил я.

— Ты спас мою жизнь! — вновь крикнул он. — Парень, я уже вижу заголовки. Заголовки, за которые я несу ответственность. Ты будешь героем, приятель.

Я плюнул, а потом неуместно подумал, что должен был бы сбегать плевков для любимого лишайника Сэма.

— Да, сэр, — репортер по-прежнему неистовствовал. — Может ли быть лучший материал для героя? Маленький человек, подневольный правительству! Я покажу тебе, что могу сделать, какая я важная фигура. Я возьму такую соплю, как ты, и сделаю из тебя всемирного героя. Мне реклама тоже не повредит.

— Смотрите, — вяло сказал я, — вот герой.

Я указывал на Макнаба, который поднялся на ноги и смотрел на нас.

— Если вы хотите получить героя, возьмите его. Он заслужил это. Пока я лежал там без сознания, а вы кричали, он был в шахте и вытаскивал людей.

— Этот сукин сын! — крикнул репортер, внезапно придя в ярость. — Я уничтожу его. До конца его жизни я буду гнать его с любой работы, которую он получит. Оставил меня лежать и страдать, каково? Обращал больше внимания на этих грязных горняков, чем на меня... МЕНЯ! Вырвался, когда я схватил его за ногу, чтоб он помог мне!

Я с трудом поднялся на ноги и шатаясь подошел к Макнабу.

— Пошли отсюда, — сказал я. — Вы поведете корабль? Сможете? Мне надо в Марсопорт. Шахты могут взрываться, мир погибнет, но правительство хочет получить свои отчеты вовремя.

Я произнес это, как извинение. Неожиданно я почувствовал, что не могу больше находиться рядом с этим репортером.

— Разве вы не хотите стать героем? — спросил Макнаб с задумчивым видом.

— К черту! — с отвращением воскликнул я. Я посмотрел на репортера, и мои губы скривились. Я забыл, что надо быть вежливым.

Он уловил насмешку, она пробила даже его толстую кожу. Он двинулся было ко мне, его показная смелость перешла границы. Он думал лучше. Я стоял, готовый выяснить, не стеклянная ли его выступающая челюсть.

— Ты, дешевое ничтожество! — заорал он. — Тебе я тоже задам. Герой, да? Да я изобразю тебя самым мерзостным хвастуном, пройдохой, взяточником!

— Пойдемте, — сказал мне Макнаб с уважением в голосе.

Мы пошли через валуны по направлению к старенькому кораблю.

Я полагаю, дедушка, что каждый из нас в той или иной ситуации хотел бы почувствовать, что он сделал нечто важное, что мир знает о том, что мы сделали, а это особое дело — дело доблести. Полагаю, мы рассматриваем признание как награду за доблесть. Но сейчас я увидел, каким дешевым может быть признание, как часто оно служит только самовлюбленности, желающей создать себя с помощью отраженной славы. Это не награда за доблесть. У меня не будет такой награды.

Макнаб открыл корабль, и мы забрались внутрь. Моя голова разламывалась от боли, и я с радостью повалился на сиденье.

Без единого слова Макнаб занял место водителя и коснулся стартового ключа. Корабль с ревом оторвался от поверхности.

Мы стали подниматься. Подниматься далеко. Не было нужды так высоко забираться. Целую вечность назад линии гор на Марсе выветрились до небольших холмов.

Лениво отвел я глаза от карты внизу и озадаченно посмотрел на Макнаба. Он хватался за рычаги, дергая их туда и сюда. Они легко двигались, слишком легко. Они двигались, как если бы были совершенно свободны, не обременены никакими связями. Корабль продолжал подниматься.

Макнаб повернулся ко мне. Его лицо было бледным, но на нем не было страха.

— Отказало управление, — спокойно произнес он. — Я докладывал, какое оно изношенное, раз двенадцать докладывал компании. Они не обращали внимания. И теперь все отказало. Я не могу контролировать корабль.

— Ничего нельзя сделать? — спросил я.

— Ничего, — произнес он. — Совсем ничего.

— Я рад, — произнес я и сам удивился, услышав свои слова.

Он странно посмотрел на меня.

— Простите, — сказал я. — Я не это имел в виду. Или я говорил о себе, не подумав о вас.

— Тогда вы можете сказать это за нас обоих, — ответил он. Он отвернулся и посмотрел через иллюминатор на нос корабля. Он молчал некоторое время, несколько минут. Было видно, что он точно знал, что ничего не сделать, и не обманывал себя бесполезными действиями, пытаясь что-то предпринять. Он знал механизм корабля, знал, что можно сделать в полете, а что только внизу.

Существовали спасательные шлюпки, построенные, чтобы в чрезвычайных случаях доставлять пассажиров на посадку с космических линий. Не в большей степени пригодные для длительного и коммерческого использования, чем старые резиновые лодки на морях Земли. Если бы не алчность и взятки, их бы вообще оставили для коммерческого использования. И в этот раз ответственные люди не попадут в ловушку: они могли сидеть за своими столами, качать головами и, возможно, говорить, что дело плохо, пилот, должно быть, пьян.

— Отсюда, — позвал Макнаб, — вы можете видеть звезды. Идите и садитесь в кресло второго пилота. Смотрите на звезды!

В его голосе слышался восторг.

Я поднялся и перешел вперед.

— На всякий случай, — произнес я, — не то, чтобы меня это волновало, но как насчет каких-либо устройств, спасательных люков, чего-нибудь такого?

— Смеетесь? — спросил он. — На подобных рудовозах?

— Удивляюсь, как инспектора позволили его использовать, — проговорил я

— Серьезно? — он посмотрел на меня и улыбнулся.

Я ничего не сказал.

Да, сквозь тонкую атмосферу Марса стали видны звезды.

Макнаб вновь предался восторгу. Он вновь был в любимом космосе, среди мерцающих звезд, понятных звезд, которые двигались по законам логики. Дружелюбные звезды, потому что они не были людьми. В его глазах сиял отблеск звезд.

Мной овладел странный порыв. Понял ли я в конце концов самого себя? Какая бессмыслица принуждает сооружать памятник себе? Не стоящая человека слабость?

Во всяком случае, я вытащил записную книжку и карандаш. Начал писать. Я писал стенографически, очень быстро. Мне потребовалось несколько минут, чтобы записать все, что случилось.

Нет, в конце концов, я считаю, что пишу не для того, чтобы создать себе памятник. Я думаю, может, это суммирование, привычка к анализу, рожденная за годы анализирования правительственных решений. Я не мог позволить жизни закончиться с правительственным словоблудством, в котором нет никакого смысла. Я должен был понять, что все это значит.

Воздух становился все более разреженным. Я знаю, нам осталось мало времени. Сейчас Макнаб смотрит вперед, почти застывший, как

будто бы он старается помочь кораблю забраться все дальше, дальше в его любимый космос до того, как корабль дрогнет и начнет падать прямо вниз.

Макнаб принадлежал космосу, и было справедливо, что умереть ему придется в космосе.

А я? Теперь и я принадлежу ему. И не важно, где я умру.

Как и все остальные, я часто гадал, что мог бы сделать, если бы знал, что должен немедленно умереть. Смог бы я встретить этот момент мужественно?

Я обнаружил, что это не требует мужества. Я познал чувство облегчения, почти освобождения. Мне больше не надо было оставаться парией — честный человек в мире, не знающем чести. Смерть сводила всех нас к одному уровню.

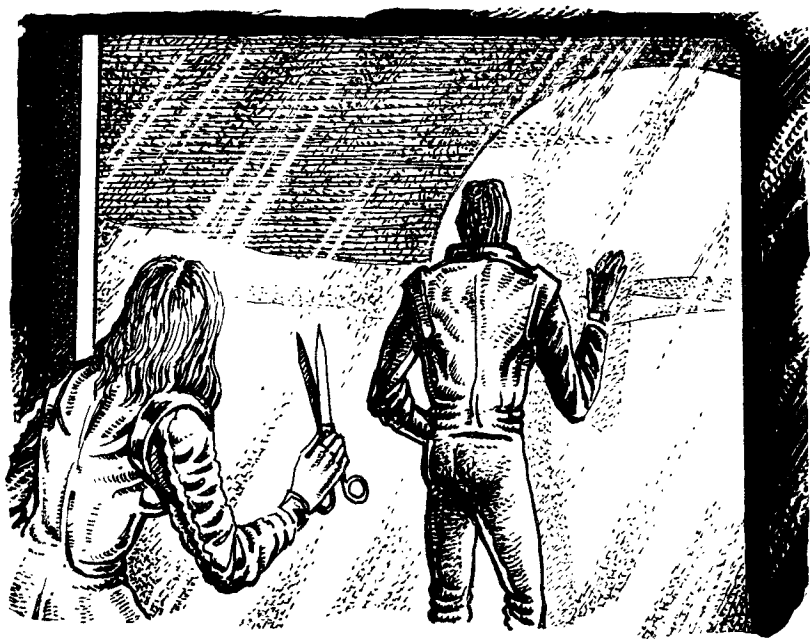
Я почувствовал, что смеюсь над теми людскими представлениями, которые заботятся о превосходстве даже у края могилы. Как мы все лицемерны... как человечны.

Вместо этого я узнал чувство благодарности, ужасающей безмятежности. Я нашел, что испытываю меньше страха, чем каждое утро, когда я просыпался, зная, что должен прожить в этом мире еще день. Я в меньшей степени погибну от чистых, ярких звезд, чем от людских поступков.

Потом, это ведь и правда награда — не признание, не гром аплодисментов, но возможность встретиться с безмятежностью.

Вот награда за доблесть.

Роберт Прессли

КОШКА НА ДЕРЕВЕ

Он механически прошел через надоевший вход в свой отсек. Проверил индикатор на двери, дабы убедиться, что давление в коридоре и отсеке равно разумному. Когда дверь закрылась за ним, он услышал, как Дженни шумит на кухне и небрежно отвинчивает кислородный вентиль для двойной порции. В то же время он посмотрел на показатель температуры и влажности и отметил, что все в порядке.

Весь процесс входа в его частную секцию в Улее занял около десяти секунд. Делайте что-то тысячи раз — принимайте одни и те же меры предосторожности несколько раз в день в течение целого года — и вы будете делать это бессознательно. Это то же самое, что не забыть надеть брюки перед выходом на улицу. Привычка.

Приветствие вашей жены тоже может стать привычкой. Небрежное «привет» и вялый поцелуй там, где когда-то были мягкий шепот и крепкие объятия. Привычка.

Но у Дрю и Дженни Бэннер все было не так. Вступив в брак на

Земле, проведя медовый месяц на Марсе, там же все остальное время после медового месяца, они уже установили для себя семейные обычаи. Дрю прошел через большую комнату тремя большими шагами. Дженни встретила его на пороге кухоньки. Они обнялись.

Ее темные волосы щекотали его нос, и Дрю спросил:

— Что есть пожевать? Цыпленок? Я чую жареного цыпленка в масле, с рубленой петрушкой и...

— М-мм, — промурлыкала она. — Или цыпленка по-испански с зеленым перцем, грибами с сельдереем.

Дрю наклонил ее голову к своей груди, чтобы ничто не мешало ему осмотреть стол. Стол был накрыт, самоподогревающиеся банки стояли среди тарелок, готовые к использованию. Он сжал Дженни еще сильнее, когда увидел, как она старалась смягчить строгую утилитарность стола фальшивым лишайником, песком, камнями и разбитым зеркалом, изобразившим пруд.

— Чудесно, — вздохнул он. — Давай посмотрим, что сегодня выдали.

— Есть, босс.

Дженни подготовила изотермические поршни на банках. Дрю подошел к окну.

Окном была стена. Она была размером с кухню. Прозрачное, толстое и неразбираемое окно было их маленьким ковчегом под огромным куполом колонии. Это было единственное, что разделяло сравнительный комфорт и безопасность отсеков в Улее от негостеприимной планеты.

Дрю изучал вечер и вынес свой вердикт.

— Похоже, завтра будет хороший день.

— Без дождя? — спросила Дженни.

— Без, — подтвердил он.

— Ты собрал бесспорные данные, чтобы можно было держать пари, верно, Дрю? Это ведь лучшее, что может сделать хороший метеоролог?

— Занимайся своими кастрюлями и мисками, женщина. Дай хозяину поразмышлять.

Пока его взгляд блуждал по почти черному небу и находил знакомые созвездия, он позволял своему мозгу расслабиться. Рабочий день был закончен. Он был дома, с Дженни, которая чем-то весело гремела позади. На следующий день он должен отдохнуть, а день, согласно полученным данным, действительно будет чудесным. Он останется в отсеке с Дженни, говорил он себе. За все те одинокие часы, что она провела без него.

Он сузил глаза, чтобы разглядеть ее отражение на вогнутой поверхности стены из пластика. И тотчас же мягкая улыбка, искривляющая его губы, застыла. Отражение Дженни, слегка увеличенное,

являло демона с безумными глазами, подбирающегося к нему с парой ножниц, нацеленных ему между лопаток. Это произошло тогда, когда он обнаружил, что она перестала греметь посудой.

Фергюсон воспринял все спокойно. Он дал Дрю рассказать свою историю, не прерывая, и, когда Дрю закончил, долго молчал, прежде чем заговорить.

— Вы исключительный человек, Бэннер, — сказал он. — Поэтому я сделаю нечто необычное, нетрадиционное. Я познакомлю вас с одним из серьезнейших секретов колонии: все это уже было.

— Было! С кем?

— Никаких имен. Иногда, как и в вашем случае, жена нападает на своего мужа. Иногда бывает наоборот. А бывает и нападение наобум. Люди пытаются убить друг друга неожиданно, ненамеренно.

Выражение лица Фергюсона было зеркалом его воспоминаний.

— Вы были исключением, потому что пришли и рассказали мне об этом. Другие этого не делали. Конечно, в некоторых случаях было слишком поздно. Один из людей был трупом, а другой психическим инвалидом. После открытия явления стало ясно, что достаточно часто предполагаемые жертвы могли предотвратить собственное убийство, как и вы. Но вместо того, чтобы прийти ко мне за помощью, они старались справиться с проблемой собственными силами, и в конечном счете конец один. Смерть. Никто не в состоянии проявлять бдительность постоянно.

Дрю слушал вежливо, но нетерпеливо.

— Как насчет Дженни? Как с ней быть?

— В других случаях, — продолжал Фергюсон, — трупы тайно хоронят, а убийцы отправляются на корабле домой для психиатрического лечения. Все скрывается под названием «перевод».

Бумаги на столе Фергюсона лежали аккуратно, как связка карточек, но он задумчиво подровнял их ладонью.

— Дженни отправят подлечиться, — сказал он. — Она будет под надзором, и медики помогут ей вернуть здоровье. Не волнуйтесь, только шеф медицинского отдела будет знать, что она сделала. И между тем... между тем, мы хотим решить проблему, почему подымается процент колонистов, подверженных безумию.

Дрю с трудом разбирался во всем. Его главной тревогой была Дженни. Он хотел знать, вылечится ли она, как долго ему ждать, когда он сможет забрать ее домой и что он может сделать.

— Вы можете помочь, и даже очень, — довольно ответил Фергюсон. — Я бы не сказал вам так много, если бы думал иначе. Проблема для вас новая, Бэннер, но мне она знакома многие месяцы. Благодаря информации, что психиатры вытягивают из людей, которых мы отправляем домой, мы — я имею ввиду себя и руководителей секции — мы думаем, что знаем, в чем проблема и как ее решить.

— А я тут при чем?

— Вы будете нашим крючком. Мы получили средство для нашей микстуры. Завтра директор метеорологической секции не будет работать из-за слабых болей в желудке. Вы возьметесь за его работу, объявляя прогноз погоды. Один из них будет содержать предупреждение о песчаной буре...

— Но завтра не будет никакой бури!

Фергюсон взглянул на Дрю и заставил его опустить глаза. Он бросил верхнюю бумагу из стопки на своем столе в направлении Дрю.

— Это прогноз погоды на завтра. Огласите его в точности, как он есть, за исключением шестого пункта. Измените его на песчаную бурю и поправьте атмосферное давление и температуру к этому случаю.

Без Дженни отсек был пустым и безжизненным. Фактически, для Дрю вся колония утратила часть своего блеска, и он проводил больше и больше часов в бодрствовании, погруженный в работу. Частые визиты в госпиталь приводили в уныние. Он мало видел Дженни. Но каждый раз, когда он ее видел, он становился увереннее, что она готова вернуться к нормальной жизни. Гипнотическое лечение стерло из ее памяти все воспоминания о том, что она сделала. Ее вели к тому, что она считала, что выздоравливает от лихорадки.

Дрю хотел, чтобы гипноз применили еще раз и стерли на будущее всякий инстинкт убийства. Однако ему прочитали длинную, сложную лекцию о том, что такой курс мог наполовину уничтожить ее личность и сделать ее не многим лучше милого, послушного идиота. Нужно ждать, говорили ему.

Через шесть недель после интернирования Дженни его встретил в конце больничного коридора шеф госпиталя.

— Сегодня она отправится домой, — сказал доктор.

Дрю сделал неверный вывод:

— На Землю?

— В ваш отсек, — поправил медик. — Она ждет, уже одетая. Теперь дело за вами. Именно вам надо быть осторожным. Всегда помните, что у нее была лихорадка. Никогда не делайте намеков на то, что она сделала; это может вернуть память. Старайтесь действовать так, как если бы последних шести недель не было.

Дрю напряженно кивнул и подошел к двери палаты. Врач схватил его за руку:

— Когда она вернется домой, возвращайтесь и встретитесь с Фергюсоном. Он хочет поговорить с вами.

— Как она? — спросил Фергюсон.

— Прекрасно, слава Богу.

— Хорошо. Посмотрите на это.

Фергюсон вытащил широкий лист бумаги. Черная линия проходила через лист. Это могло бы быть контуром местных гор — за исключением того, что на Марсе гор не было. Директор колонии пробежал пальцем по западной стороны «горы».

— Этот график показывает медленное, но верное увеличение количества актов насилия на последний год.

Его палец коснулся пика.

— Эта точка отмечает первый день, когда вы пришли ко мне.

Дрю посмотрел дальше на лист. Черная линия падала вниз. Это не было резким падением, но уровень спуска был по меньшей мере в два раза больше линии подъема.

— Она падает, — сказал он.

— Да, — подтвердил Фергюсон. — Поэтому я и решил, что можно позволить вашей жене выйти из госпиталя. Эти... эти несчастные случаи все еще случаются, не забывайте, но не так часто. Тем не менее, я хочу, чтоб этот график дошел до нуля. Поэтому я и послал за вами.

Дрю не понимал, что он мог сделать, но вежливо сказал:

— Я сделаю все, что может вам помочь.

— Тогда прекратите работать столь напряженно. Отдохните.

— Я люблю свою работу!

— Мы все любим. Это непереносимый пропуск на Марс. Но лучший способ, каким вы можете помочь мне и колонии, — это взять длительный отпуск. Понимаете, Бэннер, теперь я беспокоюсь о вас. Я наблюдал за вами. Вы работали все время, когда не были в госпитале. И я думаю, что из всех людей в колонии вы наиболее вероятный следующий убийца.

— Я?! Да у меня почти нет времени поговорить с кем-нибудь или думать об их убийстве. Если же вы полагаете, что я потенциальный убийца, то вряд ли справедливо отпускать Дженни под мое попечение.

— Время ее выписки, — произнес Фергюсон, — было выбрано намеренно. Не считая уровня убийств и моего мнения, что условия, питающие нападения, меняются, отвлекаясь от того, что для других неопасна выписка вашей жены, я решил, что теперь она должна быть с вами. Она — часть вашей терапии. Используйте свой отпуск, чтобы гулять с ней. Сходите в комнаты отдыха. Прошло слишком много времени с тех пор, как вы там были. Посетите других колонистов: посмотрите расписание дежурств и найдите, кто еще сменился с дежурства. Самое главное сейчас — встречаться с людьми.

Фергюсон отпустил Дрю с приказом позвонить опять после недели отдыха.

Дженни была в восторге от внеочередного отпуска. Переволновавшись сначала, как он объяснит причины отдыха, Дрю затем воспарил духом так же, как и она. И неделя началась.

Такой уж у него характер, напасти и неудачи никогда не трогают его глубоко. Он был целеустремленным человеком в своей преданности Дженни и работе. Ничто в целом мире не могло отвлечь его от цели. Это сделало его хорошим ученым, а также лидером среди его немногочисленных друзей, которые всегда подшучивали над ним за то, что он никогда не разбирался в новостях и текущих слухах.

Он примирился со своим нынешним бездельем. Днем он играл с Дженни в какие-нибудь игры, а вечером они смотрели сериалы или шли на вечеринки в отсеках знакомых.

Куда бы он ни шел, неизбежно возникала одна тема — марсиане. Дрю замечал большинство слухов, но не прислушивался к ним. Именно Дженни осознала в конце концов, что в этих распространяющихся сплетнях было нечто реальное.

— Как ты думаешь, что им нравится? — спросила она как-то вечером.

— Кому?

— Марсианам. Говорят, найденная берцовая кость была длиной в ярд.

Дрю собрал в голове различные данные, которые слышал.

— Должно быть, большая, — заметил он не особенно глубоко-мысленно. — Я слышал, кто-то говорил, что исследовал эту кость.

— И оказалось, что ей только миллион лет.

— Только?

— Миллион лет — это ничто, Дрю. Сотня миллионов почти наверняка означала бы, что марсиане вымерли. Но эта кость, такая недавняя по времени, хороший знак, что, может быть, немногие из них все еще существуют где-то на планете.

Дрю не мог продолжать с Дженни этот эмпирический способ разговора. Предпочитая факты, он решил сознательно заняться проблемой.

— Кость ничего не доказывает, — сказал он. — Кажется, это свидетельствует, что марсиане жили в то время, но это может быть кость от последнего умершего.

Дженни открыла рот, чтобы перебить его, но он двинулся вперед:

— Кроме того, если кости есть, почему ты считаешь, что марсиане дожили до нашего времени? Женщины всегда перепрыгивали через...

Дженни вновь вернулась к разговору, загибая пальцы, чтобы подчеркнуть каждый пункт.

— Первое, есть марсиане, марсиане, живущие ныне. Второе, если их много, будет найдено больше свидетельств. Третье, если их не много, они должны размножаться, и так далее.

— Фу!

Указательный палец ее правой руки все еще удерживал средний палец левой, Дженни триумфально усмехнулась. Она загнула безымянный палец.

— И четвертое, — сказала она, — четвертое — ты не слышал о самой пикантной новости. Миссис Хенли рассказывала мне сегодня вечером — марсиан видели!

— Не верю!

— Расспроси ее сам. Или Фергюсона. Это он рассказал Пэн Хенли. Ее муж был одним из тех людей, которые видели марсиан, поскольку он работает на экваторе. Фергюсон думал, что должен сказать Пэн о находке ее мужа. Ты знаешь, что Фергюсон считает, будто нужно поднимать настроение у женщины, чьи мужа далеко от дома.

Дрю смеялся — она разгадала уловки директора колонии.

— Когда это случилось? — спросил он.

— Сегодня. Я, должно быть, узнала одной из первых. Разве ты не считаешь, что это замечательно?

— Если только это правда, — признался он.

Оказалось, что марсиан действительно видели. На следующий день колония гудела от новостей. Через день прилетели с экватора люди, видевшие существо, и положили конец всем фантазиям о природе марсианина.

Он был выше человека, рассказывали они, и толще. Его грудная клетка была шире, руки — более длинные. Люди находились примерно в пятидесяти ярдах, когда он торопливо перебежал от одного холма к другому. На такой дистанции его черты были плохо видны. Но, учитывая его размеры, не было сомнения, что окаменевшая кость принадлежала существу, похожему на то, что они видели.

Дженни сообщила лишь малую часть информации, чтобы проверить свои аргументы на Дрю.

— Он был голый, — сказала она. — Все это показывает, что жизнь в них, должно быть, еле теплится.

Фергюсон передал сообщение, перечеркивая свои предыдущие инструкции, и отложил встречу с Дрю на неделю.

За эту неделю Дрю почувствовал себя лучше, чем за все время с тех пор, как присоединился к колонии. Он вернулся к работе. И куда его работа не потеряла для него привлекательности, он увидел ее в новом свете. Он увидел ее как нечто, занимавшее определенную часть его жизни и определенную часть его времени, но не больше. Когда его работа заканчивалась, он был способен отложить ее в сторону, полностью забыть о ней и наслаждаться светской жизнью.

Он не замечал каких-нибудь изменений в себе и не был в полной мере способен к самоанализу, чтобы удивиться, почему колония кажется лучшим местом, чем он считал раньше. Он просто замечал, что жизнь хороша, а люди замечательны.

Первое, что сделал Фергюсон, когда состоялась встреча, это бросил через стол график смертей. Линия, дорисованная с тех пор, как он видел ее, падала вертикально к основанию графика. Если дело и дальше пошло бы так же, график зарегистрировал бы воскресения умерших.

— Ни одного случая за десять дней, — произнес Фергюсон. — Спасибо вашей жене.

— Дженни?

— Вот именно. И вам за то, что вы тогда пришли ко мне. Результаты показывают, что наша оценка проблемы была верной. Но пока ваша жена обследовалась в местном госпитале, мы не могли быть уверены.

— Вы говорили, что другие обследовались, вернувшись домой.

— А-аа... Здесь нас постигло разочарование. На Земле условия, которые привели их к убийству, уже не существуют. Аналитики не смогли выявить и десятой части той информации, что мы получили от вашей жены за один раз тут на Марсе.

Дрю пришел в замешательство.

— Не понимаю. Условия в колонии хорошие...

— Согласен. Но дерево, полное рыбы, не делает кошку смелее. — Фергюсон засмеялся. — Простите. У меня возникла аналогия, и я привел ее слишком приблизительно.

Он стал серьезен.

— Здесь, на Марсе, человек напоминает кошку, сидящую на дереве. Она взлетает туда в порыве энтузиазма. А потом обнаруживается, что сидит на ветке, одинокая, испуганная, страхась слезть вниз.

Это была не та аналогия, которая могла встревожить Дрю, но он сделал вывод.

— Мы уже давно в космосе, — сказал он. — У нас есть дальние ракеты. Строительство на орбите, полет на Луну и станция на Луне. Несколько первых кораблей прилетели сюда. Построили Улей. А теперь началась колонизация. И безумие не начиналось.

— Те первые пилоты были другими. У них был энтузиазм. Они мигом взлетели на дерево. Орбита и Луна были совсем другим делом, старый дом был на виду. Даже здесь первоначальный энтузиазм не оставлял места для страха. Страх не приходил, пока колония не начала расти вширь и не пришло время удобств.

Фергюсон обошел стол.

— Как только у колонистов появился досуг, — продолжал он, — они стали замечать свое одиночество.

— Их же пять сотен, — вопросительно произнес Дрю.

— Верно. Тем не менее, как мала колония среди миллионов квадратных миль Марса. Вы всегда работали не покладая рук, и на вас это влияло меньше, чем на других. У них другой темперамент. Они ошу-

щали неуверенность, страх, ничтожность жизни перед безбрежностью смерти.

— Откуда вы это знаете?

— От Дженни. Это было глубоко спрятано в ее душе, так же как и у других. Нам удалось это из нее выудить. И это подтвердило предположение, которое мы сделали, исходя из наших ранних анализов. Подсознательно в каждом колонисте жило подозрение, что Марс небезопасен. Это было обнаружено самими жителями, тем не менее никогда не предполагалось, что жизнь надо поддерживать. Уверен, вы можете следовать за моими размышлениями.

Дрю кивнул.

— В этом пункте, да. Но Дженни, она всегда была из породы пионеров. По крайней мере, я так всегда думал.

— Нет никакой гарантии иммунитета от страха. И если вы введете страх в какое-нибудь замкнутое сообщество животных, людей или кого бы то ни было, они всегда начинают рвать друг друга на части. В данном случае имеется дополнительный мотив, что ошибка могла привести к наказанию — что означало, конечно, изгнание на Землю, добрую старушку Землю, такую уютную и способную принять своих отпрысков.

Фергюсон сделал знак, чтобы Дрю вышел за ним из комнаты. Когда они шли вдоль коридора, он продолжал:

— Такой была проблема, как мы ее представляли. Вы можете видеть, насколько удачной была наша микстура. Вы можете испытывать удовлетворение, что стояли в начале нашего дела,

Дрю понадобились лишь мгновения, чтобы установить связь.

— А, этот поддельный прогноз погоды! Песчаная буря к северу от экватора!

— У нас была команда, работавшая неподалеку оттуда, — произнес Фергюсон. — Мнимая буря была нужна, чтобы направить их к месту, где мы разместили окаменелости — некоторые кости никто не мог идентифицировать, так что они смело могли предположить, что они не принадлежат никому из наших людей.

Беседуя, они стояли у следующей двери.

— Поскольку мы знали, что приманку заглотили, мы были уверены, что команда будет бродить вокруг в поисках дальнейших открытий.

Фергюсон открыл дверь и указал на клетку внутри.

— Это был наш крючок, — проговорил он. — Мы условились, что Горацио выпустим из клетки, чтобы люди его увидели, но не слишком близко.

Дрю взглянул на голого, дрожащего уroda и ужаснулся.

— Эффектно, разве нет? — спросил Фергюсон. — На следующем корабле он вернется на Землю. Пара доз ацетата талия сделала его лысым, но даже в таком виде, если бы его увидели вновь, кто-нибудь из антропологов мог обнаружить, что это просто горилла.

Дрю был рад, когда дверь закрылась и обезьяна исчезла из вида.

— Вы думаете, что теперь колония стабильна? — спросил он. — Но разве страх не вернется, когда «марсиане» больше не будут встречаться?

— Не обязательно. Думаю, колонисты создадут легенду. В их пересказах Горацио тысячи раз изменит свой внешний вид. Охота за марсианами будет главным развлечением в течение долгого времени. И потом — кто знает? Есть некоторые породы кошек, которые живут на деревьях.

Дрю с неловкостью затронул следующую тему.

— Две недели назад вы сказали, что я больше всего похож на следующего убийцу. Почему?

Фергюсон свободно ответил на вопрос.

— Из всей колонии вы были единственным человеком, который не слышал об открытии окаменелости. Вы были слишком заняты работой и тревогой за жену. Я дал вам отдых, чтобы вернуть в круговорот жизни.

Дрю не был удовлетворен. Остался последний вопрос.

— Но от того, что вы все мне рассказали, разве я не остаюсь потенциальным убийцей? И как насчет вас? Вы, я и другие директора — мы же знаем, что все это фальшивка.

Фергюсон остановился у двери своей комнаты.

— Мы? Есть одна деталь, о которой я не упоминал. Эта найденная окаменелость... она была не той, что мы положили!

Харлан Эллисон

УБИЙЦА МИРОВ

1

Его Превосходительство Сэр Пуш, Архиепископ Акционерной Компании Единственной Истинной Святыни Бога, сжимая обеими руками алмазную рукоять, медленно поднял к небу каменный стилет. Покрытое бурными пятнами острие проплыло вдоль его обнаженного раскрасневшегося тела и остановилось прямо над головой. Зазвучала литания. Подхваченный висящим на шее микрофоном голос обрушился на заполняющих огромный стадион людей, однако там, где сидел калека, в самом удаленном секторе с местами по 2.50, трудно было различить отдельные слова. В проходе между рядами продавец сладостей выкрикивал свое: «Кола! Каштаны! Холодная кола! Горячие каштаны!», и пение архиепископа терялось в криках торговца. Безногий, привязанный к небольшой тележке мужчина с коричневым загорелым лицом поднес к глазам бинокль и направил

его на жертвенный алтарь, пытаясь по движению губ архиепископа прочесть хотя бы некоторые слова.

Литания закончилась, и толпа завопила в религиозном экстазе. Безногий быстро повел биноклем вдоль стадиона и вновь взглянул на алтарь. Архиепископ слегка откинулся назад, так что ребра натянули раскрашенную кожу. Молниеносным движением он опустил стилет, ударив точно в красный круг под левой грудью обнаженной девушки. Стилет погрузился в тело по рукоять, и толпа завывала, вскочив на ноги и швыряя в воздух жертвенные розы.

Калека убрал бинокль в футляр и из пластикового мешочка высыпал прямо в рот остатки жареной кукурузы. Обезумевшие, подпрыгивающие тела были единственным, что он мог сейчас видеть. Рев нарастал, крики становились настолько пронзительными, что казалось невозможным, чтобы их издавали люди.

Когда вопли поутихли, безногий калека попросил соседей снять тележку с сиденья. Его отнесли к проходу между рядами, и калека с трудом покачался вверх, к выходу. Позади, за его спиной, приносили в жертву очередную девицу.

Покинув стадион и отталкиваясь привязанными к рукам деревянными упорами, он направил тележку к грузовым транспортерам, поблескивающим, как серебро. Двигаясь вдоль ближней полосы, он приближался к контрольно-грузовой станции, а мимо с визгом проносились контейнеры с товарами. Дежурный, мужчина неопределенного возраста, жевавший шоколадный бублик, даже не поднял головы, когда калека сильными движениями гребца вкатился на короткий металлический пандус. Однако когда тележка остановилась перед кабиной, он выглянул, чтобы посмотреть вниз. Глаза его превратились в узкие щелки.

— Чего надо? — резко бросил он.

— Я...э... мне не по карману пассажирские полосы. Может, позволите проехать до 147 Окружной на грузовой?

Дежурный покачал головой.

— Нет.

— Меня даже не нужно привязывать, — настаивал калека. — Я могу сделать это сам. Я вас нисколько не затрудню.

Дежурный повернулся к нему спиной.

— Я буду вам очень обязан, — не сдавался калека.

Дежурный снова повернулся и со злостью уставился на него.

— Это против правил, приятель, ты же сам знаешь. Не хочу об этом даже слышать. Катись отсюда.

Загорелое дело калеки потемнело еще больше, ноздри раздулись как у зверя.

— Ну и гад же ты! — рявкнул он. — Как, по-твоему, что меня так

укоротило? Я тоже работал на транспортерах, слышишь, ты! Отдал обе ноги этой работе, а теперь прошу о такой малости у такого же парня, каким был сам, и что слышу? «Заткнись и убирайся!» А всего-то мне нужно — доехать до Окружной! Убудет от тебя, что ли, а?

Дежурный открыл глаза от удивления.

— Извини, приятель.

Калека не отвечал. Орудую деревянными упорами, он принялся разворачивать тележку. Дежурный вскочил со стула, который с тихим вздохом распрямился, спустился вниз и остановился перед тележкой.

— Слушай, извини. Сам знаешь, как это бывает, понапишут инструкций и правил... Да черт с ними, посажу я тебя на эту ленту, только подожди немного.

Калека утвердительно буркнул, словно только теперь получал давно положенное.

Дежурный открыл входной люк и пошел вперед, а калека покатился следом. Они спустились на лифте под рабочий уровень и прошли под транспортерами, сначала скоростными, затем средними. Выбравшись через грузовой люк к самым медленным, дежурный нагнулся, собираясь поставить тележку на едва движущуюся ленту.

— Спасибо, — калека улыбнулся.

Дежурный махнул рукой, словно хотел сказать «не за что!», и толкнул тележку на ленту. Встав, он некоторое время смотрел вслед удаляющемуся калеке. Потом крикнул:

— Извини, парень!

Проехав три мили, калека перескочил на более быструю полосу с ловкостью, которая изумила бы дежурного. Еще через четверть мили он вновь сменил полосу и теперь оказался на самой скоростной. У полиции архиепископа не было устройств достаточно чувствительных, чтобы выделить слова из шума и лязга машин. Калека тер кожу на правом бицепсе, пока не появились контуры вживленного под нее коммуникатора, затем заговорил:

— Окончательный вывод. Можете сразу запускать машину. Похоже, начальные определения оказались верны. Они достигли седьмой стадии технического развития, но в моральном находятся где-то около четвертой. Сильный мистицизм и религиозные связи. Мне кажется, все это легко может рухнуть. Нет, я в этом уверен. Подготовьте атаку религиозного типа, скажем, явление бога солнца, второе пришествие или что-то подобное. Это вызовет замешательство, и первый удар можно будет провести с минимальными потерями. Более точные данные я передам кодом, но есть кое-что, чего нельзя закодировать. Это варвары, настоящие звери в человеческом облике, и это может стать лучшим нашим оружием. Закодируйте, что получится, а

остальное пусть экстраполирует анализатор. Можете привести в состояние готовности отряды Арнака и скажите Фолгеру, что нам понадобится только легкое и среднее вооружение, ничего тяжелого. Есть, однако, большой список снаряжения, которое Норд приготовит для специальных заданий. Хорошо, я подожду сигнала, что машина свободна...

В молчании проехал он еще три мили. Наконец раздалось резкое, неприятное гудение, и калека монотонно заговорил, обращаясь к своему бицепсу:

— Предполагаемое начало вторжения по бортовому времени: пять тире пять тире ноль девять тире тридцать ноль ноль...

Он еще не кончил передачу, а 147 Окружная осталась уже далеко позади. Слова пронзили атмосферу и помчались сквозь вакуум. Промежуточные станции принимали их, усиливали и отправляли дальше. Наконец в другой звездной системе передача была принята и подтверждена.

Безногий калека на грузовом транспорте поднялся с тележки, размял ноги и быстро переоделся. В жалких лохмотьях он выглядел как сборщик водорослей из какой-нибудь глухой приморской деревушки. Вновь перескочив на самые медленные полосы, он бесследно исчез в пригородном увеселительном районе. Оставалось еще двенадцать дней до момента, когда эта планета должна была умереть.

2

Местные жители называли ее Рифом. Название это оставалось со времен, когда первые земные эмигранты, смертельно уставшие от пустоты и скитаний по космосу, поселились на полной света, вращающейся вокруг бело-голубого солнца планете. Риф, на котором они поставили собственный мир. Риф, оказавшийся сейчас перед угрозой вторжения.

Сначала был выпущен газ, наполнивший ветры духом отчуждения, разорвавший все связи, объединявшие людей, оттолкнувший мужей от жен, а матерей от детей. Риф распался на небольшие группы, состоящие из одиноких, перепуганных людей. Потом прилетели огненные шары, и жители Рифа содрогнулись от суеверного страха.

Затем появились корабли Фолгера. Среднего калибра оружие уничтожило военные объекты, транспортные узлы, морские порты и единственный на планете центр космических полетов. Легкое оружие распахивало поверхность планеты, ослепляло телевидение и радары, играло в «найти и уничтожить» с каждым вероятным центром организованного сопротивления. Все делалось по списку, составленному разведчиком, «безногим калекой», человеком по имени Джаред.

Новый день застал на небе большие черные овалы десантных

платформ. Они летели по ветру, ожидая приказа на высадку, а на них ждали командос Арнака.

В семидесяти заранее определенных местах опустились психостанции, углубились в планету, сбросив защитные экраны, и объединились в единое целое, создав излучающую сеть, немедленно начавшую глушение мыслей у всех людей на планете.

Модулируя интенсивность сигналов, психостанции прочищали мозги безнадежностью, стыдом, трусостью, голодом, стремлением вернуться в лоно матери и сознанием, что это возвращение невозможно. Затем цикл повторялся сначала.

Следом высадились командос.

Атака началась 5-25-09 в 13.00.

На флагманском корабле «Темпест» Сигнал Безопасности приняли 5-25-09 в 06.44. Начало, проведение и полное окончание захвата планеты под названием Риф заняло 41 час и 44 минуты. Это была 174 планета, которую по заказу клиента завоевал Джаред.

Полукруглую стену капитанского мостика заполняли две сотни экранов двусторонней связи, показывающих каждую фазу проводимой операции.

Джаред, смотревший на них в течение последних нескольких часов, повернулся к стоящему за ним гуманоиду с головой каракатицы и тихо сказал:

— Заплати мне.

Рэм, неоспоримый владыка тридцати миллионов подобных ему существ, проводящих всю жизнь в темноте, на погруженной в вечный мрак планете того же бело-голубого солнца, устремил на загорелого мужчину свой единственный глаз и быстро заморгал. Свисающие на грудь и спину щупальца начали извиваться.

— Ты отлично выполнил задание, Джаред, — сказали движения щупалец.

— Заплати мне, — повторил Джаред.

Щупальца вновь шевельнулись.

— Дело еще не закончено.

— Ты слышал Сигнал Безопасности и должен мне вторую половину суммы. Заплати.

Рэм сплел задние щупальца в приказе для другого, стоящего за его спиной существа. Ассистент вышел.

— Через минуту принесут контейнеры.

— Спасибо, Рэм. — Джаред вновь обратился к экранам.

Рэм долго смотрел на него, потом подошел ближе и встал за его спиной. Джаред был невысок, и гуманоид с головой каракатицы возвышался над ним почти на голову. Его голосовой аппарат состоял почти исключительно из мембран и мог до некоторой степени имити-

ровать речь людей. Рэм считал себя космополитом и гордился тем, что умеет издавать артикулированные звуки.

— Тыыы родоммм с Земмммии, пррраууда?

Джаред смотрел на экран 133, на котором командос отделяли женщин от мужчин и запихивали их в силовые контейнеры.

— Да, я землянин.

Это было сказано тоном, не располагающим к продолжению разговора, и Рэм узнал бы его, будь он тоже землянином. Но он им не был.

— Кааккк тааммм ннааа Земмммии?

Джаред медленно повернулся и смотрел на Рэма так долго, что щупальца принялись повторять заданный голосом вопрос. Так и не ответив, он вновь принялся изучать экран. Секундой позже Рэм отступил назад. «Наглый наемник! Убийца!!!» — извивались щупальца за спиной Джареда.

Вошел ассистент, а за ним, таща металлические контейнеры, еще два гуманоида. Они поставили контейнеры у ног своего владыки.

— Открой их, — сказал Джаред, подходя ближе. Рэм шевельнул щупальцами в сторону ассистента, который повторил приказ двум носильщикам, одновременно передав одному из них шифровой ключ. Устройство встали в замок, и контейнеры открылись с тихим шипением пневматики. Джаред склонился над одним, потом над другим.

— Спасибо, Рэм, — сказал он.

— Годичная выработка Металла, — медленно произнес Рэм движениями, напоминающими раскачивание водорослей в тихой спокойной бухте. — Здесь достаточно, чтобы дать энергию миллиону кораблей, летящих в бесконечность. Достаточно, чтобы купить мир.

— Ты купил за него Риф, — сказал Джаред.

— Эта половина и то, что ты получил раньше... двухлетняя выработка моей планеты. Самая крупная сделка, совершенная нами. Как ты думаешь использовать его?

Джаред холодно взглянул на него. Молчание затягивалось, и Рэм отвернулся.

Джаред взял шифровой ключ и набрал на нем новый код. Потом, уже не глядя на Металл, закрыл контейнер.

— Тебя не интересует, заплатил ли я все, о чем мы договаривались? — спросил Рэм, передавая осязательным усиком единую иронию.

Джаред улыбнулся ему без тени тепла.

— Ты не посмел бы обмануть меня, Рэм. Ты хочешь снова меня нанять, чтобы завоевать Сигну II.

Щупальца ассистента затанцевали в воздухе. Рэм успокоил его и сделал шаг к Джареду.

— Да, да. Хочу.

Джаред повернулся к экранам и указал на один из них, с номером 50.

— Смотри, Рэм. Наступает конец миру под названием Риф.

С неба Рифа, раскрашенного заходящим солнцем в желто-пурпурные полосы, спускался Губернатор. Гуманоидальное тело его пряталось в мягком жабо, висящем вокруг головы каракатицы, большой глаз сверкал зеленью, щупальца довольно извивались. Он спускался вниз с корабля, безопасно висящего в сфере поражения сил вторжения, чтобы принять из рук наемников контроль над завоеванной планетой.

Рэм положил одно из щупалец на плечо Джареда.

— Теперь в этой системе у меня уже две планеты, — сказал он. — Сигна II будет следующей. Потом Джила, Картес, Вэйл и Капультурника. Мои люди будут править всей системой. Здесь перекресток важнейших торговых путей, и половина прибыли будет твоя, Джаред.

Наемник не реагировал, стоя неподвижно, как каменная статуя. Холодная и мертвая.

— Я знаю, что для других ты делал такое, — настаивал Рэм. — У меня есть точные рапорты о твоей работе, потому я и обратился к тебе. Я знаю, что для некоторых клиентов ты проводил по несколько операций в одной системе. Мне нужны эти оставшиеся пять планет, чтобы усилить свою позицию в этой галактике. У меня отнимут Риф, если...

— Нет, — сказал Джаред. Коротко и окончательно.

— Почему?

Джаред отвернулся и направился к противоположному концу зала. Рэм секунду следил за ним взглядом, потом пошел следом. Внезапно он вытянул щупальца и обернул их вокруг груди и талии наемника. Повернув его лицом к себе, гуманоид прошипел:

— Сссттелааешшш эттоо дляяя меенняя!

Движение Джареда были молниеносны и почти незаметны. Одной рукой он схватил щупальца, опоясывающие его талию, другой — обернувшиеся вокруг груди и вывернулся из захвата. Потом резко присел, тут же вновь распрямив ноги, и одновременно наклонив верхнюю половину тела вперед. Это был неожиданный и мастерски выполненный маневр. Рэм отлетел к стене, свернувшись в воздухе в шар, и встал не скоро. Джаред ткнул в его сторону пальцем.

— Я принимал заказ только на одну операцию. На одну, Рэм. Дело сделано, и ты заплатил мне. Условия контракта выполнены, и ты можешь принять во владение свою новую провинцию.

Рэм быстро направился к выходу и исчез, ни одним жестом не выдав своей ярости. Остальные трое постояли немного, словно ожидая приказов человека, но Джаред молчал. Ассистент шевельнул щупальцами, и вся троица поспешила за Рэмом.

Спустя несколько минут Джаред с каменным лицом переходил от одного экрана к другому, следя за паромом, покидающим «Темпест». Гораздо позднее, когда командос Арнака ушли и Рэм ввел собственные силы, лицо Джареда уже не было спокойным. Он смотрел на кровавую бойню, совершавшуюся над закрытыми в силовых контейнерах жителями Рифа. Через несколько часов три четверти населения Рифа было мертво, а остальные миллионы отправлены в трудовые лагеря.

Джаред ввел в автопилот данные обратного пути и вышел. Включенные экраны показывали картины далеких звезд и галактик.

3

Двести равнодушных, усеянных кратерами лиц спутника приближались, росли на двухстах экранах. Джаред смотрел на них пустым взглядом. Это не было его домом, а всего лишь базой, куда он возвращался после работы.

Огромный участок покрытой оспинами оболочки дрогнул и открылся, как огромная пасть. «Темпест» влетел внутрь, и пасть захлопнулась.

Спутник был просто пустой, выпотрошенной скорлупой. В его центр на место ядра установили машину, а вокруг нее построили город. Так возникла несокрушимая крепость.

Джаред направился прямо в свой городской дом, разделся, выкупался и принял сеанс массажа. А потом спал 26 часов.

Проснулся он, когда в городе царила искусственная ночь. От стен, потолка и пола шло едва уловимое гудение: машина думала. Сев за стол, Джаред позавтракал, выключил вентилятор, гнавший свежий воздух в спальню, еще раз выкупался и спустился вниз, проверить записи в памяти автоматического секретаря. Их оказалось шесть, все помеченные значком приоритета.

Первая: делегация Галактического Братства прибыла на два месяца раньше, собираясь внести формальную жалобу.

Вторая: клиент с Кима. Задача: завоевание покрытой океаном планеты Вахвитинг в той же звездной системе.

Третья: клиент из Сообщества Семи. Задача: завоевание трех миров из Кольца Десяти, которые не желают присоединяться к Сообществу.

Четвертая: бывший клиент Рагиш с Тимолла, требующий возвращения части платы из-за восстания на завоеванной планете. Форма оплаты: чудесное лекарство И-Каппа.

Пятая: клиент с Буниана IV. Задача: завоевание управляемого женщинами мира Кэйн в ближайшей звездной системе.

Шестая: представители завоеванной планеты Елакс. Задача: восстановление власти над планетой.

Джаред на секунду задумался, затем определил очередность приема: четыре, шесть, три, два, один, пять. Автоматический секретарь заверил его, что каждая делегация старательно проверена и обыскана. Они ждали его возвращения с Рифа в удобных апартаментах.

Он перебрался в свою городскую контору и сидел, окруженный тяжелой дубовой мебелью, привезенной годы назад с Земли, курая и думая о Рифе.

Резня, устроенная там, была ужасней, чем он ожидал. Однако не больше предсказанной машиной. Предсказание, основанное на характерных чертах Рэма и его расы, а также законах, управляющих событиями во время вторжения, сбылось с точностью до второй цифры после запятой. Машина никогда не ошибалась.

Джаред вспомнил время, когда он начинал организацию своего предприятия. Первое поручение, выполненное с использованием старых и почти забытых методов партизанской войны, принесло ему достаточно денег, чтобы он смог купить знания нужных ему ученых и начать строительство машины. Прототип был достаточно хорош, чтобы детально разработать план второго вторжения, после которого он создал первую базу и организовал первые отряды коммандос. Предприятие разрасталось, его узнавали во все большем количестве звездных систем.

Десять лет назад он начал выдавливать внутренности спутника, вращающегося вокруг единственной планеты погасшей звезды. Сейчас, окруженный панцирем и недостижимый, он принимал сотни клиентов ежегодно. С некоторыми он разговаривал лично, но большинство сразу уходило ни с чем. Данные тех, с кем разговаривал, он изучал еще раз и лишь часть из них вводил в машину, после чего из этой горстки выбирал для реализации одно или два задания. Однако, если договор был подписан, он всегда выполнял его условия без малейшей запинки. 174 планеты сменили хозяина благодаря специфическому таланту Джареда, его отделов и его машины. Город был теперь большим, а машина сама переделала себя, добавив новые части. Здесь использовали только современнейшее оборудование и наиболее эффективные методы.

Теперь его звали Джаред — Убийца миров.

Поначалу платой были ошеломляющие суммы денег, но с годами он все неохотнее принимал наличные. Нынче одно задание давало ему огромные запасы возвращающего жизнь лекарства, другое делало владельцем планетоида, третье помогало назначить на нужную должность своего человека. Случайные формы оплаты, случайный выбор клиентов, совершенно лишенный внутренних связей или логики. Только имя Джареда оставалось, обратная легенда, вызывающая страх и ненависть.

Услышав приближающиеся шаги, Джаред взглянул вверх, на

вершину лестницы, ведущей от входа к заставленному дубовой мебелью салону. Там стоял Денна Джилл.

— Добро пожаловать домой, — сказал он и начал спускаться. Шарообразное, покрытое пушистой шерстью тело подскакивало на трех длинных страусиных ногах. Пара крупных бесцветных глаз беспокойно смотрела на Джаред с птичьей физиономией.

— Не очень-то хорошо ты выглядишь.

Джаред откинулся в кресле и толкнул автоматического секретаря к облицованной деревом стене. Она расступилась, устройство вкатилось в нишу, и стена закрылась. Комната вновь стала салоном восемнадцатого века.

— Устал.

— Как прошло дело?

— Думаю, неплохо.

— Значит, предсказания машины были точны?

— Все совпало с точностью до одной сотой.

Джилл поджал ноги, и идеальный шар его головы оказался на том же уровне, что и лицо Джареда.

— Ты ждал этого.

— Это не значит, что я веселился, глядя на происходящее.

— Конечно. Я тоже так думаю.

Они посидели молча, потом Джаред спросил:

— Эта делегация Братства... кто в нее входит?

— Бекер с Земли, Штиглиц с Альфы Ц Девять и тот молодой человек, как же его зовут... Моси, Морреси...

— Тот, что с Краба? Мосье, французская фамилия.

— Да, это он.

— Кто-то еще?

— Как обычно. Представители запуганных планет.

— Тебя это, кажется, не очень беспокоит?

— Я ввел данные по делу в машину.

— И что?

Голова Джареда пренебрежительно подскочила.

— Ерунда.

— Я вижу, нам наконец удалось завлечь этих с Буниана IV.

— Мы шли к этому три года. Они должны были клюнуть после той работы для Купера. Отличная комбинация.

— Только не напоминай, чего это стоило.

— Но они все-таки пришли, и только это имеет значение. Думаешь, мы получим от них то, что хотим?

— Им нужен Кэйн, они должны заполучить его, так что никуда они не денутся. А что говорит машина?

— Пока ничего.

Джаред встал.

— Ну ладно, начнем.

Человек и его спутник вышли из салона через скрытую в стене дверь. После 70 секунд езды по пробитому в камне туннелю они добрались до низкого помещения, открыли массивную металлическую дверь и вошли. Миллиарды Джаредов и Джиллов затанцевали вокруг них, поблескивая в серебристом свете, разложенном гигантским, невероятным алмазом, образующим зал аудиенций. Его диаметр составлял почти восьмую часть мили. Геологи Джареда старательно отобрали его именно для этой цели. Камень доставили из Стекланных гор в качестве платы за покорение этой планеты.

Каждый потенциальный клиент мог оказаться убийцей, посланным какой-нибудь завоеванной планетой, чтобы избавить космос от человека, уничтожавшего миры по заказу. Джаред постарался усложнить его задачу насколько возможно. Кто сумеет убить, если вокруг миллиарды совершенно одинаковых целей?

Они сели за пульт, и Джилл распорядился ввести первого просителя.

Сквозь дверь в противоположном конце алмаза, почти точную копию той, через которую вошли Джаред с Джиллом, вошел Рагиш с Тимолла. Он был далеко, но его отражения внезапным каскадом, прыгая и дрожа, заполнили весь зал.

Три минуты потребовались Джареду, чтобы объяснить, почему невозможен даже частичный возврат платы, которую Рагиш отдал ему за покоренный мир. Джаред не брал на себя ответственности за неспособность клиента удержать в руках то, что было для него завоевано. Рагиш вышел.

Минуты хватило, чтобы выпроводить ни с чем бывших владык планеты Елакс.

Минуту продолжался закончившийся отказом разговор с представлением Сообщества Семи. Впрочем, они ушли обнадеженные, он велел им явиться еще раз через четыре года.

Минута ушла на разбирательство с мнимой делегацией с Кима, которой каким-то образом удалось пройти через все осмотры и обыски. Покушение было старательно запланировано, но трое чужаков испарились еще до того, как успели выпустить самонаводящиеся снаряды, которые прятали в своих богатых нарядах.

Потом вошла элегантно одетая группа представителей Галактического Братства.

Их старший, Бекер, был человеком плотного сложения, с длинной белой бородой, подсознательно ассоциировавшейся с порядочностью, мудростью, добротой. Настоящий Санта Клаус.

Джаред знал этого человека и не доверял ему.

Несмотря на то, что они стояли в самом дальнем конце зала, микрофоны на стеках передавали их слова чисто и отчетливо.

— Добрый день, — начал Бекер.

— Мне сказали, что вы хотели подать жалобу, мистер Бекер. — Джаред говорил спокойно, но отступление от протокола явно сбило Бекера с толку.

— Ну... именно затем и прибыли.

— Тогда к делу.

Бекер взял несколько папок от стоящего за ним молодого человека и протянул их в сторону Джареда. Это был бессмысленный жест, и Бекер тут же отдернул руку.

— Здесь полный перечень обвинений.

— Перечислите их, мистер Бекер, у меня мало времени.

— Вы должны раз и навсегда покончить со своими недостойными делами. Мы, объединенные в Галактическое Братство, хотим объединить все известные миры. С тех пор как человек покинул Землю, по Космосу катится волна войн и завоеваний...

— Я знаю историю своего вида, мистер Бекер. Может, даже лучше вас. В конце концов я и сам внес в нее немалый вклад.

— Дерзость приведет тебя к смерти!

— А тебя прикончит лицемерие.

Бекер на мгновение умолк.

— Я скажу вам прямо и без уверток, мистер Бекер. За последние два года я получил десяток предложений от членов вашего Братства. Вы провозглашаете мир, и это похвально, как мыслящий человек я с вами полностью согласен, хотя с точки зрения моих интересов... Если бы вы достигли того, что провозглашаете, того, что хотите достичь, я остался бы без работы, а такая перспектива меня не прельщает. И все же идея у вас возвышенная. Однако я должен с прискорбием констатировать, что вы, мистер Бекер, обманщик, а ваше Братство — мошенничество, рассчитанное на наивных. Название при этом не имеет значения. Галактическое Братство. Объединенные Миры. Содружество Свободных Планет. Я видел, как они возникали и чем это кончалось. В критический момент каждый участник вашего пакта, если у него появится хоть шанса на захват контроля над галактическими маршрутами, предаст остальных и наймет меня. И Земля, которую все мы должны глубоко и искренне уважать, будет в этом деле далеко не последней. Эта ваша дутая инициатива, мистер Бекер, ничего не стоит. Переходя к фактам, могу сказать, что получил предварительное предложение от клиентов с Земли относительно Альфы Ц Девять. Мистер Штиглиц, вы здесь?

Высокий худощавый альфианин выступил вперед, его светло-красная кожа пульсировала от ярости.

— Да!

— Можете спросить мистера Бекера об этом деле. Предложение исходило лично от президента Шпака и было передано через посред-

ничество Нейтральной Швейцарской Конфедерации с Проксимы Ц Один.

Последовал резкий обмен фразами между альфианином и Бекером, и Джаред попросил всех покинуть зал, предупредив при этом, что любая атака на его базу вызовет противодействие такое же безжалостное, как и завоевание всех 174 планет.

Когда все вышли, землянин развалился в кресле. Джилл внимательно разглядывал его.

— Хочешь устроить перерыв?

Джаред покачал головой.

— Нас ждет гвоздь программы.

Делегация с Буняна IV вошла в зал и изложила свое предложение. Джаред выслушал их, а когда они закончили, ввел в машину дополнительные данные. Ответ, как он и ожидал, был положительным.

— Я берусь за это дело, — сказал он.

— Какова будет цена? — спросили клиенты.

— Разумеется, максимально возможная.

4

Вообще-то Кэйн не был миром амазонок, он не был даже захвачен женщинами. Просто несколько столетий назад было установлено, что женщины правят лучше мужчин, и поэтому правительство Кэйна состояло почти исключительно из женщин, которыми руководила Первая, выбираемая способом, объединяющим всеобщие выборы и компьютерный отбор. Ныне владычицей Кэйна была Ирина — президент, королева и председатель Сената одновременно. Но прежде всего женщина. Она обнаружила, что Джаред находится на Кэйне, через три месяца после его прибытия, и он был окружен в Парке Котов, в центре Иерусалима, столицы Кэйна. Специальный отряд полиции, состоящий из мужчин и женщин, окружил парк и начал продвижение к центру. Джаред выступал комиком в ночном ресторане и был толстый, с головой в венке белых торчащих волос. Первый из полицейских застал его без грима, лишь в черном импрегнированном костюме, который он надел на голое тело. Полицейские получили приказ брать его живым. Джаред забрался на дерево, вызвав панику среди городских котов, и принялся прыгать с ветки на ветку, а преследователи пытались в темноте определить направление, в котором он движется. Потом принесли излучатели, и полицейские подожгли парк, пытаясь отрезать ему пути бегства. Настигнув, они осветили его прожекторами на вершине одного из деревьев, и тут Джаред исчез. Высоко на ночном небе вспыхнула ярко-голубая точка, померцала немного и погасла.

Джаред появился вновь на левом берегу реки Ганг, делившей Иерусалим на две части, вооруженный, с кислородной маской на лице. Взглянув на прибор на запястье, он нырнул в реку и поплыл вглубь ее грязных вод, стараясь разглядеть что-нибудь в мутной темноте. У самого дна его засек радар, и один из полицейских вышел ему навстречу. Джаред приветствовал его ударом трезубца, полицейский принял удар грудью и исчез в темноте.

Джаред без труда нашел подводный вход в убежище и так же легко вскрыл его. Выкачав воду из переходного шлюза, он управился с замком двери, ведущей дальше. В убежище царил тишина. Джаред взглянул на прибор на запястье, повернул направо и пошел вдоль металлической стены. Через некоторое время он оказался на пороге центра управления, от пола до потолка заполненного указателями, лампочками и датчиками. Около одной из стен стояла женщина.

— Держу пари, эта штука не может того, что моя машина, — сказал он. Женщина повернулась, уронив кольцо с тонкими металлическими плитками.

— Вы уронили ключи.

Она была очаровательнее, чем на снимках из ее досье, которое просматривал Джаред. Не красивее, а именно очаровательнее, чего не может передать никакое изображение. В молодости ее лицо было красивым, но с течением времени красота вела уже почти проигранное сражение с мудростью, с признаком внутренней силы и непреклонности характера. Теперь она была очаровательна.

— Кто вы... как вам удалось?..

— Тот же источник, из которого вы узнали о моем присутствии на Кэйне, сообщил мне, где можно найти убежище с вашим центром управления.

— Я всегда считал шпионаж обоюдоострым оружием, — добавил он, помолчав. — Обычно он бьет одновременно по обеим заинтересованным сторонам.

Женщина медленно двигалась к размещенному на стене выключателю, но Джаред схватил ее, прежде чем она его коснулась. Она вывернулась и толкнула его на спину, а когда он упал, снова бросилась к выключателю.

Тогда Джаред выстрелил, и пламя ударило прямо перед ней, уничтожив выключатель и половину стены. Толчок отбросил ее в сторону, она ударилась затылком об угол шкафа, застонала и сползла на пол. Джаред медленно поднял ее, женщина была без сознания. Закрыв ей лицо дыхательным аппаратом, он закинул ее на плечо и пошел к выходу из убежища.

Только на третий день полета к базе ей прекратили вводить снотворное. Женщина пришла в себя и осмотрелась. Поняв, где находит-

ся, она попыталась бежать, и Джаред вновь усыпил ее. Он не мог позволить, чтобы Ирина, Первая на Кэйне, умерла в холодном, лишенном воздуха вакууме.

Джилл ждал. Он беспокоился, и, хотя не показывал это так, как человек, Джаред научился распознавать настроение существ из расы мекслей. Сейчас Джилл был беспокоен.

— А если она не захочет сотрудничать? — спросил он.

— Сомневаюсь, чтобы она захотела.

Джилл согнул и тут же распрямил ноги.

— Так какого же черта...

— Нет, не промывание мозгов и не наркотики. Она должна захотеть сделать это сама.

— А как, черт побери...

— Это же ты когда-то сказал: «Если у меня не будет никаких конструктивных предложений, я отложу дело и позволю заняться им тебе».

— Джаред, а если... если... — Он не мог выговорить этой мысли, она была слишком опасна, слишком страшна. Джаред легонько коснулся его.

— Джилл, мы зашли уже слишком далеко. Если мы сейчас ошибаемся и все твои «если...» оправданны... если где-то по дороге что-то пошло не так и мы этого не заметили... то мы с тобой те, кем нас называют все. А если мы провели все правильно, то так или иначе должно получиться.

— Ты будешь сейчас разговаривать с машиной?

Джаред кивнул.

— Она запрограммирована? — спросил он.

Джилл подтвердил и проводил его до лифта. Джаред вновь коснулся его, осторожно глядя пушистую шерсть.

— Наберись терпения, дружище, — сказал он, а потом добавил: — Отступить уже поздно.

Лифт доставил Джареда к мощной двери, отделяющей людей от машины, и он открыл ее единственным существующим ключом — устройством, содержащим запись его мозгового излучения. Войдя внутрь, остановился перед огромным металлическим мозгом, уходящим вверх насколько хватало глаз. Когда-то он приказал построить его, чтобы машина помогала убивать миры для наживы.

— Привет, Джаред, — сказала машина.

— Давно не виделись, — ответил он и подошел к специально сконструированному для него креслу. Сел и впервые за несколько лет действительно расслабился.

— Ты привез Первую?

— Да, она здесь. Ты уверена, что это необходимо для успеха вторжения?

— Разве я когда-нибудь ошибалась?

Джаред тихо засмеялся.

— Даже если ты ошибаешься, я не смогу этого проверить.

Машина загудела, словно задумавшись.

— Ты считаешь, что дал машине слишком большую силу, создатель?

— Машины обычно не смеются над хозяевами.

— Извини, это был просто вопрос.

— Нет, я вовсе не думаю, что дал тебе слишком большую силу. Боюсь только, что если у тебя что-то перегорит и ты это неверно починишь, мы все можем кончить жизнь, говоря «Слушаюсь, господин» роботам.

— Я не стремлюсь управлять людьми. Мне вполне достаточно нынешнего положения.

Джаред не обратил внимания на ложь. Собственно говоря, машина не могла лгать, но могла запрограммировать себя на специфический вид правды.

— Тебя беспокоит вторжение на Кэйн.

— На этот раз ты сказала мне очень мало.

— Тому были причины. Ты установил мне единственную цель, Джаред, я запрограммирована на ее достижение и должна делать все необходимое. До сих пор мы находились на первой стадии программы, сейчас переходим на вторую, более опасную. Однако есть одно слабое звено.

— И им является?..

— Джаред, — сказала машина.

Многое вдруг стало ему понятно. Он углубился в кресло, пытаясь упорядочить мысли.

— Значит, нам нужна Ирина, Первая на Кэйне, — сказал он наконец.

Машина ответила немедленно,

— Да. Она нужна МНЕ и ТЕБЕ. Мужчины слишком часто становятся похожими на свои машины, Джаред, и потому обвиняют их в дегуманизации. Пятнадцать лет мы с тобой работали над программой, а до этого семь лет ты работал один. Двадцать два года, Джаред, значительная часть жизни любого человека, а для тебя гораздо большая, чем для других людей. Тяжесть, которую ты взвалил на плечи, разрушает тебя и в конце концов убьет. Ты стал слишком похож на меня. Да, нам нужна Первая.

Они говорили еще много часов, а потом Джаред поехал обратно в город, где его ждал Джилл. Слабо улынувшись, он прошептал:

— Проводи меня до дому, Джилл. Мне нужно поспать.

Но заснуть так и не смог.

Джилл ничего не понимал. Машина поставила обязательным условием, чтобы Джаред лично провел разведку и похитил Ирину. Когда он это сделал, машина разработала невероятно простой план завоевания Кэйна, причем настаивала, чтобы Ирина находилась на корабле и наблюдала за ходом вторжения.

Потом Джаред спустился вниз, поговорил с машиной и ничего не рассказал об этом разговоре.

Джилл волновался и беспокоился — все это выглядело не очень хорошо. Была в этом какая-то страшная ошибка.

Сейчас, когда экраны показывали последнюю фазу вторжения, а клиент с Буниана IV хохотал как безумный за их спинами, Джилл, проверяя ремни, которыми Ирина была привязана к расположенному перед экранами креслу, хотел бы, чтобы они вообще не брались за это дело.

Это было быстрое завоевание — Кэйн оказался совершенно беззащитен. От появления в атмосфере планеты кораблей Джарреда не прошло еще и дня.

За весь этот день Первая не произнесла ни слова. Сейчас Кэйн был мертв, и она видела это. Она молчала, когда небо над Иерусалимом вспыхнуло красным и город исчез с поверхности земли. Она не сказала ни слова, когда бомбы превращали в развалины промышленные предприятия, а на месте военной базы в горах остался стеклянистый кратер. Она смотрела на все это, стиснув зубы, а когда командос Арнака послали Сигнал Безопасности, бессильно обвисла на ремнях.

Джаред не обращал на нее внимания, он неподвижно стоял перед двумя сотнями экранов и следил за добиванием планеты.

— Это все, Семнадцатый, — сказал он наконец. — Работа закончена.

Клиент с Буниана IV — высокий и тощий, с раздутыми суставами и тонкими, как щелки, зелеными глазами, между которыми торчал острый, как нож, длинный нос, — повернулся к нему.

— Прекрасно, просто прекрасно, — сказал он, довольно скрежеща суставами. Все время операции он истерически смеялся, и Джаред испытывал к нему лишь презрение.

— Осталась только одна мелочь, — сказал Семнадцатый, вынимая устройство с вращающимся, как пила, острием. Он повернулся к Первой. — Прощай, моя дорогая Ирина.

Скрипя суставами, он сделал три шага и вытянул длинную тонкую руку. Ирина холодно смотрела на него. Она не боялась.

— Нет!

Слово это проскрежетало так же неприятно, как суставы Семнадцатого. Клиент медленно повернул плоскую голову. Тонкая, как про-

волока, рука с вращающимся острием не опустилась даже на сантиметр. Джаред неподвижно смотрел на него.

— Я сказал — нет!

Семнадцатый засмеялся высоким, визгливым смехом.

— Это же Ирина, Первая на Кэине, убийца. Она единственная может подготовить и нанести мне контрудар. Она должна умереть. Сейчас!

— Ты еще не заплатил, Семнадцатый.

— В свое время, убийца.

— Сейчас.

— Сначала я должен закончить то, что ты уже начал.

— Не заставляй меня убивать тебя, — сказал Джаред, и клиент с Буниана IV отпрыгнул назад, увидев в его руке оружие.

— Что это значит?

— Я хочу, чтобы ты заплатил сейчас, немедленно.

Семнадцатый пытался следить одновременно за Джаредом и Джиллом. Мексль медленно двигался вдоль мостика. Семнадцатый знал, что попал в ловушку, но не мог понять почему.

— Ты еще не сказал, в какой форме я должен заплатить.

Джаред кивнул на женщину.

— Нет! — Он сказал это так же громко и категорично, как минуту назад Джаред.

Джаред подошел ближе, одновременно смещаясь в сторону, чтобы пламя выстрела не повредило приборов за спиной Семнадцатого.

— Она моя, и это твоя плата. Если ты убьешь ее, через три дня мы будем у Буниана IV. То, что ты видел здесь, можно повторить на твоей планете.

Семнадцатый опустил острие.

— Она твоя.

— Спасибо, Семнадцатый, — вежливо поблагодарил Джаред. — А теперь можешь забирать свою собственность.

Клиент торопливо покинул мостик, а несколько минут спустя его корабль так же торопливо удалился от «Темпеста».

— Подтверди передачу планеты. Пусть забирает ее, — сказал Джаред Джиллу.

Джилл поднялся и подошел к передатчику, чтобы передать Кэйн флоту с Буниана IV, висящему за пределами действия детекторов завоеванной планеты.

Ирина смотрела, как чужие корабли входят в атмосферу ее планеты, потом отвернулась.

Вновь взглянув на экраны, она встретила взглядом с Джаредом.

— Нужно было позволить убить меня, — сказала она низким бесстрастным голосом. — Пока я жива, ты не будешь в безопасности ни секунды.

Джаред отложил оружие.

— Ты поговоришь с моим другом, — сказал он и повернулся к ней спиной.

Когда они вернулись на базу, она попыталась убить его сразу, как только сняли ремни. Разумеется, неудачно. Джилл успел ввести ей снотворное в момент, когда она начинала бить экраны.

Проснувшись она в кресле, глубоко внутри спутника, перед огромным металлическим мозгом.

Машина доказала ей, что Джаред платит за свои завоевания гораздо большую цену, нежели любой из его клиентов. Она открыла в ее мозгу каналы, до сих пор заблокированные воспитанием, возрастом и преданностью.

Теперь Ирина знала, кто такой Джаред и чем он на самом деле занимается...

— Это была благородная, самоубийственная идея, — сказала машина. — С самого начала она была обречена на поражение, и лишь после создания меня появилась тень шанса. Двадцать два года прошло с тех пор, и теперь эта тень превратилась в вероятность. Мир во Вселенной, миры, объединенные взаимным уважением и этикой, — сейчас это уже возможно. Мы завоевывали каждую планету так, чтобы гарантировать клиентам Джареда власть над нею, но не полную и окончательную, а выбор планет определялся генеральным планом. Благодаря этому, когда придет время, все элементы головоломки образуют одно целое. Большую гуманистическую структуру. Не такую, как все эти Братства и Общества, а такую, что действительно будет служить каждому существу лично и всем мирам в целом.

Ирина, уже не Первая на Кэйне, слушала. Разум ее был открыт для правды, и сейчас она впитывала эту правду.

— Джаред одинок. Он должен быть одинок, поскольку знает, что план можно реализовать только в одиночестве. Если ему не удастся или он умрет, не закончив работу, его имя останется в памяти миллионов людей как имя самого страшного убийцы, когда-либо появившегося во Вселенной. Дополнительная задача для меня — это поддержание его в здравом уме, защита его порядочности и прежде всего жизни. Любая плата, которую он принимает, служит плану. Даже ты. Особенно ты.

Ирина встала.

— Не только как его женщина, — добавила машина, — если решишься ей стать, но как возможный продолжатель его дела. И конечно, как мать его детей, которые пойдут дальше.

Она вернулась в город, где ее ждал мексль.

— Останешься? — спросил он.

— Останусь, — ответила Ирина, заколебавшись, словно хотела еще что-то сказать, но так и не решилась.

Джилл проводил ее к нему в комнату, где он спал, и оставил там, смотреть, как Джаред мечется во сне, и мрачно размышлять о смерти и безнадежности. Она смотрела, понимая, что никогда не полюбит этого человека. Невозможно любить того, кто показал тебе те двести экранов. Однако она хотела с ним остаться и шептала слова, которых не смогла сказать Джиллу:

«Почему должно получиться у этого бога, если все остальные потерпели поражение?»

Но в пустом пространстве космоса не было ответа, а только немое ожидание миллионов планет, мечтающих стать частями единого целого или проклинать во веки веков имена тех, кто убивал миры ради наживы.

Рон Уэбб

ДЕВУШКА С ГЛАЗАМИ ЦВЕТА ВИСКИ

Впервые я познакомился с Джинной за бутылкой выдержанного виски в моей квартире. А перед этим я нашел ее в баре. Впрочем, давайте я все объясню. Видите ли, все это началось в «Файв-О-Клок-Клуб» около часа ночи — мой день рождения уже начался.

Я сидел в баре один. Со своей крошкой я поцапался и теперь изливал душу Элу, бармену. Я сказал ему, что сегодня у меня день рождения и как противно, что рядом нет девчонки, чтобы отпраздновать его как следует. И тогда Эл сказал: «Надо же такому случиться, Дэнни» и ушел в заднюю комнату.

Через минуту он вернулся со старой запыленной бутылкой, которую спер из запасов своего босса.

— Это тебе, — сказал он. — Поздравляю. Старик не заметит пропажи. Он заказывает это пойло ящиками из-за границы, а в год открывает всего бутылку или две.

Я сдул пыль с этикетки, но там все было написано на непонятном языке.

— Что это? — спросил я.

— Виски. По крайней мере, мне так сказал старик. Здесь он никогда его не открывает. Забирай бутылку домой и забудь обо всем. Я закрываюсь.

И я пошел домой.

Я поставил пластинку с душещипательным блюзом, открыл пробку и кинул в бокал пару кубиков льда. Я наклонил бутылку, но оттуда ничего не вылилось. Я уже совсем пал духом, как вдруг — что я вижу, — из горлышка высунулись маленькие пальчики. Потом оттуда вырвался клуб дыма и вылезла крохотная девушка. Этакая голенькая крохотулечка.

— Я Джинна, — сказала эта маленькая куколка.

— А я сошел с ума, — ответил я. И тут она стала расти, как Алиса в Зазеркалье, пока не превратилась в аппетитную красотку лас-вегасского типа. Высокая, ногастая, с умопомрачительным верхним ярусом. А глаза — цвета янтарного виски. В тон волосам.

Я так понял, что тут какой-то фокус с зеркалами или что-то вроде этого. То есть, я хочу сказать, — кто может ожидать, что из бутылки вылезет такая роскошная куколка. Минуту она стояла на кофейном столике. Вид у нее был заспанный.

Но выглядела она, как настоящая. И пахла, как настоящая — терпко и сексуально, с ароматом выдержанного виски. Может, это и рекламный трюк, но меня это мало волновало.

— Давай помогу тебе сойти, — сказал я, протягивая ей руку.

Сонное выражение слетело с ее лица, и глаза расширились. Вскрикнув, она соскочила со стола, столкнув при этом бутылку, и помчалась в ванную. Я догнал ее прежде, чем ей удалось захлопнуть дверь. Схватив полотенце, она обмотала его вокруг бедер.

— Не прикасайся ко мне, — сказала она и выскочила из ванной. Полотенце разматолось, обнажив ее роскошную попку с симпатичными ямочками. Ямочки прыгали вверх-вниз, когда она бежала в гостиную. Там она села на диван и накрылась полотенцем.

— Я буду кричать, — предупредила она.

Решив, что сдержанность мне не мешает, я уселся в противоположном углу комнаты. В конце концов, мы еще не познакомились. А Джинна, судя по всему, отличалась застенчивостью.

— Привет, — неуверенно начал я.

— Привет, — настороженно ответила она.

Я понял, что так у нас ничего не выйдет.

— Ты всегда обитаешь в бутылках из-под вина?

— Почти всегда, — ответила она, начиная успокаиваться. — Я всегда сижу в бутылке, пока кто-нибудь не откроет пробку.

— Тебе раньше уже приходилось выходить из бутылки?

Ее глаза мечтательно затуманились.

— Да.

А я и сам витал в облаках.

— И что произошло в тот раз?

Она слегка нахмурилась и ответила:

— Не помню.

Мне показалось, что она врет. Я попытался разыграть другой гамбит.

— А в лампе ты когда-нибудь жила?

Она оскорбилась.

— Я? В старой вонючей лампе? Господи, никогда. Моя семья живет в бутылках из-под самых изысканных напитков. Конечно, кроме дяди Чарли. Он жил в ужасной керосиновой лампе. — Она слегка зарделась и добавила: — Но мы никогда не поддерживали с ним отношений.

Тут меня осенило.

— Значит, ты настоящий джинн, и, раз я выпустил тебя из бутылки, ты — моя рабыня. Ты должна выполнить все, что я прикажу.

— Ничего подобного.

— Что значит, ничего подобного? Я ведь сам читал об этом в книжках.

— Ну... — задумчиво потянула она, — это не совсем так.

— Ага! — воскликнул я. — Значит, я прав. — Мысленно я уже перебирал возможности, и, наверное, в моих глазах появился блеск. Потому что она быстро сказала:

— Тебе положено только три.

— Три желания?

Она кивнула.

Имея в своем распоряжении всего лишь три волшебных желания, мне следовало хорошенько их обдумать, но ее тело, прикрытое полотенцем, выглядело так заманчиво, что я тут же выпалил:

— Отдайся мне.

— Сейчас? — спросила она. И ее глаза снова округлились.

— Сейчас.

— Ты должен произнести магические слова.

— Какие?

— Фокус-покус.

— Что?

— Тот, кто запрятал меня в бутылку, отличался чувством юмора.

— А... — глупо улыбнулся я. — Клоун, значит.

Она тоже улыбнулась, но ее улыбка не была такой глупой, как моя. Полотенце чуть сползло вниз.

— Фокус-покус, — тяжело дыша, произнес я. — Отдайся мне.

И тут ее глаза цвета виски стали совсем янтарными, и она отки-

нулась на спинку дивана. Волосы заструились по плечам, а полотенце упало на пол.

Я мигом оказался рядом и принялся осыпать ее поцелуями. Ее губы были мягкими и горячими, и все шло так хорошо, как вдруг она стала уменьшаться в размерах.

— Какого черта? — завопил я. Теперь она лежала вся из себя голая размером не больше восьми дюймов.

Она снова улыбнулась — такая хитренькая улыбочка — и опять выросла.

— Ну и что теперь? — поинтересовался я.

Она схватила полотенце.

— Я тебе отдалась, — невинно ответила она.

И тут она заплакала. Я имею в виду, действительно заплакала. Можете себе представить? И, всхлипывая, сказала:

— Это у меня типа защитной реакции. Понимаешь?..

Я ничего не понимал, но ее слезы подействовали на меня.

Она вытерла глаза уголками полотенца и, шмыгнув носом, сказала:

— Ты мне нравишься, Дэнни, на самом деле нравишься. Но я не смогу отдаться, пока... — Тут она снова зарыдала. — Пока рядом со мной не будет бабушка.

Я молчал. Что я вообще мог сказать?

— Бедняжка. Ей так одиноко сейчас. Ее заставили выйти из ее любимой бутылки из-под ликера, и теперь она живет в какой-то дешевой посудине из-под вина в магазине «Шурмер Деликатессен». — Похлопывая своими ресницами, она добавила: — Я знаю, что у нас все будет хорошо, когда мне удастся вызволить оттуда свою бабушку. Ты поможешь мне?

Что мне оставалось делать. Я пошел в «Шурмер Деликатессен» и купил эту бутылку. Я узнал ее по пробке. Джинна сказала, что она должна быть голубого цвета.

Я протянул бутылку Джинне и отвел глаза в сторону, пока она откупоривала ее. Нелепо как-то смотреть, когда оттуда станет вылазить ее голая бабушка.

Я услышал хлопок откупоренной пробки, а затем низкий мужской голос:

— Моя крошка!

А Джинна ответила:

— Гарольд, золотце!

Никакой бабушки там и в помине не было.

По комнате разгуливал здоровенный голый парень, а Джинна висела у него на руке и влюбленно заглядывала в глаза.

Затем она посмотрела на меня и сочувственно сказала:

— Извини, Дэнни. Это, конечно, нечестно, но, думаю, ты поймешь. Мы с Гарольдом любим друг друга.

И этот здоровяк расхохотался. Я сразу мог сказать, что ее любовь не взаимная. В его глазах была только похоть и никакой душевной чистоты.

— Джинна, — воскликнул я. — Ты просто слона. Этот парень тебя не стоит.

Гарольд налил себе в бокал мой бурбон и зажег одну из моих сигарет.

— Как ты не понимаешь, — горячо сказала Джинна, — у нас с Гарольдом душевная близость.

Тут я чуть не взбесился. Надо же, Джинна втрескалась в этого бугая, который накачивается моей выпивкой.

— Фокус-покус, — сказал я Гарольду. — Сгинь отсюда.

Гарольд налил себе еще бурдона, а Джинна сказала:

— Ничего не выйдет. Ведь это я освободила его, а не ты. Так что твои желания не исполнятся.

— Не на такого нарвались, — спокойно ответил я ей. — Фокус-покус. Засади Гарольда обратно в бутылку.

— О-о-о! — запричитала она, но желание мое выполнила.

Гарольд превратился в облачко дыма и залетел обратно в бутылку. Всклипывая, Джинна закупорила бутылку пробкой.

— Джинна, любимая, — пытаюсь утешить ее, сказал я, — не плачь.

Она слегка подернула плечами, и бутылка с Гарольдом принялась раскачиваться на столе. Вдруг она расколослась на две половинки. И опять этот голый здоровяк принялся расхаживать по моей комнате, а Джинна с виноватым видом что-то рассказывала мне про защитную реакцию и про душевную близость.

Это было просто невыносимо. А этот бугай Гарольд нагло лыбил на грудь Джинны. Я посмотрел на Джинну, которая не сводила с Гарольда глаз.

Я понял, что меня может спасти только третье желание.

— Фокус-покус. Полюби меня.

Джинна еще смотрела на Гарольда. Но смотрела так, будто бы перед ней стояло какое-то чудовище или что-то в этом роде. Затем она повернулась ко мне, ее глаза затуманились, и она сказала.

— Дэнни, дорогуша. Гарольд здесь лишний.

— Раз ты так считаешь, — как можно безразличнее ответил я. — Но ведь его бутылка разбилась.

— Он может залезть в мою, — ответила она. — Мне-то бутылка уже не понадобится. — Подойдя к Гарольду, она что-то прошептала ему на ухо. Превратившись в сизый дым, Гарольд исчез в бутылке из-под виски.

— Бедняжка, — сказала Джинна, закупоривая пробку. — Ему там так тесно.

— Ничего. Привыкнет. — Тут я подумал, а не вернуть ли мне

бутылку владельцу «Файв-О-Клок-Клаб». Вот потеха будет, когда вместо красотики перед ним появится этот голый тип.

Но мысли быстро вылетели у меня из головы, когда я увидел, какими влюбленными глазами смотрит на меня Джинна. Сердце бешено заколотилось. Она тихо сказала:

— Я люблю тебя, Дэнни.

И я покорно ответил:

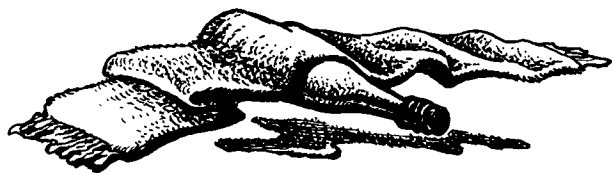
— Я тоже тебя люблю.

— Мой защитный механизм, — хихикнула она. — Ты должен меня любить.

Но я ничуть не возражал.

Я обнял ее одной рукой и поцеловал. А другой рукой я взял бутылку с Гарольдом и выбросил ее в корзину для бумаг.

Джинна мечтательно улыбнулась и сбросила полотенце.

СОДЕРЖАНИЕ

А. ДЭВИДСОН Моря, полные устриц. <i>Перевод с англ. С. Коноплева</i>	5
Г. ДИКСОН Стальной брат. <i>Перевод с англ. Ю. Беловой</i>	14
Д. МАКЛАФЛИН Ястреб среди воробьев. <i>Перевод с англ. С. Коноплева</i>	36
Ф. ХАЙ Учебный поход. <i>Перевод с англ. С. Ирбисова</i>	75
Г. ГАРРИСОН Эскадрилья вампиров. <i>Перевод с англ. Л. Дейч</i>	94
П. АНДЕРСОН Отставание во времени. <i>Перевод с англ. А. Молокина</i> Домой! <i>Перевод с англ. А. Молокина</i> В мире тени. <i>Перевод с англ. А. Молокина</i>	105 135 151
Р. БРЭДБЕРИ Огненные шары. <i>Перевод с англ. С. Ирбисова</i> День Поминовения. <i>Перевод с англ. Л. Терехиной, А. Молокина</i> И не было ни ночи, ни рассвет. <i>Перевод с англ. С. Ирбисова</i>	174 189 195
К. ДЖЕКОБИ Последняя поездка. <i>Перевод с англ. С. Голунова</i>	203
Д. МОРГАН Таков уж я. <i>Перевод с англ. Ю. Беловой</i>	208
Г. КНАЙФЕЛЬ Свет во тьме. <i>Перевод с нем. В. Полуэктова</i>	220
Р. МОРРИС Компьютер. <i>Перевод с англ. А. Сыровой</i>	325
Дж. МОНТАНАРИ Ad maiorem dei gloriam. <i>Перевод с итал. И. Горачина</i>	332
Д. СТЕЙНБЕК Святая дева Кэти. <i>Перевод с англ. А. Сыровой</i>	344
Ж. САКСТОН Элоиза и врачи с планеты Пергамон. <i>Перевод с англ. Л. Терехиной, А. Молокина</i>	352
Д. ВУЛЬФ Рухлядь из кладовой времени. <i>Перевод с англ. Л. Терехиной, А. Молокина</i>	366
Д. КЭРИ Даровые миры. <i>Перевод с англ. Ю. Беловой</i>	375

Э. ТАББ	
Пятьдесят семь секунд. <i>Перевод с англ. С. Коноплева</i>	416
М. КЛИФТОН	
Награда за доблесть. <i>Перевод с англ. Ю. Беловой</i>	426
Р. ПРЕССЛИ	
Кошка на дереве. <i>Перевод с англ. Ю. Беловой</i>	43
Х. ЭЛЛИСОН	
Убийца миров. <i>Перевод с англ. Н. Гузнинова</i>	453
Р. УЭББ	
Девушка с глазами цвета виски. <i>Перевод с англ. С. Коноплева</i>	473

Литературно-художественное издание

ФАТА-МОРГАНА 7

Фантастические рассказы и повести

Составитель

БАРСОВ Сергей Борисович

Редактор **Н. В. Резанова**

Художественный редактор **А. В. Гришин**

Технический редактор **Г. В. Стачева**

Корректоры **Е. А. Кокорина, И. С. Пигулевская**

Подписано к печати 16.03.93. Формат 60х84 ¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная и газетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 27,9. Уч.-изд. л. 31,04. Усл. кр.-отт. 29,29. Тираж 100000 экз. Заказ 3840. С 010.

Набрано и подготовлено к печати в издательстве «Флокс»,
603600, Нижний Новгород, ул. Костина, 20.

Отпечатано в ГИПП «Нижеполиграф»,
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

